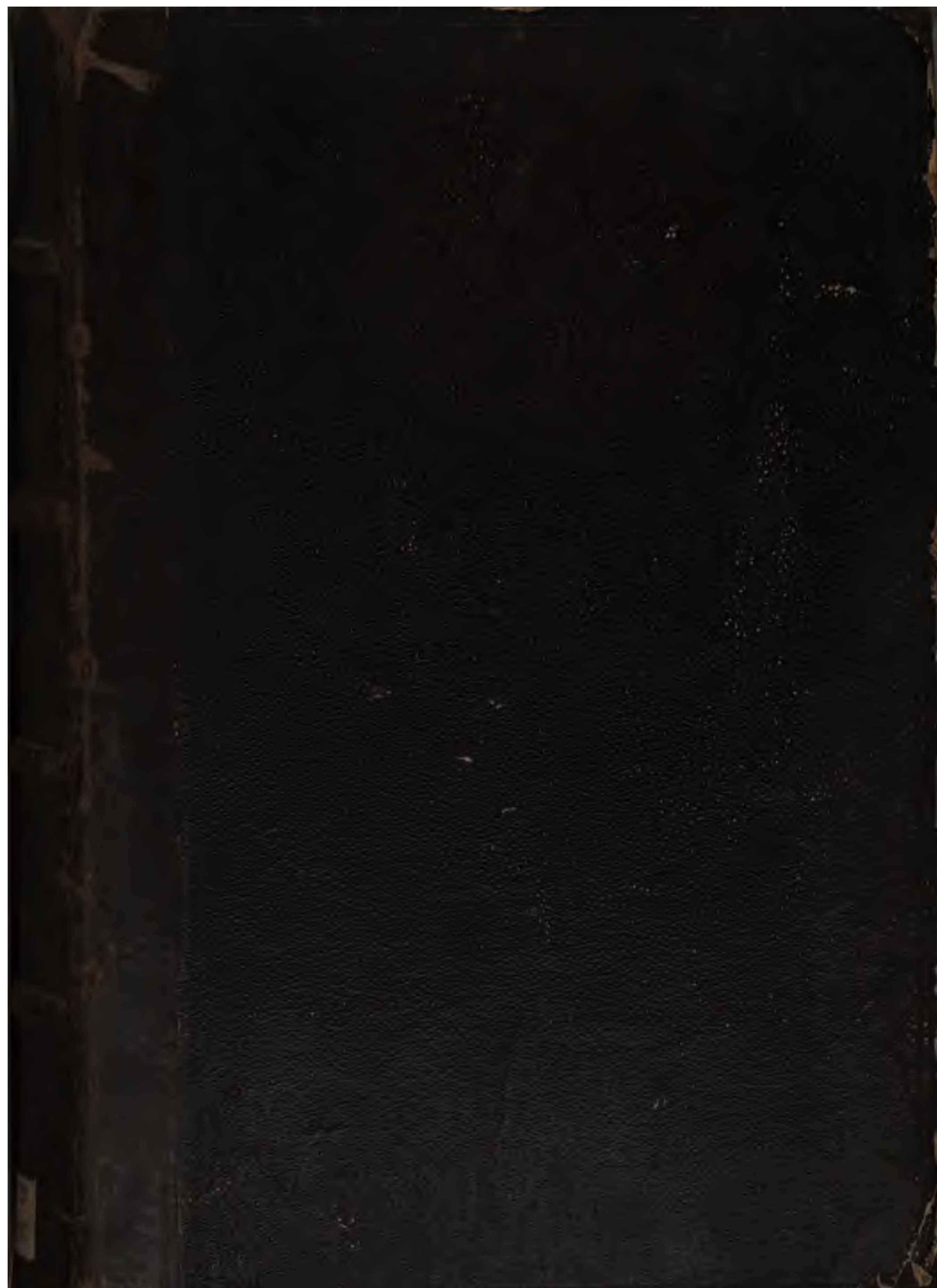
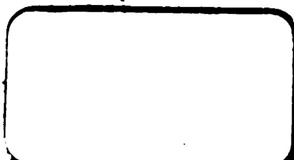

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

Н. Н. МУРАВЬЕВА.

РУССКІЕ НА БОСФОРѢ

ВЪ 1833 ГОДУ.

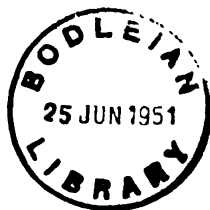
ИЗЪ ЗАПИСОКЪ Н. Н. МУРАВЬЕВА

(КАРССКАГО).

СЪ РИСУНКОМЪ.

Изданіе Чертковской Библіотеки.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ А. И. МАМОНТОВА, БОЛЬШАЯ ДМИТРОВКА, Д. № 7.
1869.

BODLEIAN
25 JUN 1951
LIBRARY

*

Покойный генералъ-адъютантъ Николай Николаевичъ Муравьевъ (Карскій) съ раннихъ лѣтъ постоянно велъ памятныя записки, въ видѣ дневника. Важнѣйшіе эпизоды своей служебной дѣятельности, на основаніи этого дневника, онъ распространялъ потомъ, въ свободное время, въ отдѣльныя большія сочиненія. Таково его «Путешествіе въ Туркменію и Хиву», изданное въ Москвѣ въ 1822 году; таковъ еще не напечатанный обширный трудъ его объ осадѣ Карса въ 1855 году.—Книга, нынѣ издаваемая, также есть распространенный дневникъ. Она была приготовлена къ печати самимъ авторомъ и не вышла въ свѣтъ при его жизни единственно потому, что встрѣтились препятствія внѣшнія. Здѣсь она напечатана съ подлинной рукописи, которая перешла во владѣніе къ зятю его, Г. А. Черткову.

*

ПАМЯТНИКЪ

ПРЕБЫВАНІЯ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ НА ВОСФОРѢ,

(стр. 411 и 655).

ГЛАВА I.

Пребываніе въ Петербургѣ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1832-го года было получено въ Петербургѣ извѣстіе о пораженіи Турокъ подъ Гомсомъ; за симъ слѣдовали тревожныя вѣсти о дальнѣйшихъ успѣхахъ побѣдителей, занятіи Аданы и быстромъ движеніи Ибрагима-паши къ тѣснинамъ Тавра. Столь блистательные успѣхи Египетскаго паши противъ султана предвѣщали въ Оттоманской имперіи переворотъ, который могъ имѣть вліяніе на спокойствіе Европы. Обстоятельства сіи всего болѣе касались Россіи; но прозорливость Государя прежде другихъ постигла послѣдствія, которыя могли произойдти отъ ослабленія Порты, послѣ Адріанопольскаго мира. Его одного, среди совѣтниковъ и окружающихъ вельможъ, озабочивали сіи обстоятельства. Цѣль Его была остановить на первыхъ порахъ быстрые успѣхи паши, впредь до принятія прочнѣйшихъ мѣръ къ сохраненію владычества султана. Онъ одинъ, и вопреки всеобщаго мнѣнія, увидѣлъ необходимость совершенно измѣнить относительно Турціи политическую систему, существовавшую со временъ Петра Великаго.

Находясь въ то время въ Петербургѣ, въ отпуску, я располагалъ уже выѣхать обратно въ Тульчинъ, къ 24-й пѣхотной дивизіи, коей былъ начальникомъ, какъ узналъ отъ графа Бенкендорфа, что выѣздъ мой долженъ отмѣниться, по случаю возлагаемаго на меня Государемъ порученія (по-

дробностей не считалъ онъ себя въ правѣ объяснять) и въ то же время дежурный генералъ увѣдомилъ меня запискою о волѣ Государя, чтобъ я оставался въ Петербургѣ по надобностямъ службы, впредь до особаго назначенія.

Мнѣ желательно было предварительно узнать, какого рода могло быть порученіе, для того чтобы имѣть время изготовиться къ какому-либо внезапному и дальнему путешествію. Военный министръ, у коего я нарочно по сему случаю былъ, повидимому, самъ не зналъ предначертаній Государя, возродившихся, какъ выше сказано, отъ собственныхъ соображеній Его Величества и хранившихся нѣкоторое время въ совершенной тайнѣ. Я могъ только узнать отъ министра, что буду въ сношеніяхъ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, графомъ Нессельроде; отъ графа же Алексѣя Ѳедоровича Орлова, которому, казалось, Государь сообщилъ свою мысль, слышалъ, что порученіе будетъ касаться Востока.

Вскорѣ послѣ того, военный министръ письменно предложилъ мнѣ явиться къ министру иностранныхъ дѣлъ, который объявилъ мнѣ вкратцѣ порученіе Государя, заключавшееся въ передачѣ угрозы отъ имени Его Величества Египетскому пашѣ, дабы тѣмъ остановить быстрые успѣхи его въ военныхъ дѣйствіяхъ. Графъ Нессельроде объяснялъ, что нашествіе Египетскаго паши грозило паденіемъ Турецкой имперіи, коей слабое и разстроенное состояніе было самымъ лучшимъ поручительствомъ спокойствія нашихъ южныхъ границъ, при тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствахъ Европы и предвидѣвшейся всеобщей войнѣ по дѣламъ Бельгіи. «Завоеваніе Турціи Мегмедъ-Али-пашею», говорилъ онъ, «могло бы, съ возведеніемъ новаго лица на престолъ ту«рецкій, возродить новыя силы въ семъ упадающемъ цар«ствѣ и отвлечь вниманіе и силы наши отъ дѣлъ Европы, а «потому Государя особенно занимало удержаніе султана на «колеблющемся престолѣ его».

Кто знаетъ графа Нессельроде, тому извѣстно, сколько че-

ловѣкъ сей нерѣшителенъ; въ подобныхъ разговорахъ онъ всячески устраняетъ отвѣты на дѣлаемыя ему возраженія или вопросы, какъ бы откладывая отзывы свои до другаго раза, и опасаясь дать ихъ, безъ посредничества совѣщателей, отъ которыхъ, по видимому, мнѣнія его зависятъ. Здѣсь правила его были еще болѣе замѣтны; ибо въ разговорѣ не могло укрыться, что онъ, въ семъ случаѣ, былъ единственно исполнителемъ собственныхъ мыслей Государя, коихъ пользы, онъ, казалось, не признавалъ, какъ всякой мѣры рѣшительной, грозящей смутными послѣдствіями.

Сличая рѣчи его со свѣдѣніями, доходившими до меня посторонниымъ образомъ, можно было заключить, что первая мысль Государя была — послать немедленно войска въ помощь султану; но онъ пріостановился въ томъ, какъ по многотрудности экспедиціи, такъ и по неувѣренности, приметъ ли съ удовольствіемъ такое дѣятельное участіе въ дѣлахъ Турціи самъ султанъ, недовѣрчивый къ дружбѣ Государя. Казалось, что мысль объ угрозѣ Мегмедъ-Али-пашѣ была уже послѣдствіемъ сего перваго предположенія; но и къ допущенію сей мѣры нужно было согласить султана, который могъ опасаться, чтобы подъ симъ предлогомъ не скрывались какія-либо тайныя дружественныя сношенія съ Египтомъ, во вредъ Портѣ.

Когда такимъ образомъ объяснилось въ общихъ очеркахъ порученіе мое, графъ Нессельроде спросилъ, приму ли я на себя исполненіе его, и, по изъявленіи готовности моей исполнить волю Государя, онъ сказалъ, что доложитъ о томъ Его Величеству и пришлетъ ко мнѣ вчернѣ написанное наставленіе, чтобъ я могъ сдѣлать на немъ тѣ замѣчанія, которыя сочту нужными, для пополненія или измѣненія нѣкоторыхъ предметовъ.

Меня увѣряли, что дѣло сіе требовало весьма большой поспѣшности; однако же, обѣщанное наставленіе было прислано ко мнѣ только чрезъ нѣсколько дней, съ требованіемъ

скораго отвѣта. Я прочиталъ его; оно было болтливо: наполнено изворотливыми выраженіями, неопредѣлительностями и двусмысленностями, какъ обыкновенно пишутся у насъ дипломатическія бумаги. Сначала заключался, въ сей инструкціи, краткій обзоръ состоянія дѣлъ, далѣе излагались опасенія Двора нашего, чтобы со сверженіемъ султана съ престола не лишиться выгодъ, пріобрѣтенныхъ нами посредствомъ Адріанопольскаго трактата, и чтобы Царь-градъ не сдѣлался пристанищемъ сословія безпокойныхъ людей, изгнанныхъ изъ своего отечества и нашедшихъ пріютъ въ Египтѣ; наконецъ мы опасались сосѣдства могущей возродиться сильной державы, вмѣсто разслабленой Турціи. Въ инструкціи выставлялось выгодное впечатлѣніе, произведенное въ Портѣ вызовомъ изъ Александріи консула нашего Лавизона. Лавизонъ доносилъ, что, при послѣднемъ свиданіи его съ Мегмедомъ-Али, паша выразился въ слѣдующихъ словахъ: «Удаленіе ваше, «безъ сомнѣнія, знаменуетъ дѣйствія Двора, твердаго въ до«говорахъ своихъ и неизмѣннаго въ правилахъ: я опасаюсь, «чтобы Россія не оказала вспомоществованія султану. Всѣ «разсчеты мои чрезъ то разстроятся; тогда бы надобно мнѣ «остановиться; но я увѣренъ, что Дворъ вашъ не отозвалъ «бы консула своего, еслибъ ему извѣстны были успѣхи мои «въ Сиріи».—Мое посольство должно было служить отвѣтомъ; мнѣ вручалось подлинное письмо Государя къ султану. Порученіе мое заключалось въ двухъ предметахъ: во первыхъ, убѣдить султана въ искренности намѣреній нашего Двора, и во вторыхъ, склонить пашу Египетскаго къ миру.

Дѣйствуя по первому предмету, я долженъ былъ, совокупно съ нашимъ посланникомъ при Оттоманской Портѣ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Бутеневымъ, отклонить мысль, которая могла бы возродиться у султана, что мы принимаемъ участіе въ дѣлахъ его, единственно съ намѣреніемъ вмѣшаться въ дѣла Востока; что мы, соревнуя Англичанамъ, у коихъ уже султанъ просилъ пособія, ста-

раемся предупредить ихъ. Между тѣмъ не должно было предлагать ни участія, ни прямыхъ пособій: мнѣ должно было поставить на видъ султану, что Государь, не допуская въ своихъ дѣлахъ участія постороннихъ державъ, не домогается также участія въ дѣлахъ чужихъ, и подтвердить собственныя выраженія Его Величества, помѣщенныя въ письмѣ къ султану, что—Онъ «врагъ возмущенія и вѣрный другъ султана». Это же выраженіе долженъ я былъ передать и пашѣ Египетскому. Мнѣ ставили на видъ, что порученіе мое не состояло въ дипломатическихъ переговорахъ, но что предметомъ его было одно слово Государя, которое, чрезъ посредство мое, должно было поразить пашу и внушить ему благія намѣренія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, поставляли мнѣ въ обязанность—быть умѣреннымъ въ разговорахъ съ пашею, но требовать немедленнаго прекращенія военныхъ дѣйствій на сухомъ пути и на морѣ, чѣмъ единственно могъ онъ изгладить негодованіе Государя на него. Еслибы паша согласился на мои представленія и предложилъ мнѣ посредничество, для примиренія его съ султаномъ, то—не принимать на себя этой обязанности, но склонить его, чтобы онъ прямо обратился къ Портѣ, ибо Государю неприлично было принять на себя посредничество между султаномъ и пашею. Въ семъ случаѣ, цѣль посольства моего была бы уже достигнута, остальное должно было довершиться временемъ. Но еслибы паша сталъ отговариваться отъ исполненія сего, то я обязанъ былъ объявить ему, что, каковы бы ни были успѣхи преступныхъ его намѣреній, рѣшеніе Государя не измѣнится, что даже, еслибы ему и удалось свергнуть султана, то Россія поддержитъ силою оружія права̀, пріобрѣтенныя договорами ея съ Портою.

Мнѣ предписывалось по возможности сократить время пребыванія моего въ Царѣградѣ на пути въ Египетъ, отъ чего зависѣлъ отчасти успѣхъ въ дѣлѣ, и поспѣшить возвращеніемъ въ Константинополь, для увѣдомленія Министерства

Иностранныхъ Дѣлъ о послѣдствіяхъ моего посольства въ Египетъ; наконецъ, каковы бы они ни были, сказано было въ инструкціи, предпринимаемыя мѣры клонились къ убѣжденію всѣхъ, что судьбы Востока не рѣшаются безъ участія Россіи.

Въ концѣ книги находятся копіи съ подлиннаго наставленія, даннаго мнѣ подъ буквою А, съ приложеніемъ донесенія консула Лавизона подъ буквою В.

Перечитывая данное мнѣ наставленіе и вникая въ содержаніе его, я всего болѣе былъ пораженъ ожидаемымъ успѣхомъ отъ угрозы, не поддержанной немедленнымъ отправленіемъ войскъ, о коихъ даже не упоминалось. Паша могъ насмѣяться надъ сею угрозою, и чѣмъ тогда поддержать ее? Догадываясь о цѣли моего порученія, или узнавъ отъ него постороннимъ образомъ, онъ могъ даже и совсѣмъ не принять меня; какое тогда предстояло средство для объявленія ему воли Государя? Другой предметъ также казался мнѣ болѣе чѣмъ страннымъ: въ концѣ инструкціи предписывалось мнѣ въ послѣдней крайности объявить пашѣ, въ ясныхъ и опредѣлительныхъ выраженіяхъ, что еслибъ онъ ниспровергъ и престолъ султана, Россія, непоколебимая защитница правъ своихъ, пріобрѣтенныхъ Адріанопольскимъ трактатомъ съ Портою, силою оружія поддержала бы ихъ противъ всякаго нарушителя. Чтобы оставалось мнѣ дѣлать, еслибъ паша отвѣчалъ мнѣ на сіе, что онъ, съ низверженіемъ султана, счелъ бы обязанностію сохранить во всей силѣ договоръ нашъ съ Портою, и доказалъ бы мнѣ собственными моими словами, что на меня возлагалось защищать не султана, а трактатъ Адріанопольскій? — что̀ было бы совершенно противно всей цѣли посольства; ибо мы въ такомъ случаѣ пріобрѣтали именно то, чего опасались, т. е. вмѣсто султана, сосѣда сильнаго и безпокойнаго. Я записалъ эти два замѣчанія на поляхъ присланной мнѣ инструкціи и отвезъ ее графу Нессельроде, который нашелъ ихъ справедливыми и обѣщалъ исправить сіи статьи.

Графъ Орловъ пользовался тогда большою довѣренностью у Государя; онъ не занималъ какого либо опредѣленнаго мѣста при дворѣ или въ совѣтѣ государственномъ, но принималъ въ то время участіе въ важнѣйшихъ совѣщаніяхъ, по сношеніямъ съ другими дворами, и потому имѣлъ сильное вліяніе въ дѣлахъ. Новыя обстоятельства, которыя ему болѣе были извѣстны, чѣмъ другимъ, сблизили меня съ нимъ; онъ показывалъ много благонамѣренности и готовности быть мнѣ полезнымъ въ предстоявшихъ сношеніяхъ. Я совѣтовался съ нимъ по всѣмъ предметамъ, касавшимся моего посольства.

Полагаю, что онъ сблизился со мною, по государеву приказанію, на которое онъ однакоже никогда не ссылался; но я счелъ нужнымъ предупредить о томъ вице-канцлера Нессельроде, который одобрилъ сношенія мои съ графомъ Орловымъ. Ловкость и обходительность сего царедворца привлекательны; я не могъ никогда себѣ объяснить вполнѣ причинъ, побудившихъ его къ принятію столь близкаго участія во всемъ, что̀ тогда до меня даже лично касалось; но во мнѣ возродилась невольнымъ образомъ мысль, что порученіе сіе было сперва возложено на него и что онъ, уклонившись отъ сего посольства, сомнительнаго въ успѣхѣ и сопряженнаго съ трудами, предложилъ меня Государю, какъ человѣка, болѣе знакомаго съ дѣлами Востока. Я часто видѣлся съ графомъ Орловымъ, жившимъ тогда въ моемъ сосѣдствѣ, и сообщилъ ему мнѣніе свое на счетъ инструкціи; онъ находилъ сужденія мои основательными и требовалъ отъ графа Нессельроде исполненія, по сдѣланнымъ мною замѣчаніямъ. Неменѣе того, когда я изображалъ графу Орлову неопредѣлительность всего порученія, то онъ говорилъ, что самъ не постигаетъ цѣли, и какого можно ожидать отъ исполненія его успѣха, но что на сіе была собственная воля Государя; и такъ графъ Орловъ, въ то время, мнѣніемъ своимъ также не согласовался съ мыслію Государя. Никто не предвидѣлъ тогда важныхъ послѣдствій сего посольства, и всѣ опорочивали мѣру сію.

По волѣ Его Величества и съ распоряженія военнаго министра, былъ назначенъ для состоянія при мнѣ гвардейскаго генеральнаго штаба полковникъ Дюгамель, котораго однакоже снабдили особеннымъ наставленіемъ, опредѣлявшимъ занятія его; а мнѣ велѣно содѣйствовать ему въ исполненіи возложеннаго на него дѣла. Дюгамелю поручалось, на пути изъ Одессы въ Константинополь, собираніе свѣдѣній о положеніи Турецкихъ крѣпостей и о мѣрахъ, принятыхъ для возстановленія ихъ, послѣ заключенія мира съ Портою. Въ Константинополѣ онъ долженъ былъ озаботиться собраніемъ свѣдѣній о состояніи Турецкихъ силъ, какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ. Ему было сказано, что изъ Константинополя онъ будетъ мною отправленъ въ Египетъ сухимъ путемъ, чтобы обозрѣть дѣйствующія силы Турціи, состояніе Сиріи, узнать о духѣ жителей ея и положеніи Египетской арміи. Въ Египтѣ онъ долженъ былъ узнать о морскихъ и сухопутныхъ силахъ Мегмедъ-Али-паши и о способахъ, какіе онъ имѣетъ для продолженія войны;—всѣ сіи свѣдѣнія обязанъ онъ былъ доставить прямо отъ себя военному министру; мнѣ же предоставлялось сообразить данныя ему порученія съ обстоятельствами, такъ чтобы не подвергнуть его очевидной опасности.

Дюгамель былъ человѣкъ весьма образованный и трудолюбивый, но не имѣлъ той опытности, какая потребна въ такихъ случаяхъ; онъ дурно зналъ по-русски, былъ сложенія слабаго и по нелюдимости своей, всего менѣе способенъ къ обхожденію съ Азіятцами и пріобрѣтенію довѣренности, чтò казалось необходимымъ. Служебныя отношенія его ко мнѣ были также весьма двусмысленны, и хотя онъ исполнилъ нѣкоторыя письменныя порученія, мною ему данныя, но въ семъ случаѣ, безъ сомнѣнія, предпочелъ бы я имѣть при себѣ офицера, менѣе образованнаго, но болѣе свыкшагося съ дѣлами и менѣе равнодушнаго къ успѣху главнаго дѣла.

Медленность, съ которою изготовляли поспѣшное отправле-

ніе мое и мѣры къ сему принимаемыя, были причиною распространені: въ Петербургѣ слуха о моемъ выѣздѣ, такъ что многіе спрашивали о моемъ назначеніи съ любопытствомъ, излагая предположенія свои въ безобразномъ видѣ. Въ столицѣ и министерствахъ ничего не можетъ остаться въ тайнѣ, и самыя важныя государственныя дѣла вскорѣ становятся извѣстными; всего болѣе надобно было опасаться отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, наполненнаго иноземцами, коихъ нескромность легко могла отозваться въ Царѣградѣ и Александріи, и тогда я могъ бы лишиться главнаго орудія къ успѣху — внезапности. Наконецъ 3-го числа октября мѣсяца потребовалъ меня къ себѣ Государь.

Государь принялъ меня въ Своемъ кабинетѣ, ласково подвелъ къ окну и спросилъ, достаточно ли въ семъ случаѣ оказываетъ мнѣ довѣренности. Вопросъ сей былъ сдѣланъ, въ изъявленіе расположенія Его, послѣ небольшаго неудовольствія, случившагося въ предыдущемъ мѣсяцѣ на смотру въ Кіевѣ; по пріѣздѣ въ Петербургъ, я не могъ скрыть отъ Него моего огорченія, которое Онъ тогда же устранилъ привѣтливымъ обхожденіемъ. Государь нѣсколько разъ повторилъ мнѣ тотъ же вопросъ и послѣ того спросилъ, довольно ли я читалъ по дѣламъ нашимъ съ Турціею и Египтомъ; потомъ изложилъ мнѣ словесно все содержаніе пересмотрѣнной мною инструкціи, съ твердостію и краснорѣчіемъ, и наконецъ спросилъ, все ли мнѣ вразумительно и не имѣю ли чего спросить у Него лично.

Неумѣстно было бы мнѣ дѣлать возраженія по дѣлу уже рѣшенному, и выставлять противорѣчія, заключавшіяся въ инструкціи и замѣченныя мною уже графу Нессельроде, тѣмъ болѣе, что отъ меня самого зависѣло поправить ихъ; я отвѣчалъ, что постигаю мысль Его, и постараюсь исполнить Его приказаніе; но, имѣя въ виду поддержаніе войсками предположенной угрозы Египетскому пашѣ, я просилъ позволенія изложить мысли свои о средствахъ, казавшихся удоб-

ными для остановленія успѣховъ Египетской арміи, не вводя нашихъ войскъ въ Турецкія владѣнія.

«Какія, какія, говори!» сказалъ Государь.

—Можно склонить Персіянъ къ войнѣ съ Египтянами,— отвѣчалъ я, —и тѣмъ отвлечь вниманіе ихъ отъ Турціи, по крайней мѣрѣ, дать султану время оправиться.

— «У насъ нѣтъ въ правилахъ ссорить между собою сосѣдей своихъ».

— Это не было бы въ видѣ ссоры, Ваше Величество; я полагаю, что Персія, какъ дружественная держава, приняла бы съ признательностію предостереженіе такого рода; ибо нѣтъ сомнѣнія, что Мегмедъ-Али своими побѣдами пріобрѣтетъ сильное вліяніе и на сосѣдственныя области Персіи». Симъ возраженіемъ думалъ я исправить непріятное впечатлѣніе, сдѣланное, казалось мнѣ, на мысли Государя, совѣтомъ, поданнымъ, можетъ быть, некстати.

— «Это справедливо», отвѣчалъ государь, «Аббасъ-Мирза и предлагалъ Мнѣ уже услуги свои, но онъ теперь занятъ въ Хорассанѣ.» Потомъ ,повременивъ нѣсколько и обратившись опять къ посольству моему, Онъ продолжалъ: «Тебѣ Я поручаю дѣло сіе, какъ человѣку, на твердость коего Я совершенно полагаюсь; Я бы не хотѣлъ посылать войскъ и желаю, чтобъ распря ихъ кончилась. Султанъ-Махмудъ корчитъ Петра Великаго, да неудачно........... Мнѣ очень выгодно, чтобъ онъ сидѣлъ на турецкомъ престолѣ. Онъ Мнѣ нынѣ пожаловалъ свой портретъ, за что Я ему крайне благодаренъ», сказалъ Государь, смѣясь и кланяясь въ поясъ. «Султанъ ко Мнѣ очень милостивъ, и Я хочу ему показать Свою дружбу, надобно защитить Константинополь отъ нашествія Мегмедъ-Али. Вся эта война ничто иное, какъ послѣдствіе возмутительнаго духа, овладѣвшаго нынѣ Европою и въ особенности Франціею. Самое завоеваніе Алжира есть дѣйствіе безпокойныхъ головъ, которыя къ тому склонили бѣднаго Карла X-го. Нынѣ онѣ далѣе распространили вліяніе свое и возбу-

дили Египетскую войну. Съ завоеваніемъ Царяграда мы будемъ имѣть въ сосѣдствѣ гнѣздо всѣхъ людей безпріютныхъ, безъ отечества, изгнанныхъ всѣми благоустроенными обществами. Люди сіи не могутъ остаться въ покоѣ; они нынѣ окружаютъ Мегмедъ-Али-пашу, наполняютъ флотъ и армію его. Надобно низвергнуть этотъ новый зародышъ зла и безпорядка, надобно показать вліяніе Мое въ дѣлахъ Востока [1]). Между тѣмъ скажу тебѣ, что впечатлѣнія, произведенныя разглашеніями Египетскаго паши, становятся очень сильны, такъ что Мои Крымскіе Татары, доселѣ всегда спокойные, нынѣ тревожатся; между ними распущены пѣсни съ пророчествами о скоромъ прибытіи Мегмедъ-Али-паши, какъ заступника православныхъ Мусульманъ. Я прежде обходился шестью баталіонами въ Крыму, теперь же этого мало; надобно будетъ усилить тамъ число войскъ».

«Теперь Мнѣ нечего болѣе говорить тебѣ,» продолжалъ Государь, «поѣзжай, любезный Муравьевъ, ты будешь на эскадрѣ нашей въ Архипелагѣ у Рикорда [2]), сообщи ему все твое порученіе. Богъ съ тобою, ты желалъ въ проѣздъ побывать у своего отца?» На этотъ вопросъ Государя, сдѣланный, какъ кажется, по докладу о томъ военнаго министра, котораго я просилъ позволенія съѣздить по пути къ отцу, я отвѣчалъ, что отложу поѣздку сію, если отправленіе мое требуетъ поспѣшности.

— «Отнюдь нѣтъ», возразилъ Государь, «извини меня, что Я тебя употребляю по своимъ дѣламъ, когда ты пріѣзжаешь для своихъ въ отпускъ; но что дѣлать, Мнѣ случилась въ тебѣ нужда, поѣзжай къ отцу, и проведи у него три и даже четыре дня».

---

[1]) Выраженіе сіе помѣщено въ данномъ мнѣ наставленіи.

[2]) Вице-адмиралъ Рикордъ былъ тогда командиромъ Балтійской эскадры, находившейся, въ силу Лондонскаго договора, въ Греческихъ водахъ, вмѣстѣ съ Англійскою и Французскою эскадрами.

Потомъ, обратясь опять къ моему посольству, онъ продолжалъ: «Помни же, какъ можно болѣе вселять Турецкому султану довѣренности, а Египетскому пашѣ страху; Я еще хотѣлъ тебѣ сообщить одну вещь, которую ты долженъ хранить въ большой тайнѣ; когда у Меня былъ, послѣ войны, съ посольствомъ Галиль-паша, Мнѣ казалось изъ словъ его, что султанъ склоненъ къ принятію, въ случаѣ крайности, христіанской вѣры. Не говорю тебѣ о томъ, какъ о вещи рѣшенной; но Мнѣ такъ казалось, и предваряю тебя на случай, еслибъ ты въ разговорахъ съ султаномъ услышалъ, или замѣтилъ что либо подобное [1]). Наконецъ еслибъ онъ былъ изгнанъ изъ своего царства, то онъ найдетъ у Меня пріютъ.—Будь простъ къ обхожденіи, отъ сего зависитъ успѣхъ дѣла, ты тогда получишь доверенность султана и угрозишь пашѣ. Ты знаешь по турецки, это тебѣ много поможетъ. Конечно, трудно получить согласіе султана на участіе Мое въ дѣлахъ его. Мнѣ также предлагали постороннее участіе, когда Польша взбунтовалась; но Я не принялъ ничьихъ предложеній, и Самъ управился. Если султанъ будетъ въ крайности, онъ, можетъ быть, и согласится на примиреніе, чего бы Я однакожъ на его мѣстѣ не сдѣлалъ; въ такомъ случаѣ избѣгай посредничества. Мнѣ недавно писалъ князь Эриванскій, что нынѣ, можетъ быть, настало время Турецкой имперіи раздѣлиться на два царства.»

— Вашему Величеству вѣрно не угодно входить въ разбирательство ихъ ссоры, и мнѣ не для чего будетъ въ дѣло сіе вмѣшиваться?

---

[1]) По возвращеніи моемъ изъ Турціи, я замѣтилъ, что Государь измѣнилъ свой образъ мыслей на сей счетъ; обращеніе султана въ христіанство казалось Ему дѣломъ несбыточнымъ и даже недоступнымъ. Причиною такого измѣненія въ мысляхъ были, какъ казалось, внушенія царедворцевъ равнодушныхъ къ столь великому дѣлу, или самого графа N.. готоваго отклонить всякое дѣло, сопряженное съ затрудненіями, сомнительное въ успѣхахъ или мало занимающее его.

— «Нисколько; дѣло ихъ, а Мнѣ все равно, даже еслибъ Египетскому пашѣ была уступлена вся Сирія».

Я еще спросилъ Государя, долженъ ли я отыскивать Мегмедъ-Али-пашу, и съѣздить къ нему, еслибъ его не было въ Александріи, или въ случаѣ, еслибъ онъ отъѣхалъ въ армію къ Ибрагимъ-пашѣ?

— «Всеконечно», отвѣчалъ Государь, «поѣзжай съ Богомъ, берегись чумы, молись Богу, Богъ тебя благословитъ, прощай, любезный Муравьевъ», и отпустилъ меня.

Милостивый пріемъ Государя возбудилъ во мнѣ ревностное желаніе исполнить съ точностію велѣніе Его. Я вышелъ отъ Него съ намѣреніемъ преодолѣть всѣ препятствія, представлявшіяся мнѣ въ Петербургѣ въ сношеніяхъ съ лицами, отъ коихъ я получалъ неполныя и двусмысленныя наставленія, какъ и тѣ, которыя меня ожидали въ Царѣградѣ и Египтѣ, принявъ въ руководство единственно слова, произнесенныя Государемъ при свиданіи моемъ съ Нимъ.

1-го числа ноября мѣсяца я получилъ инструкцію и запечатанное письмо отъ Государя къ султану (смотри въ приложеніи подъ буквою С, копію съ письма сего и копію съ инструкціи, данной дѣйствительному статскому совѣтнику Бутеневу подъ буквою D) и дополненіе къ инструкціи отъ графа Нессельроде, въ коемъ сказано было, что въ случаѣ еслибы султанъ, не довѣряя искренности намѣреній Государя, изъявилъ желаніе, чтобы посольство мое не имѣло дальнѣйшаго хода, то я долженъ былъ возвратиться въ Петербургъ, причемъ возлагалось на Бутенева письменно увѣдомить Египетскаго пашу о рѣшеніи Государя. Въ другомъ случаѣ, еслибы султанъ, убѣдившись въ выгодахъ, предстоявшихъ ему отъ моего посольства, самъ пожелалъ соучаствовать въ успѣхѣ и поручилъ бы мнѣ отъ имени своего предложить пашѣ миръ, то Государь находилъ лучшимъ, чтобы предложенія сіи были доставлены къ пашѣ не мною, а посланнымъ отъ султана со мною нарочнымъ чи-

новникомъ, котораго я долженъ былъ поддерживать въ Александріи. Дополненіе сіе было сдѣлано въ слѣдствіе предшествовавшихъ разговоровъ съ графомъ Нессельроде и моихъ возраженій (копія съ него прилагается у сего подъ буквою E). Въ послѣдствіе же сдѣланныхъ мною спросовъ на черновой инструкціи, какъ поступить въ случаѣ, еслибъ Египетскій паша меня не принялъ, графъ Нессельдоре приложилъ при письмѣ ко мнѣ (значущемся въ копіи подъ буквою F), проектъ декларацін, которую я обязывался послать къ пашѣ. (Смотри приложеніе подъ буквою G).

Содержаніе сей декларацін было почти одинаковое съ тѣмъ, что мнѣ поручалось объявить ему изустно, но въ выраженіяхъ гораздо умѣреннѣе.

Изъ прилагаемой въ копіи подъ буквою H. депеши отъ графа Нессельроде къ Бутеневу видно также, что на него возлагалось, въ случаѣ надобности, письменно удостовѣрить Египетскаго пашу въ томъ, что я имѣлъ къ нему особенную порученность отъ Государя. Мѣра сія была необходима, чтобы не дать пашѣ повода къ непризнанію возложеннаго на меня званія.

Изо изъ всѣхъ приложенныхъ у сего бумагъ легко усматривается, что Министерство Иностранныхъ Дѣлъ совершенно устраняло себя отъ какого либо оффиціальнаго участія въ семъ дѣлѣ и не принимало на себя никакихъ съ пашею письменныхъ сношеній, коими бы я признавался довѣреннымъ лицемъ Его Величества. Самую декларацію должно было подписать мнѣ, какъ бы во избѣжаніе отказа со стороны паши, на имя министерства, или во избѣжаніе послѣдствій отъ предвидившейся неудачи, которыхъ никто на себя не хотѣлъ принять.

Мысль о проектѣ декларацін, въ случаѣ предвидѣннаго мною отказа въ пріемѣ меня, была, кажется, графа Орлова; выраженія же ея смягчены, вѣроятно, по предположенію графа Нессельроде, всего болѣе опасающагося послѣдствій.

Однако въ главной инструкціи не измѣнили ничего, касающагося до Адріанопольскаго трактата. Увидѣвъ, что сдѣланныя мною замѣчанія по сему предмету не имѣли успѣха въ министерствѣ, я поѣхалъ къ графу Нессельроде, и просилъ его вторично объясненія на сей счетъ. Онъ отвѣчалъ, что хотя замѣчаніе мое справедливо, но такъ какъ инструкція была уже читана и утверждена Государемъ, то онъ и не смѣлъ что-либо перемѣнить въ ней.

Въ другомъ случаѣ и отъ другаго лица, такой отвѣтъ счелъ бы я изворотомъ, но тутъ онъ заключалъ совершенную истину. Не менѣе того, я полагалъ себя обязаннымъ сказать графу Нессельроде, что Мегмедъ-Али перетолкуетъ выраженія сіи въ свою пользу и тѣмъ поставитъ меня въ затруднительное положеніе.

«Въ такомъ случаѣ,» сказалъ графъ Нессельроде, «руководствуйтесь содержаніемъ декларація» (въ которой не упоминалось объ Адріанопольскомъ трактатѣ).—Я возразилъ, что декларація слабѣе инструкціи. —«Мы вамъ это письменно дополнимъ, если вы того желаете,» отвѣчалъ графъ Нессельроде. Но видя безполезность настояній моихъ и не ожидая болѣе обстоятельнѣйшихъ наставленій, я прекратилъ свои требованія.

Для успѣха самаго дѣла, полезнѣе дополнительныхъ наставленій было конечно то, чтобы мнѣ скорѣе выѣхать и поразить, сколько возможно было, пашу внезапностію моего прибытія; но при такихъ сомнительныхъ надеждахъ въ успѣхѣ, мнѣ нужно было, по крайней мѣрѣ, опредѣлительно знать, на чемъ останавливалось данное мнѣ порученіе, и когда можно считать его конченнымъ; а потому, обратившись еще разъ къ графу Орлову, какъ къ человѣку, казавшемуся благонамѣреннѣе прочихъ, я объяснилъ ему мысль мою и просилъ мнѣнія. Подумавъ нѣсколько, онъ отвѣчалъ: что, безъ сомнѣнія нельзя было ручаться за успѣхъ, но что я долженъ былъ считать дѣло свое конченнымъ, когда вы-

говорю пашѣ все приказанное Государемъ и написанное въ наставленіи, каковы бы ни были послѣдствія. — «И такъ,» сказалъ я, «въ семъ случаѣ усматриваю единственно призывъ къ смѣлости моей; хотятъ взрыва въ Александріи, паша услышитъ отъ меня посланную къ нему угрозу, воля Государя будетъ исполнена и довѣренность его оправдана; послѣдствія отъ меня независимы.»

Я занялся приготовленіемъ къ скорѣйшему выѣзду изъ Петербурга, но графъ Нессельроде просилъ меня еще заѣхать къ министру правосудія Д—ву, который около 1818 года, имѣвъ порученіе осмотрѣть всѣ наши консульства въ Левантѣ, былъ тогда въ Египтѣ, познакомился съ Мегмедъ-Али-пашею и могъ, по мнѣнію графа Нессельроде, сообщить мнѣ занимательныя свѣдѣнія о томъ краѣ и лицѣ, съ которымъ я долженъ былъ вступить въ сношеніе. Я исполнилъ желаніе его и, къ удивленію, нашелъ совершенно не то, чего ожидалъ. Я полагалъ, что Д—въ уже въ подробности знаетъ цѣль моего посольства; напротивъ того, оказалось что встрѣтившись на прогулкѣ съ графомъ Нессельроде, послѣдній сообщилъ ему, въ разсѣянности, о моей поѣздкѣ, какъ о новости того дня, тогда когда дѣло сіе должно было храниться въ тайнѣ.

Д—въ, вмѣсто переданія мнѣ свѣдѣній, любопытствовалъ узнать о подробностяхъ и приказаніяхъ Государя, которыхъ я не считалъ себя вправѣ ему объяснять. Не менѣе того, замѣтивъ изъ общаго разговора, въ чемъ дѣло состояло, онъ сталъ удивляться обороту его и утверждалъ, что не постигалъ цѣли и не предвидѣлъ никакого успѣха, считая даже исполненіе сего почти невозможнымъ. Не видя препятствій въ переданіи пашѣ угрозъ, посланныхъ Государемъ, я опровергалъ мнѣнія его и отвлекалъ, сколько возможно, разговоръ о предметѣ, столь щекотливомъ, особливо когда дѣло коснулось о посредничествѣ, которое онъ считалъ необходимымъ возложить на меня. Но завлеченный непо-

мѣрнымъ самолюбіемъ, по коему Д—въ извѣстенъ, онъ скоро обратился къ разсказамъ произшествій, съ нимъ случившихся во время путешествія его, и предавшись повѣствованіямъ, которыя полагалъ для меня поучительными, уклонился отъ предмета своего любопытства, по коему впрочемъ онъ не получилъ отъ меня опредѣлительныхъ отвѣтовъ. Не имѣя много времени для посвященія сему безполезному разговору, я, при удобномъ случаѣ, разстался съ Д—ымъ, удивляясь вѣтренному поступку графа Нессельроде. Я сообщилъ случай сей графу Орлову, который нашелъ его весьма страннымъ, но въ осторожность мнѣ, онъ дружески предупредилъ меня о пріязненныхъ сношеніяхъ Д—ва съ Бутеневымъ.

Въ кругу высшихъ властей начинали уже говорить о моей поѣздкѣ, и всякій считалъ себя обязаннымъ снабдить меня совѣтомъ, хотя въ дѣлѣ еще мало извѣстномъ. Военный министръ, графъ Чернышевъ, ставилъ мнѣ въ примѣръ французскаго генерала Себастіани, способствовавшаго совѣтами своими къ оборонѣ Константинополя противъ Англичанъ; я могъ дѣйствовать, по мнѣнію его, въ томъ же смыслѣ, чтобы поддержать упадающее царство султана. По легкимъ сужденіямъ ихъ, казалось, что мнѣ предстояло только принять на себя начальство надъ турецкою арміею противъ Ибрагимъ-паши. Даже дежурный генералъ Клейнмихель, отъ котораго зависѣло снабженіе меня подорожною, совѣтовалъ мнѣ, при прощаньи: «вцѣпиться обѣими руками въ бороду Мегмедъ-Али-паши.»

Слѣдуя изустнымъ наставленіямъ графа Нессельроде, я долженъ былъ: во первыхъ, при выѣздѣ изъ Константинополя въ Египетъ, взять у нашего посланника Бутенева драгомана, и даже, еслибы счелъ нужнымъ, бывшаго нашего консула Лавизона, коему Мегмедъ-Али былъ довольно извѣстенъ и который тогда находился въ Царѣградѣ; во вторыхъ, еслибъ паша пожелалъ отправить къ султану чинов-

ника, я могъ привезти его, на обратномъ пути своемъ, въ той надеждѣ, что мѣра сія, хотя и не заключала въ себѣ еще поручительства въ примиреніи, остановила бы на время военныя дѣйствія, и дала бы возможность султану оправиться; въ третьихъ, мнѣ не должно было принимать отъ паши письма на имя Государя, но можно было принять отъ него письмо къ графу Нессельроде; въ четвертыхъ, я могъ, въ случаѣ надобности, на обратномъ пути изъ Константинополя, съѣздить въ Малую Азію—къ Турецкой арміи; и наконецъ, мнѣ предоставлялось также требовать отъ Бутенева экстраординарной суммы на непредвидимыя надобности.

Кромѣ того, графъ Нессельроде сообщилъ мнѣ, что, въ недавнемъ времени, было захвачено Египтянами одно купеческое судно, подъ русскимъ флагомъ, и что вице-адмиралу Рикорду приказано было требовать возвращенія сего судна; въ случаѣ же отказа со стороны паши, схватить первое Египетское судно, которое бы ему попалось. По словамъ его, изготовлялись въ Черноморскомъ флотѣ для поѣздки моей пароходъ и фрегатъ, но я не имѣлъ ни отъ кого положительнаго свѣдѣнія о сихъ судахъ; почему, съѣздивъ къ бывшему начальнику морскаго штаба, князю Меншикову, извѣстился, что объ изготовленіи сихъ судовъ предписано было командиру Черноморскаго флота, адмиралу Грейгу, съ тѣмъ, что ежели, по позднему времени, неудобно будетъ симъ судамъ дожидаться на Одесскомъ рейдѣ, то избралъ бы имъ другое якорное мѣсто. Адмиралъ Грейгъ долженъ былъ меня увѣдомить въ Тульчинъ съ нарочнымъ о мѣстѣ, гдѣ суда дожидались. Вице-адмиралу же Рикорду предписывалось употребить всѣ способы къ содѣйствію мнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ князь Меншиковъ просилъ меня взять съ собою состоящаго при немъ капитанъ-лейтенанта Серебрякова; испросивъ на то Высочайшее соизволеніе, онъ назначилъ его въ мое распоряженіе и послалъ 3-го ноября въ Николаевъ и Севастополь, для ускоренія дѣлаемыхъ приготовленій.

Серебряковъ, родомъ крымскій Армянинъ, былъ довѣреннымъ лицомъ Меншикова, но не въ важныхъ порученіяхъ службы. Въ послѣдствіи я узналъ его. Какъ морской офицеръ, онъ былъ весьма мало уваженъ, по совершенному невѣжеству и малой опытности; какъ сослуживца, его никто не любилъ; онъ былъ искателенъ у начальства, расторопенъ въ разъисканіяхъ, проворенъ въ порученностяхъ, но корыстолюбивъ и всего менѣе способенъ къ занятіямъ, соотвѣтственнымъ званію его. Назначеніе сіе было сдѣлано, какъ казалось, по личнымъ видамъ князя Меншикова съ тѣмъ, чтобы Серебряковъ занималъ мѣсто посредника въ сношеніяхъ моихъ съ морскимъ вѣдомствомъ; ему желательно также было симъ случаемъ доставить подчиненному своему награжденіе, и я долженъ былъ принять Серебрякова, не взирая на то, что мнѣ въ немъ не предстояло никакой надобности.

До выѣзда моего изъ Петербурга, я былъ зачисленъ по арміи, а на мѣсто мое былъ назначенъ другой начальникъ дивизіи.

ГЛАВА II.

Выѣздъ изъ Петербурга и пребываніе въ Царѣградѣ.

Настоящіе слухи о моемъ посольствѣ начинали уже распространяться въ Петербургѣ; но въ мало-свѣдущемъ кругу заключали розно: одни говорили, что я буду предводительствовать дессантомъ, который пойдетъ въ Сирію чрезъ Анатолію; другіе назначали меня главнокомандующимъ турецкою арміей; нѣкоторые думали, что отправляюсь въ Грузію; наконецъ иные полагали, что ѣду для принятія начальства въ Греціи, до прибытія короля Оттона.

Путь мой лежалъ черезъ Тверь, откуда я располагалъ ѣхать проселочными дорогами до деревни отца моего и опять выѣхать на большую дорогу въ Гжатскѣ. Въ намѣреніи скрыть направленіе мое отъ всеобщаго свѣдѣнія въ Петербургѣ, я взялъ одну подорожную до г. Твери, а другую въ Тульчинъ, и на заставѣ предъявилъ только первую, такъ что, по печатнымъ объявленіямъ о выѣхавшихъ изъ города, любопытные не могли сдѣлать никакого правильнаго заключенія о настоящемъ направленіи моего путешествія.

Выѣхавъ изъ Петербурга 5-го ноября въ полночь, я прибылъ 22-го числа въ Тульчинъ, гдѣ занялся сдачею дивизіи. Намѣреніе мое было отплыть изъ Одессы, а потому я еще изъ Петербурга послалъ чрезъ Серебрякова къ адмиралу Грейгу письмо, коимъ просилъ его отправить суда въ Одессу.

Въ Тульчинѣ я получилъ отъ адмирала Грейга увѣдомленіе, что изъ числа изготовленныхъ для меня судовъ пароходъ «Метеоръ» будетъ немедленно направленъ изъ Николаева въ Одессу, а фрегатъ «Штандартъ», находившійся въ Севастополѣ, по моему требованію, будетъ посланъ въ Царьградъ, но, вслѣдъ за симъ, Серебряковъ увѣдомилъ меня, что, по сдѣлавшимся внезапно морозамъ, пароходъ въ Бугѣ замерзъ.

Желая, для выигранія времени, миновать Севастополь, я послалъ нарочнаго къ графу Воронцову, прося его снабдить меня, для скорѣйшаго отплытія, однимъ изъ пароходовъ, находившихся въ его распоряженіи и, окончивъ занятія свои въ Тульчинѣ, 26-го числа выѣхалъ оттуда съ адъютантомъ моимъ, поручикомъ Харнскимъ.—Въ Одессу я прибылъ 28-го. Графъ Воронцовъ предлагалъ мнѣ пароходъ «Неву», но на немъ была разобрана машина, и прежде десяти дней нельзя было привести ее въ порядокъ, почему я рѣшился ѣхать сухимъ путемъ въ Севастополь, чтобы оттуда отправиться на фрегатѣ.

Въ проѣздъ чрезъ Николаевъ, я былъ у адмирала Грейга, къ которому въ тотъ же день пріѣхалъ курьеръ отъ графа Нессельроде, съ копіею почти всего моего отправленія и съ дубликатомъ депеши, посланной сухимъ путемъ къ Бутеневу отъ 24-го ноября. Въ бумагѣ сей къ Бутеневу, писанной уже послѣ отправленія моего изъ Петербурга, значилось, что, еслибъ султанъ, находясь въ тѣсныхъ обстоятельствахъ, сталъ просить нашего вспоможенія, то Бутеневу предоставлялось требовать отъ адмирала Грейга немедленнаго отправленія одной половины Черноморскаго флота, которой приказано было вооружиться и изготовиться къ походу; но Бутеневу воспрещалось предлагать сіе пособіе султану, а только предупредить его о готовности эскадры, состоявшей изъ пяти кораблей и четырехъ фрегатовъ. Поводомъ тому служили послѣднія извѣстія, полученныя въ Петербургѣ, о переходѣ Ибрагимъ-паши чрезъ Таврскія горы и приближеніи его къ

Коніи. Изъ сего видно было, съ какою готовностію Государь располагалъ принять участіе въ дѣлахъ Турціи. (См. приложеніе подъ буквою J.).

Посланный къ адмиралу Грейгу дубликатъ предписывалось ему отправить къ Бутеневу съ нарочнымъ пароходомъ, чтобы съ тѣмъ же судномъ получить и отъ Бутенева извѣстіе о состояніи дѣлъ, или могущей представиться надобности во флотѣ. Другая эскадра такой же силы имѣла изготовиться для слѣдованія на подкрѣпленіе первой. Бывшій тогда начальникъ штаба Черноморскаго флота, контръ-адмиралъ Лазаревъ, назначался для командованія первою эскадрой. Онъ долженъ былъ плыть въ Дардапеллы, но не выходить въ Архипелагъ; въ случаѣ же, еслибъ египетскій флотъ вступилъ въ дѣло съ Турками, то принять участіе въ сраженіи и поразить Египтянъ. Предположительныя мѣры сіи были основаны на извѣстіи, сообщенномъ Бутеневымъ, что турецкій флотъ принужденъ былъ уклониться къ Дарданелламъ: почему и думали, что оный пострадалъ отъ Египтянъ. По предшествовавшимъ распоряженіямъ, вѣроятно основаннымъ еще на первыхъ извѣстіяхъ, Лазаревъ уже находился въ Севастополѣ для вооруженія флота.

Въ случаѣ, еслибъ у адмирала Грейга не находилось пароходовъ, онъ долженъ былъ отослать всѣ дубликаты обратно въ Петербургъ и просить графа Воронцова объ отправленіи въ распоряженіе Бутенева. одного изъ своихъ пароходовъ. Разсчитавъ, что бумаги сіи могутъ поспѣть со мною скорѣе, чѣмъ подлинныя, посланныя съ фельдъегеремъ сухимъ путемъ изъ Петербурга, я взялъ ихъ съ собою для доставленія Бутеневу. Прибывъ въ Севастополь 3-го числа декабря мѣсяца, вечеромъ, я не остановился въ городѣ, а переѣхалъ прямо съ пристани на фрегатъ, коего командиромъ былъ капитанъ-лейтенантъ Щербачевъ. Фрегатъ былъ вооруженъ 44-мя пушками; между офицерами замѣчателенъ былъ по образованію, дѣятельности и опытности въ морскомъ

дѣлѣ старшій лейтенантъ Ѳеопемптъ Степановичъ Лутковскій, ходившій два раза кругомъ свѣта.

4-го числа декабря я занялся отправленіемъ писемъ къ графамъ Нессельроду, Чернышеву, Орлову и князю Меншикову. Перваго я извѣщалъ о носившемся въ Севастополѣ слухѣ, будто Французы разбили эскадру адмирала Рикорда, потопили изъ нея два судна и взяли въ плѣнъ самого адмирала; но вмѣстѣ съ тѣмъ, для успокоенія Нессельрода, я увѣдомлялъ объ источникахъ слуха сего, мною изслѣдованныхъ, по коимъ видно было, сколь мало заслуживали они вѣроятія. Слухи сіи были привезены Ѳеодосійскимъ жителемъ, выѣхавшимъ 3-го ноября изъ Царяграда, куда ожидали будто прибытія изъ Архипелага эскарды Рикорда, и гдѣ говорили также, что Идріоты, Спеціоты и вообще всѣ Греки, недовольные Турецкимъ правительствомъ, вступили въ спошенія съ Ибрагимъ-пашею. Сіе же самое сообщалъ я и военному министру съ прибавленіемъ моихъ соображеній на счетъ Босфора и Геллеспонта: еслибы, при постоянныхъ успѣхахъ Ибрагимъ-паши, Турецкія войска, пораженныя страхомъ, уклонились къ проливамъ, вѣроятно въ безпорядкѣ, тогда укрѣпленія, защищающія ихъ съ восточныхъ береговъ, неминуемо пали бы въ руки Египтянъ, и многочисленная артиллерія, въ нихъ находящаяся, стала бы препятствовать свободному плаванію судовъ. Засимъ я объяснилъ также предположеніе мое совѣтовать Турецкому правительству, чтобъ оно не теряло изъ вида своевременнаго обезоруженія сихъ укрѣпленій, чего уже нельзя было бы сдѣлать послѣ всеобщаго пораженія; но полагалъ впрочемъ что не должно было спѣшить приведеніемъ мѣры сей въ исполненіе, дабы не ослабить духа въ войскахъ султана, а приступить къ оной съ осторожностію, въ особенности, чтобъ не возбудить въ Турецкомъ правительствѣ подозрѣнія противъ какихъ-либо видовъ съ нашей стороны; и наконецъ графу Орлову, который показывалъ всѣ мои письма Го-

сударю, я писалъ все и гораздо подробнѣе, увѣдомивъ его также о броженіи умовъ въ Крыму, о молвѣ, пѣсняхъ и пророчествахъ, распущенныхъ между Крымскими Татарами, о скоромъ прибытіи къ нимъ Египетскаго паши и объ открытомъ у нихъ какомъ-то заготовленіи пороха, о коемъ я слышалъ на станціяхъ и отъ постороннихъ лицъ. Послѣднее извѣстіе, кажется, было основательно и имѣлось въ виду у мѣстнаго начальства. Мнѣ неизвѣстно, сокрыто ли оно было отъ Государя, или доведено до свѣдѣнія Его, и въ какомъ видѣ обнаружено; я писалъ о семъ единственно, какъ о народныхъ слухахъ.

5-го числа, поутру, я отплылъ съ Севастопольскаго рейда. 6-го мы праздновали на фрегатѣ тезоименитство Государя. Вѣтеръ былъ способный, и 7-го числа намъ открылись берега Анатоліи и Румиліи; но вѣтеръ перемѣнился, и мы принуждены были лавировать въ виду Босфора.

8-го декабря, подходя къ проливу, мы увидѣли на водѣ человѣческій трупъ, весь покрытый клевавшими его чайками. По носившимся слухамъ о существовавшихъ безпокойствахъ въ народѣ, и по неизвѣстности происходившаго въ Царѣградѣ, нѣкоторымъ пришло на мысль, что трупъ сей могъ служить поводомъ къ предположенію, что въ столицѣ султана случились какіе-либо безпорядки и казни. Слухи, распространившіеся въ Севастополѣ, казались неосновательными; но, будучи въ неизвѣстности о дальнѣйшихъ успѣхахъ Ибрагимъ-паши, который могъ уже быть близь Константинополя, я желалъ имѣть предварительныя свѣдѣнія о состояніи дѣлъ. Замѣтивъ, что изъ пролива выходило нѣсколько обывательскихъ лодокъ подъ парусами, я приказалъ остановить одну изъ нихъ; въ ней было до десяти человѣкъ жителей Анатольскихъ береговъ, отвезшихъ, по обыкновенію, произведенія свои для продажи въ Царьградъ и возвращавшихся домой. Они неохотно распространялись въ разговорахъ о состояніи дѣлъ; но между прочимъ сказали о

носившемся будто слухѣ (вѣроятно ложномъ, съ намѣреніемъ отвѣчать въ нашемъ духѣ), что Мегмедъ-Али-паша прислалъ къ султану посланника съ повинною. Султанъ жилъ въ загородномъ домѣ. И такъ, въ Царѣградѣ все было тихо: при въѣздѣ въ проливъ, мы не могли ожидать встрѣчи ядрами.

Того же дня, передъ вечеромъ, мы открыли крѣпость Килію, что̀ на Европейскомъ берегу; по наступленіи темноты, замѣтны были издали дурно горѣвшіе маяки, при верховьяхъ пролива; но, по малой извѣстности береговъ, мы не рѣшились войдти ночью въ Босфоръ, ибо жители часто зажигаютъ огни по берегу, чтобы обманомъ навести на мели и камни суда и, по крушеніи оныхъ, воспользоваться выбрасываемымъ на берегъ грузомъ. Мы лавировали всю ночь съ 8-го на 9-е число, и 9-го передъ вечеромъ вошли въ проливъ. Вѣтеръ былъ противный, и отъ того, лавируя въ тѣсномъ мѣстѣ, мы весьма мало подвигались. Любопытно было зрѣлище красивыхъ береговъ Европы и Азіи, съ Турецкими за̀мками и баттареями, построенными на всѣхъ мысахъ. Малочисленные гарнизоны за̀мковъ, состоящіе изъ Турецкихъ регулярныхъ войскъ, въ первый разъ мною видѣнныхъ, собирались небольшими толпами смотрѣть на фрегатъ нашъ и слушать музыку, которая играла у насъ на палубѣ.

Ночь застала насъ противъ прелестныхъ развалинъ Генуэзскаго замка, что̀ на Азійскомъ берегу, недалеко отъ горы Исполиновъ [1]). Впереди нась было самое узкое мѣсто пролива, окраеннаго утесами; а потому капитанъ судна рѣшился тутъ бросить якорь, не доходя пяти верстъ до дома нашего посланника Бутенева, что̀ въ заливѣ Беюгъ-Дерэ. Желая скорѣе видѣться съ нимъ, я сѣлъ въ гребное судно, приказалъ на всякій случай матросамъ взять съ собою

[1]) Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, вершины сей горы — иначе Горы Великановъ — бѣлѣлись уже подъ палатками нашихъ войскъ.

наши ружья, и отправился въ Беюгъ-Дерэ. У пристани стояли два военныхъ судна—«Люгеръ» и «Транспортъ». Одно изъ нихъ постоянно находится въ распоряженіи посланника, а другое зашло въ проливъ по какому-то порученію или нечаянно и, за встрѣтившимися починками, осталось зимовать. Это часто случается съ нашими военными судами, откомандировывающимися съ временными порученіями въ Царьградъ; и причиною тому выгодное содержаніе, получаемое морскими офицерами за границею. На берегъ вышелъ я неожиданно, и безъ предваренія пошелъ къ Бутеневу, гдѣ засталъ прусскаго повѣреннаго въ дѣлахъ — барона Мертенса, который вскорѣ вышелъ. Въ послѣдствіи я узналъ, что извѣстіе о моемъ прибытіи, на другой день, уже вездѣ огласилось, съ многоразличными заключеніями о моемъ порученіи, отчасти подходящими къ истинѣ. Я вручилъ Бутеневу имѣвшіяся у меня на имя его бумаги и, между прочими, дубликатъ, полученный мною отъ адмирала Грейга. Подлинная депеша еще не была получена сухимъ путемъ, и Бутеневъ ожидалъ ея только черезъ пять или шесть дней.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію совѣщаній нашихъ съ Бутеневымъ, считаю нужнымъ упомянуть о семъ лицѣ, принявшемъ дѣятельное и полезное участіе въ тогдашнихъ дѣлахъ Турціи и Египта, и о самой миссіи нашей въ Константинополѣ. Личныя правила и образованіе Бутенева довольно извѣстны всѣмъ, имѣвшимъ случай хотя нѣсколько съ нимъ сблизиться. Всеобщее уваженіе, коимъ онъ пользуется, конечно, лучшее свидѣтельство отличныхъ качествъ его украшающихъ. Въ отношеніи служебныхъ достоинствъ онъ менѣе извѣстенъ; многіе полагаютъ въ немъ слабость характера и не тѣ дарованія, которыя нужны для поддержанія важности занимаемаго имъ мѣста; но сему ошибочному мнѣнію есть двѣ причины: первая, необыкновенная скромность его, ибо онъ трудится не изъ видовъ тщеславія, но съ священнымъ уваженіемъ къ обязанностямъ и само-

отверженіемъ, знаменующими благородную душу, не имѣя ничего въ виду, кромѣ успѣха самаго дѣла. Другая причина есть зависть соперниковъ, неизбѣжная въ такихъ обстоятельствахъ и при такихъ достоинствахъ. Служа близь 20-ти лѣтъ въ разныхъ званіяхъ при Константинопольской миссіи, онъ былъ совершенно знакомъ съ ходомъ тамошнихъ дѣлъ и политики; въ трудолюбіи имѣетъ мало равныхъ, непоколебимую же твердость характера своего являетъ въ нужныхъ случаяхъ, съ неотрицаемою пользою для службы.

При всѣхъ этихъ отличныхъ качествахъ Бутенева, обыкновенный ходъ дѣлъ нашихъ въ Турціи не имѣетъ, можетъ быть; того блеска и приличія, а самыя сношенія того успѣха, которые бы желательно постоянно видѣть въ Россійской миссіи при Портѣ; но причины сего не зависятъ отъ Бутенева.

Многія должности въ миссіи нашей, какъ и зависящія отъ оной прибыльныя званія консуловъ и вице-консуловъ въ портахъ Леванта, наполняются Перотами, жителями константинопольскаго предмѣстія Перы. Родъ сей, оставшійся тутъ на жительствѣ послѣ паденія генуэзскаго владычества и поступившій въ подданство Порты, сохранилъ обычаи Европейскіе; но, по торговымъ оборотамъ и мѣстной зависимости отъ Турціи, сроднился съ новымъ отечествомъ своимъ. Часто ловкость сихъ людей доставляетъ имъ вліяніе въ Портѣ. Всѣ они знаютъ разговорный турецкій языкъ, почему занимаютъ должности драгомановъ или переводчиковъ въ разныхъ Европейскихъ миссіяхъ, чрезъ что имѣютъ случай давать дѣламъ такое направленіе, какое признаютъ за лучшее, и служатъ настоящими проводниками въ дѣлахъ дипломатическихъ.

Порта даетъ имъ полную свободу и пользуется отъ нихъ такимъ же образомъ. Пероты низки, искательны и всего болѣе боятся, по старой памяти, Турокъ, роняя страхомъ своимъ въ присутствіи ихъ все достоинство миссіи, въ ко-

торой служатъ. Поводомъ къ такимъ преимуществамъ сего презрѣннаго племени, оставшагося послѣ упадка генуэзскаго владычества въ Левантѣ, служитъ единственно знаніе турецкаго языка, въ коемъ Пероты однако не имѣютъ никакихъ основательныхъ свѣдѣній, и знаютъ только разговорный языкъ. Они способны къ открытію связей между сановниками, почему и употребляются за переводчиковъ и подъ пышнымъ титломъ драгомана, разумѣютъ обязанность управлять и помышленіями лицъ и самымъ дѣломъ на совѣщаніяхъ. Зная турецкій языкъ, я имѣлъ болѣе одного случая удостовѣриться въ справедливости сего, и нѣсколько разъ останавливалъ ихъ, когда они при переводахъ выражались неправильно, и даже находили излишнимъ и невозможнымъ передавать мысли, не соотвѣтствующія ихъ понятіямъ, замѣняя ихъ другими.

Въ Австрійской миссіи важный недостатокъ сей уже устраняется. Чиновники ея должны непремѣнно быть изъ числа приготовленныхъ на сей предметъ молодыхъ людей, образовавшихся въ Вѣнѣ, въ устроенномъ для сего заведеніи, гдѣ преподаются восточные языки. Подобно сему училищу есть у насъ въ Петербургѣ институтъ; но студенты наши не пріобрѣтаютъ знанія разговорнаго турецкаго языка, и по прибытіи къ миссіи не приносятъ ожидаемой пользы; при томъ же число ихъ такъ мало и опытность ихъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ такъ ограничена, что они изчезаютъ въ толпѣ ловкихъ и примѣнившихся къ дѣламъ и лицамъ Перотовъ.

По этому, текущія обыкновенныя дѣла при Бутеневѣ идутъ тѣмъ же направленіемъ, коимъ всегда шли. Не ему и, можетъ быть, никому изъ будущихъ посланниковъ нашихъ при Портѣ не предстоитъ измѣнить сего порядка, коего нити тянутся изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Оттуда только переворотъ сей можетъ совершиться рѣшительнымъ удаленіемъ всѣхъ людей подобнаго званія и про-

исхожденія, занимающихъ нынѣ, къ стыду Россіи, также всѣ консульскія и вице-консульскія прибыльныя мѣста въ Левантѣ.

Другая причина сего малаго успѣха въ ходѣ дѣлъ миссіи заключается, можетъ быть, въ неопредѣлительности наставленій, коими снабжаетъ наше министерство. Двусмысленности, наполняющія депеши графа Нессельроде, часто ставятъ исполнителя въ затруднительное положеніе, такъ что приступъ къ каждому дѣлу неминуемо подвергаетъ безотчетной отвѣтственности то лице, которое облечено въ званіе повѣреннаго.

Свиданіе мое съ Бутеневымъ и первое здѣсь знакомство съ нимъ было для меня весьма пріятное. Я скоро сблизился съ нимъ.

Бутеневъ сообщилъ мнѣ послѣднія извѣстія и слухи о состояніи дѣлъ Турціи. Излагаю ихъ съ тѣмъ, чтобы можно было судить, по эпохѣ моего пребыванія въ Царѣградѣ, о направленіи умовъ. Это было въ самое время пораженія великаго визиря подъ Коніею.

Слухи, носившіеся въ Крыму, о разбитіи вице-адмирала Рикорда оказались совершенно ложными: онъ спокойно стоялъ со своею эскадрой въ Греческихъ водахъ. Турецкій флотъ находился въ Дарданеллахъ, и адмиралъ Галиль-паша былъ замѣненъ Тагиръ-пашею, по настоянію верховнаго визиря, новаго главнокомандующаго, опорочившаго дѣйствія Галиль-паши. Смѣщеніе сіе было послѣдствіемъ предложенія, сдѣланнаго ему—вступить въ бой съ Египтянами, или оставить командованіе флотомъ; Галиль же, опасаясь погубить флотъ, избралъ послѣднее. Но султанъ, желая сколь можно менѣе оскорбить любимца своего Галиля, назначилъ его начальникомъ всей артиллеріи. Тагиръ-паша, съ прибытіемъ къ должности, принялъ строжайшія мѣры для возстановленія порядка на судахъ, и началъ съ того, что, разложивъ на орудія нѣсколько командировъ кораблей, наказалъ ихъ

палками. Трапезундскій Османъ-паша подвигался къ Кесаріи со вновь набраннымъ корпусомъ, но о движеніи его не имѣли никакихъ подробныхъ свѣдѣній; между тѣмъ говорили, что Ибрагимъ-паша, узнавъ о приближеніи визиря и движеніи Османъ-паши, отступилъ. Носились также слухи, что Конія, которою уже завладѣлъ было Ибрагимъ-паша, была обратно покорена верховнымъ визиремъ, прибывшимъ со свѣжими войсками изъ Румиліи; но вмѣстѣ съ тѣмъ говорили, что Египтяне не потерпѣли пораженія. Еще до пріѣзда моего въ Царьградъ, вездѣ знали, что вскорѣ долженъ прибыть посланный отъ Государя генералъ, котораго султанъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ, и потому ежедневно присылалъ въ миссію—узнавать, не пріѣхалъ ли я. Бутенева спрашивали, какого рода могло быть порученіе мое; но такъ какъ оно еще не было ему сообщено графомъ Нессельроде, то онъ, до пріѣзда моего, ограничивался успокоительными отвѣтами, безъ всякой опредѣлительности.

Въ 10 часовъ вечера я выѣхалъ отъ Бутенева, и мы условились, что онъ на другой день пріѣдетъ ко мнѣ на фрегатъ, чтобы заняться разсмотрѣніемъ нашихъ бумагъ. 10-го числа мы снялись съ якоря, и какъ вѣтеръ былъ противный, то мы долго лавировали, до прибытія въ заливъ Беюгъ-Дерэ. Между тѣмъ Бутеневъ, съ нѣкоторыми чиновниками миссіи, прибылъ на фрегатъ, и мы въ каютѣ занялись наединѣ предстоявшимъ намъ дѣломъ. Онъ прочиталъ мнѣ послѣднія донесенія свои графу Нессельроде, изъ коихъ видны были опасенія его насчетъ дѣлъ Турокъ въ Анатоліи и сдѣланныя имъ по симъ обстоятельствамъ сужденія, съ которыми и я былъ согласенъ. Послѣ того, я сообщилъ ему разговоръ мой съ Государемъ, и наставленія, данныя мнѣ графомъ Нессельроде. Трудно было по нимъ сообразить и опредѣлить съ точностію предстоявшія намъ дѣйствія. Портѣ надобно было вселять довѣріе, между тѣмъ не принимать безъ приглашенія участія въ дѣлахъ ея; надобно было представить

ей о предположенной помощи флотомъ, но не предлагать его. Египетскаго пашу надобно было стращать и застрашить, но чѣмъ?—не извѣстно; надобно было грозить, но обойтись ласково и одними убѣжденіями. Дѣйствія въ Египтѣ оставались впереди и касались меня одного, а потому мы занялись соображеніемъ перваго обстоятельства, относящагося къ Турціи, и послѣ совѣщанія рѣшили дѣйствія свои и начали ихъ слѣдующимъ. Нужно было рѣшить, слѣдуетъ ли при первомъ свиданіи съ турецкими сановниками объявить имъ объ изготовленіи Черноморскаго флота къ отплытію, по требованію султаномъ помощи. Мы не находили, чтобы въ семъ заключалось что либо противное видамъ Государя; напротивъ того, мы думали, что мѣра сія могла еще болѣе склонить Турецкое правительство къ согласію на отправленіе мое въ Египетъ; и потому положили, чтобы по объясненіи цѣли моего прибытія, Бутеневъ сообщилъ имъ вѣсть сію. Въ семъ намѣреніи онъ изготовилъ краткую записку, содержащую точныя выраженія, помѣщенныя въ послѣдней депешѣ графа Нессельроде, привезенной мною.

Въ 3-мъ часу по полудни фрегатъ сталъ на якорь при Беюгъ-Дерэ, и Бутеневъ немедленно отправилъ драгомана Франкини, извѣстнаго своею ловкостію, къ Рейсъ-эффенди (министру иностранныхъ дѣлъ) и къ Сераскиру Хозревъ-Мегмедъ-пашѣ, для объявленія имъ о моемъ пріѣздѣ, съ тѣмъ чтобы они назначили время для пріема меня. Изъ всѣхъ жителей Перы Франкини безъ сомнѣнія былъ самый ловкій, и лукавый. Онъ имѣлъ обширныя связи, узнавалъ всѣ вѣсти, служилъ во многихъ миссіяхъ, имѣлъ много русскихъ и иностранныхъ орденовъ, числился въ нашей службѣ въ высокомъ классѣ, имѣлъ близь 60 лѣтъ, пользовался неограниченною довѣренностію посланника, нажилъ большія богатства и всегда говаривалъ испорченнымъ французскимъ языкомъ съ италіянскимъ нарѣчіемъ, что ему денегъ надобно, что ордена и чины считалъ онъ только запахомъ пригото-

вляемой яствы, коей теперь надѣялся вкусить, разумѣя подъ симъ значительное денежное награжденіе. Онъ же повторялъ общую тамъ поговорку: что Турція не скоро погибнетъ, потому что она имѣетъ особеннаго Бога своего, который ее хранитъ. Къ 9 часамъ вечера я съѣхалъ на берегъ и, по приглашенію посланника, помѣстился въ домѣ его. Оставшись одинъ, я приступилъ къ соображенію первыхъ дѣйствій слѣдующаго дня на новомъ для меня дипломатическомъ поприщѣ, и внимательно опять перечиталъ всѣ свои бумаги. Предстоявшее мнѣ въ Египтѣ дѣло, въ коемъ состояла главная цѣль, было въ тѣсной связи съ каждымъ шагомъ моимъ въ Царѣградѣ; почему я былъ завлеченъ къ новому разбору порученія во всемъ его объемѣ.

Первая мысль Государя была принудить пашу къ миру, устрашивъ его угрозою. Снабженіе меня наставленіемъ, какими средствами должно привести въ исполненіе такую мѣру, не поддержанную немедленнымъ отправленіемъ войскъ, возложено было на Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. По внимательномъ разсмотрѣніи данной мнѣ инструкціи, видно, что окружавшіе Государя не вѣрили возможности достигнуть успѣха. Но желая отклонить отъ себя отвѣтственность, они наполнили наставленіе, по которому я долженъ былъ дѣйствовать, пустымъ велерѣчьемъ, неясностями и предоставили мнѣ дополнить его мнѣніемъ своимъ. По мѣрѣ того, какъ я возражалъ на необдуманные извороты министерства, пышныя выраженія, помѣщенныя въ инструкціи, теряя вѣсъ свой—отпадали, и обнаруживалась только одна возможность передать пашѣ слова Государя. Тщетно обращался я къ графу Нессельроде, для полученія необходимыхъ дополненій и объясненій. Наконецъ и графъ Орловъ, которому я сообщилъ мои замѣчанія, не найдя имъ опроверженія, утвердительно сказалъ мнѣ, что за успѣхъ моего посольства не было никакого поручительства; и что оно потому заключалось единственно въ передачѣ неудовольст-

вія Его Величества пашѣ, за возстаніе его противъ законнаго своего государя. Такого объясненія, конечно, достаточно было для обезпеченія меня отъ отвѣтственности по дѣлу сомнительному; въ остальномъ я самъ былъ за себя порукою. Но такой оборотъ не удовлетворялъ желанію моему оправдать довѣренность, оказанную мнѣ Государемъ; и движимый соревнованіемъ къ славѣ Отечества, вступающаго въ состязаніе съ иностранными державами на поприщѣ, столь щекотливомъ, я рѣшился, вынудивъ согласіе турецкаго правительства на отъѣздъ мой въ Египетъ, достигнуть неожидаемаго болѣе успѣха — прекращенія военныхъ дѣйствій. Погруженный въ такихъ думахъ, я провелъ часть ночи въ бдѣніи.

На другой день Бутеневъ увѣдомилъ меня, что Рейсъ-Эффенди и Сераскиръ готовы принять насъ въ 11-мъ часу до полудня. Мы отправились съ нимъ на катерѣ фрегата въ Константинополь, отстоящій на 15 верстъ отъ Беюгъ-Дере. Мы плыли около двухъ часовъ, между двумя рядами садовъ и загородныхъ домовъ, украшающихъ прелестные берега Босфора. Предметъ записокъ сихъ не есть описаніе столицы Турціи и Босфора. Другіе наблюдатели, досужнѣе меня, изобразили уже все, чтò городъ сей съ окрестностями заключаетъ замѣчательнаго для изслѣдователей во всѣхъ родахъ. Предоставляю себѣ касаться предметовъ только съ той стороны, съ которой они меня занимали.—Виды Босфора измѣнялись на каждомъ шагу. Видъ самого Царяграда, огромнаго купола Святой Софіи, мечетей, легкихъ минаретовъ, кипарисовыхъ рощъ, многочисленныхъ судовъ подъ флагами всѣхъ націй, безчисленнаго количества каиковъ, или тамошнихъ остроконечныхъ лодокъ, быстро перерѣзывающихъ во всѣхъ направленіяхъ Босфоръ, наконецъ даже толпы дельфиновъ, играющихъ на поверхности водъ — все сіе переноситъ зрителя въ какой-то міръ очарованія, гдѣ всѣ предметы кажутся какъ бы осуществленіемъ многихъ сновъ,

видѣнныхъ послѣ разсказовъ о чудесахъ и странностяхъ отдаленныхъ земель. Все это прелестно!—И величественный Царьградъ, бывшій столицею міра, при всѣхъ частныхъ безобразіяхъ своихъ, занимательнѣе всѣхъ каменныхъ, единообразныхъ столицъ Европы, съ пересѣкающими ихъ прямыми улицами и огромными зданіями.

Въѣхавъ въ портъ, мы пристали у воротъ, называемыхъ Бахчэ-Каписи или Садовыми, гдѣ были приготовлены для насъ верховыя лошади. Мы зашли въ лавку, находившуюся у воротъ, чтобы одѣться. Хозяинъ, привычный, какъ видно было, къ такого рода посѣщеніямъ, отвелъ насъ въ особенную комнату, для того приготовленную, и съ привѣтливостію указалъ уединенное и чисто прибранное отходное мѣсто. Маловажное обстоятельство сіе, казалось бы, не заслуживало вниманія; но я потому упоминаю о немъ, что необходимость сія у Турокъ не возбуждаетъ ничьего удивленія или вниманія на уклоняющееся по сей причинѣ лице. Въ совѣтѣ ли, или у перваго чиновника государства встрѣтилъ бы гость сію надобность—его съ предупредительностію отводятъ въ чистое и особенное отъ нашихъ устроенное мѣсто, устланное мраморомъ, гдѣ онъ находитъ деревянныя высокія калоши и свѣжую воду въ умывальницахъ; гость возвращается въ засѣданіе, снова подаютъ ему трубку и принимаются за дѣла. Потому также упоминаю о томъ, что едва ли кто изъ путешественниковъ, описывавшихъ разные мелочные обычаи Турокъ, коснулся сей отличительной черты простодушныхъ нравовъ ихъ.

Одѣвшись въ полный мундиръ, я сѣлъ верхомъ. Стоявшій близъ заставы Турецкій караулъ регулярныхъ войскъ едва пошевелился. Мы поѣхали сперва къ Рейсъ-Эффенди. Дурно вымощенныя улицы Царяграда поразили меня нечистотою и тѣснотою своею. Насъ вели мимо мечети Сулейманіэ, замѣчательной по огромному объему. Рейсъ-Эффенди принялъ насъ очень привѣтливо въ небольшой, неопрятной

и дурно убранной комнатѣ; самый домъ его, по наружности, нисколько не отличался отъ окружающихъ его дощатыхъ, двухъ-этажныхъ, небольшихъ, крашеныхъ домовъ, похожихъ на балаганы, коими наполнена та часть города.

Дома вельможъ въ Царѣградѣ вообще непріятны; замѣтно однакоже, что они болѣе роскошествуютъ въ загородныхъ дачахъ; причиною сего полагаю то, что они большею частію живутъ въ городѣ только по дѣламъ, или надобностямъ службы, время же свое охотнѣе проводятъ внѣ шума городскаго, гдѣ они любятъ предаваться отдыху и созерцательности. Нѣкоторые даже въ убранствѣ покоевъ подражаютъ щегольству Европейцевъ, что̀ совершенно чуждо вельможамъ отдаленныхъ отъ столицы областей Турціи. Сравнивая сей бытъ съ видѣннымъ мною во время посольства Алексѣя Петровича Ермолова въ Персію въ 1817-мъ году, я не могу не отдать преимущества въ семъ отношеніи Персіанамъ надъ Турками. Понятія объ удобствахъ жизни распространены въ Персіи по всему краю. Персидскіе вельможи, какъ въ столицѣ, такъ и въ отдаленныхъ областяхъ, живутъ одинаково и лучше Турокъ. Дома ихъ не имѣютъ никакого вида на улицу, отъ коей прикрыты глиняною стѣной; но внутренность заключаетъ много обширныхъ и опрятно содержимыхъ дворовъ, съ бассейнами и цвѣтниками. Комнаты ихъ, хотя и въ восточномъ вкусѣ, но убраны чисто. Причиною сему, конечно, бо̀льшее образованіе Персіанъ, которое во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ нравственнаго, неоспоримо.

Рейсъ-эффенди имѣлъ около 36 лѣтъ отъ роду и пріятную наружность; у него находился извѣстный драгоманъ Сераскира, Грекъ Вогориди, нынѣ князь Самосскій и тесть Молдавскаго господаря, князя Стурдзы. Мы сѣли. Рейсъ-эффенди нѣсколько замѣшался и не зналъ, чѣмъ начать разговоръ. Онъ отвернулся въ сторону, чтобы скрыть свое замѣшательство, и устремилъ глаза на Вогориди, въ

какомъ положеніи оставался нѣсколько времени, не произнося ни слова; наконецъ подали трубокъ и кофе и, послѣ нѣкоторыхъ привѣтствій, я изложилъ ему цѣль моего пріѣзда, почти въ слѣдующихъ словахъ:

«Государь послалъ меня съ письмомъ къ Султану и по«ручилъ мнѣ возобновить передъ нимъ увѣренія въ искрен«ней и неизмѣнной дружбѣ Своей, какъ и въ участіи, при«нимаемомъ Его Величествомъ въ состояніи дѣлъ его съ «Египетскимъ пашею.

«Государь, желая гласно убѣдить Султана въ искренно«сти Своей дружбы, поручилъ мнѣ ѣхать въ Александрію, «не въ качествѣ посредника, ибо противно правиламъ Его «Величества мирить Султана съ мятежникомъ и вмѣшивать«ся во внутреннія дѣла Турціи; но Государь, осудивши уже «возстаніе Мегмедъ-Али отозваніемъ Россійскаго консула «изъ Александріи, поручилъ мнѣ нынѣ прямыми и гласны«ми путями объявить пашѣ, что если онъ будетъ упорство«вать въ предпріятіяхъ своихъ, то найдетъ врага въ Россіи,— «заблаговременно убѣдить его, что, при самыхъ блистатель«ныхъ успѣхахъ его оружія, Государь неизмѣнно останется «вѣрнымъ другомъ Султана, и что неудовольствіе Его Ве«личества, возбужденное поступками паши Египетскаго, мо«жетъ изгладиться только немедленнымъ прекращеніемъ во«енныхъ дѣйствій на сушѣ и на морѣ.

«Государь надѣется, что рѣчи сіи внушатъ благоразум«ныя мысли Египетскому пашѣ и приведутъ его въ покор«ность Султану, чѣмъ вновь докажется постоянно оказывае«мая Его Величествомъ султану дружба, изъявленная уже «черезъ графа Орлова и Галиль-пашу».

Всѣ разговоры наши на совѣщаніяхъ съ сановниками въ Турціи и Египтѣ происходили на французскомъ языкѣ, потому что переводчики не знаютъ русскаго. Я также большею частію говорилъ черезъ переводчиковъ по-французски, изрѣдка только поправляя ихъ, или перебивая рѣчь по-ту-

реціи, когда я желалъ усилить выраженіе. Причиною сему служило то, что турецкій языкъ, коему я научился въ Персіи, Туркменіи и Хивѣ, различествуетъ въ нарѣчіяхъ отъ употребляемаго въ Царѣградѣ, гдѣ къ нему не совершенно привыкли. Въ совѣщаніяхъ о дѣлахъ употребляютъ высокопарный языкъ, съ коимъ надобно также прежде ознакомиться, чтобы свободно понимать его. Языкъ сей составляется изъ множества арабскихъ словъ, сведенныхъ въ длинныя рѣчи, съ безплоднымъ повтореніемъ однозначащихъ словъ, перемѣшанныхъ съ нѣсколькими турецкими глаголами, по отдаленности едва управляющими началомъ мысли; но въ обыкновенныхъ разговорахъ, и въ особенности съ войсками, я обходился безъ переводчика. Средство разговариванія черезъ переводчика имѣетъ иногда ту выгоду на совѣщаніяхъ, что, внявъ словамъ собесѣдника, можно обдумать отвѣтъ, пока переводчикъ передаетъ ихъ.

Окончивъ рѣчь, я подалъ Рейсъ-эффенди изготовленную копію съ письма Государя къ Султану. Слова мои, казалось, были услышаны съ большимъ удовольствіемъ; но министръ мало говорилъ, изъявлялъ признательность за новые знаки дружбы, которые Государь оказывалъ Султану, и ничего не отвѣчалъ опредѣлительнаго, ибо онъ не могъ дать никакого отвѣта, безъ предварительнаго доклада султану.

За симъ Бутеневъ объявилъ ему о вооруженіи Черноморскаго флота и готовности его двинуться на помощь Султану по первому требованію. Замѣтно было, что извѣстіе сіе порадовало Рейсъ-эффенди, но онъ старался скрыть произведенное на него впечатлѣніе.

Потомъ, хотя разговоръ сдѣлался общимъ, но все обращался къ тому же предмету. Полагая, что Рейсъ-эффенди могъ подозрѣвать меня въ намѣреніи имѣть какіе-либо тайные переговоры съ Мегмедъ-Али-пашею, и потому опасатся близкихъ сношеній моихъ съ нимъ, я, для большаго убѣж-

денія его въ искренности видовъ Государя, далъ ему замѣтить, что еслибъ порученіе мое въ Египтѣ заключало какія-либо скрытныя объясненія, то, вѣроятно, употребили бы дипломатическаго чиновника, но что я былъ назначенъ изъ числа военныхъ людей, служившихъ только въ полѣ, и обязанъ былъ въ самое короткое время кончить дѣло свое единственно передачею пашѣ словъ Государя, почему порученіе было изустное и безъ всякихъ бумагъ.

Коснувшись военныхъ дѣйствій, я поздравилъ Рейсъ-эффенди съ послѣднею побѣдою, одержанною верховнымъ визиремъ надъ Египтянами, т. е. съ занятіемъ Коніи, какъ мнѣ о томъ Бутеневъ наканунѣ говорилъ; но слова мои изумили Рейсъ-эффенди, ибо извѣстіе было ложное, и онъ не зналъ, что̀ отвѣчать. Горестные слухи о разбитіи Визиря, по видимому, уже дошли до него, и мы вскорѣ узнали ошибку свою. Я продолжалъ говорить ему объ искусствѣ Визиря, успѣвшаго собрать въ самое короткое время армію изъ Албанцевъ и Босняковъ, едва усмиренныхъ имъ послѣ возмущенія; но смятеніе Рейсъ-эффенди продолжалось во все время бесѣды. Наконецъ я просилъ его доложить о моемъ пріѣздѣ Султану и испросить у него для меня пріема. Проведши около часа съ задумчивымъ министромъ, мы, безъ предварительнаго прощанія, встали и отправились къ Сераскиру Хозревъ-Мегмедъ-пашѣ.

Преддверіе дворца, занимаемаго Сераскиромъ, имѣло иной видъ; тутъ все было военное. Передъ воротами суетилось нѣсколько офицеровъ и солдатъ, а въ самыхъ воротахъ встрѣтилъ меня караулъ, состоящій изъ офицера и 50-ти человѣкъ молодыхъ солдатъ, выстроенныхъ по обѣимъ сторонамъ въѣзда, въ одну шеренгу. Они были дурно одѣты, еще хуже выровнены и, съ соотвѣтственною неловкостію, отдали мнѣ честь. Мы въѣхали на обширный, но неопрятный дворъ и сошли съ лошадей въ подъѣздѣ самаго дворца, который хотя и довольно великъ, но не имѣетъ порядочнаго

вида. Мы были встрѣчены на крыльцѣ Вогориди, успѣвшимъ опередить насъ.

Сераскиръ, начальникъ всѣхъ армейскихъ войскъ, военный губернаторъ Константинополя, управлялъ также военнымъ министерствомъ, политическими сношеніями Турціи и въ сущности всѣми дѣлами государства. Рѣдкій умъ и опытность сего человѣка давали ему значительный вѣсъ не только въ правительствѣ и у Султана, но въ общемъ мнѣніи народа. Въ теченіе долгой жизни, онъ прошелъ черезъ всѣ государственныя высшія званія, начальствовалъ флотомъ, арміею, управлялъ областями, былъ при дворѣ и, по давнимъ личностямъ, остался непримиримымъ врагомъ Египетскому пашѣ. Впечатлѣніе, производимое на первыхъ порахъ странною паружностію его, вскорѣ исчезаетъ предъ открывающимися природными дарованіями его. Пріятное обхожденіе сближаетъ его съ иностранцами. Онъ родомъ изъ Грузинъ, взятъ въ ребячествѣ въ плѣнъ, имѣетъ близъ 70 лѣтъ; роста малаго, нѣсколько сутуловатъ; брюхо у него отвислое, ноги изломанныя и кривыя, лице красное. Небольшая сѣдая борода и сѣдые на головѣ волосы, которые у Мусульманъ обыкновенно сбриваютъ, у него заплетены въ косички и иногда выказываются изъ-подъ красной фески. Одежда его состоитъ изъ синей солдатской шинели съ краснымъ воротникомъ, застегивающимся назади; обшлага красные же, на плечахъ синіе суконные погончики; шинель его, непрорѣзанная спереди, надѣвается съ головы, какъ сорочка; нижнее платье состоитъ изъ шароваръ; обувается же въ козловые сапоги. Трудно угадать, съ какого образца перенялъ онъ такой покрой платья; мысль его, конечно, была—подражать одеждѣ регулярныхъ войскъ, коихъ онъ главный поборникъ въ Турціи. Турки смѣшали понятія о преобразованіи войскъ съ преобразованіемъ всего народа и европейскую военную одежду примѣняютъ ко всему. Такимъ образомъ Рейсъ-эффенди, министръ иностранныхъ дѣлъ, одѣ-

вается въ шинель солдатскаго покроя, сшитую изъ байки, съ такими же погончиками, но спереди прорѣзанную, и съ пуговицами. Сераскиръ, при тѣлесныхъ недостаткахъ своихъ и старости, необыкновенно дѣятеленъ; онъ всегда въ движеніи, быстръ и веселъ; смыслъ его здравъ и разговоръ наполненъ остротою.

Хозревъ-паша принялъ насъ очень вѣжливо, въ большой холодной залѣ, коей убранство не представляло особенной роскоши. Нѣсколько пѣхотныхъ ружей со штыками, приставленныхъ къ стѣнѣ, должны были служить вывѣскою занятій сего необыкновеннаго старца. Дѣло началось съ привѣтствій, трубокъ и кофе, безъ коихъ не начинается никакое засѣданіе у Турокъ и о которыхъ я впредь буду уже умалчивать. За симъ мы повторили ему почти слово въ слово все, что было говорено у Рейсъ-эффенди. Сераскиръ не умѣлъ скрыть своей радости; онъ тотчасъ сказалъ, что я не долженъ медлить поѣздкою въ Александрію и, увлекаясь ненавистью къ Египетскому пашѣ, присовокупилъ, что я встрѣчу въ немъ человѣка хитраго, который не пощадитъ ни словъ, ни даже слезъ, чтобы оправдать себя и склонить меня на свою сторону. Я отвѣчалъ, что за твердость мою порукою—выборъ Государя. Когда же Бутеневъ объявилъ ему о готовности флота, то онъ, полагая, что рѣчь идетъ о малочисленной эскадрѣ вице-адмирала Рикорда, находившейся въ Греческихъ водахъ, спросилъ—«изъ кото«раго моря будетъ флотъ», и еще болѣе обрадовался, когда узналъ, что говорили о Черноморскомъ флотѣ.—«И пяти ко«раблей будетъ слишкомъ достаточно», сказалъ онъ, «чтобы «разбить весь египетскій флотъ».

Извѣстно было, что удаленіе Галиль-паши, пріемыша Сераскира, отъ командованія флотомъ, по настояніямъ верховнаго визиря, много огорчило его: старикъ былъ тогда недоволенъ, сказался больнымъ, и три дня не выходилъ изъ комнаты; но Султанъ, для успокоенія его, былъ самъ у не-

го лично; не менѣе того Хозревъ-паша и до сихъ поръ сожалѣетъ о Галилѣ. Желая испытать его образъ мыслей на сей счетъ, я заговорилъ о достоинствахъ Галиля; Сераскиръ признавалъ ихъ въ полной мѣрѣ. «Но онъ теперь упалъ», прибавилъ онъ, «это можетъ со всякимъ случиться». Я замѣтилъ, что сбереженіе флота уже есть подвигъ, вполнѣ принадлежавшій Галиль-пашѣ.—«Правда», отвѣчалъ собесѣдникъ мой, «хотя Галиль нынѣ не въ милости, но онъ оставилъ мѣсто свое безъ срама и съ честію сдалъ свое званіе другому.»

Въ намѣреніи болѣе завлечь Сераскира въ разговоръ о военныхъ дѣйствіяхъ, я польстилъ ему напоминаніемъ о многихъ войнахъ, въ коихъ онъ участвовалъ и въ вопросительныхъ рѣчахъ изложилъ мнѣніе свое о достоинствахъ и заслугахъ верховнаго Визиря, обратившаго наступательныя дѣйствія Египтянъ въ оборонительныя; но Сераскиръ ни одного раза не выразился съ похвалою о верховномъ Визирѣ.— «Справедливо», сказалъ онъ, «я много, много воевалъ и на «морѣ и на сушѣ; теперь дѣла Египтянъ плохи, и на дняхъ «мы должны услышать о побѣдѣ, которую одержитъ Визирь «надъ Ибрагимомъ: первый теперь въ Лаодикеѣ [1], а по«слѣдній въ Коніи; но Визирь окружилъ этотъ городъ и «возьметъ его, потому что тамъ не болѣе 16,000 Египтянъ.» Я замѣтилъ ему, что, не взирая на такое превосходство силъ, мѣру сію я находилъ неправильною для овладѣнія Коніею, потому что Визирь, окруживъ городъ, самъ растянется, ослабитъ себя на всѣхъ пунктахъ, и тѣмъ дастъ случай Ибрагиму, съ сосредоточенными силами, напасть на каждую отдѣльную часть турецкой арміи, съ несомнѣнною выгодою. «Превосходство силъ Визиря слишкомъ велико», сказалъ Сераскиръ, «и онъ можетъ съ безопасностію окру«жить Конію.» — Я возразилъ, что сосредоточеніе силъ во

---

[1]) Показано ложно или ошибочно, по невѣжеству Сераскира.

всякомъ случаѣ было необходимо, для бо̀льшей увѣренности въ успѣхѣ.—«Нельзя такого большаго количества войска, «какое у визиря, держать вмѣстѣ», сказалъ Сераскиръ. Я отвѣтилъ, что въ такомъ случаѣ не для чего бы и медлить, и должно было безъ потери времени атаковать Ибрагима. «Онъ будетъ его атаковать», сказалъ Сераскиръ съ таинственнымъ и торжественнымъ видомъ, «коль-скоро только «ко приблизится 15-ти тысячный корпусъ Османъ-паши, «идущій изъ Трапезунта чрезъ Кесарію; корпусъ этотъ дол«женъ отрѣзать Ибрагиму обратный путь,—тогда вся армія «его погибнетъ». Я замѣтилъ, что такое движеніе весьма искусно, и что Лазы, идущіе съ Османъ-пашею, извѣстны мнѣ на опытѣ, какъ народъ весьма храбрый; но вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ ему, что дѣйствія главной арміи никогда не должны зависѣть отъ отдѣльнаго корпуса, и при семъ выставилъ, съ какимъ искусствомъ сосредоточены были войска при покореніи Варшавы. «Corps d'armée, corps d'armée!» воскликнулъ Сераскиръ, показывая знаніе затверженнаго имъ выраженія, «точно не должно раздѣляться, и еслибы непрія«тельское войско раздѣлилось на двѣ части, то надобно бы «прежде атаковать одну и разбить ее, а потомъ другую; «но мы имѣемъ до 80,000 кромѣ Османъ-паши, а Ибрагимъ «не имѣетъ и 20,000 въ Коніи» (*).

Съ этими словами, Сераскиръ подошелъ къ комоду и досталъ изъ ящика какія-то двѣ старинныя карты Малой Азіи, одну прибрежныхъ земель, а другую—части страны около Коніи. На нихъ почти ничего не было видно; онъ долго искалъ на картахъ названныхъ имъ мѣстъ, но ничего не нашелъ и, отдавая ихъ мнѣ, сказалъ· «Посмотрите, вы тутъ все «найдете, да вотъ и Конія», указывая мѣсто этого города», «тутъ должны быть показаны и Кесарія, и Лаодикея, и го«ры». Поддерживая изложенныя мною мысли, я тщился до-

(*) Самонадѣяніе, погубившее Турокъ.

казать, что недостатокъ продовольствія, дурныя дороги, непогода, наконецъ неудача могли остановить движенія Османъ-паши, черезъ чтобы рушились всѣ предположенія Визиря, и я, казалось, убѣдилъ Сераскира, который, понявъ мысль мою, призналъ ее справедливою.

«По крайней мѣрѣ», спросилъ я, «состоитъ ли Османъ-«паша въ совершенной зависимости отъ Визиря?» Сераскиръ, смѣшивавшій мысль о зависимости съ понятіемъ о покорности, съ удивленіемъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ знаетъ лично Османъ-пашу какъ человѣка хорошаго, покорнаго и вѣрнаго, и прибавилъ съ улыбкою: «Правда, что онъ слиш-«комъ много любитъ Богу молиться; но я въ немъ увѣренъ». Когда же я объяснилъ, сколько необходимо для успѣха дѣла, чтобы всѣ военныя дѣйствія зависѣли отъ одного начальника, то онъ съ поспѣшностію отвѣчалъ: «Какъ же, «какъ же, все отдано Визирю, онъ всѣмъ управляетъ.»

Изъ разговоровъ Сераскира я заключилъ, что все управленіе военными дѣйствіями зависѣло отъ его распоряженія. Желая знать, въ какомъ положеніи находились войска и какія предприняты мѣры осторожности отъ внезапнаго нападенія, я спросилъ его, какъ расположены турецкія войска: въ лагерѣ или на квартирахъ.—«Въ лагерѣ и въ кварти-«рахъ», отвѣчалъ онъ, «теперь холодно, нельзя всѣмъ въ «лагерѣ быть.» Онъ увѣрялъ меня также, что продовольствіе войскъ обезпечено; извѣстно было однако же, что хотя правительство и употребило на то большія суммы, но отъ худыхъ распоряженій, войска во всемъ нуждались. Сераскиръ показывалъ слишкомъ много увѣренности и о настоящемъ состояніи войскъ имѣлъ недостаточныя или ложныя понятія.

Я передалъ Сераскиру поклонъ отъ графа Орлова, который, по заключеніи Адріанопольскаго мира, будучи посланъ къ султану, находился съ нимъ въ частыхъ сношеніяхъ. Сераскиръ отозвался съ дружбою о графѣ Орловѣ. Наконецъ

я просилъ его доставить мнѣ первыя благопріятныя извѣстія, которыя онъ получитъ изъ арміи, что̀ онъ и обѣщалъ. Но, можетъ-быть, въ то время уже дошли до него какіе-либо слухи о первыхъ неудачахъ подъ Коніею, которыя онъ тщился скрыть. Онъ полагалъ, что не должно было откладывать представленія моего къ Султану, и взялся ускорить оное.

Съ намѣреніемъ потѣшить Сераскира, я всталъ и взялъ одно изъ ружей, приставленныхъ къ стѣнѣ. Хозревъ только и ожидалъ того. Онъ поспѣшно пошелъ за мной, взялъ у меня ружье и поставилъ его къ ногѣ, примѣрилъ плечо свое къ концу дула и со смѣхомъ далъ замѣтить, что оно сдѣлано не по его росту; потомъ сталъ хвалиться знаніемъ ружейныхъ пріемовъ и два раза сдѣлалъ на-караулъ. Нельзя себѣ вообразить ничего смѣшнѣе уродливой фигуры этого старика подъ ружьемъ; но онъ, повидимому, зная природное безобразіе свое, предупреждалъ такимъ образомъ насмѣшливыя мысли, которыя не могли не возродиться при взглядѣ на него. Онъ хвалился цареградскимъ заводомъ ружей; тѣ, которыя я у него видѣлъ, содержались въ крайнемъ безпорядкѣ.

За симъ бесѣда возобновилась, и мы стали говорить о Карсѣ, Ахалцыхѣ, Аджарцахъ [1]), Эрзрумѣ и Персіянахъ. Онъ былъ въ тѣхъ странахъ. Мы говорили по-турецки безъ переводчика, и онъ съ удовольствіемъ задерживалъ насъ у себя; но мы извинились опасеніемъ безпокоить его, откланялись и ушли. На этомъ совѣщаніи присутствовали и переводили драгоманы—Вогориди и Фанкини.

Замѣтивъ пристрастіе Сераскира къ военному дѣлу и желая на первыхъ порахъ ознакомиться ближе съ турецкими войсками, надъ коими мнѣ надобно было пріобрѣсти вліяніе, я на обратномъ пути остановился у вышеупомянутой карауль-

---

[1]) Горцы, обитающіе близь Ахалцыха, извѣстные своею храбростію и свирѣпостію.

ни, находившейся близь пр стани Бахче-Каниси. На крыльцѣ стояли два несчастные, оборванные часовые. Я вошелъ въ караульню и, потребовавъ офицера, просилъ показать мнѣ все, что у нихъ тутъ имѣлось. Помѣщеніе было довольно хорошее, но солдаты, коихъ было не болѣе 10-ти, вмѣсто 20-ти, наряжавшихся, по словамъ офицера, на эту заставу, сидѣли большею частію полубосые на полу, въ самомъ неопрятномъ видѣ. Я замѣтилъ ему неисправность ружей, развѣшанныхъ кое-гдѣ по стѣнѣ. Вскорѣ собралось за мною въ караульню много любопытныхъ, между прочими и нѣсколько мимо-шедшихъ солдатъ, которые съ глупою и насмѣшливою улыбкой смотрѣли на меня. Я подошелъ къ одному изъ нихъ и застегнулъ ему бортъ, открывавшій голую грудь, послѣ чего онъ тотчасъ встрепенулся, а другіе перестали улыбаться; сидѣвшіе вскочили на ноги и обулись. Тогда я попросилъ офицера показать мнѣ ружейные пріемы. Весь караулъ былъ выстроенъ въ комнатѣ и, по командѣ офицера, который былъ юзъ-баши, или ротный командиръ, 6-й роты 2-го полка, по имени Гассанъ, началась ружейная экзерциція. Все замолкло, и водворилась надлежащая чинность. Я замѣтилъ въ людяхъ довольно ловкости въ ружейныхъ пріемахъ, много способностей къ сему дѣлу, но мало твердости въ правилахъ; благодарилъ офицера, а людямъ подарилъ нѣсколько денегъ, и всѣ остались очень довольны. Въ послѣдствіи времени, я имѣлъ болѣе одного случая удостовѣриться, что такое обхожденіе съ Турками, гдѣ смѣлый приступъ порабощаетъ нерѣшительную волю ихъ, есть лучше средство для достиженія всякой цѣли въ сношеніяхъ съ ними. Околичные переговоры влекутъ за собою проволочки, уклончивые отзывы, и остаются наконецъ безъ всякаго успѣха.

Мы отплыли изъ Царяграда въ 3-мъ часу пополудни въ каикѣ Бутенева, въ которомъ было шесть Грековъ-гребцовъ, и возвратились въ 6-ть часовъ въ Беюгъ-Дерэ, опередивъ катеръ почти цѣлымъ часомъ, что можно было отнести отчасти

къ лучшему устройству каика, движущагося на греблѣ съ большею легкостію, чѣмъ катеръ. Вообще все отправленіе службы на фрегатѣ дѣлалось весьма дурно; начальство было слабо, и при управленіи парусами, происходилъ всегда необыкновенный шумъ. Въ такомъ почти видѣ и безпорядкѣ находилась большая часть судовъ Черноморскаго флота, потерявшаго въ послѣднюю Турецкую войну много опытныхъ матросовъ отъ болѣзней, и погрязшаго въ запущеніи, многими годами бездѣйственнаго пребыванія въ Севастополѣ.

Слѣдующій день прошелъ, въ ожиданіи представленія моего Султану, безъ дальнѣйшихъ дѣйствій по возложенному на меня порученію. Бутеневъ просилъ меня присутствовать при пріемѣ, дѣланномъ повѣренному въ дѣлахъ князя Милоша Сербскаго, сообщившаго ему письмомъ о возмущеніи, происшедшемъ въ нѣсколькихъ деревняхъ округовъ, предположенныхъ, вслѣдствіе Адріанопольскаго трактата, къ возвращенію въ составъ княжества. Поводомъ къ сему возмущенію служили новыя подати, наложенныя пашею, тамъ управлявшимъ, и насиліе нѣсколькихъ женщинъ. Князь Милошъ опасался, чтобы возмущеніе не распространилось далѣе, а потому просилъ совѣта Бутенева, коему прежде еще поручено было отъ нашего министерства настаивать у турецкаго правительства объ исполненіи сей статьи трактата. При этомъ случаѣ князь Милошъ, жалуясь на медленность Порты, излагалъ желаніе свое отправить посольство въ Петербургъ.

Турки до того времени еще не исполняли упомянутой статьи трактата, поставляя причиной замедленія то, что имъ должно было прежде выслать изъ сихъ округовъ поселившихся въ нихъ Босняковъ и Албанцевъ мусульманской вѣры. Они отзывались, что такое распоряженіе могло произвести дурное впечатлѣніе въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, когда едва только затихъ мятежъ въ Албаніи и Босніи, и отговаривались тѣмъ, что должны были щадить народъ, коему, вслѣдъ по усмиреніи его, обязаны снабженіемъ Визиря войскомъ противъ Египетскаго паши.

Я находилъ, что не должно было смѣшивать частнаго случая безпорядковъ съ дѣломъ о возвращеніи Сербіи округовъ, чтобы не затруднить турецкаго правительства, а ограничиться представленіемъ Портѣ, сколько насильственное обхожденіе съ жителями могло для нея быть вредно въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, — почему и настаивать, чтобы обиженнымъ было сдѣлано немедленно удовлетвореніе, съ чѣмъ Бутеневъ согласился. Сербскаго же повѣреннаго, Лазаря Петровича, я просилъ убѣдить князя Милоша, что, при извѣстномъ участіи, которое Государь принималъ въ дѣлахъ его, не должно ему въ теперешнемъ случаѣ спѣшить, а взять терпѣніе; что ожидаемая перемѣна въ обстоятельствахъ Турціи можетъ въ самомъ скоромъ времени споспѣшествовать исполненію его требованія, и что, напротивъ того, настойчивость его не знаменуетъ той преданности, которую Государь былъ въ правѣ отъ него ожидать. Касательно же предполагаемаго имъ отправленія посольства въ Петербургъ, я отозвался, что это, безъ сомнѣнія, зависѣло отъ князя, но что, по участію къ пользамъ его, я желалъ бы отклонить мѣру сію, отъ коей нельзя было ожидать успѣха.

Странныя событія! Россія, природный и давній врагъ Турціи, поддерживаетъ упадающее царство сіе, и Турція должна положить лучшія свои надежды на Россію! Паденіе неизбѣжно, и хотя предпринимаемыя нынѣ мѣры отсрочатъ на нѣкоторое время разрушеніе Оттоманской имперіи, но онѣ не остановятъ общаго стремленія, къ коему влекутъ самыя обстоятельства. Убѣжденіе это всеобщее въ Европѣ; оно поражаетъ помышленія и самихъ Турокъ. Но кто предречетъ, какія новыя царства замѣнятъ владычество Султана въ Европѣ и какія новыя племена населятъ прелестную страну порабощенной Греціи!

13-го числа декабря мѣсяца пріѣзжалъ къ намъ драгоманъ Вогориди поздравить меня съ пріѣздомъ отъ имени Султана. Пріемъ у Султана былъ назначенъ чрезъ два дня. Желая

узнать, какъ рѣшено сдѣланное мною предложеніе о поѣздкѣ въ Александрію, я спросилъ Вогориди, не предвидитъ ли Султанъ какого препятствія къ отъѣзду моему въ Египетъ; но не получилъ на то никакого опредѣлительнаго отвѣта, какъ то обыкновенно водится у Турокъ. Отзывъ его былъ довольно страненъ. — «О семъ», говорилъ Вогориди, «будутъ разсуж-«дать въ совѣтѣ, который сего дня соберется и, вѣроятно, «къ отъѣзду вашему не встрѣтится препятствій; но дѣло сіе «непремѣнно должно разсмотрѣться въ совѣтѣ, и это надобно «допустить, потому что Султанъ имѣетъ также свои соображе-«нія, касающіяся пользы подвластнаго ему народа, коего онъ «желаетъ знать мнѣніе». Я тогда сталъ замѣчать, что самодержавная власть Султана имѣетъ также оппозицію въ государственномъ совѣтѣ, какъ бы отъ представителей общаго мнѣнія. Въ отвѣтъ Вогориди сказалъ я, что въ совѣтѣ должно непремѣнно принять въ соображеніе желаніе нашего Государя, дабы не навлечь гнѣва Его Величества, и далъ почувствовать ему, что отправленіе мое въ Египетъ не можетъ подвергаться никакому сомнѣнію.

Замѣтно было, что Порту болѣе занимали разсужденія о принятіи помощи нашего флота, чѣмъ о моемъ отъѣздѣ въ Египетъ; она смѣшивала эти два обстоятельства отъ того, что извѣстіе о флотѣ было привезено мною. Почему мы сочли нужнымъ объяснить Вогориди, какимъ нечаяннымъ случаемъ я доставилъ Бутеневу дубликаты бумагъ, отправленныхъ изъ Петербурга 24-го ноября послѣ моего выѣзда, въ коихъ упоминалось о флотѣ; наконецъ разсудили за лучшее показать ему самый дубликатъ и тѣмъ вразумить его, въ чемъ состояла сущность дѣла. По разговору Вогориди, видно было, что онъ старался открыть какое-либо отвлеченное намѣреніе правительства нашего и трудно рѣшить, съ чьей стороны происходило искательство сіе—отъ Турціи, или Франціи; ибо слухи носились, что онъ тайно служилъ въ пользу послѣдней. Онъ обнаружилъ догадки свои, что правительство наше

имѣло цѣлію удержать на Турецкомъ престолѣ слабаго султана Махмуда, предпочитая такого сосѣда бодрому и дѣятельному Мегмедъ-Али, угрожавшему покореніемъ Царяграда. Вогориди старался изгладить впечатлѣніе, произведенное допытливымъ разговоромъ его; почему онъ обратился опять къ главной цѣли своего посѣщенія и, при отъѣздѣ, просилъ у меня отвѣта на привѣтствіе Султана. — «Передайте Султа-«ну», сказалъ я, «что возложенное на меня порученіе—изъ-«явить его величеству дружбу Государя, я считаю лестнѣй-«шимъ успѣхомъ всей службы моей».

Въ то время былъ интернунціемъ отъ Австрійскаго двора при Портѣ баронъ Оттенфельсъ, человѣкъ весьма опытный въ должности своей; но онъ не пользовался особенною довѣренностью Турокъ. Интернунцій ожидалъ въ скоромъ времени на мѣсто себя барона Штюрмера, бывшаго коммиссаромъ со стороны Австріи на островѣ св. Елены, во время заточенія Наполеона. Бутеневъ былъ въ хорошихъ сношеніяхъ съ барономъ Оттенфельсомъ, что̀ было болѣе основано на взаимномъ согласіи дворовъ, чѣмъ на сходствѣ нравовъ представителей ихъ, и, сколько я могъ замѣтить, въ дѣлахъ Бутеневъ относился къ нему въ тѣхъ только случаяхъ, гдѣ касалось дипломатическаго этикета, совершенно извѣстнаго барону Оттенфельсу. Я съ нимъ познакомился, но избѣгалъ всякихъ сношеній съ повѣренными иностранныхъ державъ и предоставилъ Бутеневу сообщить, кому нужно было, свѣдѣнія о моемъ порученіи. Онъ передалъ ихъ, сколько мнѣ помнится, Оттенфельсу въ знакъ довѣренности, передъ тѣмъ временемъ, какъ они начинали уже обнаруживаться, въ послѣдствіе сношеній моихъ съ турецкими сановниками.

Прусскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ былъ баронъ Мертенсъ, о которомъ упомянуто выше. Все знали его за человѣка суетливаго, вздорнаго, вѣтреннаго, нескромнаго и лживаго. Вліяніе его при Портѣ, какъ по отдаленности Пруссіи, такъ и по собственнымъ его качествамъ, было маловажное. Ему

покровительствовалъ Прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ Ансильонъ, коего мысли и поступки нисколько не соотвѣтствовали взаимнымъ дружелюбнымъ сношеніямъ трехъ державъ. Такой образъ мыслей отзывался въ поступкахъ Мертенса, который, по неосновательности своей, сдѣлался впослѣдствіи предметовъ неуваженія посланниковъ всѣхъ другихъ державъ и наконецъ былъ отозванъ въ Пруссію. Онъ былъ женатъ на Француженкѣ, происхожденіемъ коей хвалился, называя ее, какъ я слышалъ, побочною дочерью короля Французовъ. Пригожествомъ своимъ и свойственною соотечественницамъ ея разговорчивостію, она слыла въ кругу молодыхъ людей любезною женщиной. Она, по знакомству своему, была въ близкихъ сношеніяхъ съ французскою и англійскою миссіями. Все слышанное мужемъ ея въ нашей и австрійской миссіи, она передавала во французскую и англійскую. Сначала мы остерегались Мертенса; но въ послѣдствіи времени употребляли съ пользою его нескромность, распространяя симъ путемъ въ противудѣйствующія намъ миссіи слухи, сообразные нашимъ видамъ.

Отъ французскаго двора ожидали посла; между тѣмъ дѣлами правилъ повѣренный Вареннъ, человѣкъ дѣятельный, но скорый въ своихъ предпріятіяхъ. Онъ дѣйствовалъ скрытно и вопреки нашихъ намѣреній. Сотрудникомъ его въ дѣлахъ былъ англійскій повѣренный Мандевиль, правившій мѣстомъ, также въ ожиданіи прибытія посла. Мандевиль былъ разсудителенъ и умѣреннѣе Варенна; въ сношеніяхъ своихъ держался середины и наблюдалъ болѣе, чѣмъ дѣйствовалъ, склоняясь однако преимущественно на французскую сторону. До насъ доходили извѣстія, что повѣренные въ дѣлахъ, въ особенности французскій, много заботились, чтобы вывѣдать цѣль моего пріѣзда, которую турецкое правительство отъ нихъ сначала скрывало, потому что мало довѣряло французскому представителю, домогавшемуся склонить Султана къ уступкѣ Сиріи Египетскому пашѣ.

Вечеромъ 14-го числа, дошли до насъ распространившіеся слухи о совершенномъ пораженіи Визиря подъ Коніею. По замѣченному нами мрачному расположенію Рейсъ-эффенди и изворотливости, съ коею Сераскиръ скрывалъ извѣстія изъ арміи, мы сочли слухи сіи правдоподобными. Они, безъ сомнѣнія, слишкомъ поздно дошли до нашего правительства, и въ семъ случаѣ нельзя оправдывать бездѣйствія его. Въ тогдашнихъ обстоятельствахъ не должно было ограничиваться обыкновеннымъ ходомъ дѣла въ миссіи, издавна сносившейся только съ одними министрами и то чрезъ драгомановъ; напротивъ того надобно было пользоваться всѣми путями для своевременнаго узнанія происходившаго, менѣе полагаться на драгомановъ, быть въ ближайшихъ сношеніяхъ съ частными начальниками и знать объ образѣ мыслей народа и слухахъ, носившихся даже въ низшихъ сословіяхъ.—15-го получено увѣдомленіе отъ Султана, что онъ желаетъ видѣть меня поранѣе, т. е. около десяти часовъ утра.

Того же дня, въ началѣ 11-го часа, я причалилъ ко вновь построенному на Европейскомъ берегу Босфора—загородному дворцу, называющемуся Чараганъ. Деревянное зданіе сіе, построенное изъ досокъ, по новости своей, имѣетъ довольно опрятный видъ снаружи; обширностью же не превосходитъ загородныхъ домовъ турецкихъ сановниковъ. Зодчество онаго нисколько не соотвѣтствуетъ жилищу турецкаго Султана. На небольшомъ дворѣ поставлены были: по лѣвую сторону—музыка одного изъ гвардейскихъ полковъ, находившагося тогда въ походѣ; а по правую—почетный караулъ. При входѣ моемъ, музыка заиграла, а караулъ отдалъ честь. Со мною были: полковникъ Дюгамель, капитанъ-лейтенантъ Серебряковъ и адъютантъ мой Харнскій, переводчикомъ же Франкини. Нѣсколько турецкихъ штабъ-офицеровъ встрѣтили меня и повели направо—въ особенный флигель, по небольшой лѣстницѣ, въ пріемную Ахмедъ-паши, командира гвардіи, любимца и совѣтника Султана. Меня принялъ Рейсъ-

эффенди, который такъ же, какъ и прежде, затруднялся вступленіемъ въ разговоръ; почему я безъ околичностей началъ вопросомъ объ извѣстіяхъ изъ арміи верховнаго Визиря. Онъ смутился и не умѣлъ ничего отвѣчать; но переводчики Франкини и Вогориди, знавшіе уже, повидимому, въ чемъ дѣло состояло, обступили меня и, по привычкѣ всего опасаться, просили избавить Рейсъ-эффенди отъ отвѣта, котораго онъ въ тотъ разъ не могъ мнѣ дать, но не замедлитъ сообщить при первой возможности. Тогда я обратился къ Сераскиру, тутъ же находившемуся, и занялся съ нимъ. Между тѣмъ Вогориди переговаривалъ съ Рейсъ-эффенди и, подошедъ ко мнѣ, сказалъ на ухо, что дѣла Турокъ нехороши, и что по этой причинѣ Рейсъ-эффенди избѣгалъ разговора о нихъ. Вогориди просилъ меня не касаться теперь сего предмета и обѣщалъ мнѣ сообщить подробныя извѣстія о состояніи дѣлъ. Убѣдившись симъ нечаяннымъ случаемъ въ справедливости дошедшихъ до меня слуховъ, въ которыхъ мнѣ надобно было удостовѣриться, я не находилъ болѣе нужнымъ продолжать о томъ разговоръ и обратился къ другимъ предметамъ. Ошибочная безгласность, въ которой турецкое правительство хранило извѣстіе, не могшее укрыться, показала мнѣ уныніе, овладѣвшее главными лицами, и малую увѣренность Султана въ своихъ средствахъ.

Меня продержали тутъ съ полчаса и потомъ повели, въ сопровожденіи тѣхъ же турецкихъ и находившихся при мнѣ чиновниковъ, чрезъ тотъ же дворъ, при звукѣ той же музыки, въ главный корпусъ дворца, гдѣ посадили въ особенной пріемной комнатѣ. Турецкіе сановники какъ будто опасались выронить слово. Я просилъ молчаливаго Рейсъ-эффенди передать мнѣ отзывъ Султана насчетъ поѣздки моей въ Александрію. «Не лучше ли», сказалъ онъ, «услышать «вамъ сего же дня отвѣтъ отъ самого Султана?» Это было справедливо; нельзя отказать Туркамъ въ изворотливости по

малозначащимъ случаямъ. Рейсъ-эффенди и Сераскиръ просили меня говорить съ Султаномъ по-турецки; я отказывался, извиняясь малымъ навыкомъ въ цареградскомъ нарѣчіи, мое же нарѣчіе казалось у нихъ страннымъ. «Дѣла нѣтъ», отвѣчали они, «не лучше ли всего, чтобы государи изліяли «между собою выраженія взаимной дружбы черезъ одного «посредника, безъ переводчика; мы всѣ выйдемъ, и вы останетесь тогда одни съ Султаномъ». Изъ словъ ихъ я заключилъ, что изъясненныя на совѣщаніяхъ причины пріѣзда моего казались имъ неудовлетворительными, и что они предполагали въ моей поѣздкѣ еще какую-либо отвлеченную цѣль, которую я отъ нихъ скрывалъ.

Мнѣ пришло на мысль сходство, на этотъ счетъ, общаго мнѣнія при Портѣ съ тѣми мнѣніями, которыя слышалъ ото всѣхъ въ Петербургѣ о непостижимости моего порученія.

Вскорѣ пригласили меня къ Султану, въ небольшую комнату, убранную по-европейски и со вкусомъ. Онъ сидѣлъ на канапе, спустя ноги, недвижимъ. Выраженіе лица его занимательно и внушаетъ участіе, черты пріятныя; взоръ его былъ нѣсколько безпокоенъ. Хотя ему близь 50 лѣтъ отъ роду, но онъ довольно моложавъ; оконечность носа начинаетъ покрываться краснотою, которая его однакожь не обезображиваетъ. Борода его подстрижена и выкрашена. Онъ носитъ на головѣ красную феску. Синій суконный плащъ покрывалъ одежду его, того же цвѣта, покроемъ похожую на казачью. Я подошелъ къ Султану съ правой стороны, и едва началъ выражать чрезъ переводчика увѣренія въ дружбѣ Государя, какъ онъ съ поспѣшностію прервалъ меня и сказалъ съ улыбкою: «говори по-турецки, говори по-турецки; «онъ по-турецки знаетъ». Я сказалъ рѣчь свою вкратцѣ по-турецки и вручилъ ему письмо Государя, которое онъ, не распечатавши, передалъ Сераскиру, стоявшему подлѣ него съ другой стороны. Султанъ хотѣлъ отвѣчать, но какъ бы смѣшался и, заминаясь, выговорилъ только нѣсколько

несвязныхъ словъ. Переводчики Вогориди и Франкини поспѣшно подхватили рѣчь и выговорили вмѣсто его привѣтствіе, которое онъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать.

Тогда я началъ объяснять ему черезъ переводчика порученіе, которое Государь на меня возложилъ къ Египетскому пашѣ; но онъ прервалъ меня: «Что до этого касается, я «приказалъ уже Рейсъ-эффенди сообщить тебѣ отвѣтъ мой, «что̀ онъ и исполнитъ.»—«Не замедлю спросить у Рейсъ-«эффенди отвѣта,» продолжалъ я; «но мнѣ должно изло-«жить предъ вашимъ величествомъ, что мое порученіе къ «Мегмедъ-Али заключается только въ нѣсколькихъ словахъ,—«они кратки и выразительны: я объявлю ему, что Государь—«врагъ мятежа и другъ вашего величества; что если паша, «упорствуя въ неповиновеніи вамъ, станетъ продолжать во-«енныя дѣйствія, то онъ будетъ имѣть дѣло съ Россіей.»—«Мегмедъ-Али много виноватъ передо мною,» отвѣчалъ Султанъ съ жаромъ и сталъ объяснять вину его и отношенія, между ними существующія.—«Кто усомнится въ справедли-«вости дѣла вашего величества!» сказалъ я. И какъ Султанъ началъ излагать условія, предложенныя ему будто пашею для примиренія, то я, прервавъ его рѣчь, объявилъ, что мнѣ нисколько не подлежало входить въ какіе-либо переговоры съ возставшимъ пашею; что принять мнѣ ихъ на себя было бы противно волѣ Государя, который въ семъ случаѣ не разумѣлъ со стороны паши другой покорности—какъ вѣрноподданнической, инаго повиновенія—какъ своему законному государю, отъ коего единственно зависѣла его участь.—«Слышите, слышите!» вскричалъ Султанъ, обращаясь ко всѣмъ: «каковы первыя условія подданнаго къ сво-«ему Государю? И я ихъ такими разумѣю.»

Заключивъ изъ словъ Султана, что онъ готовился вступить въ переговоры, по наущенію своихъ совѣтниковъ, но что слова мои ободрили его, я хотѣлъ усилить впечатлѣніе, сравненіемъ тогдашняго положенія его съ положеніемъ Го-

сударя во время польскаго возстанія, но Султанъ предупредилъ меня: «И Государь не принялъ переговоровъ съ Поляками,» сказалъ онъ, «Онъ покорилъ, смирилъ ихъ?»—«Такъ «поступилъ Государь съ Поляками,» отвѣчалъ я; «нынѣ же, «посылая меня къ Мегмедъ-Али, Онъ надѣется достичь двоякой цѣли: первая состоитъ въ томъ, чтобъ устрашить его «и остановить въ злодѣйскихъ умыслахъ; другая же, чтобы «симъ снова убѣдить ваше величество въ тѣхъ чувствахъ «дружбы и расположенія, которыя Онъ вамъ уже изъявилъ, «чрезъ посредство графа Орлова и посланника вашего Га-«лиль-пашу.»—«Дружба Государя велика,» отвѣчалъ Султанъ: «я въ томъ убѣжденъ. Онъ мнѣ уже много явилъ «доказательствъ Своей искренности; но знай, что Мегмедъ-«Али хитръ, лукавъ, лживъ. Онъ будетъ жаловаться и «склонять тебя на свою сторону.»—«Меня уже предосте-«регли,» сказалъ я; «убѣжденія его безсильны: я человѣкъ «военный, а не дипломатъ. Слова мои кратки и просты. «Не буду распространяться въ переговорахъ съ Мегмедъ-«Али и не опасаюсь козней и коварства его.»—«Не менѣе «того,» продолжалъ Султанъ, «есть обстоятельство, которое «должно тебѣ пояснить при отъѣздѣ, и я возложилъ это на «Рейсъ-эффенди.»—«Со вниманіемъ выслушаю порученіе «вашего величества», отвѣчалъ я, «и воспользуюсь предо-«стереженіями вашими».

Султанъ услышалъ это съ удовольствіемъ, и при мнѣ повторилъ приказаніе свое Рейсъ-эффенди; но по всему видно было, что онъ еще несовершенно довѣрялъ искренности данныхъ мнѣ порученій къ Египетскому пашѣ. (Такимъ образомъ, со дня на день, съ совѣщанія на другое, уклонялись отъ опредѣлительнаго отвѣта насчетъ поѣздки моей, которую однако я рѣшился во всякомъ случаѣ предпринять). Разговоръ нашъ еще продолжался, какъ неожиданно ввели въ комнату прибывшихъ со мною офицеровъ, вопреки сдѣланнаго съ Рейсъ-эффенди условія, по коему я прежде долженъ

былъ испросить у Султана позволенія представить ему моихъ чиновниковъ. Въ семъ случаѣ царедворцы, и въ особенности Грекъ Вогориди, которые во все время разговора, какъ видно было, управляли рѣчью Султана, ускорили призваніемъ ихъ безъ предваренія, какъ бы желая прекратить аудіенцію. Они опасались, чтобы я не склонилъ Султана къ принятію какихъ-либо мѣръ, противныхъ ихъ видамъ.

Султанъ спросилъ у меня имена офицеровъ, приказалъ ихъ записать, и вскорѣ далъ имъ знакъ прощанія. Они вышли, а за ними отошли всѣ къ дверямъ, какъ бы желая и меня увлечь; но видя, что Султанъ расположенъ былъ еще говорить, я остался подлѣ него и продолжалъ изъявлять ему увѣренія въ дружбѣ Государя, которыя онъ выслушивалъ со вниманіемъ и, какъ казалось, съ признательностію. Замѣтивъ наконецъ, что онъ какъ бы и самъ, вопреки своего желанія, вынуждался царедворцами къ прекращенію аудіенціи, я поклонился и тихо пошелъ къ дверямъ. Султанъ всталъ и, провожая меня почти до самыхъ дверей, нѣсколько разъ останавливался, говорилъ и наконецъ, какъ я выходилъ, еще сказалъ мнѣ нѣсколько привѣтствій.

Меня повели опять въ ту же пріемную. Сераскиръ и Рейсъ-эффенди старались занять меня разговоромъ. Я просилъ послѣдняго, безъ отлагательства, сообщить мнѣ порученіе Султана; но онъ убѣждалъ меня отложить сіе до 17-го числа, ссылаясь на государственный совѣтъ, который долженъ былъ собраться 16-го и въ коемъ предполагалось обсуживать настоящія обстоятельства. Между тѣмъ другой Ахмедъ-паша, отличавшійся отъ перваго титломъ ферикъ, дивизіонный генералъ гвардіи, замѣчательный по ограниченности своихъ способностей, обратился ко мнѣ съ просьбою записать имена офицеровъ, сопровождавшихъ меня; я записалъ ихъ по-турецки. Ахмедъ-паша побѣжалъ съ этою запискою къ Султану, который прислалъ его ко мнѣ обратно, съ повтореніемъ сказаннаго имъ о лицемѣрствѣ Мегмедъ-Али и предостереженіемъ противъ

его коварства. Я поручилъ ему благодарить Султана за совѣты и отвѣчалъ, что выборъ Государя порукою въ моей непоколебимости. Послѣ аудіенціи, Рейсъ-эффенди сдѣлался какъ бы разговорчивѣе, и я опять просилъ его сообщить мнѣ полученныя изъ арміи извѣстія. «Они нехороши,» отвѣчалъ онъ, и, замѣтивъ, что я задумался, прибавилъ: «теперь я убѣдился въ душевномъ участіи, принимаемомъ «вами въ положеніи нашемъ.»—«Зачѣмъ же вы медлите со«общить мнѣ извѣстія?» спросилъ я.—«Вы все узнаете», сказалъ Рейсъ-эффенди, «потерпите нѣсколько.» Тутъ Сераскиръ вмѣшался въ разговоръ, коего онъ опасался развязки, и перебилъ рѣчь намеками на то порученіе, которое Султанъ приказалъ Рейсъ-эффенди сообщить мнѣ насчетъ египетскихъ дѣлъ, касающееся, по словамъ его, и до Французовъ.

Симъ кончились недовѣрчивыя и нескладныя первыя совѣщанія съ турецкими министрами. Пріемъ Султана былъ очень привѣтливъ; но не могло скрыться, что онъ не имѣетъ никакой воли. Слабость такая разительна въ государѣ, коему приписываютъ смѣлое пораженіе янычаръ и рѣшительное преобразованіе Турціи; но нынѣ уже многимъ извѣстно, что подвиги сіи всего менѣе относятся къ личной твердости Махмуда. Видѣвшихъ турецкій дворъ, за двадцать лѣтъ тому, поразятъ необыкновенныя измѣненія, постигшія восточную пышность и извѣстную горделивость прежнихъ султановъ. Покинувъ древніе обычаи свои, они стали перенимать европейскіе, но не постигали величія ихъ, уронили достоинство своимъ малымъ образованіемъ и обнаружили тѣмъ невѣжество, прикрывавшееся у нихъ доселѣ надменнымъ изъявленіемъ тщеславія.

Меня проводили къ пристани, съ тѣми же почестями, съ какими встрѣтили. При этомъ случаѣ Сераскиръ не могъ удержаться, чтобы не показать мнѣ ружейныхъ пріемовъ, которые поручилъ Ахмедъ-пашѣ прокомандовать стоявшему караулу.

По возвращеніи въ Беюгъ-Дерэ, Бутеневъ сообщилъ мнѣ положительныя уже извѣстія о совершенномъ пораженіи турецкой арміи подъ Коніею и плѣненіи верховнаго Визиря. Послѣ сей побѣды, Ибрагимъ-паша могъ еще до прибытія Черноморскаго флота овладѣть Царемъ-градомъ, гдѣ народъ ожидалъ его съ нетерпѣніемъ. Если бы даже флотъ нашъ поспѣлъ въ Босфоръ прежде Египтянъ, то онъ никакъ не могъ безъ высадныхъ войскъ препятствовать переходу непріятеля чрезъ проливъ. Египтяне же имѣли на своей сторонѣ жителей Малой Азіи и могли располагать безчисленнымъ множествомъ обывательскихъ гребныхъ лодокъ, коими наполнены Босфоръ и всѣ бухты до Синопа. Противъ такихъ средствъ въ узкомъ проливѣ и на большомъ протяженіи, большія парусныя суда недѣйствительны по тяжести своей и по тому, что они зависятъ въ движеніяхъ своихъ отъ вѣтра и теченія. И такъ, Россія, намѣревавшаяся послать флотъ на помощь Султану, не могла еще въ то время оружіемъ своимъ защитить Цареграда, и Султану предстояло только полагаться на разслабленныя силы своего царства. Въ такихъ обстоятельствахъ мнѣ оставалось прибѣгнуть къ единому средству, отъ меня зависѣвшему,—совѣтамъ. Размысливъ на свободѣ о положеніи военныхъ дѣлъ Турціи и сообразивъ тѣ мѣры, которыя еще можно было принять для спасенія Цареграда, я занялся изготовленіемъ по этому предмету записки, чтобы предложить ее на первомъ совѣщаніи турецкимъ сановникамъ.

Въ тотъ же день пріѣхалъ отъ графа Нессельроде фельдъегерь, съ отправленными 24-го ноября изъ Петербурга депешами, коихъ дубликатъ былъ доставленъ мною Бутеневу. Ко мнѣ графъ Нессельроде писалъ, чтобы не начинать переговоровъ съ Египетскимъ пашею угрозами, а всячески стараться сперва склонить его къ миру убѣжденіями, которыя онъ считалъ дѣйствительнѣе первыхъ; о флотѣ же долженъ былъ я упомянуть только подъ конецъ, въ случаѣ несогласія паши.

По донесеніямъ Бутенева, извѣстно было въ Петербургѣ, что Ибрагимъ-паша уже приближался къ Коніи; Государь, надѣясь привести его въ колебаніе и пріостановить, хотя временно, движеніе его, возлагалъ на меня отправить Дюгамеля сухимъ путемъ въ Александрію, подъ видомъ частнаго путешественника, везущаго ко мнѣ депеши, поручивъ ему, въ проѣздъ чрезъ египетскую армію, представиться Ибрагимъ-пашѣ и сообщить ему въ общихъ выраженіяхъ цѣль поѣздки моей въ Египетъ. Во избѣжаніе подозрѣнія со стороны Порты, мнѣ предписывалось получить предварительное согласіе ея на отправленіе Дюгамеля.

(Смотри въ приложеніяхъ подъ буквою K, копію съ письма ко мнѣ графа Нессельроде и подъ буквою L, списокъ проэкта повелѣнія Дюгамелю, который былъ также ко мнѣ присланъ). Казалось несообразно съ дѣломъ, частному путешественнику отвозить бумаги ко мнѣ въ Египетъ, какъ то видно въ проэктѣ. Я еще до полученія этихъ бумагъ намѣревался послать Дюгамеля сухимъ путемъ чрезъ Египетскую армію, и въ послѣдствіи исполнилъ сіе, какъ будетъ далѣе видно.

Здѣсь прерву я на время описаніе происшествій, чтобы упомянуть о лицѣ, имѣвшемъ нѣкоторое участіе въ тогдашнихъ сношеніяхъ моихъ по части военной. По прибытіи моемъ въ Беюгъ-Дерэ, мнѣ вскорѣ сообщили, что въ Царѣградѣ находится Французъ по имени Рѣльи (Reuilly), служившій у насъ въ Грузіи и сказывающій, что онъ нѣкогда состоялъ при мнѣ. Въ 1829-мъ году, во время турецкой войны, точно находился при мнѣ короткое время инженеръ строительнаго отряда путей сообщенія, подпоручикъ Рѣльи; я тогда замѣтилъ его хорошія способности и смѣлость въ дѣлѣ противъ непріятеля. Онъ, казалось, былъ привերженъ ко мнѣ. Послѣ заключенія мира, до сдачи обратно Эрзрума, Рѣльи находился нѣкоторое время въ семъ городѣ при генералѣ Панкратьевѣ.

Какъ человѣкъ пылкій, въ минуту огорченія, не по службѣ, а навлеченнаго собственною неумѣренностію, онъ разгласилъ, что намѣренъ перейти къ Туркамъ. Это было узнано генераломъ Панкратьевымъ, и Рельи сознался въ винѣ своей. Панкратьевъ, замѣчая въ семъ случаѣ одну неосновательность, въ донесеніи къ главнокомандующему графу Паскевичу, отнесъ поступокъ его къ временному помѣшательству ума. Рельи пользовался расположеніемъ моимъ: этого могло быть достаточно въ то время, чтобы подвергнуть его гоненію.

Его упрекали конченнымъ уже два года тому назадъ дѣломъ, по коему онъ имѣлъ несчастіе убить на поединкѣ одного дерзкаго молодаго человѣка Алексѣева, нѣсколько разъ обидѣвшаго его безъ всякой причины. Происшествіе сіе, тогда же разсмотрѣнное, было рѣшено Государемъ однимъ церковнымъ покаяніемъ, коему подвергли Рельи. Но въ семъ случаѣ Паскевичь удовольствовался объясненіемъ Панкратьева, какъ говорятъ изъ уваженія къ участію, принимаемому будто графомъ Бенкендорфомъ въ Рельи, вѣроятно, по ходатайству г-жи Кзавье (Xavier), державшей модный магазинъ въ Петербургѣ, и велѣлъ отправить его на службу въ Имеретію. Въ такомъ положеніи оставилъ я Рельи въ 1830 году, при выѣздѣ моемъ изъ Грузіи.

Услышавъ, что Рельи въ Царѣградѣ, я пожелалъ его видѣть, но остерегался, отъ того что слухъ носился, будто онъ бѣжалъ изъ нашей службы, для поступленія въ турецкую, и поручилъ узнать о немъ обстоятельно. Между тѣмъ Сераскиръ, по выходѣ моемъ отъ Султана, самъ упомянулъ о Рельи и предложилъ прислать его ко мнѣ. Я согласился. Сераскиръ отзывался о немъ въ самыхъ похвальныхъ выраженіяхъ, говоря, что онъ находился въ сраженіяхъ подъ Гомсомъ въ Сиріи, пріобрѣлъ всеобщее уваженіе въ турецкомъ войскѣ и лучше кого-либо другаго можетъ мнѣ объяснить всѣ военныя обстоятельства Турокъ. На

другой день пріѣхалъ ко мнѣ Рельи и представилъ указъ объ отставкѣ изъ нашей службы.

Онъ объяснилъ мнѣ, что былъ арестованъ за вторичный вызовъ на поединокъ офицера, и по оставленіи нашей службы поѣхалъ въ Редутъ-Кале, гдѣ возложено было на коменданта отправить его за границу, почему онъ и поѣхалъ моремъ въ Трапезунтъ. Бутеневъ подтвердилъ мнѣ, что запрещено было снабжать его паспортомъ, для въѣзда въ границы наши.

Въ Трапезунтѣ ему выдали французскій паспортъ, съ которымъ онъ явился въ Константинополь, но во французской миссіи не былъ признанъ подданнымъ; а потому рѣшился вступить въ турецкую службу, и совершилъ всю Сирійскую кампанію, въ званіи инженернаго офицера. Послѣ многосложныхъ приключеній, онъ принужденъ былъ оставить турецкую армію съ другими иностранцами, по требованію верховнаго Визиря, желавшаго, всѣми мѣрами, придать болѣе народности войнѣ, или избѣгнуть присутствія надзирателей и совѣтниковъ, въ коихъ онъ не находилъ надобности.

Рельи былъ уже внѣ турецкой службы, лишенъ содержанія и пользовался только ласками Сераскира. Отвергнутый нашею и французскою миссіями, онъ находился въ затруднительномъ положеніи. Зная способности его, мнѣ хотѣлось извлечь его изъ такого состоянія. Къ сему еще побудилъ меня слѣдующій случай: пользуясь позволеніемъ Сераскира, я просилъ Рельи сообщить мнѣ извѣстія о состояніи войскъ, но онъ не рѣшился сдѣлать сего до полученія лично на то согласія Сераскира. Получивъ же позволеніе, онъ доставилъ мнѣ довольно занимательныя свѣдѣнія, ознакомившія меня съ положеніемъ турецкой арміи. Случай этотъ усугубилъ довѣренность къ нему Сераскира, который приказалъ заплатить ему жалованье за прошедшее время, и съ тѣхъ поръ я не переставалъ видѣться съ Рельи и часто пользовался его усердіемъ.

Нужно было склонить министровъ Порты къ опредѣлительному согласію на предложенное уже дѣло объ отправленіи моемъ въ Египетъ, сказать имъ также объ отправленіи Дюгамеля сухимъ путемъ и представить о нѣкоторыхъ мѣрахъ, необходимыхъ для обороны пролива. Въ этомъ намѣреніи я пригласилъ Сераскира совѣщаться съ нами обще съ Рейсъ-эффенди (по имени Экифъ-эффенди). Чрезъ два дня послѣ представленія моего къ Султану, мы отправились съ Бутеневымъ въ Царьградъ къ Сераскиру, гдѣ назначено было собраться. Прибывъ въ назначенный часъ, мы не застали ни того, ни другаго. Чрезъ нѣсколько времени пріѣхалъ Рейсъ-эффенди. Я просилъ его сообщить данное ему ко мнѣ отъ Султана порученіе, но онъ передалъ только въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ я и прежде слышалъ, совѣты на счетъ осторожности противъ коварства Мегмедъ-Али. Тутъ онъ пересказалъ мнѣ, уже безъ всякаго уклоненія, о пораженіи, претерпѣнномъ турецкою арміей; когда же я сталъ ему говорить о предположенномъ отправленіи Дюгамеля къ Ибрагимъ-пашѣ, то онъ принялъ мысль сію съ удовольствіемъ.

Вскорѣ пріѣхалъ и Сераскиръ, который былъ задержанъ у Султана. Онъ началъ спросомъ, какого рода тѣ соображенія, которыя хотѣлъ я ему сообщить. Я сталъ ему говорить о флотѣ. «Это дѣло уже кончено,» отвѣчалъ онъ; «Султанъ будетъ просить пособія вашего флота, когда оно «ему понадобится.» Тогда я предложилъ ему отправленіе Дюгамеля. Сераскиръ противился этой мѣрѣ, и Рейсъ-эффенди, прежде согласившійся, также измѣнилъ свое мнѣніе. Сераскиръ говорилъ, что поѣздка Дюгамеля будетъ безполезна, какъ и предположенный намекъ Ибрагимъ-пашѣ, чтобы онъ пріостановилъ военныя дѣйствія, до полученія новыхъ распоряженій отъ Египетскаго паши. «Вождь сей», говорилъ Сераскиръ, «отзовется неимѣніемъ на то права, по «носимому имъ званію только исполнителя воли отца своего,

«безъ всякаго полномочія въ переговорахъ». Послѣ нѣсколькихъ возраженій съ моей стороны, Сераскиръ наконецъ согласился, но показывалъ себя равнодушнымъ и, устранясь отъ всякаго участія въ сношеніяхъ съ Ибрагимъ-пашею, обѣщался только снабдить Дюгамеля всѣмъ нужнымъ, т. е. проводникомъ, чтобы онъ могъ достичь своего назначенія. Онъ предложилъ, чтобъ я послалъ съ Дюгамелемъ письмо къ Ибрагимъ-пашѣ; но я отказался, потому что не имѣлъ ничего письменнаго даже и къ отцу его. Послѣ того однакожь, подумавши, онъ просилъ меня пріостановиться нѣсколько отправленіемъ Дюгамеля и опять повторилъ мнѣ вопросъ: не имѣю ли чего особеннаго сообщить ему о военныхъ дѣлахъ?

Я представилъ Сераскиру нѣкоторыя предположенія о движеніи войскъ въ Анатоліи, коснулся обезоруженіи восточныхъ береговъ Босфора. Онъ принялъ мысль сію; но возразилъ, что крѣпостцы, окружающія батареи, въ состояніи держаться. Я опровергъ это ошибочное мнѣніе, замѣтивъ, что укрѣпленія сіи, изъ коихъ нѣкоторыя только едва ограждены маленькими стѣнками съ полевой стороны, а другія совершенно открыты, всѣ построены вплоть у подошвы значительныхъ возвышеній, съ коихъ можно камнями забросать осаждаемыхъ. Онъ ничего не возразилъ; но сказалъ, что всѣ нужныя мѣры будутъ взяты для защиты Босфора, и что онъ, когда нужда настанетъ, отправитъ по всему восточному берегу пролива одно судно, съ приказаніемъ обобрать всѣ снаряды и перевести всѣ гребныя суда на Европейскій берегъ. Онъ слишкомъ легко судилъ объ угрожавшей опасности, и такъ какъ предполагаемыя имъ мѣры были недостаточны, то я продолжалъ обращать его вниманіе на тотъ же предметъ.

Видя настойчивость мою, Сераскиръ отложилъ дѣло до другаго дня и пригласилъ меня пріѣхать для совѣщанія въ загородный домъ его, что вблизи Беюгъ-Дере; я отвѣчалъ, что не пріѣду, если онъ не намѣренъ выслушать меня со

вниманіемъ и не изложитъ съ откровенностію состоянія дѣлъ ихъ въ подробности. Тогда онъ убѣдительно просилъ меня пріѣхать въ назначенное мѣсто и письменно сообщить ему виды мои, которые онъ принималъ съ благодарностію, обѣщаясь также письменно передать мнѣ свѣдѣнія объ обстоятельствахъ, въ коихъ они находились. Старику не терпѣлось прекратить совѣщаніе, по видимому, ему не нравившееся, и онъ прибѣгнулъ къ обыкновенной забавѣ: взялъ ружье и началъ имъ дѣлать пріемы, прося меня командовать. Такъ какъ я заблаговременно вытвердилъ нѣсколько командныхъ словъ по-турецки, то исполнилъ желаніе его. Послѣ того Сераскиръ, по просьбѣ моей, призвалъ Рельи и вторично приказалъ ему вполнѣ удовлетворить всѣмъ трѣбованіямъ моимъ.

Уклончивость Сераскира заставила меня обратиться опять къ Рейсъ-эффенди. Я просилъ его повторить слова Султана, въ коихъ, по мнѣнію моему, должно было заключаться что либо важное; но онъ отвѣчалъ тѣми же совѣтами, и спросилъ: что ему передать иностраннымъ министрамъ, любопытствующимъ узнать цѣль моего путешествія въ Александрію? Цѣль эта была уже изъ Петербурга сообщена всѣмъ дворамъ; а потому съ согласія Бутенева, я разрѣшилъ Рейсъ-эффенди извѣстить о томъ иностранныхъ министровъ, по отъѣздѣ моемъ. Мы также увѣдомили его, что цѣль моего, отправленія была сообщена Персидскому шаху, и присовокупили, что Государь не имѣлъ никакой надобности скрывать дружбу Свою къ Султану.

Гласность, которую дали моему отправленію, успокоила Сераскира и Рейсъ-эффенди. Они, по крайней мѣрѣ, начали удостовѣряться въ искренности намѣреній Государя и, казалось, устранили на то время мнительность. Пользуясь внезапною перемѣной въ расположеніи ихъ, я возобновилъ сдѣланный мною въ началѣ совѣщанія вопросъ у Рейсъ-эффенди, не происходили ли уже у нихъ какіе-либо перего-

воры съ Мегметъ-Али-пашею о мирѣ, ибо мнѣ необходимо было знать о томъ положительно; но осторожный министръ утвердительно сказалъ, что нѣтъ. Тогда Сераскиръ, вопреки того, объявилъ мнѣ, что Мегметъ-Али-паша два раза уже присылалъ посланцевъ для переговоровъ, но съ требованіемъ Сиріи. «Пускай», продолжалъ Сераскиръ, «изъявитъ онъ «покорность свою очищеніемъ Сиріи—и тогда Султанъ, мо«жетъ быть, согласится съ нимъ вступить въ переговоры». «По крайней мѣрѣ приметъ ли Султанъ посланца отъ паши?» спросилъ я.—«Приметъ, если пришлетъ», отвѣчалъ Сераскиръ. Зная, что Французы мѣшались въ эти переговоры, я спросилъ Рейсъ-эффенди, что̀ онъ разумѣлъ, упоминая о Французахъ на послѣднемъ свиданіи нашемъ, при выходѣ отъ Султана, когда рѣчь шла объ Египтѣ. Спросъ этотъ былъ обращенъ къ нему ошибочно. «Не онъ, а я говорилъ «вамъ о томъ», подхватилъ Сераскиръ, «единственно въ на«мѣреніи предостеречь васъ противъ иностранцевъ, окружа«ющихъ пашу.»

Симъ кончилось совѣщаніе. Не было мнѣ препятствія ѣхать въ Александрію и отправить туда же Дюгамеля сухимъ путемъ; но турецкіе министры предоставляли, по видимому, намъ дѣйствовать совершенно независимо отъ нихъ, какъ бы опасаясь участія нашего въ дѣлахъ Турціи. Казалось, что лично они были бы довольно склонны дѣйствовать съ нами заодно, но остерегались общаго мнѣнія, всегда враждебнаго и недовѣрчиваго къ намъ. По крайней мѣрѣ они, по извѣстной турецкой политикѣ, старались выиграть время, чтобы мнѣніе это обнаружилось и опасались, какъ видно было, противной стороны, подстрекаемой Французскою миссіею, которая овладѣла умомъ правителей и которой отчасти вторила Англійская миссія.

Въ назначенное время (18-го декабря) пріѣхалъ я во вновь отстроивающійся загородный домъ Сераскира. Старикъ встрѣтилъ меня съ знаками истиннаго удовольствія и гостепріим-

ства. Онъ еще прибавилъ къ странности одежды своей солдатскій тесакъ, повѣсивъ его черезъ плечо на широкой бѣлой вязаной портупеѣ, поверхъ синей шинели. Не понимаю мысли его; но думаю, что онъ хотѣлъ оказать болѣе почести, надѣвъ на себя оружіе, или же мнилъ подражать знаменитымъ мужамъ, показывая, что не гнушается носить оружіе, принадлежащее простому воину. Было очень холодно; комнаты у Турокъ безъ печей, а потому мы расположились около мангала (родъ жаровни), съ пылающими углями, поставленнаго среди комнаты; онъ скинулъ тогда тесакъ, который мѣшалъ ему порядочно усѣсться. На этомъ совѣщаніи, кромѣ насъ двухъ, присутствовали только: Ахмедъ-паша-ферикъ и безотлучный драгоманъ Сераскира, Вогориди. Первый изъ нихъ былъ присланъ отъ Султана, чтобы передать ему въ точности мои слова; онъ мало мѣшался въ разговоры и кое-какъ, съ помощію Вогориди, замѣчалъ на лоскуткѣ бумаги то, что̀ ему казалось занимательнѣе.

Я началъ откровеннымъ изложеніемъ дурнаго состоянія дѣлъ Турціи, рѣзко обнаруживая послѣдствія, которыхъ отъ того ожидать было можно, ибо прежде всего надлежало вывести правителей Турціи изъ непонятнаго ослѣпленія и безпечности, ихъ обуявшихъ, и совѣщатели мои казались пораженными сими истинами. Они слушали меня со вниманіемъ.

Потомъ я приступилъ къ разсмотрѣнію средствъ, которыя можно было еще предпринять, чтобы воспрепятствовать Египтянамъ приближеніе къ Босфору, не допуская ихъ до Бруссы (*). Оставалось еще собрать остатки разбитой подъ Коніею арміи и соединить ихъ съ эшелонированными, по военной большой дорогѣ, резервными войсками. Должно было подстрекнуть дѣятельность трапезундскаго Османъ-паши, находившагося почти въ тылу Египтянъ; наконецъ можно также

(*) Большой городъ, откуда дороги ведутъ къ Царюграду и Дарданелламъ.

было совершенно разорить весь край, чрезъ который надлежало Ибрагимъ-пашѣ идти, и тѣмъ лишить его средствъ къ продовольствію. Но, чтобы привести сіи мѣры въ дѣйствіе, необходимо было назначить, безъ всякаго промедленія, главнокомандующаго къ войскамъ, отступавшимъ въ крайнемъ безпорядкѣ и безъ главнаго начальства, послѣ плѣненія верховнаго Визиря. Я настаивалъ, чтобы сіе немедленно было сдѣлано.

Вступленіе такого рода имѣло цѣлію возбудить въ совѣщателяхъ надежду на улучшеніе дѣлъ и тѣмъ привлечь вниманіе ихъ; но затѣмъ я счелъ обязанностью представить, сколь мало можно было положиться на показанныя средства, если войска, какъ доходили до меня слухи, потеряли уже всякое единство и во всемъ нуждались, вопреки большихъ издержекъ, понесенныхъ правительствомъ для продовольствія ихъ. Сераскиръ считалъ, что въ Азіи еще находилось 28 т. войска; но сознался, что ихъ трудно вести впередъ по безпорядку, между ними поселившемуся, и съ улыбкою сказалъ, что войска точно нуждались чрезъ плутовство продовольствовавшихъ армію чиновниковъ, которые большіе мошенники. Онъ хотѣлъ обратить особенное вниманіе на дѣйствія ихъ и присовокупилъ, что намѣревается стянуть разбитыя войска къ Никомидіи, для переформированія ихъ, а тѣ, которыя еще не были въ дѣйствіи, собрать около Кютаіэ и выдвинуть къ нимъ изъ Никомидіи разбитыя, коль скоро они поправятся. Онъ утверждалъ, что немедленно назначитъ главнокомандующаго; но впослѣдствіи оказалось, что никто не былъ назначенъ на мѣсто верховнаго Визиря, для начальствованія войсками. Въ Никомидіи было собрано нѣсколько слабыхъ полковъ, Кютаіэ болѣе не занимали до окончанія войны, а разбитыя войска толпами и по одиночкѣ переправлялись въ Европу чрезъ Босфоръ и большею частію чрезъ Геллеспонтъ. Все сіе было послѣдствіемъ слабости, безпечности и медленности турецкаго правительства, пораженнаго въ то время страхомъ.

По отзывамъ Сераскира видно было, что онъ полагалъ лучшія свои надежды на корпусъ трапезундскаго паши. Желая вывести его изъ заблужденія, я объяснилъ ему, сколь малонадежно было дѣйствіе этого корпуса, составленнаго изъ Лазовъ и Курдовъ, вѣроятно, разбѣжавшихся послѣ пораженія подъ Коніею, и спросилъ, какое онъ имѣетъ поручительство въ исполненіи начертаній его Османъ-пашею, котораго онъ самъ признавалъ недѣятельнымъ и о коемъ давно уже никакихъ извѣстій не имѣлось. Сераскиръ сознался, что точно уже объ немъ давно нѣтъ никакихъ свѣдѣній и что онъ болѣе никакой надежды не полагаетъ на Османъ-пашу. За симъ слѣдовали разсужденія о могущемъ вновь случиться пораженіи остальныхъ войскъ въ Малой Азіи, или внезапномъ бѣгствѣ ихъ, по приближеніи непріятеля. Что оставалось дѣлать въ такомъ случаѣ? Сераскиръ увидѣлъ, что военныя дѣйствія въ Малой Азіи не представляли болѣе надеждъ на успѣхъ. Такимъ образомъ привелъ я его къ мысли объ оборонѣ проливовъ; но совѣтовалъ, для выигранія времени, продлить по возможности дѣйствія въ Малой Азіи, не подвергая войскъ явному истребленію.

Для обороны проливовъ представлялось нѣсколько средствъ, которыя я предложилъ. Первое состояло въ томъ, чтобъ обезоружить, какъ прежде сказано, восточные берега Босфора. Мнѣніе мое было—еще не приступать къ тому, но приготовиться такъ, чтобъ обезоруженіе могло совершиться въ самомъ скоромъ времени. Нынѣшній разъ Сераскира не удивила уже эта мысль. Онъ не утверждалъ болѣе, что крѣпостцы могутъ защищаться съ сухаго пути; но прибавилъ, что прикажетъ, въ случаѣ надобности, подъ предлогомъ вооруженія флота, свезти орудія съ баттарей, за исключеніемъ только нѣсколькихъ, чтобы не распространить страха. Еслибъ Египтяне успѣли овладѣть вооруженными баттареями Азійскихъ береговъ, то затруднилось бы сообщеніе Чернаго моря съ Архипелагомъ. Сераскиръ признавалъ сообщеніе сіе

необходимымъ и, согласіемъ на обезоруженіе баттарей, показалъ болѣе прежняго довѣренности къ безкорыстнымъ видамъ Россіи.

Вторымъ средствомъ представлялась оборона съ западныхъ береговъ. Я предлагалъ заблаговременно распорядиться оною и для того раздѣлить берега и заливы по участкамъ, подъ вѣдомствомъ особенныхъ начальниковъ, снабдивъ ихъ заранѣе наставленіями, чтобы они могли ознакомиться съ мѣстностію и дѣломъ; подчинить всѣхъ одному дѣятельному начальнику, коему отдать въ управленіе не только способы, зависящіе отъ правительства, но и всѣ учебныя суда, принадлежащія частнымъ людямъ; флотилію сію раздѣлить на дѣйствующіе отряды крейсеровъ и резервы, и имѣть наблюденіе, какъ въ проливахъ, такъ и по берегамъ Чернаго моря до самаго Синопа, чтобы и тамъ лишить Египтянъ средствъ къ пріобрѣтенію большаго числа лодокъ. Сераскиръ отвѣчалъ, что онъ намѣревался употребить большіе военные корабли для обороны проливовъ; но я представилъ ему всѣ затрудненія, съ коими это было сопряжено, и даже невозможность защитить проливъ парусными судами; объяснилъ, что непріятель могъ бы въ большихъ силахъ переплыть на гребныхъ судахъ, пока корабли будутъ сниматься съ якоря, и напомнилъ, что большія суда находятся всегда въ зависимости отъ вѣтровъ и теченія; наконецъ—что ихъ можно сжечь брандерами. Онъ съ большимъ вниманіемъ выслушалъ все сказанное о необходимости учредить многочисленную гребную флотилію, и согласился съ моимъ мнѣніемъ. Ахмедъ же паша просилъ повторить предложенныя мѣры и записалъ слова мои, какъ умѣлъ.

Третьимъ средствомъ былъ флотъ, стоявшій въ Дарданеллахъ. Такъ какъ онъ былъ многочисленнѣе Египетскаго, то мое мнѣніе было—отправить его для отысканія непріятельскаго и для пораженія онаго, или отвести въ Мраморное море корабли, если они слишкомъ разстроены. Сера-

скиръ былъ польщенъ похвалами моими насчетъ поведенія Галиль-паши, сберегшаго доселѣ флотъ отъ гибели, и признался, что опасается соревнованія, возбужденнаго въ египетскомъ адмиралѣ побѣдами сухопутныхъ войскъ. Такое соревнованіе, по мнѣнію его, возвысивъ духъ въ непріятельскомъ флотѣ, содѣлывало его грознымъ для ослабѣвшихъ турецкихъ морскихъ силъ. Посему Сераскиръ предпочелъ оставить главную часть флота въ Дарданеллахъ, отозвавъ только малое число судовъ къ Царюграду. Я не нашелъ нужнымъ оспаривать его мнѣнія.

Четвертое средство служило основою первымъ двумъ. Оно состояло въ томъ, чтобы соединить на западныхъ высотахъ близь Босфора, между Чернымъ и Мраморнымъ морями, все войско, находившееся тогда подъ рукою, также какъ и бѣглецовъ, возвращающихся изъ Азіи, и рекрутъ, вновь набранныхъ около Адріанополя. Царьградъ предполагалъ я занять только такимъ количествомъ войскъ, какое необходимо для сохраненія порядка въ городѣ, смѣняя изъ лагеря караулы въ столицѣ непремѣнно чрезъ каждые два дня. Самъ Султанъ, по мнѣнію моему, долженъ былъ поселиться въ лагерѣ. Центральное положеніе сего стана предоставляло ту выгоду, что посылаемыя изъ него войска могли въ скорости поспѣвать ко всѣмъ угрожаемымъ пунктамъ западныхъ береговъ и поражать непріятеля при самыхъ высадкахъ. Сераскиръ призналъ мысль сію основательною. Когда же дошло дѣло до переѣзда Султана въ лагерь, то онъ, по привычкѣ своей, покатился съ хохотомъ по софѣ, на которую онъ пересѣлъ во время совѣщанія, и, обратясь къ Ахмедъ-пашѣ, взялъ его въ свидѣтели, что онъ уже убѣждалъ Султана отправиться къ арміи, давая какъ бы мнѣ чувствовать симъ смѣхомъ, что Султанъ не тотъ человѣкъ, который бы рѣшился лично предводительствовать своимъ войскомъ противъ тысячъ непріятеля. Касательно же занятія Царяграда одними караулами, онъ отвѣчалъ, что и теперь въ городѣ не

болѣе 4 или 5 тысячъ гарнизона; но что, зная жителей, онъ не опасается возмущенія. Въ семъ отзывѣ было, можетъ быть, нѣсколько и хвастовства; однако справедливо и то, что Сераскиръ, пользуясь особеннымъ уваженіемъ народа, одинъ во всей Турціи могъ поручиться за спокойствіе столицы.

За симъ я обратилъ его вниманіе на мѣры, которыя необходимы въ такомъ случаѣ для продовольствія стана и столицы; на что онъ отвѣчалъ, что для избѣжанія голода Султанъ обратится съ испрошеніемъ пособія къ ближайшему сосѣду и лучшему другу своему — Государю Императору. Заключивъ такимъ образомъ изложеніе средствъ къ оборонѣ Царяграда, я предложилъ Сераскиру представить все сказанное мною на разсужденіе избранныхъ правительствомъ лицъ, для исполненія немедленно того, что́ признается нужнымъ, и это принялъ онъ съ удовольствіемъ.

Потомъ слѣдовали другія разсужденія. Предполагая, что Ибрагимъ-паша, по какимъ-либо причинамъ, останется зимовать въ Коніи, и что турецкій флотъ въ теченіе зимы исправится, я поставилъ на видъ, какъ бы выгодно было въ такихъ обстоятельствахъ отправить высадныя войска въ Египетъ или Сирію, чтобы уничтожить всѣ военныя заготовленія Египтянъ и отрѣзать отступленіе непріятелю. Мѣрамъ симъ, совершенно поражающимъ мятежъ въ его основаніи, способствовали бы и жители Сиріи, которыхъ Ибрагимъ-паша противъ себя вооружилъ всякими налогами и въ особенности вырубкою лѣсовъ въ завоеванномъ краѣ. Мысль эта была уже знакома Сераскиру, и онъ отвѣчалъ, что располагалъ весною послать десантъ въ Египетъ, но съ прискорбіемъ предусматривалъ, что Египетскій вождь не останется въ Коніи до весны, и сознался, что дурное состояніе флота не дозволяетъ ему надѣяться на исполненіе такого отважнаго предпріятія.

Сераскиръ вообще неохотно представлялъ себѣ вещи въ

настоящемъ видѣ, когда состояніе ихъ не льстило его надеждамъ; но я не скрылъ отъ него, что, вслѣдствіе безъизвѣстности, въ которой они находились, на́счетъ дѣйствій непріятельскаго флота, могла прійти неожиданная вѣсть о высадкѣ египетскихъ войскъ въ Эносѣ. Мысль эта поразила его; но, подумавши нѣсколько, онъ сказалъ, что имѣетъ въ виду способъ для отраженія внезапной высадки въ Эносѣ; какой же — онъ не объяснилъ, и я не затруднялъ его вопросами на этотъ счетъ.

Въ заключеніе, я совѣтовалъ обратить особенное вниманіе на медленность и безпечность во всѣхъ отрасляхъ военнаго управленія, и принять мѣры къ устраненію сего зла, все погубляющаго при самыхъ лучшихъ распоряженіяхъ. Онъ нисколько этимъ не обидѣлся, согласился съ мнѣніемъ моимъ, благодарилъ и обѣщалъ заняться.

Во все время совѣщанія, продолжавшагося около 4-хъ часовъ, Ахмедъ-паша мало говорилъ; но когда рѣчь шла о способахъ продовольствія, ожидаемыхъ, въ случаѣ надобности изъ Россіи, то онъ спросилъ меня, согласится ли Государь прислать къ Султану отъ двухъ до трехъ сотъ артиллеристовъ, которыхъ бы одѣли въ турецкое платье и употребили бы на береговыхъ баттареяхъ. Сераскиръ находилъ, что трехъ сотъ будетъ мало и что ихъ надобно болѣе. Я отвѣчалъ, что, не получивъ на сей счетъ никакого приказанія, не могу дать удовлетворительнаго отзыва, но представлю просьбу ихъ на милостивое рѣшеніе Государя, и присовокупилъ, что они не понимаютъ собственныхъ нуждъ своихъ. «Вамъ не пушки нужны въ нынѣшнихъ обстоятель-«ствахъ», продолжалъ я; «распря ва́ша должна рѣшиться хо-«лоднымъ оружіемъ—саблею, ятаганомъ». Ахмедъ-паша спросилъ, что̀ я разумѣлъ подъ холоднымъ оружіемъ, и не имѣютъ ли слова мои какого-либо отвлеченнаго значенія. «Нѣтъ», отвѣчалъ я, «говорю безъ обиняковъ: нужны духъ, храб-«рость и преданность вашему государю, и Сераскиръ-пашѣ

«предстоитъ оживить упадшій духъ въ войскѣ; впрочемъ вы не«вполнѣ выразились; просите, и тогда узнаете великодушіе «Государя».

Въ продолженіе совѣщанія, когда шла рѣчь объ опасности, предстоявшей самому Султану, я счелъ нужнымъ, для усугубленія довѣренности турецкихъ сановниковъ, объявить сказанное мнѣ лично Государемъ въ Петербургѣ, что если бы угрожавшія Султану бѣдствія поставили его въ необходимость искать убѣжища, то онъ найдетъ пріютъ во владѣніяхъ Его Величества. Предложеніе такого рода не оскорбило ихъ, и изъявленная ими признательность свидѣтельствовала о степени убѣжденія, въ которую они были приведены откровеннымъ изложеніемъ дурнаго состоянія дѣлъ Турціи.

Достигнувъ такимъ образомъ главной цѣли совѣщанія, я не хотѣлъ разстаться съ Сераскиромъ, не получивъ отъ него положительнаго согласія насчетъ отъѣзда Дюгамеля, коего отправленіе уже было рѣшено и готовилось. Сераскиръ не противился, но опять склонялъ меня повременить.

Ферикъ просилъ отсалютовать Султану, когда я съ фрегатомъ поплыву мимо дворца его, обѣщаясь отдать салютъ 21 выстрѣломъ. Я изъявилъ на то готовность; но вмѣстѣ съ тѣмъ усмотрѣлъ, что согласіе на рѣшенный отъѣздъ мой въ Египетъ не подвергалось больше сомнѣнію.

Кто бы подумалъ, что важное засѣданіе наше кончилось учебнымъ шагомъ, который оба совѣщатели просили меня предъ отъѣздомъ имъ показать! Я поставилъ ихъ въ рядъ, и заставилъ маршировать учебнымъ шагомъ въ два и три раздѣленія. Стоя долго на одной ногѣ и вымахивая другою, они теряли равновѣсіе и опирались на длинные чубуки, которые держали въ рукахъ. Упражненіе это занимало ихъ, какъ государственное дѣло. Неужели военное образованіе и просвѣщеніе цѣлаго народа должно непремѣнно имѣть такія начала? Старый Сераскиръ, человѣкъ умный, не разлучает-

ся съ ружьемъ; столъ въ его комнатѣ всегда уставленъ деревянными шашками, изображающими взводы; по нимъ учится онъ построенію баталіоновъ. Онъ готовъ посвятить симъ занятіямъ лучшую часть дня, прервать самыя важныя государственныя дѣла, чтобы похвастать передъ посторонними занятіемъ своимъ, или изучить какіе-либо новые пріемы ружья, какъ бы отыскивая въ томъ спасительное средство или заглушая душевное смущеніе свое въ тѣсныхъ обстоятельствахъ тогдашняго времени.

Дружелюбно простившись съ Сераскиромъ и Ахмедъ-пашею, я, по желанію перваго, послалъ къ нему въ собственныя руки, въ тотъ же вечеръ, списокъ съ читанной ему записки и карту Малой Азіи. На поляхъ карты выставилъ я краткій маршрутъ отъ Коніи до Скутари, чтобы обратить его вниманіе на главный предметъ и тѣмъ поддержать то впечатлѣніе, которое произвело на него послѣднее совѣщаніе.

На другой день 19-го пріѣзжалъ ко мнѣ посланный отъ Вогориди, помощникъ его, князь Каллимахи. Онъ просилъ меня препроводить къ Сераскиру записку о разсмотрѣнныхъ наканунѣ предметахъ и присоединить къ тому письмо, съ изложеніемъ мнѣнія, что нахожу одного Сераскира въ состояніи пособить Султану въ предстоявшихъ обстоятельствахъ. Каллимахи говорилъ, что Вогориди полагалъ это нужнымъ, дабы тѣмъ болѣе утвердить въ мысляхъ Султана довѣренность, которую онъ имѣлъ къ Сераскиру. Во всякомъ случаѣ, такое предложеніе было неумѣстно; но, въ совокупности съ настойчивостію, оказываемою Сераскиромъ, чтобы завладѣть моею запискою, такое требованіе подавало поводъ къ заключенію, что Сераскиръ домогался и записки моей для личныхъ видовъ своихъ. Можно было полагать, что онъ желалъ имѣть отъ меня актъ, который бы поднесъ на утвержденіе Султана съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ какого-либо несчастія, сослаться на мои совѣты и волю своего государя, или же для обнаруженія, въ случаѣ нужды, передъ иностранными миссіями того

участія, которое мы принимали въ самыхъ близкихъ для Турціи дѣлахъ. Кромѣ того, самое посредничество Вогороди могло быть ложное; довольно вѣроятно, что онъ имѣлъ цѣлью, передать записку мою во Французскую миссію.

Отклонивъ подъ разными предлогами домогательство его, я между прочимъ отозвался, что записка была уже отправлена въ собственныя руки къ Сераскиру. Каллимахи, между разговорами, сообщилъ мнѣ также объ опасеніи турецкаго правительства на счетъ могущихъ послѣдовать съ нашей стороны требованій, въ возмездіе за отправленіе флота на помощь Султану, или уплаты за сдѣланныя нами издержки на вооруженіе флота. Они, по видимому, не вполнѣ еще удостовѣрились въ мелькавшихъ уже среди думъ ихъ предположеніяхъ, что мы предпочитали союзъ съ слабымъ Махмудомъ сосѣдству буйнаго Мегмедъ-Али.

Плѣненіе верховнаго Визиря было гласно; въ кофейныхъ домахъ и повсюду разговаривали о претерпѣнномъ пораженіи. Правительство запрещало такіе разговоры, но не могло прекратить ихъ. Между прочимъ, разнесся слухъ, будто на мѣсто плѣненнаго Визиря назначится Ибрагимъ-паша; надобно думать, что о томъ было говорено кѣмъ либо изъ главныхъ лицъ Порты, и это легко могло придти на мысль въ тѣ времена всеобщаго страха. Могло быть также, что молва о томъ была пущена въ народѣ посредствомъ подосланныхъ отъ непріятеля людей. Слухъ сей вскорѣ затихъ; въ послѣдствіи же возобновился съ большимъ основаніемъ: говорили, что Египетскій паша, желая устранить Султана отъ царствованія, намѣревался возвести законнаго наслѣдника—сына его на престолъ, поставивъ на время малолѣтства новаго государя Ибрагимъ-пашу правителемъ имперіи. Нѣтъ сомнѣнія, что о томъ была рѣчь въ Портѣ; но несбыточное предположеніе такого рода могло только придти на мысль мечтательному Мегмедъ-Али, ибо онъ слишкомъ легко судилъ объ участіи, которое Россія приняла бы въ семъ дѣлѣ.

19-го и 20-го числъ я былъ занятъ донесеніями въ Петербургъ о дѣйствіяхъ своихъ въ Константинополѣ. Я увѣдомлялъ обо всемъ гр. Нессельроде и военнаго министра оффиціально, каждаго по своей части; сообщалъ также князю Меншикову то, чтò касалось до турецкаго флота и сношеній моихъ съ особами морскаго вѣдомства. Между прочимъ я писалъ ему о выговорѣ, сдѣланномъ Сераскиромъ Галиль-пашѣ за то, что послѣдній, по робости, не принялъ посланнаго къ нему мною съ поклономъ отъ князя Меншикова капитанъ-лейтенанта Серебрякова. Послѣ этого выговора Серебряковъ имѣлъ вездѣ доступъ, и новый турецкій адмиралъ, Тагиръ-паша, показалъ ему въ адмиральтействѣ все то, чтò можно было обозрѣть въ короткое время. Съ графомъ Орловымъ сносился я гораздо свободнѣе письмами, и ссылаясь на донесенія мои, которыя ему всегда показывали, излагалъ съ большою выразительностію всѣ странности турецкихъ сановниковъ, и нѣкоторыя подробности о регулярныхъ войскахъ въ томъ смѣшномъ видѣ, въ которомъ они представлялись. Всѣ донесенія мои и письма доходили до Государя съ разныхъ сторонъ, и давали ему полное понятіе о родѣ моихъ сношеній и ходѣ самаго дѣла.

Отправленіе Дюгамеля по наставленію графа Нессельроде, подъ видомъ частнаго путешественника, съ бумагами ко мнѣ въ Александрію, казалось мнѣ неудобнымъ. Его бы затруднили вопросы Ибрагимъ-паши въ проѣздъ чрезъ его лагерь; то же самое затрудненіе предстояло и мнѣ въ отзывахъ Египетскому пашѣ, кого бы немедленно увѣдомили о прибытіи къ арміи подозрительнаго лица; я предпочелъ дать ему гласное порученіе къ Мегмедъ Али-пашѣ, точно того же содержанія, какъ мое, пославъ его сухимъ путемъ подъ тѣмъ предлогомъ, что я могъ разминоваться съ пашею, ибо слышно было объ отъѣздѣ его къ арміи. Въ проѣздъ Дюгамеля черезъ Египетскій станъ, онъ долженъ былъ объявить Ибрагимъ-пашѣ содержаніе порученія своего, предложивъ ему пріостановить военныя дѣй-

ствія до дальнѣйшихъ приказаній, которыя онъ могъ получить отъ своего отца. Дюгамелю было назначено выѣхать изъ Царяграда 23-го декабря и велѣно на всякій случай оставить прежнія наставленія свои въ миссіи во избѣжаніе могущихъ встрѣтиться неудовольствій. Ему предоставлялось, по свиданіи съ Египетскимъ вождемъ, смотря по обстоятельствамъ, возвратиться моремъ въ Царьградъ на купеческомъ суднѣ или ѣхать черезъ Сирію въ Александрію, гдѣ впрочемъ я не имѣлъ въ виду его дожидаться.

Со мною отправлялся драгоманъ миссіи Кирико. Я располагалъ также взять бывшаго консула нашего въ Александріи, Лавизона, но онъ уклонялся отъ этой поѣздки; притомъ же Рейсъ-эффенди, какъ сказывалъ мнѣ Франкини, предупреждалъ меня, что появленіе Лавизона въ Александріи подастъ поводъ Египетскому пашѣ разгласить, будто его привезли съ намѣреніемъ водворить опять въ званіи консула, но что самъ Паша на то не согласился. Я охотно допустилъ причины сіи, чтобы оставить его въ Царѣградѣ; впрочемъ я и самъ не гнался за такимъ спутникомъ. Неприлично было мнѣ имѣть съ собою въ этой поѣздкѣ Француза, исполненнаго хвастовства и нескромности. Онъ имѣлъ уже давнія связи въ Александріи съ иностранцами, и мнѣ довелось бы на каждомъ шагу остерегаться его. Лавизона замѣнилъ при мнѣ драгоманъ Теодатти. Оба мои переводчика были Пероты: первый Кирико, молодой человѣкъ, съ нѣкоторымъ письменнымъ образованіемъ въ восточныхъ языкахъ; второй же Теодатти, старый, но бывшій уже два раза въ Египтѣ, въ томъ числѣ и съ Дашковымъ; онъ былъ малосвѣдущъ въ грамотѣ на турецкомъ языкѣ, но опытенъ, смѣлъ въ обхожденіи съ Турками, пріятенъ въ сношеніяхъ и заслуживалъ довѣріе; впрочемъ оба они въ дѣлахъ по службѣ съ посторонними лицами вели себя во все время скромно.

Въ народѣ носилась молва о движеніи египетскаго войска къ Константинополю; но въ сущности все еще Ибрагимъ-

паша оставался въ Коніи. Промедленіе сіе тогда спасло Султана: оно давало Туркамъ время опомниться; но они не воспользовались такою проволочкою, а только успокоились мыслями до первыхъ наступательныхъ дѣйствій Египтянъ. Какъ уже главныя занятія мои на берегу были кончены, то я не сталъ ожидать дальнѣйшихъ проволочекъ отъ турецкаго правительства, сѣлъ 20-го числа на фрегатъ и далъ капитану судна предписаніе плыть къ эскадрѣ адмирала Рикорда, находившейся въ Греческихъ водахъ близъ острова Пароса; но вѣтеръ сдѣлался столь сильный и порывистый, что нельзя было поднять якоря, и мы остались на рейдѣ Беюгъ-Дерэ еще два дня. Сношенія мои съ Бутеневымъ въ теченіе этого времени не прекращались. Онъ доставилъ мнѣ извѣстіе, хранившееся еще въ тайнѣ, о намѣреніи Порты послать Галиль-пашу въ Египетъ, для переговоровъ съ Мегмедъ-Али и, кромѣ того, особеннаго чиновника съ тою же цѣлію къ Ибрагимъ-пашѣ. Намѣреніе сіе возродилось, какъ кажется, по примѣру нашихъ дѣйствій. По видимому, Порта хотѣла пользоваться вліяніемъ нашимъ; но она всячески уклонялась отъ совмѣстныхъ переговоровъ, во избѣжаніе зависимости отъ насъ. Могло быть и то, что посылаемымъ лицамъ приказывалось наблюдать за дѣйствіями нашими въ Александріи и въ Египетскомъ станѣ; впрочемъ, объ отправленіи ихъ носились только слухи.

Довольно вѣрное было извѣстіе, сообщенное въ тайнѣ отъ Вогориди, о намѣреніи Султана переѣхать въ свой Константинопольскій дворецъ, что въ Серали. Относя сіе къ совѣтамъ неблагонамѣренныхъ людей, ибо Султанъ могъ быть совершеннымъ плѣнникомъ въ городѣ, я послалъ къ Вогориди записку, съ повтореніемъ своего мнѣнія о необходимости учредить на высотахъ близъ Царяграда станъ, въ коемъ бы самъ Султанъ присутствовалъ.

Передъ отъѣздомъ моимъ, Рёльи доставилъ ко мнѣ занимательныя свѣдѣнія о прошедшихъ военныхъ дѣйствіяхъ и

состоянiи Турецкой армiи, которыя я вскорѣ и отправилъ къ военному министру, съ ходатайствомъ объ его прощенiи, о чемъ я также писалъ и графу Орлову. Желая, чтобы поданные мною совѣты Сераскиру не остались втунѣ, по извѣстной безпечности Турокъ, я передалъ Рёльи содержанiе послѣдняго совѣщанiя моего съ Сераскиромъ, съ порученiемъ напоминать ему, по возможности, о сдѣланныхъ мною предложенiяхъ для защиты столицы, чѣмъ и заключились занятiя мои въ Константинополѣ.

ГЛАВА III.

Выѣздъ изъ Царяграда и пребываніе въ Александріи.

Мы снялись съ якоря 23-го декабря и спустились по Босфору; поровнявшись съ султанскимъ дворцомъ Чараганомъ, салютовали двадцатью однимъ пушечнымъ выстрѣломъ и ружейною пальбою черезъ борты. Матросы были поставлены по вантамъ и кричали ура; музыка на шканцахъ играла султанскій маршъ, вытверженный въ Беюгъ-Дерэ. Намъ отвѣчали такимъ же числомъ выстрѣловъ изъ орудій, поставленныхъ нарочно по сему случаю на берегу противъ дворца, чего еще, какъ мнѣ говорили, ни для кого не дѣлалось. Съ такими же почестями проводили меня до выхода изъ Босфора. Изъ пристани выдвинули корветъ, недавно купленный у Американцевъ, съ коего также салютовали двадцатью-однимъ выстрѣломъ, и опять тѣмъ же числомъ изъ Сераля, такъ что мы едва успѣвали отстрѣливаться, ибо плыли быстро, и отвѣчали на послѣдніе два салюта почти уже изъ Мраморнаго моря. Бутеневъ, провожавшій насъ далѣе Сераля, съѣхалъ на берегъ у Семи-Башень. Нашъ фрегатъ передъ вечеромъ сталъ на якорѣ въ Мраморномъ морѣ, у европейскаго берега, близъ селенія св. Стефана.

24-го послѣ полуночи мы снялись съ якоря и, при свѣжемъ

вѣтрѣ, приплыли къ Геллеспонту. Миновавъ Галлиполи, мы увидѣли у восточнаго берега турецкій флотъ, стоявшій на якорѣ при Лампсаки. Онъ состоялъ изъ двухъ трехъ-дечныхъ стопушечныхъ кораблей, четырехъ двухъ-дечныхъ семидесятныхъ, шести фрегатовъ, такого же числа корветовъ и четырехъ бриговъ. Положеніе флота при Лампсаки было довольно странно: онъ ничего не защищалъ и, по большому отдаленію отъ береговыхъ батарей, никоимъ образомъ не могъ содѣйствовать имъ въ преграждeніи входа египетскому флоту. Коль скоро насъ замѣтили, суда немедленно подняли флаги, въ томъ числѣ одинъ адмиральскій, одинъ вице- и одинъ контръ-адмиральскій; но едва успѣли поднять ихъ, какъ главный адмиральскій флагъ сорвался съ гротъ-мачты и полетѣлъ къ бизани. на которой и запутался. Неудачное появленіе турецкаго флага въ присутствіи русскаго фрегата конечно не могло служить предзнаменованіемъ, но этимъ случаемъ повѣрялись отчасти извѣстія о неисправности султанскаго флота, поистинѣ не уступающей въ своемъ родѣ неисправностямъ сухопутнаго войска.

Мы быстро подвигались въ Геллеспонтъ, и намъ, по мѣрѣ приближенія къ Дарданельскимъ замкамъ, открывались батареи, сооруженныя на обоихъ берегахъ пролива. Занимательная по воспоминаніямъ древности, страна сія нынѣ мало населена и представляетъ болѣе видъ пустыни. Берега у горы Херсонеса Ѳракійскаго возвышеннѣе тѣхъ, которые тянутся на восточной сторонѣ отрогами отъ горы Иды. Мы миновали мысъ Нагару, гдѣ былъ въ древности Абидосъ и противъ него въ Европѣ Сестосъ, между коими переплывалъ встарину Леандръ для свиданія съ Геро, а въ новыя времена Байронъ, движимый тщеславнымъ желаніемъ передать подвигъ въ потомство. Краткость времени не позволила мнѣ съѣхать на берегъ, чтобы удовлетворить любопытству въ изысканіи остатковъ древностей, которые впрочемъ уже достаточно изслѣдованы ногими путешественниками.

Обогнувъ мысъ Нагару, мы увидѣли Дарданельскіе замки съ многочисленными батареями, защищающими проливъ, который въ семъ мѣстѣ довольно узокъ (*). Наружный видъ ихъ издалека грозенъ. Укрѣпленія унизаны цѣлыми рядами орудій. Спереди ихъ сложены пирамидами—огромныя, бѣлыя, мраморныя ядра, имѣющія болѣе аршина въ поперечникѣ и соединяющія полетомъ своимъ Европу съ Азіею. Изъ башень торчатъ надъ амбразурами длинные банники. Городокъ, окружающій Азійскій замокъ, по видимому, многолюденъ, но не имѣетъ ни одного порядочнаго строенія. При появленіи фрегата моего, Французскій и Англійскій консулы подняли на домахъ флаги своихъ націй. Меня всего болѣе поразилъ недостатокъ обороны укрѣпленій съ сухаго пути, и я тогда же вознамѣрился при первомъ случаѣ сообщить мои замѣчанія о томъ Сераскиру. Во время проѣзда моего мимо Азійскаго Дарданельскаго замка, или, какъ его Турки называютъ, Чанахъ-калэ, отплывалъ оттуда къ турецкому флоту пароходъ подъ адмиральскимъ флагомъ. То былъ новый адмиралъ Тагиръ-паша, принявшій начальство надъ флотомъ. Мы разминовались безъ всякихъ салютовъ.

Вскорѣ остались позади насъ послѣднія укрѣпленія: Кумъ-калэ, при мысѣ Сигейскомъ, на Азійскомъ берегу, и Седильбегаръ, иначе Яни-калэ, при мысѣ Элеонтскомъ, на Европейскомъ берегу. Въ тотъ же вечеръ открылись: островъ Тенедосъ со своимъ замкомъ и знаменитая Троада. Мы увидѣли на берегу ея холмы, называемые гробницами Ахиллеса, Патрокла и Аякса. За тѣмъ ночь вскорѣ застала насъ, и мы продолжали плаваніе, хотя при попутномъ вѣтрѣ, но весьма сильномъ, съ порывами. На разсвѣтѣ 25-го декабря мы увидѣли островъ Андросъ, и вскорѣ открылись намъ Негропонтъ и Аттика. Мы прошли очень близко мыса Суніумъ, который нынѣ называется Капъ-колонна, по находя-

(*) Военное состояніе батарей и укрѣпленій, защищающихъ проливъ, показано съ подробностію ниже.

щимся на немъ остаткамъ храма Минервы. Великолѣпныя развалины сіи состоятъ еще изъ девяти мраморныхъ колоннъ, связанныхъ по капителямъ энтаблементомъ, и изъ нѣсколькихъ колоннъ, стоящихъ за ними отдѣльно. У основанія зданія лежатъ обломки. При видѣ этого памятника, воображеніе съ благоговѣйнымъ вниманіемъ переносится въ самыя отдаленныя времена. Мнится видѣть Платона, преподающаго у подножія храма ученіе свое послѣдователямъ его школы.

Вѣтеръ все былъ очень свѣжій, такъ что мы шли по 12-ти миль въ часъ, и у насъ изоврало гротъ-марсель. Того же числа къ вечеру мы прибыли къ острову Поросъ, за коимъ видны были мачты судовъ вице-адмирала Рикорда, находившихся между островомъ и Мореею. Мы бросили якорь па юго-восточной сторонѣ острова, въ бухтѣ, называемой монастырскою. Эскадра стояла съ такою оплошностію, что не замѣтила даже приближенія фрегата. По прибытіи, я послалъ ночью Серебрякова къ адмиралу для извѣщенія его о моемъ пріѣздѣ, котораго онъ не ожидалъ. Онъ хотѣлъ навѣстить меня на другой день и просилъ, чтобы я выставилъ карантинный флагъ, для соблюденія правилъ, принятыхъ Греческимъ правительствомъ во избѣжаніе неудовольствій съ союзными адмиралами. Они въ то время находились съ судами своими въ Навпліи, но не упустили бы замѣтить нарушеніе установленнаго порядка.

26-го декабря пріѣхалъ ко мнѣ вице-адмиралъ Рикордъ. Я передалъ ему бумаги, которыя къ нему имѣлъ, и сообщилъ порученіе мое. Онъ еще не зналъ о пораженіи Визиря подъ Коніею, которое, вѣроятно, не было также извѣстно на союзныхъ эскадрахъ. Рикордъ ознакомилъ меня съ состояніемъ дѣлъ нашихъ въ Греціи. Ожидали прибытія въ Навплію Греческаго короля. По словамъ его заключить можно было, что вліяніе наше въ дѣлахъ Греціи приходило въ сильный упадокъ, въ правительствѣ—послѣ убіенія графа Каподистріи, а въ народѣ—послѣ участія, принятаго на-

ми при усмиреніи бунта Идріотовъ. Вліяніе Французовъ и Англичанъ уже превышало наше. Дѣйствія ихъ не согласовались съ нашими; однако же замѣтно было измѣненіе въ рѣчахъ французскаго адмирала Гюгона (Hugon), который съ нѣкотораго времени порицалъ поступки Мегмедъ-Али, разглашая мнѣніе, что надобно было силою оружія смирить Пашу, возмутившагося противъ своего законнаго государя. Рикордъ увѣдомилъ меня о распущенныхъ приверженцами Мегмедъ-Али въ Негропонтѣ слухахъ, будто нашъ консулъ Лавизонъ оставилъ Александрію не по распоряженіямъ нашего правительства, но былъ выславъ оттуда Пашею, вслѣдствіе неблагопріятнаго расположенія Государя. Молва эта служила, можетъ быть, поводомъ Туркамъ для отклоненія поѣздки его со мною. Я узналъ также, что весь египетскій флотъ возвратился изъ похода въ Александрійскій портъ.

При началѣ военныхъ дѣйствій съ Турціею, Египетскій паша дерзнулъ секвестровать въ Александріи одно купеческое судно подъ русскимъ флагомъ, со всѣмъ имѣвшимся наономъ грузомъ, принадлежавшее какимъ-то Итальянцамъ, получившимъ право пользоваться нашимъ флагомъ. Когда извѣстіе о томъ дошло въ Петербургъ, то Рикорду предписали отправить одно военное судно въ Александрію, съ порученіемъ замѣтить Пашѣ поступокъ его и требовать возвращенія товаровъ. Это дѣло было тогда возложено на брата посланника, капитанъ-лейтенанта Бутенева, командовавшаго бригомъ «Парисъ», изъ эскадры вице-адмирала Рикорда. Бутеневу приказано было, въ случаѣ отказа со стороны Египетскаго паши, напасть, при выходѣ изъ Александрійскаго порта, на первое египетское судно, которое ему встрѣтится и захватить его. Онъ воспользовался даннымъ ему порученіемъ, чтобы видѣть занимательныя мѣста Леванта и заѣзжалъ въ Кипръ. Въ Александріи Паша принялъ его очень дружелюбно, по обыкновенію жаловался на Султана, обнаруживалъ особенное уваженіе къ волѣ Государя, и обѣщалъ

отдать все имъ захваченное. Сего однако же еще не было исполнено, при возвращеніи моемъ изъ Турціи, лѣтомъ 1833-го года. Капитанъ-лейтенантъ Бутеневъ удовольствовался тогда льстивыми отзывами Паши, и, возвратясь, поспѣшилъ донести о своемъ успѣхѣ. Донесеніе его, основанное на вѣрномъ разсчетѣ, имѣло болѣе удачи въ Петербургѣ, чѣмъ порученіе въ Египтѣ. Лживое подобострастіе, показанное Пашею, ослѣпило графа Нессельроде, и изъ того заключили о готовности Мегмедъ-Али повиноваться волѣ Государя....

При выѣздѣ моемъ изъ Царяграда, посланникъ Апполинарій Петровичъ Бутеневъ говорилъ мнѣ о братѣ своемъ, уже возвратившемся изъ Египта къ эскадрѣ въ Греческія воды. Имѣя въ виду, что онъ могъ доставить мнѣ занимательныя свѣдѣнія о Пашѣ и состояніи дѣлъ въ Египтѣ, я просилъ вице-адмирала Рикорда прислать его ко мнѣ; но бригъ «Парисъ» находился въ то время въ Навпліи. Мнѣ нельзя было дожидаться прибытія его въ Поросѣ, и какъ Рикордъ имѣлъ повелѣніе способствовать къ исполненію возложеннаго на меня дѣла, то мы условились послать сухимъ путемъ нарочнаго въ Навплію съ секретнымъ повелѣніемъ къ Бутеневу, чтобы онъ поспѣшилъ отплыть въ Александрію, гдѣ долженъ былъ ко мнѣ явиться. Ему предписывалось разгласить между тѣмъ въ Навпліи иные слухи о направленіи, ему данномъ. Такимъ распоряженіемъ избѣгалъ я гласности и наблюденій союзныхъ адмираловъ, которые, вѣроятно, послали бы также суда свои въ Александрію, чтобы слѣдить за моими дѣйствіями, еслибъ узнали о настоящемъ назначеніи брига. Присутствіе «Париса» находилъ я также нужнымъ въ Египтѣ для того, чтобы, на обратномъ пути въ Константинополь, увѣдомить прямо съ нимъ Рикорда о послѣдствіяхъ моего порученія. Кромѣ того я надѣялся найти въ Бутеневѣ опытнаго помощника въ сношеніяхъ моихъ съ прочими лицами; но, завлекшись увеселеніями и сдѣ-

ланными имъ знакомствами въ обширномъ и вольнодумномъ кругу Европейцевъ, населяющихъ Александрію, онъ говорилъ и дѣйствовалъ въ ихъ смыслѣ. Онъ не оставилъ между ними и у двора Паши впечатлѣнія угрозы, а напротивъ того пріятное воспоминаніе краткаго пребыванія умнаго и ловкаго русскаго офицера, на котораго обращено было вниманіе тамошнихъ дамъ.

Бутеневъ имѣлъ большія дарованія; его признавали отличнымъ морскимъ офицеромъ. Лишившись правой руки въ сраженіи подъ Навариномъ, онъ сдѣлался извѣстнымъ, и ловкость, съ коею онъ, не взирая на увѣчье, исполнялъ службу, придала ему занимательности. Онъ имѣлъ весьма хорошее образованіе....

Вице-адмиралъ Рикордъ обѣдалъ въ тотъ день у меня. По отъѣздѣ его, тогда же я изготовилъ донесенія въ Петербургъ и увѣдомлялъ между прочимъ посланника Бутенева о замѣченныхъ мною недостаткахъ въ оборонѣ Дарданельскихъ замковъ, чтобы онъ сообщилъ о нихъ Сераскиру, въ дополненіе сдѣланныхъ ему передъ моимъ отъѣздомъ замѣчаній. Бумаги сіи на другой день были переданы вице-адмиралу Рикорду, которой послалъ ихъ черезъ два дня съ бригомъ, отплывавшимъ всегда въ срочное время съ депешами въ Смирну, откуда уже онѣ посылались нашимъ консуломъ Ивановымъ въ Царьградъ.

27-го числа пріѣхалъ ко мнѣ вице-адмиралъ Рикордъ и пригласилъ къ обѣду на фрегатъ «Княгиня Ловичъ», на коемъ онъ жилъ. Мы отправились вмѣстѣ, и я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы взглянуть на уголокъ Греціи, и, хотя мгновенно, побывать на матерой землѣ въ Мореѣ. Намъ открылся городокъ Поросъ, построенный уступами на юго-западной покатости горы, составляющей весь островъ. День былъ ясный. Видъ городка, не заключающаго впрочемъ порядочныхъ строеній, очень красивъ. Мимо насъ быстро проносились лодки, вѣрхомъ нагруженныя апельсинами. Пре-

лестная роща апельсинныхъ деревъ золотилась на твердомъ берегу, по коему вездѣ видны сады. Въ глубинѣ рейда стояла эскадра, а противъ нея, на берегу Пороса, виднѣлись строенія, нами воздвигнутыя для адмиралтейскихъ работъ и разныхъ складовъ. Рикордъ показывалъ мнѣ вдали мѣстоположеніе развалинъ древней Трезены. Говорили, что съ высотъ Пороса видны бываютъ въ ясный день берега Аттики и мѣсто, занимаемое Аѳинами; но краткость времени не позволила удовлетворить моему любопытству. Мы съѣхали на берегъ Мореи и прогуливались нѣсколько времени въ саду, довольно запущенномъ, но въ коемъ новый владѣлецъ, по малой изящности, думалъ украсить длинную аллею, уставивъ ее двумя рядами древнихъ мраморныхъ колоннъ. День былъ очень теплый, и не взирая на позднее время года, все цвѣло и зеленѣлось въ очаровательной странѣ, воспѣтой Байрономъ.

Отобѣдавъ у Рикорда, я осмотрѣлъ весь фрегатъ его «Княгиня Ловичь», содержавшійся въ отличномъ порядкѣ и чистотѣ. Къ вечеру; я возвратился на «Штандартъ» и въ 10-мъ часу по полудни, снялся съ якоря.

28-го плаваніе продолжалось. Островъ Кандія оставался въ правой сторонѣ; его однако же нельзя было видѣть, по причинѣ пасмурной погоды. Вѣтеръ былъ способный, но насъ безпокоила качка. 29-го къ вечеру вѣтеръ перемѣнился и сдѣлался совершенно противнымъ. Лавировали. Погода, въ теченіи дня, при солнечномъ сіяніи, была теплая и пріятная. 30-го вѣтеръ былъ также противный и перерывался небольшими шквалами съ дождемъ; подъ вечеръ заштилѣло, и сдѣлалась сильная зыбь. 31-го съ полуночи подулъ попутный вѣтеръ, и мы цѣлый день подвигались впередъ. Когда же смерклось, то матросы, при свѣтѣ фонарей, праздновали встрѣчу новаго года плясками и разными представленіями. Въ полночь всѣ собрались къ молитвѣ.

Перваго числа января 1833-го года, передъ полуднемъ,

открылась намъ Александрія. Въ семъ мѣстѣ берега Африки представляютъ совершенную пустыню, безъ всякаго возвышенія и произрастенія. Александрія издали не имѣетъ вида пышнаго города, но замѣтны нѣкоторыя возвышенныя зданія, какъ-то: цитадель и дворецъ Паши. Знаменитый столпъ Септимія-Севера, болѣе извѣстный подъ ошибочнымъ названіемъ Помпеевой колонны, издалека виднѣется въ правой сторонѣ города.

Въѣздъ въ главный военный, или западный, портъ Александріи очень затруднителенъ. Онъ закрытъ съ сѣверной стороны рядомъ подводныхъ камней, которые узнаются по бѣлымъ бурунамъ, надъ ними волнующимся, отъ чего портъ кажется совершенно открытымъ. Узкій проливъ, ведущій въ эту негостепріимную гавань, имѣетъ, сверхъ того, много подводныхъ отмелей, и потому никакое судно не можетъ войти безъ пособія мѣстныхъ лоцмановъ. Они содержатся отъ Паши, и всегда являются съ лодками передъ проливомъ, когда съ цитадели издали замѣтятъ въ морѣ судно; но въ дурную погоду лоцманы не выѣзжаютъ, и тогда суда должны держаться въ морѣ подъ опасеніемъ разбиться о пустынные берега Африки.

Приближаясь къ Александріи, мы увидѣли выѣхавшаго къ намъ навстрѣчу лоцмана, который стоялъ по ту сторону каменной гряды и махалъ флагомъ, служившимъ направленіемъ для нашего судна; когда мы поровнялись съ лоцманомъ, то онъ взошелъ на фрегатъ и, проводивъ насъ разными галсами между отмелями, привелъ въ средину порта, гдѣ мы бросили якорь, нѣсколько въ сторонѣ отъ всего египетскаго флота, тутъ стоявшаго. Въ портѣ было много купеческихъ судовъ всѣхъ націй, одно военное французское судно небольшаго ранга и присланный изъ Тулона пароходъ «Луксоръ», названный такъ по Луксорскому обелиску, который онъ долженъ былъ отвезти во Францію. На цитадели и военныхъ судахъ Паши развѣвались турецкіе флаги; но ни-

какихъ взаимныхъ салютовъ съ чьей-либо стороны не было сдѣлано. Обоюдное молчаніе наше достаточно обнаруживало всѣмъ, что россійскій фрегатъ прибылъ не съ дружелюбными предложеніями. Всѣ прочія суда другихъ державъ, какъ военныя, такъ и купеческія, при входѣ и выходѣ изъ порта, всегда салютовали нѣсколькими пушечными выстрѣлами крѣпостному флагу возмутившагося Паши, на что имъ отвѣчали безъ замедленія; но я, по званію своему, не считалъ себя обязаннымъ отдать почести турецкому флагу въ рукахъ мятежника (*).

Въ слѣдъ по прибытіи моемъ въ Александрійскій портъ, что̀ было послѣ полудня, пріѣхалъ ко мнѣ на фрегатъ Тосканскій консулъ Россетти съ предложеніемъ своихъ услугъ. Въ Александріи находится до 5 т. Европейцевъ, издавна тамъ поселившихся и занимающихся торговлею. Они уже совершенно освоились въ томъ краю и, забывъ отечество, предались единственно видамъ своей промышленности. Они возбуждаютъ Мегмедъ-Али къ возстанію, чтобы болѣе расширить кругъ своихъ оборотовъ и тѣмъ обезпечить капиталы, ввѣренные ими Пашѣ. Въ числѣ этихъ людей былъ и Россетти; но, движимый еще видами честолюбія, онъ старался всегда угодить пріѣзжающимъ въ ту сторону Русскимъ, черезъ ходатайство коихъ получалъ отъ двора нашего награжденія и ордена за какія-то мнимыя услуги. Отецъ и дядя его находились точно на томъ же поприщѣ тщеславія и корысти въ Александріи, и имъ удалось сими средствами прослыть за людей, трудящихся въ видахъ нашего правительства. Званіе Тосканскаго консула казалось Россетти слишкомъ малозначущимъ, и онъ домогался мѣста генеральнаго консула Россіи въ Египтѣ. Оно не шло ему, какъ по званію торговца, при коемъ онъ не могъ поддержать достоинства двора

(*) При выѣздѣ моемъ изъ Петербурга, я упустилъ изъ вида спросить министерство, какимъ флагомъ я долженъ пользоваться по званію, на меня возложенному, а потому и не имѣлъ никакого.

нашего, такъ и по тѣсной связи его съ Пашею, съ которымъ онъ имѣлъ денежные обороты, отъ чего и благосостояніе его было неразлучно съ могуществомъ Мегмедъ-Али.

Представивъ такимъ образомъ Россетти въ политическомъ его быту, нельзя не отдать справедливости качествамъ души этого человѣка. Онъ отличался отъ прочихъ жителей Александріи гостепріимствомъ своимъ для каждаго, былъ услужливъ, добрый семьянинъ и, какъ слышно было, вообще уваженъ и любимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ поспѣшилъ пріѣхать ко мнѣ подъ видомъ частнаго посѣтителя, по приказанію самаго Паши, для узнанія цѣли моего пріѣзда. Онъ хвалился пріязнію брата моего, путешествовавшаго по Египту послѣ Турецкой войны 1829 года. Знавши, что онъ точно оказалъ въ то время услуги брату, я его принялъ дружески; но избѣгалъ всякаго разговора о дѣлахъ, какъ потому, что я уже былъ предупрежденъ на счетъ духа александрійскихъ Франковъ (какъ называютъ тамошнихъ Европейцевъ), какъ и потому, что я взялъ себѣ за правило никому не довѣрять, а имѣть дѣло съ Пашею безъ всякаго посредничества.

Россетти, по видимому, удивляла моя недовѣрчивость и молчаливость въ дѣлахъ. Онъ воздержался отъ нескромныхъ спросовъ; но съ намѣреніемъ завлечь меня въ желаемый разговоръ, онъ сначала, какъ бы усердствуя пользамъ нашимъ, сообщилъ, что наканунѣ прибылъ въ Александрію французскій бригъ «Драконъ» изъ Смирны, откуда онъ отплылъ 26-го декабря. По словамъ его, бригъ привезъ изъ Царяграда изъ французской миссіи французскому консулу Мимо (Mimaut) извѣстіе о скоромъ прибытіи къ Мегмедъ-Али-пашѣ русскаго генерала на фрегатѣ, и депеши съ объясненіемъ порученія моего. Французскій консулъ въ Смирнѣ, отправляя съ поспѣшностію бригъ, не зналъ содержанія запечатанныхъ бумагъ, при томъ случаѣ сопровождавшихся; но онъ сообщилъ Мимо молву, распростанившуюся въ Смирнѣ черезъ купцовъ, что въ Царѣградѣ былъ бунтъ, при коемъ

сожгли арсеналъ, и что едва ли въ семъ случаѣ Султанъ самъ спасся.

Россетти не могъ скрыть своего удовольствія и передалъ мнѣ эти слухи съ торопливостью и торжествомъ. Я доказалъ несправедливость ихъ сличеніемъ чиселъ. Онъ говорилъ, что это случилось два или три дня послѣ отплытія моего изъ Царяграда, полагая, что я отплылъ изъ столицы Султана въ тотъ самый день, какъ сѣлъ изъ Беюгъ-дерэ обратно на фрегатъ, т. е. 20-го числа декабря; но увидѣлъ ошибку свою, когда узналъ, что я выѣхалъ изъ Царяграда только 23-го и провелъ всю почь на 24-е число на якорѣ въ виду Константинополя; слѣд. эти слухи не могли бы отъ меня укрыться, если бы они были справедливы. Напротивъ того, Россетти увѣрился изъ словъ моихъ, что въ Царѣградѣ не происходило ничего даже похожаго на возмущеніе, и что послѣднюю ночь не было замѣтно никакого зарева надъ столицею. Притомъ же слухи его вышли 26-го декабря изъ Смирны, куда суда не приходятъ изъ Царяграда скорѣе, какъ въ два или три дня: слѣдственно мои извѣстія были самыя свѣжія. Пальба, произведенная при отплытіи моемъ изъ Царяграда, могла быть услышана въ Мраморномъ морѣ какимъ нибудь купеческимъ судномъ, коего шкиперъ, услужливый пашѣ или намъ неблагонамѣренный, поспѣшилъ, можетъ быть, порадовать въ Смирнѣ приверженцевъ Мегмедъ-Али, и неосновательныя заключенія обратились, какъ всегда въ такихъ случаяхъ бываетъ, въ извѣстія.

Послѣ того Россетти передалъ мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія, полученныя въ Египтѣ о пораженіи Визиря подъ Коніею, и между прочимъ, что Визирь во время дѣла упалъ съ убитой подъ нимъ лошади въ снѣгъ и такимъ образомъ попался въ плѣнъ. Подробности о сраженіи передавалъ онъ довольно вѣрно, но съ виднымъ расположеніемъ въ пользу Египтянъ и хвастовствомъ. Онъ говорилъ, что нѣкоторые изъ турецкихъ начальниковъ перешли съ своими войсками, послѣ пораженія,

на сторону Египтянъ. Мнѣ любопытно было знать, тронулся ли Ибрагимъ-паша послѣ побѣды впередъ; но Россетти утвердительно сказалъ мнѣ, что нѣтъ, потому что онъ долженъ былъ послать часть своихъ войскъ въ сторону къ Сивасу и Кесаріи для отраженія находившагося у него въ тылу Османъ-паши. На вопросы же мои о дѣйствіяхъ этого паши, онъ отвѣчалъ, что ничего болѣе не знаетъ о немъ, и самъ спросилъ съ ужимкою, которою хотѣлъ показать презрѣніе къ сему военачальнику, не знаю ли я, кто онъ такой. «Паша Трапезунтскій,» сказалъ я. Онъ тогда предложилъ доставить мнѣ объявленіе о побѣдахъ Ибрагимъ-паши, которое скоро должно было выдти изъ печати; однако же, во все время пребыванія моего въ Египтѣ, я не видалъ этого объявленія.

Изъ рѣчей Россетти можно было съ одной стороны полагать, что онъ имѣлъ понятіе о родѣ порученія моего и оскорблялся малою довѣренностью, которую я ему показывалъ, ибо онъ съ торжественностію выставлялъ успѣхи и подвиги Египтянъ, присовокупляя къ тому извѣстія о различныхъ возмущеніяхъ, произшедшихъ противъ Султана въ областяхъ Малой Азіи, какъ бы во свидѣтельство всеобщаго неудовольствія народа въ имперіи. Съ другой стороны полагать можно было, что онъ подозрѣвалъ какую либо тайную цѣль правительства нашего, скрывавшуюся подъ разглашенными извѣстіями о предметѣ моего посольства, и совершенно имъ противную. Въ такомъ случаѣ, онъ думалъ мнѣ понравиться передаваемыми имъ свѣдѣніями.

Явно однако же было, что онъ всего болѣе старался по расположенію моему развѣдать о настоящей цѣли, съ коею я пріѣхалъ.

Такъ какъ Россетти при отъѣздѣ опять предлагалъ мнѣ услуги свои, то я просилъ его доставить случай къ свиданію въ тотъ же вечеръ съ Пашею, отправляемому мною на берегъ переводчику Теодатти, которому я поручилъ объявить о пріѣздѣ моемъ и договориться о времени пріема. Вслѣдъ за

Россетти, пріѣхалъ ко мнѣ какой-то Итальянецъ Скилецци, называвшій себя русскимъ подданнымъ и бывшимъ капитаномъ надъ портомъ при нашемъ консульствѣ въ Александріи; человѣкъ темный и безгласный. Поспѣшая услужить мнѣ доставленіемъ различныхъ свѣдѣній, онъ сообщилъ извѣстіе о привезенномъ французскимъ бригомъ слухѣ, что изъ Россіи идетъ на помощь Султану 500 т. войска, и будто слухъ сей много тревожитъ Египетскаго пашу.

Теодатти не засталъ дома Паши, который въ то время находился въ арсеналѣ и занимался разговоромъ съ французскимъ консуломъ; но когда ему доложили о моемъ пріѣздѣ, то онъ возвратился домой и принялъ Теодатти съ приличною вѣжливостію. Онъ показывалъ себя веселымъ и совершенно равнодушнымъ къ моему пріѣзду и не любопытствовалъ узнать о причинѣ онаго. Жалуясь на нездоровье, онъ сказалъ, что готовъ принять меня во всякое время, когда мнѣ будетъ угодно. Назначили свиданіе на другой день въ восемь часовъ утра, или вечеромъ; я избралъ первое и послалъ опять Теодатти съ отвѣтомъ на берегъ.

Въ продолженіи того дня пріѣзжалъ еще на фрегатъ капитанъ одного египетскаго линейнаго корабля, Англичанинъ Прессикъ. Онъ говорилъ, что въ молодости своей, когда-то, былъ записанъ въ нашей морской службѣ гардемариномъ въ Балтикѣ; но не объяснилъ, какимъ случаемъ изъ нея выбылъ. Служивъ послѣ того въ Англійскомъ флотѣ, онъ командовалъ судномъ въ сраженіи подъ Навариномъ, и неизвѣстно мнѣ какими судьбами перешелъ послѣ того въ службу къ Пашѣ. Прессикъ превозносилъ устройство, какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ войскъ Паши, коихъ силы онъ преувеличивалъ безъ мѣры, и хвалился въ особенности расторопностію Арабовъ въ морскомъ дѣлѣ. Онъ говорилъ, что на дняхъ отправлялось судно въ Тарсусъ для привезенія въ Александрію плѣннаго Визиря. Прессика угостили наши морскіе офицеры, которые отдали ему посѣщеніе, и

воспользовались его знакомствомъ, чтобы осмотрѣть египетскія суда.

2-го числа рано поутру я поѣхалъ во дворецъ и причалилъ въ назначенное время къ пристани. Нашъ катеръ, по мелководію, не могъ подойти къ берегу, а на пристани никого не было для встрѣчи; но когда изъ оконъ дворца увидѣли затрудненіе, въ какомъ я находился, то выслали немедленно лодочниковъ, которые на плоскодонномъ суднѣ высадили меня на берегъ. Между тѣмъ сбѣжались изъ дворца разные чиновники, или слуги Паши, и безмолвно проводили меня во дворецъ. Со мною были всѣ офицеры, кромѣ морскихъ.

Строеніе, занимаемое Пашею, довольно обширно; пріемная комната во второмъ этажѣ, и окна, у которыхъ онъ сидитъ, сколько мнѣ помнится, обращены къ пристани. Я взошелъ по большому крыльцу и былъ встрѣченъ переводчикомъ и повѣреннымъ Паши, Армяниномъ Богосъ-Юсуфомъ, — ловкій плутъ, коего голова уже была разъ на плахѣ. Богосъ, пользуясь неограниченною довѣренностію Паши, пріобрѣтаетъ большія богатства; но вмѣстѣ съ тѣмъ, помня гнѣвъ повелителя своего, пребываетъ во всегдашнемъ страхѣ. Я былъ въ полномъ мундирѣ. Меня преслѣдовали до самой пріемной нѣсколько иностранцевъ, завлеченныхъ любопытствомъ, или высланныхъ для наблюденія консулами своими.

Я вошелъ, въ сопровожденіи всѣхъ офицеровъ, нѣсколькихъ иностранцевъ и Турокъ, въ обширную, чисто, но просто убранную залу, близь угла коей на софѣ сидѣлъ Паша, поджавши ноги. Онъ былъ одѣтъ по старинному турецкому обычаю, опоясанъ саблею и имѣлъ на головѣ чалму. Едва я вошелъ, какъ онъ всталъ, прошелъ нѣсколько шаговъ ко мнѣ на встрѣчу, и, пригласивъ меня сѣсть на софу подлѣ своего мѣста, самъ сѣлъ. Паша роста небольшаго, старъ, взглядъ его скрытый и лукавый. Бѣглые и быстрые небольшіе глаза его сверкаютъ изъ-подъ навислыхъ бровей. Вну-

треннее волненіе его отзывается во всѣхъ пріемахъ; въ членахъ замѣтна необходимость къ движенію и безпокойствіе, вообще несродное Туркамъ. Онъ часто перемѣняетъ положеніе: то взявшись за эфесъ сабли, опирается концомъ ея о софу, то положитъ саблю на колѣни. Разговоры его несвязны и никогда не выражаютъ вполнѣ мысли. Онъ болтливъ, бываетъ иногда завлекателенъ; но рѣчи его часто прерываются кашлемъ и отвратительнымъ принужденнымъ смѣхомъ, напоминающимъ фантастическія изображенія судорожнаго хохота Нечистаго. Послѣ первыхъ нескладныхъ привѣтствій, трубокъ и кофе, мы разговорились о братѣ моемъ, какъ о единомъ предметѣ, намъ обоимъ знакомомъ, потому что нельзя было говорить о дѣлахъ въ присутствіи всѣхъ. Но вскорѣ онъ далъ знакъ всѣмъ тутъ бывшимъ удалиться; я также приказалъ своимъ выдти въ другую комнату и остался у Паши съ одними переводчиками: Армяниномъ Богосомъ и моими двумя.

Тогда я приступилъ къ дѣлу и спросилъ Пашу, желаетъ ли онъ теперь же выслушать порученіе, съ коимъ я къ нему присланъ отъ Государя. Онъ съ замѣшательствомъ просилъ меня сообщить ему о предметѣ пріѣзда моего письменно, чтобы и онъ также могъ мнѣ письменно передать свои отвѣты. Я отвѣчалъ, что не могу того сдѣлать, потому что самое порученіе дано мнѣ Государемъ лично и изустно, и что цѣль его заключалась не въ чемъ иномъ, какъ въ изъявленіи желанія Его Величества водворить миръ на Востокѣ, для чего Пашѣ должно прекратить кровопролитіе и приступить къ мѣрамъ примиренія съ Султаномъ. Паша внимательно и съ душевнымъ безпокойствомъ выслушивалъ слова мои; бѣглые глаза его какъ бы искали предугадать мысль. Онъ съ притворнымъ равнодушіемъ отвѣчалъ, что давно ищетъ мира и желаетъ быть вѣрноподданнымъ своего законнаго государя; но что предложенія его всегда были отвергаемы.

«Если вы ищете согласоваться съ желаніемъ Государя», отвѣчалъ я, «то отъ васъ зависитъ возобновить ходатай-«ство ваше у Султана».

Паша сдѣлалъ знакъ согласія, повторилъ то же самое и присовокупилъ, что Султанъ былъ къ нему несправедливъ, въ доказательство чего предложилъ показать мнѣ переписку, изъ коей я бы могъ заключить объ искренности его намѣреній.

«Меня оклеветали въ газетахъ», продолжалъ онъ,» обстоя-«тельства въ нихъ представлены совсѣмъ въ другомъ видѣ. «Я бы также могъ сказать многое въ сnравданіе свое; но «предпочитаю оставить эту клевету безъ возраженія».

Я замѣтилъ ему, что пе могъ быть судьею между Султаномъ и имъ, и прибавилъ, что лучшимъ доказательствомъ его искренности будетъ исполненіе желанія Государя; относительно же газетъ, что въ Россіи не судятъ о дѣлахъ по извѣстіямъ, въ нихъ заключающимся, и что у пасъ сужденія газетчиковъ не имѣютъ вліянія на мнѣніе правительства, и какъ Паша нѣсколько задумался, то я напомнилъ ему, что ожидаю отвѣта.

«Дѣло сказано», отвѣчалъ Паша, «я человѣкъ обыкновен-«ный, но люблю сnраведливость; дайте мнѣ время подумать, «и я вамъ отвѣчу письменно; теперь же оставимъ пока раз-«говоръ этотъ и побесѣдуемъ о постороннихъ предметахъ».

Видя сговорчивость Паши, я на первыхъ порахъ удовольствовался и сказалъ, что буду отвѣчать на все, что̀ онъ спроситъ. «Нѣтъ», возразилъ онъ, «говорите лучше вы».

Послѣ такого приглашенія мнѣ слѣдовало избѣгать разговора о дѣлахъ, и я охотно исполнилъ это, чтобы дать Пашѣ время подумать. Желая поддержать его въ хорошемъ расположеніи духа, я обратился опять къ знакомому намъ предмету—брату; сказалъ, сколько онъ хвалился средствами, данными ему Пашею, при поѣздкѣ изъ Египта въ Іерусалимъ, и присовокупилъ, что братъ не забылъ упомянуть о томъ въ изданномъ имъ путешествіи.

Мегмедъ-Али съ удовольствіемъ выслушалъ слова мои, ибо онъ алчетъ печатной славы; но рѣчи мои не соотвѣтствовали его желанію. Предлагая мнѣ бесѣдовать, онъ ожидалъ какихъ либо постороннихъ сужденій о политическихъ происшествіяхъ, изъ коихъ онъ могъ бы извлечь нѣкоторыя заключенія, для объясненія настоящаго случая, неожиданно ему представившагося — уловка азіатская. Мысли его переносились на другіе предметы, и онъ самъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: слышалъ ли я, что Христіане взбунтовались въ Босніи? Я отвѣчалъ, что слышалъ о случившемся нѣчто подобномъ, не въ Босніи, а въ Сербіи, гдѣ нѣсколько деревень возмутилось, впослѣдствіе насилій, сдѣланныхъ женщинамъ турецкими чиновниками.

«Долго ли вы были въ дорогѣ?» спросилъ Мегмедъ-Али. Я ему счелъ всѣ дни путешествія моего и сказалъ, что заѣзжалъ къ адмиралу Рикорду въ Поросъ, откуда просилъ, чтобъ прислали ко мнѣ въ Александрію знакомаго ему капитана Бутенева съ бригомъ, уже бывшимъ въ Александріи.

—«Очень радъ буду его видѣть», сказалъ Паша; «но придетъ ли онъ?»

—«Надѣюсь, что придетъ. Слухъ носился въ Петербургѣ и «Царѣградѣ, что вы сбирались ѣхать въ армію, правда ли это?»

— «Куда мнѣ въ армію ѣхать! Я человѣкъ старый; не«ужели о томъ говорили?»

Вопросъ этотъ былъ сдѣланъ съ замѣтнымъ любопытствомъ польщеннаго честолюбца.

— «Говорили, и я потому счелъ за нужное отправить изъ «Царяграда одного полковника сухимъ путемъ черезъ вашу «армію, съ тѣмъ же порученіемъ, которое сейчасъ сообщилъ. «Такимъ образомъ я оставался увѣреннымъ, что оно ни въ «какомъ случаѣ не минуетъ васъ. Полковникъ Дюгамель, удо«стовѣрившись въ несправедливости этихъ слуховъ, вѣроят«но, возвратился теперь изъ Тарсуса на купеческомъ суднѣ «въ Царьградъ».

Разговоръ нашъ не оживлялся, и какъ я не считалъ нужнымъ распространяться съ Пашею до полученія его отвѣта, то всталъ и хотѣлъ идти; но Паша остановилъ меня и, дружески спросивъ, куда я спѣшу, пригласилъ еще посидѣть.

— «Слышавъ вчера, что вы не совсѣмъ здоровы, не хочу «васъ безпокоить».

—«Ничего, «отвѣчалъ Паша,» я уже со вчерашняго дня по-«правился».

—«Вы человѣкъ пожилой; мы уважаемъ старость и вамъ, «можетъ быть, время отдыхать».

—«Нѣтъ, еще рано», возразилъ онъ, «прошу посидѣть».

Ему непремѣнно хотѣлось похвастать разбитіемъ Визиря, и онъ спросилъ, слышалъ ли я о подробностяхъ этой побѣды, какъ о ней разсказываютъ въ Царѣградѣ, и что̀ говорятъ о числительной силѣ войскъ съ обѣихъ сторонъ? Я отвѣчалъ что слышалъ, и что въ сраженіи подъ Коніею считали тысячь по тридцати войскъ съ каждой стороны. «Со-«всѣмъ нѣтъ», возразилъ Паша съ торопливостію. «У меня «было только 15 т. пѣхоты, и я предписывалъ сыну своему «Ибрагиму не атаковать Визиря, до присоединенія къ нему «высланныхъ мною подкрѣпленій,—приказывалъ ему даже до «того времени отступить въ Адану; но Ибрагимъ отвѣчалъ, «что надѣялся обойтись безъ подкрѣпленія, и упорствуя, остал-«ся въ Коніи, гдѣ его атаковали, и онъ же одержалъ по-«бѣду».

— «Преимущество войскъ вашихъ надъ султанскими из-«вѣстно; а Ибрагимъ-паша, безъ сомнѣнія, много показалъ «искусства въ этой войнѣ».

— «Да,» отвѣчалъ Паша, «я его воспитывалъ къ войнѣ и «водилъ во всѣхъ походахъ при себѣ верхомъ».

Мегмедъ-Али, вѣроятно, отъ Россетти слышалъ, что я любопытствовалъ знать о дѣйствіяхъ Османъ-паши Трапезунтскаго, и въ намѣреніи дать болѣе правдоподобія словамъ своимъ, онъ прибавилъ, что Османъ-паша, дѣйствовавшій въ

тылу Ибрагима, точно имѣлъ нѣкоторый успѣхъ надъ возставшими противъ Султана жителями, но что противъ него пошелъ отрядъ.

За тѣмъ Паша жаловался, что нынѣ ему воспрещено добывать строевой лѣсъ для кораблей изъ Караманіи, откуда онъ имъ въ прежніе года пользовался. Онъ представлялъ, что Султанъ вынудилъ его такимъ распоряженіемъ покупать лѣсъ дорогими цѣнами въ Европѣ, но всего болѣе повредилъ самимъ жителямъ Караманіи, коихъ лишилъ важной отрасли промышленности. Однако же, по завоеваніи Сиріи, Мегмедъ-Али сильно воспользовался караманскими лѣсами, и до нынѣ продолжаетъ вырубать ихъ съ крайнимъ отягощеніемъ и раззореніемъ жителей.

Свиданіе наше продолжалось около часа. Говорили еще о нѣкоторыхъ мало занимательныхъ предметахъ, коихъ содержанія не могу упомнить. Повторивъ Пашѣ, что буду ожидать отвѣта, я раскланялся. Онъ утвердительно обѣщался не замедлить имъ и проводилъ меня нѣсколько шаговъ. На всѣхъ послѣдовавшихъ совѣщаніяхъ съ Пашею, повторялись имъ тѣмъ же пріемы, встрѣчи и проводы, и также начиналось каждое дѣло трубкою и кофе.

По выходѣ изъ дворца мнѣ оказали болѣе почестей, чѣмъ при встрѣчѣ. У крыльца были приготовлены верховыя лошади. Россетти прислалъ звать меня къ себѣ; но избѣгая вначалѣ близкихъ сношеній съ Франками и участія ихъ въ дѣлахъ, я предпочелъ возвратиться на фрегатъ, гдѣ и оставался во все время пребыванія моего въ Александріи, невзирая на приглашенія Россетти переѣхать на берегъ и помѣститься у него въ домѣ. Онъ вскорѣ навѣстилъ меня и поспѣшилъ сообщить новости, полученныя консуломъ Мимо изъ Цареградской французской миссіи чрезъ французскаго консула въ Смирнѣ, вкрадываясь услужливостію своею въ посредничество между Пашею и мною, какъ ему вѣроятно было поручено.

«Франція», говорилъ Россетти между прочимъ, «старается «примирить Мегмедъ-Али съ Султаномъ; но въ участіи семъ «стяжаетъ она только пріобрѣсть вліяніе и первое мѣсто предъ «другими державами въ дѣлахъ Турціи. Переговоры о томъ «велись въ Царѣградѣ французскимъ повѣреннымъ Вареномъ, «и во время пребыванія вашего тамъ. Предлагали Портѣ усту-«пить Пашѣ всю Сирію, Адану и весь берегъ Карамании *). «Султанъ казался на это согласнымъ, но дѣлалъ проволочки «и не давалъ рѣшительнаго отвѣта въ надеждѣ, что Визирь, «между тѣмъ, разобьетъ Ибрагимъ-пашу.»

«Французскій консулъ изъ Смирны писалъ», продолжалъ «Россетти, «что Султанъ, по полученіи извѣстія о разбитіи «Визиря, помрачился въ умѣ, что вы и Бутеневъ имѣли съ «нимъ тайное совѣщаніе, на коемъ условились выслать отъ «20 до 30 т. русскихъ войскъ ему на помощь; но что не «рѣшили еще, гдѣ ихъ высадить: въ Царѣградѣ или Синопѣ; «что флотъ вашъ былъ также предложенъ Султану; что го-«сударственный совѣтъ, вопреки волѣ его, противился симъ «мѣрамъ и не захотѣлъ испрашивать помощи иностранцевъ; «наконецъ, что происшествія сіи служили поводомъ къ случив-«шемуся въ Царѣградѣ бунту, о коемъ я вчера говорилъ».

Легко было опровергнуть эти ложныя извѣстія, и я, безъ сокрытія истины, объявилъ ему, что о сухопутныхъ войскахъ и рѣчи не было; но что Султанъ еще не изъявилъ желанія принять въ пособіе предложенный ему Черноморскій флотъ. Россетти продолжалъ: «Французскій консулъ изъ Смир-«ны писалъ Мимо, что онъ въ особенности находилъ нуж-«нымъ довести извѣстія сіи до Паши прежде вашего пріѣзда, и «когда Мегмедъ-Али узналъ объ нихъ еще третьяго дня, то «сказалъ, что безъ сомнѣнія, одна только Россія могла имѣть «вліяніе на его дѣйствія.»

*) Впослѣдствіи узнано мною, что Мегмедъ-Али располагалъ ограничиться рубежемъ при Александреттѣ; но что Французы настаивали объ уступкѣ ему Тарсуса и Аданы.

Россетти обнадеживалъ меня, что Паша изъявитъ полное согласіе на всѣ предложенія Государя, какого бы они рода ни были. «Но гдѣ-жъ доказательство тому?» спросилъ я.— «Паша покажетъ вамъ всю переписку свою», отвѣчалъ Россетти, «и сошлется на самаго французскаго консула».

— «Что мнѣ до французскаго консула? Я присланъ отъ «имени Государя, и Пашѣ всего приличнѣе явить мнѣ такое «доказательство съ глаза на глазъ».

—«Въ чемъ же будутъ состоять эти доказательства?» спросилъ Россетти.

—«Мегмедъ-Али обѣщался дать отвѣтъ, чего я прежде всего «и ожидаю; когда же получу отвѣтъ, тогда скажу ему, въ «чемъ должны состоять эти доказательства».

—«Вы однако же согласитесь,» сказалъ Россетти, какъ бы испытывая мѣру моего требованія, «что Пашѣ въ преклон-«ныхъ лѣтахъ все бросить и выѣхать изъ Египта было бы «не въ пору; въ такомъ случаѣ рѣшился бы онъ, по край-. «ней мѣрѣ, нанести послѣдній ударъ и потомъ уже погибнуть»

—«Кто о томъ говоритъ? Но пусть онъ покорится Султа-«ну: пусть прежде всего пошлетъ приказаніе сыну своему «остановить военныя дѣйствія».

—«Это онъ немедленно сдѣлаетъ,» подхватилъ Россетти съ поспѣшностію. «Онъ уже поступилъ такимъ образомъ при «переговорахъ, которые имѣлъ съ Султаномъ посредствомъ «Французовъ; но вмѣстѣ съ симъ Паша останется въ надеж-«дѣ, что Государь поручится ему за исполненіе со стороны «Султана тѣхъ условій, которыя самъ Паша предложитъ».

—«Я не для переговоровъ сюда пріѣхалъ и не могу вхо-«дить въ какія либо условія; вы видите, какого рода это «дѣло. Кажется, что Пашѣ, которому должны быть извѣстны «и средства Россіи и твердость Государя, остается только «согласиться на изъявленіе покорности и положиться на ве-«ликодушіе Его Величества».

Россетти въ семъ случаѣ дѣйствовалъ, какъ самый близ-

кій повѣренный Мегмедъ-Али. Стараясь извѣдать о какихъ-то сокровенныхъ условіяхъ, коихъ я по общему ошибочному мнѣнію былъ хранителемъ, онъ коснулся крайностей возможнаго, упомянувъ объ изгнаніи Паши изъ Египта и о мирномъ договорѣ въ пользу его. Видя, что нельзя ничего вывѣдать опредѣлительнаго, и слыша только повторяемыя требованія покорности безъ ограниченія, но и безъ какихъ либо важныхъ пожертвованій со стороны Паши, онъ успокоился. «Паша,» сказалъ онъ, «безъ сомнѣнія склонится на эти мѣры «и даже будетъ имъ радъ. Онъ и Султанъ завязали дѣло, «которое ихъ слишкомъ далеко завлекло. Оба они были бы р ады примириться, но тому препятствуетъ единственно са«молюбіе обоихъ».

Россетти располагалъ въ тотъ же вечеръ побывать у Армянина Богоса, чтобы развѣдать о расположеніи Паши въ этомъ дѣлѣ. Я его о томъ не просилъ и не препятствовалъ ему; но поручалъ напомнить объ ожидаемомъ отвѣтѣ и отклонить по возможности медленность, сопровождающую всегда у Турокъ подобные случаи.

Въ тотъ же день я съѣхалъ на берегъ, и по приглашенію Россетти обѣдалъ у него со всѣми офицерами, какъ моими, такъ и флотскими. Приглашеніе было частное; но цѣль обѣда состояла въ томъ, чтобы показать мнѣ образъ жизни его, вѣсъ, коимъ онъ пользовался въ обществѣ, и познакомить меня съ главными лицами дипломатическаго сословія въ Александріи. Обѣдъ былъ отлично хорошъ. Въ Александріи можно имѣть въ изобиліи французскія вина и все въ такомъ случаѣ нужное. Я послѣ узналъ, что расходъ пиршества былъ сдѣланъ на счетъ Мегмедъ-Али. Поваръ былъ Французъ, выписанный изъ-за моря Ибрагимъ-пашею, оставившимъ его въ Египтѣ, по случаю похода, гдѣ онъ велъ самую умѣренную жизнь (*).

(*) Повару платилось Ибрагимъ-пашею по 5 т. рублей въ годъ жалованья. Вотъ съ чего начинается образованіе Египтянъ!

Россетти не задолго передъ тѣмъ женился на Левантинкѣ изъ Скала-Нова (*), гдѣ женщины славятся красотою. Она была за обѣдомъ съ тремя сестрами и матерью; всѣ довольно пріятныя женщины. Одна изъ нихъ была замужемъ за какимъ-то Италіянцемъ, служившимъ въ званіи инженернаго офицера въ египетскихъ войскахъ, находившимся при осадѣ Акры, а въ то время въ походѣ. Она имѣла доступъ въ гаремъ Паши, по знакомству съ его женами; взглядъ и пріемы ея были занимательнѣе прочихъ. Хозяинъ и хозяйка были очень предупредительны, и я довольно пріятно провелъ время въ ихъ обществѣ.

Тутъ я видѣлся съ Анастази, принявшимъ имя d'Anastazy, богатымъ Грекомъ, давно уже поселившимся въ Александріи и занимающимъ мѣсто Шведскаго консула. Онъ былъ очень близокъ къ Пашѣ, и, по денежнымъ оборотамъ съ нимъ, пользовался его довѣренностію. Россетти мнѣ поставилъ отношенія его на видъ; но это самое было причиною, что я не показалъ особеннаго уваженія къ Анастази, сколько мнѣ ни желательно было съ нимъ короче познакомиться, чтобы видѣть хваленое собраніе монетъ и древностей, коими онъ занимался.

Я тутъ же видѣлся передъ обѣдомъ съ Неаполитанскимъ консуломъ — пустой старичокъ, доживавшій свой вѣкъ въ Александріи. Онъ, какъ слышно было, всего болѣе обращалъ на себя вниманіе по забавной претензіи, которую имѣлъ на столпъ Септимія-Севера, называя памятникъ этотъ своею собственностію, и тщась доказать права свои на обладаніе имъ.

Мнѣ не удалось видѣться съ Голландскимъ консуломъ Шютцомъ, который въ то время былъ боленъ. Бутеневъ, при отъѣздѣ моемъ, рекомендовалъ мнѣ его, какъ человѣка, постоянно дѣйствовавшаго въ духѣ нашего правительства, и въ противность правиламъ прочихъ консуловъ, болѣе или

(*) Что недалеко отъ Смирны, при остаткахъ древняго Эфеса.

менѣе вдавшихся въ торговые обороты, и тѣмъ помрачившихъ важность и независимость своихъ званій.

Я познакомился на этомъ же обѣдѣ съ Австрійскимъ генеральнымъ консуломъ Ачерби, родомъ изъ Милана. Человѣкъ сей замѣчателенъ въ Александріи единственно по настойчивости, съ коею онъ одинъ, и вопреки общего мнѣнія, поддерживаетъ правила повиновенія законнымъ властямъ и строгой политической нравственности. Онъ вездѣ и передъ самимъ Пашèю выражаетъ гласно свой образъ мыслей и при всѣхъ порицаетъ правленіе его, почему его нигдѣ въ Александріи не любятъ, называютъ упрямымъ, неуживчивымъ и стараются убѣгать его. Въ политическомъ быту онъ мало значитъ, ибо совершенно преданъ кабинетнымъ занятіямъ и ученымъ изслѣдованіямъ. Онъ забылъ настоящія обязанности своего званія, къ коему по склонностямъ неспособенъ, и ограничивается исполненіемъ получаемыхъ распоряженій отъ Австрійскаго интернунція въ Царѣградѣ, касавшихся — какъ думать должно—до моего пріѣзда, однихъ купеческихъ судовъ его націи. Онъ не имѣетъ никакихъ связей, ни въ народѣ, ни у́ Паши, ни между консулами; никогда ничего не знаетъ о томъ, что́ происходитъ, или узнаетъ нѣсколькими днями позже, гласныя вѣсти, которыя передаетъ, какъ новости, въ тайнѣ, и отъ того не пользуется ничьею довѣренностью, скученъ и тяжелъ. Впрочемъ, какъ ученый, Ачерби извѣстенъ въ Европѣ по изданному путешествію его на сѣверный мысъ, что̀ въ Норвегіи, и по другимъ сочиненіямъ его на итальянскомъ языкѣ. Въ бытность мою, онъ занимался сочиненіемъ книги о состояніи Египта. Я счелъ нужнымъ распространиться нѣсколько объ этомъ человѣкѣ, съ коимъ былъ въ бо̀льшихъ сношеніяхъ, чѣмъ съ другими консулами, по образу мыслей его, соотвѣтствующему цѣли моего порученія.

Краткое пребываніе мое въ Египтѣ и занятія не позволили мнѣ осмотрѣть Александрію въ подробности. Европейцу, не

бывшему на Востокѣ, все здѣсь покажется странно и необыкновенно; но знакомому съ бытомъ азіатскихъ городовъ и ихъ жителями, зрѣлище Александріи представитъ мало новаго. Въ этомъ отношеніи я назову только отличительные предметы, болѣе бросившіеся мнѣ въ глаза, и составляющіе какъ бы характеристику сего города, передъ видѣнными мною въ Персіи и Турціи.

Главный изъ сихъ предметовъ—пальма, виднѣющаяся коегдѣ въ садахъ; дерево сіе, свойственное Африкѣ, тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе путешественника, прибывшаго моремъ, что онъ внезапно встрѣчаетъ это произведеніе знойной полосы, послѣ густыхъ и тѣнистыхъ деревьевъ Европы, миновавъ послѣдовательное измѣненіе растеній по климатамъ. Видъ пальмы печаленъ и напоминаетъ безграничныя пустыни, въ коихъ мы, по картинамъ, привыкли находить ее; она даетъ мало тѣни и не украшаетъ садовъ.

Между строеніями Александріи разбросаны во множествѣ остатки мраморныхъ колоннъ и капителей, свидѣтельствующіе о древнемъ величіи города. Часть его, занимаемая Франками, обстроена довольно опрятно: архитектура ихъ домовъ особеннаго рода. Въ наружномъ и внутреннемъ устройствахъ ихъ соединяются европейскіе обычаи съ восточными; вторые ярусы нѣсколько выдаются на улицу. Въ сихъ выступахъ устроены гостинныя, гдѣ женщины большею частію проводятъ время, пользуясь, кромѣ вида внизъ на улицу, еще видами вдоль по обѣ стороны изъ двухъ оконъ, продѣланныхъ въ бокахъ выступовъ. Говорятъ, что причиною такого обыкновенія частыя безпокойства и сборища, случающіяся на улицахъ, о которыхъ хозяинъ все да желаетъ знать напередъ, чтобы заблаговременно запереть двери, которыхъ нѣтъ обыкновенія въ томъ народѣ разбивать. Не знаю, до какой степени это справедливо; но можно также полагать, что выступы съ боковыми окнами имѣютъ начало свое отъ сильныхъ жаровъ тѣхъ климатовъ, гдѣ малѣйшій вѣтерокъ,

хотя бы онъ и сквозной былъ, служитъ отрадою (*). Въ бытность мою въ Александріи, въ первыхъ числахъ января мѣсяца, было очень жарко и даже душно такъ, что мухи во множествѣ роились и очень безпокоили.

На улицахъ Александріи встрѣчаешь часто Еѳіоповъ, коихъ очень много служитъ въ войскахъ. Эти Негры, которыхъ мы привыкли видѣть за каретами и въ переднихъ, здѣсь одѣтые въ красныя мундирныя куртки и съ солдатскими ружьями въ рукахъ, представляютъ явленіе новое, къ которому глазъ не скоро привыкаетъ.

Слухъ поражается также чуждыми звуками арабскаго нарѣчія, сильно произносящагося горломъ и сквозь носъ, что уподобляется иногда глухому лаю собаки.

Мы повѣряемъ въ Александріи замѣченныя на видахъ Египта изображенія женщинъ, несущихъ на головахъ кувшины съ водою, съ коими онѣ сливаются какъ бы въ одну красивую фигуру, издали напоминающую изящныя изображенія художниковъ древней Греціи. Вблизи очарованіе исчезаетъ; открываешь изнуренныя и тощія лица, покрытыя рубищемъ. Торговки фруктами, въ особенности апельсинами, толпятся въ улицахъ и наполняютъ воздухъ пронзительными криками, въ коихъ, какъ мнѣ переводили, заключаются часто отвлеченныя похвалы товару, въ разныхъ сравненіяхъ и стихахъ.

Но обратимся къ главному предмету.

3-го числа обѣдали у меня на фрегатѣ Россетти и Ачерби. Я не получалъ ожидаемаго отвѣта отъ Паши; но Россетти увѣрялъ, что Мегмедъ-Али былъ очень склоненъ изъявить покорность свою по желанію Государя, и что онъ бы не замедлилъ такимъ отвѣтомъ, еслибъ его не отклонялъ Богосъ,

---

(*) Я слышалъ, что подобное устройство домовъ принадлежитъ къ среднимъ вѣкамъ, и что такъ строились крестоносцы въ Левантѣ. Въ Греческой части Царяграда построены такимъ же образомъ цѣлые ряды старинныхъ каменныхъ домовъ.

искавшій выиграть время. Избѣгая проволочки, я послалъ послѣ обѣда на берегъ Теодатти съ порученіемъ объявить Пашѣ, что я болѣе не намѣренъ ждать, и прошу его въ тотъ же день, или на другой, меня вторично принять и выслушать. Паша сначала извинялся нездоровьемъ, но наконецъ согласился. Онъ говорилъ Теодатти, что наканунѣ еще ввечеру хотѣлъ прислать ко мнѣ отвѣтъ; но отложилъ его и еще размысливалъ дѣло, потому что онъ самъ еще не получалъ отвѣта на какую-то бумагу, которую онъ будто отдалъ бывшему консулу нашему Лавизону при отъѣздѣ его изъ Александріи. Потомъ онъ отложилъ опять пріемъ меня подъ предлогомъ какихъ-то занятій, и тогда только рѣшительно назначилъ для того вечеръ слѣдующаго дня, когда Теодатти напомнилъ ему, что дѣло, по коему я пріѣхалъ, было важнѣе прочихъ.

Въ первое мое свиданіе съ Мегмедъ-Али, я имѣлъ случай осязать готовность его къ уступчивости. Руководствуясь даннымъ мнѣ наставленіемъ приступить къ дѣлу съ кротостію, я тогда болѣе не настаивалъ, и согласно съ желаніемъ Паши, въ то же время прекратилъ объясненія. Мнѣ также нужно было вникнуть въ состояніе дѣла. Ему не была извѣстна мѣра требованій моихъ, какъ равно и мнѣ неизвѣстна была мѣра уступчивости его. На слѣдующемъ за симъ свиданіи съ Россетти, который служилъ отголоскомъ Паши, я замѣтилъ, что опасенія Мегмедъ-Али превышаютъ требованія мои, и потому я начиналъ уже надѣяться на успѣхъ. Однако первое предложеніе Паши вступить со мною въ переписку, которое я тогда же отклонилъ, и послѣдніе отзывы его, черезъ Теодатти, давали поводъ къ заключенію, что онъ хотѣлъ вести дѣло въ проволочку и переговаривать со мною черезъ Россетти. Такой оборотъ былъ бы для меня невыгоденъ. Обѣщанія, которыя Россетти могъ дать, Пашу ничѣмъ не обязывали; между тѣмъ вліяніе отъ разглашавшейся уже угрозы должно было слабѣть, и первое впечатлѣніе, которое она

могла произвести на Мегмедъ-Али, утрачивалось — потерею времени. Надобно было безотлагательно воспользоваться колебаніемъ Паши и поразить уклончивость его рѣшительнымъ дѣйствіемъ. Я видѣлъ, что кроткій разговоръ съ Пашею не велъ ни къ чему полезному и вознамѣрился, при предстоящемъ свиданіи, объявить ему тѣ истины, которыя должны были склонить его къ покорности и содѣйствію видамъ правительства нашего.

Я условился 4-го числа отобѣдать у Россетти; но какъ въ тотъ день было назначено свиданіе съ Пашею, то я отказался отъ обѣда. Отказъ этотъ нобудилъ Россетти побывать у Мегмедъ-Али и уговорить его, чтобы онъ принялъ меня по утру. Россетти не замедлилъ навѣстить меня очень рано съ этимъ извѣстіемъ, для меня пріятнымъ, а для него лестнымъ тѣмъ, что онъ могъ показать вліяніе свое надъ Пашею, и 4-го числа по утру я поспѣшилъ къ Мегмедъ-Али.

Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, лишніе удалились, и остались только переводчики и Россетти. Тогда я приступилъ къ дѣлу и сказалъ Пашѣ, что, не получая обѣщаннаго отвѣта, я поспѣшилъ навѣстить его, съ намѣреніемъ повторить сказанное уже прежде и объясниться на счетъ неудомѣнія его, касательно бывшаго консула нашего Лавизона.

«Это дѣло постороннее», прервалъ Паша, «мы объ немъ «послѣ поговоримъ.»

Я негодовалъ уже на Пашу за лживую изворотливость его; нетерпѣлось выразиться съ большею силою, и я продолжалъ: — «Легко могло случиться, что при первомъ свиданіи нашемъ мнѣ не совсѣмъ удалось объяснить вамъ цѣль «моего пріѣзда, а потому повторяю вамъ: Государь желаетъ, чтобы вы немедленно прекратили кровопролитіе и «покорились Султану. Его Величество не измѣнилъ мыслей «своихъ послѣ отъѣзда Лавизона, и какіе бы ни были успѣ-

«хи ваши, если бы вы даже покорили Царьградъ и удалось «бы вамъ свергнуть съ престола самаго Султана, то и въ «такомъ случаѣ воля Государя останется непоколебимою.»

Паша и Богосъ какъ бы предвидѣли слова мои. Ихъ предупредилъ Россетти. Желая избѣгнуть оскорбительной угрозы, навлеченной ихъ коварствомъ, они меня часто прерывали; но я не переставалъ говорить и повторять то же самое. Слова мои поколебали Мегмедъ-Али. Встревоженный Паша съ поспѣшностію предложилъ мѣру, которою надѣялся отклонить неумѣренныя требованія или на которую онъ заблаговременно располагалъ согласиться въ случаѣ крайности.

«Я никогда не думалъ свергать Султана», сказалъ онъ, «какъ мнѣ можно было это предпринимать! Я никогда не «переставалъ называть себя именемъ его бендэ (слуга), и «довольно громко кричу о томъ, чтобы весь свѣтъ могъ «слышать, а въ доказательство искренняго расположенія мо«его соотвѣтствовать видамъ Государя, я сей же часъ при«кажу остановить военныя дѣйствія.»

Онъ въ ту же минуту позвалъ секретаря. Явился молодой человѣкъ съ красною фескою на головѣ и въ синемъ чекменѣ, съ изображеніемъ небольшаго бриллiантоваго якоря на груди. Паша, въ присутствiи моемъ, велѣлъ ему написать къ сыну приказъ о немедленномъ прекращенiи военныхъ дѣйствiй. Короткiй приказъ вскорѣ былъ принесенъ. Паша при мнѣ же приложилъ къ нему печать и велѣлъ его поспѣшнѣе отправить.

Мегмедъ-Али продолжалъ: «Я прошу только двадцати дней «срока, чтобы приказъ достигъ всѣхъ отдѣльныхъ частей «моихъ войскъ, ибо хотя къ сыну моему дойдетъ онъ чрезъ «двѣ недѣли, но ему нужно еще нѣсколько времени для пере«дачи воли моей во всѣ отдаленные отряды. Я бы не желалъ «отвѣтствовать передъ Государемъ вашимъ за все то, что̀ «могло бы случиться до 21-го дня, считая съ сегодняшняго

«послѣ же этого срока, я принимаю уже на себя отвѣтственность малѣйшаго движенія войскъ». Я отвѣчалъ, что добрая воля, съ какою онъ исполнилъ требованіе Государя, служила лучшимъ поручительствомъ въ успѣхѣ дѣла.

Но Паша не успокоился. Видно было, что онъ согласился, вопреки собственнаго желанія, и старался язвительными замѣчаніями на счетъ Султана тѣшить оскорбленное самолюбіе свое. «Во многихъ областяхъ Турецкой Имперіи», говорилъ онъ, «недовольны правленіемъ Султана; могутъ оказаться возстанія, которыхъ не должно относить на мой «счетъ».

Не желая оставить словъ его безъ возраженія, я отвѣчалъ:

—«Когда вы исполните должное, то и остальное легко до«вершится. Государь», продолжалъ я точными словами дан«наго мнѣ повелѣнія, «*вѣрный другъ Султана и врагъ мя«тежа*. Его Величество, принимая къ сердцу положеніе Сул«тана, предложилъ ему даже Черноморскій флотъ, готовый «къ отплытію по первому мановенію, чѣмъ однако же Сул«танъ еще не воспользовался. Вамъ также представляется «избрать лучшее».

При этихъ словахъ Паша смутился и со скрытною досадою сказалъ мнѣ, что покорится своему законному государю. «Слово Мегмедъ-Али,» продолжалъ онъ, «свято: не «сомнѣвайтесь въ томъ. Я буду вѣрнымъ поданнымъ Сул«тана, буду платить дань, и, уважая волю Государя вашего, «повинуюсь ей. Пошлю къ Султану сына своего, пошлю вну«ка, племянника и отошлю самого плѣненнаго Визиря, для «изъявленія моей покорности—послѣ нашего примиренія; при «чемъ буду надѣяться, что и Государь вашъ не оставитъ «меня и не отдастъ въ обиду».

Въ его хитрыхъ словахъ повторялось то, что̀ мнѣ наканунѣ сказывалъ Россетти. «Государь», отвѣчалъ я, «не бу«детъ вмѣшиваться въ ваши переговоры; Ему было бы это не

«прилично; Онъ требуетъ покорности, и вамъ бы слѣдовало «изъявить ее на самомъ дѣлѣ.

— «Чѣмъ же болѣе изъявить ее», сказалъ Паша, «развѣ «я не остановилъ военныхъ дѣйствій?»

— «Искренность, Паша, искренность нужна; я бы далъ «вамъ совѣтъ, если принять его захотите. Мысль сія возро«дилась во мнѣ единственно изъ доброжелательства къ вамъ». Мегмедъ-Али пожелалъ услышать мнѣніе мое; тогда я совѣтовалъ ему послать къ Султану повѣренное лице съ повинною. «Онъ вашъ Государь», продолжалъ я, «и потому «приличествуетъ вамъ первому начать. Исполнить же совѣтъ «мой зависитъ конечно отъ васъ».

Онъ затруднился. — «Кого послать и какъ послать?» говорилъ Паша, «меня все окружаютъ люди неспособные къ «такому дѣлу, простые, военные, и я рѣшительно не знаю, «кого послать».

— «Пошлите повѣреннаго для изъявленія одной покорно«сти, но безъ всякаго уполномочія и поручите ему только «просить въ Царѣградѣ, чтобы къ вамъ прислали довѣренное «лице для переговоровъ; можетъ быть, Султанъ и уважитъ «вашу просьбу».

— «Не могу», отвѣчалъ Паша, прерываясь, «куда мнѣ «съ моими повѣренными! Пожалуй, настращаютъ еще ихъ тамъ «и увѣрятъ, что я же виноватъ въ случившейся съ Сул«таномъ ссорѣ; но дѣло уладится, Султанъ еще самъ при«шлетъ ко мнѣ повѣреннаго, и вы увидите, покоренъ ли я волѣ «Государя вашего; я уже исполнилъ ее, остановивъ войска; «будьте покойны, вы увидите, что все кончится».

Потомъ, помолчавъ нѣсколько, Паша сказалъ, что желалъ много кое-чего объяснить мнѣ наединѣ, что̀ и отлагалъ до другаго раза; но я замѣтилъ, что онъ могъ объяснить это тогда же безъ отлагательства, и просилъ присутствовавшихъ при совѣщаніи, переводчиковъ и Россетти, выдти. Я остался одинъ съ Пашею и Армяниномъ Богосомъ.

Мегмедъ-Али всталъ. «Я привыкъ ходить», сказалъ онъ. Богосъ поспѣшно подалъ ему туфли. Онъ сталъ ходить по комнатѣ, держа саблю за спиною въ обѣихъ рукахъ. Мнѣ говорили, что этимъ пріемомъ, не свойственнымъ Азіатцамъ, онъ думалъ подражать Наполеону. Я подошелъ къ нему, и мы вмѣстѣ стали ходить и разговаривать, часто останавливаясь. Онъ казался гораздо покойнѣе. «Много до«рожу честію, коею меня удостоилъ Государь», сказалъ онъ, «и ничего столько не домогаюсь, какъ покровительства Его Ве«личества. Стоитъ только взглянуть на карту, чтобы убѣдить«ся, что Турція, Персія и Египетъ должны въ дѣйствіяхъ сво«ихъ совершенно зависѣть отъ Россіи. Я всего ожидаю отъ «Государя и не ослѣпленъ на счетъ другихъ европейскихъ дер«жавъ. Вашъ Государь истинно можетъ называться повели«телемъ Мусульманъ.»

Вступленіе было льстивое, и Паша жертвовалъ неприкосновенностію, съ коею Магометане чтутъ свою вѣру; но въ лукавствѣ своемъ назвалъ онъ Египетъ на ряду съ независимыми державами. Онъ желалъ вовлечь меня въ разговоръ, чтобы болѣе извѣдать мысли мои.

«Въ нынѣшнемъ дѣлѣ,» сказалъ я, «вы нисколько не должны «полагаться на Государя. Негодованіе Его можетъ изгладить«ся только искренними поступками вашими въ отношеніи «къ Султану, совершенною покорностію и скорымъ примире«ніемъ. Все ли вы исполнили, приказавъ остановить воен«ныя дѣйствія, и что̀ изъ того послѣдуетъ? Войска, безъ «сомнѣнія, остановятся, а тамъ, что будетъ?»

— «Буду смирно сидѣть и ожидать отвѣта», сказалъ Паша.

— «Отъ кого?» спросилъ я. «Отъ меня вы его не по«лучите. Не думаю, чтобъ вы его получили также отъ на«шего двора и не полагаю, чтобы Султанъ сдѣлалъ первый «шагъ къ примиренію.»

— «Султанъ уже нѣсколько разъ присылалъ ко мнѣ лю«дей своихъ и опять пришлетъ», отвѣчалъ Мегмедъ-Али.

— «Гдѣ же искренность, Паша? гдѣ покорность? Я пере-«стаю совѣтовать и предоставляю вамъ поступить какъ луч-«ше признаете: съ вашею прозорливостію и предусмотри-«тельностію не трудно избрать лучшее.»

Онъ подумалъ.—«Найду пути къ тому», отвѣчалъ онъ; «черезъ два дня посылаю въ Тарсусъ фрегатъ за плѣнен-«нымъ Визиремъ, и когда его сюда привезутъ, то все кон-«чу чрезъ его посредство.»

— «Подумалиль вы? Визирь вашъ узникъ.»

— «Не буду держать его какъ узника», отвѣчалъ Паша, «онъ будетъ на свободѣ и пользоваться всевозможными по-«честями.»

— «Кто жъ вамъ поручится, что Султанъ согласится и «возложитъ на него посредничество? Посудите сами: еслибъ «кто изъ вашихъ подчиненныхъ ослушался, отправили ли бы «вы къ нему людей для переговоровъ, или бы ожидали отъ «него посланнаго съ повинною?»

— «Я уже все самъ устрою», отвѣчалъ Паша, «и вы «увидите, что Султанъ согласится на эту мѣру; увѣряю васъ, «что мы все кончимъ и скоро кончимъ.»

Мегмедъ-Али тогда сталъ просить меня о выдачѣ пись-меннаго вида военному судну, которое онъ хотѣлъ послать въ Царьградъ, не полагаясь на честность Султана, и опасаясь, чтобы судно его не захватили. Я отказался, ссылаясь на то, что не имѣю на этотъ счетъ никакихъ распоряженій; но ручался собственно отъ себя, что онъ могъ ожидать болѣе великодушія со стороны своего государя. По сему случаю разговоръ обратился опять на счетъ требованій Паши, и я замѣтилъ ему, что еслибъ они были непомѣрно велики, то Султанъ могъ на нихъ и не согласиться. «Не будутъ, не будутъ велики», сказалъ Паша съ поспѣшностію, «буду умѣренъ, не замышляю ни о Карамании, «ни о Сиріи. Ручаюсь вамъ за то; вотъ вамъ слово Мег-«медъ-Али, которое всегда свято сохранялось. Мы примиримся».

— «Если такъ, то вѣрю и предоставляю вамъ достичь «цѣли тѣми средствами, которыя вы за лучшія признаете. «Я же считаю порученіе мое конченнымъ съ полнымъ успѣ«хомъ и доложу Государю Императору, что Мегмедъ-Али«паша съ покорностію принялъ изъявленіе воли Его, въ до«казательство чего, онъ немедленно остановилъ военныя дѣй«ствія и хотѣлъ приступить безъ потери времени къ мѣрамъ «примиренія, въ успѣхѣ коего совершенно надѣялся. Такъ ли?»

— «Такъ, точно такъ.»

Я еще повторилъ то же самое, онъ опять подтвердилъ и просилъ покровительства Государя, какъ милости. «Пере«дайте Его Величеству,» говорилъ онъ, «прошу васъ, всѣ «слова мои въ точности.»

Я обѣщалъ ему передать рѣчи его слово въ слово и присовокупилъ, что если Государь удостоитъ его покровительства, то онъ не долженъ былъ разсчитывать на оное, какъ на условіе для примиренія съ Султаномъ, что даже покровительствомъ симъ не могъ онъ пользоваться прежде примиренія, ибо оно не могло имѣть никакой связи съ теперешними дѣлами. И я ему въ третій разъ пересказалъ слова, которыя доведу до свѣдѣнія Государя.

«Никакой связи,» сказалъ паша, «никакой, и совершен«но независимо отъ теперешняго дѣла, уже конченнаго и о «которомъ перестанемъ говорить.»

Но, завлеченный мыслями, онъ не переставалъ обращаться къ тому же предмету, принимая на себя принужденно веселый видъ. Я хотѣлъ уйти, но онъ пригласилъ меня остаться.

«Знаете ли вы,» спросилъ онъ, «сколько горделива эта «Оттоманская Порта и какъ съ ней трудно имѣть дѣло! «Еслибъ, по крайней мѣрѣ, послѣ изъявленія мною покорно«сти волѣ Государя, я могъ надѣяться, что Его Величество «употребитъ хотя сколько нибудь вліянія на Султана въ мою «пользу.»

Я отказался отъ всякаго участія по этому предмету, отзываясь тѣмъ, что не имѣю никакихъ наставленій, до сего касающихся, и полагалъ порученіе свое конченнымъ.

«Но знаете-ли вы,» продолжалъ Паша, «сколько меня Порта обидѣла? Я ли не служилъ ей? Чтоже изъ того вышло? «Пришелъ однажды Турецкій флотъ съ Англійскою эскадрою «къ берегамъ Анатоліи; носились слухи, говорили и писали, «что Оттоманскій флотъ, совокупно съ Англійскимъ, располагали высадить войска въ Египтѣ. Кому-то писалъ я объ «этомъ постороннимъ образомъ и употребилъ при томъ случаѣ, слово въ слово, выраженіе, которое было помѣщено въ «газетахъ, т. е. назвалъ Турецкій флотъ Оттоманскимъ, а «не Государя моего Султана. Причли мнѣ выраженіе это въ «умыселъ, обвиняя меня, будто я замышлялъ отдѣлиться, и «не признавалъ своего государя, чего мнѣ никогда и въ голову «не приходило. Съ тѣхъ поръ начались гоненія. Вотъ какъ «они къ словамъ придираются, и несправедливы. Можно-ли «было мнѣ того ожидать? Султану не даромъ дали прозваніе упрямца, сдѣлавшееся уже всенароднымъ.»

— «Названіе это можетъ приличествовать вамъ обоимъ», отвѣчалъ я въ шутку, «ибо полагаю, что вамъ обоимъ нужно спокойствіе, и что ни одинъ изъ васъ не находитъ существенной выгоды въ продолженіи настоящей войны. Подумайте о мирѣ и вспомните, что чѣмъ скорѣе вы исполните волю Государя, тѣмъ скорѣе изгладите неудовольствіе «Его Величества, которое вы навлекли своими поступками.»

— «Примирюсь, будьте въ томъ увѣрены; но знаете-ли вы, «что я, въ этомъ случаѣ, поступлю вопреки всеобщаго желанія Турецкаго народа, между коимъ нѣтъ ни одного человѣка, достигшаго сорокалѣтнаго возраста, который бы не «питалъ ненависти къ Султану? Ему удается только дѣтей «обманывать.»

—«Чтожъ?» возразилъ я, «не затѣмъ бы дѣло стало! Извѣстно, что Султанъ имѣетъ много недовольныхъ въ Тур-

«ціи; извѣстно и то, что вы теперь сильнѣе его. Вы возьмете «Царьградъ; вы даже свергнете Султана съ престола; продол«жайте, если это для васъ выгодно; выборъ отъ васъ зави«ситъ».

— «Сохрани меня Богъ!» воскликнулъ онъ, «могъ ли я «когда нибудь подумать о сверженіи съ престола государя «своего? Я кончу дѣло и пошлю къ Султану съ повинною «верховнаго Визиря, сына своего и внука, и буду ему исправ«но платить дань».

Такимъ только возраженіемъ прекратились разговоры о военныхъ дѣлахъ и непріятныя похвальбы Паши.

Послѣ того, онъ сталъ увѣрять меня, сколько дорожитъ покровительствомъ Россіи. «Я о семъ говорилъ и брату ваше«му,» продолжалъ Паша; «но какихъ ко мнѣ присылаютъ кон«суловъ изъ Россіи? людей, неумѣющихъ поддержать досто«инства своего государя. Я еще брату вашему изъявилъ же«ланіе имѣть при себѣ консуломъ Русскаго и хорошей фами«ліи, какъ васъ, съ которымъ бы можно было судить о дѣ«лахъ; убѣдительно прошу васъ представить о томъ Госуда«рю; исполненіе сего счелъ бы я драгоцѣннымъ знакомъ мило«стей Его ко мнѣ».

Я похвалилъ покорность его къ Государю и воспользовался симъ случаемъ, чтобы изобразить преимущество постоянной политики и правилъ Государя, прочнаго состоянія и хода Россіи передъ другими державами; но, отклоняя всякую мысль о соперничествѣ, представилъ, что ему никто не препятствуетъ обратиться къ другимъ, если онъ въ томъ находитъ свои выгоды. Онъ мнѣ ни въ чемъ не противорѣчилъ, а, напротивъ, во всемъ соглашался и, казалось, былъ знакомъ съ сего рода мыслями. Россетти и прежде того говорилъ мнѣ, что Паша мало полагалъ на Францію и Англію, вовлекшихъ его въ эту войну. Ему нельзя было, въ самомъ дѣлѣ, думать, чтобы державы сіи принимали участіе въ дѣ-

лахъ его, безъ собственныхъ видовъ корыстолюбія, какихъ Россія не могла имѣть въ столь отдаленномъ краѣ.

Цѣль же была достигнута. Внезапная угроза увѣнчана успѣхомъ. Приказъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій отданъ; но въ слѣдовавшихъ за тѣмъ рѣчахъ Паши замѣтны были надежды его пріобрѣсти, въ возмездіе за уступчивость свою,—покровительство Россіи въ предстоящихъ ему переговорахъ съ Султаномъ. Мегмедъ-Али не удалось достигнуть своей цѣли. Между тѣмъ приказъ его къ сыну былъ написанъ въ присутствіи моемъ, переводчиковъ моихъ и Россетти; за дверьми залы—какъ всегда у Турокъ водится—стояло много чиновниковъ и людей, слышавшихъ все происходившее, и потому распоряженіе его было гласно. Паша не могъ отречься отъ него, не обнаруживъ предъ цѣлымъ свѣтомъ своего вѣроломства. Но хитрыя рѣчи его давали мнѣ поводъ усомниться въ немедленномъ отправленіи приказа къ войску. Я употребилъ всѣ мѣры, чтобы узнать, въ какой степени достовѣрны были его слова, и послѣ многихъ розысканій убѣдился, что повелѣніе его было отослано въ тотъ же день съ летучею почтою, сухимъ путемъ черезъ Сирію; а на другой день отправленъ дубликатъ. Приказъ сей имѣлъ полное дѣйствіе, какъ далѣе будетъ видно.

Возвратившись, я засталъ ожидавшаго меня на фрегатѣ англійскаго консула Баркера. Онъ былъ родомъ изъ Галеба, что̀ въ Сиріи , гдѣ отецъ его Англичанинъ издавна поселился. Консулъ совершенно зналъ языки и обычаи народа, съ коимъ имѣлъ дѣло, но сохранилъ при томъ привѣтливость и образованіе Европейца. Онъ имѣлъ около 50-ти лѣтъ и былъ извѣстенъ по прямодушію своему. Сколько мнѣ помнится, Баркеръ никогда не былъ въ Англіи, и это могло быть причиною того, что онъ дѣйствовалъ не въ духѣ своего правительства и порицалъ поступки Мегмедъ-Али, коего коварство не могло нравиться благомыслящему человѣку. Вскорѣ послѣ выѣзда моего изъ Египта онъ былъ смѣненъ другимъ;

ему отнесли въ вину, что онъ временно заключилъ, или лишилъ свободы, одного англійскаго купца, противившагося распоряженіямъ, зависящимъ отъ его званія. Я не могъ сблизиться съ Баркеромъ до такой степени, чтобы открыть ему цѣль моего порученія, становившуюся впрочемъ довольно гласною; но при случаѣ пользовался свѣдѣніями, которыя онъ сообщалъ. Я узналъ отъ него о дурномъ состояніи дѣлъ Паши въ Аравіи, гдѣ войска его были стѣснены жителями и держались только въ Мединѣ, Джеддѣ и Меккѣ, безъ сообщенія между сими городами. Онъ имѣлъ также основательныя извѣстія о расположеніи духа покоренныхъ въ Малой Азіи народовъ, которые сильно роптали за поборы всякаго рода, налагаемые на нихъ Египтянами.

Въ тотъ же день навѣстили меня французскій и сардинскій консулы. Первый изъ нихъ служилъ настоящею вывѣскою народнаго характера націи, коей онъ былъ представителемъ въ Египтѣ. Живой старикъ, болтливый, вѣжливый еще по старому обряду, и переносящійся въ разговорѣ отъ одного неконченнаго предмета къ другому, ему мало извѣстному;— судя обо всемъ съ утвердительностію, и прерывая мысли игривыми словами, онъ обладалъ въ точномъ смыслѣ докучливою любезностію, свойственною соотчичамъ его, и былъ, какъ мнѣ казалось, самымъ плохимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ. Баркеръ однажды разсказывалъ мнѣ, какъ наканунѣ моего пріѣзда въ Александрію, суетливый Мимо получилъ изъ Смирны извѣстіе, заключавшееся въ осмнадцати страницахъ шифрованной граматы, и не разобравъ ее, побѣжалъ съ бумагами къ Пашѣ, гдѣ не умѣлъ ничего сказать, и выходилъ изъ терпѣнія; потомъ понесся ко всѣмъ со своею темною денешею, обнаруживая вездѣ опасенія свои увидѣть появленіе фрегата нашего,—о коемъ уже тогда носились слухи,—прежде того, какъ онъ успѣетъ разобрать шифровки, и просилъ времени для перевода ихъ, что тогда возбудило много смѣха на его счетъ.

Россетти настаивалъ, чтобъ я въ тотъ день у него обѣдалъ. Я согласился потому, что могъ при семъ случаѣ видѣться съ Ачерби, который былъ также приглашенъ. Ачерби сообщилъ мнѣ, что Паша наканунѣ еще отказалъ двумъ негоціантамъ въ поставкѣ корабельныхъ лѣсовъ, которыхъ онъ сперва требовалъ, изъ чего онъ заключалъ, что Паша уже помышлялъ о перемѣнѣ обстоятельствъ. Мегмедъ-Али, по выходѣ моемъ, послѣ втораго сообщенія, былъ скученъ, Богосъ же притворялся веселымъ. Ачерби, зная уже по общимъ слухамъ о цѣли моего пріѣзда, предлагалъ мнѣ свои услуги и хотѣлъ написать всѣмъ Австрійскимъ вице-консуламъ, находящимся въ Сиріи и портахъ Леванта, что Россія нисколько не одобряетъ возстанія Египетскаго паши, а, напротивъ того, дѣйствуетъ въ пользу Порты,—въ томъ убѣжденіи, что и Австрійскій дворъ послѣдуетъ примѣру Государя. Находя излишнимъ долѣе таить отъ него цѣль моего порученія и успѣхъ совѣщанія съ Пашею, я призналъ за лучшее дать понятіямъ его о дѣлѣ настоящее направленіе, а потому, сообщивъ обо всемъ Ачерби въ общихъ выраженіяхъ, я предоставилъ ему донести о томъ своему двору. Ачерби былъ человѣкъ тяжелый и не скоро понималъ. Онъ превозносилъ великодушіе Государя; но въ понятіяхъ его ускользали то вліяніе, которое Россія получала при семъ случаѣ въ дѣлахъ Востока, и настоящая цѣль нашего правительства. Онъ не постигалъ, какимъ образомъ Государь, препятствуя возстанію Паши, не опредѣлялъ границъ его управленію. Онъ не понималъ, что намъ нужно было время выиграть, и, къ досадѣ моей, твердилъ при всѣхъ, что Паша не кончитъ симъ. Гласное изложеніе предстоявшихъ для Паши выгодъ отъ продолженія войны, происходившее отъ благонамѣренности Австрійскаго консула, могло повредить дѣлу. Неумѣстные порывы усердія Ачерби можно было только остановить тѣми же выраженіями, какія я употребилъ въ разговорахъ съ Пашею, и я повторилъ ему, что Пашѣ не воз-

бранялось упорствовать въ своихъ намѣреніяхъ. Слова сіи служили всякій разъ Ачерби загадкою; онъ задумывался и кончалъ признаваніемъ великодушія Государя. Я никогда не поручалъ ему подтверждать рѣчей моихъ, при свиданіи его съ Пашею, изъ опасенія, чтобы онъ чего-либо не перепуталъ.

Дѣла мои въ Египтѣ были кончены, и я располагалъ отплыть обратно въ Царьградъ; но вѣтеръ все стоялъ съ Сѣвера противный, такъ что намъ нельзя было выдти изъ порта. Я воспользовался промедленіемъ, чтобы отдать консуламъ сдѣланные мнѣ визиты, увидѣть нѣсколько Александрію, взглянуть на столпъ Септимія Севера и повѣрить передъ отъѣздомъ расположеніе духа, въ коемъ оставался Паша послѣ нашихъ разговоровъ. Мегмедъ-Али, узнавши черезъ Россетти о моемъ желаніи видѣть Александрію, выслалъ къ пристани свою четверомѣстную карету. Другаго экипажа я въ Александріи не видалъ, и эта карета, кажется, никогда не была въ употребленіи. Поѣздъ былъ замѣчателенъ; чичероне моимъ былъ Россетти. Мы усѣлись въ диковинную карету, подаренную Пашѣ Карломъ X-мъ. Въ упряжѣ были четыре арабскихъ вороныхъ жеребца, вожатыми Арабы, на запяткахъ стоялъ мой деньщикъ въ мундирѣ, а съ боковъ бѣжало нѣсколько слугъ Паши. Около кареты скакалъ на арабскомъ жеребцѣ мой адъютантъ. Я удивлялся, съ какою ловкостью проводники поворачивали экипажъ въ тѣсныхъ улицахъ и на базарахъ Александріи, не задѣвая ни за одинъ уголъ.

Французскій консулъ былъ въ особенности польщенъ моимъ посѣщеніемъ. Видя торопливость и услужливость его, никто бы не подумалъ, что человѣкъ этотъ дѣйствовалъ въ противномъ намъ духѣ. Онъ былъ совершенно похожъ на п овинившагося. Я съ удовольствіемъ разсматривалъ у него собранный имъ кабинетъ древностей, который, какъ изъ иностранныхъ вѣдомостей видно, до сихъ поръ увеличи-

вается [1]). Между сими древностями находились обломки мраморныхъ статуй греческой работы и замѣчательны были муміи, коихъ наружная оболочка сохранила въ первоначальной яркости всѣ цвѣта и черты живописи, изображавшей лики усопшихъ. Я навѣстилъ также Баркера, коего скромное и привѣтливое обхожденіе мнѣ всѣхъ болѣе нравилось; былъ у Сардинскаго консула; но по вышеизложеннымъ причинамъ не заѣзжалъ къ Шведскому, сколько меня о томъ ни просилъ Россетти.

Проѣзжая часть города, я видѣлъ между разбросанными обломками колоннъ обелискъ, извѣстный подъ названіемъ иглы Клеопатры, оставшійся въ цѣлости; заѣзжалъ смотрѣть красиваго камелеопарда, котораго привели изъ пустынь Африки, и выѣзжая изъ города, видѣлъ каменную стѣну, его окружающую; ее можно только назвать оградою противъ набѣговъ степныхъ Арабовъ. Въ воротахъ стоялъ пѣхотный караулъ отъ сборныхъ войскъ, оставшихся въ Александріи послѣ выступленія арміи.

По выѣздѣ изъ крѣпостныхъ воротъ, открылась печальная пустыня Африки. Ничто совершенно не оживляло унылаго вида ея. Взоръ невольно останавливался на колоннѣ Севера, стоящей вправо на невысокомъ и весьма отлогомъ холмѣ. Окружающая его земля, на небольшое только пространство, слегка потянута зеленью. Памятникъ сей нѣкогда украшалъ городъ, среди коего находился; нынѣ украшаетъ его пустыня, обнажающая его величіе. Онъ замѣчателенъ по неприкосновенности къ нему вѣковъ, и потому, что около не видно никакихъ развалинъ и даже обывательскихъ лачугъ, обыкновенно облипающихъ остатки древности у основы ихъ. Мѣсто, на коемъ колонна стоитъ, совершенно чисто

[1]) Въ бытность мою въ Александріи, я также имѣлъ случай купить нѣсколько древнихъ монетъ и вещей, найденныхъ въ землѣ, коими промышляютъ мелочные продавцы, знающіе о вкусѣ Европейцевъ къ этимъ вещамъ.

и покрыто только небольшими обломками камней, болѣе похожихъ на крупный щебень. Дерзкая рука невѣждъ коснулась однако пьедестала, изъ одного угла коего вытащено нѣсколько большихъ камней, увезенныхъ, вѣроятно, въ городъ на строенія. Колонна грозила паденіемъ; но выломленный уголъ нынѣ заложенъ большими неправильными камнями, иждивеніемъ какихъ-то путешественниковъ, предупредившихъ симъ разрушеніе величественнаго столпа. Стволъ его, въ особенности къ верху, покрытъ крупными надписями, изображающими имена Англичанъ, взлѣзшихъ на него. Путешественники сей націи, въ особенности, домогаются побывать на вершинѣ колонны. Для достиженія ея, они пускаютъ прежде всего бумажный змѣй и, притянувъ его черезъ капитель къ землѣ, получаютъ первое сообщеніе съ вершиною посредствомъ тонкой веревочки; къ ней привязываютъ другую потолще, которую также перетянутъ черезъ верхъ, и, навязывая такимъ образомъ постепенно веревки еще болѣе толстаго размѣра, наставляютъ къ концу веревочную лѣстницу и укрѣпляютъ ее черезъ капитель къ землѣ. Меня увѣряли, что однажды взобралось на верхъ капители двадцать четыре Англичанина, которые тамъ всѣ вмѣстѣ завтракали. Самыя даже Англичанки, путешествующія по Египту, взлѣзаютъ на этотъ столпъ для удовольствія. По этому случаю разсказываютъ объ одной изъ нихъ, которая, будучи въ любовной перепискѣ съ Англичаниномъ, жившимъ въ Каирѣ, хотѣла тронуть его своею неустрашимостію. Расположившись на капителѣ колонны, она написала и послала къ нему оттуда страстное письмо. Соотечественникъ ея, не уступавшій ей, какъ кажется, въ странностяхъ, отвѣчалъ ей письмомъ, написаннымъ со дна глубокаго колодца въ Каирѣ, извѣстнаго подъ именемъ Іосифова.

Вышина колонны извѣстна. Она имѣетъ 96 французскихъ футовъ высоты и 28 въ окружности. Но такъ какъ у меня въ то время не было о томъ записокъ, то я пожелалъ вы-

мѣрить вышину ея, для чего и употребилъ слыханное мною средство, коимъ лѣсные промышленники въ Россіи вымѣряютъ вышину деревьевъ. Я положилъ человѣка навзничь въ примѣрномъ разстояніи отъ основанія колонны, и поставивъ къ ногамъ его булаву провожавшаго насъ каваса [1]), отодвигалъ лежащаго до тѣхъ поръ, пока онъ увидѣлъ вершину колонны черезъ верхъ булавы, и послѣ того сдѣлалъ геометрическую посылку: сравнилъ содержаніе вышины человѣка, отъ глазъ до ногъ къ высотѣ булавы, съ содержаніемъ разстоянія глазъ лежавшаго, отъ основанія колонны къ вышинѣ ея, которую и получилъ съ приблизительною вѣрностью. Ошибка была только въ двухъ футахъ, какъ я то повѣрилъ въ книгахъ Ачерби [2]).

Вниманіе мое обратили также на высокую насыпь земли, которую называли шанцемъ Бонапарте. Память о немъ не изгладилась въ Египтѣ.

На обратномъ пути я заѣхалъ въ Греческій монастырь Св. Саввы, въ коемъ показываютъ мѣсто, гдѣ была мучима Св. Екатерина. Святителя не было дома. Онъ на другой день навѣстилъ меня со своимъ причетомъ. Число Грековъ въ Александріи нѣсколько увеличилось послѣ опустошенія Ибрагимъ-пашею Мореи, откуда онъ вывезъ много семействъ въ Египетъ. Тѣ изъ нихъ, которыхъ я видѣлъ въ Александріи, находились въ довольствіи, занимались ремеслами или промышленностію и нисколько не жаловались на свое состояніе.

Мнѣ случилось также видѣть въ Александріи нѣсколько Коптовъ, которыхъ называютъ потомками древнихъ корен-

---

[1]) Пашинскій слуга.

[2]) Наши промышленники, разумѣется, не дѣлаютъ посылки, но какъ имъ нужно только знать годность лѣса по извѣстной длинѣ его, то размѣръ палки, приставляемой къ ногамъ лежащаго, опредѣленъ впередъ, какъ равно и разстояніе, въ которомъ ее ставятъ отъ корня дерева; оно признается годнымъ или негоднымъ, по мѣрѣ того, какъ назначаемое мѣсто для верхняго сруба бревна переходитъ, или не доходитъ линіи зрѣнія лежащаго.

ныхъ жителей Египта. Ихъ нынѣ очень мало. Они христіанскаго закона, но особеннаго исповѣданія. Народъ сей тихъ, промышленъ, и, какъ всѣ порабощенные издревле народы, не имѣетъ понятія о какомъ либо отечествѣ, но составляетъ между собою родъ большаго семейства, тѣсно связаннаго. Они имѣютъ свои монастыри и духовное управленіе; большею частію способны къ письменныхъ дѣламъ и должностямъ счетчиковъ, которыя они и занимаютъ въ разныхъ управленіяхъ Паши, въ деревняхъ, при консулахъ и у богатыхъ купцовъ.

Я былъ званъ въ этотъ день на обѣдъ къ Ачерби, и кончивши объѣздъ свой, отправился къ нему. Къ утомительному разговору сего человѣка, когда онъ касался политическихъ дѣлъ, присоединялся еще такой же обѣдъ. Подано был , по крайней мѣрѣ, двадцать блюдъ. Трудно опредѣлить, какого рода былъ этотъ обѣдъ. По нѣскольку разъ подавали сласти, и я уже радовался приближающемуся концу, какъ за сластями являлась паюсная икра, а потомъ опять соусы, овощи, пряности и жаркія. Меня утѣшила только прекрасная библіотека консула, въ которой мы расположились послѣ обѣда. Тутъ и бесѣда сдѣлалась занимательною по обширнымъ и основательнымъ свѣдѣніямъ хозяина.

Отъ Ачерби я поѣхалъ, передъ вечеромъ, къ Пашѣ верхомъ, и по пути случилось мнѣ видѣть сводный баталіонъ пѣхоты, высыпавшій къ ужину изъ какихъ-то полуразрушенныхъ подземныхъ казармъ. Тощіе и оборванные Африканцы толпились около нѣсколькихъ чашъ со скудною пищею, поставленныхъ на улицѣ; но они казались бодры и веселы, какъ бы забывъ родину и ужившись въ неволѣ. Къ чему отнести радость ихъ, какъ не къ чувству утоляемаго голода—единственному наслажденію, имъ еще предоставленному?

Паша былъ не въ духѣ; но вскорѣ онъ началъ говорить съ обыкновенною болтливостью. «Знаете ли вы», спросилъ

онъ меня, «что у Визиря отхватили всю казну; это случи-«лось по дорогѣ къ Царьграду. Воры же изъ числа жителей. «Мало ли, что можетъ случиться подобнаго въ народѣ недо-«вольномъ Султаномъ, а вы увидите, что все это мнѣ при-«пишутъ ,какъ и всѣ возмущенія, послѣдовавшія въ Анатоліи. «И Султанъ, не взирая на мою невинность, въ такомъ видѣ «доведетъ дѣло до свѣдѣнія Государя, чтобъ очернить меня.»

— «Пускай», отвѣчалъ я, «а вы, для разсѣянія клеветы, «поспѣшите замириться».

— «Буду надѣяться», сказалъ Паша, лукаво взглядывая на меня, какъ бы для извѣданія моего образа мыслей, «что «другъ нашъ, Государь вашъ, оправдаетъ меня въ своихъ «мысляхъ».

— «Государь вѣрный другъ Султана», возразилъ я, «вы «же на благосклонность и милость Его Величества можете «надѣяться не прежде того, какъ изгладите негодованіе, заслуженное вашими поступками.»

— «У меня много завистниковъ и враговъ», продолжалъ Мегмедъ-Али, «все представятъ въ другомъ видѣ».

— «Кто ихъ не имѣетъ?» сказалъ я, «развѣ вы думаете, «что и мнѣ не позавидуютъ за порученіе, коимъ меня удостоилъ Государь?»

— «То дѣло другое», отвѣчалъ паша; потомъ, помолчавши нѣсколько, продолжалъ: «знаете ли вы, что Боснія и Алба-«нія снова возмутились противъ Султана?»

— «Можетъ быть; но что до этого? уймутъ ихъ», отвѣчалъ я ему съ твердостію и хладнокровно.

При этомъ возраженіи, Паша не могъ скрыть своей досады; онъ задрожалъ обѣими руками до такой степени, что едва удержалъ чубукъ; потомъ, принявъ опять видъ смиренія, онъ снова сталъ просить ходатайства, чтобы Султанъ его пощадилъ, и получилъ тотъ же отвѣтъ, который прежде слышалъ по сему случаю.

Опираясь на данное имъ слово покориться, я сказалъ, что вполнѣ вѣрилъ ему и для него собственно желалъ исполненія обѣщаній его.

«Мое слово свято, какъ моя вѣра!» воскликнулъ Паша съ торжественнымъ видомъ, и вслѣдъ за тѣмъ началъ опять жаловаться, что въ Царѣградѣ держатъ въ плѣну двухъ родственниковъ его, жившихъ въ Македоніи, потому единственно, что они хотѣли къ нему пріѣхать. Послѣ того спросилъ, сколько было въ Царѣградѣ турецкихъ войскъ?

—«Не болѣе осьми или десяти тысячъ,» отвѣчалъ я съ равнодушіемъ, чтобы указать ему, кого онъ въ борьбѣ сей болѣе долженъ опасаться. Хладнокровіе, съ которымъ я ему отвѣчалъ, смущало его; онъ нѣсколько разъ начиналъ говорить о посторонних предметахъ, разсказывалъ анекдоты, но путался въ рѣчахъ и говорилъ безъ всякой связи. Между прочимъ, началъ онъ разсказывать о какомъ-то происшествіи, случившемся съ однимъ англійскимъ капитаномъ, который, входя въ Александрійскій портъ, посылалъ переговаривать съ нимъ, отдастъ ли онъ ему 17-ть пушечныхъ выстрѣловъ за салютъ. Никто не могъ ничего понять изъ его разсказа. Богосъ сталъ переводить, но Паша его все прерывалъ, и мы никакого толку не добились. Паша заикался, и, продолжая разсказъ знаками, не кончилъ его; но мнѣ казалось, что онъ этимъ изъявлялъ желаніе, чтобы я салютовалъ ему при отплытіи.

Два раза я сбирался идти; но Мегмедъ-Али все упрашивалъ меня оставаться и говорилъ о постороннихъ вещахъ; между прочимъ, о какомъ-то славномъ арабскомъ жеребцѣ, коего и предки были извѣстны, присовокупляя, что отъ Государя были посылаемы чиновники за лошадьми такого рода, но не находили ихъ. Избѣгая предложенія подарка, я отклонялъ разговоръ отъ этого предмета; но видя, что онъ не переставалъ о томъ же говорить, я сказалъ, что порода русскихъ лошадей гораздо рослѣе и выгоднѣе для службы

арабскихъ жеребцовъ, и совѣтовалъ ему завести у себя лошадей нашей породы. Онъ тогда понялъ меня. «Я выпи-«сывалъ», сказалъ онъ, «изъ Англіи для заводовъ лошадей, «но онѣ не выдержали климата и всѣ здѣсь подохли.»

Бесѣда наша кончилась разговоромъ о состояніи Египта. Желая внушить ему чувства миролюбія, я ссылался на природное богатство края, на преклонныя лѣта его и представлялъ, какую онъ могъ еще пріобрѣсть славу, занявшись благоустройствомъ подвѣдомственной ему области. Онъ мнѣ ни въ чемъ не противорѣчилъ; но несвязность мыслей его отзывалась въ прерывистыхъ рѣчахъ, изъ коихъ ничего нельзя было понять. Покорность его, конечно, была притворная, и смиреніе, безъ сомнѣнія, временное; но того только и нужно было въ ту минуту. Мы наконецъ простились съ нимъ; онъ повторилъ мнѣ свои просьбы, присовокупивъ къ тому порученіе кланяться брату, при первомъ свиданіи.

6-го числа мы увидѣли бригъ «Парисъ», который держался въ морѣ, не входя въ пристань. Я приказалъ сдѣлать сигналъ командиру, чтобы онъ ко мнѣ прибылъ. Бутеневъ явился. Такъ какъ мнѣ не было болѣе надобности въ бригѣ, то я велѣлъ ему дождаться меня подъ парусами у выхода. Не взирая на противный вѣтеръ, я начиналъ уже верповаться завознымъ якоремъ, чтобы выдти изъ порта и плыть обратно въ Царьградъ; но Бутеневъ возразилъ мнѣ, что у него мало воды и что ему потому надобно было посылать на берегъ. Отговорка была пустая, ибо онъ не былъ болѣе семи дней въ пути; но это было сказано съ намѣреніемъ воспользоваться пріѣздомъ своимъ въ Александрію, повидаться съ знакомыми и вмѣшаться въ дѣла, въ коихъ онъ полагалъ участіе свое необходимымъ. Не знавши его коротко, я не объявилъ ему содержанія моей миссіи. Ему не нравилось, что я не слѣдовалъ тѣмъ же правиламъ, по коимъ онъ сблизился съ александрійскими Франками. Ему

еще более непріятно было, когда я дружески просилъ его запретить командѣ его ходить въ городъ и самому, безъ особенной надобности, не съѣзжать, на берегъ.

Россетти въ это время навѣстилъ меня. Онъ убѣдительно просилъ ходатайства моего о назначеніи его Русскимъ консуломъ въ Египтѣ. Онъ увѣрялъ, что его не побуждали къ тому какіе либо корыстолюбивые виды, и что даже готовъ отказаться отъ жалованья, даваемаго нашимъ правительствомъ. Зная, какою онъ пользовался довѣренностію у Паши, и видя, что онъ въ нынѣшній разъ обратилъ ее въ нашу пользу и содѣйствовалъ въ успѣхѣ моего порученія, я согласился поговорить о томъ съ министромъ Бутеневымъ, по возвращеніи въ Царьградъ. Отпуская Россетти, я просилъ его держать Пашу въ томъ же расположеніи къ миру, въ какомъ я его оставлялъ, и между тѣмъ пригрозиться Богосу, что если онъ будетъ дѣйствовать въ противномъ смыслѣ, и совѣтами своими препятствовать миру, то его вездѣ отыщутъ, и онъ за то будетъ отвѣчать. Богосъ имѣлъ роднаго брата въ Тріэстѣ, на имя котораго онъ переводилъ всѣ пріобрѣтенныя имъ въ Египтѣ богатства. Простившись со мною, Россетти возвратился на берегъ и обѣщался мнѣ доставить въ тотъ же вечеръ послѣднія извѣстія изъ города, ибо въ тотъ же день, послѣ полудня, вошли въ портъ Австрійскій корветъ и Греческій бригъ. Я позволилъ Бутеневу съ нимъ ѣхать, чтобы привезти мнѣ эти извѣстія.

Мы мало подвигались впередъ и къ ночи бросили якорь противъ самаго выхода изъ гавани. Бутеневъ привезъ мнѣ письмо отъ Россетти, коимъ онъ увѣдомлялъ, что нарочно ходилъ къ Пашѣ, для узнанія о новостяхъ, привезенныхъ Греческимъ бригомъ, пришедшимъ въ шесть дней изъ Смирны. Онъ опровергалъ распространившіеся доселѣ ложные слухи о бывшемъ возмущеніи въ Царѣградѣ, коимъ уже болѣе не вѣрилъ; но говорилъ, что въ послѣдствіе какого-

то сильнаго броженія умовъ, оказавшагося въ столицѣ, Султанъ рѣшился немедленно отправить въ Египетъ Галиль-пашу съ полномочіемъ для переговоровъ и заключенія условія, отъ чего Мегмедъ-Али былъ въ восхищеніи. Посланный находился уже въ Родосѣ, и его ожидали въ Александріи на другой или слѣдовавшій послѣ того день. Мегмедъ-Али поручалъ Россетти свидѣтельствовать мнѣ свое почтеніе и сказать, что онъ сдержитъ свое слово, что я могъ положиться на его обѣщанія и замиреніе считать конченнымъ, присовокупляя, что еслибъ я согласился подождать въ Александріи, то могъ бы самъ довести до свѣдѣнія Государя Императора извѣстіе о благополучномъ окончаніи, согласно желанію Его Величества, порученія, на меня возложеннаго. Россетти присоединялъ къ тому мнѣніе свое, что если бы я уже рѣшился отплыть, то могъ бы оставить въ Александріи бригъ Бутенева, который бы поспѣшилъ доставить сію радостную вѣсть вице-адмиралу Рикорду.

Слухи, доставленные мнѣ въ тотъ день съ берега, были слѣдующіе: въ кофейныхъ домахъ Александріи толковали, что Государь убѣдилъ будто черезъ меня Мегмедъ-Али къ миру, и что я при этомъ случаѣ выговорилъ у него во владѣніе Россіи островъ Кипръ и Іерусалимъ. При дворѣ Паши говорили, что Султанъ заключилъ чрезъ мое посредство съ Россіею трактатъ оборонительнаго и наступательнаго союза, чего онъ самъ весьма желалъ; но что при разсмотрѣніи дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ, улемы (духовныя лица) не согласились и изорвали трактатъ, что̀ и побудило Султана послать Галиль-пашу въ Египетъ.

Въ ночи съ 6-го на 7-е число сѣверный вѣтеръ усилился, и насъ подрейфовало къ самому опасному мѣсту берега, минуя городъ, гдѣ часто разбиваются суда; но фрегатъ остановили.

7-го числа вѣтеръ все усиливался; стоянка наша была очень безпокойная, выдти же изъ порта не было возможности. Я

принужденъ былъ еще оставаться въ Александріи, хотя не видѣлъ въ томъ надобности. Пріѣздъ Галиль-паши не могъ мнѣ къ тому служить поводомъ, послѣ того, какъ Порта скрыла отъ нась намѣреніе свое отправить его въ Египетъ. Я не могъ полагать, что ему поручено было дѣйствовать по совѣщаніи со мною, и достигнувъ однажды главной цѣли, мнѣ никоимъ образомъ не слѣдовало вмѣшиваться въ частности переговоровъ; но въ намѣреніи предупредить турецкаго посланника о томъ, что̀ уже было сдѣлано, для руководствованія первыхъ пріемовъ его, я на всякій случай приказалъ имѣть въ готовности катеръ, чтобы перевезти Теодатти на судно къ Галиль-пашѣ, когда онъ будетъ мимо меня проходить.

Встрѣтившееся препятствіе къ выѣзду было для меня непріятно, ибо я вновь вступалъ съ Пашею въ сношенія, коихъ послѣдствія болѣе ни къ чему не вели; напротивъ того, я дѣлался свидѣтелемъ торжества Мегмедъ-Али, предвидѣвшаго скорый пріѣздъ турецкаго сановника, о которомъ онъ мнѣ такъ постоянно твердилъ; а потому, рѣшившись, при первой возможности, оставить Александрію, я отвѣчалъ Россетти письменно, что не имѣлъ надобности ожидать извѣстія о мирѣ, ниже оставлять для того брига, потому что весь свѣтъ будетъ свидѣтелемъ, какъ Мегмедъ-Али сдержитъ свое слово.

Австрійскій корветъ, бросившій наканунѣ якорь въ портѣ, къ удовольствію моему, не салютовалъ пашинскому флагу. Капитанъ судна, видѣвшій Галиль-пашу уже на пути въ Хіосѣ, привезъ къ Ачерби изъ Царяграда отъ интернунція наставленія, касающіяся сношеній его въ настоящемъ случаѣ, о чемъ Ачерби поспѣшилъ меня увѣдомить. Я съ утра послалъ Кирико къ австрійскому консулу просить о присылкѣ ко мнѣ инструкцій его. Получивъ ихъ, я увидѣлъ, что онѣ были написаны почти въ тѣхъ же словахъ, какъ и мои, за исключеніемъ тѣхъ выраженій, въ кото-

рыхъ говорилось о вліяніи, пріобрѣтаемомъ Государемъ чрезъ мое посольство въ дѣлахъ востока. Ачерби поручалось подтвердить всѣ мои дѣйствія; кромѣ того я замѣтилъ въ его бумагахъ слѣдующую статью, не находившуюся въ моихъ, и немедленно выписалъ ее для себя:

«Мы также освѣдомлены объ участіи, принимаемомъ англійскимъ правительствомъ въ положеніи Оттоманской Имперіи и о дѣйствіяхъ его, клонящихся къ скорому возстановленію мира и спокойствія въ Левантѣ.»

«Мегмедъ-Али столько предусмотрителенъ, чтобы предвидѣть послѣдствія, могущія произойти для него отъ дальнѣйшаго упорствованія въ предпріятіи, явно порицаемомъ главнѣйшими державами Европы, соединенными узами совершенной дружбы съ Портою, коей благосостояніе неразлучно съ ихъ видами.»

Вскорѣ послѣ того навѣстилъ меня англійскій консулъ, который не получилъ по этому предмету никакого распоряженія отъ своего правительства. Онъ поспѣшилъ увѣдомить меня объ условіи, заключенномъ Пашею съ двумя англійскими купеческими судами, коимъ они обязались перевозить войска и снаряды въ Тарсусъ, намекая мнѣ притомъ, сколько онъ находилъ это неприличнымъ со стороны паши послѣ даннаго мнѣ обѣщанія прекратить военныя дѣйствія. Баркеръ увѣдомилъ меня также, что подобные договоры были сдѣланы Пашею съ шестью австрійскими и нѣсколькими греческими купеческими судами, и что даже послѣ отъѣзда консула нашего Лавизона изъ Александріи, два судна подъ русскимъ флагомъ перевозили войска Паши въ Тарсусъ. Такъ употребляютъ во зло покровительство нашего флага, даваемое Итальянцамъ, Перотамъ и франкскимъ промышленникамъ Леванта. Я просилъ Баркера дать мнѣ записку объ англійскихъ судовщикахъ, и онъ не замедлилъ доставить ко мнѣ за своимъ подписаніемъ выписку изъ журнала консульства, съ показаніемъ названій судовъ и капи-

тановъ. О дѣйствіяхъ австрійскихъ судовщиковъ я увѣдомилъ Ачерби, который еще не зналъ объ этихъ договорахъ. Онъ сердился на кунцовъ и хотѣлъ изорвать условія ихъ.

И такъ дѣло снова завязывалось. Я не могъ оставить сего случая безъ дознанія причинъ, побудившихъ Пашу къ новому отправленію войскъ, и въ тотъ же день сообщилъ о томъ Россетти, который у меня обѣдалъ. Я замѣтилъ ему, что намъ совершенно все равно было, пошлетъ ли Паша войска, или не пошлетъ ихъ; но что неисполненіемъ обѣщаній, данныхъ имъ на имя Государя, онъ подвергалъ себя отвѣтственности; а потому полагалъ, что ему слѣдовало лучше обдумать свои выгоды. Россетти увѣрялъ меня, что въ семъ случаѣ не было никакого дурнаго умысла со стороны паши, и что онъ немедленно отмѣнитъ прежде данныя приказанія объ отправленіи войскъ въ Малую Азію, о чемъ онъ хотѣлъ сказать Пашѣ и пріѣхать ко мнѣ съ отвѣтомъ. Онъ обвинялъ Баркера, говоря, что консулъ въ этомъ случаѣ поступилъ единственно по личностямъ своимъ противъ Паши; но я оправдывалъ его тѣмъ, что поводомъ къ сему, вѣроятно, служили наставленія, полученныя имъ отъ Англійскаго правительства.

Мегмедъ-Али дѣлалъ большія приготовленія для принятія Галиль-паши со всевозможными почестями. Онъ былъ польщенъ его посольствомъ. Съ утра были у него собраны всѣ флотскіе офицеры въ полной одеждѣ. Онъ хотѣлъ ихъ послать на встрѣчу въ Галилю, и гласно увѣрялъ всѣхъ, что примирится съ Султаномъ.

Въ вечеру у Франковъ былъ въ городѣ театръ, на коемъ дѣйствующія лица состояли изъ чиновниковъ миссій и негоціантовъ. Мы получили черезъ Россетти пригласительные билеты; но я просилъ меня извинить, въ тѣхъ мысляхъ, что всякое сближеніе съ александрійскими Франками, преданными Пашѣ, могло ослабить впечатлѣніе, произведенное

между ними моимъ внезапнымъ пріѣздомъ и настоятельными требованіями покорности отъ Паши. Я также изъявилъ всѣмъ офицерамъ обоихъ судовъ желаніе, чтобы никто изъ нихъ не былъ на празднествѣ, гдѣ всего болѣе собираются люди, ненавидящіе насъ и порицающіе дѣйствія нашего правительства. Всѣ исполнили мое требованіе, исключая Б—ва, который въ этомъ случаѣ подвергся бы сильной отвѣтственности за ослушаніе, еслибъ я не уважилъ близкаго родства его съ Апполлинаріемъ Петровичемъ, котораго душевно любилъ.

8-го числа, къ удивленію моему, увидѣлъ я, что австрійскій корветъ, вошедшій наканунѣ безъ салюта, нынѣ салютовалъ пушечными выстрѣлами, на что̀ ему было отвѣтствовано съ крѣпости. Около того времени пріѣхалъ ко мнѣ Бутеневъ, сказывая, что Ачерби, по полученіи инструкціи, ходилъ къ Пашѣ, и вышедши отъ него, объявилъ, что все уже было кончено и согласіе между воюющими возстановится, почему онъ и приказалъ корвету отсалютовать; что онъ съ этимъ извѣстіемъ самъ ко мнѣ ѣхалъ, но не могъ добраться до фрегата за сильнымъ волненіемъ, а потому, доплывъ до брига, возвратился. Россетти въ то время былъ у меня; я немедленно поѣхалъ на берегъ, и мы вмѣстѣ пошли къ Ачерби, который подтвердилъ, что онъ точно былъ у Паши, сообщилъ ему, что онъ имѣетъ порученіе такого рода, какъ мое и изложилъ ему содержаніе онаго. Мегмедъ-Али все прерывалъ его, говоря, что онъ уже это знаетъ; по окончаніи же, Ачерби, въ видѣ частнаго лица, сталъ подавать совѣты Пашѣ, и какъ я по словамъ его могъ судить, упоминалъ объ уступкѣ Сиріи и отданіи флота, въ чемъ (если онъ это сдѣлалъ) Ачерби преступилъ свою инструкцію. Но онъ не понималъ существа дѣла и повторялъ мнѣ нѣсколько разъ, что другаго средства не было смирить Пашу, какъ отобрать отъ него флотъ и раздѣлить Египетъ на два пашалыка; короче сказать: побѣдить его, чего Сул-

танъ и домогался, но до сихъ поръ безъ успѣха. Ачерби сказывалъ мнѣ, что Паша самъ увѣрялъ его въ покорности своей законному государю, и что такъ какъ ему удалось отклонить напечатаніе реляціи о Конійской побѣдѣ, то онъ, на оборотъ, счелъ обязанностію приказать корвету салютовать.

Не находя въ семъ поступкѣ довольно твердости со стороны Ачерби, я замѣтилъ ему, что все сказанное имъ уже было говорено Пашею и всѣмъ извѣстно. Но Ачерби въ извиненіе свое возразилъ, что онъ приказалъ салютовать только турецкому флагу, а не какому иному.

—«Паша также сохранилъ турецкій флагъ, какъ и называетъ себя вѣрноподданнымъ Султана», сказалъ я.

«Это правда», отвѣчалъ Ачерби; «но я обязанъ имѣть нѣ«которое уваженіе къ нему по надобностямъ нашихъ куп«цовъ; у насъ бываетъ здѣсь много торговыхъ судовъ, и «притомъ я не въ такомъ положеніи какъ вы: у васъ здѣсь «и консула уже нѣтъ, а я не имѣю на этотъ счетъ никакого «приказанія отъ своего двора; буду однако же всячески на«стаивать и дѣйствовать согласно съ вами».

— «И господинъ Россетти», продолжалъ я, «по связи «обоихъ дворовъ вашихъ, надѣюсь, будетъ въ томъ же смы«слѣ дѣйствовать».

Ачерби, кажется, былъ тронутъ моимъ замѣчаніемъ на счетъ салюта и разстроенъ утреннимъ совѣщаніемъ съ Пашею, на коемъ, какъ я послѣ слышалъ, онъ съ нимъ просто поссорился, ибо Паша не могъ его терпѣть и всячески избѣгалъ его. Ему непріятно было тоже видѣть Россетти, котораго онъ не любилъ, свидѣтелемъ нашего разговора. «Такъ», сказалъ онъ, обращаясь къ нему съ жаромъ, «но «вы, г. Россетти, которые такъ близки къ Пашѣ, вы бы «должны держать его въ иномъ расположеніи и не поддер«живать поступками своими мятежнаго духа его, какъ то «случилось на дняхъ, когда здѣсь всѣ Европейцы торжество-

«вали побѣды Мегмедъ-Али; тогда на праздествѣ былъ вы«ставленъ флагъ съ надписью, въ коей его называли Алек«сандромъ Великимъ Вторымъ, съ молитвами объ успѣхѣ его «оружія; тогда тосканскій флагъ развѣвался на поставленной «мачтѣ вмѣстѣ съ англійскимъ и французскимъ. Вы Авст«ріецъ», продолжалъ онъ, возвышая голосъ, «повторяю вамъ «и помните это; герцогъ вашъ родной братъ нашему Им«ператору и дворамъ нашимъ будетъ извѣстно ваше по«веденіе.»

—«Тосканскаго флага не было при этомъ случаѣ», отвѣчалъ изумленный Россетти.

—«Былъ», возразилъ Ачерби вспыльчиво, «и въ доказатель«ство того, вотъ онъ еще теперь привязанъ къ мачтѣ, кото«рая доселѣ лежитъ неубранною на площади у стѣнки. Вмѣстѣ съ тѣмъ рослый и долговязый Ачерби вскочилъ, и отведши маленькаго Россетти къ окошку, показалъ ему мачту, обвернутую разноцвѣтными флагами. «А для вящшаго удостовѣ«ренія вашего», продолжалъ онъ, вынимая изъ стола бумагу, «вотъ и актъ, составленный мною тогда же объ этомъ про«изшествіи; актъ сей посылаю я къ своему двору для обна«руженія вашихъ поступковъ.»

Россетти оробѣлъ и нетвердымъ голосомъ отвѣчалъ Ачерби, что онъ тогда же долженъ былъ его о томъ предупредить, ибо ему и въ то время было извѣстно расположеніе дворовъ ихъ, не признававшихъ возстанія бунтовщика.

Симъ кончилась въ моемъ присутствіи распря, обнаружившая съ одной стороны дѣйствія Россетти, съ другой же я могъ видѣть, какого малаго пособія мнѣ должно было ожидать отъ безтолковаго рвенія Ачерби. Онъ сообщилъ мнѣ, что Паша посылалъ въ Малую Азію отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ человѣкъ войскъ, тогда какъ наканунѣ рѣчь шла только о 300 человѣкахъ, оставшихся отъ выступившихъ полковъ по болѣзни въ Александріи. Онъ представлялъ о томъ при свиданіи Пашѣ, который отозвался, что всѣ отправляемые имъ люди

были изъ числа остававшихся въ госпиталѣ, а не свѣжія какія либо войска.

Желая повѣрить эти извѣстія, я сходилъ къ жившему въ томъ же домѣ Баркеру, который увѣрялъ меня, что посаженіе войскъ на суда было пріостановлено до времени, и что приказано было только нагружать ихъ хлѣбомъ. Баркеръ сказалъ еще, что, года два или три тому назадъ, онъ имѣлъ къ Пашѣ порученіе въ такомъ же родѣ, какъ и мое, что Паша въ то время предлагалъ Англіи свергнуть Султана и, занявъ престолъ его, выставить 200 т. войскъ противъ Россіи; но что Англія оставила предложеніе его безъ отвѣта. Онъ говорилъ также, что когда Французы собирались въ Алжиръ, то они предлагали собственно Пашѣ предпринять эту экспедицію и покорить Алжиръ, обѣщаясь дать ему десять линейныхъ кораблей; послѣ же предложили ему только сумму, равнявшуюся оцѣнкѣ десяти кораблей. Паша отозвался тогда, что онъ, безъ согласія Англіи, не приметъ участія въ этой войнѣ. Баркеръ увѣрялъ, что сдѣлки съ австрійскими судовщиками, о коихъ онъ мнѣ говорилъ, были уничтожены, хотя Ачерби отзывался вторично, что такихъ сдѣлокъ никогда не бывало.

Мнѣ хотѣлось видѣться съ Ачерби безъ Россетти, а потому я возвратился къ нему. Онъ увѣрялъ, что Паша уже не 3 т. человѣкъ посылалъ въ Малую Азію, а 5 т., и сказывалъ объ узнанномъ имъ отъ капитана австрійскаго корвета, видѣвшагося съ Галиль-пашею, что Султанъ уступалъ Пашѣ Сирію; но что Французы, не довольствуясь въ требованіяхъ своихъ за Пашу предположенною при Александреттѣ границею, настаивали, чтобы и самая Адана была отдана Египтянамъ; что Паша рубилъ безъ пощады корабельные лѣса въ Карамані и требовалъ англійскихъ судовъ для перевезенія ихъ въ Египетъ.

Я обѣдалъ въ тотъ день у Россетти, излившаго по осторожности сердце свое на Ачерби только по возвращеніи

домой. Онъ давно не любилъ Ачерби и еще въ первый день прибытія моего, до выѣзда на берегъ, предупреждалъ меня противъ него. Онъ говорилъ о какихъ-то карантинныхъ обрядахъ, которые мнѣ надобно было соблюсти, чтобы все общество консуловъ не потерпѣло отъ вздорливости австрійскаго, который нѣсколько разъ уже привязывался въ подобныхъ случаяхъ къ наружному исполненію тѣхъ обрядовъ. Всѣ консулы въ Александріи, для обезнеченія Европейцевъ отъ чумной заразы, по общему согласію, соединились въ одинъ комитетъ, распоряжающійся въ случаѣ появленія заразы. Меня однако же во все время не безпокоили никакими карантинными предосторожностями [1]). Россетти сталъ изливать свое неудовольствіе на австрійскаго консула, утверждая, что на выше названномъ имъ пиршествѣ развѣвался, безъ вѣдома Ачерби, и австрійскій флагъ, что онъ ему докажетъ это, и самъ составитъ о томъ актъ, который отправитъ къ своему герцогу. Про англійскаго консула онъ сказывалъ, что его уже смѣнили; но что Баркеръ, вѣроятно, о томъ еще не зналъ [2]). Наконецъ, онъ хвалился въ оправданіе свое услугами, оказанными имъ Россіи и показывалъ перстень, пожалованный дядѣ его нашимъ дворомъ.

Забавны были междоусобныя распри консуловъ; но мало отъ нихъ всѣхъ было пользы. Одинъ Россетти только по вліянію на Пашу могъ быть полезенъ; замѣтно однакоже было, что онъ съ пріѣзда Бутенева измѣнялся въ усердіи своемъ. Обнаруженное поведеніе его, въ присутствіи моемъ черезъ Ачерби, должно было его лишить надежды на мое ходатайство въ доставленіи ему мѣста россійскаго консула въ Египтѣ, и съ этимъ вмѣстѣ онъ сталъ колебаться. Онъ предпочелъ, вѣроятно, выгоды, получаемыя отъ торговли,

---

[1]) Консулы въ Александріи устроили и содержатъ отъ себя госпиталь, въ который поступаютъ во всякое время всѣхъ націй заболѣвающіе матросы съ купеческихъ судовъ, приходящихъ въ портъ,—мѣра благодѣтельная.

[2]) Баркеръ въ самомъ дѣлѣ былъ вскорѣ послѣ того смѣненъ.

честолюбивымъ видамъ, дотолѣ льстившимъ ему надеждою въ успѣхѣ, а нынѣ представлявшимся въ сомнительномъ образѣ. Не измѣняя явно первымъ дѣйствіямъ своимъ, онъ, казалось, изъ-подъ руки начиналъ дѣйствовать въ противномъ смыслѣ, или ожидалъ оборота, который возьмутъ дѣла, чтобы при случаѣ опять возобновить свое искательство.

Въ дѣйствіяхъ Мегметъ-Али замѣтна также была нѣкоторая перемѣна. Это можно было отнести къ извѣстію о пріѣздѣ Галиль-паши, давшему ему нѣкоторымъ образомъ средство примириться со своимъ государемъ чрезъ присланнаго единовѣрца и тѣмъ какъ бы отстранить общее мнѣніе о вліяніи на него угрозы, излитой отдаленною державою. Мнѣ нельзя было оставить безъ вниманія носившихся слуховъ объ отправленіи войскъ и хотѣлось объясниться на этотъ счетъ съ Пашею. Почему, предваривъ его о желаніи съ нимъ видѣться, я отправился къ нему въ тотъ же день 8-го числа послѣ обѣда.

—«Я сбирался уже выѣхать,» были первыя слова мои,» но «былъ задержанъ здѣсь сперва прибывшимъ бригомъ, кото-«рому надобно было наливаться водою, а теперь задержанъ «противными вѣтрами.»

— «Желалъ бы, чтобъ вы подолѣе съ нами остались,» отвѣчалъ Паша. «Я очень радъ васъ видѣть. Не привезъ ли «вамъ бригъ кикихъ либо новостей изъ Греціи?»

— «Не важныя; ожидали скораго прибытія Греческаго ко-«роля въ Навплію. Но слышно, что вы получили очень важ-«ныя извѣстія.»

— «Да,» сказалъ Мегмедъ-Али, «я ожидаю Галиль-пашу «и съ радости не могъ заснуть во всю ночь».

— «Почему бы онъ такъ долго оставался въ пути?»

— «Такъ какъ о прибытіи его,» отвѣчалъ Паша, «не были «посланы ко мнѣ заблаговременно нарочные татары съ извѣ-«стіемъ; то онъ, вѣроятно, хочетъ, чтобы слухъ о его прі-

«ѣздѣ распространился, и тѣмъ дать мнѣ время приготовиться «къ принятію его приличнымъ образомъ».

— «И такъ вы надѣетесь теперь кончить»?

— «Увѣренъ, что кончимъ».

— «Такъ за чѣмъ же вы опять посылаете войска въ «Анатолію? Послѣ обѣщанія, даннаго Государю прекратить «военныя дѣйствія, вамъ бы надобно воздержаться отъ того; «впрочемъ, я вамъ этого не отсовѣтываю; дѣлайте, какъ «лучше знаете. Излагая вамъ свое мнѣніе, я прошу васъ «только сказать мнѣ, какъ представить Государю о вашемъ «поступкѣ, который всячески долженъ удивить Его Величе«ство?» Паша съ жаромъ оправдывался, говоря, что эти люди не составляли баталіоновъ, а что они принадлежали къ разнымъ командамъ солдатъ, оставшихся отъ выступившихъ войскъ, что онъ не зналъ куда съ ними дѣваться въ Александріи, а потому и отсылаетъ ихъ къ своимъ полкамъ, и въ доказательство того прибавилъ, что въ числѣ ихъ не имѣется ни одного унтеръ-офицера.

«Сколько же вы ихъ посылаете?» спросилъ я.

— «Право не помню, сколько ихъ теперь осталось въ «Александріи. Полагаю», продолжалъ онъ, подумавъ нѣсколько, «отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ. Да что за дѣло? мы примиримся. «Я вамъ обѣщалъ и сдержу слово».

— «Безъ сомнѣнія», возразилъ я, «вы такимъ числомъ «немного усилите войска ваши въ Малой Азіи, да впрочемъ, «еслибъ вы и въ десять разъ болѣе послали людей, то отъ «того дѣла не примутъ другаго оборота. И такъ я доложу «Государю, что̀ вамъ служило поводомъ къ отправленію этихъ «людей; но не ручаюсь за то, какъ сіе будетъ принято. Я «повторю однако же данное вами обѣщаніе покориться».

— «Покориться!» воскликнулъ Паша. «Да, я покорюсь; «но если у меня будутъ требовать слишкомъ многаго, какъ «напримѣръ Ачерби, который мнѣ вчера говорилъ объ уступкѣ «Сиріи, объ отданіи флота? Если мнѣ наконецъ скажутъ»,

прибавилъ онъ съ сердцемъ.—«вставай да пошелъ вонъ!—«Тогда, разумѣется, имѣя одну только душу, въ отчаяніи я на «все отважусь. Меня хотятъ стращать. Насъ было одиннадцать «братьевъ, и я всегда умѣлъ оградить свою собственность. «Вотъ ужъ сорокъ пять лѣтъ, какъ я воюю».

— «Когда и какъ это случилось?» спросилъ я равнодушно.

— «Это случилось еще, когда дома я жилъ въ Румиліи,» отвѣчалъ Паша спокойно. «Да, я искренно желаю помириться «ся съ Султаномъ и покориться своему государю, и все сдѣ-«лаю для достиженія этого.»

— «Какъ же скоро думаете вы этого достичь»?

— «Не знаю,» сказалъ Паша, «вѣдь это не отъ меня за-«виситъ, я ничего не буду требовать, а удовольствуюсь всѣмъ «тѣмъ, что̀ мнѣ пожалуетъ государь мой».

— «Почему-жъ вы такъ убѣждены въ успѣхѣ»?

— «Имѣю извѣстіе изъ Константинополя,» отвѣчалъ Паша. «Но Ачерби! Ачерби! Онъ вчера пришелъ ко мнѣ съ «условіями и съ такими странными выходками! Я не приму «никакого иностраннаго посредничества. Впрочемъ и законъ «нашъ запрещаетъ намъ допустить оное.»

Слова его доказывали, что Ачерби точно вмѣшался не въ свое дѣло. Въ отвѣтѣ Мегмедъ-Али, касательно послѣднихъ средствъ, ему оставшихся въ случаѣ непомѣрныхъ требованій, я узналъ слова Россетти, слышанныя мною въ первые дни нашего свиданія; въ измѣнившемся же образѣ мыслей Мегмедъ-Али я увидѣлъ послѣдствія ожидаемаго пріѣзда Галиль-паши, какъ бы снимающаго съ него гнетъ угрозы. Онъ могъ уже прикрыть, если не обѣты свои, по крайней мѣрѣ, исполненіе ихъ, благовидными предлогами.

—«И очень хорошо сдѣлаете,» отвѣчалъ я, «если устраните «посредничество иностранцевъ. Государь самъ не любитъ, что-«бы вмѣшивались въ Его дѣла, а потому не хочетъ мѣшаться «въ ваши съ Султаномъ. Рѣшительно, не допускайте ничьего «посредничества, и это будетъ самымъ вѣрнымъ залогомъ

«успѣха вашего въ примиреніи, которое надѣюсь скоро уви-«дѣть. При семъ прошу васъ еще разъ убѣдиться, что я от-«нюдь не посредникъ; возложеніе на меня таковаго званія бы-«ло бы несоотвѣтственно достоинству Государя. Цѣль пріѣзда «моего заключалась въ томъ, чтобы передать вамъ располо-«женіе Его Величества, о коемъ я уже говорилъ.»

Паша нѣсколько задумался, но вскорѣ принялъ опять веселый видъ, и съ улыбкою, въ коей замѣтно было польщенное самолюбіе пріѣздомъ Галиль-паши, сказалъ: «Хотите «ли знать, какъ я приму Галиль-пашу? Я пошлю къ нему на «встрѣчу, у самаго входа въ портъ, адмирала Османъ-пашу «со всѣми флотскими офицерами; но прежде всѣхъ встрѣтитъ «его, какъ обыкновенно водится, чаушъ *). Когда Галиль-«паша въѣдетъ въ портъ, то Османъ-паша скажетъ ему, «что флотъ въ печали и огорченіи ожидаетъ его привѣтствія, «и лишь только онъ отсалютуетъ, такъ откроется у меня «пальба со всѣхъ судовъ и со всѣхъ сторонъ. На берегу онъ «будетъ встрѣченъ баталіономъ пѣхоты, который отдастъ ему «честь. Я самъ пойду къ нему на встрѣчу до спуска съ крыль-«ца и помѣщу его вотъ въ этомъ дворцѣ. Верховному же «Визирю, когда онъ пріѣдетъ, уступлю свои собственныя ком-«наты, а самъ перейду въ другое мѣсто, и буду къ нимъ «въ гости ходить».

— «Поэтому, вы не будете Визиря содержать, какъ уз-«ника?»

— «Какъ возможно! теперь уже сынъ мой оказываетъ ему «самыя большія почести и ходитъ къ нему по два раза въ «день».

— «Это все очень похвально, но касается только почестей, «которыя вы располагаете оказать, посланному отъ султана «и верховному Визирю. Мнѣ пріятно слышать это, но Госу-«дарю нужно другое: Его Величество требуетъ примиренія.

*) Глашатай.

— «Увидите, что все кончится очень скоро, и вы о семъ «услышите еще въ Константинополѣ, до выѣзда вашего от«туда; ибо Галиль-паша съ того начнетъ, что сообщитъ въ «Царьградъ свѣдѣнія о нашихъ переговорахъ.»

— «Развѣ вы полагаете, что Галиль-паша не уполномо«ченъ отъ Султана?»

— «Ужъ это всегда такъ водится; вѣдь дѣло идетъ у го«сударя со своимъ подданнымъ, и потому у насъ не можетъ «быть никакихъ бумагъ или письменныхъ договоровъ».

«Я знакомъ съ Галиль-пашею», продолжалъ Мегмедъ-Али, «но никогда не видалъ верховнаго Визиря; помню только, «что когда-то, тому очень давно, привели ко мнѣ трехъ плѣн«ныхъ Мамелюковъ, и когда я узналъ, что одинъ изъ нихъ при«надлежалъ нынѣшнему Сераскиру, Хозревъ-пашѣ, то я его «немедленно отослалъ къ его хозяину. Говорятъ, что этотъ «самый Мамелюкъ и есть теперь Визирь.»

— «Тѣмъ болѣе ему чести, что онъ умѣлъ возвыситься изъ такого низкаго званія.»

— «Слышно, что онъ точно храбръ, но что не имѣетъ ни«какихъ способностей, въ особенности для начальствованія «войскомъ.»

— «Я слышалъ противное.»

— «Онъ никогда ничему не учился и большой невѣжда», возразилъ Паша.

— «Что за дѣло, если онъ имѣетъ природныя дарованія.»

— «Да у Турокъ нѣтъ порядочныхъ людей; некому и Сул«тану посовѣтовать. Я одинъ только отсовѣтовалъ ему вое«вать противъ Россіи; но онъ меня тогда не послушался. У «него нѣтъ ни одного смышленаго военачальника. Гусейнъ«пашу и Визиря разбилъ мой сынъ.» И тутъ посыпались опять обыкновенныя похвальбы о побѣдахъ, имъ одержанныхъ. Онъ говорилъ, что у Турокъ не оставалось болѣе 5 т. войскъ, что многія перешли на его сторону, что онъ уже

одѣлъ ихъ въ свои мундиры, и что турецкія войска остановились въ пяти переходахъ отъ Царяграда.

Я спросилъ Мегмедъ-Али, сколько ихъ перешло такимъ образомъ на его сторону.

— «Десять тысячъ пятьсотъ,» отвѣчалъ Паша подумавши, «и теперь у Турокъ очень мало осталось войскъ: все почти разбѣжалось.»

Зная состояніе турецкихъ силъ, я положительно отвѣчалъ, что послѣ разбитія Визиря ихъ оставалось еще 28 т. человѣкъ. «А сколько ихъ было до Конійской битвы?» спросилъ Паша.

— «Отъ 50 до 60 тысячь».

— «Точно такъ,» отвѣчалъ онъ, «но что въ количествѣ, «когда нѣтъ начальниковъ, кому поручить людей?»

— «Безъ сомнѣнія,» возразилъ я, «извѣстно всѣмъ, что вы теперь сдѣлались сильнѣе Султана, и что безопасность Имперіи не сими 28 т. обезпечивается; ибо онѣ, вѣроятно, не устоятъ передъ вашими войсками; на турецкія силы уже мало надежды остается.» И такъ какъ Паша продолжалъ порицать малыя способности турецкихъ генераловъ, то я сказалъ, что если Султанъ нуждается въ военачальникахъ, то конечно теперь, послѣ примиренія, Пашѣ предстоитъ служить государю своему опытными военачальниками.

Разговоръ прекратился. За четверть часа до окончанія, я услышалъ громкое и крикливое пѣніе многихъ голосовъ въ другой комнатѣ, и вскорѣ вышелъ секретарь Паши съ объясненіемъ, что Муллы увидѣли новую луну Могаремма, съ появленіемъ которой начинается у Мусульманъ постъ, сохраняемый ими весьма строго въ теченіе цѣлой луны. Я простился съ Мегмедъ-Али и спросилъ, не имѣетъ ли онъ еще чего либо сказать, такъ какъ я уже собирался отплыть?

— «Не имѣю ничего,» отвѣчалъ паша, «какъ повторить «все сказанное вамъ прежде».

Вышедши, я засталъ въ передней и на крыльцѣ дворца множество Мулловъ, или духовныхъ особъ, громко возвѣщавшихъ народу нарожденіе новой луны. Усильные возгласы ихъ поражали слухъ и зрѣніе, и едва я успѣлъ отвалить отъ берега въ небольшомъ гребномъ суднѣ, на коемъ прибылъ съ фрегата, какъ началась съ крѣпости пушечная пальба. Ночь была темная, вѣтеръ необыкновенно сильный и чрезвычайное волненіе моря увеличивалось, по мѣрѣ приближенія моего къ стоявшему близъ выхода изъ порта фрегату, до коего я добрался съ большимъ трудомъ и опасностію.

9-го числа вѣтеръ стоялъ еще противный, и какъ онъ все усиливался, то капитанъ призналъ опаснымъ оставаться противъ пролива, и потому, снявшись съ якоря, мы поплыли обратно въ глубину порта.

Часу въ третьемъ по полудни прибылъ Галиль-паша. Мы узнали о томъ по пальбѣ, открывшейся со всего египетскаго флота и крѣпости. Всѣ суда Мегмедъ-Али были убраны разноцвѣтными флагами. Турецкій корветъ остановился не въ большомъ портѣ, гдѣ мы стояли, а въ восточномъ купеческомъ, отчего мы и не видали входа его и не имѣли съ нимъ никакого сообщенія. Причину сего отнесли къ сильному вѣтру, въ который александрійскіе лоцмана не рѣшаются вводить суда въ большой портъ. Если такой отзывъ служилъ только предлогомъ, чтобы избѣжать свиданія со мною, то средство изворотливое,—обнаруженный поводъ основателенъ; и я не имѣлъ прямаго права полагать, что Галиль-паша съ такимъ умысломъ избралъ отдѣльный портъ. Турецкій корветъ, вопреки ожиданія моего, основаннаго на словахъ Мегмедъ-Али, не сдѣлалъ ни одного выстрѣла. Россетти, при первомъ свиданіи со мною, объявилъ, что причиною тому была сильная течь, открывшаяся на турецкомъ корветѣ до такой степени, что всѣ сухари подмочило, вся команда работала у помпъ для выкачиванія воды и никого не оставалось при орудіяхъ— объясненіе слабое и неловко изобрѣтенное.

Галиль-паша не давалъ мнѣ никакой вѣсти о себѣ; онъ не привезъ даже ко мнѣ никакихъ бумагъ изъ Царьграда, и я разсудилъ, что не слѣдовало искать свиданія съ нимъ, какъ во избѣжаніе уклончивости его, которая бы тогда еще болѣе обнаружилась, такъ и для избѣжанія всякаго участія въ переговорахъ, до коихъ мнѣ дѣла не было. И такъ, оставаясь еще за противными вѣтрами цѣлый день въ Александріи, я былъ только свидѣтелемъ происходившаго.

Россетти не замедлилъ прибыть ко мнѣ, какъ полагать должно, по порученію Мегмедъ-Али, съ извѣстіемъ о пріемѣ, сдѣланномъ имъ Турецкому посланнику. Галиль-паша, встрѣченный баталіономъ пѣхоты, подъѣхалъ на лошади къ крыльцу, на верху коего ожидалъ его Мегмедъ-Али. Галиль показалъ видъ удивленнаго и поспѣшилъ слѣзть, а Мегмедъ-Али сошелъ шесть ступеней внизъ. Они встрѣтились. Галиль бросился цѣловать полу кафтана у Мегмедъ-Али; Мегмедъ-Али не далъ полы, а поцѣловалъ его въ бороду. Нѣкоторые изъ свидѣтелей замѣтили, какъ Галиль воспользовался движеніемъ Мегмедъ-Али, чтобы дважды поцѣловать у него руку въ ладонь и поверхъ кисти. Россетти находилъ это весьма приличнымъ и законнымъ; потому, говорилъ онъ, что Мегмедъ-Али пользовался званіемъ, равнымъ съ званіемъ Визиря. При сей торжественной встрѣчѣ присутствовали консулы всѣхъ державъ, исключая Австрійскаго, отъ коего находился тамъ только переводчикъ. Вскорѣ послѣ того Паши ушли и остались вдвоемъ около часа въ пріемной комнатѣ съ глаза на глазъ. Замѣтили при томъ, что Галиль вручилъ Мегмедъ-Али какую-то грамату, зашитую въ шелковый мѣшечекъ. Послѣдній принялъ ее, поцѣловалъ и приложилъ къ головѣ. По выходѣ Галиля, Мегмедъ-Али былъ задумчивъ; наконецъ, опомнившись, ударилъ два раза ладонями обѣихъ рукъ вскользь (обыкновенный знакъ, дѣлаемый имъ для выраженія рѣшеннаго намѣренія или оконченнаго дѣла) и велѣлъ позвать Богоса и Сераскира. Россетти полагалъ договоръ между ними совершенно уже конченнымъ.

Между прочимъ, онъ просилъ меня отъ имени Мегмедъ-Али приказать сдѣлать розысканіе на обоихъ судахъ, не скрылся ли у насъ одинъ Грекъ, бѣжавшій отъ своего господина, котораго онъ обворовалъ, прося только возврата однѣхъ покраденныхъ вещей. Я отвѣчалъ, что самый спросъ такого рода отъ Мегмедъ-Али былъ уже неприличенъ, что я никоимъ образомъ не намѣренъ былъ дѣлать подобныхъ розысканій, и поручилъ ему опять изъявить Пашѣ желаніе мое, чтобы онъ кончилъ дѣла свои съ Султаномъ, при семъ напомнилъ также объ изготовленномъ уже Черноморскомъ флотѣ. Онъ спросилъ, потребуется ли отъ Турціи уплата за вооруженіе кораблей? Я отвѣчалъ, что Россія никогда не отдавала своихъ войскъ въ наемъ. Послѣ того онъ жаловался на оскорбленіе, нанесенное ему Ачерби; грозился принести на него жалобу и говорилъ въ пользу безпріютныхъ удальцовъ, коимъ Паша давалъ убѣжище. Прощаясь, я подтвердилъ Россетти сказанное мною на канунѣ Пашѣ на счетъ удаленія посторонняго посредничества, и поручилъ ему кланяться. Онъ увѣрялъ меня, что Мегмедъ-Али соблюдаетъ обѣщанное.

10-го числа вѣтеръ стоялъ еще противный, и намъ нельзя было выбраться изъ порта. За два дня до того французскій консулъ предлагалъ мнѣ пароходъ «Луксоръ», чтобъ выбуксироваться. Видя, что намъ нельзя выѣхать изъ порта, я рѣшился нынѣ обратиться къ этому средству и послалъ по сему случаю на берегъ морскаго офицера. Консулъ изъявилъ опять согласіе; но командиръ «Луксора», сперва охотно принявшій предложеніе мое, узнавъ впослѣдствіи, что консулъ Мимо предложилъ пароходъ безъ совѣщанія съ нимъ, хотѣлъ показать независимость свою и представилъ различныя затрудненія. Онъ говорилъ, что не могъ двинуться потому, что едва только успѣлъ смазать машину, и не прежде двухъ дней можетъ изготовиться. Я принужденъ былъ цѣлый день этотъ оставаться. Духъ Мегмедъ-Али ощутительно измѣнился съ пріѣзда Галиль-паши, который отъ меня скры-

вался. Я не могъ исправить ошибочнаго направленія, даннаго ему Портою, по внушеніямъ Французовъ. Не перемѣняя перваго намѣренія моего—вслѣдъ по достиженіи цѣли своей оставить Египетъ, я въ ожиданіи попутнаго вѣтра заботился только о сохраненіи пріобрѣтеннаго вліяніемъ угрозы, когда еще не было слуха о пріѣздѣ Галиля.

По утру причалила къ фрегату лодка и на палубу взошелъ Египетскихъ войскъ одинъ баталіонный командиръ, который назвалъ себя Русскимъ, говоря, что онъ въ младенчествѣ попался въ плѣнъ Черкесамъ и былъ проданъ въ Египетъ. Онъ просилъ защиты и говорилъ, что не оставитъ нашего судна изъ опасенія, чтобы Паша его не казнилъ за побѣгъ. Черты лица его были похожи на русскія; но онъ не зналъ ни одного слова по-русски. Онъ мнѣ казался подозрительнымъ, ибо человѣкъ, отчужденный отъ родины въ такомъ возрастѣ, что не помнитъ ни одного слова отечественнаго языка, не могъ имѣть столь сильной привязанности къ своей отчизнѣ, чтобы оставить всѣ связи свои и почести, которыхъ онъ дослужился, безъ опредѣлительнаго знанія того что его впереди ожидало. Я, полагая, что онъ былъ подученъ Пашею, съ тѣмъ, чтобы укорить насъ въ укрывательствѣ бѣглыхъ, объявилъ ему, что безъ согласія Паши не приму его, и убѣдилъ возвратиться, что онъ сдѣлалъ безъ большихъ затрудненій.

Передъ вечеромъ я получилъ отъ Ачерби записку, коею онъ, въ темнотѣ своихъ понятій, уговаривалъ меня остаться въ Александріи и убѣдительно просилъ, по крайней мѣрѣ, повидаться съ нимъ передъ отъѣздомъ, говоря, что имѣетъ сообщить мнѣ самыя занимательныя свѣдѣнія и самъ бы поспѣшилъ пріѣхать, еслибъ не опасался продолжавшейся бури (онъ въ самомъ дѣлѣ боялся моря). Полагая, что извѣстія его были слишкомъ важны, и что дѣло шло, по крайней мѣрѣ, о какомъ нибудь договорѣ, въ тайнѣ заключавшемся между обоими Пашами противъ Россіи, я поспѣшилъ къ Ачерби въ дождь и грязь. Онъ сообщилъ мнѣ за вели-

кую новость подробности пріема, сдѣланнаго Галиль-пашѣ, о коихъ я уже наканунѣ зналъ; послѣ того излагалъ прежнія мечты свои объ отданіи Туркамъ Египетскаго флота и раздѣленіи Египта на два пашалыка, какъ будто бы переговоры велись послѣ знаменитой побѣды, одержанной Турками. Все это выводило меня изъ терпѣнія. Между прочимъ онъ сказывалъ, что Паша продолжалъ вооружаться, что всѣ портные въ Каирѣ были заняты изготовленіемъ 35 т. новыхъ мундировъ; что Мегмедъ-Али грозился отрубить головы шести правителямъ областей верхняго Египта, опоздавшимъ высылкою требуемаго съ нихъ числа рекрутъ, и что въ напечатанномъ того же дня о томъ приказѣ, онъ бранилъ ихъ самыми позорными словами; наконецъ, что судовщики, взявшіеся доставить корабельный лѣсъ, коимъ было отказано въ сдѣланномъ съ ними договорѣ, вновь получили приказаніе доставить требуемые лѣса.

Извѣстія, доставленныя отъ Россетти чрезъ письмо, полученное мною на дорогѣ, были занимательнѣе. Онъ увѣдомлялъ, что французская миссія изъ Константинополя прислала съ Галиль-пашею къ Мимо письмо, въ коемъ заключалось другое на имя Мегмедъ-Али отъ 28-го декабря ([1]). Въ этихъ письмахъ значилось, что Порта, склоняясь на убѣжденіе французской миссіи, возобновляетъ предложенія о мирѣ съ просьбою къ этой миссіи, исключительно принять на себя переговоры. Россетти полагалъ, что сія мѣра была въ связи съ цѣлію отправленія Галиль-паши, и пользовался этимъ случаемъ, чтобы выставить предо мною вѣроломство турецкаго двора. Паша благодарилъ меня за воспоминаніе о немъ и самъ сказывалъ, что онъ съ Галиль-пашею о дѣлахъ еще не говорилъ.

Я пошелъ къ Россетти. Онъ мнѣ подтвердилъ то же самое на словахъ, и я отвѣчалъ для переданія Пашѣ, что такъ

([1]) Въ этой книгѣ всѣ числа поставлены по старому стилю.

какъ желаніе Государя состояло лишь въ томъ, чтобы въ скоромъ времени возстановить миръ между Султаномъ и Пашею, то Его Величество вѣрно не обратитъ вниманія на средства, коими до того достигнутъ, лишь бы исполнилась Его воля; ибо онъ не располагалъ вступать въ посредничество, а Пашѣ предоставлялось избрать себѣ лучшее. Россетти утверждалъ, что о дѣлахъ еще не было разговора и приглашалъ меня также остаться для узнанія рѣшенія; но я отвѣчалъ, что не имѣю въ томъ надобности и не буду даже развѣдывать о послѣдствіи, лишь бы помирились. Россетти не сомнѣвался въ успѣхѣ примиренія.

11-го числа вѣтеръ сдѣлался попутный, и оба судна снялись съ якорей. Я взялъ бригъ съ собою съ тѣми видами, чтобы имѣть болѣе силъ въ Константинополѣ, если бы, вопреки даннаго обѣщанія, военныя дѣйствія еще продолжались; ибо съ помощію двухъ небольшихъ военныхъ судовъ, находившихся при нашей Константинопольской миссіи, я могъ еще, въ случаѣ надобности, высадить на берегъ до 600 вооруженныхъ матросовъ и тѣмъ много содѣйствовать Туркамъ въ защитѣ Босфора. Бригъ могъ мнѣ также служить для отправленія какихъ либо важныхъ извѣстій къ вице-адмиралу Рикорду; сверхъ того мнѣ пріятно было доставить случай Аполлинарію Петровичу повидаться съ братомъ. Я не далъ салюта при выѣздѣ, какъ и при въѣздѣ, не считая должнымъ изъявлять столь гласнымъ образомъ удовольствія своего Мегмедъ-Али-пашѣ, прежде совершеннаго исполненія обѣщаній, данныхъ имъ на имя Государя. Я не считалъ себя даже вправѣ сдѣлать того, пока волею Его Величества не было возстановлено упраздненное наше консульство въ Александріи—и фрегатъ нашъ отплылъ съ тѣми же знаменіями угрозы, съ коими явился въ Александрійскій портъ, молчаніемъ напоминая Пашѣ о сдѣланныхъ имъ обѣтахъ.

Симъ кончились дѣйствія мои въ Египтѣ. Хитрая изворотливость въ рѣчахъ Мегмедъ-Али свидѣтельствовала,

сколько ему было непріятно и тяжко покориться волѣ Государя; но, не взирая на то, дѣло было совершено, военныя дѣйствія прекращены, и онъ нѣсколько разъ клятвенно обѣщался замириться съ Султаномъ и покориться ему. Если бы онъ, по непостоянству, или какимъ либо причинамъ, отмѣнилъ повелѣніе, данное сыну, остановиться, то уже временный переломъ въ дѣлахъ имѣлъ свою пользу, ибо отъ того ослабѣвалъ побѣдоносный порывъ его войскъ, Турція выигрывала время для собранія новыхъ силъ; и самъ Паша измѣнялъ разглашенной твердости своей. Возобновленіе военныхъ дѣйствій обнаружило бы вѣроломство его предъ всѣмъ свѣтомъ. Самыя послѣдствія, какъ далѣе будетъ видно, оправдали сіи ожиданія. Внезапный пріѣздъ Галиль-паши подняль духъ Мегмедъ-Али; самолюбіе его было польщено до крайности, что̀ отозвалось въ рѣчахъ его, сдѣлавшихся высокопарнѣе; но онъ ни одного раза не отрекся отъ данныхъ имъ обѣщаній, и, повидимому, хотѣлъ только болѣе отнести къ собственному произволу примиреніе, на которое уже рѣшился; вооруженія же продолжалъ, или распространялъ только о томъ слухи, какъ заключать должно, единственно въ намѣреніи устрашить Турокъ, чтобы выговорить выгоднѣйшія условія при заключеніи мира. Царьградъ былъ спасенъ,—Султанъ удержался на престолѣ; но онъ поплатился всею Сиріею и Аданою за опрометчивое посланіе Галиль-паши и за недовѣрчивость свою къ покровительству Россіи.

ГЛАВА IV.

Плаваніе и пребываніе въ Константинополѣ до прибытія первой эскадры.

Вскорѣ по выходѣ нашемъ изъ порта, вѣтеръ перемѣнился. Онъ дулъ съ сѣвера; мы принуждены были держаться влѣво, и насъ стало дрейфовать къ пустыннымъ берегамъ Африки. Фрегатъ нашъ дурно держался противъ вѣтра, который усилился до такой степени, что мы не могли ничего выиграть лавированіемъ. Сдѣлалась сильная буря, продолжавшаяся постоянно трое сутокъ. Три главные паруса изорвало пополамъ; судно же раскачало до такой степени, что оказалась течь; гнилое дерево стараго фрегата подалось подъ болтами, прикрѣпленными къ ру́сленямъ, при коихъ держались ванты бизань-мачты; ванты ослабли, и мачта грозила паденіемъ; руль перестал̀ъ дѣйствовать, что̀ отнесли тогда къ сильному волненію. Команда, мало пріобыкшая къ своему дѣлу, до крайности утомилась; такъ, что люди однажды отказались было идти на марсъ для работъ. Капитанъ судна Щербачевъ, хотя и не переставалъ быть дѣятельнымъ, но не умѣлъ распоряжаться. Изъ офицеровъ, болѣе показавшихъ въ семъ случаѣ знаніе свое, замѣтны были лейтенанты Лутковскій и Храповицкій. Послѣдній, какъ ревностный морякъ, радовался всякому порыву вѣтра и всякому толчку, находя въ нихъ полезное упражненіе въ ремеслѣ, коему онъ себя посвятилъ. Мы были въ большой опасности, ибо сколько ни старались держаться противъ вѣтра, силою его прибивало насъ еже-

часно ближе къ материку, гдѣ, въ случаѣ кораблекрушенія, нельзя было ожидать никакого пособія; напротивъ того, мы подвергались произволу дикихъ обитателей пустыни.

На четвертый день погода стала стихать, и мы открыли бригъ, который потеряли было изъ вида во время бури. Лавированіе наше было успѣшнѣе; но руль не дѣйствовалъ, и когда 16 числа сдѣлалось совершенное безвѣтріе, то спустили нѣсколько людей на люкахъ за корму, и нашли, что необходимый членъ судна—руль, перегнилъ пополамъ. Кое-какъ скрѣпили его, связавъ верхнюю половину съ нижнею; пособили также по возможности ослабшимъ ру́сленямъ.

17-го числа вѣтеръ, хотя и былъ попутный, но ходъ былъ очень малъ. Починка, среди открытаго моря, продолжалась до 19 числа.

19-го мы открыли острова Скарпандъ и Родосъ, между коими вошли въ Архипелагъ. Тутъ волненіе прекратилось; погода сдѣлалась пріятнѣе; вѣтеръ попутный, и мы благополучно продолжали плаваніе между островами, ежечасно измѣнявшими разнообразные виды свои.

20-го плаваніе продолжалось съ успѣхомъ при способномъ вѣтрѣ; къ ночи мы поравнялись съ Ипсарою и Хіосомъ, ночью миновали Метелинъ, а къ разсвѣту 21 подошли къ Тенедосу и Троадѣ.

Видъ острововъ Архипелага нельзя назвать очаровательнымъ. Безъ сомнѣнія, пріятно плавателю имѣть постоянно предъ глазами берегъ; но горы острововъ совершенно голы; такъ онѣ, по крайней мѣрѣ, представлялись въ это время года. Населеніе острововъ нынѣ весьма малое; замѣтна была только нѣкоторая обработанность въ небольшихъ долинахъ. Должно думать, что большія долины, пересѣкающія острова, представляютъ болѣе жизни.

Послѣ полдня, мы прошли мимо Дарданелльскихъ за́мковъ; но вслѣдъ за симъ вѣтеръ прекратился, и мы принуждены были стать на якорь. Бригъ, опередившій насъ, уже былъ

тутъ. Въ то время находился пашею въ Дарданеллахъ, бывшій Сераскиръ Эрзерумскій, Салехъ-паша, котораго мы въ 1829 году разбили и взяли въ плѣнъ. Я тогда видѣлся съ нимъ; нынѣ же пе съѣзжалъ на берегъ, чтобы не упустить способнаго вѣтра, который вдругъ могъ наступить и который въ проливахъ бываетъ рѣдокъ, для судовъ плывущихъ къ сѣверу. Онъ прислалъ мнѣ въ даръ стараго худаго барана, а командѣ корову, извиняясь скудностію окрестностей. Ко мнѣ явился консулъ нашъ Тимони, коренной и истинный Перотъ, во всемъ объемѣ слова. Я надѣялся получить отъ него какія-либо свѣдѣнія о состояніи военныхъ дѣлъ въ Малой Азіи; но онъ совершенно ничего не зналъ, а только говорилъ, что люди изъ разбитой турецкой арміи ежедневно переправлялись въ разбродъ небольшими толпами и по одиначкѣ, чрезъ проливъ обратно въ Европу. Правительство старалось удержать ихъ въ Дарданеллахъ; а не соглашавшихся на предложеніе остаться, не задерживало, снабжая ихъ продовольствіемъ и средствами для совершенія пути во свояси. Тимони утверждалъ, что Дюгамель уже возвратился въ Царьградъ; но это было ложно. Желая скорѣе прибыть въ Константинополь, я хотѣлъ было выдти на Европейскій берегъ и ѣхать верхомъ; но сіе оказалось затруднительнымъ по дурному состоянію Турецкихъ почтъ. Вся береговая сторона вообще въ запустѣніи и бѣдна; по этимъ причинамъ я рѣшился ожидать попутнаго вѣтра, и, пользуясь временемъ, изготовилъ донесенія свои о поѣздкѣ моей въ Египетъ.

Графу Нессельроде сообщалъ я главныя извѣстія. Въ нихъ заключалась большая часть разговоровъ моихъ съ Мегмедъ-Али въ подробности; къ нимъ присоединилъ я депешу, съ коей копію можно видѣть въ концѣ книги въ приложеніяхъ подъ буквою М. Князю Меншикову я сообщилъ нѣкоторыя замѣчанія о состояніи флота и гаваней Александрійскихъ; графу Орлову частныя извѣстія, которыхъ не могъ помѣстить въ оффиціальной депешѣ, и между прочимъ статью изъ ино-

странной газеты, полученной въ Александріи наканунѣ моего выѣзда оттуда. Въ ней были изложены главныя обстоятельства порученія моего; не называли меня по имени. Быстрота, съ которою извѣстія эти распространились, казалась бы неимовѣрною, еслибъ не было повода подозрѣвать министерства нашего въ нескромности. Должно полагать, что извѣстіе о посольствѣ въ Египетъ было передано иностранцамъ въ Петербургѣ, въ самые первые дни моего назначенія.

22-го числа мы едва подвинулись на нѣсколько миль по проливу, потому что способный вѣтеръ находилъ только небольшими полосами, и къ вечеру опять стали на якорь.

23-го мы вышли изъ верховья Геллеспонта и поплыли по Мраморному морю. Часть Турецкаго флота стояла еще передъ Лампсакомъ.

24-го числа вѣтеръ былъ сѣверный и довольно свѣжій. Передъ ночью мы подошли къ Принцевымъ Островамъ, откуда направились къ Европейскому берегу, ибо свѣжесть вѣтра и теченіе сбивали насъ къ югу.

25-го вѣтеръ сдѣлался тише. Мы подошли лавированіемъ къ Семи-башнямъ, близъ коихъ стали на якорь, верстахъ въ четырехъ отъ берега. Отсюда я немедленно послалъ адъютанта своего въ Беюгъ-дерэ къ Бутеневу, прося его поспѣшнѣе отправить мои донесенія въ Петербургъ, и послалъ вмѣстѣ съ нимъ переводчика Теодатти, которому приказалъ безъ потери времени возвратиться съ извѣстіями о состояніи дѣлъ.

Въ десять часовъ вечера пріѣхалъ ко мнѣ посланный отъ Бутенева, секретарь миссіи Волковъ, который увѣдомилъ меня, что Дюгамель еще не возвращался въ Царьградъ. Онъ показалъ мнѣ два донесенія полковника къ военному министру и къ Бутеневу. Въ первомъ изъ этихъ донесеній излагались подробности о пораженіи подъ Коніею, а во второмъ извѣстія о политическихъ сношеніяхъ. При свиданіи съ Ибрагимъ-Пашею, Дюгамель совѣтовалъ ему остановить

военныя дѣйствія до рѣшенія дѣла, по коему я поѣхалъ въ Египетъ; но не успѣлъ въ томъ. Ибрагимъ отзывался, что, нося одно только званіе главнокомандующаго египетскою арміею, онъ не находилъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ дѣла политики, присовокупивъ, что Дюгамелю самому, по званію военнаго человѣка, должно быть извѣстно, какъ въ этомъ сословіи не позволялось разсуждать, а требовалось одно только исполненіе; по этой причинѣ онъ располагалъ подвигаться впередъ, пока не получитъ отъ отца противныхъ тому приказаній.

Дюгамель полагалъ, что Ибрагимъ-паша рѣшился продолжать военныя дѣйствія, въ слѣдствіе пріѣзда французскаго курьера, прибывшаго за день до Дюгамеля въ египетскую армію. Полковникъ встрѣтилъ его на выѣздѣ изъ Коніи, въ то время, какъ самъ въ городъ выѣзжалъ; Французъ завернулся при встрѣчѣ въ плащъ свой, чтобы его не могли узнать, и проводники его не отвѣчали даже на сдѣланные имъ спросы.

Донесеніе Дюгамеля было отъ 18-го января [1]). Къ тому времени двинулась впередъ только малая часть египетской арміи, всего 8-мъ баталіоновъ пѣхоты (4 т. человѣкъ), 2 полка кавалеріи (тысяча всадниковъ) и 18-ть орудій. Авангардъ сей двигался въ порядкѣ тремя эшелонами, чтобы имѣть способъ помѣститься на ночлегахъ. Зима на возвышенной плоскости Малой Азіи была очень холодная; снѣгъ лежалъ въ аршинъ глубины, а морозы простирались до 17-ти градусовъ Реомюра [2]). Въ иномъ видѣ находились турецкіе полки, хотя и равные числомъ Египтянамъ. Безъ начальниковъ и безъ духа, они отступали въ совершенномъ безпорядкѣ. Города и деревни были разорены въ конецъ, что

[1]) Должно быть, новаго стиля.

[2]) Полунагіе и почти босые солдаты египетской арміи, обитатели знойнаго климата—Арабы, сверхъ всякаго чаянія, перенесли сію стужу. Бодрость духа оживляла тѣлесныя силы ихъ.

Дюгамель замѣтилъ Ибрагиму; но Паша отозвался, что онъ всегда находилъ изобиліе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ турецкая армія нуждалась, потому что за все платилъ наличными деньгами. Дюгамель замѣчалъ, что припасы всякаго рода въ самой Коніи — мѣстопребываніи египетской арміи—были въ три раза дешевле, чѣмъ въ Царѣградѣ и другихъ городахъ. Послѣ свиданія съ Ибрагимъ-пашею въ Коніи, Дюгамель продолжалъ свой путь далѣе.

Теодатти возвратился 26-го числа на разсвѣтѣ, и новаго привезъ только извѣстіе о смерти Франкини *). Онъ умеръ скоропостижно. Иные говорили, что его отравили изъ опасенія услугъ, которыя онъ могъ намъ оказать въ тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствахъ; но это, вѣроятно, былъ вымыселъ родственниковъ его, желавшихъ обратить къ себѣ участіе начальства, для полученія бо́льшей пенсіи. Не менѣе того потеря Франкини была чувствительна для Бутенева, привыкшаго къ нему, ибо онъ точно былъ способнѣе другихъ переводчиковъ. Семейство его было осыпано щедротами нашего правительства. Въ 10 часовъ утра я отправился въ Беюгъ-дерэ на присланной ко мнѣ лодкѣ посланника; вѣтеръ дулъ съ сѣвера и былъ противный; волненіе сильное; при холодной погодѣ шелъ дождь, и какъ ни легко подвигался мой каюкъ, однако я достигъ только въ 4 часа по полудни до́ма посланника, у коего и остановился. Я былъ очень доволенъ свиданіемъ съ Аполлинаріемъ Петровичемъ— доволенъ, какъ рѣдко бываетъ при встрѣчѣ со старыми друзьями, и поспѣшилъ передать ему изустно свѣдѣнія о состояніи дѣлъ нашихъ въ Египтѣ. Въ этотъ самый день ввечеру, Австрійскій интернунцій письменно извѣстилъ Бутенева, что Ибрагимъ-паша получилъ повелѣніе отъ отца остановиться въ движеніи своемъ къ Царюграду, и что онъ дѣйствительно остановился въ Кютаіэ. Извѣстіе сіе сообщено было интернунцію самимъ Рейсъ-эффенди. Я съ удоволь-

(*) См. выше, стр.31

ствіемъ увидѣлъ, что порученіе мое въ Египетъ имѣло полный успѣхъ, и Мегмедъ-Али сдержалъ свое слово.

До сего времени дѣла въ Константинополѣ были въ слѣдующемъ положеніи: всѣ пребывали въ страхѣ и ожидали со дня на день появленія Бедуинскихъ ведетовъ на Азійскомъ берегу Босфора. Султанъ, предвидя неминуемую гибель свою, отвергъ льстивыя и обманчивыя обѣщанія Французовъ, склонявшихъ изъ-подъ руки Ибрагимъ-пашу къ продолженію наступательныхъ дѣйствій, и рѣшился наконецъ предаться покровительству Россіи. За нѣсколько дней до моего пріѣзда, онъ убѣдительно просилъ Бутенева послать за флотомъ и ходатайствовать у Государя о присылкѣ 20-ти или 30-ти тысячнаго корпуса сухопутныхъ войскъ. Бутеневъ тогда же исполнилъ желаніе Султана, писалъ о томъ адмиралу Грейгу и послалъ нарочнаго въ Петербургъ. Всѣ министры, окружавшіе Султана, и даже самъ Сераскиръ колебались. Въ сихъ обстоятельствахъ Султанъ одинъ показался твердымъ, и такъ какъ муфти (верховная духовная особа) противился изданію всенароднаго объявленія о необходимости, въ которой находились прибѣгнуть къ покровительству Россіи, и не хотѣлъ признать законности такой мѣры,—то Султанъ, собственнымъ произволомъ, смѣнилъ его другимъ, что̀ случилось ночью за три дня до моего пріѣзда. Сей смѣлый поступокъ Махмуда можетъ стать на ряду съ самыми отважными дѣйствіями, случившимися въ его царствованіе; ибо онъ въ этомъ случаѣ попиралъ общее мнѣніе народа и вельможъ. Направленіе умовъ и дѣлъ было совершенно иное въ сравненіи съ тѣмъ временемъ, какъ я оставилъ Царьградъ. Недовѣрчивость Турокъ къ нашему правительству, если несовершенно исчезла, то, по крайней мѣрѣ, уменьшилась. Такимъ образомъ помрачилось тогда вліяніе Франціи въ дѣлахъ Порты, и намѣренія Государя восторжествовали. Блистательный успѣхъ сей принадлежитъ вполнѣ дѣятельности и умѣнью Бутенева.

Мнѣ должно было увѣдомить Порту о послѣдствіи моихъ дѣйствій въ Египтѣ, и 27 числа мы поѣхали съ Бутеневымъ на конференцію къ Рейсъ-эффенди. Я послалъ просить Сераскира, чтобы онъ тутъ же присутствовалъ. Онъ отказался, отзываясь нездоровьемъ; но съ утра еще прислалъ ко мнѣ Рёльи, чтобы узнать о состояніи дѣлъ. Я передалъ Рельи нѣчто изъ моихъ сношеній въ Александріи и отправилъ его впередъ съ приказаніемъ предупредить Сераскира, что я отъ Рейсъ-эффенди къ нему заѣду.

Насъ приняли въ присутственномъ зданіи Порты на половинѣ Пертевъ-эффенди, Министра Внутреннихъ Дѣлъ, — закоснѣлаго врага Русскихъ. Мы довольно долго дожидались Рейсъ-эффенди. Онъ наконецъ прибылъ съ совѣщателями. Въ числѣ ихъ былъ самъ Пертевъ-эффенди и Муширъ-Ахмедъ-паша, начальникъ всей гвардіи и любимецъ Султана, присланный для переданія государю своему того, чтò услышитъ на совѣщаніи. Ахмедъ-Паша, тотъ самый, который въ 1833 году былъ посланникомъ въ Россіи,—человѣкъ благонамѣренный, вѣрный Султану и всегда склонный къ нашимъ пользамъ.

Я началъ подробнымъ изложеніемъ сношеній моихъ съ Мегмедъ-Али-пашею и поставилъ на видъ важность достигнутаго успѣха,—прекращенія военныхъ дѣйствій. Но опасность миновалась, и министры, по обыкновенію своему, уклоняяся отъ изъявленія признательности, показывали самое удивительное равнодушіе, хотя и повторили нѣсколько разъ, что имъ извѣстно было о томъ, что Ибрагимъ-паша остановился. Пертевъ-эффенди говорилъ болѣе другихъ; изъ словъ его можно было видѣть еще много недовѣрчивости и нерасположенія къ намъ. Рейсъ-эффедди казался смущенъ и какъ будто связанъ; Ахмедъ-паша, какъ слушатель, большею частію молчалъ.

По выслушаніи, оба министра стали сперва отказываться отъ морскаго пособія, ими требованнаго, а послѣ и отъ сухо-

нутнаго, говоря, что послѣ обѣщаній, данныхъ Египетскимъ пашею, въ нихъ не предстояло болѣе надобности. Они съ забавнымъ невѣжествомъ разсчитывали время, которое пройдетъ до прибытія пособія, и разстояніе, предстоявшее войскамъ нашимъ до Царяграда. Неосновательные разсчеты ихъ дали мнѣ поводъ думать, что отказъ этотъ сдѣланъ безъ соизволенія Султана, а только съ намѣреніемъ извѣдать нашъ образъ мыслей, и я отвѣтилъ, что отъ испрошеннаго Султаномъ пособія могъ только самъ Султанъ отказаться.

Замѣтивъ однако же, что привезенное изъ Египта извѣстіе и пріостановленіе марша Ибрагимъ-паши, ввергало ихъ снова въ бездѣйствіе и свойственную имъ безпечность, я предоставилъ имъ самимъ достойно оцѣнить обѣщанія Египетскаго паши, присовокупивъ, что хотя и прекратились военныя дѣйствія, хотя и нельзя было утвердительно предвидѣть возобновленія ихъ, но что не было никакого поручительства въ продолженіи такого состояніи дѣлъ. Совѣтовалъ имъ пользоваться временемъ, чтобы собрать новыя силы, такъ какъ и Мегмедъ-Али тѣмъ же занимался и объявилъ, что никоимъ образомъ не принималъ на свою отвѣтственность послѣдствій, могущихъ произойдти отъ бездѣйствія правительства, еслибъ война снова возгорѣлась.

Рѣчи мои пробудили ихъ. Пертевъ-эффенди съ притворнымъ удовольствіемъ изъявилъ благодарность за оказанную Турціи услугу; Ахмедъ-паша же торжественно и съ искренностію объявилъ, что Султанъ никогда не думалъ отказываться отъ пособія, испрошеннаго имъ у Государя; касательно же дѣятельности ихъ, то онъ хотѣлъ доказать мнѣ, что Порта въ семъ случаѣ не осталась въ бездѣйствіи и обѣщался представить мнѣ письменное изчисленіе всѣхъ турецкихъ войскъ, находившихся въ то время на лицо. Министры не говорили ничего рѣшительнаго, и Бутеневъ, видя двуличное поведеніе ихъ, отозвался, что отправленіе вой‑ на помощь Турціи, въ самомъ дѣлѣ, было сопряже‑

большими затрудненіями и потребовалъ отъ нихъ письменнаго отказа, что́ Рейсъ-эффенди и обѣщался сдѣлать.

Тогда былъ у Мусульманъ постъ Рамазана, который они строго соблюдаютъ, воздерживаясь въ теченіи цѣлой луны днемъ отъ всякой пищи и пресыщаясь по ночамъ. Едва закатилось солнце, какъ голодный Рейсъ-эффенди внезапно вскочилъ и побѣжалъ въ другую комнату, чтобы успокоить желудокъ, чѣмъ и кончилось наше совѣщаніе о государственныхъ дѣлахъ. Мы поѣхали къ Сераскиру, который насъ принялъ съ обыкновенною привѣтливостію и радушнымъ видомъ. Онъ сперва все охалъ и кривлялся какъ ребенокъ, показывая на какія-то шишки, которыя будто у него появились на брюхѣ; но я не замѣтилъ никакихъ признаковъ болѣзни и увѣрился въ притворствѣ его, ибо онъ скоро развеселился и по прежнему началъ шутить. Всѣ они тогда какъ будто съ толку сбились.

Сераскиръ былъ разсудительнѣе министровъ; онъ признавалъ ув жительными совѣты мои и всѣ мѣры, дотолѣ взятыя. Я обращалъ вниманіе его на дурное состояніе Дарданелльскихъ укрѣпленій; онъ увѣрялъ, что уже послалъ туда инженернаго офицера, для укрѣпленія замковъ съ сухаго пути, и два баталіона, для усиленія гарнизоновъ. Онъ казался мнѣ гораздо снисходительнѣе прежняго въ сужденіяхъ своихъ на счетъ Мегмедъ-Али-паши, такъ что невольнымъ образомъ вспоминалось о слышанныхъ про него разныхъ толкахъ, по коимъ его полагали несовершенно чистымъ въ отношеніи къ Султану. Поводомъ къ такому подозрѣнію служило и то, что Сераскиръ, въ концѣ разговора, приносилъ Бутеневу длинныя оправданія на счетъ своихъ поступковъ и разсыпался въ увѣреніяхъ преданности своей къ Султану. Онъ обѣщался увѣдомить, когда Султанъ меня приметъ и просилъ доставить ему копію съ донесенія моего въ Петербургъ о сношеніяхъ въ Египтѣ, для доклада о томъ Султану. Я возвратился въ Беюгъ-дерэ ночью.

28-го мы навѣстили съ Бутеневымъ Англійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Мандевиля, человѣка разсудительнаго, и до того времени показывавшагося съ приличною званію его скромностію. Дома Англійскаго и Французскаго посланниковъ находятся въ Терапіи, отдѣленной отъ Беюгъ-дерэ заливомъ того же имени. Возвращаясь домой пѣшкомъ черезъ долину Беюгъ-дерэ, мы прошли мимо купы древнихъ яворовъ, подъ коими по преданіямъ была разбита палатка Танкреда, когда онъ съ крестоносцами ходилъ въ Святой Градъ. Сказаніе сіе, можетъ быть, и поэтическое; но основаніемъ ему должны были служить какія-либо событія подобнаго рода. Очень вѣроятно, что крестоносцы разбили свой станъ въ этой красивой долинѣ, и въ такомъ случаѣ можно полагать, что вожди ихъ избрали для своего шатра лучшее мѣсто на берегу моря. Если на мѣстѣ, занимаемомъ нынѣ этими красивыми яворами, росли въ тогдашнее время предки ихъ, то правдоподобно, что вожди крестоносцевъ наслаждались подъ тѣнію ихъ прохладою. Мы взглянули съ Бутеневымъ въ глубину долины и намъ казалось удобнымъ расположить тутъ лагерь, если бы пришло высадное войско.

Прусскій посланникъ, баронъ Мертенсъ, жилъ въ сосѣдствѣ Бутенева; мы также зашли къ нему. Онъ подробно описанъ во второй главѣ. Меня удивило, съ какою неприличною суетливостію и съ какимъ неотступнымъ любопытствомъ онъ разспрашивалъ о египетскихъ дѣлахъ. Зная его за орудіе Французовъ, я хотя и надѣялся, что военныя дѣйствія болѣе не возобновятся, но счелъ нужнымъ однако же умолчать о данныхъ Пашею обѣщаніяхъ и о послѣдствіяхъ моихъ сношеній. Въ случаѣ нарушенія обѣтовъ Мегмедъ-Али, Французы имѣли поводъ къ восторжествованію, и потому я сообщилъ барону Мертенсу только мало значущія подробности. Я узналъ уже чрезъ драгомана Пизани, что извѣстія о прекращеніи военныхъ дѣйствій начинали распространяться. Самъ Ибрагимъ-паша писалъ къ французскому

повѣренному Варену, что, получивъ отъ отца своего приказаніе остановиться, онъ воспретилъ всякое наступательное движеніе и остался въ Кютаіэ. Извѣстіе это было непріятно Французамъ; Варенъ скрылъ полученное имъ письмо, и на вечерѣ, проведенномъ мною съ Бутеневымъ у Прусскаго министра, сей послѣдній объявилъ Бутеневу за новость о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Онъ присовокупилъ, что это было послѣдствіемъ не моихъ настояній, а прибытія Галиль-паши въ Александрію. Бутеневъ отвѣчалъ Мертенсу, что мы совершенно равнодушны ко всѣмъ сплетнямъ, которыя будутъ на счетъ этого дѣла распространяться людьми, ищущими раздора и безпорядка.

Стоитъ только сличить числа и время, нужное гонцу для достиженія Кютаіэ изъ Александріи сухимъ путемъ черезъ Сирію или моремъ чрезъ Адану и Конію, чтобы удостовѣриться въ нелѣпости такого извѣстія. Галиль-паша прибылъ въ Александрію до моего выѣзда, 9-го января передъ вечеромъ, а въ самый день возвращенія моего въ Царьградъ, 26-го, Австрійскій интернунцій уже имѣлъ извѣстіе о пріостановленіи военныхъ дѣйствій и увѣдомилъ о томъ Бутенева. Извѣстіе это онъ получилъ отъ самаго Рейсъ-эффенди. Если предположить, что вѣсть сія нисколько не была задержана у Рейсъ-эффенди и что гонецъ употребилъ только трое сутокъ на переѣздъ отъ Кютаіэ до Царяграда, то приказъ Мегмедъ-Али, отправленный, безъ сомнѣнія, не прежде 10-го января, долженъ былъ дойдти изъ Александріи въ Кютаіэ въ 12-й день, что не возможно ни сухимъ путемъ, ни моремъ. Напротивъ того, если принять временемъ отправленія приказа тотъ самый день, какъ Паша приложилъ къ нему печать, т. е. 4-го января, то выходитъ 19 дней. Паша самъ разсчитывалъ, что приказъ его дойдетъ въ 20-й день. Ложное извѣстіе, сообщенное Мертенсомъ, было началомъ козней французской миссіи, завидовавшей вліянію Россіи надъ Пашею. Козни эти, къ сожалѣнію, пустили вѣт-

ви въ самую столицу нашу и, какъ кажется, въ кабинетъ Государя. И зависть иностранной миссіи обратилась въ личную зависть нѣкоторыхъ особъ ко мнѣ, по случаю удачнаго окончанія дѣлъ въ Египтѣ.

Въ Египтѣ никто не смѣлъ и не думалъ отрицать того, что̀ Пашею было явно сдѣлано въ присутствіи свидѣтелей. Мегмедъ-Али, какъ видно было, досадовалъ только послѣ пріѣзда Галиль-паши, что онъ поспѣшилъ исполнить мои требованія столь гласнымъ образомъ. Въ Турціи министры, руководствуясь своими правилами политики, не хотѣли обнаружить слабости своей, гласнымъ и явнымъ признаніемъ услуги, оказанной Россіею. Варенъ поддерживалъ ихъ въ такихъ мысляхъ, и даже въ газетѣ, издаваемой въ Царѣградѣ на французскомъ языкѣ (Moniteur Ottoman) Французомъ Блакомъ, писавшимъ подъ вліяніемъ своихъ соотечественниковъ, въ № 63-мъ отъ 14—26-го апрѣля было сказано, между прочимъ, что генералъ Муравьевъ, посланный Государемъ для склоненія Египетскаго паши къ миру, не имѣлъ успѣха въ своемъ порученіи. Турецкіе сановники, по невѣжеству своему, могли не знать того, что̀ у нихъ печаталось. Мнѣ это было весьма непріятно; но, имѣя въ виду только цѣль, для которой я былъ посланъ, я счелъ тогда несоотвѣтственнымъ назначенію моему протестовать у Порты за ложныя свѣдѣнія, передаваемыя журналистомъ. Хотя извѣстіе сіе было съ поспѣшностію перепечатано въ другихъ иностранныхъ вѣдомостяхъ, но гласность самаго факта казалась мнѣ удовлетворительнымъ опроверженіемъ такихъ козней.

Правительство наше, основываясь на оффиціальныхъ и неоспоримыхъ донесеніяхъ, признало дѣйствительность достигнутаго мною въ Александріи успѣха, объявленіемъ о томъ въ № 21-мъ Journal de St. Pétersbourg, въ коемъ упоминается даже объ оффиціальномъ извѣстіи, сообщенномъ Ибрагимъ-пашею Портѣ о пріостановленіи военныхъ дѣйствій. Самые недоброжелатели мои въ Петербургѣ не могли отрицать сего;

но они, какъ ниже будетъ видно, воспользовались случившимся постороннимъ обстоятельствомъ—бунтомъ въ Смирнѣ—чтобы представить дѣло въ другомъ видѣ, и вмѣстѣ съ иностранцами силились попрать (для временнаго удовлетворенія зависти своей) славу, пріобрѣтаемую Россіею, чрезъ такой неожиданный переворотъ въ дѣлахъ Востока. Они распустили слухи, будто Египетскій паша меня обманулъ, не взирая на то, что я самъ предостерегалъ и наше и турецкое правительство противъ его вѣроломства; что, вопреки всякаго чаянія, египетская армія немедленно остановилась по требованію моему, и что Паша, въ рукахъ коего уже почти находился Константинополь, лишился вѣрной добычи, послѣдней цѣли своей—овладѣть престоломъ Султана. Никто никогда не осмѣлился явно изложить предо мною такое искаженное понятіе о дѣлахъ; однако мнѣ прискорбно было замѣтить увлеченными въ этомъ постыдномъ дѣлѣ, даже людей, казавшихся мнѣ близкими.

Возвратимся къ предмету. Баронъ Мертенсъ, послѣ замѣчанія Бутенева, хотѣлъ поправиться какимъ нибудь льстивымъ извѣстіемъ, въ коихъ у него никогда не было недостатка, и въ тотъ же вечеръ сказалъ мнѣ, будто Султанъ, котораго стращали намѣреніемъ Мегмедъ-Али свергнуть его съ престола, отвѣчалъ, что онъ охотнѣе уступитъ его другу своему Императору Николаю, чѣмъ бунтовщику Мегмедъ-Али.

29-го числа неожиданно посѣтилъ меня Ахмедъ-паша-муширъ. Драгоманы говорили, что этому еще не бывало примѣра, и что посѣщеніе такого близкаго къ Султану лица доказывало особое расположеніе ко мнѣ Махмуда II-го. Ахмедъ-паша вошелъ съ обыкновеннымъ веселымъ и открытымъ видомъ своимъ и сказалъ, что, прогуливаясь, зашелъ по порученію Султана, чтобы пригласить меня съ Бутеневымъ къ нему. Свиданіе было назначено къ другому дню. Онъ распрашивалъ меня о дѣлахъ въ Египтѣ и, выслушавъ повторе-

ніе сказаннаго уже мною на совѣщаніи министровъ, при коемъ онъ присутствовалъ, предостерегалъ насъ на счетъ людей, съ коими мы, по роду дѣлъ, должны были находиться въ частыхъ сношеніяхъ, говоря, что Мегмедъ-Али вездѣ имѣетъ лазутчиковъ между людьми, самыми близкими къ Султану, даже, можетъ быть, и въ самой миссіи нашей. Послѣ того разговоръ коснулся ожидаемаго прибытія нашего флота. Желая убѣдить Ахмедъ-пашу въ безкорыстіи видовъ Государя, мы предложили ему не вводить эскадры въ Босфоръ, а остановить ее въ одномъ изъ портовъ Чернаго моря, какъ напримѣръ, въ Бургасѣ, откуда бы, въ случаѣ надобности, можно было ее потребовать; но Ахмедъ-паша настаивалъ, чтобы флотъ нашъ пришелъ именно къ Константинополю, гдѣ въ немъ предстояла надобность, и, разсчитавъ время, въ которое Египтяне могли прибыть изъ Кютаіэ въ Скутари, заключилъ, что мы, въ случаѣ нужды, не успѣли бы вытребовать флота изъ Бургаса для защиты столицы. Для вящшаго убѣжденія его въ искренности намѣреній Государя, я не скрылъ дошедшей до меня молвы, распускаемой неблагонамѣренными людьми, будто бы Константинополь долженъ принадлежать Мегмедъ-Али, или нашему Государю, и увѣрилъ его, что цѣль такого рода была чужда и великодушію и самой политикѣ Государя. Я далъ замѣтить ему, что Египетскій паша нѣсколько разъ опирался на изъявленную имъ покорность волѣ Государевой, остановленіемъ военныхъ дѣйствій, въ намѣреніи пріобрѣсть права на покровительство Его Величества; что, слѣдуя даннымъ мнѣ наставленіямъ, я не только не допустилъ никакихъ переговоровъ со стороны Паши, при исполненіи требованій Государя, но даже устранилъ въ немъ всякую мысль о томъ. При семъ случаѣ призвалъ Бога въ свидѣтели искренности намѣреній Государя—поддержать Султана на престолѣ. Ахмедъ-паша отвѣчалъ со свойственною ему откровенностію, что Султанъ на этотъ счетъ былъ совершенно покоенъ; что онъ твердо

рѣшился не измѣнять предпринятымъ имъ намѣреніямъ предаться покровительству Государя; что хотя призывъ помощи сосѣда и есть зло, но положеніе, въ коемъ онъ находится, еще бо̀льшее зло, а потому изъ двухъ, избирая меньшее, онъ, съ полною довѣренностію и безъ всякаго опасенія, полагается на великодушіе Его Величества.

Мы судили о предпринятыхъ Турками оборонительныхъ мѣрахъ. Ахмедъ-паша увѣрялъ, что правительство не останется въ безпечности и можетъ собрать еще, между Никомидіею и Бруссою, до 30 т. войскъ и 45-ти исправныхъ орудій; но когда я сослался на обѣщаніе, данное имъ прежде и просилъ сообщить письменное свѣдѣніе о численности турецкихъ войскъ, то онъ тщательно уклонялся отъ этого предмета, и я счелъ излишнимъ его болѣе затруднять.

Ахмедъ-паша подтвердилъ также извѣстіе о пріостановленіи египетскихъ войскъ въ Кютаіэ, куда даже отступили передовые посты, находившіеся въ разстояніи четырехъ или пяти часовъ оттуда, по дорогѣ къ Константинополю. Онъ говорилъ, что Ибрагимъ-паша получилъ на то два повелѣнія отъ отца своего. (Второе повелѣніе было, вѣроятно, дубликатъ перваго, отправленный изъ Александріи на другой день, послѣ подлиннаго приказа). Не менѣе того, Варенъ, желая отнести къ себѣ успѣхъ, коего мы достигли, распространялъ слухи, что Ибрагимъ-паша остановился по письмамъ, которыя онъ къ нему послалъ. По словамъ Ахмедъ-паши, никто не ошибался на этотъ счетъ, потому что въ рукахъ Варена видѣли французское письмо отъ Ибрагимъ-паши, коимъ онъ увѣдомлялъ о полученномъ приказаніи остановиться.

Сіе посѣщеніе произвело настоящій переворотъ въ дѣлахъ. Ахмедъ-паша говорилъ устами самаго Султана, отъ коего онъ былъ посланъ, и безъ посредничества Порты и государственныхъ сановниковъ, нерѣшительныхъ или неискреннихъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Ахмедъ-паша не называлъ лицъ,

противъ коихъ онъ насъ предостерегалъ; но можно было разумѣть изъ словъ его, что въ числѣ ихъ находился самъ Сераскиръ. Они были въ непріязненныхъ сношеніяхъ между собою и въ соперничествѣ, если не по уму, то по степени довѣренности къ нимъ Султана. Въ послѣдствіи времени, когда Турки убѣдились, что намъ выгоднѣе было покровительствовать Султану, чѣмъ овладѣть державою его, они устранили всякую мысль о недовѣрчивости къ вспомогательнымъ войскамъ нашимъ.

Ввечеру былъ у Бутенева балъ. Разноцвѣтные и богато вышитые мундиры чиновниковъ всѣхъ миссій Европы придавали много наружнаго блеска съѣзду, уподоблявшемуся пышнымъ собраніямъ просвѣщенной страны. Въ этомъ кругу говорятъ на всѣхъ языкахъ, хотя французскій самый употребительный; тутъ встрѣчаешь людей съ понятіями и образомъ мыслей всѣхъ концовъ земли: ученыхъ вольнодумцевъ, приверженцевъ къ монархическому правленію, путешественниковъ, военныхъ, торгашей и тому подобныхъ. Женщины большею частію Перотки, изъ коихъ нѣкоторыя умѣютъ говорить по-турецки; они вообще не имѣютъ блистательнаго воспитанія, еще менѣе замѣчательны любезностію и образованіемъ. Старухи ихъ наряжаются, молодыя вообще хороши собою. Въ танцахъ много живости, и всѣ отъ души веселятся. Изъ числа занимательныхъ людей сего общества, можно назвать барона Штюрмера, прибывшаго въ званіи министра на смѣну Австрійскаго интернунція барона Оттенфельса. Штюрмеръ, извѣстный уже по пребыванію на островѣ св. Елены, гдѣ онъ находился при Наполеонѣ въ званіи коммиссара, отличался образованіемъ своимъ. Голландскій повѣренный въ дѣлахъ кавалеръ Теста и Сардинскій консулъ были люди благонамѣренные, и хотя они не имѣли почти никакого участія въ дѣлахъ, но пользовались общимъ уваженіемъ. Датскій повѣренный въ дѣлахъ Гюбель, съ семействомъ своимъ, давно уже переселившійся на Босфоръ,

гдѣ онъ сдѣлался туземцемъ, также былъ всѣми любимъ. Онъ оказывалъ особенное покровительство русскимъ офицерамъ, взятымъ въ плѣнъ въ прошедшую войну съ Турками, и не щадилъ тогда трудовъ своихъ для доставленія имъ всякаго облегченія, къ чему много способствовало личное расположеніе къ нему самого Султана. Хозяинъ нашъ, всѣми уважаемый, былъ очень привѣтливъ къ гостямъ, безъ различія званія и состоянія, и время провели съ удовольствіемъ.

30-го января, передъ вечеромъ, мы съ Бутеневымъ отправились водою къ Султану, пребывавшему все въ томъ же дворцѣ Чараганѣ, гдѣ я его прежде видѣлъ. Насъ сперва принялъ тутъ же жившій Ахмедъ-паша-муширъ, коему я вручилъ для доклада Султану выписку изъ депеши къ графу Нессельроде о сношеніяхъ моихъ съ Мегмедъ-Али-пашею, очищенную отъ всѣхъ оскорбительныхъ выраженій, употребленныхъ Египетскимъ пашею на счетъ Султана, и безъ изложенія обстоятельствъ, которыхъ не слѣдовало сообщать турецкому двору.

Вскорѣ пригласили насъ къ Султану. Онъ принялъ меня по прежнему, сидя, и началъ спросомъ о бурѣ, претерпѣнной мною при отплытіи изъ Александріи. Я отвѣчалъ, что отдѣлался отъ нея счастливо, потому что Богъ покровительствовалъ правому дѣлу, по коему я былъ посланъ, и разсказалъ ему вкратцѣ сношенія мои съ Мегмедъ-Али.

«Я читалъ записку о семъ», сказалъ Султанъ, «и очень «признателенъ Государю за знаки дружбы Его. Я уже про«стилъ Мегмедъ-Али.»

Изъ его отвѣта я заключилъ, что послѣднее совѣщаніе мое съ министрами, или содержаніе разговора моего съ Ахмедъ-пашею, при свиданіи въ Беюгъ-дэре, было записано и передано Султану на бумагѣ; потому что записка, врученная мною Ахмедъ-пашѣ передъ самымъ представленіемъ, не могла еще дойти до него. Великодушнымъ прощеніемъ

Мегмедъ-Али, Султанъ, кажется, желалъ прикрыть промахъ, данный имъ необдуманнымъ отправленіемъ Галиль-паши въ Египетъ, безъ всякаго предваренія насъ о томъ.

«Надобно надѣяться, что Мегмедъ-Али почувствуетъ ми-«лости ваши», сказалъ я; «но между тѣмъ считаю обязан-«ностію предупредить васъ, что онъ продолжаетъ вооружаться. «Всѣ поступки его изложены въ запискѣ, которую мнѣ должно «было вручить Сераскиру, но я отдалъ ее, для доклада вамъ, «Ахмедъ-пашѣ, потому что она сегодня только окончена.» Я прибавилъ въ концѣ записки совѣтъ мой, не ослаблять мѣръ предосторожности, чтобы вновь не подвергнуться внезапному нападенію отъ мятежнаго Паши въ случаѣ, еслибъ онъ нарушилъ свое обѣщаніе, потому что мнѣ довольно была извѣстна безпечность Турокъ. «Вамъ», продолжалъ я, «конечно предстоитъ дать настоящую цѣну обѣщаніямъ «Мегмедъ-Али, короче вамъ извѣстнаго и противъ коварства ко-«тораго вы сами меня предостерегали передъ моимъ отъѣздомъ».

—«Да», отвѣчалъ Султанъ, «я предостерегалъ васъ, «потому что Мегмедъ-Али ежегодно измѣнялся въ своемъ «поведеніи». И тутъ онъ сталъ у меня разспрашивать о разговорѣ Мехмедъ-Али, о пріемахъ, лѣтахъ, дѣятельности его и тому подобномъ. Султанъ, повидимому, всего болѣе разсчитывалъ на преклонныя лѣта и слабость здоровья врага своего. Потомъ онъ пожелалъ знать о состояніи египетскаго флота; я обѣщался доставить ему о томъ подробную записку, на что онъ изъявилъ свое желаніе, и сіе было мною исполнено на другой день.

Султанъ настоятельно просилъ насъ обоихъ навѣстить Сераскира, принужденно выражая свое благоволеніе къ нему. Онъ желалъ, можетъ быть, симъ умѣрить зависть старика къ ближайшимъ изъ царедворцевъ, или успокоить его симъ знакомъ вниманія, послѣ какихъ либо новыхъ неудовольствій Сераскира, коего Махмудъ всегда опасался. Потомъ Султанъ просилъ меня еще не уѣзжать въ Россію, а

остаться въ Царѣградѣ до совершеннаго окончанія египетскихъ дѣлъ, на что я согласился. Бутеневу же поручилъ позаботиться о томъ, чтобы я съ пріятностью проводилъ свое время и остался бы доволенъ.

По окончаніи аудіенціи, Султанъ пригласилъ насъ войти въ другую комнату и приказалъ показать намъ висѣвшую тамъ новую картину, на которой онъ былъ изображенъ верхо̀мъ. «Посмотрите», сказалъ онъ съ самодовольствіемъ, «какъ меня написали на конѣ!» Изображеніе было похоже на карикатуру, какъ по дурной живописи, такъ и по самому наряду Султана. Художникъ, при всемъ стараніи подражать европейскому искусству, не могъ побороть привычки Азіятцевъ—дать головѣ очеркъ несоразмѣрной величины противъ туловища. Махмудъ II былъ изображенъ съ красною феською на головѣ, въ гусарскомъ мундирѣ, на пряничномъ исписанномъ бѣломъ конѣ, между ногами коего виднѣлись солдаты, поставленные во фронтѣ. Выраженіе лица было довольно похоже. Картина эта любопытна потому, что портреты и изваянныя изображенія лицъ строго запрещены у Мусульманъ, въ томъ повѣріи, что при воскресеніи мертвыхъ нѣмые лики сіи потребуютъ душъ, принадлежавшихъ образцамъ [1]). Вскорѣ и самъ Султанъ за нами пришелъ; мы похвалили портретъ, въ особенности же убранство комнаты, которое было въ самомъ дѣлѣ хорошо, что̀ ему польстило.

Австрійскій посланникъ звалъ насъ въ Перу на обѣдъ и балъ, по случаю дня рожденія Императора Франца. Переговоры наши съ турецкими министрами умножались. Средство, введенное въ Турціи, сноситься черезъ драгомановъ, стано-

[1]) Повѣріе сіе до такой степени существовало у Турокъ, что еще за нѣсколько лѣтъ, европейскія купеческія суда, входившія въ Константинопольскій портъ, должны были завѣшивать статуйки, находившіяся на носу судна. Нынѣ же, какъ видно изъ вѣдомостей, Султанъ повѣсилъ портреты свои въ казармахъ, отъ чего произошли однакоже неудовольствія и безпорядки, которыхъ нельзя было иначе прекратить, какъ мѣрами строгости.

вилось неудовлетворительнымъ въ тогдашнее время, по отдаленности Беюгъ-дэре отъ Константинополя, и намъ необходимо было, хотя на время, сблизиться съ средоточіемъ политическихъ сношеній. Мы переѣхали по симъ причинамъ на нѣсколько дней въ Перу—пребываніе многихъ дипломатическихъ особъ. Прежде и наша миссія имѣла тамъ дворецъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ сгорѣлъ; теперь же въ Перѣ находятся у насъ только: канцелярія, въ которую поступаютъ купеческія дѣла судовщиковъ, и почтовая контора; оба эти управленія зависятъ также отъ нашего посланника. Новый дворецъ въ Перѣ для миссіи выстраивается съ большимъ иждивеніемъ на счетъ суммъ, наложенныхъ въ контрибуцію съ Турціи, послѣ прошедшей войны.

31-го числа мы были на званомъ балѣ; съѣздъ былъ еще многочисленнѣе, чѣмъ у Бутенева въ Беюгъ-дэре. Всѣ чиновники австрійской миссіи, коихъ было довольное число, имѣли красные мундиры съ генеральскими эполетами. Одежды вообще отличались необыкновенною пестротою. Въ числѣ посѣтителей замѣтилъ я одного штабъ-офицера въ нашемъ артиллерійскомъ мундирѣ. Я не могъ разгадать какое-это было лице, и, освѣдомясь объ немъ у Бутенева, узналъ, что то былъ отставной штабъ-офицеръ, родомъ изъ Турокъ, взятый въ младенчествѣ въ плѣнъ, окрещенный и достигнувшій сего званія въ нашей службѣ; оставивъ ее, онъ поѣхалъ въ Царьградъ для отысканія какого-то мнимаго наслѣдства, надѣлъ мундиръ безъ всякаго на то права, а на балъ явился безъ приглашенія. Бутеневъ его немедленно выслалъ изъ собранія, и я болѣе его нигдѣ не встрѣчалъ. Варенъ не пріѣзжалъ въ собраніе подъ предлогомъ, будто онъ получилъ въ тотъ день извѣстіе о скоромъ прибытіи ожидаемаго въ Царьградъ французскаго посла вице-адмирала Руссена: настоящею же причиною его уклоненія было то, что онъ избѣгалъ круга, въ коемъ извѣстны были его козни,

ниспровергнутыя чрезъ гласное принятіе Султаномъ покровительства Россіи. Музыка была полковая турецкая, что̀ придавало странность собранію. Кто бы, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, могъ видѣть Европейцевъ, танцующихъ подъ музыку турецкихъ солдатъ! Короткіе танцы обходились довольно хорошо; но въ безконечныхъ котильонахъ Турки теряли терпѣніе, и по мѣрѣ, какъ каждый музыкантъ уставалъ, онъ, безъ дальнихъ околичностей, переставалъ играть и клалъ инструментъ свой въ сторону, такъ, что подъ конецъ оставался въ дѣйствующихъ лицахъ одинъ тромбонъ, подъ нескладными и прерывающимися звуками коего прекращались и танцы. Хозяинъ нашъ баронъ Оттенфельсъ былъ очень привѣтливъ. Дворецъ, имъ занимаемый,—обширное старинное зданіе съ большимъ помѣщеніемъ; онъ принадлежалъ нѣкогда Венеціянамъ (что̀ доказываетъ еще изображеніе Льва св. Марка, изваянное на одной изъ внутреннихъ стѣнъ при входѣ) и поступилъ, вѣроятно, во владѣніе Австрійцевъ съ покореніемъ Венеціанской республики. На дворѣ стоялъ караулъ изъ морскихъ австрійскихъ солдатъ, принадлежавшихъ къ экипажу недавно прибывшаго корвета сей націи. Необтесаный и неопрятный видъ ихъ напоминалъ наружное безобразіе, свойственное цесарскому войску.

Не умолчу о докторѣ сардинской миссіи Ансальдо, едва ли не лучшемъ шахматномъ игрокѣ, когда либо мною встрѣчаемомъ. Онъ у меня выигралъ нѣсколько игоръ; консулъ, человѣкъ простой и совѣстливый, нашелъ въ этомъ невѣжество со стороны своего подчиненнаго и привелъ его ко мнѣ, на другой день, съ извиненіями. Я просилъ консула успокоиться и началъ опять играть съ докторомъ; Ансальдо, по приказанію начальника своего, сталъ съ умысломъ проигрывать. Забавный случай этотъ познакомилъ меня съ консуломъ, который настоятельно просилъ меня къ себѣ отобѣдать. Онъ иногда былъ занимателенъ тѣмъ, что съ

основательностію зналъ сужденія низшихъ сословій — слѣдственно общее мнѣніе. Въ числѣ гостей я встрѣтилъ у него подпоручика сардинской службы, родомъ изъ Піемонта, по имени Глоріа—молодой человѣкъ, выключенный изъ службы за участіе въ возстаніяхъ, недавно происшедшихъ противъ короля. Многіе были тогда замѣшаны въ этомъ дѣлѣ и разъѣхались по сему случаю въ разныя стороны для пріисканія себѣ рода жизни. Не менѣе того, онъ носилъ мундиръ, и консулъ просилъ меня принять его въ нашу службу. Глоріа былъ порядочной наружности; онъ показывалъ много желанія опредѣлиться къ намъ; но я отклонилъ искъ его, говоря, что безъ знанія Русскаго языка онъ никакимъ образомъ не можетъ быть принятъ.

2-го числа февраля, мы навѣстили Сераскира, который уже сложилъ съ себя мнимую болѣзнь—послѣдствіе какихъ-либо неудовольствій. Онъ былъ необыкновенно веселъ и привѣтливъ до такой степени, что встрѣтилъ насъ на крыльцѣ. Я объявилъ ему, что пріѣхалъ по приказанію Султана: это, казалось, польстило ему. Разговоръ нашъ болѣе касался военнаго дѣла, чѣмъ политики, и я въ особенности обращалъ вниманіе его на Дарданеллы. Онъ читалъ записку мою, представленную Султану о сношеніяхъ съ Мегмедъ-Али-пашею и домогался истолкованія нѣкоторыхъ выраженій, употребленныхъ Пашею—бывшимъ соперникомъ его. Что именно разумѣлъ Мегмедъ-Али подъ словами: «флотъ мой въ печали и огорченіи ожидаетъ перваго привѣтствія Галиль-паши», и не означали ли слова эти неудовольствія Паши на свой флотъ за то, что онъ во всю войну не одержалъ ни одной побѣды надъ турецкимъ флотомъ? Такимъ толкованіемъ Сераскиръ хотѣлъ извлечь что-либо въ пользу любимца своего Галиль-паши, бывшаго тогда капитанъ-пашею или адмираломъ; но я объяснилъ Сераскиру, что дѣло шло о томъ только, кто первый отдастъ салютъ, и что Египетскому пашѣ въ этомъ случаѣ не удалось, по-

тому что Галиль-паша не сдѣлалъ ни одного выстрѣла. Сераскиръ, между прочимъ, намекнулъ мнѣ, что онъ намѣревался сдѣлать высадку въ Египетъ; но остановился въ предположеніяхъ своихъ, когда я ему замѣтилъ, что для сего нужно было прежде разбить египетскій флотъ. Онъ судилъ и выхвалялъ знаменитѣйшихъ полководцевъ Европы, коихъ имена затвердилъ, вѣроятно, передъ моимъ прибытіемъ. Понятія его о военномъ званіи были еще въ такомъ младенчествѣ, что онъ обидѣлся, когда я, выставляя его личныя воинскія достоинства, назвалъ его самого доблестнымъ солдатомъ. «Какъ!» вскричалъ онъ, «я не солдатъ, я не «солдатъ! Солдаты вотъ тѣ, что съ ружьями ходятъ!» И онъ успокоился только тогда, когда я увѣрилъ его, что и самого Фридриха Великаго и Наполеона называли добрыми солдатами. Желая показать намъ знаніе свое въ тактикѣ, Сераскиръ разсказывалъ, по своимъ соображеніямъ, подробности Конійскаго сраженія. Онъ расположилъ колонною шашки, лежавшія на столѣ, и обвинялъ турецкаго главнокомандующаго Решидъ-пашу въ томъ, что онъ не растянулъ войскъ своихъ въ линію, отъ чего они потерпѣли пораженіе, ибо египетскія ядра, попадая въ толпу, причиняли имъ большой уронъ; при чемъ онъ показалъ на шашкахъ, какимъ бы образомъ должно было сдѣлать деплояду. Это былъ сущій вздоръ, ибо Турокъ разбили отъ того именно, что они растянулись; Сераскиръ не любилъ Решидъ-паши, и онъ полагалъ, что я не имѣлъ вѣрныхъ свѣдѣній о подробности этого сраженія.

Послѣ того онъ повелъ насъ къ батальону, выстроенному на дворѣ, чтобы показать ученье. Едва мы вышли, какъ начались движенія, которыхъ нельзя было прервать, потому что все слѣдовало по затверженному уроку, одно за другимъ. Построенія начинались прежде окончанія команды батальоннаго командира, такъ, что если бы предложить какой-либо другой маневръ, то всѣ бы смѣшались. Около батальона суе-

тился какой-то иностранный офицеръ, поправлявшій ошибки; Сераскиръ же во все время не отходилъ отъ меня и развлекалъ вниманіе мое, чтобы я не могъ предложить новаго не вытверженнаго построенія.

Ученье скоро кончилось, и старикъ, безъ дальнихъ околичностей, вышелъ на улицу и повелъ насъ въ лавку, гдѣ находился Султанъ. Въ Турціи издревле существуетъ обычай, по коему во время поста Рамазана, Султанъ обязанъ показываться народу безъ признаковъ своего величія, и Махмудъ II исполнялъ этотъ обрядъ въ тотъ постъ почти ежедневно. Обыкновеніе сіе имѣло, вѣроятно, начало свое въ частыхъ посѣщеніяхъ, дѣлаемыхъ въ старинные годы Калифами, для личнаго узнанія нуждъ своихъ подданныхъ. Въ нынѣшнія времена оно исказилось: убираютъ для Султана софами и подушками лучшую лавку; въ ней раскладываютъ лучшіе товары, собираемые со всего гостиннаго двора, а хозяина высылаютъ вонъ. Султанъ приходитъ въ лавку пѣшкомъ и, расположившись у окна, проводитъ часа два праздно, смотря на народъ, который, по этому случаю, сгоняютъ на площадь. Нынѣшній разъ избрали лавку какого-то иностранца близъ площади Баязида; вѣроятно наняли ее. Обѣ компаты лавки были убраны европейскими издѣліями и вещами. Въ одной изъ нихъ сидѣлъ Султанъ съ нѣсколькими изъ своихъ приближенныхъ. Насъ ввели въ сосѣднюю комнату, гдѣ находился Ахмедъ-паша-ферикъ, возвратившійся изъ арміи, куда онъ ѣздилъ по какому-то порученію. Едва мы вошли, какъ Султанъ выслалъ къ намъ любимца своего Ахмедъ-пашу-мушира, съ привѣтствіемъ и приказаніемъ занимать насъ. Народъ, въ какомъ-то оцѣпенѣніи, неподвижно толпился на улицѣ и площади. Мертвая тишина царствовала въ толпѣ; только подъ окномъ Султана проходили тихо, взадъ и впередъ, взводы пѣхоты, составляющіе полицію. Мы просидѣли тутъ около получаса и не видали Султана, который вышелъ, безъ всякой огласки, въ другую дверь; за нимъ

мы оставили лавку. Всѣ считали почесть, намъ въ этомъ случаѣ оказанную, знакомъ особеннаго расположенія Махмуда II, коею посланники другихъ дворовъ не удостоивались.

Оттуда мы поѣхали къ патріарху Константію. Онъ долго былъ въ Россіи и зналъ хорошо нашъ языкъ. Старецъ сей пріятной наружности, въ обхожденіи привѣтливъ, пріемы исполнены живости, не взирая на лѣта его. Къ обширнымъ свѣдѣніямъ, онъ присоединяетъ пастырскія добродѣтели. Константій былъ очень обрадованъ нашимъ пріѣздомъ; но онъ, на первыхъ порахъ, не могъ скрыть въ рѣчахъ своихъ неудовольствія за содѣйствіе, оказываемое Султану Государемъ, ибо Греки по единовѣрію привыкли видѣть въ насъ непримиримыхъ враговъ Турокъ. Мы вскорѣ прекратили о томъ разговоръ, совершенно чуждый цѣли нашего посѣщенія. Бесѣда съ Патріархомъ во всѣхъ отношеніяхъ можетъ назваться пріятною и поучительною. Мы также навѣстили Іерусалимскаго Патріарха, престарѣлаго Аѳанасія, человѣка простаго, безъ просвѣщенія и занимательнаго только по его смиренію. Онъ имѣетъ постоянное жилище свое въ Царѣградѣ, откуда правитъ Іерусалимскою церковію. Храмъ Гроба Господня пришелъ въ большую бѣдность и обремененъ долгами, отъ того и Патріархъ живетъ въ крайней бѣдности. Оба Патріарха часто вспоминали о братѣ моемъ, навѣщавшемъ ихъ во время пребыванія его въ Царьградѣ. По выходѣ, Греки, населяющіе часть города, гдѣ находится Патріархія, толпою проводили насъ до пристани. Мы возвратились въ Перу очень поздно черезъ прелестное кладбище въ кипарисовой рощѣ.

Кто не видалъ сего единственнаго, можетъ быть, въ свѣтѣ мѣста, тотъ не въ состояніи вообразить себѣ всей красоты его. Кладбище это составляетъ любимое гулянье тамошнихъ жителей,—и задумчивый Турокъ находитъ тутъ отдохновеніе въ созерцательности, коей онъ любитъ предаваться, среди многочисленныхъ надгробныхъ памятниковъ.

Бѣлые мраморы ихъ, уподобляющіеся въ лунную ночь призракамъ, освѣщаютъ непроницаемый мракъ обширной рощи, густо насажденной одними кипарисами. Пользуясь свободнымъ временемъ, я осматривалъ тогда окрестности Перы, и въ прогулкахъ своихъ навѣщалъ сіе жилище мертвыхъ. Европейцевъ хоронятъ исключительно въ одной части рощи, и любопытный странникъ можетъ долгое время заняться разсматриваніемъ надписей. Не одни памятники напоминаютъ ему неизбѣжную будущность: тишина мѣста и мрачный видъ кипарисовъ наводятъ уже мысль его на эту стезю; вознося́сь въ думахъ своихъ, онъ обращается и къ прошедшимъ днямъ жизни; мысль его стремится обнять все величіе созданія и теряется въ догадкахъ; но смрадъ, поражающій обоняніе при свѣжихъ могилахъ, пробуждаетъ его и напоминаетъ всю отвратительность бреннаго существа, тлѣющаго почти подъ самыми его ногами. Запахъ, происходящій отъ того, что полиція въ Константинополѣ не заботится о зарываніи тѣлъ надлежащимъ образомъ, такъ силенъ, что прогулка въ иныхъ мѣстахъ кипарисовой рощи становится очень непріятна. Подобныя рощицы, но гораздо меньшаго объема, находятся и въ другихъ мѣстахъ на берегахъ Босфора; за Скутари же имѣется также очень обширное кипарисное кладбище.

Въ большихъ казармахъ, находящихся за Перою, замѣтно было много движенія; впрочемъ въ то время всѣ улицы Константинополя и Перы были наполнены солдатами. Мы навѣстили также съ Бутеневымъ Текэ, или монастырь кружащихся дервишей. Странный обрядъ богослуженія ихъ хорошо описанъ въ Очеркахъ Константинополя Базили. Доступность этихъ людей меня удивила; они имѣютъ свой образъ мыслей, но чужды нетерпимости, оказываемой Христіанамъ Мусульманами; Европейцы безпрепятственно посѣщаютъ мечеть ихъ въ самое время дѣйствія. Привратникъ и тутъ жительствовавшіе дервиши приняли насъ съ радушіемъ и отвели въ

женскую ложу, гдѣ однакожъ никого не было, откуда мы изъ-за рѣшетки могли свободно видѣть все служенiе. Я не замѣтилъ никакого фанатизма въ этихъ дервишахъ и готовъ думать, что съ утратою догматовъ первоначальнаго ученiя ихъ, сохранились только обряды, которые соблюдаются изъ какихъ-либо видовъ.

3-го февраля я оставилъ Перу и по дорогѣ заѣхалъ въ Чараганскiй дворецъ къ Ахмедъ-пашѣ-муширу, гдѣ познакомился съ выходившимъ отъ Султана новымъ капитанъ-пашею, Тагиръ-пашею.

5-го числа поутру прибылъ въ Терапiю французскiй посолъ, вице-адмиралъ Руссенъ (Roussin) на фрегатѣ «Галатея», который остановился предъ дворцемъ своей нацiи. Салюты были безконечные. Французы затруднялись въ то время избранiемъ герба для дворца своей миссiи. Это случилось въ первые годы царствованiя Людовика Филиппа, когда для нацiональнаго герба приняли сперва изображенiе пѣтуха; его, помнится мнѣ, вскорѣ смѣнила надпись: Свобода (Liberté); послѣ же слѣдовало изображенiе Конституцiонной Хартiи, которое и вывѣсили на дворцѣ миссiи; наконецъ все сняли, и щитъ оставался долгое время безъ всякаго знака.

Замѣчательно, что въ этотъ самый день Бутеневъ получилъ отъ Рейсъ-эффенди давно обѣщанную меморiю, коею онъ просилъ отмѣнить прибытiе флота. Имя Султана упоминалось только въ самомъ началѣ меморiи; въ ней излагалась необходимость, заставившая его прибѣгнуть къ пособiю флота, предложеннаго Россiйскимъ Императоромъ. Дальнѣйшiя предположенiя, какъ и самый отказъ пособiя, значились отъ имени Порты, или отъ какой-то безличной власти. Въ отзывѣ сказано было, что такъ какъ генералъ Муравьевъ уже передалъ Портѣ содержанiе отзывовъ Мегмедъ-Али-паши, что Ибрагимъ-паша сообщилъ уже Портѣ намѣренiе свое остановиться тамъ, гдѣ застало его повелѣнiе, и, признавая сiе послѣдствiемъ благодѣтельныхъ намѣ-

реній Государя Императора, они [1]) вмѣняли себѣ въ обязанность изъявить за то чувства своей глубочайшей благодарности. Но опасаясь возбудить вновь неблагопріязненныя распоряженія и военныя дѣйствія поспѣшнымъ исполненіемъ условленнаго предположенія, признавалось согласнымъ со здравою политикою, принять втайнѣ вмѣсто условленныхъ, слѣдующія мѣры. Содержать Черноморскій флотъ въ готовности съ тѣмъ, чтобы онъ снялся съ якоря тогда только, когда опять потребуется. Имѣть въ Беюгъ-дэре, передъ дворцемъ Россійской миссіи, пакетботъ, во всегдашней готовности къ отплытію, для востребованія флота, когда въ немъ опять предстанетъ надобность. Исполненіе сихъ обѣихъ мѣръ предоставлялось Бутеневу; а для довершенія всего, принять подобныя же мѣры относительно сухопутныхъ войскъ, требованныхъ на помощь, съ тѣмъ, чтобы войска сіи немедленно тронулись и двигались по Дунаю [2]), гдѣ и ожидали бы дальнѣйшихъ наставленій отъ ихъ [3]) пріятеля г. посланника, котораго приглашали вступить по сему случаю въ сношеніе съ генераломъ Киселевымъ.

Подлинный отзывъ, писанный на турецкомъ языкѣ, переданъ мнѣ Бутеневымъ, какъ равно и переводъ, съ коего копію прилагаю въ концѣ книги подъ буквою N. Бумага эта получена неожиданно въ самый день пріѣзда Руссена, какъ бы въ ознаменованіе вліянія Французовъ и впечатлѣнія, произведеннаго на Порту однимъ появленіемъ посла. Послѣ увѣреній, данныхъ Султаномъ, Бутеневъ не полагалъ болѣе, чтобы Рейсъ-эффенди, по прошествіи столь долгаго времени, подтвердилъ письменно слова, сказанныя имъ на совѣщаніи съ министрами. Изъ оборота всего от-

---

[1]) Въ турецкомъ употреблено слово—мы.

[2]) Нельзя понять, что Турки подъ этимъ разумѣли, ибо войска, двигаясь вдоль по Дунаю, не сближались и не отдалялись отъ Царяграда. Это можно только отнести къ невѣжеству ихъ.

[3]) По турецки сказано нашего.

зыва можно было заключить, что Султанъ не имѣлъ участія въ немъ, или что онъ не остановилъ его въ угожденіе Руссену, съ тѣмъ, чтобы отъ него въ послѣдствіи отречься; наконецъ, что Султанъ допустилъ такой нелѣпый отзывъ въ минуту недоумѣнія, когда онъ предавалъ и собственную судьбу и судьбу царства своего неизвѣстности будущаго, — когда онъ старался только отдѣлаться отъ настояній враговъ и союзниковъ своихъ, которыхъ равно опасался.

Бутеневъ отвѣчалъ, что онъ съ первою же отходящею почтою напишетъ о томъ въ Петербургъ и къ адмиралу Грейгу. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ Порту, въ дополненіе къ меморіи, увѣдомить его, какъ бы она полагала поступить, еслибъ флотъ нашъ вдругъ показался у верховья Босфора, чего можно было ежечасно ожидать. Такою мѣрою исполнилъ онъ требованіе Порты, или, лучше сказать, канцелярскимъ порядкомъ очистилъ полученную имъ бумагу, ничѣмъ неизмѣнивъ хода самаго дѣла; ибо не было сомнѣнія, что отношеніе къ адмиралу Грейгу, посланное сухимъ путемъ, никакъ не могло болѣе застать флота на якорѣ, и потому неминуемо оставалось безъ всякаго дѣйствія.

Не взирая на тогдашнія смутныя обстоятельства, у насъ продолжались веселія, и въ тотъ же вечеръ былъ опять у Бутенева балъ.

6-го числа мы навѣстили вице-адмирала Руссена. Рослый и видный мужчина, въ нѣкоторыхъ уже лѣтахъ. Новая обязанность, казалось, его нѣсколько затрудняла; но онъ тогда еще былъ бодръ, и замѣшательство свое какъ бы покрывалъ словами, не заключавшими впрочемъ ничего особеннаго. Онъ пріѣхалъ съ семействомъ; жена его казалась доброю женщиною и занималась только домашними дѣлами.

7-го числа февраля мѣсяца, мы отправили съ отходящею почтою донесенія о случившемся до того времени. Я пи-

салъ къ тѣмъ же лицамъ, что̀ и прежде, и увѣдомлялъ графа Нессельроде о приглашеніи остаться, сдѣланномъ мнѣ Султаномъ. Послѣ того я прекратилъ оффиціальныя сношенія съ нимъ, и въ послѣдствіи сообщалъ ему только иногда нѣкоторыя свѣдѣнія частнымъ образомъ; ибо, окончивъ дѣло свое, я, въ ожиданіи отвѣта изъ Петербурга, участвовалъ въ тогдашнихъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Портою, болѣе какъ частное лице по доброму согласію, существовавшему между Бутеневымъ и мною. Военному министру я донесъ также объ окончаніи возложеннаго на меня порученія и о причинахъ, по коимъ еще оставался въ Константинополѣ, тщательно предостерегая всѣхъ и въ письмахъ и депешахъ, чтобы не основывались на словахъ Мегмедъ-Али-паши и не полагались на прекращеніе военныхъ дѣйствій, которыя онъ могъ ежечасно возобновить.

Между тѣмъ Ибрагимъ-паша, остановившійся въ Кютаіэ съ конницею и малою частію пѣхоты, стянулъ къ себѣ изъ Коніи, не переходя впрочемъ за Кютаіэ, еще часть войскъ для размѣщенія ихъ, какъ онъ говорилъ, въ странѣ, менѣе пострадавшей отъ войны; но въ сущности онъ хотѣлъ этимъ устрашить Турокъ, чтобы отецъ его имѣлъ болѣе успѣха въ происходившихъ тогда переговорахъ. О дѣйствіяхъ Галиль-паши въ Египтѣ не имѣли еще къ тому времени никакихъ положительныхъ свѣдѣній и ихъ ожидали въ Царѣградѣ съ большимъ нетерпѣніемъ.

Того же дня я получилъ отъ Россетти письмо, отправленное 1-го февраля изъ Египта. Онъ увѣдомлялъ, что послѣ отъѣзда моего изъ Александріи, Паша, слѣдуя совѣтамъ ему даннымъ, велѣлъ назначенныя къ отправленію въ Сирію войска высадить съ судовъ опять на берегъ и отослать ихъ въ Каиръ. Россетти писалъ, что Паша былъ очень недоволенъ наступательнымъ движеніемъ своего сына. По словамъ его, Мегмедъ-Али не надѣялся, чтобы данныя Ибрагиму приказанія остановиться достигли его прежде прибытія.

армiи въ Бруссу, и онъ опасался, чтобы дѣйствiе сiе, предпринятое будто по настоянiю плѣненнаго Визиря, не воспрепятствовало переговорамъ о мирѣ, производившимся съ Галиль-пашею.

Россетти не былъ искрененъ. Онъ, какъ видно, писалъ по приказанiю Мегмедъ-Али: Паша хотѣлъ въ одно время выставить расположенiе свое къ миру, и вмѣстѣ съ тѣмъ пригрозиться мнимымъ движенiемъ на Бруссу, которое однакоже не состоялось. Онъ обвинялъ Визиря, который во все время войны и плѣна никогда не измѣнялъ своему государю.

Далѣе, Россетти увѣдомлялъ, что послѣ нѣсколькихъ свиданiй Мегмедъ-Али съ Галиль-пашею, они обоюдно условились въ основанiяхъ, на коихъ располагали заключить миръ, и что вмѣстѣ съ тѣмъ отправлялись нарочные гонцы къ Султану, съ представленiемъ этихъ условiй на утвержденiе его. Мегмедъ-Али требовалъ себѣ, кромѣ всей Сирiи, уѣздъ Адана до тѣснинъ Тавра и весь берегъ Карамании до Алаiи, включительно. Съ симъ вмѣстѣ онъ обязывался быть всегда зависимымъ отъ Порты, платить ей сумму, равную доходамъ, которые до того получались отъ сихъ областей, и изъявлялъ готовность во всякое время представить Портѣ всѣ пособiя, въ какихъ бы она могла встрѣтить надобность. Тѣ же самыя условiя, присовокуплялъ Россетти, которыя Паша предлагалъ нѣсколько времени тому назадъ чрезъ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Константинополѣ.

Послѣ отъѣзда моего, Мимо одинъ только разъ видѣлся съ Пашею, при чемъ онъ вручилъ письмо, которое къ нему имѣлъ; Мегмедъ-Али избѣгалъ другаго свиданiя съ нимъ, чтобы не подумали, будто онъ предпочитаетъ посредничество Францiи посредничеству другихъ державъ. Египетскiй паша поставилъ на видъ Галиль-пашѣ, что послѣ одержанныхъ имъ побѣдъ, онъ нисколько не увеличилъ требованiй своихъ и

ограничивался тѣми, которыя объявилъ до плѣненія верховнаго Визиря. Въ одно время съ посланными къ Султану гонцами отправлялся генералъ Селимъ-Бей-Минатли къ Ибрагимъ-пашѣ съ повелѣніемъ отнюдь не переходить Бруссы[1].

Потомъ Россетти выставлялъ усердіе свое и хвалился данными имъ будто совѣтами Пашѣ остеречься и не слишкомъ натягивать струну, чтобы она не лопнула, въ томъ убѣжденіи, что дѣйствія Мегмедъ-Али неминуемо должны зависѣть отъ воли Государя нашего. Наконецъ, ссылаясь на заслуги дяди своего, Россетти возобновлялъ просьбу о назначеніи его россійскимъ консуломъ въ Египтѣ, разсыпался въ выраженіяхъ преданности къ Государю и Россіи, и заключалъ предложеніемъ своихъ услугъ.

Во всемъ письмѣ, Россетти называлъ владѣнія Мегмедъ-Али королевствомъ, можетъ быть потому, что самого Пашу называли при всѣхъ дворахъ и при нашемъ также, вице-королемъ. Россети воспользовался уклончивостью нашею отъ переговоровъ и участія въ разграниченіи между воюющими. Пользуясь такимъ оборотомъ политики нашей, онъ имѣлъ въ виду услужить на обѣ стороны: намъ—способствованіемъ къ скорѣйшему заключенію мира со всевозможными уступками, а своему Пашѣ — пріобрѣтеніемъ значительнаго пространства земли. Онъ самъ, какъ и всѣ иностранцы, жившіе въ Александріи, находили въ томъ существенную выгоду: ибо черезъ распространеніе владѣній своихъ, Паша пріобрѣталъ болѣе средствъ, распространялъ торговлю свою и получалъ болѣе довѣренности въ кругу заимодавцевъ. Генеральное консульство наше въ Александріи никоимъ образомъ не могло быть возложено на Россетти.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, какъ 8-го числа по утру мы вдругъ узнали, что эскадра наша показалась у верховья Босфора. Часа черезъ два послѣ извѣстія, изъ-за

[1]) Хитрость — ибо, какъ я выше сказалъ и далѣе будетъ видно, Ибрагимъ-паша не переходилъ Кютаіэ.

горы, закрывающей верхнюю часть пролива, явился въ заливѣ Беюгъ-дэре величественный корабль съ русскимъ флагомъ. Вслѣдъ за нимъ плылъ другой, тамъ третій, и въ самое короткое время заливъ покрылся военными судами, которыя бросили якорь передъ нашимъ дворцомъ, въ виду французской и англійской миссій. Эскадрою начальствовалъ бывшій тогда начальникъ штаба Черноморскаго флота, контръ-адмиралъ Михайло Петровичъ Лазаревъ. Она состояла изъ четырехъ линейныхъ кораблей, трехъ фрегатовъ, одного корвета и одного брига.

На вопросъ, прежде того сдѣланный Бутеневымъ у Порты, какъ бы она располагала поступить, еслибъ эскадра вдругъ показалась у верховья Босфора,—Рейсъ-эффенди отвѣчалъ, что въ распоряженіе нашего посланника будетъ данъ Турецкій пароходъ, чтобы пріостановить вступленіе эскадры въ Босфоръ. Турецкій пароходъ оказался неисправнымъ. Турки располагали замѣнить его мореходнымъ катеромъ; но, по свойственной имъ медленности, они опоздали присылкою его, и катеръ явился тогда уже, когда эскадра наша стояла на якорѣ въ Беюгъ-дэре. Онъ долгое время оставался передъ дворцомъ нашей миссіи, какъ бы забытый.

Не менѣе того, внезапнымъ вступленіемъ въ Босфоръ, Лазаревъ нарушилъ данное ему приказаніе отъ начальства, и то, о чемъ его прежде Бутеневъ просилъ письмомъ—остановиться у входа въ проливъ и не прежде входить въ оный, какъ по предварительномъ сношеніи съ нимъ; но моряки всегда имѣютъ отговоркою вѣтеръ, и Лазаревъ сослался на эту причину, побудившую его не останавливаться у верховья. Хотя послѣдствія и оправдали поступокъ его, но онъ тогда не имѣлъ другихъ видовъ, какъ успокоеніе судовъ на хорошей якорной стоянкѣ. Внезапное появленіе нашихъ судовъ крайне поразило Турокъ, и недружелюбныя намъ миссіи едва вѣрили тому, что у нихъ передъ глазами происходило. Грозные союзники Султана навѣстили владѣнія и столицу его

въ самый день праздника Мусульманъ Байрама, когда съ открытіемъ новой луны они располагали въ беззаботливости предаться пресыщенію и увеселеніямъ всякаго рода послѣ утомительнаго воздержанія.

ГЛАВА V.

До прибытія высадныхъ войскъ.

Первая эскадра наша, прибывшая въ Босфоръ, не имѣла съ собою высадныхъ войскъ. Хотя, въ случаѣ нужды, можно было высадить на берегъ часть матросовъ, но средство сіе было недостаточно, и потому эскадра въ сущности не могла препятствовать переходу Египтянъ черезъ проливъ. Однако появленіе ея принесло пользу другаго рода: оно поселило опасеніе въ умахъ недовольныхъ Турокъ; число судовъ во мнѣніи народа было увеличено безъ мѣры, и въ случаѣ приближенія Египтянъ, никто бы въ Константинополѣ не осмѣлился возстать противъ Султана.

8-го же февраля, вскорѣ послѣ прибытія эскадры, явился къ намъ посланный отъ Султана Ахмедъ-паша-муширъ, съ изъявленіемъ признательности за участіе, принимаемое Императоромъ въ положеніи Махмуда II. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ, отъ имени Государя своего, отослать эскадру въ Сизополь, гдѣ бы она стояла въ готовности и ожиданіи новыхъ приказаній, прибыть въ Царьградъ, въ случаѣ надобности. Причиною этого, говорилъ онъ, было то, что Порта вела переговоры съ Египетскимъ пашею и что надѣялись примириться безъ посторонняго содѣйствія. Онъ хотѣлъ немедленно послать нарочнаго въ Сизополь, для приготовленія тамъ всего нужнаго къ пріему нашего флота.

Бутеневъ, слѣдуя даннымъ ему наставленіямъ, не навязывать Туркамъ вспомоществованія и, согласуясь съ обѣщаніями, прежде имъ данными, остановить эскадру въ Бургасѣ, не могъ въ семъ случаѣ отказать требованію Султана, и согласился на обратное отправленіе эскадры въ Сизополь. Такое рѣшеніе было прискорбно Лазареву; онъ однакожъ располагалъ исполнить его и скрылъ свое неудовольствіе; но вѣтеръ стоялъ сѣверный, и эскадра не трогалась.

На другой день мы узнали съ основательностію о причинахъ, побудившихъ Турокъ къ просьбѣ, изъявленной Муширомъ. Не мнительность въ отношеніи къ намъ служила имъ къ тому поводомъ, а опасеніе, чтобы Французы также не приняли участія въ ихъ дѣлахъ. Вице-адмиралъ Руссенъ грозился имъ, что если они примутъ наше содѣйствіе, то онъ подвигнетъ Ибрагимъ-пашу къ новымъ наступательнымъ движеніямъ. Въ то самое время, какъ у насъ былъ Ахмедъ-паша-муширъ, драгоманъ Порты Вогориди находился у Руссена и получилъ отъ французскаго посла обѣщаніе умѣрить требованія Мегмедъ-Али, если флотъ нашъ возвратится. Стало извѣстно, что въ Тулонѣ вооружалась французская эскадра, готовившаяся отплыть въ Левантъ, и Порта послала немедленно въ Александрію двухъ гонцовъ съ новыми условіями, т. е. съ предложеніемъ уступить Мегмедъ-Али-пашѣ только часть Сиріи.

10-го февраля насъ навѣстили (отъ имени Султана) Сераскиръ и Ахмедъ-паша-ферикъ, съ новыми изъявленіями признательности, за участіе, принимаемое въ дѣлахъ его Государемъ, и съ повтореніемъ просьбы, чтобы эскадра наша отплыла въ Сизополь. Ахмедъ-паша-ферикъ (бывшій послѣ посланникомъ въ Вѣнѣ), по ограниченности своей, хвалился, что они взяли съ французскаго посла письменное обѣщаніе склонить Мегмедъ-Али къ принятію условій, предложенныхъ Султаномъ, если Порта откажется отъ всякаго вспомоществованія другихъ державъ. Ферикъ признавалъ, что обязатель-

ство, данное Руссеномъ, было вынуждено присутствіемъ эскадры нашей въ Босфорѣ и находилъ, что появленіе ея принесло достаточно пользы. Вѣтеръ все дулъ съ сѣвера, эскадра не трогалась.

Гости наши ѣздили осматривать адмиральскій корабль, гдѣ ихъ приняли съ большою почестію. Они хвалились неограниченною преданностію къ намъ, и съ любопытствомъ осматривали всѣ углы корабля, какъ бы повѣряя разнесшіеся слухи, что въ трюмахъ судовъ скрывалось 15 т. солдатъ. Нелѣпый слухъ этотъ повторялся барономъ Мертенсомъ. Когда гостямъ показали устроенный въ кораблѣ иконостасъ, то Сераскиръ, не взирая на всеобщее неуваженіе Мусульманъ къ нашимъ образамъ, поклонился. Онъ сдѣлалъ это въ угожденіе намъ; но вслѣдъ за тѣмъ веселый старикъ обратилъ это въ шутку, подвелъ съ притворною важностію къ образамъ Ферикъ-пашу, котораго онъ хотѣлъ подурачить, и сказалъ ему: «Видишь образа, Ахмедъ-паша! Помолись!» а самъ отошелъ. Султанъ, желая угостить союзниковъ, прислалъ свѣжей провизіи для экипажей, а для офицеровъ вина.

Такъ какъ мой фрегатъ, потерпѣвшій въ морѣ, требовалъ значительной поправки, то я отправилъ его въ Царьградское адмиральтейство, гдѣ его хорошо исправили и безъ всякой платы; а на время починки его я вытребовалъ у Лазарева въ свое распоряженіе другое судно, и мнѣ дали фрегатъ «Архипелагъ».

11-го числа ввечеру мы отправили въ Петербургъ курьера. Я увѣдомлялъ графа Нессельроде о носившихся слухахъ, будто Ибрагимъ-паша послалъ изъ Кютаіэ отрядъ въ Магнезію съ новымъ Мусселимомъ или градоначальникомъ. Слухъ этотъ, впослѣдствіи времени, подтвердился: въ Магнезію точно было послано около пяти сотъ египетскихъ всадниковъ. Хотя Ибрагимъ-паша, связанный приказаніями отца своего, и не подвигался къ Константинополю, однако поискъ его на

Магнезію требовалъ военныхъ предосторожностей. Я не считалъ себя въ правѣ ускорять присылки сухопутныхъ войскъ, почему въ письмѣ своемъ только намекнулъ, съ какою удобностію можно было поразить растянутую египетскую армію и представилъ, что если бы Турки въ то время не были въ совершенномъ разстройствѣ, то они легко могли бы рѣшительнымъ ударомъ на Кютаіэ разбить непріятеля, коего войско потянулось частями отъ самой Коніи. Казалось, что въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій, Ибрагимъ-пашѣ слѣдовало идти къ Дарданелламъ, захватить замки, и не прежде атаковать столицу, какъ по соединеніи со своимъ флотомъ въ Геллеспонтѣ. При неудачѣ онъ имѣлъ отступленіе чрезъ юго-западный уголъ Малой Азіи, гдѣ край еще не былъ истощенъ, и могъ возвратиться оттуда въ Египетъ, изъ Саталіи, моремъ.

12-го числа ввечеру пріѣхалъ курьеръ отъ Киселева, съ отвѣтомъ на бумаги, которыми Бутеневъ увѣдомлялъ полномочнаго предсѣдателя Дивановъ княжествъ Молдавіи и Валахіи, что онъ представилъ въ Петербургъ о просьбѣ Султана — поддержать его вспомогательными войсками съ сухаго пути. Киселевъ, не ожидая повелѣнія изъ Петербурга, немедленно собралъ къ Силистріи всѣ войска, находившіяся въ княжествахъ, состоявшія изъ 6-ти резервныхъ баталіоновъ, 12-ти орудій и 2-хъ казачьихъ полковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ онъ бывшаго командира 6-го (нынѣ 5-го) корпуса генерала Рота, отправить къ нему 25-ю (что̀ нынѣ 14-я) пѣхотную дивизію, которая предварительнымъ высочайшимъ разрѣшеніемъ отдана была, въ случаѣ надобности, въ его распоряженіе. Киселевъ представлялъ Бутеневу необходимость занять немедленно крѣпость Шумлу, и не скрывалъ сильнаго желанія своего начальствовать предполагаемою имъ экспедиціею. Сужденія его были быстры..... Мнѣ извѣстно, что онъ въ то же время просилъ сего назначенія чрезъ графа Нессельроде, обѣщаясь приложить все свое усердіе къ успѣху......

13-го февраля Рейсъ-эффенди письменно увѣдомилъ Бутенева, что французскій посолъ принялъ на себя довершеніе переговоровъ между Турціей и Египтомъ, присовокупивъ, что посолъ былъ извѣщенъ о согласіи нашемъ возвратить эскадру въ Сизополь. Министръ ясно обнаруживалъ участіе вице-адмирала Руссена въ сношеніяхъ нашихъ съ Турціею. Я никогда не видалъ разсудительнаго и скромнаго Бутенева въ такомъ негодованіи, какъ онъ былъ при полученіи сей ноты, ибо сердце его чуждалось вѣроломства и не терпѣло униженія. Бутеневу еще до того непріятно было видѣть измѣнчивую политику Порты, и онъ съ прискорбіемъ за нѣсколько дней согласился на возвращеніе эскадры; но наглость турецкаго правительства, отвергавшаго такимъ образомъ испрошенное пособіе, и возраставшая надменность Французовъ, хвалившихся вліяніемъ, пріобрѣтеннымъ ими въ Портѣ — превышали всякую мѣру терпѣнія. Посланнику нашему предстояло избрать изъ двухъ одно: или слѣдовать буквально повтореннымъ наставленіямъ министерства, предписывающаго отнюдь не навязывать Туркамъ вооруженнаго пособія, или, къ стыду двора нашего, допустить дерзкія разглашенія Французовъ, что они выслали флотъ нашъ изъ Босфора. Личныя правила благородной твердости Бутенева въ семъ затруднительномъ случаѣ восторжествовали. Онъ отвѣчалъ Рейсъ-эффенди, что хотя и не отказывается отъ даннаго обѣщанія возвратить эскадру съ первымъ попутнымъ вѣтромъ, но не принимаетъ ноты, въ которой упоминается объ участіи какого либо посторонняго посланника въ семъ дѣлѣ; что писать о томъ въ оффиціальной бумагѣ неприлично послѣ великодушія, оказаннаго Государемъ, и что призывъ эскадры и возвращеніе ея зависятъ отъ одного Султана. Съ симъ отвѣтомъ онъ приказалъ возвратить ноту къ Рейсъ-эффенди и бросить ее къ нему на софу, еслибъ онъ не хотѣлъ принять ее обратно. Такой рѣшительный поступокъ изумилъ Рейсъ-эффенди, который въ

извиненіе свое отозвался, что нота не имъ сочинена, а написана въ Портѣ, и что въ ней упоминалось о французскомъ послѣ безъ всякаго умысла.

Отважный поступокъ сей сдѣлалъ тогда рѣшительный переворотъ въ дѣлахъ политики. Турки не противорѣчили намъ болѣе, и съ тѣхъ поръ не вмѣшивали подобныхъ обстоятельствъ въ сношеніяхъ своихъ съ нами. Но по скромности Бутенева, блистательный подвигъ его остался безгласенъ, какъ и многія достоинства его, ибо высшее начальство не вникало въ подробности и не умѣло цѣнить этого человѣка надлежащимъ образомъ. Въ общемъ мнѣніи, подвигъ сей также не имѣлъ гласности. Иностранныя газеты не упустили случая по первымъ успѣхамъ Руссена приписать вліянію, имъ пріобрѣтенному въ Портѣ, предположенное, но не сбывшееся возвращеніе эскадры. Наше правительство, къ сожалѣнію, состязаясь съ журналистами, возразило въ № 36-мъ Journal de St. Petersbourg, и старалось доказать сличеніемъ чиселъ, что предположенное возвращеніе эскадры было рѣшено Бутеневымъ по настоянію Порты, безъ содѣйствія вице-адмирала Руссена, имѣвшаго аудіенцію у Султана позже сдѣланнаго требованія о возвращеніи флота. Когда же дѣло обратилось въ нашу пользу, иностранныя газеты замолкли; съ тѣмъ вмѣстѣ и правительство наше, довольствуясь полнымъ успѣхомъ, о которомъ оно еще не знало при первомъ возраженіи своемъ, прекратило всякія объясненія. Такимъ образомъ настоящія причины успѣха остались безгласными. Для меня въ особенности лестно свидѣтельствовать объ истинномъ ходѣ дѣла и раскрыть поступки Бутенева въ семъ важномъ случаѣ.

Въ тотъ же вечеръ былъ у насъ обоихъ порознь вице-адмиралъ Руссенъ съ Вареномъ, но меня дома не застали.

14-го числа по утру прибылъ изъ Одессы отъ графа Воронцова пароходъ «Нева». Графъ увѣдомлялъ, что по первому требованію Султана, сообщенному ему Бутеневымъ, онъ

собралъ до 5 т. человѣкъ пѣхоты и приготовилъ ихъ къ отправленію въ Босфоръ; между тѣмъ просилъ извѣстія о состояніи дѣлъ въ Турціи, чтобы онъ могъ немедленно отправить отрядъ сей на судахъ въ Константинополь, сообразно съ распоряженіями, которыхъ ожидалъ изъ Петербурга.

Въ этотъ же день получено извѣстіе, что Ибрагимъ-паша, пользуясь неудовольствіемъ, изъявленнымъ жителями Смирны на законное правительство, послалъ къ нимъ своего чиновника, съ приказаніемъ вступить въ управленіе городомъ. Смирніоты покорились ему, и вмѣстѣ съ тѣмъ изгнали прежняго Муссельма, поставленнаго надъ ними отъ Султана; послѣ чего всѣ султанскіе чиновники изъ Смирны разъѣхались, а новые поступили на ихъ мѣста. Ожидали также прибытія въ Смирну пятисотъ египетскихъ всадниковъ (вѣроятно тѣхъ, которые появились въ Магнезіи); они однакоже туда не приходили. Всѣ консулы европейскихъ державъ въ Смирнѣ, не признавая другой власти, кромѣ султанской, немедленно сняли флаги свои и прекратили занятія по своимъ обязанностямъ. Это же самое было предписано исполнить нашему консулу Иванову, и сихъ мѣръ было достаточно для водворенія прежняго порядка и законной власти въ Смирнѣ. Торговые люди, составляющіе большую часть населенія сего обширнаго города, терпѣли растройство въ дѣлахъ своихъ чрезъ такой переворотъ. Они взяли верхъ надъ небольшою партіею недовольныхъ, свергнувшихъ султанскаго Муссельма, который опять былъ водворенъ въ прежнія свои права безъ всякаго кровопролитія или какого-либо содѣйствія со стороны Порты. И такъ, покушеніе Ибрагима, не поддержанное войсками, не имѣло въ семъ случаѣ успѣха. Назначенный имъ правитель вскорѣ уклонился, консулы снова подняли свои флаги, и Смирна осталась во владѣніи Султана.

Но обстоятельство это надѣлало большой тревоги. Въ Портѣ очень перепугались и 15-го числа собрали государ-

ственный совѣтъ, на который былъ призванъ вице-адмиралъ Руссенъ. Министры были въ такомъ смущеніи, что Руссену легко было хвастовствомъ своимъ временно достигнуть довѣренности совѣщателей и успокоить ихъ обѣщаніями. Турецкіе министры раздѣлились на двѣ партіи. Противники Сераскира подозрѣвали его въ измѣнѣ и говорили, что Ахмедъ-паша-муширъ долженъ его смѣнить. Безпокойство было всеобщее и выражалось на лицѣ каждаго.

Въ сіи тревожные дни Султанъ потерялся. Онъ не предпринималъ никакихъ мѣръ и по совѣтамъ приближенныхъ съ безпечностію предался надеждамъ на посредничество Руссена, который неосторожно и съ дерзостію хвалился торжествомъ народнаго мнѣнія, имъ поддерживаемаго. Руссенъ дѣйствовалъ по направленію, даваемому ему безпокойнымъ Вареномъ. Онъ, можетъ быть, замышлялъ свержевіе Махмуда II-го съ престола, но вѣрно не имѣлъ на то полномочія отъ своего правительства.

Извѣстіе о возмущеніи въ Смирнѣ отозвалось и въ самомъ Петербургѣ; по полученіи его рѣшили отправить высадныя войска въ Царьградъ. Государь далъ мѣрѣ сей полную гласность, а въ послѣдствіи времени, съ прибытіемъ сухопутныхъ войскъ, объявилъ, что эскадра и войска, посланныя на помощь Султану, по его настоятельной просьбѣ, останутся въ Босфорѣ до тѣхъ поръ, пока Ибрагимъ не очиститъ Малой Азіи, не перейдетъ обратно за Тавръ, и пока Египетскій паша не удовлетворитъ всѣмъ требованіямъ Порты.

Лица, завидовавшія успѣхамъ, коихъ я достигъ въ Египтѣ, воспользовались, какъ я выше упоминалъ, участіемъ, принятымъ Ибрагимъ-пашею въ изгнаніи Смирніотами своего Мусселима. Меня какъ-бы облекли въ отвѣтственность за это частное и безуспѣшное возстаніе, наложили на меня какое-то поручительство за поступки Египетскаго паши и сказали, что онъ обманулъ меня. Такія неосновательныя

сужденія мало заслуживали вниманія, тѣмъ болѣе, что я не переставалъ напоминать имъ объ извѣстномъ вѣроломствѣ Мегмедъ-Али. Но тутъ не остановились. Отринули важность главнѣйшаго—прекращенія военныхъ дѣйствій въ то время какъ въ Царьградѣ не было ни вспомогательныхъ войскъ, ни даже эскадры нашей, когда разбитая турецкая армія по частямъ перебиралась въ Европу и когда столица грозила возстаніемъ противъ Султана, окруженнаго людьми, готовыми предать его. Отринули, что Царьградъ и престолъ Султана спасены выраженіемъ воли Государя, обуздавшей побѣдоносный порывъ Мегмедъ-Али и удержавшей его въ колебаніи до прибытія нашихъ войскъ. Смѣшали обстоятельства, не справились даже по числамъ и отнесли все сіе къ появленію флота нашего въ Босфоръ. Завистники не погнушались затмить могущество словъ Государя въ отдаленномъ краю: и такимъ образомъ, домогательствами ихъ, поблекъ лучшій листокъ вѣнца, пріобрѣтеннаго Россіею въ семъ дѣлѣ.

Ибрагимъ-паша пребывалъ въ Кютаіэ съ четырьмя полками пѣхоты и тремя конницы, не подвигаясь впередъ; но онъ повсюду разсылалъ людей съ порученіемъ возмущать народъ противъ властей, уничтожалъ подати и повинности законному правительству, и понизилъ курсъ ходячей монеты, выдаваемой изъ султанской казны въ цѣнѣ выше своей стоимости.

17-го числа приходилъ къ Бутеневу драгоманъ князь Каллимахи, тотъ самый, о которомъ я выше упоминалъ,— молодой человѣкъ съ нѣкоторымъ образованіемъ и сынъ особы, нѣкогда занимавшей значительное мѣсто при Портѣ. Онъ сообщилъ, по секрету, разныя занимательныя вещи о состояніи дѣлъ. Всѣ чиновники Порты совершенно противились Султану и даже замышляли о сверженіи его. Одинъ только Сераскиръ, хитрѣе прочихъ, не показывалъ себя явно на чьей либо сторонѣ; но, казалось, былъ склоненъ къ принятію покровительства Франціи. Чиновники Порты стара-

лись удалить отъ Султана всѣхъ людей ему преданныхъ, и потому хотѣли склонить его къ отправленію Ахмедъ-паши-мушира въ Петербургъ, съ изъявленіемъ благодарности Государю за участіе, Имъ принимаемое; или въ Египетъ, съ новымъ утвержденіемъ Мегмедъ-Али въ званіи Паши и правителя сей области. Кромѣ того, что обрядъ этотъ исполняется во всей Турціи ежегодно въ отношеніи ко всѣмъ пашамъ, Мегмедъ-Али, при началѣ войны, былъ отрѣшенъ указомъ Султана отъ своей должности, и на мѣсто его былъ назначенъ Гуссейнъ-паша, котораго онъ разбилъ.

Въ началѣ еще вышеописанныхъ обстоятельствъ, я старался открыть, между турецкими сановниками, человѣка, котораго бы могъ воспламенить въ пользу и на защиту правъ своего государя. Ахмедъ-паша-муширъ, который впрочемъ не отличался бойкостію, казался мнѣ привержен[н]ѣе другихъ къ Султану, и я желалъ съ нимъ видѣться наединѣ и у себя. Онъ обѣщался прибыть въ назначенный день, но въ суетахъ не исполнилъ того; однако же онъ навѣстилъ меня 17-го въ вечеру и просидѣлъ очень долго. Онъ, къ удивленію нашему, началъ опроверженіемъ недавно обращенной къ Рейсъ-эффенди ноты и сказалъ, что пребываніе русской эскадры въ Босфорѣ нисколько не было противно желаніямъ Султана; надѣялся, напротивъ того, что вѣтеръ не перемѣнится, т. е., не подуетъ съ юга, и что суда наши не возвратятся въ Сизополь. «Впрочемъ», прибавилъ онъ шутя, «если бы и подулъ вѣтеръ съ Мраморнаго моря, то мы ему «поставимъ преграду противъ Султанскаго дворца въ Чарага-«нѣ, чтобы этотъ вѣтеръ не дошелъ до вашихъ кораблей». Слова его были отголоскомъ мыслей Султана. Когда разговоръ обратился къ военнымъ дѣйствіямъ, Ахмедъ-паша увѣрялъ, что у нихъ оставалось подъ ружьемъ до 40 т. войскъ, съ коими онъ надѣялся еще дать непріятелю отпоръ подъ Царемъградомъ. Я старался убѣдить его, что въ теперешнемъ разстроенномъ состояніи Ибрагима, было бы всего полезнѣе

дѣйствовать наступательно; но онъ не рѣшался на это и хотѣлъ еще дождаться отвѣта изъ египетскаго лагеря черезъ посланнаго туда вице-адмираломъ Руссѣномъ французскаго полковника. Я мало полагался на объявленную имъ численность турецкихъ войскъ, и вскорѣ увидѣлъ, что Муширъ также упалъ духомъ и не оправдывалъ надеждъ моихъ на него. Ожидая извѣстій о десантѣ и почти самаго прибытія войскъ изъ Россіи, я остерегался тѣхъ послѣдствій, которыя могли произойти, если-бъ Турокъ еще разъ разбили; и болѣе не настаивалъ атаковать Египтянъ, но изъявилъ желаніе прежде всего видѣть турецкія войска, которыя онъ обѣщался показать. Я спросилъ однако же Ахмедъ-пашу, какія бы они предприняли мѣры въ случаѣ, если-бъ ихъ разбили подъ самымъ Царемъградомъ?

«Не знаю», отвѣчалъ онъ уныло и съ откровенностью, «я погибну въ бою, а что̀ послѣ меня будетъ, до того мнѣ «дѣла нѣтъ.

— «Но Султанъ будетъ въ опасности?

— «Порта уже приметъ какія-либо мѣры; но прекратимъ «теперь этотъ разговоръ; дня черезъ два я опять у васъ бу- «ду и привезу вамъ на все отвѣты».

Видно было, что Ахмедъ-паша хотѣлъ совѣщаться съ Султаномъ. Бутеневъ объявилъ ему о приказаніи, данномъ нашему консулу въ Смирнѣ опустить флагъ, потому что городъ принялъ начальника отъ Ибрагимъ-паши. Онъ отвѣчалъ, что то же самое было приказано и французскому консулу, пребывающему въ Смирнѣ.

Извѣстія, полученныя въ то время изъ Александріи, были слѣдующія: Ачерби увѣдомлялъ, что Паша вооружался; Россетти писалъ ко мнѣ, что Мегмедъ-Али приказалъ 3 т. человѣкъ, возвращенныхъ было въ Каиръ, немедленно отправить въ Сирію на нанятыхъ греческихъ судахъ, и что во всемъ Египтѣ набиралось вновь 30 т. войска. Паша узналъ только 12-го февраля о томъ, что сынъ его получилъ при-

казаніе остановиться въ Кютаіэ и полагалъ, что приказаніе это достигло бы его въ Бруссѣ, если-бъ тогдашняя суровость зимы не препятствовала движенію войскъ. Россетти увѣдомлялъ также, что Галиль-паша отправился въ Каиръ, гдѣ онъ выбралъ 30-ть жеребцовъ изъ конюшни Мегмедъ-Али, въ подарокъ Султану,— достойное занятіе турецкаго посланника въ тогдашнее время.

18-го числа подулъ наконецъ южный вѣтеръ; но наша эскадра, вопреки всеобщаго чаянія, осталась на своемъ мѣстѣ. Это было рѣшено въ общемъ совѣтѣ нашемъ съ Лазаревымъ. Мы были къ сему побуждены словами Ахмедъ-паши, выражавшими желаніе Султана, для коего суда были присланы. Намъ служила также поводомъ къ тому неизвѣстность, въ какой мы находились о происходившемъ въ Малой Азіи, послѣ занятія Египтянами Магнезіи и смѣщенія Ибрагимъ-пашею султанскаго градоначальника въ Смирнѣ. Отъ турецкаго правительства не получено было никакого напоминанія объ отправленіи эскадры въ Сизополь. Турки присмирѣли; но во французской, англійской и прусской миссіяхъ всѣ были въ чрезвычайномъ волненіи. Распустили слухъ, что эскадра наша въ тоже утро снимется съ якоря и съ различными маневрами отплыветъ обратно. Легковѣрный старый Руссенъ торжествовалъ. Едва проснувшись по утру и узнавъ о перемѣнѣ вѣтра, онъ вышелъ на набережную безъ шляпы, и забывшись, въ восторгѣ своемъ, побѣжалъ съ открытою головою въ англійскую миссію, для объявленія Мандевилю своей радости. Всѣ посланники, пребывавшіе въ Терапіи и Беюгъ-дэре, и жители выбѣжали на берегъ, чтобы насладиться зрѣлищемъ отплывающихъ судовъ. Баронесса и баронъ Мертенсы отправились къ французскому послу. Такъ какъ ожидаемое ими зрѣлище не сбывалось, то баронъ прибѣжалъ запыхавшись къ намъ и спросилъ, въ которомъ часу назначено эскадрѣ сняться съ якоря, сказывая, что уже весь народъ высыпалъ на улицы и къ окошкамъ; но

какъ онъ удивился, когда Бутеневъ, съ свойственнымъ ему хладнокровіемъ, отвѣчалъ короткими словами, что эскадра не возвратится. Мертенсъ былъ пораженъ; онъ замолкъ и удалился. Нѣсколько дней послѣ того я нашелся вынужденнымъ напомнить ему, сколько обращеніе его не соотвѣтствовало правиламъ дружбы и единомыслія, одушевлявшимъ дворы наши.

Происки Турокъ и иностранцевъ на время прекратились. Свыклись съ мыслію видѣть русскій флагъ развѣвающимся въ турецкихъ водахъ, и почти подъ самыми окнами французской и англійской миссій. Мандевиль, однако, который до тѣхъ поръ велъ себя скромно, попытался однажды назвать пребываніе флота въ Босфорѣ вторженіемъ въ турецкія владѣнія; но Бутеневъ съ твердостію остановилъ его.

Въ тотъ же вечеръ отравленъ былъ пароходъ обратно въ Одессу. По общему совѣту, Бутеневъ не просилъ у графа Воронцова присылки войскъ и ограничился объясненіемъ состоянія дѣлъ, чѣмъ и предоставлялъ графу Воронцову поступить по своему усмотрѣнію и по распоряженіямъ, которыя онъ ожидалъ изъ Петербурга. Пароходъ, по дурному устройству, неопытности капитана, или другимъ причинамъ, вышедши въ море, за сильнымъ волненіемъ, не могъ подаваться впередъ, и чрезъ нѣсколько дней возвратился въ Босфоръ. Онъ вторично отправился въ путь съ новыми депешами 26-го февраля.

Бутеневъ, извѣщавшій Киселева объ успѣхѣ моего порученія въ Египтѣ, получилъ отъ него въ отвѣтъ, что онъ относилъ пріостановленіе военныхъ дѣйствій Египтянами ни къ чему иному, какъ къ суровости тогдашней зимы (*).

(*) Впослѣдствіи будетъ видно, какимъ образомъ обстоятельства не благопріятствовали видамъ Киселева, что̀ произвело на него сильное впечатлѣніе. Онъ порицалъ дѣйствія всѣхъ и не щадилъ самого Бутенева, съ коимъ былъ прежде въ хорошихъ сношеніяхъ. Въ 1852-мъ году мнѣ довелось возразить ему, когда онъ излагалъ на счетъ Бутенева пристрастные отзывы.

Были люди, которые старались поддержать эту мысль, и Лазаревъ казался мнѣ въ числѣ соревнователей, ибо онъ не могъ даже скрыть на лицѣ удовольствія своего при первоначальномъ извѣстіи о случившемся въ Смирнѣ. Я однажды нашелся вынужденнымъ объявить, при многихъ криво судившихъ о дѣлахъ, что такіе толки не заслуживаютъ вниманія, и тѣмъ прекратилъ подобныя сужденія въ присутствіи моемъ.

Въ миссію нашу стекались съ разныхъ сторонъ всякія извѣстія; но источники сихъ слуховъ были намъ частію неизвѣстны. Они доходили къ намъ чрезъ драгомановъ, искажавшихъ ихъ по произволу, и почти всегда опаздывали. Не было никакого поручительства, чтобы съ первымъ южнымъ вѣтромъ не показались у Дарданеллъ непріятельскій флотъ или эскадры европейскихъ державъ; корабли ихъ могли явиться на водахъ Босфора съ такою же внезапностію, какъ и наша эскадра туда прибыла.

Въ случаѣ покушенія непріятеля изъ Архипелага на Дарданеллы, нашему флоту должно было вмѣстѣ съ турецкимъ защищать устья Геллеспонта, чтобы не лишиться сего важнаго пункта врасплохъ. Я совѣтовалъ Бутеневу пригласить Лазарева къ отправленію одного легкаго судна за Дарданеллы, поставивъ командиру онаго въ обязанность быть въ сношеніяхъ съ эскадрою вице-адмирала Рикорда, узнавать о происходящемъ на островахъ Архипелага и на твердой землѣ, наблюдать за дѣйствіями иностранныхъ эскадръ, если-бъ онѣ появились, и, не пренебрегая никакими извѣстіями, сообщать ихъ въ миссію всѣми средствами, какія только представятся—сухимъ путемъ, или съ купеческими судами, плывущими въ Царьградъ. Мѣру сію признавалъ я въ то время необходимою; но Бутеневъ, не опровергавшій ея, не вышелъ изъ порядка всегдашняго хода дѣлъ въ миссіи и ничего по сему не сдѣлалъ.

Еще менѣе можно было склонить къ тому Лазарева, хотя это до него болѣе касалось. Лазаревъ сдѣлался извѣстнымъ послѣ Наваринскаго сраженія, гдѣ онъ, командуя адмиральскимъ кораблемъ «Азовомъ», отличался дѣятельностію и храбростію. Онъ имѣлъ достаточное образованіе для морскаго офицера, былъ довольно начитанъ по части морскаго дѣла, путешествовалъ; но въ занятіяхъ своихъ до того времени едва-ли выходилъ изъ границъ званія командира корабля; еще не долгое время былъ начальникомъ штаба Черноморского флота, не обнялъ вполнѣ новой обязанности своей и былъ взыскателенъ только по наружному отправленію морской службы. Онъ чуждался всякихъ сношеній съ Турками, потому что обращеніе ихъ казалось ему дико, и что необычайность такого рода сношеній не соотвѣтствовала тѣмъ служебнымъ занятіямъ, къ коимъ онъ издавна привыкъ. Пребывая въ Босфорѣ, онъ много заботился объ устроеніи судовъ, состоявшихъ подъ его начальствомъ; но за тѣмъ не хотѣлъ или не умѣлъ вникнуть въ обстоятельства того времени, а потому и устранялъ отъ себя всѣ распоряженія, выходившія изъ круга его прямыхъ обязанностей какъ командира эскадры.

Мнѣ удалось только склонить Бутенева къ отправленію въ Бруссу одного лазутчика, который доставилъ намъ нѣкоторыя извѣстія о войскахъ Ибрагимъ-паши. Между тѣмъ мы узнали, что Ибрагимъ, не выходя изъ Кютаіэ, имѣлъ при себѣ пять полковъ пѣхоты, четыре кавалеріи и двадцать четыре орудія. По дорогѣ изъ Коніи находилось у него въ Акъ-Шегерѣ осьмнадцать орудій; въ самой же Коніи почти столько же войскъ, какъ въ Кютаіэ. Въ Сиріи оставалось два или три полка пѣхоты; но говорили, что онъ ожидалъ къ себѣ черезъ Тарсусъ 10 тысячъ войскъ, посланныхъ къ нему отцемъ на подкрѣпленіе *). Въ египетскомъ войскѣ

*) Послѣднее извѣстіе преувеличено, ибо послѣ узнано о прибытіи въ Тарсусъ войскъ только на 30 египетскихъ транспортахъ, которые не могли помѣстить такого количества.

было очень много больныхъ. Мнѣ показалось весьма странно, когда я узналъ, что продовольствіе къ нимъ доставлялось изъ Египта моремъ въ Адану, а оттуда на вьюкахъ въ армію. До меня доходили также слухи, за основательность которыхъ не могу ручаться, что будто закупщики Ибрагима доставляли ему изъ Царяграда муку на судахъ въ заливъ Мунданія Мраморнаго моря, откуда ее отвозили въ египетскую армію сухимъ путемъ. Незадолго передъ тѣмъ Ибрагимъ-паша посылалъ отрядъ, состоявшій изъ 500 всадниковъ, подъ начальствомъ одного Курда, по имени Халидъ-Бея, для поиска въ сѣверныхъ частяхъ Анадоліи. Отрядъ сей доходилъ до Аммасаріэ, что на берегахъ Чернаго моря, и, разгласивъ вездѣ о прекращеніи платежа податей Султану, собиралъ по одному талеру съ души; но Ибрагимъ-паша, узнавши, что Халидъ-Бей безщадно грабилъ жителей, приказалъ ему возвратиться съ отрядомъ и обобралъ у него всѣ деньги. Носились также слухи, нѣсколько вѣроятные, что Ибрагимъ-паша имѣлъ какіе-то собственные виды владычества, независимо отъ отца своего.

Въ послѣднихъ числахъ февраля получены депеши изъ Вѣны. Посланникъ Татищевъ увѣдомлялъ Бутенева, что Талейранъ, по случаю возникшихъ дѣлъ въ Турціи, старался составить союзъ съ Англіею противъ Россіи; но что сей союзъ былъ прерванъ дѣйствіями князя Меттерниха, и что, напротивъ того, Лондонскій кабинетъ отправилъ, по примѣру нашему, въ Александрію полковника Кампбеля съ порученіемъ, подобнымъ моему. Сему же примѣру послѣдовалъ и Австрійскій дворъ, отправивъ въ Александрію подполковника Прокеша. И такъ Руссенъ пока дѣйствовалъ одинъ, неосновательно обѣщая золотыя горы и Турецкому Султану и Египетскому Пашѣ.

25-го февраля я ѣздилъ въ Перу, чтобы видѣться съ Австрійскимъ интернунціемъ. Онъ только-что возвратился отъ прощальной аудіенціи у Султана, по случаю отъѣзда

въ Вѣну; его замѣнялъ баронъ Штюрмеръ. Оттенфельсъ получилъ въ то самое время почту изъ Вѣны и показалъ мнѣ депешу князя Меттерниха, который поручалъ ему сохранять сколь можно болѣе дружественныя сношенія съ нашимъ посланникомъ; Англійскому министру показывать довѣренность соотвѣтственно той искренности, которую онъ самъ явитъ; относительно же Французскаго посла остерегаться, чтобы сношеніями своими не возродить какого-либо соперничества или зависти по дѣламъ Турціи. Какъ вполнѣ не признать основательности сего наставленія, въ коемъ были начертаны всѣ дѣйствія исполнителю и оказана довѣренность, не стѣсняя его частными распоряженіями. Султанъ, желая изъявить Оттенфельсу удовольствіе свое за содѣйствіе, оказанное Австрійскимъ дворомъ въ усмиреніи Босніи, выдачею укрывшихся въ Австріи главныхъ бунтовщиковъ, которыхъ онъ обѣщался пощадить, далъ ему при семъ случаѣ брилліантовый знакъ отличія. Оттенфельсъ отправился на корветѣ своей націи, претерпѣлъ кораблекрушеніе въ Адріатическомъ морѣ, и едва самъ спасся на берегахъ Италіи.

На обратномъ пути изъ Перы, я заѣхалъ къ Ахмедъ-пашѣ-муширу, котораго уже нѣсколько дней не видалъ. Онъ былъ въ большомъ уныніи и сердечно обрадовался моему пріѣзду. Его, какъ и самого Султана, не столько озабочивали внѣшнія дѣла, какъ внутреннія распри и опасенія. Часть вышеописанныхъ извѣстій о египетской арміи была мнѣ сообщена Ахмедъ-пашею. Я старался возбудить въ немъ унывшій духъ, и снова испытывалъ, согласится ли онъ атаковать разстроеннаго непріятеля. Онъ изъявилъ мнѣ готовность погибнуть съ четырьмя гвардейскими полками, находившимися тогда въ его распоряженіи; но сознался въ слабости Турціи и присовокупилъ, что Султанъ боится приступить къ такой мѣрѣ, опасаясь пораженія. Махмудъ не хотѣлъ также лишиться послѣдней надежды, даваемой ему Французами къ сохраненію престола, хотя и мало вѣрилъ

ихъ обѣщаніямъ. Ахмедъ-паша признавался, что Султанъ до сихъ поръ былъ обязанъ удержаніемъ престола великодушнымъ пособіямъ Нашего Государя. Я напомнилъ ему о дѣятельности, съ которою надобно было заботиться о приведеніи войскъ въ порядокъ, о заготовленіи для нихъ продовольствія и повторилъ желаніе видѣть сіи войска, чтобы судить о духѣ и состояніи ихъ. По словамъ его, все у нихъ готовилось и исправлялось; но мнѣ извѣстно было, что въ сущности ничего не дѣлалось. Съ самыми порядочными Турками трудно дѣлать какое-либо дѣло. Когда я напомнилъ о необходимости готовить укрѣпленный лагерь и собрать въ него войска, то получилъ въ отвѣтъ, что объ этомъ давно заботятся и что правительство для того уже заказало сколько-то тысячъ палатокъ.

Въ сей же день, Лазаревъ, по приглашенію начальниковъ турецкихъ морскихъ силъ, искавшихъ случая сблизиться съ нимъ, посѣтилъ, въ сопровожденіи ихъ и многихъ нашихъ флотскихъ офицеровъ монетный дворъ. Султанъ, желая изъявить признательность свою Государю за присылку эскадры, приказалъ въ присутствіи Лазарева выбить золотыя и серебряныя медали въ воспоминаніе сего событія. На одной сторонѣ медали изображался вензель Султана, а на другой турецкій гербъ—луна со звѣздою. Медали сіи тогда же были разосланы, какъ памятникъ, для храненія всѣмъ русскимъ офицерамъ, въ то время находившимся въ Царѣградѣ.—Странное столкновеніе противоположныхъ мыслей и дѣйствій въ турецкомъ правительствѣ, гдѣ на каждомъ шагу видна борьба Порты съ Султаномъ! Въ семъ случаѣ мнимый самодержецъ восторжествовалъ. Онъ не только призвалъ, вопреки общаго мнѣнія, союзниковъ, но даже всенародно ознаменовалъ торжество безславнаго союза—послѣдняго убѣжища своего.

27-го числа я навѣстилъ Англійскаго министра и Французскаго посла. Первый изъ нихъ сказывалъ, что онъ но-

лучилъ отъ Ибрагимъ-паши удовлетворительный отвѣтъ на письмо, посланное къ нему по случаю произшедшаго въ Смирнѣ. Ибрагимъ не принималъ обстоятельства сего на свой счетъ, слагалъ вину на отряднаго начальника, находившагося въ Магнезіи, и говорилъ, что онъ только ожидалъ приказанія отца своего, чтобы возвратиться. Посланный замѣтилъ, что въ Кютаіэ находилось очень мало войскъ.

28-го числа навѣстили меня Французскій посолъ Руссенъ и повѣренный въ дѣлахъ Варенъ.

Готовился для насъ большой обѣдъ у Сераскира. Неизвѣстно мнѣ было, приглашалъ ли онъ на этотъ обѣдъ Ахмедъ-пашу-мушира; только Муширъ подослалъ мнѣ сказать чрезъ повѣреннаго своего драгомана и совѣтника Грека Николаки, Логоѳета Патріархіи, что онъ не пріѣдетъ на обѣдъ, если я именно его не приглашу. Не сомнѣваясь, что ловкій Сераскиръ въ такомъ случаѣ не захочетъ показать личныхъ неудовольствій своихъ на Ахмедъ-пашу, я, въ угожденіе послѣднему, тотчасъ же послалъ къ нему съ адъютантомъ записку, коею звалъ его къ Сераскиру. Адъютантъ возвратился ночью съ письменнымъ отвѣтомъ. Ахмедъ-паша увѣдомлялъ меня, что приглашеніе Сераскира получено имъ почти въ то же время, какъ и моя записка, но что, прежде вскрытія письма Сераскира, онъ поспѣшилъ узнать содержаніе моего посланія. Онъ писалъ, что поѣдетъ къ Сераскиру, чего бы никакъ не сдѣлалъ, еслибъ не получилъ моего приглашенія, и увѣрялъ меня въ чувствахъ безпредѣльной дружбы. Такъ какъ Муширъ извѣстился, что Рейсъ-эффенди хотѣлъ сообщить мнѣ свѣдѣнія, полученныя изъ Смирны, то онъ поспѣшилъ предупредить его и увѣдомилъ меня о доставленныхъ въ правительство отъ Смирнскаго градоначальника Тагиръ-Бея извѣстіяхъ, заключающихся, слово отъ слово, въ слѣдующемъ: Мансури-Заде-Эминъ-Ага, съ 800 неблагонамѣренныхъ людей, потребовалъ сдачи оружія у отряда регулярныхъ войскъ, находившихся въ Смирнѣ. Султанскія

войска отказались отъ исполненія, а градоначальникъ Тагиръ-Бей предложилъ европейскимъ консуламъ изгнать непріятеля изъ Смирны, или перевести войска, безъ всякаго урона, въ другое мѣсто. Консулы, согласившись съ жителями, заставили мятежнаго начальника уступить и остаться безвыходно у себя, не мѣшаясь въ дѣла; послѣ чего онъ покорился безъ сопротивленія, и чрезъ нѣсколько дней отступилъ въ Магнезію съ 60 человѣками своей шайки *). Ахмедъ-паша оканчивалъ письмо изъявленіемъ благодарности за оказанныя Туркамъ услуги.

1-го марта, Бутеневъ и Лазаревъ поѣхали со мною къ Сераскиру въ загородный домъ его на обѣдъ, къ которому также были приглашены старшіе изъ чиновниковъ, при насъ находившихся. Главнѣйшія лица изъ Турокъ были оба Ахмедъ-паши. Обѣдъ былъ изготовленъ по европейскому обычаю и отлично хорошій; самъ хозяинъ былъ очень привѣтливъ, и подъ конецъ нѣсколько подпилъ, отъ чего онъ сдѣлался еще веселѣе и любезнѣе. Ахмедъ-паша-муширъ не могъ скрыть негодованія своего и вражды къ старику. Это было замѣтно во всѣхъ его пріемахъ,—ко мнѣ же онъ обращался съ необыкновенною дружбою, почему я и счелъ себя въ правѣ замѣтить ему, сколько въ тогдашнихъ обстоятельствахъ надобно было стараться изгладить взаимныя неудовольствія, между ними поселившіяся. На другой день, мы, къ удивленію, получили три бриліантовыя табакерки, посланныя отъ Сераскира, при трехъ особыхъ письмахъ, коими онъ просилъ насъ принять подарки сіи въ знакъ дружбы; меня же въ особенности просилъ онъ сохранить подарокъ этотъ въ воспоминаніе стараго служиваго, принимающаго истинное участіе въ славѣ и благополучіи моемъ. Съ

*) Прилагаю это объясненіе, чтобы показать образчикъ толка, существующаго у Турокъ въ дѣлахъ. Неясность понятій, изложенныхъ въ семъ объясненіи, для нихъ удовлетворительна; и за симъ они оставляютъ дѣло, какъ конченное, не заботясь о дальнѣйшемъ.

тѣмъ же посланнымъ, мы отправили къ нему табакерки назадъ, при своихъ письмахъ. Я отвѣчалъ Сераскиру, что для воспоминанія о немъ и его дружескомъ расположеніи мнѣ достаточно было одного письма его, и что между военными людьми излишне было поддерживать такія воспоминанія драгоцѣнностями. Каждый изъ насъ отвѣчалъ въ такомъ же родѣ. Сераскиръ сначала обидѣлся отказомъ, но послѣ о томъ не было и помина, по крайней мѣрѣ въ рѣчахъ.

1-го же марта пришла изъ Петербурга почта. Графъ Нессельроде отвѣчалъ Бутеневу на бумаги, писанныя имъ во время пребыванія моего въ Египтѣ, когда происки Французскаго повѣреннаго Варена превозмогали еще при Турецкомъ дворѣ старанія нашего посланника. Изъ отзывовъ Нессельроде мнѣ казалось, что правительство, видя вліяніе Французовъ, нѣсколько измѣняло твердости, показанной въ началѣ. По полученіи отъ нашего посланника въ Англіи, князя Ливена, первыхъ извѣстій о новомъ союзѣ, устроивавшемся между Англіею и Франціею противъ Россіи, министерство не дождалось послѣдующихъ извѣстій, до насъ уже дошедшихъ объ отверженіи Англіею сего союза, и немедленно поручило послу нашему въ Парижѣ, графу Поццо-ди-Борго, сообщить Французскому правительству, что мы нисколько не будемъ противиться стараніямъ его о возстановленіи мира въ Турціи.

Неожиданный переворотъ въ политикѣ нашей относительно Турецкой Имперіи, безъ сомнѣнія, возрождалъ безпокойствія въ кабинетахъ европейскихъ державъ. Всѣ предвидѣли, что налагаемая нами на Махмуда опека должна кончиться порабощеніемъ дѣйствій его въ пользу Россіи: мы распространяли вліяніе свое — безъ кровопролитія, и овладѣвали проливами — безъ побѣды. Не мы, а нейтральная держава — Турція — охраняла для насъ доступъ къ Черному морю, подъ благовиднымъ предлогомъ охраненія своей собственной столицы. Послѣдствіемъ такого союза съ Турціею

было бы непосредственное господствованіе Россіи въ Черномъ морѣ, и неотъемлемая возможность вторгнуться внезапно въ Средиземное море съ большими морскими силами. Мы становились грозными соперниками для Англичанъ по торговлѣ ихъ въ Азіи. Лучшіе пути ихъ: Дунай, Трапезунтъ, исключительно переходили въ распоряженіе наше. Такія ощутительныя выгоды возбуждали соревнованіе иностранныхъ державъ, и по первой огласкѣ намѣреній Государя обязать Султана спасеніемъ престола его, онѣ захотѣли принять участіе въ семъ дѣлѣ, чтобъ оспорить намъ выгоды, сопряженныя съ упадкомъ ихъ торговли и нарушеніемъ спокойствія.

Предпринявъ однажды такой рѣшительный переворотъ въ дѣлахъ Европы, должно ли было съ нашей стороны такъ легко допускать товарищество иностранныхъ державъ, какъ это видно изъ депеши министерства къ графу Поццо-ди-Борго? Еслибъ министерство наше лучше размыслило обстоятельства, оно бы убѣдилось, что всякое участіе Франціи было неразлучно съ непріязненными дѣйствіями противъ насъ, какъ то и показалъ Руссенъ, требовавшій удаленія флота нашего изъ Босфора. Государь исключительно родилъ мысль о поддержаніи Турціи. Россіи одной принадлежало право довершить дѣло сіе. Предпріятіе было громкое, славное для постигшаго важность его; но сему не соотвѣтствовали мутныя дѣйствіями министерства, не дававшаго ходу сего дѣла послѣдовательности, не развившаго первоначальной мысли Изобрѣтателя.

Конечно, нельзя было воспрепятствовать иностраннымъ дворамъ предложенія запоздалыхъ услугъ своихъ Султану; но должно было съ опредѣлительностію начертать себѣ планъ дѣйствій, и одно изъ двухъ: либо рѣшительно избѣгать всякаго столкновенія съ иностранцами, какъ то сдѣлалъ Бутеневъ, отвергшій участіе Руссена въ нашихъ дѣлахъ, когда онъ требовалъ удаленія флота нашего изъ Босфора —

либо, соображаясь съ обстоятельствами, сказать, какъ я объявилъ въ Египтѣ, когда мнѣ дали замѣтить наклонность Порты на сторону Французовъ, что мы никакъ не думаемъ препятствовать участію ихъ въ рѣшеніи частныхъ условій для заключенія мира или споровъ о размежеваніи границъ между воюющими, когда уже достигли главнаго — прекращенія военныхъ дѣйствій; но ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало подвизать усилій иностранцевъ въ дѣлѣ, къ коему они сами еще не знали какъ приступить.

Однако ошибочныя дѣйствія министерства нашего были вскорѣ покрыты прибытіемъ нашихъ войскъ, да и самъ Руссенъ не воспользовался отверзтымъ для него поприщемъ, какъ далѣе будетъ видно.

2-го марта Бутеневъ получилъ донесеніе отъ нашего консульскаго агента въ Родосѣ, что полковникъ Дюгамель, по прибытіи въ Тарсусъ, сѣлъ на купеческое судно для возвращенія въ Царьградъ, и, заболѣвъ на пути сильною лихорадкою, вышелъ на берегъ въ Родосѣ.

Въ то время существовалъ между турецкими войсками гриппъ, оказавшійся въ Россіи и другихъ частяхъ Европы. Скоротечная болѣзнь сія появилась на нашемъ флотѣ; она не имѣла гибельныхъ послѣдствій, не была продолжительна, но наполняла временно госпитали большимъ числомъ больныхъ.

3-го марта получено мною чрезъ Одессу повелѣніе военнаго министерства отъ 14-го февраля, коимъ оно увѣдомляло о движеніи войскъ сухимъ путемъ и моремъ въ Турцію. Распоряженіе сіе было сдѣлано въ слѣдствіе перваго требованія Портою вспомогательныхъ войскъ, когда я еще былъ въ Александріи; оно заключалось въ слѣдующемъ.

Назначалось на первый случай, кромѣ Черноморскаго флота, два сухопутныхъ отряда: одинъ для высадки въ Босфорѣ, а другой, какъ сказано было въ повелѣніи, для подкрѣпленія способовъ обороны со стороны Константинополя.

Первый изъ сихъ отрядовъ поручался главному моему начальству и состоялъ изъ 2-й и 3-й бригадъ 26-й пѣхотной дивизіи, съ ихъ артеллеріею; изъ одной роты 6-го саперннаго баталіона, ста казаковъ и разныхъ командъ, какъ-то: парочной, военнорабочей роты и госпитальной прислуги, съ другими принадлежностями, необходимыми при отрядѣ. Перевозка всего отряда имѣла произвестись на судахъ Черноморскаго флота при помощи вольнонаемныхъ судовъ, коихъ зафрактованіе было возложено на графа Воронцова, какъ равно отправленіе войскъ и снабженіе ихъ продовольствіемъ.

Отрядъ этотъ долженъ былъ еще отправиться на давноприбывшей эскадрѣ контръ-адмирала Лазарева; но остался по донесенію, полученному въ Петербургѣ, что эскадра сія не могла принять сухопутныхъ десантныхъ войскъ *). Между тѣмъ усугублялись дѣятельныя мѣры къ посаженію войскъ на суда. Предполагалось отправить ихъ въ двухъ отдѣленіяхъ: первое имѣло поступить на суда второй эскадры Черноморскаго флота, готовой уже къ отплытію, подъ начальствомъ контръ-адмирала Кумани; а послѣднее на третію эскадру, изготовляемую къ 15-му марта.

Въ составъ перваго отдѣленія десантнаго отряда входила 3-я бригада 26-й пѣхотной дивизіи; въ составъ же другаго— 2-я бригада; при каждой изъ сихъ бригадъ полагалось по одной ротѣ легкой артиллеріи. Съ первымъ отдѣленіемъ слѣдовалъ бригадный командиръ, генералъ-маіоръ Унгебауеръ, а со вторымъ самъ начальникъ дивизіи, генералъ-лейтенантъ Отрощенко.

Государь, не входя въ подробное опредѣленіе дѣйствій, предстоявшихъ отряду на берегахъ пролива, предоставлялъ ихъ моему усмотрѣнію, по мѣрѣ обстоятельствъ; но поставлялъ мнѣ главнѣйшею цѣлію охраненіе Константинопольскаго пролива въ содѣйствіе турецкимъ войскамъ, и защиту столицы Султана, еслибъ она подверглась опасности.

---

*) Причины этой невозможности не были объяснены, и непонятны.

Сей отрядъ снабженъ былъ ограниченнымъ числомъ обоза и не имѣлъ большихъ средствъ къ движенію, котораго и не предполагали; но въ случаѣ непредвидимой надобности по сему предмету, какъ и въ деньгахъ, предоставлялось мнѣ относиться о томъ къ графу Воронцову.

Сухопутный отрядъ, назначенный содѣйствовать къ оборонѣ Константинополя долженъ былъ состоять: изъ сводной бригады 17-й пѣхотной дивизіи, 25-й пѣхотной и части 4-й уланской дивизіи, съ принадлежавшею къ симъ войскамъ артиллеріею, въ осьми орудійномъ составѣ, трехъ ротъ саперъ и нѣсколькихъ казачьихъ полковъ. Отрядъ сей долженъ былъ быстро сосредоточиться въ окрестностяхъ Силистріи и около 20-го марта выступить за Дунай, подъ предводительствомъ генералъ-адъютанта Киселева. Онъ долженъ былъ направиться по западной части Булгаріи, менѣе раззоренной послѣ прошедшей войны, чрезъ Шумлу и Кирклисы, и прибыть къ Константинополю въ 32 дня, въ томъ предположеніи, что Порта будетъ къ тому содѣйствовать, и что на пути не встрѣтится никакого препятствія въ продовольствіи. Для обезпеченія сего марша, до открытія сообщенія съ флотомъ на берегу пролива, признавалось необходимымъ занять крѣпости Рущукъ и Шумлу, но не иначе, какъ съ согласія Порты. Посланнику нашему поручалось войдти съ нею по сему предмету въ сношеніе, и по достиженіи согласія Порты хотѣли для занятія сихъ крѣпостей отдѣлить войско отъ 24-й пѣхотной дивизіи, чтобы не ослабить дѣйствующаго отряда, и потому дивизія сія имѣла расположиться на квартирахъ въ Княжествахъ.

Симъ ограничивались на первый случай распоряженія о подкрѣпленіи Порты вспомогательными войсками. Но если бы стеченіе обстоятельствъ въ послѣдствіи потребовало со стороны Россіи больше усиленія въ томъ краю вооруженныхъ ея способовъ, то дальнѣйшее движеніе войскъ предполагалось береговою дорогою черезъ Варну и Бургасъ. Въ

такомъ случаѣ располагали занять предварительно Сизополь особымъ отрядомъ, имѣющимъ отправиться туда моремъ изъ Одессы.

По соединеніи десантнаго отряда съ сухопутнымъ, генералъ-адъютантъ Киселевъ принималъ главное начальство надъ всѣми войсками, и я поступалъ въ команду его. До того же времени, я обязанъ былъ посылать донесенія свои прямо къ военному министру, а Киселеву только для свѣдѣнія.

Къ сему повелѣнію прилагались подробныя свѣдѣнія о силѣ десантнаго отряда и отправленныхъ съ нимъ тяжестяхъ. Два изъ нихъ прилагаю въ концѣ книги въ копіи, подъ буквами О и Р. Все отправленіе было сдѣлано обстоятельно и въ такой степени удовлетворительности, что во все время пребыванія моего съ войсками на Босфорѣ, мнѣ не довелось почти ни о чемъ просить военнаго министра и графа Воронцова.

Вмѣстѣ съ этимъ предписаніемъ получилъ я отъ военнаго министра другое отъ 17-го февраля, писанное въ слѣдствіе первыхъ депешъ моихъ, посланныхъ по возвращеніи изъ Египта. Въ новомъ повелѣніи, основанномъ на извѣстіи о прекращеніи военныхъ дѣйствій со стороны Египтянъ, Государь (въ ожиданіи дальнѣйшихъ положительныхъ донесеній о дѣйствительномъ исполненіи обѣщанія Мегмедъ-Али) признавалъ возможнымъ пріостановиться исполненіемъ нѣкоторыхъ распоряженій къ образованію вспомогательныхъ отрядовъ, не прекращая впрочемъ приготовленія сихъ отр довъ къ выступленію, еслибъ надобность того востребовала.

И потому приказано было 25-й пѣхотной дивизіи слѣдовать въ Княжества и расположиться по усмотрѣнію генералъ-адъютанта Киселева; 24-й пѣхотной и 4-й уланской дивизіямъ не переходить за Прутъ до дальнѣйшихъ повелѣній; 3-ей же бригадѣ 26-й дивизіи плыть въ Константино-

полъ по сдѣланному уже назначенію, а отправленіе 2-й бригады той же дивизіи моремъ пріостановить, въ ожиданіи дальнѣйшихъ извѣстій изъ Константинополя.

Распоряженія сіи сохранялись еще нами въ тайнѣ, когда Рейсъ-эффенди пригласилъ насъ трехъ на совѣщаніе, въ намѣреніи объявить намъ о желаніи Султана, чтобы флотъ нашъ возвратился, на что онъ имѣлъ, какъ мы послѣ узнали, отъ Султана письменное повелѣніе, вынужденное настояніями вице-адмирала Руссена. Рейсъ-эффенди сообщилъ намъ это, но безъ твердости и не показывалъ настойчивости послѣ возраженій, по сему случаю однажды уже сдѣланныхъ Бутеневымъ. На сей разъ Бутеневъ не обратилъ большаго вниманія на слова турецкаго министра и отвѣчалъ, что по измѣнившимся обстоятельствамъ онъ находилъ нужнымъ ожидать подобнаго требованія отъ Султана вторично, что впрочемъ южный вѣтеръ еще не устанавливался постояннымъ образомъ. Рейсъ-эффенди возразилъ, что флотъ мало могъ сдѣлать препятствія Ибрагиму, еслибъ онъ пришелъ въ Скутари. Въ намѣреніи опровергнуть сужденія его на счетъ отказа въ вспомогательныхъ войскахъ, собственными же его словами, я спросилъ: какими бы онъ войсками располагалъ защитить столицу; и когда онъ, не зная еще объ ожидаемомъ нами десантѣ, отвѣчалъ, что на это нужны сухопутныя войска, то Бутеневъ объявилъ ему о скоромъ прибытіи ихъ, чѣмъ и прекратилось наше засѣданіе. Рейсъ-эффенди замолчалъ, ибо онъ не могъ ничего сказать безъ предварительнаго совѣщанія съ Портою.

Въ предупрежденіе, чтобы слухъ объ ожидаемомъ десантѣ не распространился черезъ Турокъ, я отъ Рейсъ-эффенди немедленно поѣхалъ къ Сераскиру и объявилъ ему эту новость. Умный старецъ тотчасъ смекнулъ, что уже поздно было бороться противъ такихъ усиленныхъ мѣръ дружбы и скрылъ свое удивленіе. Онъ скоро свыкся съ этою мыслію, сталъ выражать въ самыхъ признательныхъ словахъ благодарность,

которою Султанъ обязанъ великодушію Государя, и тутъ же принялъ на себя долгъ отклонить всѣ клеветы и порицанія, которыя по сему случаю, вѣроятно, будутъ распространять неблагонамѣренные люди.

Сераскиръ самъ предложилъ отвести лагерное мѣсто, показывалъ большую заботливость для помѣщенія госпиталя, хотѣлъ принять на себя попеченіе о больныхъ, и даже переѣхалъ на нѣсколько дней въ Терапію, чтобы лично взять мѣры къ успокоенію войскъ и обезпеченію продовольствія ихъ; но я отказался отъ всѣхъ даровыхъ пособій и просилъ только доставленія въ продажу скота на порціи, что̀ онъ и обѣщался сдѣлать.

Сераскиръ не упоминалъ ни слова на счетъ обратнаго отплытія эскадры; напротивъ того, показывалъ себя ободреннымъ и увѣрялъ, что онъ даже послалъ двухъ гонцовъ въ Египетъ къ Галиль-пашѣ съ приказаніемъ объявить Мегмедъ-Али, что если онъ не согласится на условія, предложенныя Султаномъ, то не долженъ болѣе никогда надѣяться на миръ; что уже въ нѣсколькихъ городахъ и областяхъ Анадоліи жители изгнали правителей, присланныхъ Ибрагимомъ; наконецъ, что, при возобновленіи военныхъ дѣйствій, турецкія войска еще покажутъ доблесть свою.

Послѣ Сераскира я навѣстилъ Ахмедъ-пашу-мушира. Онъ былъ у Султана, и тотчасъ вышелъ ко мнѣ. Рѣчи его, къ удивленію моему, совершенно перемѣнились. Онъ нѣсколько разъ настоятельно просилъ о возвращеніи эскадры въ Сизополь, говоря, что симъ довершатся благодѣянія, оказываемыя Султану Государемъ, и что къ такой просьбѣ побуждались они извѣстными мнѣ угнѣтеніями, подъ коими находились, разумѣя подъ этимъ настоянія Французскаго посла. Возраженія мои только служили къ обнаруженію ихъ робости. Онъ сталъ опять извиняться въ требованіяхъ своихъ, говорилъ, что эскадра конечно не могла отплыть потому, что южный вѣтеръ еще не установился, и что отплытіе эскадры не въ

Сизополь, а въ Севастополь было бы пагубно для Турецкой Имперіи. Когда же онъ услышалъ отъ меня объ ожидаемомъ десантѣ,—при чемъ отправленіе эскадры было бы мѣрою неосновательною. — то принялъ новую вѣсть весьма хорошо и началъ разсуждать о лагерномъ мѣстѣ, которое выберется для войскъ; однако все упоминалъ о возможности возвратить эскадру. Изъ поступковъ Рейсъ-эффенди и Ахмедъ-паши видно было, что они еще желали угодить Руссену; но не смѣли, послѣ даннаго урока Бутеневымъ, упоминать его имени. Новыя попытки ихъ удалить флотъ были ненастоятельны. Странная противоположность въ рѣчахъ Мушира, требовавшаго возвращенія флота и соглашавшагося на прибытіе сухопутныхъ войскъ, давала поводъ думать, что онъ искалъ только буквальнымъ исполненіемъ требованій Французскаго посла оправдать дѣйствія своего правительства, никоимъ образомъ не отвергавшаго нашего пособія.

Находя однако же, что Ахмедъ-паша былъ равнодушнѣе обыкновеннаго, я похвалилъ предупредительность Сераскира къ ожидаемому войску. Это возбудило въ немъ соревнованіе, и онъ отвѣчалъ, что сдѣлаетъ въ пользу войскъ еще болѣе, чѣмъ Сераскиръ. Странны были сношенія между сими двумя сановниками; взаимная зависть ихъ послужила намъ въ пользу.

5-го и 6-го чиселъ не получено никакого оффиціальнаго отвѣта отъ Турецкаго правительства на счетъ объявленнаго скораго прибытія десантныхъ войскъ. Первое извѣстіе о расположеніи Султана и сановниковъ его по сему случаю частнымъ образомъ доставлено Бутеневу княземъ Калимахи, который увѣрялъ, что всѣ единогласно рѣшились принять со всевозможною предупредительностію ожидаемыя войска, и что извѣстіе это болѣе радовало всѣхъ, чѣмъ тревожило.

Въ теченіи этого времени, Бутеневъ былъ у Французскаго посла, и, объявивъ ему объ ожидаемомъ прибытіи десанта, выставилъ безкорыстіе, сопровождавшее дѣйствія Государя.

Вице-адмиралъ Руссенъ былъ очень разсудителенъ въ семъ случаѣ и, въ особенности, доволенъ, когда узналъ, что наше министерство сообщило Французскому двору о видахъ нашихъ. Онъ также навѣстилъ Бутенева. Замѣтно было, что первый порывъ его, возбужденный происками Варена, ослабѣлъ. Рѣчи его были скромны. Такая внезапная перемѣна въ поведеніи Руссена послѣ бури, поднятой имъ при дворѣ Султана и въ дипломатическомъ корпусѣ всѣхъ державъ въ Царѣградѣ, происходила, безъ сомнѣнія, отъ утраты всеобщаго довѣрія къ нему въ Турціи и Египтѣ—послѣдствіе неискреннихъ и неосновательныхъ поступковъ его. Руссенъ дѣйствовалъ произвольно и, повидимому, сверхъ наставленій, данныхъ ему Французскимъ дворомъ, избѣгавшимъ явной распри съ нами. Ослабленіе въ рѣчахъ его было отпечаткомъ упадка духа его, и онъ уже былъ внутренно убѣжденъ или предчувствовалъ тѣ неминуемыя, непріятныя послѣдствія, которыя онъ самъ навлекъ своею необдуманностію. Французскій посолъ ежедневно видѣлъ изъ оконъ своего дома развѣвавшійся флагъ Россійскій на судахъ нашихъ; онъ свыкся съ мыслію о пребываніи эскадры въ Босфорѣ и, покоряясь обстоятельствамъ, не дичился уже извѣстія о прибытіи сухопутныхъ войскъ; онъ хвалился даже имѣвшимся у него въ петлицѣ орденомъ св. Владиміра 4-й степени, полученнымъ имъ еще въ званіи капитана судна за отвозъ нашихъ раненыхъ изъ Франціи въ Ригу, послѣ Парижскаго мира 1814 года. Мы не знали вполнѣ хода дѣйствій его; но какъ-то предчувствовалось тогда, что вліяніе его скоро должно упасть, и что онъ скоро сдѣлается безгласнымъ лицемъ въ важныхъ обстоятельствахъ того времени.

8-го числа баронъ Штюрмеръ, жившій въ Перѣ, пріѣзжалъ къ намъ и показывалъ списки съ наставленій, данныхъ отправленнымъ въ Египетъ: Англійскому полковнику Кампбелю и Австрійскому подполковнику Прокешу. Оба должны были изъявить Мегмедъ-Али-пашѣ неудовольствіе дворовъ

за возмущеніе его противъ Султана; но ни въ той, ни въ другой инструкціи незамѣтно было угрозъ,—ограничивались одними убѣжденіями и совѣтами.

9-го числа я ѣздилъ въ Терапію. Во время пути моего, внезапно поднялся сильный южный вѣтеръ, необыкновенно теплый, который продолжался не болѣе получаса, и въ ту минуту, какъ я садился въ лодку, чтобы плыть обратно, задулъ вдругъ сильный, порывистый, сѣверный вѣтеръ съ проливнымъ дождемъ. Вмигъ поднялись по Босфору высокія, пѣнистыя волны, и сдѣлалась сильная буря, продолжавшаяся болѣе часа. Гребное судно мое неминуемо бы опрокинулось, еслибъ оно не пристало къ берегу. Я укрылся въ домѣ одного армянскаго банкира, пригласившаго меня къ себѣ; секретарь Англійской миссіи Кенеди вызвалъ меня оттуда и отвелъ къ возлѣ жившему англійскому купцу Грину, гдѣ я остался, пока не прошла буря. Выйдя оттуда, я былъ вторично приглашенъ Армяниномъ, желавшимъ непремѣнно угостить меня, и провелъ у него съ полчаса. Это знакомство впослѣдствіи послужило мнѣ нѣсколько въ пользу, ибо Армяне, съ коими Турки не находятся въ такихъ дурныхъ сношеніяхъ какъ съ Греками, имѣютъ болѣе средствъ узнавать о происходящемъ между ними. Я возвратился въ Беюгъ-дэре, гдѣ всѣ были удивлены такою нечаянною бурею; полагали, что въ то самое время было землетрясеніе, и многіе даже говорили, что ощутили его.

10-го числа Бутеневъ получилъ отъ Вогориди копію съ донесенія, представленнаго Сераскиру Французомъ, котораго онъ посылалъ въ Александрію. Прежде того, мы не знали объ этомъ новомъ посольствѣ и не могли полагать, чтобы Турки избрали для такого порученія иностранца. Насъ еще болѣе удивило, когда мы узнали, что возвратившійся посланникъ занимался у Блака редакціею Турецкой газеты. Редакторъ описывалъ разговоры свои съ Мегметъ-Али-пашею, коего рѣчи все были тѣ же самыя, какъ и прежде. Онъ все

твердилъ о желаніи примириться, а между тѣмъ продолжалъ вооружаться. Отвѣты Паши нисколько не могли быть успокоительны для Султана, и хотя Ибрагимъ не трогался изъ Кютаіэ, однако ежедневно можно было ожидать движенія его къ столицѣ.

11-го числа Сараскиръ пригласилъ меня къ себѣ, чтобы принять совокупныя мѣры по случаю ожидаемаго прибытія войскъ. Никогда онъ не показывалъ столько благонамѣренности, какъ въ этотъ день: онъ предлагалъ всевозможныя услуги, хотѣлъ снабдить войско квартирами или палатками; артиллерію, конницу и офицеровъ—лошадьми; обѣщался доставить продовольствіе и подводы, на случай движенія, не только заботился о снабженіи госпиталей, но даже хотѣлъ дать снарядовъ для артиллеріи. Я сказалъ ему, что ожидаемыя войска имѣютъ при себѣ всѣ нужныя принадлежности, но умолчалъ о продовольственной части, ибо находилъ, что хлѣба никогда не можетъ быть въ избыткѣ; впрочемъ я за все предложилъ уплату. Сераскиръ, въ порывѣ усердія, обѣщался не щадить ни трудовъ, ни преклонныхъ лѣтъ своихъ для вспомоществованія войскамъ, которыя, въ качествѣ защитниковъ Султана, имѣли полное право на признательность и попеченія его.

Сераскиръ нѣсколько разъ спрашивалъ, прибудетъ ли съ войскомъ конница; и когда онъ узналъ, что ожидается только сто казаковъ, то представилъ о необходимости имѣть отъ двухъ до трехъ сотъ всадниковъ, для разъѣздовъ. Я изъявилъ ему надежду, что онъ въ такомъ случаѣ снабдитъ насъ турецкою конницею и спросилъ, почему онъ такъ настаиваетъ на этотъ предметъ.

«Мы, безъ сомнѣнія, дадимъ вамъ конницы, сколько нужно», отвѣчалъ Сераскиръ. «Я предупреждалъ васъ только «на счетъ разъѣздовъ, какъ о необходимости въ теперешнихъ обстоятельствахъ. Но думаю, что Ибрагимъ имѣлъ «рѣшительное намѣреніе идти къ Царюграду; но вотъ уже

«сколько времени прошло, какъ Французскій посолъ отпра«вилъ нарочнаго своего въ Александрію и тщетно обѣщаетъ «понудить Мегметъ-Али къ принятію предложенныхъ нами ус«ловій. Еслибъ сношенія его съ Египтомъ не были сомни«тельны, то Ибрагимъ-паша вѣрно получилъ бы о сю пору «отъ отца своего приказаніе отступить; по крайней мѣрѣ, «слухи о томъ дошли бы уже до насъ; однакожъ ничего по«добнаго не сбывается, и мы не знаемъ, какъ заключить объ «участіи Французовъ въ дѣлахъ нашихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что «искренніе друзья, или враги Султана, окажутся съ той ми«нуты, какъ Египтяне станутъ приближаться къ Царюграду.»

Казалось, что Сераскиръ былъ не безъ опасенія на счетъ народнаго духа въ столицѣ. Мысль эта еще болѣе подтвердилась во мнѣ, когда онъ сказалъ, что часть флота ихъ возвратилась изъ Геллеспонта, и что противъ самаго дворца Чарагана сталъ на якорѣ большой корабль Махмудіэ, который Султанъ въ тотъ же день хотѣлъ лично осмотрѣть. Слова эти были сказаны съ такимъ видомъ, какъ бы Султанъ намѣревался имѣть подъ рукою средство для спасенія себя въ случаѣ крайности. Я не требовалъ дальнѣйшихъ объясненій.

Разсуждая объ избраніи лагернаго мѣста, Сераскиръ предлагалъ расположить войска по европейскому берегу Босфора въ долинѣ Беюгъ-дэре *), съ тѣмъ, чтобы съ наступленіемъ знойнаго времени перевести ихъ на высоты Терапіи. Я возразилъ, что Царьградъ нельзя защищать съ европейскаго берега, ибо, при общемъ негодованіи народа, столица будетъ покорена однимъ появленіемъ Ибрагимъ-паши близь Скутари; и потому не надобно было допускать Египтянъ до сего мѣста, а расположить лагерь на азійскомъ берегу, что го-

*) Долина сія, въ которой располагались крестоносцы, памятна еще тѣмъ, что въ 1799-мъ году стоялъ на ней лагеремъ С.-Петербургскій гренадерскій полкъ генерала Бахметьева. Полкъ сей былъ въ числѣ десантныхъ войскъ, ходившихъ тогда въ Средиземное море, на судахъ адмирала Ушакова.

раздо болѣе соотвѣтствовало цѣли экспедиціи. Онъ съ радостію принялъ эту мысль и просилъ меня, для избранія лагернаго мѣста, объѣхать восточные берега Босфора съ любимцемъ его Мегмедъ-пашею [1]). Я отвѣчалъ, что спѣшить не для чего, ибо чрезъ приходящія купеческія суда не имѣлось еще извѣстія о прибытіи изъ Севастополя второй эскадры въ Одессу, гдѣ войска должны были на суда сѣсть. Желая испытать мнѣніе Сераскира на случай, еслибъ отмѣнилось прибытіе войскъ, я присовокупилъ, что по прежнимъ отказамъ турецкаго правительства еще легко могла случиться перемѣна въ распоряженіяхъ, по коимъ бы и вовсе не прислали десанта. «Съ помощію Божіею» (Иншъ-Аллахъ), отвѣчалъ онъ, «мы надѣемся, что не только первыя пять «тысячъ, даже и всѣ десять тысячъ прибудутъ, и въ самое «нужное время; мы тогда вмѣстѣ покажемся Ибрагиму. Я «самъ думаю въ скоромъ времени вывести наши войска въ «лагерь и расположить султанскую гвардію близь Давудъ-«Паши» [2]) Не взирая на рѣчи, Сераскиръ однакоже не просилъ меня принять мѣры, чтобы ускорить появленіе десантныхъ войскъ.

Я предложилъ избрать лагерь по дорогѣ, ведущей изъ Скутари въ Кютаіэ, въ сосѣдствѣ Принцевыхъ Островов; на островахъ сихъ устроить госпитали, сложить всѣ тяжести войскъ; потомъ двигаться въ ту сторону, куда бы надобность потребовала. Мысль эта понравилась Хозревъ-пашѣ; онъ располагалъ присоединить къ нашему отряду десятитысячный корпусъ турецкихъ войскъ, чтобы дѣйствовать вмѣстѣ.

Изъ словъ Сераскира замѣтно было, что онъ надѣялся быть полнымъ хозяиномъ и распорядителемъ нашего отряда;

---

[1]) Молодой генералъ, отличившійся храбростію, въ сраженіи подъ Гомсомъ.

[2]) Что у пороховыхъ заводовъ, близъ Семи-башенъ, на берегу Мраморнаго моря, нѣсколько западнѣе Царяграда.

ему льстила тщеславная мысль начальствовать надъ европейскими войсками, и мысль сія, можетъ быть, отчасти располагала его съ такимъ жаромъ въ пользу ожидаемыхъ союзниковъ. Надобно было устранять ее, не оскорбляя самолюбія старика,—и въ семъ отношеніи встрѣчались уже на первомъ шагу затрудненія, ибо мнѣ предстояло противорѣчить неосновательнымъ понятіямъ его о мѣстоположеніи, котораго никто у нихъ не зналъ, даже въ самыхъ близкихъ окрестностяхъ Царяграда. Въ общемъ объемѣ понятій Сераскира являлись однакоже иногда мнѣнія, заслуживавшія вниманіе, что̀ можно было отнести къ природнымъ дарованіямъ его и опыту многихъ годовъ. Такъ напримѣръ, когда я сталъ разспрашивать его о мѣстности страны, лежащей впереди Скутари, и о состояніи дорогъ, ведущихъ въ Кютаіэ, то онъ сообщилъ мнѣніе свое объ устроеніи укрѣпленнаго лагеря при Сабанджѣ, что̀ близь рѣки Сакаріи, впадающей въ Черное море. Сераскиръ полагалъ разрушить древній каменный мостъ, построенный на Сакаріи противъ Сабанджа, и увѣрялъ, что позицію эту нельзя обойти съ правой стороны по неприступности мѣстоположенія, вплоть до Мраморнаго моря; если же обходить ее съ лѣвой стороны, то надобно было идти изъ Кютаіэ тридцать дней *) дорогою, которая привела бы въ Шили (или Хили), что̀ на берегу Чернаго моря. Обходы сей позиціи съ обѣихъ фланговъ точно представляли затрудненія; но нельзя назвать ихъ непреодолимыми. Впрочемъ для удостовѣренія въ томъ, мы рѣшили съ нимъ, отправить въ ту сторону отставнаго подпоручика Рельи.

Въ теченіи разговора, Сераскиръ, выхваляя устройство нашихъ войскъ, жаловался на недостатокъ постановленій, для введенія прочнаго порядка въ турецкихъ войскахъ, и просилъ меня о доставленіи нашихъ уставовъ и военныхъ постановленій по всѣмъ родамъ службы. Онъ просилъ также

*) Увеличено.

ходатайства о помѣщеніи въ наши кадетскіе корпуса четырехъ воспитанниковъ, чтобы употребить ихъ по выпускѣ къ образованію турецкихъ войскъ. Я представлялъ о томъ военному министру, и просьбы сіи были впослѣдствіи разрѣшены. Уставы присланы; о воспитанникахъ же сказано, чтобъ они были знатнаго происхожденія.

Я любопытствовалъ узнать, сколько имѣется еще войскъ у Турокъ и не ослѣпляются ли они на счетъ количества и духа ихъ. Хозревъ-паша утвердительно отвѣчалъ, что въ Царѣградѣ имѣлось 12 тысячъ гвардіи, что изъ числа 13 тысячъ армейскихъ войскъ, оставшихся послѣ пораженія Верховнаго Визиря, большая часть находилась въ Никомидіи, а одна бригада въ Боли, и что при этихъ войскахъ имѣлось еще до ста орудій и до двухъ тысячъ иррегулярной конницы. Онъ хвалился даже и съ сими остатками успѣть противъ Ибрагима, если самъ будетъ предводительствовать ими, и жаловался на невѣжество предшествовавшихъ главнокомандующихъ, погубившихъ двѣ арміи и поставившихъ государство въ такое крайнее положеніе.

Турки, вѣроятно, были въ состояніи собрать до 20 тысячъ войскъ; но съ другой стороны не было сомнѣнія, что по совершенному упадку духа нельзя было ничего добраго ожидать отъ нихъ въ случаѣ военныхъ дѣйствій. Казалось мнѣ, что и осторожный Сераскиръ самъ не покусился бы вести ихъ въ бой и не предпринялъ бы какихъ-либо рѣшительныхъ мѣръ при первомъ движеніи Ибрагимъ-паши изъ Кютаіэ.

Не взирая на бодрый видъ, который Сераскиръ принималъ на себя во все время разговора, замѣтно было въ немъ душевное разстройство, почему можно было заключить, что онъ догадывался или зналъ о какихъ-либо непріятныхъ извѣстіяхъ изъ Александріи. Прощаясь, онъ сказалъ, что имѣетъ приказаніе, послѣ свиданія со мною, прибыть къ Султану на корабль Махмудіэ, куда онъ и поспѣшилъ. Мы еще во

время совѣщанія узнали о прибытіи Султана на корабль по салютаціонной пальбѣ, коей звукъ раздавался.

По возвращеніи въ Беюгъ-дэре явился ко мнѣ Рельи, чтобы получить письменныя наставленія для обозрѣнія избранной Сераскиромъ позиціи. Я поручилъ Рельи объѣхать всю предполагаемую оборонительную линію, начиная отъ вершины Мунданійскаго залива, что̀ въ Мраморномъ морѣ, по берегамъ рѣки Асканія *) и озера того же имени, черезъ Никею, Акъ-Гиссаръ, и оттуда внизъ по теченію рѣки Сакаріи (Gallus), до впаденія ея въ Черное море. Рельи приказывалось также изслѣдовать удобства, представляющіяся для госпиталей и складовъ на Принцевыхъ Островахъ, осмотрѣть якорныя стоянки при сихъ островахъ, при Никомидіи и около Дебренде, что̀ на сѣверномъ берегу полуострова, заключающагося между Никомидійскимъ и Мунданійскимъ заливами. По полученіи сихъ наставленій, Рельи немедленно отправился.

Въ тотъ же день получены отъ Сераскира вѣрныя извѣстія, что Мегмедъ-Али-паша не принялъ предложеній Султана, за исполненіе коихъ ручался Французскій посолъ, что Паша настаивалъ на обладаніе всей Сиріи и даже возлагалъ на вице-адмирала Руссена достиженіе требуемаго имъ. Извѣстіе это привезено турецкимъ чиновникомъ, прибывшимъ на французской шкунѣ Мезанжъ (Mésange), которая отвозила въ Александрію и обратно отправленнаго туда Руссеномъ старшаго изъ его адъютантовъ, Оливье.

Отправленіе это было сдѣлано еще на первыхъ порахъ, когда Французскій посолъ обѣщался Турецкому правительству умѣрить требованія возставшаго Паши. На семъ-то новомъ посольствѣ основывалась тогда вся надежда Турокъ, и отъ сего произошло колебаніе, сопровождавшее всѣ дѣйствія ихъ. Австрійскій министръ, баронъ Штюрмеръ, неза-

*) Асканій есть древнее названіе нынѣ болотистой рѣчки, извѣстной у Турокъ подъ именемъ Кара-су.

медлилъ прислать къ Бутеневу подлинныя депеши, полученныя имъ по сему случаю изъ Александріи отъ Ачерби. Штюрмера увѣдомляли, что Мегмедъ-Али, недовольный предложеніемъ Французовъ, разбранилъ находившагося при немъ консула ихъ Мимо, до того времени подстрекавшаго его къ завоеваніямъ, и отвѣчалъ Руссену, что онъ вѣрно не знаетъ цѣли своего правительства. Ачерби увѣрялъ, что Мегмедъ-Али, вмѣстѣ съ тѣмъ, послалъ даже приказаніе Ибрагиму подвинуться впередъ и занять Дарданеллы.

Копія съ отвѣта сего, доставленная къ намъ Австрійцами, была напечатана въ иностранныхъ вѣдомостяхъ; она приложена въ концѣ книги подъ буквою Q. Содержаніе письма Мегмедъ-Али довольно дерзко. Изъ начала его видно, что Руссенъ ограничивалъ Пашу обладаніемъ Акры, Іерусалима, Наблуза и Триполи Сирійскаго, а въ случаѣ сопротивленія его къ принятію этихъ условій, грозился появленіемъ соединенныхъ флотовъ Франціи и Англіи у береговъ Египта. За тѣмъ Паша вопрошалъ, какимъ образомъ господинъ посолъ рѣшился такъ пожертвовать имъ? Потомъ хвалился народнымъ духомъ Турокъ, расположенныхъ въ его пользу, называя ихъ даже своимъ народомъ; говорилъ, что отъ него зависитъ побудить къ возстанію всю Румилію и Анадолію; хвастался своими побѣдами и завоеваніями, присовокупляя, что онъ замедлилъ движеніе войскъ своихъ только тогда, когда дошелъ до него голосъ общаго мнѣнія, признающаго Сирію пріобрѣтеніемъ его; что онъ сдѣлалъ это единственно съ цѣлію остановить излишнее кровопролитіе и сообразоваться съ политическими видами европейскихъ дворовъ. Паша увѣрялъ Руссена, что послѣ стольких пожертвованій, сдѣланныхъ имъ въ пользу народа, призывавшаго его,— отступить въ тѣсныя владѣнія, состоящія изъ четырехъ уѣздовъ, которыя Руссенъ называлъ пашалыками, было бы ничто иное, какъ подписать свой собственной приговоръ политической смерти. Наконецъ онъ не сомнѣвался, что Фран-

ція и Англія будутъ къ нему справедливы, и по собственнымъ чувствамъ чести признаютъ права его; говорилъ, что еслибы онъ, по несчастію, ошибся въ ожиданіяхъ, то, подвергая участь свою волѣ Божіей, предпочиталъ честную смерть стыду, и съ удовольствіемъ жертвовалъ собою въ пользу народа, коему посвящалъ послѣднія силы жизни своей. При семъ Мегмедъ-Али ссылался на исторію, являющую нѣсколько подобныхъ примѣровъ твердости. Паша заключалъ письмо изъявленіемъ надеждъ своихъ, что Руссенъ самъ признаетъ права его и будетъ совѣтовать Турецкому правительству принять предложенія, сдѣланныя имъ черезъ Галиль-пашу.

Я тогда же получилъ письмо отъ Россетти; онъ увѣдомлялъ, что Оливье, по прибытіи въ Александрію, немедленно явился вмѣстѣ съ Мимо къ Мегмедъ-Али. По словамъ Россетти, посланный объявилъ Пашѣ, что въ слѣдствіе поручительства, которое на себя взялъ Руссенъ, эскадра наша имѣла отплыть изъ Босфора обратно. Оливье требовалъ согласія Мегмедъ-Али на условія, предложенныя Галиль-пашею, и вмѣстѣ съ тѣмъ приказанія Ибрагимъ-пашѣ отступить. Россетти увѣрялъ меня, что Мегмедъ-Али приметъ условія Галиль-паши, и что Англійскій консулъ имѣлъ приказаніе поддержать требованіе Франціи (¹). Предложенія Оливье были сдѣланы въ самыхъ льстивыхъ выраженіяхъ, и Паша, по обыкновенію, отложилъ отвѣтъ до времени, чтобы обдумать его. Послѣ того, онъ потребовалъ объясненія: что̀ разумѣли подъ предложенными четырьмя Сирійскими пашалыками, тогда какъ въ письмѣ своемъ Руссенъ ясно ссылался на уступки, предложенныя Галиль-пашею (²), и за тѣмъ оставилъ Оливье шесть дней безъ отвѣта.

(¹) Невѣроятно.

(²) Кажется, что при отправленіи Оливье второпяхъ, Французы сами не имѣли яснаго понятія о томъ, чего требовали, или самому Оливье не бы о объяснено въ подробности содержаніе его порученія. Неудачное посольство его подало поводъ къ насмѣшкамъ. Съ возвращеніемъ его ожидали мира и спрашивали: N'avez vous pas vû cette mésange annoncée avec une branche d'Olivier?

Россетти лично слышалъ отъ Паши, что онъ ничего не расположенъ уступить изъ тѣхъ условій, о которыхъ увѣдомилъ Порту съ гонцами; что онъ относилъ всѣ эти мѣры только къ желанію устрашить его и повелѣвать имъ; не вѣрилъ, чтобы Султану хотѣли дать дѣйствительную помощь, и говорилъ, что въ прибывшей эскадрѣ нашей имѣется только четыре судна.

За симъ Россетти распространялся въ изложеніи безразсудности Паши, говоря съ лестію, что Русскіе одни знаютъ, какъ водиться съ Турками, и что, если бы не пріѣхалъ Галиль-паша въ Египетъ, то я ко всему склонилъ бы Мегмедъ-Али и спасъ бы страну его отъ угрожавшей ей Россіи.

Онъ увѣдомлялъ меня о присылкѣ Ибрагимомъ правителя въ Смирну, о движеніи египетскаго отряда къ Дарданелламъ (*), о скоромъ выступленіи эскадры въ море и о всеобщемъ безпокойствѣ, произведенномъ въ Александріи сими событіями.

Въ концѣ письма его, писаннаго 24 февраля (8 марта), Россетти присовокуплялъ, что лично былъ свидѣтелемъ отказа, сдѣланнаго Пашею адъютанту Оливье, отправлявшемуся на другой день обратно въ Константинополь.

13-го марта Бутеневъ былъ приглашенъ со мною на совѣщанія къ Рейсъ-эффенди и Сераскиру. Причиною сихъ совѣщаній были вышеозначенныя извѣстія, доставленныя изъ Александріи. По возвращеніи Оливье, Руссенъ, сообщая Портѣ о полученномъ имъ отказѣ, какъ прямой хвастунъ, прибавилъ, что онъ бы могъ еще понудить Мегмедъ-Али къ принятію предложенныхъ ему условій; но не хотѣлъ болѣе вмѣшиваться въ это дѣло, потому что эскадра наша не возвращалась изъ Босфора, чѣмъ и довершилъ неудачный подвигъ свой, лишившій его всякой довѣренности въ Царѣградѣ и Александріи. Послѣ того, онъ болѣе не вмѣшивался въ дѣла

(*) Несправедливо.

и служилъ для всѣхъ посмѣшищемъ. Говорили, что онъ поссорился съ Вареномъ, вовлекшимъ его въ это неприятное дѣло, и что сіе было причиною выѣзда Варена изъ Царяграда, который онъ оставилъ въ теченіи лѣта.

Рейсъ-эффенди, котораго мы прежде навѣстили, жаловался на неумѣренныя требованія Мегмедъ-Али и просилъ насъ исчислить ему, во сколько дней могутъ прибыть вспомогательныя войска какъ сухимъ путемъ, такъ и моремъ. Ему было нѣсколько разъ новторено, что самое прибытіе войскъ подвержено сомнѣнію, ибо въ слѣдствіе отказа, сдѣланнаго Турками въ февралѣ мѣсяцѣ, легко могло случиться, что отправленіе войскъ независимо болѣе отъ пограничныхъ начальниковъ; но Рейсъ-эффенди, основывая свои разсчеты на однихъ предположеніяхъ, принималъ тотъ случай, въ которомъ бы войска двинулись по одному требованію нашего посланника, и произвольно сокращалъ время, нужное для призыва вспомоществованія. Ему объяснили, что въ такомъ случаѣ, при стеченіи самыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, десантныя войска не могли прибыть прежде 15-ти или 20-ти дней, а слѣдовавшія сухимъ путемъ — прежде 50-ти дней, послѣ отправленія требованія.

Показывая однакоже сильное желаніе ускорить прибытіе десанта, Рейсъ-эффенди предложилъ отправить за нимъ въ Одессу турецкій пароходъ; но передумавши сказалъ, что по рѣшенію Государственнаго Совѣта, онъ долженъ предварительно снестись о томъ съ представителями другихъ державъ, послѣ чего и располагалъ дать Бутеневу отвѣтъ; однакоже ничего не сдѣлалъ.

Рейсъ-эффенди говорилъ, что турецкія силы хотя и достаточны, чтобы удержаться въ оборонительномъ состояніи,— мысль, поселенная въ немъ, вѣроятно, Сераскиромъ;—но что онъ желалъ знать: въ состояніи ли я буду предпринять наступательныя дѣйствія и разбить Ибрагима, по прибытіи пятитысячнаго десантнаго отряда и по присоединеніи къ нему

15-ти султанскихъ войскъ. Я отвѣчалъ, что, не видавши турецкихъ войскъ, не могу судить о состояніи ихъ. Онъ тогда сказалъ, что дѣло это, какъ военное, касается до Сераскира, и просилъ насъ обоихъ навѣстить его.

Бутеневъ замѣтилъ Рейсъ-эффенди, какъ неосторожно поступили, отозвавъ въ Константинополь флотъ изъ Дарданеллъ, тогда какъ туда ежечасно могъ прибыть египетскій флотъ. Онъ отвѣчалъ со свойственною Туркамъ безпечностію, что флотъ ихъ успѣетъ еще возвратиться въ Дарданеллы, когда узнаютъ, что египетскій вышелъ изъ Александріи, прибавивъ, что въ Дарданеллы посланы уже войска, и что пунктъ этотъ можно будетъ усилить еще изъ ожидаемаго высаднаго отряда. Я возразилъ, что мнѣ нельзя будетъ дробить на части такое малое число войскъ, какое ожидалось.

Оттуда мы навѣстили Сераскиръ-пашу. Старикъ принялъ насъ съ торжественнымъ видомъ, говоря, что дѣло уже шло не о примиреніи, а о военныхъ дѣйствіяхъ; что онъ скорѣе сожжетъ Царьградъ при первомъ наступательномъ движеніи Ибрагимъ-паши, чѣмъ согласится на мнѣніе Государственнаго Совѣта, склоннаго уступить Мегмедъ-Али, кромѣ Сиріи, еще и южную Караманію. Онъ разсыпался въ нещадныхъ ругательствахъ на счетъ соперника своего Мегмедъ-Али, изъявляя ненависть свою къ нему въ грубыхъ выраженіяхъ. Когда дѣло коснулось до присоединенія къ десантному отряду турецкихъ войскъ, то я объявилъ Сераскиру, что находилъ весьма возможнымъ атаковать Ибрагима въ Кютаіэ, если присоединятъ къ нашимъ полкамъ 15 т. устроеннаго турецкаго войска. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я сказалъ ему, что мнѣ прежде нужно было видѣть сіи войска, о состояніи коихъ еще не могъ судить. и предупредилъ Хозревъ-пашу, что на этомъ смотрѣ я не намѣревался осуждать частныхъ недостатковъ; но единственно указать тѣ мѣры, которыя нужно было принять, чтобы устранить главный недостатокъ, замѣченный мною дотолѣ въ турецкой арміи—неспособность къ движенію.

*

Тогда Сераскиръ перемѣнилъ разговоръ и сталъ опять жаловаться на невѣжество двухъ главнокомандующихъ, погубившихъ двѣ арміи, устроенныя и снабженныя имъ всѣмъ нужнымъ въ большомъ изобиліи. Въ сужденіяхъ своихъ, онъ всѣхъ порицалъ, выставляя себя одного способнымъ и преданнымъ своему государю; но и къ нему показалъ свое негодованіе, сказавъ, что робость и нерѣшительность Султана препятствовали ему принять дѣятельныя мѣры и помѣшали исполнить совѣты, данные ему мною письменно, передъ отправленіемъ моимъ въ Александрію. За симъ старикъ опять излилъ гнѣвъ свой на Мегмедъ-Али, досадившаго ему разглашеніемъ, будто онъ заплатилъ 50 мил. левовъ Французскому послу, чтобы склонить его въ свою пользу, и грозился оставить службу, если только Султанъ согласится на требованія Египетскаго паши. Потомъ хвалился, что имъ однимъ сохраняется спокойствіе въ столицѣ; говорилъ, что онъ на сей предметъ потребовалъ 2 т. иррегулярныхъ всадниковъ изъ Румиліи, и увѣрялъ меня, что посылаетъ въ Дарданеллы еще пять баталіоновъ съ тремя военачальниками.

Слышно было, что прибытіе сихъ войскъ въ Царьградъ и отправленіе въ Дарданеллы, въ то время, точно состоялись.

Предположенный смотръ турецкихъ войскъ еще не рѣшался. Мы опять заговорили объ этомъ предметѣ. Сераскиръ сослался на Ахмедъ-пашу-мушира, который долженъ былъ показать ихъ. Я объявилъ, что не располагаю воспользоваться такою довѣренностію, пока не получу письменныхъ свѣдѣній о количествѣ и состояніи войскъ отъ того самаго лица, которое представитъ мнѣ ихъ въ полѣ, подъ ружьемъ и въ готовности къ движенію. Я объяснилъ Сераскиру, что безъ требуемыхъ свѣдѣній не могъ отдать въ подробности приказаній. въ какомъ видѣ и порядкѣ я располагалъ смотрѣть войска, повторивъ, что намѣревался обратить вниманіе только на главные предметы, нужные въ военныхъ дѣйствіяхъ. Я представилъ Сераскиру необходимость изготовить сухари

и устроить подвижные транспорты, изложилъ порядокъ, который должно соблюдать въ обозахъ: но не могъ достаточно вразумить его. Онъ отвѣчалъ, что у нихъ сухарей очень много, безъ опредѣленія количества ихъ, и что у Турокъ обыкновеніе возить провіантъ за войскомъ на вьюкахъ; вьючный же скотъ собирается, когда надобится, въ Царѣградѣ, гдѣ его также весьма много.

Все это было очень неопредѣлительно. Изъ словъ моихъ Сараскиръ замѣтилъ, что я готовился начальствовать турецкими войсками, въ случаѣ присоединенія ихъ къ десантному отряду. Онъ съ нѣкоторымъ равнодушіемъ отвѣчалъ, что прикажетъ Ахмедъ-пашѣ-муширу представить мнѣ войска, находящіяся на азійскомъ берегу, а своему любимцу Мегмедъ-пашѣ представить тѣ, которыя расположены на европейскомъ; но вслѣдъ за тѣмъ просилъ меня отложить посѣщеніе къ Ахмедъ-пашѣ: а на другой день прислалъ ко мнѣ нарочнаго съ возобновленіемъ просьбы о навѣщаніи Мушира.

Отъ Сераскира я возвратился въ Беюгъ-дере, а Бутеневъ остался ночевать въ Перѣ.

13-го же числа марта пришелъ изъ Одессы пароходъ, съ увѣдомленіемъ отъ графа Воронцова, что онъ, по послѣднему отказу Турокъ, пріостановилъ отправленіе высадныхъ войскъ и съ симъ же судномъ будетъ ожидать извѣстія— послать-ли ихъ въ Царьградъ. Бутеневъ сообщилъ сіе Турецкому правительству, которое обѣщалось вскорѣ дать отвѣтъ, послѣ общаго совѣщанія въ Государственномъ Совѣтѣ. Въ ожиданіи отвѣта, Бутеневъ просилъ меня прибыть въ Перу, куда я и переѣхалъ 15-го числа, въ намѣреніи провести тамъ нѣсколько дней; между тѣмъ Сераскиръ опять прислалъ просить меня, чтобы я снова отложилъ посѣщеніе къ Ахмедъ-пашѣ.

14-го числа пришла изъ Петербурга почта. Графъ Нессельроде прислалъ ко мнѣ двѣ депеши отъ 21-го февраля.

При первой прилагалъ онъ отпечатанный листокъ объявленія объ успѣхѣ моихъ сношеній въ Египтѣ, какъ документъ, писалъ онъ, вполнѣ мнѣ принадлежавшій, и увѣдомлялъ, что объявленіе сіе передано всѣмъ европейскимъ дворамъ. Другою сообщалъ онъ мнѣ, отъ имени Государя, сколько Его Величество остался доволенъ достиженіемъ предположенной цѣли, остановленіемъ египетской арміи и спасеніемъ столицы Оттоманской Имперіи. Вице-канцлеръ Нессельроде увѣдомлялъ меня о скоромъ прибытіи сухопутныхъ войскъ, и просилъ сохранить съ Бутеневымъ тѣ близкія сношенія, въ коихъ я съ нимъ находился; Бутеневу же поручалъ сообщать мнѣ всѣ извѣстія, касающіяся тогдашнихъ обстоятельствъ.

Я получилъ также партикулярное письмо отъ графа Орлова, который увѣдомлялъ меня, что Государь былъ очень доволенъ успѣхомъ, достигнутымъ мною при поѣздкѣ въ Александрію, въ томъ отношеніи, что Ибрагимъ-паша былъ остановленъ, по приказанію отца своего, въ дальнѣйшемъ движеніи къ Константинополю; но вмѣстѣ съ тѣмъ, Государь находилъ, что я долженъ былъ остаться въ Александріи до совершеннаго окончанія дѣла, при чемъ графъ Орловъ распространялся въ сужденіяхъ. Онъ начиналъ изъявленіемъ сожалѣнія своего, что Турки, по недовѣрчивости, не поручали Галиль-пашу моему покровительству, и заключилъ письмо мнѣніемъ, что я непремѣнно долженъ былъ все кончить, тѣмъ болѣе, что Галиль-паша былъ порученъ моему покровительству, что́ совершенно противорѣчило началу сужденія.

Искаженный видъ, въ коемъ дѣла были представлены, уже объясненъ выше. Письмо графа Орлова можетъ служить образцикомъ, съ какою основательностію обсуживали посольство мое въ Египетъ. Грамата сія оставалась навсегда загадкою для меня, какъ по несообразностямъ, заключающимся въ ней, такъ и по явнымъ противорѣчіямъ ея съ оффиціальными отзывами министерства, съ данными мнѣ пись-

менными наставленіями и даже съ собственными словами графа Орлова, при отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга. Этотъ отзывъ не обратилъ бы особеннаго вниманія моего; но я не могъ сомнѣваться, что дѣло въ такомъ же видѣ было представлено самому Государю—и въ семъ отношеніи письмо Орлова огорчило меня. Подобное сему мнѣніе было изложено и въ частномъ письмѣ графа Нессельроде къ Бутеневу. Чувство зависти не было чуждо и дипломатическому корпусу, который не могъ равнодушно видѣть столь значительный переворотъ, произведенный въ дѣлахъ ихъ вѣдомства, военнымъ человѣкомъ.

15-го марта прибылъ изъ Одессы на купеческомъ суднѣ 7-й конно-артиллерійской роты капитанъ Вульфертъ, командированный въ мое распоряженіе для покупки лошадей къ артиллеріи десантныхъ войскъ, съ которою отправлялось только малое число дышловыхъ. Вульфертъ доставилъ мнѣ повелѣніе отъ военнаго министра, коимъ увѣдомлялъ объ открытомъ для меня кредитѣ въ Царьградѣ, на сумму 80 т. рублей для этой надобности. Такъ какъ симъ полагалось уже первое начало новаго рода занятій на меня возлагаемыхъ, то я тогда же назначилъ, для исправленія при мнѣ должности дежурнаго штабъ-офицера, лейтенанта Лутковскаго, о коемъ упомянуто въ первой главѣ сей книги.

16-го марта мы обѣдали у барона Штюрмера, гдѣ находился и баронъ Мертенсъ, который, по нескромности своей и преданности Французамъ, былъ принятъ сухо и даже дурно. Онъ чрезвычайно перемѣнился послѣ толчка, на который накупился Руссенъ, и вмѣстѣ съ нимъ упалъ духомъ, старался перемѣнить свое поведеніе, но уже не пріобрѣлъ болѣе ничьей довѣренности.

17-го числа я получилъ приглашеніе Ахмедъ-паши прибыть къ нему, а 18-го дружеское письмо того же содержанія. Онъ назначилъ для свиданія нашего загородный домъ свой въ Окюзъ-Лиманѣ, что̀ на азійскомъ берегу Босфора,

нѣсколько повыше Скутари; но не объяснилъ причинъ, по коимъ желалъ меня видѣть.

Я въ тотъ же день съѣздилъ къ нему. Онъ сказалъ, что приглашалъ меня по желанію Сераскира и предложилъ прогуляться верхомъ по окрестностямъ. Хотя я догадывался, что подъ симъ предлогомъ скрывалась цѣль показать мнѣ войска, но какъ о нихъ не упоминалось ни слова, то я согласился на прогулку въ твердой рѣшимости не смотрѣть войскъ прежде полученія требованныхъ свѣдѣній. Тогда Ахмедъ-паша, ссылаясь на холодную погоду, предложилъ мнѣ надѣть турецкую феску. Замѣтивъ цѣль его представить меня въ такомъ видѣ войскамъ, я отказался отъ дальней прогулки и предложилъ ему ограничить ее прилегавшимъ къ загородному дому садомъ. Онъ предполагалъ во мнѣ пламенное желаніе видѣть войска ихъ и, въ намѣреніи склонить меня къ исполненію цѣли своей, объявилъ тогда безъ околичности, что Сераскиръ сообщилъ ему о желаніи моемъ видѣть войска и спросилъ, не предпочту-ли я, можетъ быть, смотръ ихъ въ казармахъ? Я отвѣчалъ, что Сераскиръ ошибался, что я собственно для себя не имѣлъ ни желанія, ни надобности смотрѣть ихъ, и полагалъ это болѣе нужнымъ для нихъ самихъ; но какъ онъ не исполнилъ условій мною назначенныхъ, то и я считалъ излишнимъ обозрѣвать войска по частямъ и въ не настоящемъ видѣ, а еще болѣе напрасно тревожить ихъ.

Ахмедъ-паша всячески старался заманить меня къ осмотру войскъ и хвалился готовностію ихъ въ такой степени, что ему стоитъ только приказать трубачу затрубить и тотчасъ явится кавалерійскій полкъ на конѣ; но я не счелъ нужнымъ вмѣстѣ съ нимъ забавляться и тратить время, отказался и спросилъ его о причинѣ настойчивости, показываемой имъ нынѣ по сему предмету. Онъ отвѣчалъ, что дѣлалъ это для исполненія даннаго мнѣ уже давно обѣщанія. Желая болѣе убѣдить его въ равнодушіи моемъ къ осмотру

турецкихъ войскъ, коихъ дурное состоянie возрастало съ каждымъ днемъ, я присовокупилъ, что со времени даннаго имъ обѣщанія, обстоятельства много перемѣнились, и что я охотно увольняю его отъ исполненія даннаго слова.

Тогда Ахмедъ-паша далъ мнѣ третій предлогъ, который оказался настоящимъ и объяснилъ отвлеченное изобрѣтеніе его или, можетъ быть, всего Государственнаго Совѣта, выдумавшаго надѣть на меня феску. Онъ сказалъ, что въ то самое время отправлялся турецкій чиновникъ въ Кютаіо къ Ибрагимъ-пашѣ съ новыми предложеніями о примиреніи, и такъ какъ чиновникъ этотъ будетъ проѣзжать по большой дорогѣ изъ Скутари, то хотѣли ему показать меня передъ турецкимъ войскомъ, въ надеждѣ устрашить Ибрагимъ-пашу такимъ извѣстіемъ. По словамъ Ахмедъ-паши, за этимъ чиновникомъ долженъ былъ вскорѣ ѣхать также въ египетскій лагерь и по той же дорогѣ самъ Вареннъ.

Наканунѣ еще я имѣлъ свѣдѣніе о постыдномъ намѣреніи Турокъ, снова прибѣгавшихъ подъ покровительство Французовъ, столь явно ихъ обманувшихъ. Уклоняясь отъ принятія на себя въ семъ случаѣ званія лица, дѣйствующаго въ происках Французскаго посла, съ коимъ могла быть даже условлена предложенная мнѣ мѣра, я отвѣчалъ, что при новыхъ надеждахъ, которыя Турки имѣли къ достиженію мира, я не предвидѣлъ для нихъ надобности прибѣгать къ инымъ средствамъ и вооружаться. Слова мои встревожили Ахмедъ-пашу, который сбросивъ съ себя личину, сказалъ съ жаромъ и негодованіемъ, что Французы ихъ обманули, и что на нихъ совершенно нельзя полагаться.

«Вижу,» отвѣчалъ я, «что еслибы и мы обманули васъ, «подобно Французамъ, и еслибы Государь не былъ столь ве«ликодушенъ къ вамъ, тогда бы вы болѣе положились на насъ».

— «Мы прибѣгаемъ къ вашей помощи воскликнулъ Ахмедъ-паша», и просили даже 5 т. десантныхъ войскъ.»

Дѣло сіе уже было рѣшено въ Совѣтѣ и рѣшеніе сообщено оффиціально Бутеневу еще наканунѣ. Ахмедъ-паша хотѣлъ мнѣ передать подробности его, но я не изъявилъ любопытства къ узнанію рѣшенія по дѣлу о неизбѣжномъ уже для Турокъ появленіи союзниковъ. Послѣ того онъ предложилъ мнѣ объѣхать съ нимъ окрестности, чтобы осмотрѣть мѣстоположеніе; но я и это отклонилъ, говоря, что Царяграда нельзя защищать на позиціи, а что надобно атаковать Ибрагима, если на то имѣется достаточно средствъ.

«Это и мое мнѣніе,» отвѣчалъ Ахмедъ-паша, «и мнѣніе «самаго Султана, но Султанъ не властенъ располагать въ «семъ случаѣ. Если бы онъ согласился лично выступить въ «поле со своею гвардіею, въ коей имѣется 10 т. солдатъ, «то бы дѣло скоро кончилось; мы бы поставили его на возвышеніе, въ безопасномъ мѣстѣ, такъ, чтобы онъ могъ быть «единственно зрителемъ пораженія Ибрагима; но онъ того не «сдѣлаетъ».

Разговаривая, мы вышли въ садъ. Ахмедъ-паша повелъ меня на высоты, прилегающія къ Босфору, объясняя окрестныя мѣстоположенія, и между тѣмъ сообщилъ мнѣ изустно нѣкоторыя свѣдѣнія на счетъ заготовленныхъ продовольствія и артиллерійскихъ снарядовъ; судя по словамъ его, можно было полагать ихъ въ большемъ количествѣ. Онъ снова просилъ меня осмотрѣть войска; но я рѣшительно отозвался, что не намѣренъ сдѣлать того, пока не увижу со стороны ихъ искренняго желанія показать мнѣ ихъ въ должномъ видѣ. Желая развѣдать, какъ я думалъ распорядиться ожидаемымъ десантомъ, Муширъ сообщилъ мнѣ нѣсколько предположеній касательно военныхъ дѣйствій; когда же я замѣтилъ ему, что всѣ предположенія ихъ тщетны, если они не покажутъ болѣе дѣятельности, и что я не нахожу надобности излагать преждевременно своего образа мыслей на этотъ счетъ, то онъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ спросилъ, не располагаю ли я занять Дарданеллъ?

Я успокоилъ его, сказавъ, что Дарданеллы никѣмъ другимъ не должны быть заняты, какъ Турками, и что мы въ нихъ надобности не имѣемъ.

Изъ рѣчей Ахмедъ-паши видна была личная искренность его и единомысліе съ нами; но, имѣя врагомъ Сераскира, онъ не могъ преступить предписаннаго ему поведенія; ибо Султанъ, по слабости своей, измѣнялся и часто находился подъ принужденнымъ вліяніемъ Сераскиръ-паши, человѣка, преданнаго единственно своимъ собственнымъ видамъ.

Прекративъ разговоръ о дѣлахъ съ Ахмедъ-пашею, я провелъ съ нимъ еще съ часъ времени въ дружеской бесѣдѣ о постороннихъ предметахъ. Онъ былъ нѣжный отецъ семейства, что довольно рѣдко у Турокъ, и, призвавъ четырехъ-лѣтняго сына своего, долго забавлялся съ малюткою.

19-го числа Бутеневъ послалъ моремъ нарочнаго къ графу Воронцову, съ изложеніемъ требованій Турецкаго правительства о вспомоществованіи. Требованія сіи совершенно согласовались съ предпринятыми уже нами мѣрами, именно: прислать въ Царьградъ 5-ти-тысячный десантный отрядъ, а корпусъ генерала-адъютанта Киселева,—какъ равно и остальныя пять тысячъ, собранныя около Одессы,—держать въ готовности къ движенію и отплытію. Я донесъ обо всемъ случившемся военному министру, просилъ его, какъ и графа Воронцова, о присылкѣ съ десантнымъ войскомъ въ мое распоряженіе одного парохода, и представилъ графу Чернышеву довольно подробныя свѣдѣнія, доставленныя ко мнѣ Сераскиромъ о состояніи египетской арміи. Хозревъ-паша полагалъ ими, можетъ быть, откупиться отъ свѣдѣній, требуемыхъ мною касательно турецкихъ войскъ.

Того же дня возвратился изъ Родоса полковникъ Дюгамель. Переправившись на материкъ, онъ проѣхалъ черезъ Айдинъ и Смирну, гдѣ все было покойно. Кромѣ вышеизложенныхъ извѣстій о свиданіи его съ Ибрагимъ-пашей, онъ ничего новаго не видалъ и не доставилъ. Составленныя же

имъ краткія, но довольно занимательныя записки о состояніи египетской арміи, представилъ онъ, ссылаясь на данныя ему въ Петербургѣ наставленія, прямо отъ себя въ военное министерство. По новому порученію, на меня возложенному, нигдѣ не упоминалось о Дюгамелѣ, и потому я не считалъ его въ составѣ войскъ, надъ коими начальство мнѣ было ввѣрено. Онъ передалъ мнѣ, въ послѣдствіи времени, копію со своихъ записокъ.

20-го числа, пріѣхалъ изъ Петербурга фельдъегерь, съ коимъ я получилъ повелѣніе военнаго министра, отъ 2-го марта. Онъ увѣдомлялъ меня, еще по первымъ донесеніямъ Бутенева къ графу Нессельроде, что Государь вполнѣ одобрялъ избранный нами пунктъ, Сизополь, для пребыванія имѣвшей возвратиться изъ Босфора эскадры, и что, вѣроятно, я туда же направилъ вторую эскадру Черноморскаго флота, если она прибыла къ Константинополю съ частію сухопутнаго десантнаго отряда. Но какъ о дѣйствительномъ отплытіи второй эскадры еще не было получено въ Петербургѣ донесенія, то на случай, если-бъ она еще находилась въ Одессѣ, Государь приказывалъ графу Воронцову отправить ее съ находившимися на ней десантными войсками къ Сизополю, гдѣ войско должно было высадить на берегъ, а суда присоединить къ судамъ первой эскадры. Въ такомъ положеніи должны были оставаться вооруженія наши, до настоящаго объясненія дѣлъ Порты, и мнѣ, обще съ Бутеневымъ, предоставлялось потребовать войска изъ Сизополя въ Царьградъ, въ случаѣ нужды.

Къ сему прилагалась копія съ повелѣнія, даннаго начальнику перваго десантнаго отряда генералъ-маіору Унгебауеру, о порядкѣ, въ коемъ онъ долженъ былъ высадить на берегъ войска въ Сизополѣ. Ему, между прочимъ, предписывалось занять, совмѣстно съ турецкими войсками, Сизопольскую крѣпость, по соглашенію съ турецкимъ комендантомъ, прочія же войска отряда расположить на берегу укрѣплен-

нымъ лагеремъ, къ устройству котораго онъ долженъ былъ немедленно приступить, возложивъ дѣло сіе на находившагося при отрядѣ инженеръ-подполковника Бюрно. Въ случаѣ, если-бы распоряженіе это не застало Унгебауера въ Одессѣ, мнѣ предоставлялось приготовить все нужное по сему наставленію въ Сизополѣ. Для сего поручалось мнѣ самому на время съѣздить туда, стараясь скорѣе возвратиться въ Царьградъ, для содѣйствія нашему посольству въ исполненія важныхъ обязанностей, на немъ лежащихъ. Отправленіемъ втораго десантнаго отряда съ третьею эскадрою велѣно было графу Воронцову пріостановиться, до востребованія отъ Константинопольской миссіи, отъ коей зависѣло и направленіе отряда; графу поручено было отправить съ первымъ отрядомъ въ Сизополь инженеръ-штабсъ-капитановъ: Типольда и Геннери.

Въ то время, какъ получены сіи распоряженія военнаго министра, обстоятельства уже совершенно перемѣнились. Нельзя было оставить даннаго войскамъ направленія въ Сизополь, а потому я предписалъ, съ отходящимъ изъ Царяграда судномъ, генералъ-маіору Унгебауеру плыть не въ Сизополь, а прямо въ Беюгъ-дэре, гдѣ и явиться ко мнѣ.

Съ фельдъегеремъ, привезшимъ мнѣ вышеозначенное повелѣніе, генералъ-квартирмейстеръ главнаго штаба, Нейдгартъ, письмомъ увѣдомилъ меня, по приказанію военнаго министра, что отъ меня ожидали донесеній по военному вѣдомству о ходѣ дѣлъ, ссылаясь на то, что хотя порученіе, на меня возложенное, было дипломатическое, но вмѣстѣ съ тѣмъ и военное. Нейдгартъ писалъ, что со времени возвращенія моего изъ Александріи, отъ меня ничего не получали. Съ того дня, какъ я получилъ первое увѣдомленіе объ отправленіи войскъ, я не переставалъ писать къ военному министру со всевозможною подробностію; но донесенія мои не могли еще дойти, и спросъ этотъ былъ послѣдствіемъ обыкновенной невнимательности, съ которою соображаютъ въ

департаментахъ числа и нужное время на переѣздъ почтъ или фельдъ егерей. До полученія же вышеозначеннаго увѣдомленія министра, на основаніи прежнихъ распоряженій, я во всемъ относился къ графу Нессельроде, какъ по дѣлу единственно дипломатическому.

21-го марта, я оставилъ Перу, и на пути заѣхалъ къ Сераскиру, который меня ожидалъ въ загородномъ домѣ своемъ, Фындыхлы. Мы должны были взять окончательныя и положительныя мѣры къ принятію ожидаемыхъ войскъ. Сначала выслушивалъ онъ излагаемыя мною подробности съ большимъ вниманіемъ, и тутъ же отдавалъ приказанія; но послѣ онъ сталъ перебивать рѣчь посторонними, разговорами, ибо Турки не привыкли къ бдительному и постоянному напряженію вниманія на одинъ предметъ. Сераскиръ слишкомъ легко судилъ о всѣхъ войсковыхъ потребностяхъ, коихъ сложность его устрашала.

Желая болѣе сблизить и ознакомить турецкія войска съ нашими, я предложилъ ему присоединить къ русскому лагерю одинъ турецкій баталіонъ. Онъ нашелъ это очень удобнымъ, и на другой же день прислалъ ко мнѣ требовать лагернаго назначенія для баталіона, когда мѣсто высадки не было еще опредѣлено. Онъ согласился также, по требованію моему, назначить 50 всадниковъ для употребленія ихъ, вмѣстѣ съ казаками, въ разъѣздахъ. Ахмедъ-паша, узнавъ о томъ на другой день, убѣдительно просилъ меня принять этихъ всадниковъ не отъ Сераскира, а изъ гвардейской конницы, состоявшей подъ его начальствомъ.

Недовольствуясь тѣмъ малымъ числомъ гребныхъ судовъ, коимъ насъ могли снабдить эскадры, я располагалъ имѣть, независимо отъ нашихъ судовъ, постоянно при отрядѣ гребную флотилію для свободнаго перевезенія войскъ на разные пункты береговъ Босфора, и потому просилъ Сераскира назначить въ мое распоряженіе достаточное количество мелкихъ судовъ; онъ затруднился въ этомъ и отозвался, что

суда сіи будутъ доставляться по мѣрѣ надобности. Судя по неисправностямъ, у Турокъ во всемъ встрѣчающимися, нельзя было надѣяться на это пособіе. Отвѣтъ Хозревъ-паши можно было отнести или къ истинному недостатку перевозныхъ средствъ, или къ желанію его имѣть нѣкоторое вліяніе въ могущихъ случиться движеніяхъ отряда. Первое изъ этихъ предположеній вѣроятнѣе.

Я снова настаивалъ, чтобы Сераскиръ обезоружилъ береговыя баттареи азійской стороны. Онъ увѣрялъ, что уже нѣсколько разъ требовалъ того, но безъ успѣха, какъ бы указывая на Султана или Порту; съ тѣмъ вмѣстѣ обѣщался подтвердить требованіе свое письменно и имѣть обстоятельство это въ виду въ случаѣ крайности. Возраженія мои и напоминанія о безпорядкѣ, неизбѣжномъ въ случаѣ приближенія Египтянъ, не имѣли успѣха. Сераскиръ не былъ искрененъ.

Онъ спрашивалъ, почему я не осмотрѣлъ войскъ съ Ахмедъ-пашею; но услышавъ, что причиною тому было неисполненіе съ ихъ стороны условій, на которыхъ хотѣли показать мнѣ войска—замялъ разговоръ. Однако же сказывалъ потомъ, что Мегмедъ-паша (любимецъ его) готовъ показать мнѣ войска, находящіяся на европейскомъ берегу. Онъ находилъ впрочемъ, что прежде слѣдовало осмотрѣть султанскую гвардію, о чемъ онъ располагалъ вторично приказать Ахмедъ-пашѣ чрезъ нѣсколько дней. Меня болѣе не занималъ этотъ смотръ, къ которому и впредь могъ встрѣтиться удобный случай; я просилъ вмѣсто того согласія Сераскира на осмотръ всего азійскаго берега Босфора съ баттареями, на немъ находящимися; но онъ просилъ меня повременить. Наконецъ я представилъ ему необходимость условиться въ какихъ-либо общихъ распоряженіяхъ совокупно съ турецкими войсками, чтобы обезпечить, по крайней мѣрѣ, оборону Царяграда или Босфора; но и тутъ не получилъ ничего, кромѣ уклончивыхъ отвѣтовъ. Онъ видимо

избѣгалъ сужденій о подобныхъ предметахъ, и такое обхожденіе подало поводъ къ заключенію, что въ семъ случаѣ не руководствовала имъ обыкновенная безпечность Турокъ; напротивъ того, я убѣдился въ прежней мысли, что онъ опасался подпасть подъ вліяніе наше, тогда какъ самъ думалъ начальствовать нашими войсками.

Недостигнувъ никакого опредѣлительнаго рѣшенія, тогда какъ время не терпѣло промедленія, я отправился въ султанскій дворецъ Чараганъ, къ Ахмедъ-пашѣ-муширу. Султана и его любимца не было дома. Оба были на прогулкѣ, въ кіоскѣ или бесѣдкѣ, находящейся на азійскомъ берегу, близь казармъ, называемыхъ Кёляли. Поѣхавъ туда, я зашелъ въ казарму и послалъ за Ахмедъ-пашею, который немедленно прибылъ. Я тотчасъ объявилъ ему, что Государь уже зналъ о первомъ отказѣ, сдѣланномъ Турецкимъ правительствомъ, въ предполагаемомъ пособіи. Онъ прервалъ рѣчь, и, не будучи въ состояніи скрыть опасенія своего на счетъ послѣдствій, которыя могли влечь за собою непостоянные поступки ихъ, сталъ оправдываться; повторилъ всѣ обстоятельства, сопровождавшія отказъ и утверждалъ, что онъ съ своей стороны имѣлъ только порученіе просить насъ о возвращеніи эскадры въ Сизополь, не касаясь сухопутныхъ войскъ. Я успокоилъ его, сказавъ, что Государь, не взирая на то, по великодушію Своему, согласился на отправленіе даже второй эскадры съ войскомъ въ Сизополь; но что, по измѣнившимся обстоятельствамъ, я требовалъ эскадру сію въ Босфоръ. Ахмедъ-паша очень обрадовался извѣстію, говоря, что имъ нужно было имѣть не 5 тысячъ вспомогательнаго войска, а всѣ 10 тысячъ, и даже весь корпусъ, собиравшійся подъ командою генералъ-адъютанта Киселева. Въ порывѣ искренности, онъ выхвалялъ безкорыстіе Государя, не домогающагося завладѣть Царемъградомъ, ибо, по словамъ его, столь малочисленное войско, вѣроятно, не выбралось бы обратно, еслибъ оно пришло съ такими видами.

Неосторожныя рѣчи сіи были сказаны безъ умысла; онъ ихъ слышалъ въ сужденіяхъ отъ кого-либо другаго. Онѣ доказывали еще недостатокъ довѣренности къ намъ въ Турецкомъ правительствѣ; но Ахмедъ-паша лично былъ чуждъ симъ чувствамъ. Казалось, что колебаніе Султана происходило болѣе изъ опасенія послѣдствій, могущихъ произойти отъ разномыслія сановниковъ.

Мы обошли съ Ахмедъ-пашею казармы 1-го легко-коннаго гвардейскаго полка, въ коихъ находились; онъ ничего не скрывалъ отъ меня. Имѣя надобность осмотрѣть безотлагательно восточный берегъ Босфора, я воспользовался случаемъ, приказалъ подать себѣ лошадь и поѣхалъ въ сопровожденіи командира полка полковника Авни-бея, съ нѣсколькими ординарцами, берегомъ до султанскаго кіоска, что въ долинѣ Хункяръ-Скелеси.

Авни-бей былъ молодой человѣкъ безъ какихъ-либо предразсудковъ, свойственныхъ Туркамъ. Онъ во всемъ старался подражать Европейцамъ, учился говорить по французски и, какъ обыкновенно водится въ такихъ случаяхъ, первымъ шагомъ его въ образованіи былъ развратъ. Не менѣе того, его считали добрымъ малымъ; мы впослѣдствіи короче съ нимъ познакомились, когда онъ былъ подъ моимъ начальствомъ, и онъ никогда не навлекалъ на себя моего неудовольствія. Дорогою онъ удовлетворялъ всѣмъ вопросамъ моимъ съ видимымъ усердіемъ. По всему пути не нашлось ни одного мѣста, удобнаго для занятія подъ лагерь, и такъ какъ мы прибыли въ Хункяръ-Скелеси уже ночью, то я не могъ порядочно разсмотрѣть этого мѣста, которое мнѣ тогда казалось не совсѣмъ удобнымъ. Я возвратился очень поздно въ Беюгъ-дэре.

Пользуясь предстоявшею мнѣ возможностію осмотрѣть окрестности независимо отъ Сераскира, со стороны коего встрѣчались затрудненія, мы отправились 22-го числа съ Ахмедъ и Мегмедъ-пашами, для осмотра лагерныхъ мѣстъ

въ долинѣ Беюгъ-дэре. Съ нами находились также турецкіе коммиссары, назначенные для снабженія и продовольствія войскъ по разнымъ предметамъ. Мы поднялись въ долинѣ Беюгъ-дэре за Юстиніановы водопроводы, и не нашли ни одного удобнаго мѣста. Низменныя мѣста были обработаны, возвышенныя же слишкомъ тѣсны; при томъ воды было мало, и говорили, что воздухъ въ долинѣ нездоровъ. Окончивъ объѣздъ, мы условились съ Ахмедъ-пашею осмотрѣть еще на другой день часть азійскаго берега, между Хункяръ-Скелеси и маякомъ Фанараки, находящимся у верховья пролива [1]).

Въ теченіи сего объѣзда, я полюбопытствовалъ спросить Ахмедъ-пашу, что было поводомъ къ странному обхожденію его нѣсколько дней тому назадъ, когда мы съѣхались для осмотра войскъ? Онъ съ искренностію увѣрялъ, что тогда принужденъ былъ принять на себя порученіе такого рода, совершенно вопреки своего желанія.

Между сими занятіями, возвратился посланный мною въ командировку Рельи, который доставилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о видѣнномъ имъ краѣ. Принцевы Острова по маловодью оказались неудобными для складовъ и учрежденія госпиталей. Жители пользуются тамъ дождевою водою, собирающеюся въ водоемахъ. Онъ сообщилъ мнѣ основательныя свѣдѣнія о совершенномъ безпорядкѣ и разстройствѣ, господствующемъ въ собранныхъ при Никомидіи войскахъ, коимъ едва ли имѣли перечневые списки. Кромѣ сего я зналъ о

---

[1]) Расположившись на привалѣ для отдыха, я былъ крѣпко ушибенъ въ лѣвую руку жеребцомъ Ахмедъ-паши, по неосторожности ординарца его подведшаго, такъ что въ первую минуту лишился чувствъ. Разумѣется, тотчасъ подали помощь. Я нѣсколько дней не могъ владѣть рукою, но не прекратилъ занятій своихъ. Султанъ, узнавши о случившемся, прислалъ ко мнѣ на другой день изъ своей аптеки какую-то мазь, коей цѣлебное свойство очень превозносили. Я въ самомъ дѣлѣ почувствовалъ вскорѣ облегченіе отъ нея.

турецкихъ войскахъ только по показаніямъ Мегмедъ-паши, коему Сераскиръ еще прежде приказывалъ сообщать мнѣ все, что онъ зналъ о количествѣ и расположеніи ихъ. Мегмедъ-паша довѣрялъ мнѣ и не скрывалъ истины; но онъ всегда противорѣчилъ себѣ въ показаніяхъ, потому что не зналъ настоящаго. Изъ словъ его можно извлечь было только, что въ Царѣградѣ и окрестностяхъ считалось восемь полковъ армейской пѣхоты, кромѣ султанской гвардіи, состоявшей изъ четырехъ полковъ пѣхоты и трехъ конницы. Въ Никомидіи полагалось двѣ бригады, и туда ожидали еще бригаду, находившуюся въ Боли. Распоряженіе это сдѣлано, можетъ быть, по моимъ настояніямъ, ибо я неоднажды представлялъ Сераскиру, съ какою опасностію сопряжено пребываніе слабаго отряда въ такомъ отдаленіи отъ главныхъ силъ.

23-го марта, недожидаясь согласія Сераскира для осмотра береговъ, я отправился въ Хункяръ-Свелеси по условію, наканунѣ сдѣланному съ Ахмедъ-пашею, и болѣе часа ожидалъ его съ лошадьми. По заведенному у Турокъ безпорядку, Ахмедъ-пашѣ приличествовало опоздать прибытіемъ на сборное мѣсто; допускалось и то, что лошадей привели меньше условленнаго числа, почему мы должны были отобрать лошадей у ординарцевъ, а ихъ оставить на мѣстѣ; но всего болѣе меня удивило, когда я послѣ первыхъ двухъ, или трехъ верстъ, замѣтилъ, что молодой и свѣжій начальникъ турецкой гвардіи началъ уставать, такъ что я долженъ былъ уговаривать его къ продолженію поѣздки. Ему вездѣ нужно было останавливаться, слѣзать съ лошади, отдыхать, курить трубку и пить кофе, гдѣ только могъ добыть его. Мѣстоположеніе, коего знаніемъ онъ хвалился, было ему совершенно неизвѣстно, хотя и весь азійскій берегъ состоялъ въ его вѣдомствѣ. Онъ не обращалъ никакого вниманія на выборъ лагернаго мѣста, удивлялся дѣлаемымъ мною разспросамъ о дорогахъ у жителей и проводниковъ, которыхъ

я собиралъ, и вообще присутствовалъ на этой рекогносцировкѣ, какъ послѣднее лице, ибо при взаимной пріязни нашей, я не имѣлъ времени обращаться къ нему и занимался единственно цѣлью поѣздки. Контръ-адмиралъ Лазаревъ желалъ также видѣть мѣста, и сопровождалъ насъ верхомъ на высокомъ буланомъ конѣ. Онъ до крайности измучился въ этой поѣздкѣ, продолжавшейся цѣлый день; къ тому же лошадь ему досталась тряская, сѣдло казалось ему неловко, и ему безпрестанно укорачивали стремена. Надобно отдать справедливость Лазареву, что, при непривычкѣ его къ верховой ѣздѣ, онъ превозмогъ усталость и во все время показалъ большую дѣятельность и вниманіе.

Мы пустились въ путь съ высотъ, отдѣляющихъ султанскій кіоскъ, Хункяръ-Скелеси, отъ берега и въѣхали на гору Великановъ. Тутъ первый кофе поднесенъ Ахмедъ-пашѣ, толстымъ и веселымъ дервишемъ, тамъ жившимъ при мечети, построенной у гробницы какого-то мусульманскаго великана — пророка Яушэ. Гора эта, замѣчательная по высотѣ своей, превышающей всѣ окрестныя горы, извѣстна по многимъ преданіямъ. По баснословнымъ сказаніямъ на вершинѣ ея сражались Титаны съ богами; по историческимъ преданіямъ, стоялъ на ней нѣкогда храмъ Юпитера; нынѣ же вершина ея украшается, кромѣ мечети, небольшимъ кіоскомъ, принадлежащимъ Султану. Видъ съ нея обширенъ и прелестенъ: открываются Черное и Мраморное моря, часть пролива и окрестности обоихъ береговъ его.

Отдалившись нѣсколько отъ берега, мы продолжали путь горами къ укрѣпленію Пойрасъ, не заѣхавъ въ Фанараки, чтобы не опоздать. Тутъ въ Ахмедъ-пашѣ пробудилось вниманіе. Онъ опасался Сераскира, или народнаго мнѣнія, убѣдительно просилъ насъ не входить въ береговыя укрѣпленія, и чтобы болѣе склонить насъ къ исполненію желанія своего, слѣзъ съ лошади и расположился у какого-то домишка небольшаго предмѣстія Пойраса, гдѣ и принялся за кофе. Не

взирая на это, мы съ Лазаревымъ вошли въ укрѣпленіе и осмотрѣли его вполнѣ. Турецкіе артиллеристы, въ немъ находившіеся, оробѣли и показали намъ все, чего мы желали. Мы нашли нѣсколько заряженныхъ орудій и заключили, что приготовленія такого рода не могли быть сдѣланы иначе, какъ противъ нашихъ эскадръ. Но къ чему служили такія ребяческія приготовленія, когда въ упадшемъ Турецкомъ царствѣ никто бы не дерзнулъ поднести фитиль къ орудіямъ! Надъ всѣми береговыми укрѣпленіями совершенно господствовали окрестъ-лежащія высоты. Пѣхотныхъ гарнизоновъ почти ни въ одномъ не было; орудія же находились отчасти въ довольно хорошемъ порядкѣ.

Возвращаясь отъ Пойраса, мы остановились у укрѣпленія Филь-Бурну. Тутъ Лазаревъ рѣшился насъ оставить, и нашедши какую-то обывательскую худую лодку, въ которую онъ едва могъ помѣститься съ сопровождавшимъ его офицеромъ, отправился къ эскадрѣ. Мы же объѣхали заливъ и пустились прелестными мѣстами, мимо величественныхъ развалинъ Генуэзскаго замка, къ берегу, въ мѣстечко Анадоли-Кавакъ, откуда каждый поѣхалъ въ свою сторону. Я отплылъ на одной изъ обывательскихъ лодокъ, тутъ находившихся, и былъ вскорѣ встрѣченъ выѣхавшимъ ко мнѣ на встрѣчу гребнымъ судномъ, на коемъ и прибылъ въ Беюгъ-дэре.

Общимъ совѣтомъ съ Бутеневымъ и Лазаревымъ, мы рѣшили поставить ожидаемое войско лагеремъ на первыхъ высотахъ, съ коихъ начался нашъ поѣздъ. Бутеневъ въ семъ случаѣ не излагалъ особеннаго мнѣнія. Лазаревъ желалъ того, потому что лагерь прикрывалъ эскадру, остановившуюся впрочемъ безъ всякой цѣли въ заливѣ Беюгъ-дэре. Мои же причины были слѣдующія:

1. Позиція на азійскомъ берегу болѣе угрожала египетской арміи.

2. Можно было предпринять всякое наступательное дѣйствіе, избѣгая перевозки людей, лошадей и обозовъ, съ одного берега пролива на другой.

3. Высадка на азійскомъ берегу болѣе успокоивала Турокъ, на счетъ безкорыстныхъ видовъ нашихъ въ отношеніи къ Царюграду.

4. Позиція сія прикрывала флотъ нашъ, коему угрожали баттареи азійскаго берега.

5. Мѣстоположеніе представляло тѣ выгоды, что лѣвый флангъ позиціи занималъ самое большое возвышеніе—гору Великановъ; правый упирался въ проливъ, коего берегъ въ семъ мѣстѣ изгибался, а фронтъ ея могъ обстрѣливаться продольными выстрѣлами съ судовъ нашихъ, которымъ для того надобно было только нѣсколько подвинуться внизъ по проливу.

6. Впереди позиціи и подъ выстрѣлами ея находилась обширная долина, называемая Султанскою, на которой имѣлся хорошій подножный кормъ.

7. Мѣсто это считалось жителями здоровымъ.

Всѣ эти удобства не представлялись въ соединеніи, какъ въ политическомъ, такъ и въ военномъ отношеніяхъ на европейскомъ берегу, гдѣ кромѣ того близость селеній, поставляя насъ въ частыя сношенія съ жителями, подвергла бы опасности въ случаѣ заразы. Хотя бы и можно было найти въ окрестностяхъ Перы, или Константинополя, выгодныя лагерныя мѣста; но я избѣгалъ ихъ, чтобы не устрашить Турокъ, а всего болѣе иностранцевъ.

Можно было поставить лагерь на азійскомъ берегу, впереди Скутари, по дорогѣ въ Никомидію, гдѣ имѣлось удобное для того мѣсто; но предположеніе это оставалось у меня въ виду, на случай совершеннаго соединенія войскъ нашихъ съ турецкою арміею.

По возвращеніи въ Беюгъ-дэре, я получилъ повелѣніе военнаго министра отъ 8-го марта, въ коемъ между про-

чимъ было сказано: «Государь, усматривая изъ послѣднихъ донесеній Бутенева, что мирные переговоры съ Мегмедъ-Али, не взирая на торжественныя его обѣщанія покориться законному своему государю, по упорству и несоразмѣрнымъ требованіямъ его, нетолько не приближаются къ благому концу, но что онъ, посредствомъ своихъ приверженцевъ, овладѣлъ Смирною,—въ сихъ затруднительныхъ для Порты обстоятельствахъ, признавалъ сообразнымъ съ ея пользами, сколь можно неотлагательно умножить вооруженныя силы наши въ Константинопольскомъ проливѣ или, по крайней мѣрѣ, приблизить вспомогательное войско къ сей столицѣ, дабы появленіемъ онаго понудить противника Порты къ скорѣйшему заключенію мира на справедливыхъ основаніяхъ или, въ случаѣ нужды, поставить ее въ возможность съ успѣхомъ защищать свои права силою оружія.»

Государь полагалъ, что такая мѣра, согласная съ даннымъ имъ обѣщаніемъ—поддерживать дѣятельнымъ вспоможеніемъ права и самостоятельность Порты, будетъ совершенно соотвѣтствовать видамъ и желанію Константинопольскаго кабинета. Мнѣніе сіе подкрѣплялось тѣмъ, что Турецкое правительство не возобновляло своихъ настояній о выводѣ нашей эскадры въ Сизополь.

Посему Государь повелѣвалъ графу Воронцову отправить, какъ можно поспѣшнѣе, оба отдѣленія сухопутнаго отряда не въ Сизополь, а къ Константинополю; мнѣ же съ Бутеневымъ предоставлялось употребить, по востребованію Порты, какъ флотъ, такъ и сухопутныя войска, къ достиженію важной цѣли, для коей они предназначались, обративъ 2-ю и 3-ю эскадру съ войсками въ Сизополь только въ такомъ случаѣ, еслибъ первая туда возвратилась.

Съ пароходомъ «Метеоръ», доставившимъ повелѣніе сіе изъ Одессы, графъ Воронцовъ увѣдомлялъ меня, что первый отрядъ десантныхъ войскъ отплылъ изъ Одессы 17 марта въ 6 часовъ утра на второй эскадрѣ, состоящей изъ трехъ

линейныхъ кораблей, одного фрегата, нѣсколькихъ транспортныхъ и коммерческихъ судовъ, подъ начальствомъ контръ-адмирала Кумани, и просилъ меня съ симъ же пароходомъ, совмѣстно съ Бутеневымъ, увѣдомить Кумани, куда ему слѣдовать. Мы немедленно писали Кумани, чтобы онъ вошелъ въ проливъ и остановился въ заливѣ Беюгъ-дэре.

Такъ рѣшилось прибытіе первыхъ высадныхъ войскъ въ Босфоръ и избраніе для нихъ лагеря близь сдѣлавшейся извѣстною Султанской долины, при Хункяръ-Скелеси.

ГЛАВА VI.

Прибытіе высадныхъ войскъ къ Царюграду.

Первыя высадныя войска появились еще 23 марта на двухъ зафрахтованныхъ судахъ, опередившихъ военную эскадру контръ-адмирала Кумани и бросившихъ якорь въ заливѣ Беюгъ-дэре. Нельзя было не порадоваться при видѣ нашихъ егерей, выглядывавшихъ чрезъ борты судовъ. Имъ также радостно было отдохнуть отъ плаванія и любопытно видѣть новый для нихъ свѣтъ, въ которомъ они внезапно очутились.

Эскадра съ первымъ отрядомъ прибыла 24-го числа. Отстали только одинъ транспортъ и два зафрахтованныхъ судна, которыя присоединились черезъ нѣсколько дней.

Вслѣдъ по прибытіи отряда, мы съ Бутеневымъ съѣздили къ Сераскиру и объявили ему, что Его Величество, узнавъ о непріязненныхъ дѣйствіяхъ Ибрагимъ-паши въ сторонѣ Магнезіи и Смирны, и постоянно сохраняя тѣ же чувства дружбы къ Султану, нынѣ являетъ новое доказательство Своего участія, приказавъ немедленно отправить къ нему на помощь и второй десантный отрядъ, который имѣлъ прибыть черезъ нѣсколько дней послѣ перваго, уже остановившагося на якорѣ въ заливѣ Беюгъ-дэре. Извѣстіе это, казалось, было Сераскиру непріятно; но онъ старался скрыть свое неудовольствіе и обѣщался доставить новому отряду тѣ же пособія, коими располагалъ снабдить первый. Често-

любивому старику много польстила статья, помѣщенная въ вѣдомостяхъ, объ усердіи, оказанномъ имъ по прибытіи эскадры контръ-адмирала Лазарева, за чтò онъ искренно изъявилъ намъ свою признательность. Мы условились съ нимъ на счетъ разныхъ предметовъ, касающихся продовольствія и снабженія войскъ, и положили свидѣться въ слѣдующее утро на азійскомъ берегу при мѣстѣ, назначенномъ для высадки.

25-го я прибылъ къ назначенному мѣсту, гдѣ уже засталъ Хозревъ-пашу, который съ дѣятельностію заботился о доставленіи всего нужнаго; нѣкоторые предметы были даже привезены. Желая польстить Сераскиру, я приказалъ представить ему отъ полковъ ординарцевъ и вѣстовыхъ, съ утра еще свезенныхъ на берегъ. Новое зрѣлище это, чистота одежды, а болѣе всего почесть, еще вящше расположила его въ пользу войскъ, и онъ предлагалъ услуги свои самымъ предупредительнымъ образомъ. При представленіи ординарцевъ, онъ долго занимался разсматриваніемъ аммуниціи ихъ, и въ особенности шанцоваго инструмента; завлекся наконецъ до такой степени, что присѣлъ среди комнаты на корточки и разобралъ цѣлый ранецъ до послѣдней бездѣлки. Цѣлый день дождикъ шелъ ливмя. Квартиргеры принимали мѣста для лагеря, дѣлались первыя распоряженія для высадки войскъ, и свезена только на берегъ саперная рота, которая занялась разработкою дорогъ, ведущихъ на позицію, безъ чего трудно было бы везти артиллерію на возвышенія. Сераскиръ, замѣтивъ работающихъ въ непогоду людей, немедленно приказалъ разбить для саперной роты лагерь изъ турецкихъ палатокъ.

Турки имѣютъ очень ограниченное понятіе о способностяхъ регулярныхъ войскъ, а потому они ожидали, на другой же день прибытія эскадры, видѣть уже все войско, выстроенное на берегу въ линію, и надѣялись забавляться маневрами. Заблужденіе это заманило самаго Султана, кото-

рый неожиданно прибылъ въ Терапію, гдѣ у него былъ дворецъ. О пріѣздѣ нечаяннаго гостя увѣдомилъ меня Ахмедъ-паша-муширъ, прервавшій занятія мои приглашеніемъ его Султанскаго величества прибыть къ нему съ адмиралами, бригаднымъ и полковыми командирами. Я съ возможною поспѣшностію позвалъ всѣхъ означенныхъ особъ и поѣхалъ въ Терапію. Султанъ принялъ насъ съ необыкновенною радостію и веселіемъ, выражавшимися и въ словахъ его и въ чертахъ лица. Онъ былъ одѣтъ въ желтоватомъ байковомъ, длинномъ, неуклюжемъ сюртукѣ, съ байковыми же маленькими погончиками на плечахъ, и сидѣлъ въ креслахъ среди просто убранной комнаты.

Я началъ извиненіемъ, что представлялся ему въ неопрятномъ сюртукѣ, потому что, занимаясь отводомъ лагерныхъ мѣстъ для войскъ, былъ весь вымоченъ дождемъ, и, спѣша явиться къ нему, не имѣлъ времени переодѣться. Все платье мое оставалось еще въ Беюгъ-дэре, въ домѣ посланника. При дворѣ Султана, въ нынѣшнее время, не обращаютъ никакого вниманія на одежду, и онъ нисколько не нашелъ страннымъ, что я представлялся ему въ такомъ видѣ. Онъ много спрашивалъ о состояніи войскъ и здоровьи людей, говоря, что любитъ ихъ и заботится о нихъ болѣе, чѣмъ о своихъ войскахъ, въ доказательство чего не обратилъ вниманія на дурную погоду и прибылъ изъ Чарагана въ Терапію, единственно, чтобы насъ видѣть. Говорилъ, что считаетъ войско сіе залогомъ дружбы Государя, и помнитъ, переданныя ему нѣкогда Галиль-пашею, слова Его Величества, въ коихъ заключалось обѣщаніе помочь ему въ случаѣ нужды. Рѣчи сіи называлъ онъ даже предсказаніемъ и ссылался на то, что графъ Орловъ впослѣдствіи подтвердилъ ихъ. Султанъ казался весьма довольнымъ двумя объявленіями, напечатанными въ вѣдомостяхъ, въ коихъ излагались причины, побудившія Государя прислать флотъ, и говорилъ, что дружба Его Величества выражается не од-

ними словами, но дѣломъ. Онъ просилъ меня безотлагательно, при немъ же, потребовать все, чтò нужно было для войскъ, а Сераскиру приказалъ въ особенности заботиться объ исполненіи моихъ требованій и очистить мнѣ самую лучшую квартиру вблизи лагеря; обѣщался, по высадкѣ войскъ, пріѣхать и осмотрѣть ихъ; наконецъ изъявилъ желаніе, чтобы всѣ присутствовавшія особы были представлены ему поимянно, и послѣ того отпустилъ насъ.

Обхожденіе Султана было очень привѣтливое. Рѣчь его была прерываема только увѣреніями моими въ готовности нашей служить ему и въ желаніи быть ему полезными. Онъ говорилъ, между прочимъ, что надѣялся на продолженіе дружбы Государя и по окончаніи нынѣшней войны. По выходѣ нашемъ, онъ прислалъ сказать мнѣ, что удовольствіе его усугубилось бы, еслибъ при этомъ свиданіи находился и посланникъ нашъ господинъ Бутеневъ. Бутенева тутъ не было, потому что онъ въ то время находился на совѣщаніи у Рейсъ-эффенди. Султанъ поручилъ также Сераскиру потребовать у меня списки всѣмъ сухопутнымъ чиновникамъ, имѣвшимъ надобность въ верховыхъ лошадяхъ, чтобы снабдить насъ ими, ибо въ семъ предметѣ встрѣчались большія затрудненія. Замѣчательно, что во все время разговора не было упомянуто ни слова о второмъ высадномъ отрядѣ, неизбѣжнаго прибытія коего Турецкое правительство не могло болѣе отклонить. Обстоятельство это подавало поводъ къ заключенію, что вся привѣтливость Султана была притворствомъ и слѣдствіемъ тяжкой необходимости, которой онъ покорялся. Кто проникнетъ въ потаенныя думы азіятскаго властелина, привыкшаго скрывать и помышленія свои и волненія страстей!

Султанъ вскорѣ послѣ насъ вышелъ и засталъ меня еще въ коридорѣ дворца. Сераскиръ, провожавшій насъ, встрѣтилъ его на ступенькахъ крыльца, бросился ему въ ноги и поцѣловалъ ихъ, въ присутствіи всѣхъ. Не знаю, съ како-

го повода онъ это сдѣлалъ, тѣмъ болѣе, что обыкновенія сего, сколько мнѣ извѣстно, нынѣ болѣе не существуетъ при дворѣ Султана. При этомъ дѣйствіи, на лицѣ Сераскира не выражалось раболѣпнаго страха; напротивъ того, лукавый царедворецъ, въ душѣ презиравшій Султана, принялъ на себя личину человѣка, увлеченнаго непомѣрнымъ чувствомъ уваженія къ своему государю, и лобызалъ сапоги его съ улыбкою, нашептывая какія-то льстивыя слова. Султанъ нѣсколько остановился, но не взглянулъ даже на Сераскира; онъ показывалъ себя равнодушнымъ къ такому изъявленію подобострастія, какъ къ случаю обыкновенному, и продолжалъ разговаривать со мною. Сходя съ крыльца и сѣвши даже въ лодку, онъ не переставалъ попеременно говорить со мною и Сераскиромъ, коему опять подтвердилъ приказаніе снабдить насъ верховыми лошадьми.

Радушный пріемъ, сдѣланный намъ Султаномъ, былъ всѣмъ пріятенъ и служилъ какъ бы наружнымъ примиреніемъ нашимъ съ турецкими сановниками, коихъ тяготила мысль видѣть въ закоренѣлыхъ врагахъ своихъ—покровителей. Ахмедъ-паша-муширъ, въ простотѣ чувствъ своихъ, не могъ скрыть радости, его объявшей. Онъ съ особеннымъ удовольствіемъ сообщилъ мнѣ, что баталіонъ и эскадронъ, назначенные для присоединенія къ намъ въ лагерѣ, поступятъ изъ султанской гвардіи, и потомъ съ торжественнымъ видомъ далъ замѣтить, что Французскій посолъ, коего домъ въ Терапіи находится по сосѣдству султанскаго дворца, былъ нѣкоторымъ образомъ свидѣтелемъ пріема и проводовъ. Сераскиръ немедленно отправился опять въ Хункяръ-Скелеси, для довершенія начатыхъ имъ распоряженій.

Нѣсколько дней послѣ того, я имѣлъ опять новое доказательство зависти, которую Сераскиръ питалъ къ Ахмедъ-пашѣ, и скрытнаго неудовольствія его на насъ. Онъ негодовалъ за то, что турецкій баталіонъ, назначенный для присоединенія къ намъ, былъ изъ султанской гвардіи, слѣд-

ственно подвѣдомственной Ахмедъ-пашѣ, и досадовалъ, видя, что распоряженіе союзниками ускользало изъ рукъ его. Драгоманъ Степанъ Вогориди, тогда уже князь Самосскій, написалъ ко мнѣ, отъ имени Сераскира, что бригадный генералъ, Неджибъ-паша, получилъ приказаніе расположиться съ однимъ баталіономъ своей бригады, вблизи нашего лагеря, съ тѣмъ чтобы имѣть полицейскій надзоръ вокругъ насъ и исполнять тѣ приказанія мои, которыя бы могли касаться его обязанности. Такая дерзкая выходка прикрывалась цѣлыми транспортами сухарей и продовольствія, которые Турецкое правительство вмѣстѣ съ тѣмъ къ намъ прислало.

Нельзя было оставить сего безъ вниманія, особливо на первыхъ порахъ, когда всякое дѣйствіе должно было имѣть вліяніе на послѣдующія. Я отвѣчалъ Вогориди, для передачи Сераскиру, что не видѣлъ никакой надобности присылать баталіонъ, для полицейскаго надзора въ окрестностяхъ лагеря, и что на этомъ уговорѣ я не имѣлъ никакихъ для него приказаній; что, въ случаѣ прибытія въ лагерь турецкихъ войскъ, я не могъ принять ихъ иначе, какъ добрыхъ гостей, сослуживцевъ, и обходиться съ ними наравнѣ съ тѣмъ баталіономъ, который мы уже условились присоединить къ нашему отряду. Я напомнилъ также, что мы уже согласились съ Сераскиромъ прикомандировать, для исправленія полицейскихъ надобностей, пятьдесятъ всадниковъ къ нашимъ казакамъ, чѣмъ и отклонилъ послѣднія попытки Хозревъ-паши, имѣть какое-либо вліяніе въ моихъ распоряженіяхъ. Баталіонъ этотъ никогда не приходилъ; но Неджибъ-паша черезъ нѣсколько дней явился и все время находился при мнѣ. Онъ былъ добрый, но пустѣйшій человѣкъ, служилъ намъ всѣмъ разумѣніемъ и усердіемъ своимъ, выучился играть въ свайку и спился. Послѣ этого случая, сношенія мои съ Сераскиромъ продолжались на самой дружественной ногѣ, не взирая на зависть его къ Ахмедъ-пашѣ, простиравшуюся до такой степени, что онъ изъ-

явилъ однажды неудовольствіе свое за то, что въ Journal de St. Pétersbourg сонерникъ его былъ названъ генералъ-адъютантомъ Султана (не существующимъ въ Турціи званіемъ) и первымъ приближеннымъ любимцемъ своего государя.

Съ самаго дня прибытія отряда, погода стояла холодная, лилъ дождь и нѣсколько разъ шелъ снѣгъ; по ночамъ же бывалъ морозъ. Все это было причиною, что высадка войскъ на берегъ нѣсколько замедлилась, ибо я опасался болѣзней между людьми. Я не спѣшилъ также высадить всего отряда вдругъ, чтобы не встрѣтить недостатковъ, неразлучныхъ въ каждомъ новомъ случаѣ, съ коимъ еще ни начальники, ни подчиненные не свыклись. Однако, прежде 1-го числа апрѣля, всѣ войска уже были свезены съ судовъ, и больныхъ во всемъ отрядѣ было только 95 человѣкъ. Люди были веселы и по возможности бодры: ихъ радовала перемѣна. Солдатъ нашъ истинно отдыхаетъ, въ военное время, отъ мирныхъ трудовъ своихъ. Новый родъ обязанностей, которыя ему представляются, при всей обширности, не стѣсняютъ его духа, и онъ, видя пользу занятій, приступаетъ къ исполненію ихъ съ удовольствіемъ. Онъ оживаетъ въ настоящемъ кругу дѣятельности своего званія, и всего болѣе опасается возвращенія мирнаго времени,—занятій учебныхъ лагерей и жизни въ казармахъ.

30-го числа пріѣзжалъ въ лагерь, по приказанію Султана Ахмедъ-паша-муширъ, для узнанія о числѣ больныхъ и состояніи здоровья войскъ. Онъ обошелъ со мною лагерь, любовался людьми, пробовалъ на кухняхъ пищу, просилъ не щадить трудовъ его въ пользу войскъ и объявилъ, что Султанъ самъ располагалъ скоро прибыть для осмотра ихъ. Послѣ того, просилъ показать ему артиллерійскіе пріемы при заряжаніи орудія. Посмотрѣвъ ихъ, онъ взялъ банникъ, и, ставъ къ орудію съ находившимся при немъ турецкимъ артиллерійскимъ полковникомъ, сдѣлалъ, съ большою ловкостію, нѣсколько разъ, по счету, всѣ пріемы съ банникомъ и паль-

никомъ, по командѣ другаго турецкаго офицера. Старшіе начальники образующихся турецкихъ войскъ щеголяютъ знаніемъ обязанностей простаго солдата.

Ахмедъ-паша увѣдомилъ меня, что вслѣдъ за нимъ имѣли привезти 55-ть верховыхъ лошадей, которыхъ Султанъ даритъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ отряда. Я просилъ его еще повременить нѣсколько дней, по той причинѣ, что мы не устроились и негдѣ было держать лошадей. Ихъ потому отправили въ казармы 1-го легко-коннаго турецкаго полка; привели же опять и раздѣлили этихъ лошадей послѣ, когда мы уже имѣли способы содержать ихъ.

Мнѣ нужно было переговорить съ Муширомъ о нѣкоторыхъ вещахъ, и потому, осмотрѣвъ лагерь, мы расположились съ нимъ въ большой и прекрасной палаткѣ, которую Турки разбили для меня на мысѣ Сельви-Бурну. Мысъ этотъ ознаменовался впослѣдствіи многими празднествами и памятникомъ, воздвигнутымъ войсками. О нихъ будетъ упомянуто въ своемъ мѣстѣ. До меня, съ нѣкотораго времени, доходили слухи, будто народъ и турецкія войска, по случаю прибытія нашего, ропщутъ до такой степени, что многіе начальники не скрывали негодованія своего, и даже грозились перейти на сторону Ибрагима, въ случаѣ, если онъ только двинется впередъ; слухи эти побудили меня спросить Ахмедъ-пашу, въ какой степени можно было имъ вѣрить. Онъ отвѣчалъ, что они вообще ложны, что войска вѣрны Султану, что безъ сомнѣнія между ними кроется нѣсколько недовольныхъ, на которыхъ впрочемъ не стоитъ обращать вниманія. «Ропотъ же,» продолжалъ онъ, «въ народѣ возбуждался врагами Султана, какъ напримѣръ, вскорѣ по прибытіи отряда, драгоманъ Французской миссіи Лапіеръ (Lapierre) ходилъ по домамъ знатнѣйшихъ особъ, разглашая ложныя извѣстія о намѣреніи вашемъ завладѣть Константинополемъ. Благомыслящіе видятъ, сколько это несправедливо; войска ваши прибыли, и народъ успокоивается.

Такимъ же образомъ носились слухи, что Русскіе заняли уже Адріанополь; но если-бъ это было справедливо, то мы, безъ сомнѣнія, знали бы о томъ чрезъ мѣстныхъ начальниковъ.» По поводу этого, Ахмедъ-паша находилъ нужнымъ поспѣшить присоединеніемъ къ лагерю нашему баталіона и эскадрона турецкой гвардіи, говоря, что ихъ надобно, какъ можно чаще, перемѣнять другими, чтобы люди ихъ съ нашими свыклись.

Я спрашивалъ его также, справедливы ли дошедшіе до меня слухи, что изъ лагеря Ибрагимъ-паши прибыли въ Царьградъ два франка (иностранца), которые разносили по домамъ возмутительныя объявленія. Онъ подтвердилъ это; но сказалъ, что не знаетъ этихъ людей. Пользуясь чистосердечіемъ Ахмедъ-паши, я полюбопытствовалъ узнать отъ него, почему никто изъ турецкихъ чиновниковъ, ни одного раза ни упоминалъ мнѣ объ ожидаемомъ второмъ высадномъ отрядѣ, и почему самъ Султанъ не говорилъ мнѣ о томъ при свиданіи нашемъ въ Терапіи. Онъ объяснилъ причину молчанія Султана о второмъ отрядѣ тѣмъ, что разговору его тогда много было свидѣтелей; «но», прибавилъ онъ, Султанъ съ удовольствіемъ ожидаетъ новыхъ войскъ и приметъ ихъ наравнѣ съ прибывшими.» — Явное доказательство слабаго въ дѣлахъ вліянія Султана, не дерзавшаго гласно обнаружить своего образа мыслей, прежде рѣшенія Порты, просившей только о присылкѣ пяти-тысячнаго отряда.

Порученіе мое принимало видъ, почти исключительно военный. Занимаясь устройствомъ отряда, не должно было упустить изъ вида собираніе свѣдѣній о состояніи непріятеля, на что̀ прежде не обращалось достаточнаго вниманія. Я посылалъ нѣсколько человѣкъ изъ Армянъ и Грековъ въ лагерь Ибрагимъ-паши; но люди эти, объятые страхомъ, рѣдко доставляли удовлетворительныя извѣстія. Нѣкоторыя получались отъ Ахмедъ-паши-мушира. Первыя извѣстія, доставленныя имъ, собраны изъ показаній слуги его Османъ-

бея, возвратившагося изъ окрестностей египетской главной квартиры, откуда онъ выѣхалъ 20-го марта. Считаю нужнымъ изложить ихъ здѣсь, чтобы ознакомить читателя съ состояніемъ дѣлъ въ непріятельскомъ войскѣ, въ началѣ прибытія нашего на Босфоръ.

Въ Кютаіэ находилось два полка пѣхоты, три конницы, триста арабскихъ всадниковъ и тридцать два орудія, изъ коихъ восемь, не за долго до того времени, прибыли изъ Карагиссара. Въ Кютаіэ имѣлъ прибыть послѣ того еще одинъ баталіонъ пѣхоты, а изъ Кютаіэ отправлялось назадъ до тысячи человѣкъ больныхъ и неспособныхъ, пострадавшихъ болѣе отъ замороженія рукъ и ногъ. Прибытіе этого баталіона подало поводъ къ разглашенію, что 20 т. египетскихъ войскъ заняли Бруссу, Енигель и другія окрестныя мѣста. Въ Кютаіэ изготовлялось еще восемь сотъ квартиръ, и ожидали туда прибытія Кучукъ-Ибрагимъ-паши; но. послѣднее извѣстіе подвергалось сомнѣнію, по показанію одного Галебскаго купца, видѣвшаго за двадцать дней предъ тѣмъ Кучукъ-Ибрагимъ-пашу въ Аданѣ, съ тремя полками пѣхоты. Говорили, что первоначальное назначеніе отряда сего было въ Сивасъ. Въ одной мечети, находящейся внѣ Кютаіэ, читали какое-то объявленіе, присланное изъ Египта, наполненное, по словамъ Турокъ, ложными извѣстіями и обманчивыми разсказами. По сему случаю Ибрагимъ-паша собиралъ войска и стрѣлялъ изъ пушекъ. За десять дней до того, египетскій вождь не принималъ къ себѣ въ службу добровольно являвшихся для опредѣленія; но послѣ того всѣхъ желающихъ записывали въ войска, всѣхъ проѣзжающихъ останавливали, опрашивали и обыскивали. До прибытія въ Кютаіэ, за всѣ продовольственные припасы, братые у жителей, платилось наличными деньгами; но послѣ выдавались однѣ квитанціи. Не взирая на то, войска не нуждались въ продовольствіи; ибо всѣ окрестные санджаки (уѣзды) признавали власть Ибрагима и исполняли его требованія.

Сколь ни сбивчивы и мало удовлетворительны эти свѣдѣнія, но по нимъ можно было заключать, что Египтяне не прекращали своихъ приготовленій къ дальнѣйшимъ военнымъ дѣйствіямъ, и потому я не переставалъ побуждать турецкое правительство къ принятію дѣятельныхъ оборонительныхъ мѣръ.

При вышеописанномъ свиданіи моемъ съ Ахмедъ-пашею, я также настаивалъ, чтобы не теряли изъ вида происходящаго въ египетской арміи. Онъ былъ совершенно дружески расположенъ къ намъ, и лучше другихъ вникалъ въ мысли мои. Муширъ передалъ мнѣ занимательныя свѣдѣнія о непріятельскихъ силахъ, полученныя имъ отъ египетскаго провіантскаго чиновника, продовольствовавшаго войско и бѣжавшаго къ Туркамъ. Онѣ составлены, не по наличному числу людей, находившихся въ строю, а по количеству полагавшихся на продовольствіи. Свѣдѣнія эти значатся въ приложеніяхъ къ сей книгѣ, въ таблицѣ подъ литтерою R. Я не могъ совершенно исправить въ ней запутанностей, происходящихъ отъ неясности понятій Турокъ въ дѣлахъ нѣсколько сложныхъ, и въ составленіи вѣдомостей. Ахмедъ-паша, кромѣ того, обѣщался прислать ко мнѣ для спроса одного отставнаго подполковника турецкихъ войскъ Гассанъ-бея, недавно выѣхавшаго изъ окрестностей Кютаіэ, куда онъ посылалъ лазутчиковъ, для узнанія о непріятелѣ.

Гассанъ-бей пріѣхалъ ко мнѣ на другой день. Онъ сказывалъ, что за 25-ть дней передъ тѣмъ, между офицерами египетской арміи носились слухи о возвращеніи; но что послѣ начали, напротивъ того, говорить о возобновленіи военныхъ дѣйствій. Не взирая на продовольствіе, собираемое отъ жителей, большая часть запасовъ доставлялась въ армію изъ Айдина, Аданы и Саталіи, въ такомъ количествѣ, что за удовлетвореніемъ текущихъ надобностей, наполнялись еще магазины въ самой Кютаіэ. Изъ Саталіи прибыло также 20 вьюковъ съ деньгами, привезенными изъ Египта. По полу-

ченіи ихъ, немедленно приступили къ удовлетворенію войскъ жалованьемъ, коего не выдавалось въ теченіи трехъ мѣсяцевъ. Старшины разныхъ уѣздовъ въ Малой Азіи часто собирались у Ибрагимъ-паши, по случаю предположеннаго въ тѣхъ мѣстахъ набора войскъ; но наборъ еще не начинался. Гассанъ-бей говорилъ, что по ночамъ выводили изъ Кютаіэ войска, подъ предлогомъ ученья, и что къ свѣту возвращалась только часть ихъ; почему и полагали, что Ибрагимъ-паша предпринялъ какое-либо скрытное движеніе къ сторонѣ Смирны. Большая часть нерегулярной конницы состояла изъ Бедуиновъ, нѣкотораго числа Дели и Курдовъ; ея считалось до 3 т. Она была расположена въ окрестностяхъ Кесаріи, и полагали, что въ случаѣ наступательнаго движенія, отрядъ этотъ будетъ направленъ къ Ангорѣ, для прикрытія праваго фланга египетской арміи.

Предположительное движеніе Ибрагимъ-паши къ Смирнѣ, слѣдственно и къ Дарданелламъ, должно было обратить особенное вниманіе наше, ибо по овладѣніи зáмками, онъ открывалъ свободный входъ своему флоту въ Геллеспонтъ, и аттаковалъ Константинополь съ моря. Англія и Франція, коихъ дружелюбныя сношенія съ нами были весьма сомнительны, могли присоединить флоты свои къ египетскому, и тогда балтійская эскадра наша, стоявшая въ Греческихъ водахъ, была бы отрѣзана. Намѣреніе мое было, въ такомъ случаѣ, аттаковать Ибрагима во время движенія его во флангъ, или, по крайней мѣрѣ, настичь на пути хвостъ колонны его. Необходимо было привести Дарданелльскіе зáмки, въ особенности Азійскій, въ оборонительное состояніе съ сухаго пути, откуда онъ почти совершенно открытъ. Я говорилъ о томъ нѣсколько разъ Сераскиру, еще до отъѣзда моего въ Египетъ; но мѣры, предпринимаемыя имъ, для исполненія представляемаго мною, были слабы. Нынѣ я рѣшительно требовалъ того и настаивалъ, чтобы, для съёмки тѣхъ мѣстъ и указанія работъ, было допущено отправленіе

въ Дарданеллы нашихъ офицеровъ. Такъ какъ Хозревъ-паша все еще дѣлалъ проволочки, то я довелъ намѣреніе мое до свѣдѣнія Султана, по приказанію коего Сераскиръ не могъ явно ослушаться. Онъ послалъ въ Дарданеллы нѣсколько пѣхоты и турецкаго инженеръ-полковника Магмедъ-бея, коему приказано было во всемъ исполнять требованія посланныхъ мною. Комендантъ Дарданелльскій Салехъ-паша, о коемъ упомянуто было выше, получилъ также повелѣніе во всемъ способствовать нашимъ офицерамъ, и отправленіе сдѣлано съ исправностью, вынужденною повелѣніемъ Султана. Въ послѣдствіи, Сераскиръ самъ убѣдился въ необходимости такого распоряженія.

Вся экспедиція къ Дарданелламъ поручена была генеральнаго штаба полковнику Дюгамелю. Онъ былъ спабженъ нужными приказаніями къ турецкому мѣстному начальству. Къ пему пазначенъ въ помощь инженеръ-подполковникъ Бюрно, коему исключительно поручалось снятіе на планъ укрѣпленій Геллеспонта, и обратить вниманіе Турецкаго правительства на тѣ исправленія, для коихъ средства находились у нихъ подъ рукою. Дюгамелю поручалось сдѣлать съёмку береговъ пролива, распространивъ ее на азійской сторонѣ сколь можно болѣе внутрь края, для чего и назначено было къ нему еще два офицера. На него возлагалось обозрѣніе работъ, производимыхъ Турками, для охраненія азійскаго зáмка Чанахъ-кале отъ нападенія съ сухаго пути, съ тѣмъ, чтобы сообщать Салехъ-пашѣ о недостаткахъ, которые бы онъ замѣтилъ. Ему приказано было вникнуть въ отправленіе службы по береговымъ укрѣпленіямъ, въ состояніе турецкой артиллеріи, запасовъ ея, и убѣждать Пашу къ приведенію предметовъ сихъ въ надлежащій видъ, въ случаѣ же неуспѣха, представлять о томъ ко мнѣ. Онъ долженъ былъ доносить мнѣ о всѣхъ извѣстіяхъ, справедливыхъ и ложныхъ, которыя бы туда доходили на счетъ непріятеля, посылая нарочныхъ лазутчиковъ къ сторонѣ Смирны и Брус-

сы, равно увѣдомлять меня о дѣйствіяхъ Французовъ и Англичанъ въ Средиземномъ морѣ и Архипелагѣ.

Для этой экспедиціи былъ назначенъ, съ согласія контръ-адмирала Лазарева, фрегатъ «Эривань», который былъ отданъ въ распоряженіе Дюгамеля. Ему приказано остановить фрегатъ на якорѣ близь Галлиполи, и слѣдовать въ Чинахъ-кале азійскимъ берегомъ, или на турецкихъ лодкахъ, чтобы не возбудить опасеній Турокъ, или кичливости другихъ державъ, появленіемъ русскаго военнаго судна въ самомъ проливѣ. Предосторожность эта нужна была и для того, чтобы не подвергнуть фрегата, въ случаѣ безвѣтрія, опасности, еслибы непріятель неожиданно занялъ береговыя укрѣпленія. Къ сей экспедиціи назначены, по распоряженію флотскаго начальства, два морскихъ офицера: Путята и Корниловъ, образованные молодые люди, коимъ поручено заняться своими наблюденіями, независимо отъ сухопутнаго начальства.

На случай приближенія къ Геллеспонту египетскихъ войскъ или эскадры ихъ, Дюгамелю предоставлялось остаться въ Чанахъ-Кале, еслибы онъ находилъ возможнымъ удержать непріятеля при содѣйствіи своемъ, и еслибъ Турки изъявили на то свое желаніе. Въ противномъ случаѣ, ему велѣно возвратиться со всѣми офицерами, за исключеніемъ находившагося при немъ поручика Дайнези, который тогда долженъ былъ остаться въ Дарданеллахъ, для собиранія и доставленія ко мнѣ, всѣми возможными путями, свѣдѣній о происходящемъ.

Дайнези, родомъ Перотъ, числился адъютантомъ при генералъ-квартирмейстерѣ дѣйствующей арміи. Онъ прибылъ съ высадными войсками безъ всякаго назначенія, съ однимъ только письмомъ ко мнѣ отъ своего генерала. Впослѣдствіи получено повелѣніе военнаго министерства оставить его при войскахъ. Я затруднялся дать ему другую должность, ибо онъ былъ изъ числа людей, не привыкшихъ нести тяжкихъ обязанностей службы, и пріѣхалъ въ Константинополь бо-

лѣе для своего удовольствія и для свиданія съ родными, нежели для дѣла. Приливъ бездолжностныхъ особъ довольно обыкновененъ въ такомъ случаѣ. Я не могъ однако жаловаться на большое число ихъ. Флотъ также не отдѣлался отъ подобныхъ лицъ. Прислали къ намъ флигель-адъютанта капитана Монрое, родомъ Американца. Его называли сыномъ президента Соединенныхъ Штатовъ. Такъ какъ не знали куда съ нимъ дѣваться, то посадили его на одинъ изъ фрегатовъ эскадры и назначили начальникомъ абордажной команды, которая существовала только по названію. Монрое впослѣдствіи отправился въ Грецію, гдѣ, сказывали, и умеръ.

1-го числа апрѣля, экспедиція въ Геллеспонтъ совсѣмъ изготовилась къ отплытію, какъ пріѣхалъ ко мнѣ Рельи, для представленія турецкаго чиновника, имѣвшаго проводить Дюгамеля въ Дарданеллы, и съ просьбою отъ Сераскира—отсрочить еще на нѣсколько времени отправленіе фрегата. Поводомъ къ тому, по мнѣнію Рельи, служило то, что въ Портѣ получены извѣстія изъ Кютаіэ объ успѣхѣ переговоровъ, которые велись съ Ибрагимомъ черезъ посредство посланнаго туда турецкаго Амеджи и отправившагося туда же Варена, который много суетился послѣ оскорбительнаго письма, полученнаго Руссеномъ отъ Мегмедъ-Али-паши. Носились слухи, говорилъ Рельи, будто нѣсколько баталіоновъ Арабовъ уже двинулись въ обратный путь. Не находя нужнымъ останавливать экспедиціи, я велѣлъ отвѣтить, что не могу сдѣлать того, ибо отправленіе это приказано самимъ Султаномъ, и фрегатъ «Эривань» тогда же, 1-го апрѣля, снялся съ якоря; но, за противнымъ вѣтромъ, не могъ еще выйдти въ Мраморное море.

Того же дня Сераскиръ былъ въ лагерѣ и не упоминалъ ни слова о просимомъ имъ промедленіи. Сколь ни мало правдоподобны были извѣстія, доставленныя отъ Рельи объ отступленіи Египтянъ,—они привели мнѣ на память дошедшіе до меня слухи о сказанномъ будто въ недавнемъ вре-

мени Мегмедъ-Али-пашею, что онъ не опасается русскаго войска: ибо, въ случаѣ появленія онаго, Ибрагимъ-паша получитъ приказаніе отступить къ предѣламъ Сиріи, куда вѣрно за нимъ не послѣдуютъ, а ему можно будетъ оставаться тамъ въ вооруженномъ положеніи и, занявъ крѣпкія мѣста, всегда угрожать Султану.

Мнѣ неизвѣстны въ точности послѣдствія переговоровъ, которые велись тогда въ Кютаіэ, ибо предметъ этотъ выходилъ уже изъ круга моихъ занятій. Свѣдѣнія сіи получались Бутеневымъ и сообщались имъ графу Нессельроде, мнѣ же передавались только изустно; знаю однако же, что переговоры эти не имѣли тогда успѣха. Турки сначала надѣялись получить обратно завоеванныя у нихъ области, потомъ спорили только за тѣснины Тавра и объ Аданѣ. Египтяне оспаривали эти два важные пункта; Французы же вели себя двулично и не пользовались, повидимому, уваженіемъ ни съ чьей стороны.

Въ такихъ обстоятельствахъ, слабость Турецкаго правительства, волнуемаго несогласіями европейскихъ миссій, ежедневно обнаруживалась. Въ Портѣ существуетъ издревле обыкновеніе — ежегодно утверждать главныхъ чиновниковъ государства въ ихъ званіяхъ, при чемъ дѣлаются и новыя назначенія. Указъ Султана, по сему случаю издаваемый, съ означеніемъ сановниковъ, называется Тевджигатъ. 1-го числа апрѣля былъ обнародованъ списокъ, въ коемъ Ибрагимъ-паша утверждался въ званіяхъ правителя Абиссиніи, начальника санджака Джедды и надзирающаго за Меккою. Мегмедъ-Али-паша утверждался въ званіи правителя Египта, съ порученіемъ ему въ управленіе Дамаска и должности Мири-хаджи (начальника хаджей *). Сею уступчивостію Порта надѣялась еще удержать возмутившагося подданнаго въ границахъ умѣренности, и, польстивъ Пашѣ полупризнаніемъ за нимъ за-

*) Хаджи—странствовавшіе Мусульмане, для поклоненія гробу Магомета, въ Мекку.

воеванной области, удержать за собою Адану; но такая слабость имѣла тѣ послѣдствія, которыхъ можно было ожидать. Мегмедъ-Али-паша смѣялся надъ грамматами своего государя и тѣмъ съ большею дерзостію простиралъ свои требованія. Однако же, въ намѣреніи прикрыть настойчивость свою нѣкоторымъ видомъ приличія, онъ отпустилъ изъ Кютаіэ, въ Царьградъ, плѣненнаго имъ подъ Коніею, бывшаго визиря Решидъ-Мегмедъ-пашу, коего удержаніе не приносило ему никакой пользы и могло быть сопряжено съ издержками. Военачальникъ этотъ, уважаемый въ народѣ, даже и послѣ несчастія его постигшаго, по прибытіи въ Царьградъ, просилъ позволенія у Султана отдохнуть отъ понесенныхъ имъ трудовъ, въ своемъ загородномъ домѣ, чтó въ Балта-Лиманѣ на Босфорѣ. Султанъ согласился на его просьбу, показывалъ къ нему уваженіе и не лишилъ расположенія, пріобрѣтеннаго прежними его заслугами. Решидъ-Мегмедъ-паша велъ жизнь уединенную. По сказанію посѣщавшихъ его, онъ былъ задумчивъ, но воспламенялся при разсказахъ о послѣднемъ походѣ и съ жаромъ объяснялъ бѣдствіе свое.

Удивительно было, что Египетскій паша, потерявъ надежду овладѣть Константинополемъ, не обратился съ частію войскъ, остававшихся въ Сиріи, къ Багдаду, лежащему въ тылу завоеваній его. Хотя Турецкое правительство и усилило въ тѣхъ странахъ рекрутскіе наборы, такъ что изъ двухъ баталіоновъ, тамъ находившихся, было сформировано четыре, или цѣлый полкъ; но войско это никогда бы не было въ состояніи удержаться противъ малаго египетскаго отряда, который бы направился въ ту сторону. Багдадъ покорился бы по одному вліянію, пріобрѣтенному побѣдителемъ въ Азіи. Мегмедъ-Али-паша могъ присоединить обширную и населенную область къ своимъ владѣніямъ. Умѣренность, показанная имъ въ семъ случаѣ, можетъ только объясниться опасеніемъ его сдѣлаться сосѣдомъ новой дер-

жавы—Персіи, которая издавна домогается обладанія Багдадомъ, и могла оспаривать у него это новое завоеваніе.

Объяснивъ политическое состояніе дѣлъ, я снова обращаюсь къ домашнимъ, т. е. къ происходившему въ лагерѣ, и устройству высаднаго войска.

1-го же апрѣля я переѣхалъ изъ Беюгъ-дэре въ лагерь и расположился со своимъ штабомъ въ селеніи, находившемся у берега моря, на правомъ флангѣ позиціи. Мнѣ отвели квартиру въ довольно хорошемъ домѣ, изъ коего открывался видъ Терапіи и южной половины пролива. Другія строенія по сосѣдству были заняты подъ различныя управленія, при отрядѣ находившіяся. Обязанностію считаю назвать ближайшихъ сотрудниковъ, способствовавшихъ мнѣ къ устройству и сохраненію порядка въ войскахъ, начальству моему ввѣренныхъ,—мнѣ пріятно исполнить этотъ долгъ, по многимъ заслугамъ, коими они пріобрѣли право на мою признательность.

Генеральнаго штаба подполковникъ Мендъ былъ назначенъ мною къ исправленію должности оберъ-квартемистра. Подъ его руководствомъ производились съёмки окрестностей лагеря и обоихъ береговъ Босфора. Собраніе плановъ, сдѣланныхъ подъ руководствомъ его, представлено военному министерству, и обогатило топографическое депо наше новыми и вѣрными свѣдѣніями о занимательныхъ мѣстахъ, въ коихъ мы находились; кромѣ того, Мендъ исполнялъ всѣ обязанности, принадлежащія званію его.

Званіе дежурнаго штабъ-офицера возложено было мною на лейтенанта Лутковскаго, котораго я взялъ съ фрегата «Штандарта». О немъ упоминается въ началѣ этихъ записокъ. Способности Лутковскаго и отличныя качества души его доставили ему всеобщее уваженіе и любовь каждаго.

Званіе начальника штаба я находилъ лишнимъ, а потому ни на кого не возлагалъ его.

Капитанъ Вульфертъ былъ назначенъ начальникомъ всей артиллеріи, т. е., нашей и турецкой, впослѣдствіи въ лагерѣ находившейся. Онъ завѣдывалъ также парками, пріобрѣлъ особенную довѣренность между Турками и распоряжался иногда, по порученію моему, работами производившимися для насъ въ Цареградскомъ арсеналѣ. Достойный офицеръ этотъ отличался неутомимою дѣятельностію и точностію во всѣхъ его занятіяхъ. По свойствамъ души его, онъ, какъ и лейтенантъ Лутковскій, оставили въ памяти моей самыя пріятныя воспоминанія о совмѣстномъ служеніи нашемъ.

Капитанъ лейтенантъ Серебряковъ получилъ званіе коменданта главной квартиры—самое непріятное во всемъ отрядѣ, ибо оно возлагало на него посредничество въ сношеніяхъ нашихъ съ Турками, и лагерныхъ жителей съ пріѣзжими. Сношенія эти часто преграждались мѣрами карантинныхъ предосторожностей, также на него возложенныхъ.

Штабъ мой былъ числомъ очень ограниченъ. Я всегда избѣгалъ многочисленныхъ штабовъ, и въ семъ случаѣ удалось мнѣ на опытѣ убѣдиться въ мысли, что ихъ можно значительно сократить; ибо сверхъ означенныхъ лицъ въ штабѣ моемъ, находилось только три или четыре офицера, въ томъ числѣ и офицеры Генеральнаго Штаба. Въ большемъ количествѣ чиновниковъ надобности не предстояло.

Кромѣ этихъ чиновниковъ, находились еще при отрядѣ управленія: инженерное, коммисаріатское и провіантское. Начальникомъ перваго былъ подполковникъ Бюрно, который имѣлъ отдѣльное порученіе. Офицерамъ этого вѣдомства предстояло мало занятій; въ нихъ могла только встрѣтиться нѣкоторая надобность при открытіи военныхъ дѣйствій. Прочія два управленія получили свое образованіе еще въ Россіи, до отплытія отряда. Въ нихъ состояло довольно большое число чиновниковъ. Первые были преимущественно заняты госпиталемъ, коего содержаніе было порядочное. На-

чальникомъ ихъ былъ коммисіонеръ Ермолаевъ, занимавшійся исключительно раздачею жалованья и отпускомъ суммъ.

Провіантскаго управленія начальникомъ былъ чиновникъ 5-го класса В. Онъ, кромѣ того, занялъ при штабѣ званіе, которое неминуемо падаетъ на одно изъ лицъ въ каждомъ обществѣ,— шута. Родомъ Грекъ. онъ имѣлъ всю хитрость своихъ соотечественниковъ, низостью же своею превосходилъ, можетъ быть, многихъ; онъ уже былъ старъ, любилъ разсказывать объ экспедиціи въ Голландіи, въ коей онъ участвовалъ въ прошедшемъ столѣтіи, и, какъ видно было, давно уже посвятилъ себя званію, въ коемъ онъ находилъ свое удовольствіе. Дѣлà его шли довольно безпорядочно; но такъ какъ все продовольствіе, получаемое отъ Турецкаго правительства, передавалось прямо въ войска, то и не могло произойти большихъ запутанностей.

Медицинскою частію управлялъ докторъ Богушевичь. Изъ числа лѣкарей, присланныхъ собственно для госпиталя, очень немногіе заслужили вниманіе по искусству ихъ.

Переводчиковъ сначала у насъ никого не было; впослѣдствіи я нанялъ людей низкаго званія изъ Армянъ и Грековъ, которые находились безотлучно при начальникахъ разныхъ частей. Я предпочиталъ ихъ драгоманамъ изъ Перотовъ. Они обходились гораздо дешевле и заслуживали болѣе довѣренности. Требованія Перотовъ всегда превосходили ограниченную службу, которую отъ нихъ можно было ожидать. Намъ нуженъ былъ только одинъ грамотный переводчикъ. Бутеневъ назначилъ ко мнѣ въ эту должность титулярнаго совѣтника Богданова—достойный и усердный молодой человѣкъ, знающій порядочно Турецкій языкъ. Его не умѣли цѣнить въ миссіи, потому что онъ одинъ былъ Русскій среди многихъ Перотовъ, занимавшихъ мѣста драгомановъ. При всемъ томъ, мнѣ не удалось избѣжать иностранцевъ, въ званіи переводчиковъ. Я безуспѣшно отказывался отъ

одного молодаго Перота, едва знавшаго нѣсколько словъ по-русски и по-турецки. Кромѣ того, по распоряженію министерства иностранныхъ дѣлъ, былъ назначенъ, для состоянія при сухопутномъ отрядѣ, въ званіе драгомона Грекъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, князь Ханжіери. Человѣкъ этотъ былъ порядочно образованъ и зналъ хорошо восточные языки, но я не имѣлъ въ немъ надобности. Онъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Царьградъ въ отпускъ и, какъ кажется, напросился на это мѣсто, чтобы сохранить содержаніе свое. По прибытіи князя Ханжіери, я всячески отдѣлывался отъ него, но не успѣлъ: онъ съ настойчивою покорностію, не выходя впрочемъ изъ границъ приличія, хотѣлъ быть драгоманомъ при мнѣ, и я вынужденъ былъ принять его въ этомъ званіи; но такъ какъ онъ пріѣхалъ въ Царьградъ съ женою, то я по обоюдному желанію нашему оставилъ его въ Беюгъ-дэре, откуда онъ пріѣзжалъ въ извѣстные дни ко мнѣ за дѣломъ. Порученія, на него возлагаемыя, исполнялись всегда съ точностію, и я былъ имъ доволенъ. По отъѣздѣ нашемъ изъ Турціи, князь Ханжіери остался при миссіи, гдѣ занялъ мѣсто драгомана. Бутеневъ сначала также отдѣлывался отъ него, но подъ конецъ нашелъ въ немъ полезнаго сотрудника.

2-го числа былъ праздникъ Воскресенія Христова. Всѣ генералы, адмиралы и штабъ-офицеры сухопутнаго и морскаго вѣдомствъ собрались поутру къ обѣдни въ посольской церкви, гдѣ находился и Бутеневъ со всѣми дипломатическими чиновниками. При семъ случаѣ соблюдена приличная торжественность. Бутенева всѣ любили и уважали; кромѣ того, каждый изъ начальниковъ считалъ себя обязаннымъ почтить въ немъ, въ чужой землѣ и въ присутствіи иностранцевъ, представительное званіе, въ которое онъ былъ облеченъ. Всѣ остались у него обѣдать и разъѣхались домой уже передъ вечеромъ.

Между всѣми Русскими, находившимися тогда въ Царь-

градѣ, я былъ по чину старшій; но такъ какъ общее начальство не было никому поручено, то каждый занимался исключительно своею частію, не вмѣшиваясь въ чужія дѣла, а только передавая другимъ получаемыя имъ свѣдѣнія. При всемъ томъ, во все время пребыванія нашего на Босфорѣ, не произошло между нами неудовольствій. Иногда принужденъ я былъ входить отчасти и въ политическія дѣла, ибо турецкіе чиновники всего охотнѣе ко мнѣ ѣздили; въ этомъ отношеніи я никогда не встрѣчалъ препятствій со стороны Бутенева. Лазаревъ же не выходилъ изъ круга дѣйствій своихъ, чуждался Турокъ и всего посторонняго. Онъ посвящалъ все вниманіе свое на устройство судовъ и морской части, въ пользу коей, казалось, готовъ былъ пожертвовать всѣми другими видами правительства, а потому и мало принималъ участія въ дѣлахъ политики.

Доброе согласіе между нами тремя имѣло, безъ сомнѣнія, большое вліяніе на успѣхъ дѣла, и на ту степень довѣренности, которую пріобрѣли мы у Турецкаго правительства. Совокупныя занятія наши были недоступны для иностранцевъ. Когда встрѣчалось какое либо важное обстоятельство, по коему нужно было согласить различныя мнѣнія, то мы, по уговору, съѣзжались къ одному изъ насъ и вмѣстѣ рѣшали дѣло, предоставляя всегда Бутеневу въ дѣлахъ политическихъ тотъ перевѣсъ, который ему принадлежалъ по званію, имъ занимаемому и многолѣтней опытности его. Намъ случалось отправляться втроемъ на совѣщанія къ Рейсъ-эффенди и другимъ турецкимъ сановникамъ. Совмѣстныя поѣздки наши по Босфору подали поводъ Французскому послу, или чиновникамъ миссіи его, выразиться съ насмѣшкою на нашъ счетъ. Они называли насъ les trois puissances, трехъвластіе; но въ завистливой насмѣшкѣ этой являлось, напротивъ того, безсиліе козней ихъ, низверженныхъ мощнымъ единомысліемъ трехъ разнородныхъ властей—знаменіе

прямыхъ дѣйствій правительства нашего, разрушившаго ихъ крамолы.

Праздникъ провели въ лагерѣ съ возможнымъ соблюденіемъ обрядовъ закона нашего и отечества. Султанъ, желая дать намъ къ тому еще болѣе средствъ, привѣтливостію своею достигъ высшей степени утонченности, которую только можно было ожидать отъ Мусульманина. По случаю наступившей пасхи, онъ поздравилъ войско съ праздникомъ, присылкою съ особеннымъ чиновникомъ 25-ти яицъ, множества сыра и большаго количества Архипелагскаго вкуснаго и крѣпкаго вина, похожаго на мадеру, которое солдаты нѣсколько дней пили вмѣсто квасу. Для офицеровъ прислано большое количество съѣстныхъ припасовъ, сластей разнаго рода и нѣсколько ящиковъ шампанскаго вина. Все это было принято и роздано въ тотъ же день, т. е., 3-го апрѣля. Кромѣ того, Махмудъ подарилъ войскамъ мясной порціи, живымъ скотомъ, въ такомъ количествѣ, что на каждаго человѣка досталось около шести фунтовъ говядины,—подарокъ полезный для поддержанія солдатскихъ силъ. Но скотъ этотъ, по словамъ чиновника, доставившаго наличные припасы, еще собирался съ жителей, въ окрестностяхъ Никомидіи. Стадо, на этотъ предметъ назначенное, пригнали къ намъ только чрезъ нѣсколько дней. Замѣчательны, переданныя мнѣ при семъ случаѣ черезъ доставившаго гостинецъ, слова Ахмедъ-паши, что подарокъ этотъ присланъ отъ Султана къ войскамъ Его Императорскаго Величества, безъ предварительнаго совѣщанія съ Портою, но по собственному его побужденію и дружелюбному расположенію къ намъ.

Разногласіе, существовавшее между Махмудомъ II-мъ и Государственнымъ Совѣтомъ его, явно обнаруживалось. Повидимому, не старались даже скрыть отъ насъ такія странныя сношенія; напротивъ того, какъ бы указывали намъ путь, коего надлежало держаться. На другой день пріѣзжалъ ко мнѣ съ поздравленіемъ, по случаю праздника, Сераскиръ-

паша — вѣжливость, выходящая изъ ряда обыкновенныхъ привѣтствій со стороны Турокъ, ибо она противна обрядамъ Исламизма. Такъ какъ подарокъ Султана шелъ черезъ Ахмедъ-пашу и Сераскиръ не обязанъ былъ знать о немъ, то я объявилъ ему о томъ. Желая на первыхъ порахъ уже раздѣлять съ турецкими войсками, какъ труды наши, такъ и частныя выгоды, я приказалъ отдать армейскимъ командамъ, состоявшимъ подъ вѣдѣніемъ Сераскира и занимавшимъ вмѣстѣ съ нами караулы у пристаней, достающуюся на долю ихъ, по количеству людей, часть всего гостинца. Вниманіе это было имъ пріятно. Небольшая часть войскъ сихъ, ежедневно обращавшаяся съ нами, начинала уже свыкаться. Отъ нихъ наряжались ко мнѣ ординарцы и вѣстовые, а къ разводу собирались бригадный командиръ Неджибъ-паша и другіе штабъ и оберъ-офицеры. Это было еще только предварительное знакомство наше съ турецкими войсками.

4-го числа, Ахмедъ-паша прислалъ ко мнѣ одного изъ чиновниковъ своихъ, Гассанъ-бея, сказать, что Порта получила извѣстіе о приготовленіяхъ, дѣлаемыхъ Ибрагимъ-пашею къ отступленію изъ Кютаіэ. Посланіе это, повидимому, имѣло цѣлью оправдать удивительный Тевджигатъ, изданный Султаномъ объ утвержденіи египетскихъ бунтовщиковъ въ государственныхъ званіяхъ. Порта, говорилъ посланный, поспѣшила обнародовать сдѣланное Султаномъ утвержденіе главныхъ чиновниковъ государства, въ томъ числѣ Мегмедъ-Али и сына его, потому что въ прежніе года оно дѣлалось гласнымъ, обыкновенно на четвертый день послѣ праздника Байрама, въ нынѣшнемъ году давно уже миновавшаго. Извѣстіе это доставлено возвратившимся изъ Кютаіэ Французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Вареномъ, который увѣрялъ, что Египетскій паша удовольствуется Сиріею и Галебомъ и возвратитъ Султану прочія области, занимаемыя имъ въ Малой Азіи, въ томъ числѣ и Адану.

Варенъ ручался даже за эту уступку, обѣщаясь написать Ибрагимъ-пашѣ съ настоятельнымъ требованіемъ, объ исполненіи сихъ условій. Порта, продолжалъ Гассанъ-бей, приметъ мѣры, чтобы убѣдиться въ точномъ исполненіи обѣщаннаго Вареномъ.

И такъ казалось, что Турецкое правительство, снова прибѣгло къ Французамъ; но могли ли турецкіе сановники надѣяться, чтобы одно письмо со стороны Французскаго повѣреннаго подѣйствовало, когда онъ, личнымъ своимъ присутствіемъ въ Кютаіэ, ни въ чемъ не успѣлъ? Порта не могла также ошибаться на счетъ двуличныхъ дѣйствій его, тѣмъ болѣе, что политическія дѣла, со времени пріѣзда Руссена, не должны были уже зависѣть отъ Варена. Изворотъ этотъ скрывалъ другое. Ахмедъ-паша, въ семъ случаѣ, былъ слѣпымъ орудіемъ Порты, дѣйствовавшей по проискамъ Варена. Порта пустила извѣстіе сіе ко мнѣ съ человѣкомъ, державшимъ нашу сторону, въ намѣреніи дать намъ почувствовать, что договоръ съ Мегмедъ-Али-пашею, на успѣхъ коего она надѣялась, исполнится не по нашему участію въ дѣлахъ, что Ибрагимъ-паша отступитъ не изъ страха къ намъ. Французы же хотѣли на себя принять заслугу эту въ глазахъ Турецкаго правительства.

5-го апрѣля прибылъ въ лагерь турецкій отрядъ гвардіи, который поступилъ въ мою команду и расположился на позиціи въ первой линіи. Онъ состоялъ изъ одного баталіона пѣхоты, одного эскадрона легкоконцевъ и двухъ орудій. Главное начальство отряда поручено мною, старшему командиру эскадрона, подполковнику Авни-бею, о коемъ упоминается выше. Я сдѣлалъ отряду сему смотръ. Люди были отборные и лучшей наружности, въ сравненіи съ другими турецкими войсками, мною видѣнными. Они пришли въ боевой и походной аммуниціи, но безъ сухарей и патроновъ. Лошади были порядочно содержаны.

Въ тотъ же день явился ко мнѣ самъ Ахмедъ-паша. Онъ

представилъ мнѣ начальниковъ турецкихъ войскъ, поступившихъ въ мою команду и просилъ быть снисходительнымъ къ ихъ недостаткамъ. «Вы не должны болѣе сомнѣваться», продолжалъ онъ, «въ полной довѣренности, которую Султанъ имѣетъ къ Государю вашему. Онъ искренно признателенъ къ великодушію Императора, остановившаго военныя дѣйствія Мегмедъ-Али-паши угрозами, переданными ему черезъ васъ. Государь вашъ доказалъ расположеніе Свое къ Султану присылкою войскъ. Мы принимаемъ ихъ съ радостію, какъ самыхъ дорогихъ гостей, и признаемъ, что мѣра сія понудила Ибрагима къ отступленію. У насъ уже получены извѣстія, что онъ началъ обратное движеніе свое».

Я представилъ ему, что Ибрагимъ-паша, изъ опасенія къ намъ, могъ отступить; но что присутствіе наше не препятствовало ему остаться въ Сиріи безъ заключенія мира и вооруженнымъ, съ намѣреніемъ возобновить военныя дѣйствія, при первомъ удобномъ случаѣ.

«Очень легко можетъ случиться», отвѣчалъ Ахмедъ-паша; «мы должны теперь на это смотрѣть сквозь пальцы, ибо нынѣ желаемъ только остановить военныя дѣйствія, и выиграть время. Вамъ самимъ извѣстно, что народъ нерасположенъ къ Султану; по настоящему, однѣ войска остались ему вѣрными. Однако еслибъ Ибрагимъ, далѣе простирая дерзость свою, не очистилъ бы Аданы, то я не останусь спокойнымъ, и, даже подъ опасеніемъ положить голову свою, буду настаивать, чтобы идти съ турецкими войсками, и совокупно съ вами аттаковать Египтянъ. Это единогласно признали необходимымъ Султанъ, Сераскиръ и я. Адана, рѣшительно ни въ какомъ случаѣ, не отдастся Ибрагиму. Помните ли сказанное вамъ Султаномъ при свиданіи въ Терапіи, что онъ надѣялся на продолженіе дружбы Государя, столь существенно ему покровительствующаго? Султанъ желаетъ связать эти узы дружбы оборонительнымъ и наступательнымъ союзомъ съ Императоромъ, и сдѣлать союзъ сей

гласнымъ предъ всѣми дворами Европы. Скажите, какихъ вы мыслей на этотъ счетъ»?

Нельзя мнѣ было дать положительнаго отвѣта, ибо меня не снабдили никакими наставленіями на такой случай; въ дѣлѣ же, по разграниченію, Государь рѣшительно не хотѣлъ, чтобы мы мѣшались. Я подтвердилъ только увѣренія въ дружбѣ Государя къ Султану и сказалъ, что предлагаемый союзъ могъ еще вящще укрѣпить эту связь; но что основательный отвѣтъ на сей счетъ могъ дать только Бутеневъ, до коего это касалось—и немедленно сообщилъ посланнику это новое обстоятельство.

Не менѣе того, Ахмедъ-паша всячески старался склонить меня въ пользу предлагаемаго союза и, для бо̀льшаго успѣха, искалъ возбудить соревнованіе наше искреннимъ изложеніемъ поступковъ Турецкаго Двора, въ отношеніи къ другимъ державамъ. «Мы получили», говорилъ онъ, «отъ Намикъ-паши, поѣхавшаго въ Англію для испрошенія помощи, письмо, коимъ онъ увѣдомляетъ, что Англійскіе Король, Королева и Министры очень удивились, когда узнали объ испрашиваемомъ Султаномъ покровительствѣ у Россіи, распространившей предѣлы свои завоеваніемъ турецкихъ областей. Англія отказала намъ въ пособіи, но послала полковника Кампбеля къ Мегмедъ-Али съ предложеніемъ покориться; Султану же прислала въ подарокъ двадцать пушекъ. Вы знаете, что у насъ ихъ болѣе тысячи есть праздныхъ. Изъ Лондона Намикъ-паша поѣхалъ въ Парижъ, также для испрошенія пособія. Франція вооружила четыре линейныхъ корабля, шесть фрегатовъ и пять мелкихъ судовъ, для усмиренія Египетскаго паши, еслибъ онъ не покорился. Нынѣ Намикъ-паша, окончивъ порученіе на него возложенное, получилъ отъ Султана приказаніе ѣхать въ Петербургъ, для возблагодаренія Государя Императора за всѣ милости, имъ оказанныя. Что же до меня касается, то вы знаете, что я душею преданъ Русскимъ, не скрываю своего образа мыс-

лей, и счелъ бы себя въ особенности счастливымъ, еслибъ Султанъ удостоилъ меня отправленіемъ въ Петербургъ, съ порученіемъ къ Государю Императору».

Въ послѣднихъ словахъ Мушира заключалось предложеніе, въ послѣдствіи свершившееся. Въ рѣчахъ его обнаруживался образъ мыслей самого Султана. Ахмедъ-паша хотѣлъ дать передо мною полную гласность видамъ государя своего, и просилъ меня довести ихъ до свѣдѣнія Императора; а потому я при немъ же записалъ все сказанное имъ, и обѣщался исполнить просьбу его.

Когда кончилось наше политическое совѣщаніе, то я обратился къ другимъ предметамъ: просилъ его сообщить мнѣ цѣны продовольственныхъ припасовъ для войскъ, содержаніемъ коихъ Государь не желалъ обременить Султана. Ахмедъ-паша отвергнулъ мои предложенія. «Счетъ этотъ маловаженъ», сказалъ онъ, «вы гости Султана, а между государями бываютъ дружелюбныя сношенія, въ которыя мы, какъ подданные, не имѣемъ права вмѣшиваться».

Узнавши, что я располагалъ сдѣлать рекогносцировку къ рѣкѣ Сакаріи и по берегу Чернаго моря, онъ просилъ меня отложить это еще на нѣсколько дней, до полученія положительнаго отвѣта отъ турецкаго Амеджи, посланнаго для переговоровъ въ лагерь къ Ибрагимъ-пашѣ, на что̀ я согласился. Касательно же отправленія Дюгамеля въ Дарданеллы, Ахмедъ-паша сказалъ, что Султанъ симъ былъ очень доволенъ, и просилъ доставить къ нему копію съ выписки изъ наставленія, даннаго Дюгамелю, которую я прежде препроводилъ къ Сераскиру.

За тѣмъ онъ провелъ остальную часть дня со мною въ лагерѣ, упражняясь въ разныхъ занятіяхъ со своими артиллеристами и всадниками, смотрѣлъ наше застрѣльщичье ученье и обращалъ вниманіе турецкихъ начальниковъ на всѣ предметы устройства въ нашихъ войскахъ.

7-го апрѣля, обѣдали и провели у меня весь вечеръ Бутеневъ и Датскій повѣренный въ дѣлахъ, Гюбшъ.

10-го апрѣля, Султанъ прислалъ ко мнѣ Ахмедъ-пашу-ферика, узнать о состояніи войскъ. По приказанію государя своего, онъ сообщилъ мнѣ, что на дняхъ пріѣхало въ Царьградъ тринадцать человѣкъ какихъ-то Французовъ, называвшихъ себя Сенъ-Симонистами и одѣтыхъ совершенными чудаками. Они поселились, безъ всякаго спроса и позволенія, подлѣ одной турецкой караульни. Султанъ, узнавши о томъ, послалъ Ахмедъ-пашу-мушира съ вооруженными солдатами, чтобы окружить жилище ихъ и спросить, за какою надобностію они прибыли въ Константинополь. Домъ былъ обставленъ часовыми. Муширъ, опасаясь пришельцевъ, вошелъ, съ ружьемъ въ рукахъ, и требовалъ отъ нихъ объясненія. Они приняли его вѣжливо и посадили средь себя для выслушанія отвѣтовъ. Тогда Симонисты объявили ему, что они выходцы изъ Парижа, гдѣ оставили общаго отца своего, содержащагося въ тюрьмѣ, и нынѣ отыскиваютъ въ Царѣградѣ общую мать свою. По обрѣтеніи ея, водворится на всей землѣ миръ и спокойствіе, война между Западомъ и Востокомъ прекратится навсегда, и всѣ люди будутъ одного общаго закона. Разсказы о женщинѣ, не соотвѣтственные обычаямъ Турокъ, показались имъ странными и возродили ихъ любопытство. Они спросили у Симонистовъ, по какимъ признакамъ они узнàютъ въ Царѣградѣ искомую женщину, и получили въ отвѣтъ, что женщина эта изъ всѣхъ умнѣйшая и прелестнѣйшая. «У насъ всѣ женщины хороши, вы встрѣтите затрудненія въ отысканіи вашей матери», возразили Турки, и поговоривъ еще нѣсколько съ Симонистами, они вышли, оставивши ихъ подъ карауломъ.

На другой день, Сераскиръ, которому поручено было отъ Султана привести дѣло это въ ясность, позвалъ Симонистовъ къ себѣ. Они ему объявили тоже самое, что̀ Муширу. Когда Сераскиръ увидѣлъ, что другаго толку отъ нихъ не-

добьется, то вознамѣрился удалить съ ловкостью изъ Царяграда этихъ иностранцевъ, которые казались подозрительными. Хозревъ-паша разговорился съ ними ласково и призналъ сужденія ихъ, объ отыскиваемой женщинѣ, справедливыми. «Она», продолжалъ умный старецъ, «точно была здѣсь, и вы попали на слѣдъ ея; но теперь уѣхала, а потому совѣтую вамъ искать ее въ другомъ мѣстѣ».

Ахмедъ-паша-муширъ послѣ говорилъ мнѣ, что сколь ни странны казались ему эти Симонисты; но они были люди покойные, никому не дѣлали зла и обладали даромъ убѣжденія до такой степени, что посидѣвъ съ ними нѣсколько— впрочемъ съ ружьемъ въ рукахъ—онъ не могъ не восхищаться краснорѣчивыми доводами ихъ. Желая примѣниться къ моему образу мыслей, для руководствованія себя въ обхожденіи съ пришельцами, онъ сказалъ, что ихъ располагали отправить въ Одессу, и спросилъ, какъ бы съ ними обошлись въ Россіи? Я отвѣчалъ, что подобнаго рода праздношатающихся людей въ Россіи бы не допустили проповѣдывать. Онъ нашелъ, что и въ Турціи также слѣдовало имъ воспретить свободное обнаруженіе своихъ правилъ.

Вотъ чѣмъ кончилось дѣло о Симонистахъ. Посолъ Руссенъ, тщеславный защитникъ своихъ соотечественниковъ, узнавши, что Симонисты не нашли себѣ покровительства у султанскаго двора, требовавшаго ихъ выѣзда, сперва вступился за нихъ съ жаромъ, какъ бы за нарушеніе уваженія, должнаго людямъ его націи, слѣдственно и лицу его. Дворъ съ хладнокровіемъ принялъ возраженіе посла, и, согласившись на желаніе его, отправилъ пришельцевъ къ нему въ домъ. Когда они начали проповѣдывать свои правила во Французской миссіи, обременять ее требованіями, и наводить всеобщія насмѣшки, то Руссенъ отказался отъ своихъ соотечественниковъ и, чтобы развязаться съ земляками, онъ послалъ ихъ обратно къ Турецкому правительству, которое, слѣдуя первоначальному опредѣленію Сераскира, велѣло ихъ

посадить для отысканія женщины на какое-то купеческое судно, отплывавшее на Югъ.

Слышно было, въ послѣдствіи времени, что Симонисты попали въ Египетъ, гдѣ сначала проповѣдывали въ Александріи новый законъ свой, а наконецъ приняли магометанскій и поступили въ службу, въ войско Паши.

11-го апрѣля явился ко мнѣ начальникъ дивизіи, генералъ-лейтенантъ Отрощенко, и прибылъ второй десантный отрядъ, состоявшій изъ 3-й бригады 26-й пѣхотной дивизіи. Составъ отряда сего показанъ въ вѣдомости, подъ буквою S., находящейся въ приложеніяхъ къ этой книгѣ. Войска прибыли на военныхъ корабляхъ, составлявшихъ третію эскадру Черноморскаго флота, подъ командою контръ-адмирала Стожевскаго. Огромный трехъ-дечный корабль «Парижъ», на коемъ находился Адмиралъ, случайно бросилъ якорь противъ самыхъ оконъ дома Французской миссіи. Войска втораго отряда приняты Султаномъ съ тѣмъ же дружелюбіемъ, какъ и предшествовавшія.

Къ тому времени политическія дѣла были въ слѣдующемъ положеніи. Турецкій Амеджи изъ Кютаіэ писалъ въ Порту, что онъ болѣе ничего не въ силахъ сдѣлать; что Ибрагимъ, скрывая явное намѣреніе, силою удержать за собою Адану, требовалъ себѣ права назначать туда намѣстниковъ, по своему избранію. Въ слѣдствіе этихъ извѣстій, въ Портѣ собирался совѣтъ, на коемъ присутствовалъ Ахмедъ-паша муширъ. Рейсъ-эффенди сообщалъ Бутеневу, что на совѣтѣ рѣшено было пригласить изъ Кютаіэ для переговоровъ въ Царьградъ, нѣсколько особъ, изъ числа находившихся при Ибрагимъ-пашѣ, съ намѣреніемъ заключить какое-либо условіе, касательно требованія Аданы. Прибывшій гонецъ доставилъ къ Французскому послу письмо отъ Ибрагимъ-паши. Египетскій вождь отзывался, что непремѣнно хочетъ удержать за собою Адану. Онъ домогался этого не просьбою, но явнымъ требованіемъ, для чего и остановилъ обратное

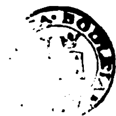
движеніе. Письмо къ Руссену содержало слѣдующія выраженія: «Порта обѣщалась уступить мнѣ Адану, а теперь отказывается отъ уступки сего мѣста.» Собравшійся совѣтъ немедленно отправилъ къ Ибрагимъ-пашѣ гонца, съ приглашеніемъ повѣренныхъ.

Извѣстія эти были доставлены ко мнѣ Бутеневымъ. Между тѣмъ, присланный ко мнѣ отъ Султана, по дѣламъ о войскахъ, Ахмедъ-паша-ферикъ говорилъ, что Султанъ желалъ возобновить военныя дѣйствія противъ Египтянъ; но что ему въ томъ препятствовали министры, на что̀ онъ крайне досадовалъ.

Вскорѣ послѣ него навѣстилъ меня Ахмедъ-паша-муширъ и передалъ мнѣ записку одного выходца изъ арміи Ибрагимъ-паши. Въ ней заключались разныя подробности о сдѣланныхъ Египетскимъ вождемъ распоряженіяхъ, для обратнаго движенія войскъ, и между прочимъ объ отправленіи части, взятыхъ у Турокъ, орудій въ Александрію. Въ этой запискѣ заключались также извѣстія о распоряженіяхъ, дѣлаемыхъ Египетскимъ правительствомъ, для устроенія желѣзнаго завода близь Аданы и вырубки въ окрестностяхъ этого мѣста корабельныхъ лѣсовъ. Изъ взгляда и пріемовъ Ахмедъ-паши видно было, что онъ сими новыми извѣстіями хотѣлъ только успокоить меня и изгладить впечатлѣніе, произведенное предшествовавшими сообщеніями другаго Ахмедъ-паши.—Султанъ хотѣлъ войны; но вмѣстѣ съ тѣмъ боялся ея, и отъ того дѣйствовалъ нерѣшительно. Я замѣтилъ Муширу, что доставленныя имъ свѣдѣнія касались событій, случившихся прежде прибытія гонца изъ Кютаіэ. Онъ нѣсколько смѣшался и сознался, что отступленіе Ибрагимъ-паши точно было пріостановлено; но послѣ, какъ бы оправдывая врага ихъ, присовокупилъ, что Ибрагимъ-паша просилъ Адану не для отца своего, а собственно для себя. Изъ такого нелѣпаго оборота можно было видѣть, что слабое правительство

Султана соглашалось уже па уступку важнаго пункта—Аданы—возмутившемуся Пашѣ.

13-го апрѣля получены первыя извѣстія отъ Дюгамеля. По имѣвшимся у него письмамъ, онъ былъ принятъ весьма хорошо Салехъ-пашею и допущенъ къ осмотру всего, чего хотѣлъ. Онъ похвалялъ расторопность и усердіе турецкаго инженеръ-полковника Мегмедъ-бея. Онъ сообщилъ мнѣ предположенія свои для исправленія укрѣпленій пролива и обороны его, съ требованіемъ усиленія платы рабочимъ. Проекты сіи были переданы Сераскиру,—все исполнено, и плата рабочимъ усилена, невзирая на то, что уже въ Дарданеллахъ распространились слухи о мирѣ, вслѣдствіе изданнаго Султаномъ Тевджигата. Дюгамель также доносилъ о прибытіи Англійскаго посла, лорда Понсонби, въ Тенедосъ; почему и распространились слухи объ ожидаемой будто въ тѣхъ водахъ англійской эскадрѣ, состоящей изъ двадцати четырехъ судовъ. Все донесеніе его было послано мною къ Сераскиру, котораго много польстилъ сей новый знакъ довѣренности.

ГЛАВА VII.

Пребываніе войскъ на Босфорѣ.

Лагерь нашъ расположенъ былъ на высотахъ въ нѣсколько линій. Правый флангъ задней линіи тянулся къ морю и упирался къ мысу Сельви-Бурну. Лѣвый покрывалъ вершину знаменитой горы Великановъ, а переднія линіи располагались на уступахъ покатости, склоняющейся къ прелестной долинѣ Хункяръ-Скелеси, или Султанской. На правомъ флангѣ первой линіи, къ сторонѣ моря, на склонѣ горы, находились небольшой кіоскъ Султана и бумажная фабрика. Въ концѣ долины и оттуда до селенія, въ коемъ располагалась квартира моя, тянулись по берегу моря купы огромныхъ яворовъ *) необыкновенной красоты. Густыя вѣтви и зелень ихъ доставляли тѣнь и прохладу, необходимыя въ жаркіе дни, и служили жилищемъ соловьямъ, поселившимся тутъ во множествѣ. Пріятна была вечерняя прогулка, при лунномъ сіяніи, въ сихъ очаровательныхъ мѣстахъ.

Станъ нашъ не имѣлъ вида учебныхъ лагерей, означающихся длинными рядами палатокъ, расположенныхъ въ знойныхъ равнинахъ. Правила кастраметаціи соблюдались въ каждомъ баталіонѣ отдѣльно; но баталіоны стояли соотвѣт-

---

*) Деревья сіи такъ велики, что когда войска вышли на берегъ еще безъ палатокъ, то въ дуплѣ одного изъ этихъ яворовъ расположился баталіонный адъютантъ со своею канцеляріей.

ственно гористому мѣстоположенію и въ общей согласности съ обороною, представляющеюся самою позиціей. Разнообразіе это напоминало намъ походы прошедшаго времени и способствовало къ поддержанію бодрости въ людяхъ, неравнодушныхъ къ красотамъ природы. Палатки были разбиты среди лавровыхъ кустовъ, произрастающихъ тамъ во множествѣ. Солдаты предохраняли себя отъ зноя солнечныхъ лучей, покрывая легкія жилища свои вѣтвями лавра. Шатры украшались миртомъ и цвѣтами, собираемыми въ полѣ. Видъ лагеря былъ прелестный, и на оборотъ, изъ каждый точки лагеря открывались восхитительные виды во всѣ стороны.

Гору Великановъ, высочайшую по всему берегу Босфора, можно назвать ключемъ позиціи нашей. Намъ необходимо было занять ее; но я не рѣшался сдѣлать того безъ совершеннаго согласія Турецкаго правительства, потому что на вершинѣ горы была мечеть или Текіэ *), при гробницѣ, называемой Мусульманами могилою пророка Яушэ, отъ котораго и гора называется по-турецки Яушэ-дагъ. Народъ имѣетъ особенное уваженіе къ сему мѣсту. Больные отправляются на поклоненіе къ гробницѣ, въ надеждѣ получить тамъ исцѣленіе. Ахмедъ-паша, при всемъ желаніи быть намъ пріятнымъ, долго старался отклонить занятіе этой горы; но, видя настойчивость мою, онъ согласился. Раннею весною вершина горы покрывалась туманами. Солнце, разгоняя ихъ, освѣщало бѣлыя палатки наши. Быстрый переходъ отъ мглы къ полуденному зною могъ вредить здоровью людей, а потому я принужденъ былъ свести баталіонъ, занимавшій вершину, пониже, и расположилъ его опять на горѣ, когда погода сдѣлалась постояннѣе.

Такъ какъ большая часть главы сей посвящена обзору занятій нашихъ, то я на время отступлю отъ принятаго

*) Названіе это принадлежитъ храмамъ, въ коихъ служеніе производится дервишами.

мною порядка излагать случившееся по числамъ, и соединю здѣсь вообще замѣчанія, сдѣланныя мною во все время пребыванія въ Турціи, о состояніи нашихъ и султанскихъ войскъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ упомяну о взаимныхъ сношеніяхъ нашихъ и упражненіяхъ, почему вводное описаніе это можетъ заключать сужденія, основанныя на происшествіяхъ, встрѣтившихся позднѣе тѣхъ, которыя займутъ опять мѣста свои въ дневникѣ, прежнимъ порядкомъ по числамъ.

Войска, прибывшія въ десантъ, были мало способны къ дѣйствію, въ особенности къ движенію. Они состояли изъ вновь сформированныхъ полковъ, наполнены большею частію изнуренными рекрутами, немалымъ числомъ порочныхъ людей и опредѣленныхъ въ службу за бродяжничество. При отправленіи сихъ войскъ изъ Одессы, лучшіе люди находились въ домовыхъ отпускахъ и, для укомплектованія баталіоновъ, ихъ наполнили людьми изъ резервовъ, которые, по обыкновенію, воспользовались этимъ случаемъ, чтобы сбыть все, что̀ у нихъ было худшаго. Они отдали много людей неспособныхъ, бѣглецовъ, и даже безжалостно наполнили отплывающіе полки солдатами, которые были одержимы хроническими болѣзнями. Войска сіи вообще были мало образованы. Большая часть офицеровъ состояла изъ молодыхъ и неопытныхъ людей. Начальники мало знали своихъ подчиненныхъ и обратно, подчиненные не свыклись со своими начальниками. Дурной составъ пѣхоты былъ причиною побѣговъ, которые усиливались по мѣрѣ того, какъ люди болѣе знакомились съ окрестностями. Составъ артиллеріи былъ лучше пѣхоты. Нѣкоторыя команды, какъ-то: казачья, военно-рабочая рота и досланная впослѣдствіи гарнизонная артиллерійская рота, находились по всѣмъ отношеніямъ въ удовлетворительномъ видѣ.

Казалось бы, что во флотѣ не слѣдовало быть бѣглымъ, ибо тамъ имѣли всѣ средства къ удержанію подозрительныхъ людей, но по слабому исполненію отдаваемыхъ приказаній,

люди эти съѣзжали на берегъ съ прочими и расходились безъ надзора, отъ чего бѣжало изъ числа матросовъ много Поляковъ, опредѣленныхъ вновь изъ бывшей польской арміи. У насъ было также человѣкъ 30 Поляковъ въ подвижной инвалидной ротѣ, находившейся для прислуги у госпиталя; но, странная вещь, ни одинъ изъ нихъ не бѣжалъ, хотя за ними не было особеннаго надзора, тогда какъ изъ числа Русскихъ сослуживцевъ ихъ той же роты, оказывались довольно часто побѣги. Поляки эти не мѣшались съ Русскими, жили вмѣстѣ въ особыхъ палаткахъ съ фланга роты и сохраняли у себя въ лагерѣ особенную чистоту; впрочемъ несли всю тягость службы наравнѣ съ товарищами, съ которыми употреблялись также и въ черныя работы. Собравъ ихъ однажды, я благодарилъ ихъ за усердіе, и какъ они всѣ были молодые люди, способные къ полевой службѣ, то спросилъ ихъ: не желаютъ ли быть переведенными въ полки. Къ удивленію, услышалъ я общій отзывъ, что они готовы нести всякую службу въ инвалидной ротѣ, но просили не переводить ихъ въ полевые полки. Чувство военныхъ почестей было подавлено въ этихъ людяхъ, какъ заключать можно, послѣдними происшествіями Польской войны. Они, кажется, опасались разлуки другъ съ другомъ болѣе всѣхъ отвратительныхъ работъ, коимъ обрекались званіемъ подвижныхъ инвалидовъ—прислужниковъ больныхъ.

При такомъ слабомъ состояніи пѣхоты, какъ выше описано, можно было ожидать значительнаго числа больныхъ; но количество ихъ едва ли превосходило когда либо 800 человѣкъ въ обѣихъ бригадахъ, а иногда бывало гораздо и даже вполовину меньше. Нужно было заблаговременно приготовить помѣщеніе для ожидаемыхъ больныхъ. Полковые лазареты помѣщались въ лагерѣ подъ большими намётами; госпиталь же былъ устроенъ на европейскомъ берегу въ деревнѣ Беюгъ-дэре, гдѣ, по многомъ стараніи, отыскано и принято отъ Турецкаго правительства два довольно обшир-

ныхъ дома. На азійскомъ берегу не было помѣщенія; притомъ же я находилъ удобнѣе не стѣсняться въ лагерѣ большимъ числомъ больныхъ. Наблюденіе за отправленіемъ службы въ госпиталѣ было весьма удобно; перевезеніе больныхъ черезъ Босфоръ не представляло большихъ затрудненій. Въ послѣдствіи времени, госпиталь этотъ былъ переведенъ на старый турецкій корабль, нарочно для того приготовленный и прибуксированный двумя пароходами изъ Царьградскаго порта къ лагерю. На кораблѣ было устроено и помѣщеніе для лѣкарей, аптеки и всего управленія госпитальнаго. Распоряженіе это принесло дѣйствительную пользу. Замѣчательно, что съ перенесеніемъ госпиталя на турецкій корабль, количество больныхъ въ нѣсколько дней уменьшилось почти въ половину; прочіе же какъ бы ожили.

Совершенный отдыхъ и беззаботная жизнь не годились для поддержанія силъ въ людяхъ. Полки занимались образованіемъ своимъ, ежедневно дѣлался разводъ, и въ лагерѣ производилось ученье. Солдатамъ были по возможности доставлены также всѣ выгоды и удовольствія, какія представлялись въ томъ краю, сближаясь съ отечественными привычками, какъ-то: выстроены бани, заведены сбитеньщики, по вечерамъ пѣли вездѣ пѣсенники, собирались играть въ городки, чихарду и тому подобное, что̀ поддерживало въ людяхъ бодрость и веселый духъ. Они вскорѣ стали укрѣпляться и въ силахъ своихъ.

Должно однако отдать справедливость симъ войскамъ, что всѣ вообще отъ старшихъ до младшихъ были одушевлены рвеніемъ и усердіемъ въ высочайшей степени. Физическихъ силъ не достало бы у нихъ, для предпринятія на первыхъ порахъ дальняго похода; но я не сомнѣвался, что онѣ могли выдержать жаркій бой вблизи Царяграда и съ надеждою на побѣду.

При мысѣ Сельви-Бурну находилось небольшое отдѣльное возвышеніе, на которомъ была разбита моя палатка. Тутъ

вошло у насъ въ обыкновеніе собираться по вечерамъ: сходились всѣ, имѣющіе надобность видѣться, отдавались изустные отчеты въ занятіяхъ протекшаго дня и приказанія къ другому дню; здѣсь играла музыка, били зорю и читалась молитва. Собранія эти, день ото дня, дѣлались многолюднѣе; онѣ часто оживлялись лагерными игрищами и стрѣляніемъ въ цѣль, въ коихъ солдаты наши состязались въ проворствѣ и ловкости съ турецкими. Подъ конецъ, па мысъ Сельви-Бурну стали ѣздить изъ Европы жены и дочери чиновниковъ миссій и туземныхъ Перотовъ, и наши молодые люди пускались въ танцы, пока на сторонѣ происходили между начальниками служебныя совѣщанія. Впослѣдствіи стали съѣзжатвся въ Сельви-Бурну и турецкіе чиновники; собранія эти вошли въ привычку, сдѣлались необходимостію и приносили существенную пользу для службы; они много способствовали и къ сближенію нашему съ Турками.

Красоты мѣстоположенія и образъ жизни нашей изложены съ подробностію и вѣрностію въ письмахъ Русскаго солдата, напечатанныхъ въ 1833 году, въ разныхъ нумерахъ Русскаго Инвалида. Письма эти сочинены Генеральнаго Штаба поручикомъ Болдыревымъ и значатся въ приложеніяхъ къ сей книгѣ подъ буквою Т.

Продовольствіе наше было обезпечено привезеннымъ изъ Россіи хлѣбомъ. Для сбереженія сего запаса, я требовалъ сухарей отъ Турецкаго правительства, на неисправность коего я никогда не имѣлъ случая жаловаться. Снабженія эти дѣлались безденежно и съ постоянною доброй волею.

Въ числѣ распоряженій, представлявшихъ затрудненія, было снабженіе казаковъ, артиллеріи и полковъ лошадьми; ибо турецкія лошади мало способны для строевой службы. Къ удивленію моему, я рѣдко встрѣчалъ красивыхъ лошадей подъ начальниками и не видалъ даже хваленыхъ наѣздниковъ сей страны. Отряду нужна была нѣкоторая подвижность, безъ чего онъ не могъ соотвѣтствовать своему предназначенію,

въ случаѣ надобности. По приказанію Государя, было отправлено съ войсками на судахъ 42 артиллерійскія лошади, которыя служили основаніемъ запряжкѣ и употреблялись при орудіяхъ въ дышлахъ. Хотя мнѣ и былъ открытъ въ миссіи нашей кредитъ на 80 тысячъ рублей для покупки лошадей; но, зная, сколько отысканіе ихъ представляло затрудненій и желая избѣжать излишнихъ расходовъ, на случай недолгаго пребыванія отряда на Босфорѣ,—я предложилъ Сераскиру снабдить насъ турецкими казенными лошадьми, на что̀ и получилъ согласіе его. Хозревъ-паша немедленно приказалъ показать капитану Вульферту всѣхъ артиллерійскихъ лошадей на конюшняхъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ выбралъ лучшихъ. Все это было исполнено для обѣихъ отрядовъ, съ возможною у Турокъ точностію. Я даже взялъ запасныхъ лошадей для орудій. У насъ была привезена своя упряжь, но я предпочелъ оставить на выносныхъ лошадяхъ турецкія шлейки, которыя находилъ легче и удобнѣе нашихъ хомутовъ.

Артиллерія двигалась быстро и исправно. Полковые обозы были также снабжены лошадьми низшаго разряда, но способными къ движенію. Съ казаками прибыло 46 донскихъ лошадей; остальное число ихъ пополнилось турецкими. Подъ аптечные вьючные ящики и подъ изготовленные для сего похода въ Одессѣ, вьючные ящики съ запасными патронами и снарядами, я вытребовалъ въ послѣдствіи времени лошаковъ,—лучшее средство для перевозки тяжестей по дурнымъ турецкимъ дорогамъ. Однако потребность въ лошакахъ никогда не была вполнѣ удовлетворена и, казалось, тяготила Турецкое правительство. Турки не постигали, зачѣмъ мы такъ заблаговременно запасались средствами къ походу, ибо, какъ я выше говорилъ, они не имѣютъ понятія о всѣхъ надобностяхъ регулярнаго войска. Наконецъ я вытребовалъ, для штаба моего и письменныхъ дѣлъ, пять турецкихъ фургоновъ съ лошадьми, полною упряжью, нестроевыми и офице-

ромъ, которые находились во всегдашней готовности къ движенію.

Во избѣжаніе убытка, который бы Турецкое правительство могло понести отъ порчи этихъ лошадей, я на первыхъ порахъ еще предложилъ Сераскиру сдѣлать оцѣнку имъ, съ тѣмъ, чтобы при возвращеніи ихъ, можно было заплатить за недостающихъ. Сераскиръ сначала не хотѣлъ и слышать о томъ, говоря, что не находилъ сего для нихъ приличнымъ, когда дѣло шло о снабженіи вспомогательныхъ войскъ Государя Императора. Когда же я настоятельно просилъ его о томъ, то онъ отвѣчалъ, что на счетъ этого можно будетъ согласиться въ послѣдствіи времени.

По упроченіи сихъ первыхъ средствъ къ движенію, я приступилъ къ новымъ распоряженіямъ, чтобъ устроить подвижные магазины; но они не были приведены въ исполненіе, какъ далѣе будетъ видно.

Турки, видя занятія наши, старались подражать намъ; но успѣхи не соотвѣтствовали цѣли, ибо они трудились надъ сооруженіемъ зданія, коего основаніе — порядокъ и дисциплина — было чуждо ихъ понятіямъ, и потому схватывали одни только вершки.

Въ людяхъ гвардейскаго отряда ихъ замѣтны были способности къ правильному изученію ружейныхъ пріемовъ; но самыя ружья были содержаны въ жалкомъ видѣ, такъ, что ихъ едва можно было признать годными къ употребленію: дерево и желѣзо все перебито и переломано. Турецкій солдатъ, какъ бы не признаётъ ружья съ европейскимъ прикладомъ и штыкомъ, оружіемъ для дѣйствія противъ непріятеля; онъ видитъ въ немъ болѣе оружіе, изобрѣтенное въ обремененіе его разными пріемами на ученьи. При построеніяхъ много быстроты, но мало правильности. Невѣжество офицеровъ доходило въ семъ отношеніи до такой степени, что въ баталіонномъ строю, даже взводы не всегда уравнивались. Въ лазаретѣ турецкаго отряда замѣтно было не только изобиліе, но даже

и роскошь; лѣкарь былъ назначенъ отъ насъ; до учрежденія же сего лазарета, больные, которыхъ было очень мало, отправлялись въ нашъ госпиталь. Лагерь содержался въ отличной чистотѣ, въ чемъ Турки старались превзойти нашихъ. Палатки были обсажены деревьями, и во всѣ стороны проложены дорожки. Пища людямъ производилась изобильная и отлично хорошая. Видно было, что правительство хотѣло пощеголять предъ нами содержаніемъ сего отряда, и не щадило на то средствъ. Чищеніе аммуниціи всего болѣе ихъ затрудняло. Начальники просили моего распоряженія, чтобы показать имъ какъ съ нею обходиться. Я приказалъ послать нѣсколько турецкихъ унтеръ-офицеровъ въ одинъ изъ нашихъ баталіоновъ, для узнанія и передачи сего своимъ сослуживцамъ. Но природная неопрятность Турокъ, или безпечность ихъ, была причиною, что оказывались вычищенными только тѣ аммуниціи, которыя побывали въ рукахъ нашихъ солдатъ. Никто у нихъ не заботился объ узнаніи этого искусства, и всякій сталъ по одиночкѣ носить свою аммуницію въ нашъ лагерь для чищенія, почему я и прекратилъ эту науку.

Ахмедъ-паша просилъ меня одѣть одну пару пѣшихъ ординарцевъ по точному образцу турецкихъ войскъ, ихъ же матеріалами, но со тщаніемъ, введеннымъ у насъ въ обыкновеніе, и образовать ихъ. Это было въ точности исполнено, и нельзя не признать, что одежда турецкаго солдата, хорошо пригнатая, соединяетъ всѣ удобства съ красотою.

Въ кавалеріи я избралъ себѣ двухъ всадниковъ въ безсмѣнные ординарцы, коимъ поручено было смотрѣть за моими жеребцами и ѣздить за мною. Одинъ изъ нихъ былъ рослый и красивый молодой мужчина, родомъ изъ Турокъ, по имени Али. Онъ долго скучалъ новою должностію; на него сшили нашъ лейбъ-гусарскій красный мундиръ, съ желтыми снурками, и показали ему нѣсколько правила ѣзды. Болѣе всего удивляли его перчатки, которыя у Турокъ не

въ обыкновеніи. Онъ наконецъ свыкся съ нами и съ домомъ моимъ до такой степени, что хотѣлъ со мною ѣхать въ Россію, и по отбытіи нашемъ, бѣжалъ изъ полка. Другой былъ Эѳіопъ, съ отвислыми губами, и выбранъ но наружнымъ достоинствамъ, составляющимъ красоту этой породы. Его одѣли въ уланскій мундиръ Новоархангельскаго полка, коего бѣлый воротникъ и лацканы, соотвѣтствовавшіе яркой бѣлизнѣ зубовъ его, составляли разительную противоположность съ чернымъ цвѣтомъ лица. Обоимъ оставлены были на головахъ красныя фески, подъ которыми были подложены клеенки, и головной уборъ этотъ, придержанный подъ подбородкомъ лакированнымъ ремешкомъ, весьма хорошо шелъ къ мундирамъ ихъ и лицамъ. Они даже переняли солдатское щегольство наше, надѣвать сіи шапочки на бекрень. На службѣ, какъ ординарцы, они были очень исправны. Африканецъ въ особенности былъ проворенъ. Они ни на одно мгновеніе не спускали глазъ съ меня, какъ бы стараясь угадать желаніе начальника. Я посылалъ ихъ въ такомъ видѣ представляться Султану, которому нисколько не показалось страннымъ, что пришельцы переодѣвали людей его войска на свой образецъ.

Въ пѣшемъ баталіонѣ была учреждена учебная команда, которая ежедневно, вмѣстѣ съ нашими войсками, очень усердно занималась военными упражненіями; такъ, что турецкіе офицеры сами становились въ ряды со своими солдатами, и по нѣскольку часовъ сряду безъ остановки и усталости учились маршировать, не давая отдыха учителямъ. Но наука сія не распространилась далѣе людей изъ учебныхъ командъ, ибо въ головѣ Турка не вмѣщается понятіе о какомъ-либо систематическомъ распредѣленіи времени, или постоянныхъ занятій. Ежедневно наряжался одинъ взводъ въ общій разсчетъ развода, на коемъ они привыкли исполнять все по русской командѣ; ихъ пріучили даже бѣгать на церемоніальномъ маршѣ рѣзвымъ шагомъ, несроднымъ съ

обычаями сего народа. Адъютанты ихъ получали и отдавали пароль вообще съ нашими, а присутствовавшіе при церемоніи начальники соблюдали приличную тишину и становились со строгою разборчивостію по старшинству, на мѣстахъ каждому присвоенныхъ. Сераскиръ иногда посѣщалъ разводы, ходилъ по фронту и здоровался съ солдатами по русски; въ тѣ дни, когда онъ въ особенности былъ хорошо расположенъ, приносилъ мнѣ въ подарокъ огромный пукъ цвѣтовъ, съ которыми и оставался во время церемоніи, держа его въ одной рукѣ, а въ другой шелковый платокъ, коимъ онъ обмахивался для прохлажденія, охая, жалуясь на жаръ и переставляя поминутно сломанныя и кривыя ноги свои. Иногда садился онъ отъ усталости на барабанъ. Посѣщенія эти кончались обыкновенно у меня попойкою — шампанскимъ виномъ, которое, по мнѣнію его, было лучшее прохладительное средство въ знойные дни.

Въ намѣреніи болѣе сблизить Турокъ съ нами, я завелъ между ними общую очередь дежурныхъ съ нашими офицерами; Авни-бею же велѣлъ дежурить по лагерю съ нашими полковыми командирами, для чего и приставлялся къ нему на эти дни переводчикомъ Омеръ-Ага,—бѣглый офицеръ изъ австрійской службы. Омеръ-Ага принялъ мусульманскую вѣру. Онъ имѣлъ способности, нѣкоторое образованіе и велъ себя хорошо. Его назначилъ къ намъ въ должность переводчика Сераскиръ по требованію моему. Состоя при подполковникѣ Мендѣ, онъ переводилъ съ нѣмецкаго языка на турецкій всѣ отдаваемыя приказанія и училъ Турокъ составлять на ихъ языкѣ вѣдомости, списки и графные рапорты по формамъ, у нихъ принятымъ, или мною издаваемымъ. Новый порядокъ службы много занималъ Турокъ. Замѣтили, что когда Авни-бей бывалъ дежурнымъ по лагерю, то онъ часто проѣзжалъ мимо нашей гауптвахты, чтобы ему выходили къ ружью. Съ другой стороны надобно отдать ему справедливость, что никогда посты не осматривались

съ такою исправностію, какъ въ его дежурство, чему старались подражать подчиненные его. Чтобы ознакомить турецкихъ часовыхъ съ нашими отзывами, отдавались всегда слова, имѣющія одно значеніе въ русскомъ и турецкомъ языкахъ, какъ напримѣръ: арбузъ, караулъ, кирпичъ, сарай, башмакъ, и тому подобныя.

Желая пріобрѣсти болѣе довѣренности со стороны новыхъ сослуживцевъ и поощрить начальниковъ ихъ, я по наружности подчинилъ Авни-бею два орудія нашихъ, находившіяся на позиціи въ первой линіи, занимаемой Турками. Добрыя сношенія между нашими войсками и турецкими со дня на день усиливались, такъ что турецкіе солдаты хаживали къ нашимъ въ палатки посидѣть и потолковать о разныхъ предметахъ на языкахъ, взаимно имъ неизвѣстныхъ, довершая объясненія знаками. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, солдаты наши даже скрывали отъ начальниковъ вины Турокъ, какъ своихъ товарищей. Обоюдная привѣтливость между нами еще болѣе поддерживалась дружественными сношеніями моими съ Ахмедъ-пашею-муширомъ, часто посѣщавшимъ нашъ лагерь.

По праздникамъ и воскреснымъ днямъ, турецкіе начальники собирались ко мнѣ вмѣстѣ съ нашими офицерами, и нѣкоторые, небрившіе головы, скидали фески, когда обѣдали у меня, или находились безъ свидѣтелей.

Для вящшаго поощренія турецкихъ войскъ, я изъявилъ благодарность начальникамъ въ отданномъ по всему отряду приказѣ, и копію съ него послалъ къ Ахмедъ-пашѣ для доклада Султану, который былъ очень доволенъ этимъ, и вскорѣ послѣ того произвелъ, по представленію моему, Авни-бея въ полковники. Списокъ съ приказа значится въ приложеніяхъ подъ буквою У.

Я выдалъ также нѣсколько наградныхъ денегъ турецкимъ войскамъ, въ томъ числѣ и конюхамъ, приведшимъ къ намъ дареныхъ лошадей отъ Султана. Сераскиръ, не забывшій еще дѣланнаго ему отказа въ пріемѣ брилліантовыхъ табакерокъ

послѣ даннаго намъ обѣда, воспользовался этимъ случаемъ для отмщенія. Онъ, безъ всякаго на то права, по одному вліянію своего сана, отобралъ деньги сіи отъ турецкаго чиновника, получившаго ихъ отъ меня и не успѣвшаго еще вручить ихъ по принадлежности. Хозревъ-паша при первомъ свиданіи возвратилъ мнѣ ихъ, сказавъ, что султанскія войска не принимаютъ подарковъ. Въ ту же минуту я при немъ же передалъ тѣ же самыя деньги случайно находившемуся тутъ полковнику Авни-бею, съ приказаніемъ хранить ихъ впредь до распоряженія, что̀ онъ, состоя подъ моимъ начальствомъ, и долженъ былъ исполнить. Между тѣмъ, я поручилъ Ахмедъ-пашѣ сказать Султану, что если это дѣлается по его приказанію, то я готовъ принять деньги обратно; но не возьму ихъ назадъ, если это только желаніе Сераскира. Ахмедъ-пашѣ былъ случай показать свое вліяніе въ дѣлахъ гвардейскаго корпуса; я вскорѣ получилъ въ отвѣтъ, что Султанъ вполнѣ одобряетъ мои распоряженія по сему обстоятельству, и деньги были розданы.

Обращеніе это нравилось Туркамъ и давало вѣсъ распоряженіямъ моимъ, до нихъ касающимся; они охотно повиновались мнѣ. Впослѣдствіи даже взыскивалось за отлучки, безъ позволенія, изъ лагеря въ деревню. Одинъ турецкій офицеръ, Мусульманинъ, былъ посаженъ мною на гауптвахту за нетрезвость, и наконецъ выгнанъ изъ лагеря за дурное поведеніе.

Одно изъ обыкновеній турецкихъ офицеровъ, на которое я счелъ нужнымъ обратить вниманіе, это длинные чубуки. Старшіе изъ военачальниковъ не могли обойтись безъ слугъ, носившихъ за ними орудіе куренія, какъ нѣкую хоругвь, чрезъ что они становились тяжелыми на подъемъ. Для отвращенія этого обыкновенія, я обратилъ на него насмѣшки. «Турецкую армію», говорилъ я, «погубили длинные чубуки.» Чубуки укоротились, иные замѣнили трубки сигарами. Медленная походка, даже внѣ службы, при встрѣчѣ со мною,

тотчасъ ускорялась. Нѣкоторые изъ нихъ находили, что безъ дѣятельности нельзя ни въ чемъ успѣть и приписывали природной лѣни своей всѣ неудачи. Неджибъ-паша, покорный слуга нашъ, много перемогалъ себя и, обвиняя соотечественниковъ своихъ въ бездѣйствіи, порочилъ непреоборимое влеченіе ихъ къ созерцательности и отдыху (кейфъ). Онъ говорилъ, что для усовершенствованія этого рода наслажденія, которое они вкушали въ загородныхъ прогулкахъ, проводя по цѣлымъ днямъ лежа на пуховикахъ и подушкахъ — недоставало изобрѣтенія такого рода изголовья, на коемъ былъ бы выстеганъ ликъ засыпающаго, такъ чтобы онъ не имѣлъ даже труда выдавливать оттиска своимъ лицемъ на пуховикѣ — вотъ утонче нность! Неджибъ-паша безпрепятственно предавался въ квартирѣ своей пристрастію къ крѣпкимъ напиткамъ, принимаясь съ ранняго утра за водку, которую онъ пилъ штофами. Оправдываясь въ нарушеніи закона Пророка, онъ называлъ ее не водкою, а ангеликою, по наименованію растенія [1]) которымъ ее настаивалъ. Товарищемъ ему въ сихъ упражненіяхъ былъ нашъ турецкій провіантмейстеръ Келимъ-эффенди, находившійся постоянно въ отрядной квартирѣ. Къ симъ двумъ особамъ я не былъ такъ строгъ, какъ къ строевымъ, и давалъ имъ болѣе свободы. Они были уже въ нѣкоторыхъ лѣтахъ и не имѣли никакого вліянія въ дѣлахъ; служили же какъ усердные поденщики, а часто и шутами.

Турки, какъ я выше сказалъ, всматривались въ насъ съ любопытствомъ, старались перенимать; но на диковинные для нихъ обряды и правила наши глядѣли со своей точки зрѣнія. Застрѣльщичье ученіе наше, въ особенности, озадачивало ихъ; ибо въ турецкой пѣхотѣ, по французскому уставу, разсыпается цѣлый взводъ, черезъ что фронтъ баталіона укорачивается. Они съ любопытствомъ заглядывали за линію, чтобъ увидѣть, гдѣ скрываются застрѣльщики,

[1]) Дудникъ или зоря.

выбѣгающіе передъ баталіонъ. Сераскиру полюбился также нашъ разводъ, котораго онъ впрочемъ хорошо не понималъ. Онъ ввелъ его въ турецкія войска. Замѣтивъ, что я однажды, во время явки офицеровъ, сдѣлалъ гласный выговоръ одному изъ нихъ во взысканіе за вину, наканунѣ случившуюся, онъ распросилъ и узналъ, чтò это значило; ему это такъ понравилось, что при явкѣ офицеровъ, наряжаемыхъ въ караулъ на турецкихъ разводахъ, онъ приказывалъ назначать одного особенно для полученія выговора, и осыпалъ его ругательствами [1]). Ахмедъ-паша-муширъ также заботился объ усовершенствованіи гвардейскихъ войскъ. Желая ввести въ употребленіе эполеты, вмѣсто брилліантовыхъ знаковъ, носимыхъ на груди офицерами, онъ просилъ меня выписать для него нѣсколько эполетъ всѣхъ образцовъ. Посылка пришла по отъѣздѣ нашемъ, и, какъ слышно, эполеты были розданы нѣкоторымъ, выношены, и симъ все дѣло кончилось. Такую же участь имѣли жалованные мною эполеты и старыя шитья всякаго рода, Неджибъ-пашѣ, Келимъ-эффенди и нѣкоторымъ изъ служившихъ при мнѣ Турокъ. Глазъ ихъ не привыкъ узнавать различіе званій и чиновъ по цвѣтамъ и сложнымъ украшеніямъ европейской одежды военныхъ людей. Чѣмъ пестрѣе, тѣмъ лучше, и никто строго не слѣдуетъ формѣ въ одеждѣ. Такимъ образомъ по прибытіи моемъ въ Царьградъ, я засталъ нѣсколько гвардейскихъ барабанщиковъ, у коихъ нашиты были, вмѣсто обыкновенныхъ воротниковъ, выношенныя генералъ-адъютантскія шитья Литовскаго корпуса, на малиновомъ суднѣ, и то вверхъ ногами.

Турки, судя о нашей одеждѣ, находили, что кивера наши очень красивы; но не могли приложить ума, куда ихъ укладываютъ въ военное время на походѣ, ибо не постигали, чтобы такимъ нарядомъ обременяли голову солдата при

[1]) Не выдаю этого за совершенную истину; но такъ мнѣ сказывали.

настоящей его службѣ. Вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ однимъ изъ наблюдателей ихъ, который, замѣтивъ застегивающіяся двѣ чешуи, заключилъ, что чешуи для того именно прикрѣпляются къ киверу, чтобы во время похода, когда надѣвается фуражная шапка, носить киверъ повѣшеннымъ на лѣвой рукѣ. Всѣ остались довольны симъ рѣшеніемъ, лишь бы у нихъ не завели такого рода украшеній. Кивера наши однако же много занимали Сераскира и другихъ начальниковъ войскъ, коимъ очень хотѣлось ввести ихъ въ употребленіе въ турецкой арміи, какъ бы для нанесенія послѣдняго удара сему молодому войску, послѣ пораженія, претерпѣннаго отъ Египетскаго паши. Мнѣ говорили, что Сераскиръ изобрѣлъ какіе-то кивера на желѣзныхъ обручахъ, съ двумя зелеными султанами, и что осторожный старецъ, желая прежде удостовѣриться, какое впечатлѣніе сдѣлаетъ это нововведеніе въ войскѣ и народѣ, нарядилъ нѣсколько солдатъ въ это убранство, и пустилъ ихъ по улицамъ Царяграда. Онъ хотѣлъ знать, что̀ скажутъ. Говорятъ, что къ нимъ пристала большая толпа любопытныхъ, которая преслѣдовала ихъ насмѣшками; и больше о томъ рѣчи не было. Сераскиръ и не заикался передо мной о неудачномъ опытѣ, имъ сдѣланномъ [1]). Я совѣтовалъ имъ различить цвѣтами погончиковъ на плечахъ, или другими знаками, полки, а баталіоны разноцвѣтными кистями на фескахъ, и подѣлалъ имъ даже образцовыя фески съ кистями четырехъ цвѣтовъ. Это всѣмъ очень понравилось, но при томъ и осталось; потому что феска не принадлежитъ къ мундиру, а къ народному наряду, и что на этомъ головномъ уборѣ, по обыкновенію, у всѣхъ бываетъ кисть синяго цвѣта.

О состояніи турецкаго отряда посылались графные рапорты, какъ о нашихъ войскахъ, Военному Министру для до-

[1]) За точность этого разсказа о киверахъ, дошедшаго до меня стороною, не ручаюсь.

клада Государю, равно доносилось и о совокупныхъ занятіяхъ нашихъ. Показаніе турецкимъ войскамъ учебнаго шага, явки ординарцевъ, и тому подобное, подали поводъ къ различнымъ сужденіямъ въ Петербургѣ. Говорили, что мы на свою шею выучили Турокъ, что не должно было доводить ихъ до такой высокой степени образованія; но сужденія эти могли только происходить отъ людей, непостигавшихъ въ чемъ состоитъ сила и устройство войска, и коихъ собственныя понятія ограничивались мелочными и поверхностными соображеніями. Турки никогда не могли перенять основаній дисциплины нашей и порядка, чуждаго ихъ обыкновеніямъ. Безнадежно было бы и трудиться надъ симъ, пока не было положено прочнѣйшаго основанія, для сформированія регулярныхъ войскъ; и даже тѣ безделицы, которыя имъ показывали, и коими связывалась свобода ихъ строя, не проникли далѣе тѣхъ лицъ, надъ коими упражнялись наши учители. Напротивъ того, поверхностное образованіе, которое Турки отъ насъ принимали, давало намъ средство, и нѣкоторымъ образомъ, право, ближе вступаться въ дѣла ихъ, и собирать въ окрестностяхъ нужныя для насъ свѣдѣнія, въ военномъ отношеніи, словомъ,—повелѣвать ими.

Намъ необходимо нужно было имѣть въ своемъ управленіи береговыя укрѣпленія, для достиженія чего встрѣчались затрудненія, по всегдашней уклончивости Сераскира. Постоянно направляя дѣйствія свои къ этой цѣли, я прежде всего завелъ, чтобы отъ турецкихъ армейскихъ войскъ, занимавшихъ укрѣпленія, являлись офицеры къ разводу за паролемъ; послѣ приказано было ночнымъ лагернымъ разъѣздамъ, состоявшимъ изъ казаковъ, вмѣстѣ съ турецкими гвардейскими легкоконцами, заѣзжать въ ближайшія укрѣпленія, и въ доказательство, что они тамъ были, размѣниваться съ начальниками крѣпостей данными знаками. Когда свыклись съ этимъ порядкомъ, я однажды отправился самъ

въ главное укрѣпленіе при Анадоли-Кавакъ, въ той увѣренности, что меня не посмѣютъ остановить. Со мною было много офицеровъ. Часовые у воротъ не дерзнули прямо остановить меня, однакожъ замялись. Надобно было проникнуть, съ добраго согласія начальниковъ. Замѣтивъ, что одинъ изъ часовыхъ былъ блѣденъ и очень слабъ здоровьемъ, я, не входя въ укрѣпленіе, велѣлъ вызвать къ себѣ турецкаго коменданта, сдѣлалъ ему строгій выговоръ за употребленіе больныхъ людей на службу, погрозился довести о томъ до свѣдѣнія Сераскира и велѣлъ немедленно отправить больнаго въ госпиталь. Начальникъ укрѣпленія оробѣлъ; больной былъ въ ту же минуту отправленъ съ большими извиненіями, а насъ пригласили въ укрѣпленіе на кофе. Мы расположились около орудій, и потомъ все осмотрѣли. На другой день въ укрѣпленіи былъ водворенъ нашъ инженерный офицеръ съ небольшею командою; съ укрѣпленія снятъ планъ, и чертежъ онаго, съ проэктомъ исправленія нѣкоторыхъ частей, отправленъ къ Сераскиру, который нашелъ это очень правильнымъ и благодарилъ за распоряженія. Вслѣдъ за тѣмъ Бюрно назначенъ комендантомъ въ мѣстечко Анадоли-Кавакъ, подъ предлогомъ присмотра за порядкомъ со стороны нашей, когда солдаты ходили туда за покупками. Тутъ учредилась инженерная чертежная, изъ которой посылались въ послѣдствіи времени офицеры, для съемки всѣхъ береговыхъ укрѣпленій, уже безъ прежнихъ препятствій. Турки свыклись съ симъ порядкомъ вещей до такой степени, что одинъ изъ инженерныхъ офицеровъ ихъ, воспитанникъ новаго училища, поднесъ мнѣ планъ всего лагеря съ означеніемъ войскъ. Чертежъ этотъ любопытенъ: онъ былъ сдѣланъ на подобіе первыхъ географическихъ картъ прошедшихъ столѣтій, безъ соблюденія какихъ-либо правилъ и масштаба. Въ проливѣ были нарисованы въ большомъ видѣ корабли, пароходъ, лодки со всею подробностію вооруженія; на Султанской долинѣ изображались большіе

яворы и видъ Султанскаго кіоска. Генуэзскій замокъ также былъ представленъ, но въ маломъ объемѣ, съ высокими стѣнами и башнями. Лагерь былъ безконечный, пушекъ много, такъ и Туркамъ казалось, что войска было несмѣтное количество. Всѣ палатки изображались отдѣльно въ фасадѣ, линіями обращенными въ разныя стороны. Неджибъ-паша, который представлялъ мнѣ офицера и трудъ его, извинялъ этотъ недостатокъ объясненіемъ своего рода: «намъ извѣстно», говорилъ онъ, «что у васъ обыкновенно рисуютъ палатки сверху; чего нашъ инженеръ не могъ сдѣлать отъ того, что видѣлъ ихъ изъ средины улицъ, по комъ ходилъ для съёмки плана, и потому долженъ былъ нарисовать палатки съ боку и положить ихъ въ разныя стороны, по мѣрѣ того, какъ онѣ ему представлялись.» Чертежъ этотъ былъ плодомъ первоначальной недовѣрчивости къ намъ Турокъ; съёмка произведена втайнѣ съ большими осторожностями, чтобы мы не замѣтили розмысла—искусника; поднесеніе же мнѣ труда сего сдѣлано въ подражаніе доставленія мною Сераскиру нѣкоторыхъ изъ нашихъ чертежей, изъ чего они видѣли, что мы нисколько не таились.

Мы обдѣлали своими людьми дороги въ окрестностяхъ лагеря. Работы сіи остались памятниками нашего пребыванія въ Хункяръ-Скелеси. У насъ не было порядочнаго сообщенія сухимъ путемъ со Скутари, что̀ насъ много затруднило бы въ случаѣ движенія впередъ. По требованію моему, дорога, ведущая изъ лагеря въ Скутари, была нѣсколько исправлена.

Намъ также нужно было сдѣлать рекогносцировки и съёмки въ окрестностяхъ лагеря. Хотя Турки и не рѣшались прямо отказать мнѣ въ томъ, однакожъ всегда встрѣчались со стороны ихъ затрудненія по сему предмету. Въ самомъ началѣ нашего прибытія, я изложилъ Ахмедъ-пашѣ необходимость такой мѣры. Онъ, казалось, вникъ въ доводы мои и отдалъ тогда нѣсколькимъ турецкимъ офицерамъ приказа-

ніе снабдить насъ проводниками. Но исполненіе шло съ малымъ успѣхомъ, и вездѣ встрѣчались промедленія до тѣхъ поръ, пока я не рѣшился посылать офицеровъ внутрь страны, безъ чьего-либо спроса, наряжая самъ къ нимъ въ конвой турецкихъ легкоконцевъ, находившихся въ командѣ моей. Тогда дѣло пошло успѣшно. Офицеры проводили по нѣскольку дней внѣ лагеря и производили съёмку страны на большое пространство, не только безпрепятственно, но даже получали всякое пособіе отъ деревенскихъ старшинъ. И, наконецъ, мы достигли цѣли, составивъ подробные планы береговыхъ баттарей и части страны на азійскомъ берегу. Мы распространили посредствомъ этихъ съёмокъ и вліяніе наше между войсками и жителями.

Въ числѣ распоряженій, въ особенности озаботившихъ меня, были предосторожности, необходимыя для охраненія лагеря отъ внесенія чумной заразы, всегда существующей въ Царѣградѣ, въ большей или меньшей степени. Въ первые дни прибытія отряда, моровая язва появилась въ одномъ греческомъ домѣ, въ Терапіи. Я немедленно послалъ лѣкаря, для освидѣтельствованія больныхъ, и на нихъ оказались всѣ признаки заразы. Мнѣ нельзя было принять никакихъ мѣръ для прекращенія ея на европейскомъ берегу, а потому я просилъ Сераскира, чтобы онъ приказалъ оцѣпить зараженный домъ. Онъ обѣщался сдѣлать это, и даже очистить тотъ домъ водою, посредствомъ пожарныхъ трубъ, что̀ и было имъ исполнено.— Способъ весьма хорошій, коему, къ сожалѣнію, предпочитаютъ у насъ окурку, удобную только для частной очистки, и неспособную для очищенія большой массы людей или цѣлаго квартала [1]). Вслѣдъ за тѣмъ, оказались чумные случаи въ Арнаутъ-Кіой и въ Галатѣ, что̀ также на европейскомъ берегу.

---

[1]) Предубѣжденіе противъ очищенія водою существуетъ между нашими лѣкарями въ сильной степени, однако дѣйствительность этого средства дознана мною, въ прошедшую турецкую войну, многими опытами.

Симъ прекратились первыя опасенія, служившія намъ какъ бы намекомъ къ принятію предосторожностей. Осторожности принимались по возможности. Госпиталь составлялъ какъ бы отдѣльную цитадель въ Беюгъ-дэре и сообщался исключительно съ однимъ лагеремъ, и то на нашихъ лодкахъ. Изъ шести устроенныхъ при лагерѣ пристаней, на одной только принимались пріѣзжіе, не носящіе русскаго мундира, и тѣ впускались не иначе, какъ по осмотрѣ, а иногда и по окуркѣ въ будкѣ, учрежденной у пристани. При частыхъ сношеніяхъ нашихъ съ Турецкимъ правительствомъ и посѣщеніяхъ лагеря иностранцами, трудно было соблюсти всѣ правила строгости. Многіе не постигали необходимости такихъ мѣръ и оскорблялись ими, въ особенности дипломатическіе чиновники европейскихъ миссій, любопытствовавшіе видѣть станъ нашъ, и не столь покорные, какъ Турки.

Предпринятыя средства способствовали однакоже къ устраненію многихъ праздно-шатающихся въ Константинополѣ иностранцевъ, коихъ присутствіе въ лагерѣ считалъ я излишнимъ. Офицеры отпускались въ Царьградъ съ большею разборчивостію и очень рѣдко, чѣмъ сберегалось хорошее содержаніе ихъ, получаемое изъ казны; деньги привезены ими обратно и израсходованы въ Россіи. Мы оградились, кромѣ того, отъ внесенія другой заразы, слишкомъ часто удручающей молодыхъ людей, склонныхъ къ разврату, и избѣгали непріятныхъ произшествій, которыя бываютъ слѣдствіемъ неумѣренности. Такія строгости призвели нѣсколько ропота. Для обезпеченія офицеровъ въ необходимыхъ для нихъ покупкахъ, дозволено было Испанцу по имени Комидасъ, въ особенности преданному Русскимъ, привозить для продажи въ назначенные дни товары, которые требовались отъ полковъ по запискамъ. Передача товаровъ и уплата денегъ производились передъ глазами приставленнаго чиновника, и торгъ продолжался только нѣсколько часовъ. Для снабженія офицеровъ ежедневными жизненными припасами, былъ учреж-

денъ внутри карантипной линіи базаръ, на коемъ призванные нарочно изъ Царяграда торговцы, состояли въ совершенномъ вѣдѣніи нашемъ и продавали товары свои по установленной таксѣ. За пріемкою писемъ являлся также въ извѣстные дни особенный чиновникъ изъ миссіи. Не менѣе того всѣ эти мѣры были бы недостаточны, еслибъ въ тотъ годъ сильно свирѣпствовала чума въ Царѣградѣ; въ такомъ случаѣ не было никакого поручительства, чтобы ея не внесли къ намъ въ лагерь. Насъ спасалъ Богъ. Мы въ правѣ были имѣть большія опасенія со стороны флота, съ коимъ безпрепятственно сообщались, ибо моряки соблюдали мало порядка: флотскіе офицеры свободно проводили время въ Царѣградѣ и на европейскомъ берегу, а матросы наполняли въ Беюгъ-дэре питейные дома и произвольно сообщались со всѣми жителями.

Чумная зараза иногда появлялась еще въ Галатѣ и въ Царьградскомъ госпиталѣ, гдѣ я никакъ не могъ способствовать ея прекращенію. Однажды показалась она снова въ Терапіи, въ домѣ находившемся по сосѣдству съ строеніемъ, занимаемымъ Англійскою миссіею. Англійскій посланникъ Мандевиль поспѣшно просилъ моего содѣйствія, для доставленія въ распоряженіе его турецкаго караула, чтобы оцѣпить зараженный домъ. Я писалъ о томъ къ Сераскиру, который немедленно выслалъ нужное для сего число войскъ, приказавъ полковнику, имѣвшему надзоръ за стражею европейскаго берега, явиться ко мнѣ, для полученія приказанія. По снабженіи его нужными наставленіями, я отправилъ караулъ въ распоряженіе Мандевиля, который остался очень доволенъ отправленіемъ службы Турокъ, и зараза въ Терапіи вторично была прекращена.

Всѣ вышеописанныя обстоятельства ставили меня въ частыя сношенія съ Сераскиромъ, съ коимъ я находился почти въ ежедневной перепискѣ. Посланія его ко мнѣ писались на Французскомъ языкѣ, находившимся при немъ Армяниномъ

Мартираки, который зналъ языкъ этотъ въ совершенствѣ. Письма эти, составляющія цѣлое собраніе, хранятся нынѣ у меня. Нѣкоторыя изъ нихъ заслуживаютъ особеннаго вниманія по слогу и обороту мыслей, въ нихъ выраженному.

Заключивъ симъ обзоръ занятій нашихъ, обратимся снова къ обыкновенному ходу происшествій, которыя ниже излагаются прежнимъ порядкомъ по числамъ.

Султанъ давно уже желалъ осмотрѣть десантный отрядъ; посланные отъ него всякій разъ мнѣ о томъ напоминали. Когда все было изготовлено, я довелъ о томъ до свѣдѣнія его; 12-го числа онъ прислалъ ко мнѣ Ахмедъ-пашу-мушира, чтобы уговориться на счетъ порядка смотра, предоставляя мнѣ все распоряженіе, и даже назначеніе дня, въ который я признаю удобнымъ сдѣлать его. Мы условились на 15-е число, а 14-го назначили предварительный смотръ, на которомъ присутствовалъ Ахмедъ-паша. Онъ наблюдалъ порядокъ прохожденія войскъ, чтобъ ознакомить Султана съ новымъ зрѣлищемъ, разсказать ему какъ слѣдовало объѣзжать линіи и показать мѣсто, на коемъ должно было остановиться ему при прохожденіи войскъ церемоніальнымъ маршемъ. Муширъ записалъ турецкими буквами обыкновенное привѣтствіе нашимъ солдатамъ, и изъявленіе имъ удовольствія отъ начальниковъ: «здорово ребята; спасибо ребята.» Султанъ хотѣлъ вытвердить слова эти и сказать ихъ передъ войсками по-русски. Ахмедъ-паша самъ долго трудился надъ выговоромъ ихъ; но какъ въ турецкомъ языкѣ нѣтъ словъ, начинающихся съ двухъ согласныхъ буквъ, то онъ, произнося записанныя рѣчи, выговаривалъ: из-дорово, ис-пасибо; а на другой день оказалось, что выучилъ Султана говорить: издороваде ребете.

Сераскиръ, котораго не предупредили о предварительномъ смотрѣ, пріѣхалъ по окончаніи всего, очень обидѣлся и съ видимымъ оскорбленіемъ упрекалъ меня, что я его не позвалъ. Его должно было избѣгать именно потому, что онъ

сталъ бы вмѣшиваться въ распоряженія, а между тѣмъ не имѣлъ бы терпѣнія остаться до конца и тѣмъ проволочилъ бы безъ пользы время. Для успокоенія его, я объяснилъ, что смотръ этотъ былъ совершенно домашній, что люди не были одѣты по надлежащему, почему онъ не могъ бы судить о состояніи войскъ, что я впрочемъ готовъ былъ послѣ султанскаго смотра показать ему, исключительно, любую часть нашего отряда. Но онъ не угомонился, и все восклицалъ: «Ахмедъ-паша! Ахмедъ-паша! да кто онъ такой этотъ Ахтедъ-паша? и гдѣ онъ себѣ пріобрѣлъ такія права и власть? А вотъ онъ не подумалъ, чтобы укрыть милостиваго государя нашего отъ солнечнаго зноя, и никто не позаботился разбить ему палатку, пока я самъ о томъ не вздумалъ. Я пришлю сюда палатку для Его Величества: ее разобьютъ вотъ на этомъ бугрѣ, откуда все будетъ хорошо видно.» То былъ бугоръ, гдѣ располагался лагерь турецкаго отряда, возвышавшійся совершенно въ тылу предположенной линіи, которая должна была стать вдоль Султанской долины; а мѣсто, назначенное мною для Султана во время церемоніальнаго марша, находилось совершенно въ противоположной сторонѣ. Въ надеждѣ, что Султанъ не перемѣнитъ прежняго распоряженія моего, я все оставилъ по прежнему и не мѣшалъ Сераскиру дѣлать свои предположенія. Желая показать ему, что не отвергаю его совѣтовъ, я просилъ его написать мнѣ по-турецки слова изустнаго рапорта, съ коимъ я долженъ былъ встрѣтить Султана у пристани. Онъ съ удовольствіемъ это сдѣлалъ.—Старикъ былъ съ пылкими страстями, но умѣлъ владѣть ими, скрывать ихъ, и вскорѣ принялъ по прежнему веселый и шутливый видъ свой.

Когда я сообщилъ Туркамъ письменно все предположеніе къ смотру, ихъ удивило, что Султана встрѣчали одними криками ура, безъ пальбы изъ орудій, ибо у нихъ привычка стрѣлять изъ пушекъ при каждомъ необыкновенномъ случаѣ. Сколько я ни представлялъ, что Султану будутъ

салютовать съ береговыхъ баттарей, съ судовъ, но меня убѣдительно просили сдѣлать хотя нѣсколько выстрѣловъ изъ полевыхъ орудій, въ то время, какъ онъ будетъ приставать къ берегу, на что я, изъ угожденія, согласился.

Распространившійся слухъ о смотрѣ привлекалъ много любопытныхъ. Иностранные послы со своими миссіями, большое число пріѣзжихъ иностранцевъ, военнаго и всякихъ сословій, собирались присутствовать при этомъ случаѣ, не говоря о Бутеневѣ со всѣми чиновниками нашей миссіи, всѣхъ адмираловъ и многихъ флотскихъ штабъ и оберъ-офицеровъ. Почти всѣ европейскія дамы также желали видѣть это любопытное зрѣлище. По запискѣ, доставленной ко мнѣ Бутеневымъ, были приготовлены для первыхъ верховыя лошади, а для дамъ поставлены наметы и назначены особенные офицеры, которые должны были принять ихъ на берегу, отвести къ мѣсту и занимать разговорами.

15-го числа апрѣля, въ назначенное время къ 11-ти часамъ утра, войска были выведены и выстроены на опредѣленныхъ мѣстахъ. Въ строю находилось: 8 баталіоновъ высаднаго войска, съ 24-мя орудіями и казачьею командою, сверхъ того 2 сводныхъ баталіона матросовъ, свезенныхъ въ тотъ день на берегъ, и турецкій гвардейскій отрядъ, къ коему присоединились еще первый гвардейскій легко-конный полкъ и 4 пѣшихъ орудія; всего 11 баталіоновъ пѣхоты, 7 эскадроновъ конницы, 30 орудій и сотня казаковъ. Въ первой линіи находилась пѣхота, а за лѣвымъ флангомъ ея, во второй линіи конница и артиллерія, не вмѣщавшіяся по тѣснотѣ мѣста въ первой. Матросы стояли выше сухопутныхъ. Надлежало пріискать мѣсто для турецкаго баталіона, который пользовался правомъ старшинства по званію гвардейскаго. Мнѣ не хотѣлось при встрѣчѣ поставить его выше нашихъ; съ другой стороны надобно было уважить, что Турки, считая насъ за гостей, вездѣ уступали намъ первый шагъ; по этому и намъ слѣдовало соблюсти сію вѣж-

ливость, въ отношеніи султанскихъ войскъ, особливо при его посѣщеніи. Турецкій баталіонъ былъ поставленъ отдѣльно, лицемъ къ головному баталіону матросовъ, такъ, что Султанъ, подъѣзжая къ нашему правому флангу, встрѣтилъ лѣвый флангъ своей гвардіи, чѣмъ и исполнились всѣ желаемыя условія.

Посѣтители начали съѣзжаться съ утра, и долго дожидались Султана въ палаткахъ, разбитыхъ подъ тѣнью яворовъ, неподалеку отъ берега. День былъ прелестный, но очень жаркій. На долинѣ толпились чиновники султанскаго двора; съ ними были перемѣшаны чиновники миссій европейскихъ державъ. Не было только Руссена и Мандевиля. Лучи солнца отражались на богатомъ шитьѣ, коимъ украшались одежды Европейцевъ и Азіятцевъ. Собраніе это ежечасно оживлялось прибытіемъ новыхъ лодокъ съ посѣтительницами, и наконецъ цѣлаго парохода съ дамами, которыхъ также встрѣчали и провожали бывшія тутъ праздныя лица всѣхъ націй. Вокругъ толпы водили богато-убранныхъ турецкихъ жеребцовъ, заблаговременно присланныхъ чиновниками султанскаго двора. Къ правой сторонѣ отъ пристани, около селенія Бейкосъ, роились жители; на уступахъ же горъ съ лѣвой стороны бѣлѣлись ряды нашихъ палатокъ, между коими двигалось еще много людей, не выведенныхъ во фронтъ.

Зрѣлище было необыкновенное. Разговоръ на всѣхъ языкахъ не умолкалъ. Всѣ, въ ожиданіи Султана, были очень веселы, и самъ Сераскиръ, совершенно забывъ сердечную обиду свою, развеселился до такой степени, что приставалъ ко всѣмъ съ своими шутками. Хозревъ-паша,—повстрѣчавшись съ однимъ изъ чиновниковъ Султанскаго двора, кажется, съ Гекимъ-башею *, подобнымъ ему лѣтами, нравомъ, малымъ ростомъ и уродливымъ станомъ,—обхватилъ его обѣими руками, съ усиліемъ поднялъ вверхъ и захохоталъ такъ

* Гекимъ-баши—главный мудрецъ, врачъ или шутъ.

громко, что всѣ обратили на него глаза, удивляясь порыву радости чуднаго старика.

Между тѣмъ Султанъ не ѣхалъ. Наши войска ожидали его въ порядкѣ; но турецкія не выдержали усталости, и солдаты стали садиться на своихъ мѣстахъ, во фронтѣ. Многіе, въ томъ числѣ и Турки, смѣялись сему, а бригадный командиръ ихъ Дилаверъ-паша *, тутъ же присутствовавшій, поднялъ лѣнивыхъ угрозою, упрекая ихъ примѣромъ нашихъ людей, противъ нихъ стоявшихъ. Султанскую палатку также долго не привозили. Сераскиръ безпокоился. Ее привезли поздно, и едва успѣли разбить на назначенномъ отъ него мѣстѣ **, какъ пушечная пальба съ баттарей возвѣстила намъ о приближеніи Махмуда II. Когда лодка его поравнялась съ моимъ фрегатомъ «Штандартомъ», ему салютовали съ судна 21-мъ выстрѣломъ; матросы всѣ стояли по реямъ и кричали ура. Въ часъ по полудни, Султанъ присталъ къ берегу и въ ту минуту, какъ онъ ступилъ на землю, былъ опять сдѣланъ салютъ 21-мъ выстрѣломъ изъ полевыхъ орудій. На пристани встрѣтили Султана: Сераскиръ-паша, Ахмедъ-паша-муширъ и Капитанъ-паша Тагиръ-паша, со многими другими чиновниками Порты. Съ нашей стороны принималъ его посланникъ Бутеневъ; тутъ же были всѣ адмиралы, командиры кораблей, и прочіе офицеры, не занятые въ то время обязанностію.

Султанъ сѣлъ на богато-убранную лошадь и, въ сопровожденіи главныхъ вышеупомянутыхъ особъ, подъѣхалъ къ войскамъ, гдѣ я его встрѣтилъ, отрапортовалъ ему на турецкомъ языкѣ и вручилъ строевую записку о числѣ войскъ, съ чертежемъ парада. Онъ былъ одѣтъ въ гусарскій доломанъ темнолиловаго цвѣта, съ золотыми снурками; воротникъ былъ вышитъ золотомъ и, какъ иные замѣтили, съ алмазами; на немъ была красная феска; чикчиры замѣня-

* Родомъ изъ плѣнныхъ Грузинъ.

** Она, вмѣсто своего назначенія, послужила для пріема дамъ.

лись широкими шароварами изъ бѣлой миткали. При бедрѣ сабля. Конь подъ нимъ былъ не изъ числа легкихъ, какіе цѣнятся у Азійскихъ народовъ, а, напротивъ того, большой и тяжелый жеребецъ съ толстыми ногами и болѣе похожій на лошадей Мекленбургской породы. Въ сѣдлѣ и збруѣ соединялось убранство европейское съ азіятскимъ. Самъ Султанъ не имѣлъ на конѣ той свободной посадки, которую я въ немъ замѣтилъ, встрѣтивъ его однажды прогуливавшимся въ Перѣ верхомъ на чистомъ и легкомъ турецкомъ жеребцѣ. Здѣсь его связывали странная одежда, для него необычайная, и тряская лошадь безъ всякой выѣздки. Онъ робѣлъ, боялся упасть и часто придерживался рукою за луку сѣдла. Къ сему присоединилась, можетъ быть, какая либо отдаленная мысль о предательствѣ, коего Султаны привыкли опасаться, ибо онъ совершенно находился въ нашихъ рукахъ, со всѣми членами правительства.

Махмудъ подъѣхалъ къ флангу и былъ встрѣченъ музыкою. Ему отдали честь, и едва онъ успѣлъ въ полголоса поздороваться вытверженными по-русски словами, какъ ему громко отвѣчали: «Здравія желаемъ, Ваше Султанское Величество»; за симъ поднялся громкій крикъ ура, который разлился по всей линіи, безумолкно перекатываясь, по мѣрѣ какъ онъ проѣзжалъ по фронту. Турокъ также учили кричать; но они не могли перенять этого у нашихъ. При проѣздѣ же Султана, нѣкоторые изъ нихъ вскрикивали кое-гдѣ изъ фронта; а многіе, по старинному обычаю, нагибаясь, подносили правую руку къ устамъ и головѣ.

Крикъ, громъ барабановъ, и все это новое зрѣлище сперва изумило Султана и нѣсколько смутило его. Оправившись, онъ сказалъ, что со всѣми бы поздоровался, еслибъ клики солдатъ не заглушали голосъ его. Я отвѣчалъ, что клики сіи непринужденные—произвольные—и происходятъ отъ радости войскъ видѣть его. Онъ тогда выразился съ жаромъ, что съ удовольствіемъ замѣчаетъ расположеніе къ нему

войскъ Государя, столь дружественно содѣйствующаго его видамъ.

Такъ какъ къ Султану тѣснились провожавшіе его верхомъ чиновники Двора, то онъ отдалилъ всѣхъ, кромѣ двухъ пѣшихъ изъ его прислуги, шедшихъ подлѣ его лошади, просилъ меня одного ѣхать съ нимъ рядомъ, и во все время разговаривалъ. Объѣхавъ всю линію шагомъ, онъ остановился на назначенномъ наканунѣ мѣстѣ, противъ кіоска. Войска проходили передъ нимъ церемоніальнымъ маршемъ два раза: повзводно и въ колоннахъ. Во время марша, довольно продолжительнаго, замѣтно было, что терпѣніе Махмуда истощалось; подъ конецъ его мало занимали войска. Гвардію же свою онъ едва удостоивалъ взгляда, и болѣе обращалъ вниманіе на другіе предметы. Я безотлучно находился подлѣ него. Онъ былъ веселъ, много распрашивалъ о начальникахъ, но болѣе разсматривалъ лошадей, посадку и ловкость, скакавшихъ мимо его, адъютантовъ. Замѣтивъ передъ однимъ изъ баталіоновъ маіора уродливой толщины [1]), онъ разсмѣялся. «У меня такой же есть при дворѣ казначей», сказалъ онъ, и подозвавъ съ поспѣшностію Сераскира, приказалъ ему въ шутку, послѣ смотра, обоихъ свѣсить. На одну минуту только обратилось его и всеобщее вниманіе на Донскихъ казаковъ, коимъ я приказалъ проскакать во всю прыть. Пріемъ этотъ былъ въ старомъ духѣ Турокъ, и они не воздержались отъ восхищенія. Это также понравилось и Европейскимъ посланникамъ, у коихъ еще неизгладились изъ памяти восхваленные подвиги Донцевъ, въ 1812-мъ году.

По окончаніи церемоніальнаго марша, я пригласилъ Султана объѣхать еще разъ войска, остановившіяся въ общей колоннѣ на прежней линіи; онъ отвѣчалъ, что сдѣлаетъ все по желанію моему, отправился со мною, благодарилъ людей и былъ опять принятъ съ криками ура. Тутъ уже замѣтна

[1]) Кузьминскій.

была его усталость; онъ спѣшилъ въ кіоскъ, въ которомъ располагалъ переодѣться. На обратномъ пути, онъ проѣзжалъ правымъ флангомъ колонны, начиная съ тыла ея. Ахмедъ-паша нашелъ, что, изъ уваженія къ Султану, должно было поворотить людей на лѣво кругомъ, чтобы онъ могъ видѣть ихъ въ лицо; но я не приказалъ дѣлать сего; самъ же Султанъ ничего не замѣтилъ.

На дворѣ кіоска, Султанъ былъ встрѣченъ приготовленнымъ заблаговременно почетнымъ карауломъ, который состоялъ изъ одной роты; Махмудъ сѣлъ на крыльцѣ, въ поставленное для него кресло и принималъ ординарцевъ, представленныхъ ему отъ пѣхоты и казаковъ [1]). Между пѣхотными ординарцами, являлись къ нему также, по нашимъ правиламъ, люди изъ гвардейскаго баталіона, которые были одѣты и выучены нами по просьбѣ Ахмедъ-паши. Никто изъ Турокъ, и самъ Султанъ, кажется, не понимали въ чемъ дѣло состояло; одинъ только Сераскиръ ребячески восхищался. Турецкіе ординарцы, коимъ, повидимому, надоѣла эта наука, исполнивъ предназначеніе свое съ довольною ловкостію, не сочли за нужное долѣе предаваться занятіямъ такого рода, и на другой день бѣжали.

При семъ я вручилъ Султану, нарочно для него начерченный планъ лагеря съ означеніемъ войскъ. Онъ былъ этимъ очень доволенъ; потомъ спросилъ, все ли кончено, и приказалъ отпустить войска, которыя между тѣмъ построились противъ кіоска въ трехъ-фасное каре, что̀ ему также понравилось. Онъ много благодарилъ за смотръ, а посланнику Бутеневу, коего онъ заблаговременно предупредилъ, что непремѣнно хочетъ видѣть его присутствующимъ у парада [2]),

---

[1]) Нѣкоторые офицеры замѣтили, что казаки при явкѣ заглядывали съ большимъ вниманіемъ, на обѣ стороны, въ шитый воротникъ Султана.

[2]) Неизвѣстно въ какомъ видѣ, и что онъ, подразумѣвалъ подъ симъ. Можно было полагать, что по смѣшаннымъ понятіямъ Турокъ, о всѣхъ званіяхъ и сословія Европейцевъ, Султанъ надѣялся видѣть его передъ фронтомъ, потому что и на Бутеневѣ былъ шитый мундиръ.

поручилъ довести до свѣдѣнія Государя обо всемъ, чему онъ былъ свидѣтелемъ. Вѣжливость сію оказалъ онъ Бутеневу, вѣроятно, изъ опасенія оскорбить его исключительнымъ вниманіемъ своимъ ко мнѣ, въ продолженіе смотра. Послѣ, Султанъ пошелъ въ боковую комнату своего кіоска, и черезъ нѣсколько минутъ явился переодѣтымъ въ другое платье, похожее на казачье, перемѣнивъ саблю на трехъгранную французскую шпагу. Ему подвели другую лошадь, и онъ отправился верхомъ къ пристани, обѣщаясь, послѣ наступающаго у нихъ праздника, навѣстить также и флотъ нашъ. Сѣвши въ лодку, онъ тотчасъ принялся разсматривать представленный мною чертежъ. При отправленіи, ему снова салютовали съ берега 21-мъ выстрѣломъ, а при проѣздѣ мимо фрегата «Штандарта», салютъ былъ повторенъ съ судна, тѣмъ же числомъ выстрѣловъ.

Во все время пребыванія Султана между войсками, обхожденіе его было очень ласковое. Онъ исполнялъ все, что̀ ему наканунѣ объяснялъ Ахмедъ-паша и обращался ко мнѣ съ вопросами безъ малѣйшаго вида гордости и въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ: «куда надобно ѣхать? что нужно приказывать?» и т. п. Вообще онъ былъ очень доволенъ и веселъ; и одинъ только разъ упомянулъ объ Ибрагимъ-пашѣ, взглянувъ торжественно на наше войско и похваляясь, что теперь можетъ встрѣтить своего врага. Онъ съ большимъ участіемъ заботился о больныхъ и приказалъ въ то же время исполнить требованія мои для удобнѣйшаго размѣщенія ихъ; спрашивалъ, дошелъ ли до войскъ гостинецъ его, и исправно ли получаютъ продовольствіе. Чрезъ нѣсколько же дней прислалъ въ подарокъ войскамъ 60 т. левовъ, 15 т. рублей, которые были раздѣлены нижнимъ чинамъ нашего и турецкаго отрядовъ, равно и судовъ, состоявшихъ въ моемъ вѣдѣніи [1]). Я докладывалъ Султану о

[1]) У меня тогда находилось, кромѣ фрегата, нѣсколько транспортовъ, привезшихъ продовольствіе изъ Россіи.

содержаніи рапорта полковника Дюгамеля, и сказалъ, что переводъ съ этого рапорта отправленъ къ Сераскиру. Онъ все это выслушалъ съ удовольствіемъ. Между шутокъ, Султанъ хвалился высылкою изъ Царяграда Симонистовъ, коихъ онъ признавалъ безпокойными и вредными людьми.

По окончаніи смотра, вновь присоединившаяся къ намъ турецкая кавалерія отправилась въ свои казармы; артиллерія же осталась ночевать у насъ съ офицерами и прислугою. Слѣдующій день она также провела съ нами и осталась во все время пребыванія нашего въ лагерѣ, какъ будто забытая отъ своихъ главныхъ начальниковъ; почему я приказалъ показывать ее въ вѣдомостяхъ о состояніи войскъ, и она поступила въ составъ отряда подъ мое начальство. Объ этомъ смотрѣ была напечатана статья въ Moniteur Ottoman, съ коей списокъ значится въ приложеніяхъ къ сей книгѣ, подъ буквою Z.

На смотру семъ уже прекращены были всякія предосторожности противъ чумы. Сохранить ихъ было невозможно. Къ счастію все обошлось благополучно. По отъѣздѣ же гостей, прежнія мѣры были возобновлены, вопреки всеобщаго неудовольствія.

16-го апрѣля пріѣхалъ къ намъ сухимъ путемъ изъ Петербурга курьеръ съ повелѣніемъ отъ военнаго министра. По волѣ Государя предлагались мнѣ къ исполненію новыя распоряженія. Они были основаны на донесеніи моемъ отъ 12-го марта, коимъ я сообщалъ о безуспѣшномъ посредничествѣ Франціи къ возстановленію мира между Портой и Египетскимъ пашею и о настоятельныхъ требованіяхъ послѣдняго. Излагаю здѣсь вкратцѣ содержаніе повелѣнія сего, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ которыхъ оно написано, съ моими замѣчаніями послѣ каждаго предложеннаго предмета.

«Бутеневу поручалось вновь удостовѣрить Порту въ неизмѣнности намѣреній Государя, оказать ей во всякомъ слу-

чаѣ обѣщанную помощь способами, соразмѣрными обстоятельствамъ. Между тѣмъ, по неблагонадежности расположенія турецкихъ войскъ и обывателей Константинополя, и въ предположеніи возможности, что Мегмедъ-али возобновитъ военныя дѣйствія—находили нужнымъ обезпечить безопасное пребываніе флота въ Босфорѣ и свободное сообщеніе его съ Чернымъ моремъ; почему признавалось необходимымъ занять нашими войсками въ Константинопольскомъ проливѣ два твердые и укрѣпленные пункта, защищающіе съ европейскаго и азіатскаго береговъ, входъ въ Черное море [1]. Бутеневу поручалось объявить Портѣ о семъ требованіи, употребивъ самыя положительныя настоянія для исполненія онаго; мнѣ же всѣми способами содѣйствовать въ томъ Бутеневу, убѣждая турецкихъ сановниковъ въ необходимости сей мѣры, какъ въ пользу нашего флота, такъ собственно и для самой Порты».

«Полагали, что Порта съ усиленіемъ угрожающихъ ей опасностей, не затруднится исполненіемъ сего требованія; а потому мнѣ предоставлялось избраніе сихъ двухъ пунктовъ изъ всѣхъ баттарей, по берегу расположенныхъ, съ тѣмъ однакоже, чтобы они не были командуемы близь нихъ лежащими высотами».

Недовѣрчивость, оказываемая намъ со стороны Турецкаго правительства при первыхъ сношеніяхъ, о коихъ только было еще извѣстно въ Петербургѣ, не допускала предположенія о столь легкомъ занятіи береговыхъ укрѣпленій. Не простительно также было не знать въ генеральномъ штабѣ, или топографическомъ депо, что изъ всѣхъ укрѣпленій Босфора нѣтъ ни одного, надъ коимъ бы не господствовали близьлежащія высоты, во многихъ мѣстахъ, на разстояніи пистолетнаго выстрѣла.

«По рѣшительномъ избраніи сихъ двухъ крѣпостей, по-

[1]) Сказывали мнѣ послѣ, что мысль эта была фельдмаршала Паскевича, къ коему обращались съ испрошеніемъ совѣта.

лагали, занять каждую изъ нихъ гарнизономъ, на первый случай въ тысячу человѣкъ, и тотчасъ приступить къ приведенію ихъ въ оборонительное положеніе, такъ, чтобы зàмки сіи въ крайнемъ случаѣ могли выдержать приступъ. На предметъ работъ сихъ, высылалась ко мнѣ изъ Одессы военно-рабочая рота и одна рота крѣпостной артиллеріи. Вооружить укрѣпленія должно было турецкими пушками; въ случаѣ же ненадежности ихъ артиллеріи, мнѣ предоставлялось потребовать изъ Севастополя нужное число орудій крѣпостной артиллеріи съ лафетами, принадлежностію и снарядами».

«За отдѣленіемъ двухъ тысячъ человѣкъ въ гарнизоны къ зàмкамъ, полагали у меня, въ свободномъ распоряженіи подъ ружьемъ, еще отъ семи до осьми тысячъ человѣкъ, и предоставляли мнѣ располагать ими по моему усмотрѣнію и по обстоятельствамъ, къ защитѣ и оборонѣ Константинополя. Съ сею цѣлію, мнѣ разрѣшалось перейти на азіатскій берегъ, дабы съ той стороны совокунно съ турецкими войсками, противостать египетскимъ, согласно съ моими предположеніями, которыя вполнѣ одобрялись. Находили только, что съ принятіемъ сей мѣры, флотъ нашъ долженъ быть расположенъ у занимаемаго берега такимъ образомъ, дабы въ случаѣ неблагопріятнаго оборота, могущаго произойти отъ ненадежнаго содѣйствія турецкихъ войскъ, суда наши съ удобствомъ могли принять сухопутныя войска для перевозки ихъ обратно на европейскій берегъ, или во всякомъ случаѣ служить береговому отступленію войскъ обороною и покровительствомъ» [1]).

---

[1]) Мысль о высадкѣ на европейскомъ берегу, была тоже подана фельдмаршаломъ Паскевичемъ. Когда же онъ узналъ, что я еще съ первымъ десантнымъ отрядомъ вышелъ на азійскій берегъ, то сказалъ, какъ бы облекая меня въ отвѣтственность за этотъ поступокъ: «А если Муравьевъ уже вышелъ туда, то онъ долженъ умѣть тамъ и держаться, или погибнуть»—обыкновенная черта нерѣшительности его и опасенія отвѣтственности. При свиданіи съ нимъ на слѣдующій годъ въ Петербургѣ, онъ съ

Въ пѣхотѣ считаютъ вооруженными къ бою только рядовыхъ, безъ унтеръ-офицеровъ. Баталіоны никогда не имѣли по тысячѣ человѣкъ подъ ружьемъ, всего же ихъ было восемь; еслибы они имѣли по тысячѣ рядовыхъ, чтò превышало штатное положеніе, то за отдѣленіемъ изъ нихъ двухъ тысячъ, оставалось бы шесть тысячъ, но ни въ какомъ случаѣ семь или восемь. Принимая за основаніе комплектное состояніе рядовыхъ по 920-ти въ баталіонѣ, составило бы всего 7,360 рядовыхъ, а за исключеніемъ двухъ тысячъ, оставалось бы 5,360, а не семь или восемь тысячъ. По списочному состоянію рядовыхъ всей пѣхоты отряда, извѣстному въ министерствѣ изъ рапортовъ, не имѣлось осьми тысячъ человѣкъ; скинувъ съ того числа больныхъ, всѣхъ неспособныхъ и слабыхъ людей, коими наполнили войска при отплытіи изъ Одессы, едва имѣлось наличныхъ рядовыхъ подъ ружьемъ и готовыхъ къ бою 6,000 человѣкъ; а за отдѣленіемъ изъ нихъ въ гарнизоны 2,000 оставалось свободныхъ 4,000 человѣкъ вмѣсто семи или осьми тысячъ. Въ военномъ министерствѣ, кажется, заведено обсчитывать такимъ образомъ другихъ, самихъ себя, и дѣлать предположенія на ложныхъ основаніяхъ.

Ни въ какомъ случаѣ мнѣ нельзя было ожидать распоряженій для военныхъ дѣйствій изъ Петербурга, тогда какъ дѣлá надобно было рѣшать по измѣняющимся обстоятельствамъ на мѣстѣ и скоро. Министерство, давая мнѣ разрѣшеніе, которое само собою разумѣлось, стѣсняло меня своими распоряженіями, не сообразными съ дѣломъ. Я и не могъ слѣдовать имъ; если же бы иначе поступилъ и ожидалъ для каждаго шага приказаній изъ Петербурга, то дѣйствія наши уподобились бы дѣйствіямъ австрійскихъ армій, коихъ всѣ неудачи въ войнахъ противъ Французовъ про-

---

улыбкою выхвалялъ поступокъ мой, какъ бы желая одобреніемъ прикрыть прежде имъ говоренныя на мой счетъ слова, которыя до меня могли дойти.

исходили отъ того, что движеніями ихъ управлялъ военный совѣтъ изъ Вѣны. Въ подобныхъ случаяхъ, все должно быть основано на довѣренности къ начальнику.

Въ первыхъ повелѣніяхъ мнѣ данныхъ, какъ значится выше, приказано было первоначально высадить войско только на европейскій берегъ, коего однако же мы не коснулись, и донесеніе мое о томъ, какъ видно, не было еще получено.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомляли меня, что генералъ-адъютантъ Киселевъ, или выступилъ уже со ввѣреннымъ ему корпусомъ, если получилъ на то требованіе посланника нашего, или выступитъ по первому его извѣщенію, въ слѣдствіе даннаго Бутеневу повелѣнія потребовать перехода нашихъ войскъ за Дунай, при первомъ движеніи Ибрагимъ-паши къ Дарданелламъ».

«Въ случаѣ движенія, предписано было генералъ-адъютанту Киселеву слѣдовать къ Дарданелламъ, занять укрѣпленные на оныхъ замки, какъ на европейскомъ, такъ и на азіатскомъ берегахъ для охраненія пролива отъ всякаго вторженія со Средиземнаго моря».

«Для содѣйствія сему предпріятію назначалась въ Дарданеллы часть флота, которая должна была отправиться туда по соображеніямъ моимъ съ Лазаревымъ; а дабы сіе движеніе флота могло совершиться къ надлежащему времени, мнѣ поручалось быть въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ Киселевымъ, который съ своей стороны долженъ былъ поставить меня въ извѣстность о всѣхъ подробностяхъ своего слѣдованія и о своихъ предпріятіяхъ. Предположенія сіи, я долженъ былъ передать Лазареву до полученія имъ по сему предмету повелѣнія отъ своего начальства».

«Все сіе признавалось возможнымъ къ исполненію въ такомъ только случаѣ, если турецкія войска останутся вѣрными Султану и приближеніе Египтянъ не произведетъ всеобщаго возстанія въ ихъ пользу. Въ такихъ же обстоятель-

ствахъ предположенія сіи признавались несбыточными, и мнѣ назначалось тогда занять у входа въ Константинопольскій проливъ зáмки, или укрѣпленныя мною мѣста для упорной обороны, и снабдить ихъ вполнѣ достаточнымъ продовольствіемъ и другими необходимыми запасами, а съ остальными десантными войсками отплыть въ Сизополь, гдѣ высадить ихъ на берегъ и, устроивъ укрѣпленный лагерь, согласно съ прежнимъ повелѣніемъ, ожидать прибытія генералъ-адъютанта Киселева для предпринятія, совокупно съ его корпусомъ и подъ главнымъ его предводительствомъ, дальнѣйшихъ дѣйствій. Между тѣмъ, для усиленія обороны Константинопольскаго пролива, часть флота должна была остаться у занятыхъ нами зáмковъ и содѣйствовать къ охраненію устья пролива, а мнѣ съ отплывшимъ обратно отрядомъ предписывалось оставаться съ зáмками въ сношеніяхъ и оказывать имъ всякую помощь, подкрѣпляя ихъ войсками и другими способами къ оборонѣ».

Казалось бы, зачѣмъ оставлять одну часть и отплывать съ другою, когда предполагается, что оставляемая часть должна воспрепятствовать вторженію непріятеля въ Босфоръ, что съ ней надобно оставаться въ сношеніяхъ, и что ее надобно еще подкрѣплять изъ Сизополя? Вотъ цѣлый планъ кампаніи, основанный на предположеніяхъ и наполненный противорѣчіями, которыхъ я никогда не могъ себѣ порядочно объяснить. Оставалось одно—дѣйствовать по предстоявшимъ обстоятельствамъ. Въ избраніи пути сего, не для чего было колебаться, ибо предписанное трудно было къ чему либо примѣнить. Повелѣніе это служило только свидѣтельствомъ безотчетливости, съ коею министерство взирало на положеніе дѣла, и нерѣшительности его.

При этомъ повелѣніи приложена копія съ отношенія военнаго министра къ генералу Киселеву, въ коемъ, кромѣ всего вышеизложеннаго, предписывалось ему: «въ случаѣ движенія за Дунай. потребовать отъ Турокъ Шумлу и за-

нять ее, подъ предлогомъ учрежденія въ сей крѣпости временнаго госпиталя и разныхъ складовъ». И такъ, полагали одного требованія достаточнымъ, чтобы Турки отдали намъ лучшій оплотъ ихъ сѣверной границы.

Генералъ Киселевъ нетерпѣливо ожидалъ разрѣшенія двинуться впередъ; разрѣшеніе это дано ему было условно, т. е. въ случаѣ наступательнаго движенія Ибрагимъ-паши, или требованія Султана. Онъ не имѣлъ средствъ для продовольствія въ Турецкихъ владѣніяхъ, и еще предварительно въ февралѣ мѣсяцѣ писалъ о томъ Бутеневу, прося его склонить Турецкое правительство къ изготовленію всего нужнаго по росписанію этаповъ, сдѣланному имъ на всю дорогу до Царяграда или до Дарданеллъ. Это и не могло состояться. Нынѣ обратился онъ ко мнѣ, и съ тѣмъ же курьеромъ писалъ, что хотя ему должно было по полученному имъ повелѣнію находиться въ готовности, собрать весь корпусъ свой, состоящій изъ 20 т., къ Силистріи; но, видя, что Турецкое правительство просило отложить движеніе войскъ, и что Султанъ рѣшился возобновить мирные переговоры съ Египтянами, а съ другой стороны соображая, что преждевременный сборъ войскъ при Силистріи могъ бы затруднить продовольствіе, онъ ограничился размѣщеніемъ ихъ на тѣсныхъ квартирахъ, приказавъ остальныя войска въ Бессарабіи приблизить къ Пруту, чтобы во всякомъ случаѣ быть въ состояніи, въ теченіи 12-ти дней, перейти за Дунай со всѣмъ отрядомъ.

Потомъ онъ представлялъ затрудненія въ продовольствіи за Дунаемъ, ссылался на прежнія сношенія свои съ Бутеневымъ по сему предмету, и, возобновляя требованія свои, подкрѣплялъ ихъ нынѣ, какъ онъ выражался, покорнѣйшею просьбою о томъ же ко мнѣ. Излагая также другія затрудненія, встрѣчавшіяся ему для слѣдованія, онъ убѣдительно просилъ содѣйствія моего къ устраненію ихъ посредствомъ сношеній съ Турецкимъ правительствомъ.

Всѣ эти новыя обстоятельства требовали соображеній. Положеніе мое было затруднительно. Мнѣ нельзя было слѣдовать распоряженіямъ начальства, и надобно было совѣщаться съ Бутеневымъ и Лазаревымъ, коихъ мнѣнія я хотѣлъ знать. 18-го числа пригласилъ я ихъ къ себѣ обѣдать. Держась буквальнаго смысла повелѣнія, нужно было, по крайней мѣрѣ, изслѣдовать всѣ предстоявшія средства къ исполненію главнаго условія: избрать на берегу Босфора два зáмка для постояннаго занятія ихъ войсками и укрѣпить ихъ съ сухаго пути. Сіе составило главный предметъ нашего совѣщанія.

Лазаревъ имѣлъ въ виду только прикрытіе флота. Онъ полагалъ, что часть пролива, находящаяся близь Анадоли-Кавакъ, противъ Генуэзскаго зáмка, представляла къ тому болѣе удобствъ. Этого никакъ нельзя было отринуть, ибо мѣсто это самое узкое по всему проливу; но такое мнѣніе не согласовалось съ другими удобствами, ибо оборона сего мѣста съ сухаго пути требовала непомѣрныхъ работъ, и для защиты вновь предполагаемыхъ укрѣпленій, на одномъ только берегу, нужно было, по крайней мѣрѣ, 3 т. человѣкъ. При томъ же окрестное мѣстоположеніе было такого рода, что артиллерія сихъ укрѣпленій могла бы только служить для отраженія приступа, но отнюдь не для нанесенія вреда облегающему непріятелю. Важнѣйшее же неудобство состоитъ въ томъ, что тутъ не было достаточно воды и для одного баталіона, и старанія наши къ открытію оной остались безъ желаемаго успѣха. Противолежащій берегъ представлялъ къ тому еще менѣе способовъ, какъ по расположенію близь лежащихъ горъ, такъ и по недостатку воды въ укрѣпленіяхъ Румели-Кавакъ и Тели-Тальянъ.

Доводы эти были неоспоримы; и потому по окончаніи совѣщанія нашего, ничего не рѣшившаго, я представилъ мнѣніе свое военному министру при донесеніи отъ 20-го апрѣля. Оно заключалось въ слѣдующемъ:

Что всѣ прибрежныя крѣпости Босфора въ Европѣ и Азіи болѣе или менѣе командуемы близь лежащими высотами, и потому не представляютъ никакого удобства къ оборонѣ съ сухаго пути.

Что Турки при всѣхъ угожденіяхъ, коими они тщатся изъявить свою признательность, всячески старались отклонить подробнѣйшій осмотръ береговыхъ укрѣпленій [1]).

Что занимая гору Великановъ, мѣсто самое возвышенное и господствующее надъ всѣми окрестностями, мы могли защищаться противъ превосходныхъ силъ и положеніемъ своимъ прикрывали флотъ; сильную же баттарею при Маджаръ-Бурну, находящуюся у подошвы горы Великановъ, и охраняемую турецкимъ гарнизономъ, въ случаѣ крайности, мы всегда могли занять безъ всякаго труда, потому что она не имѣетъ никакой обороны съ нагорной стороны.

Что позиція наша угрожаетъ даже непріятелю, который бы занялъ укрѣпленія Анадольскаго берега, выше лагеря лежащія; ибо онѣ въ теперешнемъ положеніи не представляютъ никакой обороны противъ атаки съ сухаго пути, а потому и неправдоподобно, чтобы какой-либо непріятель покусился занять сіи баттареи въ виду насъ.

Что если бы при приближеніи Ибрагимъ-паши къ Царюграду, не удалось мнѣ остановить или разбить его, и чрезъ это послѣдовало бы въ Константинополѣ всеобщее возстаніе; то я полагалъ бы еще весьма возможнымъ держаться въ нынѣшней позиціи до прибытія генерала Киселева, не отплывая въ Сизополь; ибо отрядъ мой снабженъ достаточнымъ количествомъ артиллерійскихъ снарядовъ и продовольствія, а позицію можно укрѣпить.

Что въ такомъ случаѣ укрѣпленіе при Маджаръ-Бурну немедленно займется, къ чему я еще не приступилъ, чтобы не возбудить мнительности Турецкаго правительства, и въ

[1]) Сего достигли мы позже.

семъ отношеніи я имѣлъ въ виду слова Рейсъ-эффенди, однажды сказавшаго Бутеневу въ отвѣтъ на подобное требованіе, что въ случаѣ крайности, занятіе береговыхъ укрѣпленій и распоряженіе ими будетъ, безъ сомнѣнія, отъ насъ зависѣть.

Я также изложилъ въ донесеніи своемъ всѣ неудобства, представлявшіяся на избранныхъ Лазаревымъ пунктахъ; но для соблюденія по возможности воли Государя, я предлагалъ перенести лагерь лѣвѣе, такимъ образомъ, что гора Великановъ занималась уже не лѣвымъ, но правымъ флангомъ нашимъ, а главныя укрѣпленія при Анадоли-Кавакъ находились бы совершенно въ тылу позиціи; къ чему и располагалъ приступить, если по производимымъ тамъ работамъ, окажется достаточно воды для всего лагеря. «Такою мѣрою», отзывался я, «исполнялось уже отчасти намѣреніе Государя: обезпечить пребываніе флота въ Босфорѣ».

Въ заключеніе всего, я представилъ, что отплыть съ частію отряда, оставивъ въ за́мкахъ гарнизоны, находилъ я неудобнымъ; ибо остающіяся отдѣльныя части подверглись бы явной опасности, въ случаѣ возстанія; а потому, для исполненія цѣли Государя, находилъ возможнымъ и признавалъ даже необходимымъ, остаться на Босфорѣ со всѣми войсками.

Вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ я объ отзывѣ, сдѣланномъ отъ Рейсъ-эффенди Бутеневу, по коему видно было, что Турецкое правительство уклонялось отъ призыва вспомогательнаго корпуса генерала Киселева.

Донесеніе мое было основано на точномъ и подробномъ изслѣдованіи мѣстоположенія, которое я самъ объѣхалъ по окрестностямъ лагеря. Жители говорили, что при занимаемой нами тогда позиціи, воды будетъ недостаточно въ лѣтнее время. Пространство между горою Великановъ и возвышеніемъ противъ Генуэзскаго за́мка предоставляло хорошую и выгодную позицію, что̀ и завлекло меня въ обширныя рабо-

ты для отысканія родниковъ и устройства бассейновъ. Такъ какъ сообщеніе ея съ берегомъ было бы затруднительно, то мы прорубили и обдѣлали вездѣ хорошія дороги, которыя будутъ свидѣтельствовать о пребываніи нашемъ на Босфорѣ.

Работы наши для открытія на этихъ высотахъ достаточнаго количества воды, не были довершены; онѣ мало подавали надежды къ успѣху, и еслибъ за недостаткомъ сей необходимости, намъ нельзя было остаться въ сѣверной части Босфора, то я располагалъ, соединивъ войска наши съ турецкими, вмѣстѣ занять лагерь въ окрестностяхъ Скутари, откуда я болѣе угрожалъ Египетской арміи, о чемъ однако же не доносилъ министру.

Хотя я, по обязанности, долженъ былъ обращать все вниманіе свое на новую позицію при горѣ Великановъ, прикрывавшую совершенно главныя береговыя баттареи, и изыскивать всякую возможность къ занятію ея — не менѣе того мысли мои направлялись въ другую сторону. Въ случаѣ наступательнаго движенія со стороны Египтянъ, я считалъ главною обязанностію своею сберечь Царьградъ и воспрепятствовать приближенію непріятельской арміи, а не окапываться на отдаленныхъ высотахъ, для прикрытія флота, коего содѣйствіе не могло мнѣ принести большой пользы, коего бы вѣроятно никто не коснулся, пока существовали сухопутныя войска, и который наконецъ могъ бы уйти, еслибъ ему предстояла какая-либо опасность. Въ такомъ случаѣ я располалалъ также дѣйствовать наступательно: идти къ Скутари, но не для того, чтобы остаться тамъ въ оборонительномъ положеніи, а съ тѣмъ, чтобы пройти къ Гебизэ, откуда направить по большой дорогѣ въ Никомидію всѣ турецкія войска, которыя бы могъ собрать, внезапно переправиться со своими черезъ заливъ къ Карамусалу, оттуда пройти противолежащимъ берегомъ къ Никомидіи и атаковать Ибрагимъ-пашу во флангъ или въ тылъ, въ то время, какъ голова колонны его вступила бы съ Турками въ бой

по большой Царьградской дорогѣ. Всего было два или три перехода, которые бы молодыя войска наши выдержали. Склады располагалъ я оставить въ большихъ казармахъ султанской гвардіи, находившихся въ Скутари, устроенныхъ такимъ образомъ, что ихъ удобно было вооружить. Всѣ подвозы могли дѣлаться моремъ, и слѣдственно не представляли большихъ затрудненій. Этимъ движеніемъ впередъ, отклонилось бы волненіе, которое могло произойти въ Царѣградѣ, отъ приближенія Египтянъ. Внезапность нападенія подавала большія надежды на побѣду. Мысль сію я никому не обнаруживалъ, чтобы она не распространилась, и также не писалъ о томъ къ министру, чтобы не подать ему повода къ снабженію меня новыми предположеніями о военныхъ дѣйствіяхъ.

Съ курьеромъ, привезшимъ мнѣ депеши отъ военнаго министра, я получилъ письмо отъ графа Нессельроде, коимъ онъ благодарилъ меня за извѣстія, прежде того ему сообщенныя, и просилъ поспѣшить окончаніемъ дѣлъ Порты съ Египтомъ, до прямаго участія Французскаго посольства въ сихъ дѣлахъ. Онъ ссылался на то, что на меня возложено было сообразить дѣйствія Бутенева и Лазарева при семъ случаѣ. Хотя по бумагамъ и видно было, что дѣло это болѣе возлагалось на меня, чѣмъ на другихъ; но мнѣ не было исключительно поручено прямое начальство надъ всѣми частями. Посему и счелъ я приличнѣе совѣщаться съ мнѣніемъ сотрудниковъ моихъ. Доброе согласіе между нами ни на одно мгновеніе не разстроилось. Въ тоже время Лазаревъ былъ произведенъ въ вице-адмиралы; мы на берегу извѣстились о томъ чрезъ внезапную пальбу, поднявшуюся со всѣхъ судовъ. Сперва не знали, къ чему отнести сіе, но вскорѣ увидѣли на его кораблѣ флагъ, перенесенный съ фокъ-мачты на бизань. Лазаревъ получилъ это награжденіе за вшествіе его въ Босфоръ.—Такъ всегда признаются заслуги въ послѣдствіяхъ, а не въ самыхъ дѣйствіяхъ.

19-го числа получено отъ полковника Дюгамеля донесеніе,

съ новыми предположеніями для защиты Геллеспонта, и чертежемъ укрѣпленія, къ коему подъ распоряженіемъ его приступлено для обороны зàмка Чанахъ-Кале, съ сухаго пути. Присланные Дюгамелемъ свѣдѣнія, я сообщилъ Сераскиру и снова просилъ его съ дѣятельностію продолжать начатыя работы (см. въ приложеніяхъ списокъ съ письма моего къ Сераскиру подъ буквою Z.) Настойчивость моя имѣла на сей разъ болѣе успѣха: работы въ Дарданеллахъ продолжались съ возможною у Турокъ дѣятельностію.

Дюгамель увѣдомлялъ меня также о разнесшемся въ Дарданеллахъ слухѣ, что въ Тенедосъ ожидалась французская эскадра, состоявшая изъ пяти линейныхъ кораблей и пяти фрегатовъ, прибывшихъ уже въ Смирну. Я сообщилъ это извѣстіе Ахмедъ-пашѣ-муширу; онъ сказалъ, что эскадра эта должна была придти, по требованію Французскаго посла, въ Дарданеллы. Нужно было знать, какъ поступать въ случаѣ вторженія Французовъ, а потому я спросилъ Ахмедъ-пашу, съ позволенія ли Турецкаго правительства сіе дѣлалось. Онъ утвердительно отвѣчалъ, что правительство никогда не просило о томъ Французовъ. Дѣйствіе это тѣмъ болѣе казалось страннымъ, что поступки Руссена измѣнились; извѣстно уже было о неудовольствіяхъ, происшедшихъ у него съ Вареномъ. Въ сношеніяхъ своихъ онъ сдѣлался гораздо обходительнѣе и, оставя скрытную политику предмѣстника своего, увѣрялъ Бутенева въ прямотѣ видовъ Двора своего въ отношеніи къ Турціи, какъ бы желая сблизиться съ нами. Мы отвѣчали первому шагу имъ сдѣланному, пославъ къ нему, по случаю тезоименитства короля, поздравленія изъ Европы и Азіи. Всѣ дѣйствія Французовъ отзывались неосновательностію представителя ихъ при Портѣ.

20-го числа прибылъ въ Царьградъ Англійскій посолъ лордъ Понсонби.

Политическія дѣла находились въ слѣдующемъ состояніи.

Ибрагимъ-паша отзывался, что доволенъ предложеніемъ сдѣланнымъ ему Портою, прислать чиновника для переговоровъ въ Царьградъ; но не отступался отъ требованія Аданы, не предпринималъ обратнаго движенія, и выразился, что не пойдетъ изъ Кютаіэ обратно, пока наши войска будутъ въ турецкихъ владѣніяхъ. Угрозы Руссена не имѣли на него никакого вліянія. Съ другой стороны по вѣрнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ чрезъ довѣренное лицо, служившее при Портѣ, узнано, что за исключеніемъ одного только Ахмедъ-пашимушира, всѣ чиновники Порты единодушно настаивали, чтобы Султанъ уступилъ требованіямъ Ибрагимъ-паши, опираясь на нелѣпый отзывъ его, что онъ просилъ Аданы только для себя лично, какъ вѣрноподданный Султана. Они дѣйствовали согласно съ Египетскимъ вождемъ. Хотя Порта и не требовала прибытія французской эскадры въ Дарданеллы, но нельзя было ожидать со стороны Турокъ какихъ-либо дѣятельныхъ мѣръ для воспрепятствованія сему вторженію. Такое поведеніе Турокъ было послѣдствіемъ недовѣрчивости ко всѣмъ Европейскимъ державамъ, изъ опасенія видѣть развязку распри ихъ при вратахъ столицы; но всего болѣе съ намѣреніемъ ускорить наше возвращеніе изъ Турціи. Сераскиръ былъ, повидимому, въ числѣ тайныхъ пружинъ всего, не взирая на дружественныя сношенія, въ коихъ мы съ нимъ находились. По извѣстіямъ же изъ Александріи, доходили до насъ свѣдѣнія, что миръ уже былъ заключенъ на условіяхъ, предложенныхъ Египтянами.

Извѣстія сіи требовали объясненія. 23-го числа навѣстили меня Сераскиръ и Ахмедъ-паша-муширъ. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы спросить у нихъ, справедливъ ли носившійся слухъ о заключеніи Султаномъ мира съ уступкою Мегмедъ-Али, Аданы и Тарсуса. Они отвѣчали, что Порта точно заключила миръ на этихъ условіяхъ, но что Караманія отдана не Мегмедъ-Али, а Ибрагимъ-пашѣ, по неотступнымъ и покорнѣйшимъ просьбамъ его, не въ видѣ владѣнія,

но на откупъ, съ тѣмъ, что Султанъ въ правѣ, когда ему угодно, отдать Караманію другому. Видно было, что Сераскиръ неохотно разговаривалъ о томъ; Ахмедъ-паша же объяснялся съ нѣкоторою застѣнчивостію, какъ виновный, стыдящійся сознаться въ проступкѣ. Я спросилъ ихъ, почему заключеніе мира было скрыто отъ насъ столь долгое время, ибо мнѣ извѣстно, что Мегмедъ-Али уже праздновалъ свое торжество въ Александріи. Они увѣряли меня, что договоръ этотъ былъ утвержденъ Султаномъ не болѣе двухъ или трехъ дней тому назадъ; въ доказательство чего располагали представить мнѣ письма, полученныя отъ Ибрагимъ-паши, изъ коихъ я бы могъ видѣть просьбу его, и по сличеніи чиселъ убѣдиться въ справедливости ихъ словъ; торжество же, празднованное въ Александріи, было, по мнѣнію Сераскира, слѣдствіемъ полученія рескрипта отъ Султана — какого рескрипта, онъ не объяснилъ. Если полагать, что онъ ссылался на Тевджигатъ, то повода сего было бы не достаточно, ибо въ Тевджигатѣ не упоминалось объ уступкѣ Аданы, и переговоры еще продолжались во время обнародыванія его. Надобно думать, что Султанъ писалъ что-либо особенное къ Мегмедъ-Али, или что уступка сдѣлана по полномочію, Галиль-пашею, который тогда еще находился въ Египтѣ. Сераскиръ прибавилъ, что Рейсъ-эффенди безъ замедленія увѣдомитъ Бутенева о заключеніи мира.

Я спрашивалъ Ахмедъ-пашу-мушира, доволенъ ли Султанъ условіями; хотя онъ мнѣ отвѣчалъ, что Султанъ ими до времени доволенъ, но по всему было видно, что оборотъ дѣла не соотвѣтствовалъ душевному расположенію Ахмедъ-паши и, какъ заключать можно было, самого Султана. Я замѣтилъ Муширу несовмѣстность присутствія египетскихъ войскъ въ Малой Азіи, съ коварною вѣрноподданическою просьбою Ибрагимъ-паши. Онъ отвѣчалъ, что Ибрагимъ-паша непремѣнно начнетъ свое отступленіе черезъ пять или шесть дней.

Миръ точно на дняхъ только былъ утвержденъ Султаномъ, но еще не было никакого поручительства за отступленіе египетскихъ войскъ изъ Малой Азіи.

ГЛАВА VIII.

Прибытіе графа Орлова.

Совѣщаніе еще продолжалось, какъ вниманіе наше внезапно было прервано пальбою со всѣхъ судовъ, стоявшихъ въ Босфорѣ. Нельзя было полагать, чтобы Лазарева произвели уже въ полные адмиралы, и мы не могли объяснить себѣ этого случая, пока не пріѣхалъ ко мнѣ посланный отъ Лазарева съ увѣдомленіемъ, что прибылъ графъ Орловъ. Салютъ былъ данъ штандарту, развѣвавшемуся на корветѣ, привезшемъ его. Никто не зналъ причины сего нечаяннаго пріѣзда. Сераскиръ возвратился въ Константинополь; но Ахмедъ-паша хотѣлъ видѣться съ графомъ; и такъ какъ я отправился въ Беюгъ-дэре, гдѣ Орловъ остановился у Бутенева, то и взялъ Мушира съ собою.

Графъ Орловъ былъ назначенъ полномочнымъ посломъ при Султанскомъ дворѣ и начальникомъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, находившихся въ Босфорѣ. Ему разрѣшено было объявить, кому сочтетъ за нужное, войну и, въ случаѣ надобности, открыть военныя дѣйствія съ находившимися у него подъ рукою войсками. Самый корпусъ генералъ-адъю-

танта Киселева подчинялся ему въ случаѣ движенія, не взирая на то, что Киселевъ былъ въ чинѣ старше его.

Передъ входомъ въ Босфоръ, Орловъ встрѣтилъ идущій въ Одессу пароходъ съ моими донесеніями къ военному министру, о коихъ упомянуто въ предыдущей главѣ. Онъ остановилъ его, распечаталъ, прочелъ всѣ бумаги и воротилъ пароходъ въ Беюгъ-дэре, чтобы съ нимъ послать къ Государю донесеніе о своемъ пріѣздѣ въ Беюгъ-дэре. Всѣ распечатанныя бумаги поручилъ онъ мнѣ опять запечатать и отправить къ министру, а на будущее время прекратить ихъ и во всемъ, касающемся до службы, относиться къ нему.

Нельзя сказать, чтобъ назначеніе довѣренной особы Государя съ такою властію было въ то время совершенно лишнее. Мы конечно поступили бы рѣшительно, въ случаѣ надобности; но никто изъ насъ не имѣлъ такихъ полномочій какъ Орловъ. Мы не могли вполнѣ знать намѣреній Государя въ непредвидимыхъ обстоятельствахъ. Самое соединеніе трехъ властей подъ одно управленіе также имѣло свою пользу для избѣжанія разногласія, которое могло встрѣтиться въ мнѣніяхъ. Выборъ, павшій въ семъ случаѣ на графа Орлова, могъ почесться — изъ счастливѣйшихъ.

Графъ Орловъ провелъ молодость свою въ праздности, почему и не могъ пріобрѣсти прочнаго образованія. Онъ былъ одаренъ отъ природы отличными способностями ума, легко пріобрѣлъ опытность, нужную при Дворѣ, и въ семъ отношеніи безъ сомнѣнія превзошелъ всѣхъ соперниковъ своихъ. Онъ чувствовалъ себя выше многихъ, отъ чего не имѣлъ надобности ни съ кѣмъ дружиться или ссориться; никому не перебивалъ мѣста, не искалъ, а, напротивъ того, избѣгалъ даже постоянныхъ занятій. Принимая на себя только кратковременныя и отдѣльныя порученія по службѣ, онъ всегда умѣлъ добрымъ обхожденіемъ возбудить усердіе въ подчиненныхъ. Онъ шелъ прямо къ цѣли, пренебрегая обыкно-

венными путями искательства, не присталъ ни къ чьей сторонѣ и остался при своемъ образѣ мыслей независимымъ отъ другихъ. Графъ Орловъ домогался важнѣйшаго — званія любимца Государя, коего и достигъ.

Нисколько не дорожа частнымъ мнѣніемъ лицъ своего круга и приближенныхъ, графъ Орловъ высоко цѣнилъ общее мнѣніе на его счетъ людей, въ какомъ бы званіи они ни были, и хотя онъ старался скрыть сіе, но это было довольно замѣтно. Впрочемъ, такое направленіе ума его можно было отнести къ тому, что между равными ему званіями, онъ мало находилъ людей достойныхъ уваженія. Онъ былъ для каждаго доступенъ — величайшее преимущество въ кругу людей, никого не выслушивающихъ. Принималъ участіе въ дѣлахъ просителей, помогалъ угнетеннымъ и нуждающимся въ его пособіи, по занимаемому имъ званію, съ удовольствіемъ проводилъ время между людьми, которые могли его понять, не взирая на степень, занимаемую ими при дворѣ, и такимъ поведеніемъ достигъ всеобщаго добраго имени, въ особенности же въ низшихъ классахъ.

На войнѣ онъ не имѣлъ успѣха, какъ то оказалось въ послѣднемъ Турецкомъ походѣ.

Ахмедъ-паша лично передалъ Графу первыя положительныя извѣстія о заключеніи мира, о коемъ онъ уже прослышалъ.

Орловъ принялъ насъ всѣхъ очень хорошо и изъявилъ удовольствіе Государя за все нами сдѣланное до тѣхъ поръ; но какъ будто упрекалъ въ томъ, что Турки заключили миръ безъ нашего согласія. Онъ впрочемъ не хвалился прямо, что не допустилъ бы ихъ къ уступкѣ Аданы Ибрагимъ-пашѣ; почему я заключаю, что онъ на этотъ счетъ не имѣлъ отъ Государя другихъ наставленій, кромѣ тѣхъ, которыя намъ были повторяемы, т. е., не мѣшаться въ дѣла разграниченія между Султаномъ и Египетскимъ пашею. Полномочіе его, можетъ быть, и давало ему средства воспрепятствовать подъ

другими предлогами этой уступкѣ, но едвали бы онъ вмѣшался въ сіе дѣло. Онъ не возражалъ на объясненія мои по сему случаю, соотвѣтствовавшія донесеніямъ моимъ Военному Министру.

25-го апрѣля, графъ Орловъ былъ въ лагерѣ и на короткое время навѣстилъ меня. Онъ велѣлъ раздать отъ имени Государя войскамъ какъ нашимъ, такъ и турецкимъ по одному рублю на человѣка; все хвалилъ, но мало обращалъ на что либо вниманіе, а со мною обошелся довольно холодно.

26-го онъ ѣздилъ на аудіенціею къ Султану и на обратномъ пути своемъ осматривалъ флотъ. Обхожденіе его съ Лазаревымъ было гораздо дружественнѣе отъ того, можетъ быть, что Лазаревъ съ самаго начала былъ почти чуждъ политическихъ дѣлъ, нынѣ порученныхъ графу Орлову. Лазаревъ имѣлъ болѣе случаевъ съ нимъ видѣться. Корабль его стоялъ близко отъ дворца нашего, и онъ всякій день съѣзжалъ на берегъ.

Съ прибытіемъ графа Орлова, высшее правительство уже не имѣло болѣе подробныхъ свѣдѣній о частныхъ дѣлахъ и сношеніяхъ нашихъ въ Турціи; ибо онъ самъ не только не занимался этимъ, но и не зналъ объ нихъ иначе, какъ чрезъ доходящіе случайно слухи, передаваемые ему въ разговорахъ. Что же касалось до общаго объема дѣла, то онъ писалъ о томъ изрѣдка своеручно Государю, и, помнится мнѣ, по французски, частными письмами.

Согласно отданному имъ приказанію, я сообщилъ Киселеву, что всѣ сношенія мои съ нимъ по службѣ нынѣ должны прекратиться по случаю пріѣзда графа Орлова, отъ коего зависили и дальнѣйшія распоряженія къ предположенному движенію войскъ за Дунай. Я былъ отчасти весьма доволенъ, что переписка моя съ Киселевымъ прекратилась, ибо настоянія его для заготовленія этаповъ были неудобоисполнимы.

Между тѣмъ, считая обязанностію продолжать донесенія свои объ успѣхахъ по разнымъ предметамъ, и въ иныхъ случаяхъ испрашивать разрѣшенія, я доставилъ графу Орлову копію съ нѣкоторыхъ донесеній моихъ военному министру и сталъ продолжать представленія мои на имя графа Орлова. Для избѣжанія хлопотъ, неразлучныхъ съ бумагами, онъ поручилъ мнѣ, при докладѣ всякаго рапорта, требующаго разрѣшенія, прилагать и самое разрѣшеніе, готовое для подписанія. Хотя симъ распоряженіемъ Орловъ вѣроятно желалъ также показать мнѣ довѣренность свою но такой порядокъ вещей не нравился мнѣ. Тѣмъ болѣе, когда я узналъ, что графъ Орловъ, въ случаѣ военныхъ дѣйствій, располагалъ лично идти съ войсками и предводительствовать ими. Тогда я становился отрицательнымъ орудіемъ, на ряду начальника штаба, съ одною лишь отвѣтственностію за неуспѣхъ всякаго дѣла. На мою долю досталась бы самая затруднительная часть — хозяйственнаго управленія. Новый начальникъ, который не зналъ всѣхъ затрудненій, предстоявшихъ въ содержаніи и движеніи войскъ, могъ бы обременить меня непомѣрными требованіями, какъ то часто бываетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ. Ко мнѣ отнеслись бы неудачи, навлеченныя его неопытностію—ему же успѣхъ моихъ трудовъ. Къ тому же неожиданный пріѣздъ графа Орлова былъ многими криво растолкованъ и произвелъ на нѣкоторыхъ дурное вліяніе. Полагали, что я долженъ быть смѣненъ имъ, и первый примѣръ къ ослушанію поданъ самимъ дивизіоннымъ начальникомъ. Я тотчасъ остановилъ его; онъ сказался больнымъ; я начначилъ старшаго по немъ командовать дивизіею, и онъ выздоровѣлъ.

Упадокъ званія моего, устраненіе отъ политическихъ дѣлъ, борьба, съ которою я долженъ былъ поддерживать власть свою, а всего болѣе неудовольствія, которыя я предвидѣлъ въ случаѣ военныхъ дѣйствій—все это было для меня непріятно, не предвѣщало ничего добраго въ будущемъ, и слу-

жебныя занятія опостылѣли мнѣ. Мое намѣреніе было уклониться отъ дѣлъ. Я не сообщилъ никому мысли своей; но Орловъ самъ замѣтилъ непріятное впечатлѣніе, произведенное неожиданнымъ прибытіемъ его. Онъ вскорѣ умѣлъ изгладить его обращеніемъ своимъ и возстановить порядокъ, гласно показывая довѣренность ко мнѣ.

Сераскиру до сихъ поръ не удавалось смотрѣть войскъ нашихъ наединѣ; онъ давно просилъ сего, говоря, что къ тому влечетъ его желаніе видѣть устройство ихъ; но ему хотѣлось смотрѣть ихъ безъ постороннихъ свидѣтелей, а всего болѣе безъ присутствія старшихъ, чтобы располагать ученьемъ. Почесть эту надобно было ему оказать, ибо онъ имѣлъ право на угожденіе такого рода по многимъ услугамъ, которыя намъ оказывалъ. Съ намѣреніемъ болѣе польстить Хозревъ-пашѣ, я назначилъ для сего смотра Люблинскаго полка 2-й баталіонъ, коимъ командовалъ двоюродный братъ мой маіоръ Мордвиновъ, и послалъ самого Мордвинова въ Царьградъ съ письмомъ къ Сераскиру, прося его отдать лично свои приказанія начальнику. Сераскиръ назначилъ для смотра 1-е число мая мѣсяца и предупредилъ меня, что съ нимъ пріѣдетъ Верховный Визирь, Реуфъ-паша, недавно возведенный въ это званіе послѣ плѣненія Решидъ-Мегмедъ-паши. Въ назначенный день онъ явился съ гостемъ на Султанскую долину къ выведенному баталіону. Хозревъ-паша требовалъ, чтобы всѣ почести отдавались Реуфъ-пашѣ, говоря, что онъ очень хорошій человѣкъ, и потомъ, отвернувшись, смѣялся надъ нимъ, указывая на его неподвижность. Реуфъ-паша былъ болѣе похожъ на чучелу, чѣмъ на перваго сановника государства, изрѣдка улыбался и ничего не сказалъ порядочнаго. Новый Визирь былъ въ самомъ дѣлѣ человѣкъ совершенно пустой, о коемъ даже мало гдѣ было слышно. Такъ измѣнилось прежнее правленіе Турецкой Имперіи! Графъ Орловъ также пріѣхалъ на смотръ. Сераскиръ былъ очень веселъ во время построеній, продолжавшихся

около часа; нѣкоторыя изъ нихъ онъ самъ назначалъ. Подъ конецъ у него не достало терпѣнія, онъ видимо усталъ и желалъ поскорѣе кончить. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, я получилъ отъ Хозревъ-паши письмо, съ изъявленіемъ благодарности его, и отъ имени Визиря. Онъ приложилъ при письмѣ составленную имъ самимъ записку о построеніяхъ, сдѣланныхъ баталіономъ. Въ этой запискѣ, писанной по турецки, не было никакого толка, — ни головы, ни хвоста. Сераскиръ хотѣлъ непремѣнно слыть за искуснаго тактика. (Письмо это приложено въ концѣ книги подъ буквою А. А.).

2-го мая получено отъ Дюгамеля донесеніе, что онъ вступилъ въ сношенія съ нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Смирнѣ, Ивановымъ, для полученія свѣдѣній о дѣйствіяхъ находившейся тамъ Французской эскадры. Англійскую туда же въ скорости ожидали. Дюгамель увѣдомлялъ также объ успѣхѣ крѣпостныхъ работъ и производимой имъ съёмки. Морскіе офицеры, находившіеся съ нимъ, уже отплыли обратно, скопировавши по его позволенію часть береговой съемки имъ сдѣланной. Они вскорѣ прибыли и представили Лазареву работу свою, на которую средства даны были мною и Дюгамелемъ. Планы моряковъ представлены гораздо прежде нашихъ, можетъ быть и съ цѣлію предупредить насъ. Въ нихъ заключались одни очерки береговъ, нѣкоторыя свѣдѣнія о баттареяхъ и промѣры глубины, больше чего они и не могли сдѣлать.

Дюгамель представилъ также, по возвращеніи своемъ, планы мѣстоположенія и крѣпостей. Когда явились наши полныя работы, то чертежи моряковъ оказались недостаточными и даже несогласными съ нашими. Моряки наши неискусны въ съемкѣ плановъ. Малое знаніе ихъ въ семъ дѣлѣ простирается до того, что мы не могли употребить въ дѣло небольшаго участка тріангуляціи, сдѣланной однимъ изъ лучшихъ съемщиковъ ихъ, штурманомъ моего фрегата; котораго я было далъ въ помощь Менду для производства

съёмокъ на Босфорѣ. Инструменты, употребляемые ими, не хороши, и они не обращаютъ достаточнаго вниманія на повѣрку ихъ. Посланные въ Дарданеллы офицеры, конечно были изъ лучшихъ; но искусство ихъ касалось болѣе астрономическихъ наблюденій; въ съёмкѣ же мѣстоположенія, они не могли имѣть большихъ свѣдѣній, особенно въ глазомѣрной — главномъ искусствѣ офицера генеральнаго штаба, пріобрѣтающемся только долгимъ навыкомъ. Работы, представленныя Дюгамелемъ, заслуживали вниманіе, какъ по обширности, отчетливости, такъ и по отдѣлкѣ ихъ. Всѣ укрѣпленія были сняты и вычерчены инженеръ-полковникомъ Бюрно, въ планахъ и разрѣзахъ. Не менѣе того, Орловъ не оцѣнилъ сихъ трудовъ, по внушеніямъ Лазарева, опровергавшаго даже достоинство глазомѣрной съёмки, о которой онъ какъ морской офицеръ также не могъ основательно судить. Занимательная портфель Дюгамеля представлена мною въ Военное Министерство.

6-го числа получено отъ графа Воронцова увѣдомленіе, что Государь, предполагая нужнымъ улучшить оборону прибрежныхъ зàмковъ, приказалъ изготовить въ Севастополѣ крѣпостныя орудія съ лафетами и снарядами, съ тѣмъ, чтобы онѣ по требованію моему были присланы на Босфоръ; но въ нихъ не встрѣтилось болѣе надобности, и предположеніе это осталось безъ исполненія. Около того же времени Киселевъ, не знавши о пріѣздѣ графа Орлова, просилъ меня послать офицеровъ генеральнаго штаба, для довершенія предпринятыхъ имъ съёмокъ по дорогѣ къ Константинополю. Онъ прислалъ ко мнѣ, при семъ случаѣ, копію съ донесенія своего къ Военному Министру, въ коей видно было его желаніе ускорить движеніе свое къ Константинополю, и опять требовалъ отъ меня изготовленія ему этаповъ; но дѣло это уже было кончено. Присутствіе графа Орлова освобождало меня отъ какихъ либо распоряженій по сему предмету, на чтò я торично сослался, съ соблюденіемъ всѣхъ

возможныхъ вѣжливостей. Присланный Киселевымъ офицеръ генеральнаго штаба, штабсъ-капитанъ Ходзько, оставленъ мною при отрядѣ и употребленъ съ пользою при составленіи тригонометрической сѣти. Офицеръ сей отличался математическими познаніями своими, кротостію, усердіемъ къ службѣ, и благородными правилами заслужилъ всеобщее уваженіе.

6-го же числа графъ Орловъ былъ приглашенъ съ нами на обѣдъ къ капитанъ-пашѣ Тагиръ-пашѣ, угостившему насъ на своемъ адмиральскомъ трехъ-палубномъ кораблѣ Махмудіэ. Убранство каютъ было отлично, обѣдъ былъ безконечный. Болѣе 90 блюдъ уже было подано, когда графъ Орловъ вышелъ изъ терпѣнія и всталъ изъ-за стола, не дождавшись окончанія. Во время обѣда, Султанъ, въ знакъ доброжелательства своего, прислалъ на корабль одного изъ пажей своихъ пожелать намъ удовольствія. Въ присутствіи посланнаго провозглашенъ тостъ за здравіе Махмуда. Мы возвратились на пароходѣ около полночи въ домà свои.

Едва кончалась завязчивая ссора между Султаномъ и Египетскимъ пашею, какъ новыя заботы обратили на себя вниманіе дипломатическаго сословія. По достовѣрнымъ извѣстіямъ, французскій флотъ, пришедшій въ Смирну, состоялъ изъ 4-хъ линейныхъ кораблей: Le Guffren, le Superbe, le Marengo, и le Dugreme, двухъ фрегатовъ: Ифигеніи и Гермины, одного корвета и двухъ бриговъ; ожидали еще прибытія двухъ линейныхъ кораблей. По дошедшимъ изъ Тулона извѣстіямъ, изъ Англіи уже отправилось восемь линейныхъ кораблей въ Левантъ, и соединенные флоты сіи должны были, какъ говорили, двинуться къ Дарданелламъ. Французская шкуна, съ депешами къ послу Руссену, хотѣла пройти черезъ Геллеспонтскій проливъ вопреки запрещенію Турокъ, почему съ баттарей Дарданелльскаго зàмка пущено по ней три ядра; шкуна остановилась, и посланный прибылъ въ Царьградъ на лодкѣ. Ахмедъ-паша, пріѣзжавшій ко мнѣ

съ этимъ извѣстіемъ, казался очень испуганнымъ и опасался послѣдствій отважнаго, но безумышленнаго поступка стараго и слабаго Дарданелльскаго Салехъ-паши. Руссенъ вошелъ о томъ съ жалобою въ Порту. Когда я сообщилъ это графу Орлову, то онъ уже зналъ о происшествіи и также безпокоился; ибо ему сказали, что Салехъ-паша отозвался, будто стрѣляли по Французамъ, потому что Дарданеллы заняты русскими войсками. Въ Дарданеллахъ оставался тогда одинъ Дайнези, который не участвовалъ въ семъ ни дѣломъ, ни совѣтомъ; но вліяніе наше такъ сильно подавляло слабаго Салехъ-пашу, помнившаго еще Эрзерумскій плѣнъ свой, что ему вездѣ мерещились русскіе наставники, русскія войска, русскіе командиры.

7-го, графъ Орловъ ѣздилъ по случаю этихъ выстрѣловъ къ Рейсъ-эффенди. Я съ нимъ видѣлся на другой день и нашелъ его въ иномъ расположеніи духа. Судя по словамъ Орлова, онъ поступилъ какъ должно было полномочному послу въ такихъ обстоятельствахъ, объявивъ Рейсъ-эффенди, что если Турецкое правительство позволитъ Французамъ войти въ Геллеспонтъ, то мы займемъ Дарданелльскіе замки войсками, и въ такомъ случаѣ неминуемо возгорится война во владѣніяхъ Султана. Вслѣдствіе сего Турки обѣщались, въ случаѣ вторженія Французовъ, по крайней мѣрѣ, протестовать противъ ихъ насилія. Такъ перемѣнились обстоятельства! Два мѣсяца тому назадъ, по настоянію Французовъ, шло дѣло о возвращеніи нашего флота изъ Босфора,—мы удержались; нынѣ же Турки стрѣляютъ по французскимъ судамъ, показывающимся въ Дарданеллы, Французы, начавшіе угрозами, удовольствовались на сей разъ замѣчаніемъ, чтобъ графъ Орловъ поспѣшилъ послѣ этого происшествія съѣздить для объясненія къ Руссену. Руссенъ сознался, что онъ не имѣетъ никакихъ наставленій отъ своего правительства для овладѣнія Дарданеллами, и выстрѣлы эти остались безъ послѣдствій.

Между тѣмъ Египтяне не отступали. Сераскиръ пріѣзжалъ ко мнѣ 10-го числа и говорилъ, что Ибрагимъ-паша занялъ войсками Кесарію, лежащую внѣ дороги отступленія его въ Сирію, какъ бы грозясь двинуться къ границамъ Грузіи. Извѣстіе это было доставлено мнѣ еще наканунѣ однимъ Грекомъ, жителемъ Кесаріи, получившимъ оттуда письмо. Казалось, что война вновь завязывалась. Въ народѣ вообще господствовало какое-то повѣрье, что дѣло рѣшится только съ совершеннымъ паденіемъ Турецкой Имперіи. Довольно странно, что въ теченіе этихъ дней явилось ко мнѣ разновременно шесть человѣкъ: четверо Христіанъ и двое Турокъ съ убѣдительнѣйшими просьбами, чтобы я ихъ принялъ въ службу рядовыми; они ловили меня вездѣ, гдѣ только могли и, скрываясь отъ турецкихъ чиновниковъ, являлись по ночамъ ко мнѣ въ палатку съ тѣми же просьбами. Я употреблялъ всѣ возможныя убѣжденія, чтобы отклонить ихъ отъ такого намѣренія, представлялъ имъ о нуждахъ и трудахъ, переносимыхъ солдатами,—но безъ успѣха. Всѣ они были недовольны правительствомъ и говорили, что предпочтутъ настоящему быту своему малое довольствіе воиновъ нашихъ, получаемое съ опредѣлительностію. Одинъ изъ нихъ былъ Кесарійскій Грекъ, и явно говорилъ, что хотѣлъ служить подъ знаменами Христіанъ изъ ненависти къ Туркамъ, обидѣвшимъ его семейство. Въ намѣреніи отбить у него охоту къ военной службѣ, я велѣлъ одѣть его въ мундиръ и киверъ, съ полною солдатскою аммуниціею и клажею. Онъ съ радостію принялъ испытаніе, стоялъ неподвижно болѣе двухъ часовъ, въ жаркое время дня. Потъ лилъ съ него градомъ; но онъ не упалъ ни силами, ни духомъ, и когда его раздѣли, то сказалъ, что эта служба не тягостна, и онъ легко можетъ ее перенести. Нельзя было его принять, не возбудивъ неудовольствія Турецкаго правительства; мнѣ было его жаль; я увѣрялъ его, что онъ можетъ другими средствами оказать намъ усердіе свое, и не

*

нашелъ инаго способа отдѣлаться отъ него, какъ послать лазутчикомъ въ Кесарію, для доставленія свѣдѣній о дѣйствіяхъ Египтянъ. Онъ принялъ порученіе мое изъ одного послушанія. Другіе просители, послѣ того, еще долго ходили ко мнѣ, жалуясь на свою участь, и тогда только оставили лагерь, когда увѣрились въ совершенной безуспѣшности своего иска.

Первое положительное извѣстіе объ отступленіи непріятеля доставлено однимъ штабъ-офицеромъ, бѣжавшимъ изъ египетской арміи, гдѣ онъ командовалъ коннымъ полкомъ. 10-го числа мая, Ахмедъ-паша-муширъ привозилъ его ко мнѣ. Не знаю причинъ, по коимъ онъ оставилъ Ибрагима. Человѣкъ этотъ былъ высокаго роста, въ разговорахъ боекъ и имѣлъ видъ совершеннаго воина. Не взирая на то, что Султанъ принялъ его очень милостиво, онъ не переставалъ выхвалять подвиговъ своихъ сослуживцевъ и смѣяться надъ неустройствомъ и неудачами турецкихъ войскъ. Его звали Гуссейнъ-бей. Онъ доставилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о состояніи непріятеля. Я велѣлъ снять съ него показаніе и тогда же поѣхалъ съ Ахмедъ-пашею къ Орлову, которому вручилъ записку о сихъ извѣстіяхъ. Извлеченіе изъ показаній Гуссейнъ-бея прилагается въ концѣ книги подъ буквою В. В.

Египтянъ безъ сомнѣнія понудило къ отступленію присутствіе нашихъ войскъ на Босфорѣ, какъ и движеніе къ Царюграду было остановлено моею поѣздкою въ Александрію. Но я удивился, когда при семъ свиданіи услышалъ отъ графа Орлова, что онъ приписывалъ остановленіе Египтянъ въ Кютаіэ, не послѣдствіямъ моего посольства, а прибытію нашего флота на Босфоръ. Эскадра, по словамъ его, пришла въ Царьградскія воды, вмѣстѣ съ моимъ возвращеніемъ изъ Александріи. Простое сличеніе чиселъ показываетъ несправедливость сего сужденія, какъ о томъ было говорено уже выше.

Съ пріѣздомъ графа Орлова, я имѣлъ болѣе свободнаго времени, ибо отъ меня отошли дипломатическія сношенія. Время сіе носвящалъ я поѣздкамъ въ окрестностяхъ лагеря. Это было необходимо, чтобы мнѣ самому ознакомиться съ мѣстоположеніемъ, сколь можно далѣе. Турки приглашали меня смотрѣть войска ихъ, расположенныя внѣ нашего лагеря. Мнѣ хотѣлось также посѣтить занимательныя мѣста Царяграда. Къ сему способствовали мнѣ трудомъ и временемъ пріобрѣтенная довѣренность первыхъ лицъ государства и турецкихъ военныхъ начальниковъ. Я приступилъ къ предположеннымъ поискамъ и не упустилъ ни одного случая для удовлетворенія своего любопытства. Въ теченіи сихъ записокъ, буду прерывать разсказъ о происшествіяхъ описаніями поѣздокъ моихъ по окрестностямъ и въ Царѣградѣ, и сдѣланныхъ мною наблюденій. Начну съ ближайшихъ.

Мѣстоположеніе въ окрестностяхъ лагеря представляло уже красоты, по разнообразію своему, очаровательныя для любителя природы. Изслѣдователь древностей могъ также, не отдаляясь отъ стана, найти занятія для удовлетворенія любопытства своего. Думы о событіяхъ прошедшаго, среди памятниковъ, погружаютъ наблюдателя въ состояніе созерцательности, свойственное обитателямъ прелестной страны, подъ чистымъ небомъ и въ благословенномъ климатѣ Юга. Гористыя мѣста по близости Яюшэ-дагъ изобилуютъ произрастеніями всякаго рода. Небольшія долины покрыты богатыми пастбищами, овраги заросли глухимъ лѣсомъ. Между деревьями тѣнистой дубравы, извиваются мѣстами быстрые ручьи и пролегаютъ оставленныя дороги, коихъ слѣды нынѣ едва замѣтны. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега находятся большія Болгарскія селенія. Въ иныхъ мѣстахъ видны слѣды обширныхъ работъ, послѣдствія процвѣтавшаго тамъ образованія, какъ напримѣръ: остатки каменнаго шоссе, ведущія по направленію къ Востоку. При вершинахъ рѣчки Токатъ, протекавшей впереди лагеря, находилось три

бассейна чисто отдѣланные, въ которыхъ еще струились вóды. Бассейны эти должно однако же отнести къ позднѣйшимъ временамъ, ибо часть камней, употребленныхъ для построенія ихъ, состояла изъ мраморныхъ плитъ, повидимому, взятыхъ Турками отъ древнѣйшихъ зданій, разрушенныхъ временемъ. Они лежали тутъ, какъ свидѣтели политическихъ переворотовъ, постоянно удручавшихъ страну сію [1]).

У меня конечно не было довольно времени, чтобъ заняться подробнымъ отысканіемъ и изслѣдованіемъ всѣхъ остатковъ древности, коихъ можно еще много найдти въ той странѣ; но упомяну здѣсь о тѣхъ, которые видѣлъ.

Надъ мѣстечкомъ Анадоли-Кавакъ находится на покатости ґоры оставлѐнный большой Генуэзскій зáмокъ. Высокія стѣны и башни его еще хорошо сохранились. На вершинѣ горы, противъ зáмка—старинное кладбище, гдѣ вмѣсто памятниковъ поставлены надъ могилами отломки небольшихъ каменныхъ колоннъ. Отъ зáмка внизъ видны слѣды большаго числа строеній, составлявшихъ какъ бы предмѣстіе, около коего была также ограда. Нѣтъ сомнѣнія, что въ старинные годы, вода всего народонаселенія, тутъ жившаго, была обезпечена, тогда какъ нынѣ едва замѣтны слѣды источниковъ. Родники изсякли или потекли подъ землею другими направленіями. Подобное встрѣчается во многихъ покоренныхъ нами городахъ Азіи, гдѣ многолюдное селеніе прежде не только не нуждалось водою для жизненныхъ потребностей, но даже и для напоенія обширныхъ садовъ, а нынѣ терпитъ нужду въ этой необходимой потребности жизни. Завоеватели на первыхъ порахъ мало заботятся о сохраненіи общественныхъ заведеній; съ перемѣною правленія измѣняются обычаи

---

[1]) Командиры судовъ, приходившихъ изъ Севастополя съ продовольствіемъ, не пощадили этихъ полезныхъ памятниковъ набожныхъ Мусульманъ, созидающихъ заведенія такого рода, для общей пользы, по обѣтамъ. Мраморы были вынуты и увезены въ Севастополь.

и разрушаются соединенныя силы сословій, коими только могутъ поддержаться общеполезныя устройства. На покатости горы Великановъ, солдаты замѣтили нечаяннымъ образомъ, между кустами въ землѣ, круглое отверстіе, обложенное камнями, имѣвшее около аршина въ понеречникѣ. Спустились въ яму и открыли большой водоемъ, построенный полушаромъ, коего вершина находилась подъ самымъ отверстіемъ. Круглый сводъ, въ видѣ купола, былъ чисто выложенъ крупнымъ камнемъ, а основаніе имѣло, по крайней мѣрѣ, около четырехъ саженъ въ поперечникѣ. Водоемъ этотъ до половины наполненъ прѣсною, холодною и вкусною водою. Любопытствуя видѣть, какими путями вода могла туда стекаться, я приказалъ ее всю выкачать, что̀ продолжалось нѣсколько дней; однако не открыли никакого боковаго отверстія. На днѣ нашли небольшой четырехъ-лапный желѣзный якорь, мѣдный котелъ, ножъ и остовъ человѣческой головы съ разбитымъ черепомъ -- слѣды происшествія, по признакамъ коего вооображеніе могло бы соорудить цѣлую повѣсть.

Недалеко отъ этого мѣста, также въ кустахъ, нашли мы на покатости горы Великановъ остатки толстыхъ стѣнъ, сложенныхъ на известкѣ и составлявшихъ еще небольшія комнаты. Судя по прочности работы, я полагалъ, что строеніе это предшествовало временамъ завоеванія Турокъ; но не нашелъ ни одной надписи, по коей бы можно заключить о настоящей древности его. На камняхъ не было изображеній креста, находящихся во многихъ мѣстахъ при развалинахъ древнихъ церквей. Казалось, что зданіе это предшествовало временамъ христіанства.

Извѣстно, что самая гора Великановъ служила нѣкогда подножіемъ храму Юпитера. Нынѣ построенъ на вершинѣ горы небольшой Султанскій кіоскъ, и противъ него находится мечеть, или Текіэ, о коей выше упомянуто. Древняя гробница, называемая Турками могилою пророка Яю-

ше (*), обведена каменною оградою, которая пристроена вплоть къ мечети. Гробница имѣетъ видъ продолговатаго параллелограмма въ нѣсколько саженъ длины; она состоитъ изъ большихъ каменныхъ плитъ, связанныхъ желѣзными скобками. Турки говорятъ, что длина памятника соотвѣтствуетъ исполинскимъ размѣрамъ покоющагося подъ нимъ пророка. Таинственная загадка, сопряженная съ памятникомъ и баснословными преданіями древнихъ, развяжется только, когда мѣста сіи, по изгнаніи нынѣшнихъ властителей, сдѣлаются доступными для изысканій древности.

Мечеть обсажена красивыми деревьями; подлѣ нея выстроена небольшая кофейная, которую въ наше время содержалъ бывшій служитель мечети — дервишъ. Къ этой должности присоединялъ онъ еще занятіе самое несовмѣстное съ его духовнымъ саномъ. Маленькій, до уродливости толстый жрецъ, жившій на горѣ, любилъ щедрыя подаянія отъ кого бы они ни приходили; его также навѣщали женщины, и онъ скоро сблизился съ нѣкоторыми офицерами.

Кстати о дервишахъ. Близъ берега, не подалеку отъ моей квартиры, была другая мечеть также съ дервишемъ. Старикъ этотъ строго исполнялъ обязанности свои. По вечерамъ онъ всегда выходилъ на молитву; около него сбирались мимоидущіе турецкіе солдаты, становились на колѣни и молились съ нимъ вмѣстѣ. Онъ долго казался мнѣ фанатикомъ, котораго я не надѣялся сначала приласкать. Въ немъ имѣлъ я злѣйшаго врага карантиннымъ предосторожностямъ, коихъ цѣли онъ не могъ постичь. Жителямъ селенія было объявлено, что если они пойдутъ за цѣпь, то встрѣтятъ большія затрудненія для возвращенія въ домà свои; никому однако же не воспрещалось выходить. Упрямый дервишъ разсчитывалъ на вліяніе, которымъ онъ пользовался въ турецкихъ войскахъ, ибо ему приписывали даръ проро-

(*) Осія?

чества. Однажды, углубившись въ занятія, я былъ встревоженъ необычайнымъ ревомъ, между коимъ могъ разслышать бранныя слова, смѣшанныя съ молитвами и проклятіями. Я бросился къ окну и увидѣлъ плывущаго въ лодкѣ стараго дервиша, котораго турецкіе часовые, не взирая на его заклятія, не спускали на берегъ. Онъ грозился имъ жалобою Султану, местью Пророка и всего народа; но часовые остались непреклонными, хладнокровно ссылаясь на данныя имъ приказанія никого не впускать, и направили его къ комендантской пристани, гдѣ принимали пріѣзжихъ съ распросомъ и окуркою. Старикъ былъ вынужденъ къ исполненію заведеннаго порядка, впущенъ и добѣжалъ до своей мечети съ тѣмъ же громогласнымъ рыканьемъ. Казалось — ссора непримиримая. На другой день, повстрѣчавшись на улицѣ, я съ нимъ разговорился. Онъ упрекалъ меня въ затрудненіяхъ, дѣлаемыхъ святымъ людямъ, но успокоился, когда я ему далъ нѣсколько денегъ. Чрезъ нѣсколько времени, дервишъ сталъ приходить къ нашимъ вечернимъ сборищамъ на бугоръ, и мы съ нимъ ближе познакомились. Онъ былъ лакомъ до чаю и мороженаго. Посѣщенія эти вошли ему въ привычку и сдѣлались необходимостію. Новый пріятель всегда присутствовалъ при вечерней зарѣ и молитвѣ, которую слушалъ со вниманіемъ. Послѣ зари, я обыкновенно занимался въ палаткѣ бумагами, что̀ продолжалось за полночь; онъ во все время сидѣлъ, дожидаясь конца, а потомъ свободно предавался разговору и мечтаніямъ, дѣлалъ различныя предсказанія и разсказывалъ о слухахъ, носившихся въ народѣ. Дервиши въ сущности самый вольнодумный народъ въ Турціи; правительство ихъ не любитъ, и на оборотъ — они ненавидятъ правительство, которое опасается вліянія ихъ въ народѣ. Старый дервишъ мой имѣлъ до такой степени мало предразсудковъ, что, вопреки самымъ, священнымъ обычаямъ исламизма, онъ допустилъ меня снять съ него портретъ, въ надеждѣ получить чрезъ это болѣе извѣстности

въ свѣтѣ. Онъ разсказывалъ мнѣ видѣнный имъ сонъ, по коему заключалъ, что Русскіе въ скоромъ времени опять придутъ въ Царьградъ и завладѣютъ престоломъ Султана— мысль, впрочемъ довольно знакомая всѣмъ Мусульманамъ. По окончаніи засѣданія нашего, онъ зажигалъ фонарь и провожалъ меня до квартиры, гдѣ и прощался. Ночное шествіе это съ бугра показалось бы таинственнымъ для всякаго, кто бы насъ встрѣтилъ. Впереди шелъ старый дервишъ въ зеленой чалмѣ и съ фонаремъ въ рукахъ, за нимъ слѣдовали неразлучные спутники его черная собака и кошка, которыхъ онъ очень любилъ; шествіе замыкалъ сопровождавшій меня черный Эѳіопъ въ своемъ уланскомъ мундирѣ. Старикъ получилъ нѣсколько подарковъ и очень привязался къ намъ. Всего же болѣе понравилось ему, когда я приказалъ окопать ему въ одинъ день небольшой садикъ, присоединивъ къ тому нѣкоторое пространство земли, на которую онъ давно имѣлъ притязаніе и не зналъ какъ пріобрѣсть. Новое владѣніе это осталось за нимъ неоспоримо, безъ дальнѣйшихъ розысканій со стороны правительства или сосѣдей, и осчастливило ночнаго собесѣдника моего.

14-го мая, предпринялъ я первую поѣздку въ Царьградъ съ цѣлью осмотрѣть любопытные предметы; со мной были офицеры штаба моего. Мы прежде всего заѣхали къ Сераскиру, который снабдилъ меня провожатыми, съ приказаніемъ открыть мнѣ всѣ мѣста, которыя пожелаю видѣть. Мы начали съ такъ называемой башни Сераскира, сдѣлавшейся извѣстною въ послѣдній бунтъ янычаровъ. Она не замѣчательна по высотѣ своей, обитаема только нѣсколькими сторожами и содержится неопрятно. По нынѣшнему назначенію Сераскировой башни, она соотвѣтствуетъ нашимъ городскимъ каланчамъ для наблюденія за пожарами, часто случающимися въ Царѣградѣ. Съ вершины открываются прелестные виды окрестностей города.

Оттуда поѣхали мы къ площади Ипподрома, на коей сто-

итъ знаменитый обелискъ, привезенный изъ Египта и поставленный императоромъ Θеодосіемъ. Наблюденія мои надъ этимъ памятникомъ и другими подобными были слишкомъ кратки. Описанія извѣстныхъ путешественниковъ, по большой удовлетворительности своей, затмили бы все, что̀ я могъ сказать о сихъ любопытныхъ предметахъ, а потому не распространяюсь о нихъ. Очаровательны впечатлѣнія, осязаемыя посѣтителями мѣстъ историческихъ событій! Мнится видѣть бѣгъ колесницъ, бои и тщеславное величіе царственныхъ властителей разрушенной Имперіи.

Самый занимательный предметъ въ Царѣградѣ былъ для меня, безъ сомнѣнія, тотъ, который еще никѣмъ изъ Европейцевъ не былъ видѣнъ. Слышно было, что на дворѣ стараго Сераля находится большое зданіе—прежняя церковь св. Ирины, нынѣ обращенная въ арсеналъ, въ коемъ, кромѣ обыкновеннаго войсковаго оружія, хранилось множество рыцарскихъ доспѣховъ и рѣдкостей, принадлежавшихъ первымъ вѣкамъ исламизма и предкамъ Махмуда II-го. Нѣкоторые путешественники бывали во дворахъ Сераля; но никто не былъ никогда допущенъ въ это зданіе, огражденное какою-то таинственностію. Не показывая при прежнихъ свиданіяхъ Сераскиру, что меня привлекали туда древности; я говорилъ ему больше объ арсеналѣ, который имѣлъ нѣкоторое право видѣть, потому что занимался образованіемъ войскъ, и какъ рѣчь стороною зашла о древнемъ оружіи, то онъ позволилъ мнѣ, не испросивъ на то предварительно разрѣшенія Султана, взять все, что̀ понравится мнѣ изъ числа древностей, о которыхъ онъ говорилъ съ пренебреженіемъ, какъ о вещахъ ни къ чему не служащихъ.

Зданіе церкви св. Ирины находится на лѣвой сторонѣ по входѣ въ первые ворота Сераля; оно огромно и похоже по наружности и внутренности своей на знаменитую церковь св. Софіи, хотя въ меньшемъ видѣ. Восточная часть зданія открыта, но къ западной, обращенной къ городу, подѣланы

большія каменныя пристройки. Вершина купола украшена вызолоченнымъ трофеемъ, который изображаетъ знамена и всякія оружія и представляетъ, какъ говорили мнѣ, гербъ Султана, находящійся будто на всѣхъ зданіяхъ, ему собственно принадлежащихъ — тотъ самый знакъ, который онъ носитъ, оправленный бриллiантами, на груди. При входѣ въ корридоры, встрѣтилъ меня выставленный караулъ. Потомъ смотритель зданія, Турокъ очень вѣжливый, предупрежденный впрочемъ приказаніемъ Сераскира, повелъ насъ въ свою диванную, гдѣ потчивалъ по обыкновенію трубкою и кофе. Меня брало нетерпѣніе. По окончаніи утомительнаго обряда гостепріимства, насъ повели въ самое зданіе бывшей церкви. Въ трапезѣ стоялъ на правой рукѣ царскій тронъ необыкновенно большаго размѣра, деревянный, съ позолотою, но въ запущенномъ состояніи; никто не могъ объяснить, кому онъ принадлежалъ и кѣмъ поставленъ. Съ сѣдалища сего управлялась, можетъ быть, Византійская Имперія. Подъ аркою, отдѣляющею трапезу отъ самой церкви, въ самой толщинѣ стѣны, была вмазана колоссальная мраморная голова отличной работы, очень выпуклаго рельефа, изображающая миѳологическое божество. Ахмедъ-паша-муширъ, разговаривая со мною однажды о султанскомъ арсеналѣ, спрашивалъ, замѣтилъ-ли я эту голову; онъ хвалился, что нашелъ ее въ какомъ-то саду и велѣлъ вмазать въ это мѣсто, чтобы спасти отъ истребленія.

Мы вошли въ самую церковь, среди коей на полу стоялъ массивный колоколъ, вышиною однакоже не болѣе $1^1/_2$ аршина. Глаза мои разбѣжались, когда я взоромъ окинулъ внутренность ея, необычайнаго объема и вышины. На правой и на лѣвой сторонахъ, подъ куполомъ, были обширные хоры, наполненные вещами всякаго рода. Хоры эти соединялись между собою посредствомъ галлереи, проведенной надъ стѣною, отдѣляющею церковь отъ трапезы. На галлерею вели двѣ старыя деревянныя лѣстницы. Взглянувъ

вверхъ, я увидѣлъ, что карнизы, проведенные кругомъ всей церкви подъ куполомъ, были унизаны шлемами всѣхъ возможныхъ родовъ и видовъ. Водворившись однажды въ сіе святилище древности, я рѣшился не выходить оттуда, не осмотрѣвши совершенно всего, и сберегая лучшее для конца, приступилъ къ изслѣдованію сперва менѣе занимательныхъ предметовъ. Я началъ съ хоровъ правой стороны, на коихъ видны были ряды небольшихъ бочекъ.

Подымаясь по вышесказанной лѣстницѣ, я прежде всего замѣтилъ на высунувшихся остріяхъ старыхъ перилъ, шесть желѣзныхъ шишаковъ почти одного образца, безъ сплошныхъ забралъ, но съ опускною стрѣлкою, проходящею сквозь козырекъ для обороны носа. Они были рыцарскихъ временъ и, по грубой отдѣлкѣ, казалось, принадлежали простымъ воинамъ. Стоило только протянуть руку, чтобы завладѣть шлемами; но удовольствіе это предоставилъ я себѣ подъ конецъ, при обратномъ сходѣ съ лѣстницы. Странно, какъ эти вещи могли остаться неприкосновенными на перилахъ, мимо коихъ всякій день проходили. Взошедши на правые хоры, мы почувствовали сильный занахъ пороха; на спросъ о причинѣ сего, провожатый отвѣчалъ, что это точно происходитъ отъ пыли, отдѣляющейся изъ боченковъ, наполненныхъ Англійскимъ порохомъ, и указалъ на громоносные запасы, сложенные въ нѣсколькихъ рядахъ и ярусахъ, мимо коихъ мы проходили. Полагаю, что тутъ было нѣсколько сотъ боченковъ пороха: Легко можно себѣ вообразить, съ какою поспѣшностію я погасилъ закуренную лишь сигарку. Случай этотъ показываетъ степень неосторожности и безпечности Турокъ.

Не найдя болѣе ничего на этихъ хорахъ, я перешелъ черезъ заднюю галлерею на лѣвую сторону. При началѣ хоровъ лежали на столахъ, перилахъ и на полу разбросанные заржавленные шлемы, мечи, панцыри и проч. Провожатый не далъ мнѣ остановиться и повелъ въ двѣ маленькія ком-

наты, отгороженныя въ самомъ концѣ хоровъ. Въ первой увидѣлъ я также рыцарскіе мечи необыкновенной величины, щиты, палицы, желѣзные наручи и всякіе доспѣхи среднихъ вѣковъ. Все это было свалено по угламъ, въ кучкахъ и безпорядкѣ. На стѣнахъ развѣшаны были въ нѣсколько ярусовъ, одинъ на другомъ, азіятскіе панцыри, конскія брони и коегдѣ бархатные кафтаны, принадлежавшіе, какъ замѣтно было, извѣстнымъ лицамъ. Проводникъ все увлекалъ меня далѣе, желая показать прежде то, чтб въ глазахъ его было всего занимательнѣе. Въ послѣдней комнатѣ замѣтно было въ самомъ дѣлѣ болѣе порядка; стѣны были несравненно гуще увѣшаны такими же одѣяніями и бронями; но на многихъ изъ нихъ были навязаны ярлыки съ названіями турецкихъ государей отдаленныхъ временъ, коимъ они принадлежали. Въ шкафахъ сохранялись мечи первыхъ пророковъ исламизма. Провожатый, вынимая каждый мечь, давалъ мнѣ его въ руки. Они необычайной величины и тяжести, страннаго вида, и всѣ съ кривизною—неотъемлемый признакъ восточнаго оружія. По фигурѣ эфеса видно, что этими оружіями владѣли посредствомъ одной руки; по тяжести нѣкоторыхъ нельзя было не удивиться силѣ, которою обладали предки Османовъ. Я съ трудомъ могъ держать на воздухѣ одну изъ этихъ сабель, и никакъ бы не остановилъ движенія ея при нанесеніи удара; клинокъ былъ, по крайней мѣрѣ, пять четвертей въ длину, а обухъ толщиною почти въ мизинецъ — кривизна легкая. По опредѣлительности, съ которою провожатый передавалъ мнѣ названія героевъ, коимъ оружія сіи принадлежали, руководствуясь надписями къ нимъ привѣшанными, нельзя было полагать, чтобы названія эти были подложныя. Простодушнымъ Туркамъ не было надобности кого-либо обманывать; они скрывали, напротивъ того, эти драгоцѣнные памятники своихъ прадѣдовъ и нисколько не тщились изумлять ими посѣтителей. Послѣдняя комната была полна та-

кихъ вещей; меня однакожъ болѣе занимала первая, и я поспѣшилъ возвратиться въ нее.

Тутъ сталъ я разбирать рыцарскіе доспѣхи, сложенные въ углу, и всё бы забралъ, еслибы была возможность ихъ вынести, ибо жаль было видѣть такія драгоцѣнности въ рукахъ людей, незнающихъ ихъ достоинства. Съ другой стороны мнѣ не хотѣлось показать Туркамъ сильнаго желанія моего къ пріобрѣтенію этихъ вещей, и я предположилъ на первый разъ взять только часть ихъ, другія же пріобрѣсти впослѣдствіи. По этому отдѣлилъ: большой обоюдоострый мечь, вышиною въ $2^1/_2$ аршина, у коего на чашкѣ изображались лиліи, а эфесъ имѣлъ въ длину около 10 вершковъ; имъ рубились, держа его въ обѣихъ рукахъ, два щита желѣзныхъ, изъ коихъ одинъ пробитъ копьемъ; два желѣзныхъ нàруча, которые, по очищеніи, оказались съ золотою насѣчкою, — подшитая подъ звѣнами пальцевъ кожа была въ совершенной цѣлости; — желѣзную палицу съ острыми перьями; два конскихъ головныхъ убора, съ разными украшеніями; конскую панцырную броню и панцырь, за который провожатый на меня нѣсколько поморщился, говоря, что онъ могъ принадлежать одному изъ Султановъ; но какъ на немъ не было ярлыка, то за недостаткомъ лучшихъ доказательствъ, панцырь присоединенъ къ прочей добычѣ.

Выйдя изъ этой комнаты, я остановился на хорахъ и, осмотрѣвъ лежавшія тутъ также древнія оружія, взялъ еще одинъ шлемъ, который понравился мнѣ по круглой фигурѣ своей и тяжести; онъ былъ черенъ, какъ смоль, и не обратилъ тогда на себя ничьего вниманія. Спускаясь съ галлереи по лѣстницѣ обратно, я подѣлился съ Турками шишаками простыхъ оруженосцевъ, прежде мною замѣченными, взявъ себѣ изъ нихъ только три, и оставивъ имъ для памяти три на перилахъ.

Надобно было еще разобрать ряды шишаковъ, украшавшихъ карнизы церкви. Вышина была большая, взобраться

туда не было никакой возможности; но услужливый Турокъ нашелъ средство пособить нашему горю: достали хилую лѣстницу, и одинъ изъ прислужниковъ, вооружившись длинною пикою, взялся сбрасывать посредствомъ этаго оружія тѣ изъ шишаковъ, которые мнѣ понравятся. Всмотрѣвшись въ нихъ издали со вниманіемъ, я замѣтилъ, что большая часть изъ нихъ уподоблялась древнимъ Азіятскимъ шлемамъ— схожимъ и съ нашими старинными Русскими — какія впрочемъ употреблялись и въ Греческихъ имперскихъ войскахъ, т. е., они имѣли видъ полуяйца, нѣкоторыя съ небольшимъ разваломъ вверху, и почти всѣ съ острымъ копьецомъ на вершинѣ. Мы находили много подобныхъ во время прошедшей турецкой войны, въ старыхъ турецкихъ арсеналахъ, въ Эрзерумѣ и Байбуртѣ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ наушники, затыльники и покрыты золотою насѣчкою; на иныхъ бываютъ всякія изображенія, даже европейскихъ регалій, а на другихъ арабскія надписи, почему и не умѣю опредѣлить эпохи, къ коей они принадлежатъ. Я бы и ими польстился, еслибъ не замѣтилъ среди ихъ нѣсколько шишаковъ рыцарскихъ временъ романтическихъ формъ, съ обхватомъ всей головы до шеи и сплошными забралами, почему изъ всѣхъ предпочелъ пріобрѣтеніе послѣднихъ. Для указанія ихъ, я называлъ счетомъ отъ замѣченнаго угла или мѣста тотъ шлемъ, который мнѣ хотѣлось имѣть, и прислужникъ съ опасеніемъ обрушиться сталкивалъ съ карниза назначенный предметъ. Такимъ образомъ досталъ я еще два шишака съ забралами въ совершенной цѣлости; на одномъ изъ нихъ сохранились даже крючки, служащіе къ удержанію забрала при подъемѣ его.

Потомъ повели меня собственно въ арсеналъ, находящійся въ одной изъ каменныхъ пристроекъ, въ коемъ находилось 11 т. солдатскихъ ружей, уставленныхъ, какъ вездѣ водится, въ длинныхъ пирамидахъ. Ружья содержались въ крайней неопрятности. Я замѣтилъ это смотрителю. Онъ

принялъ замѣчаніе мое съ покорною улыбкою, не обѣщавшею впрочемъ исправленія. То же самое сказалъ я послѣ при свиданіи Сераскиру. Говорено было, что нужно прислать капитана Вульферта для приведенія арсенала въ надлежащій порядокъ; но на томъ дѣло и осталось.

По выходѣ изъ арсенала, я хотѣлъ отправить отобранныя вещи къ себѣ; но мнѣ сказали, что ихъ надобно прежде отослать къ Сераскиру, который желалъ ихъ видѣть. Двѣ недѣли прошло, и ихъ не присылали. Говорили, что Сераскиръ совѣстился доставить вещи въ неопрятномъ видѣ и приказалъ очистить ихъ уксусомъ; настоящая же причина скрывалась въ соперничествѣ между Муширомъ и Хозревъ-пашею. Ахмедъ-паша принадлежалъ ко двору Султана и считался одною изъ самыхъ приближенныхъ особъ къ государю своему. Онъ обидѣлся тѣмъ, что Сераскиръ впустилъ меня безъ его вѣдома въ потайной музей Махмуда, давъ мнѣ даже право располагать вещами сего хранилища, тогда какъ позволеніе это могло быть дано только однимъ Султаномъ, и чрезъ Ахмедъ-пашу, который самъ желалъ угодить мнѣ доставленіемъ выбраннаго оружія. Я уже терялъ надежду получить оружіе свое и пересталъ было напоминать о немъ, какъ вещи были, почти неожиданно, присланы. Вскорѣ послѣ того получилъ я письмо отъ Ахмедъ-паши, съ увѣдомленіемъ о препровождаемомъ имъ древнемъ оружіи ко мнѣ. Что по этому случаю произошло у него съ Сераскиромъ, мнѣ неизвѣстно; не знаю даже, настоящимъ образомъ, кому я обязанъ присылкою оружія, потому что Хозревъ-паша также хвалился доставленіемъ ко мнѣ этихъ вещей.

Замѣтно было, что Турки дѣлали опыты надъ оружіемъ для очищенія покрывшей его ржавчины. Къ счастію, они не имѣли успѣха, ибо когда нами былъ очищенъ посредствомъ квасцовъ тяжелый круглый шишакъ, то по всему объему его открылась мелкая золотая насѣчка отличной работы,

изображающая разные узоры, перемѣшанные съ лиліями. Украшенія эти пересѣкались выведенными золотомъ же по верху шишака полосами съ различными знаками, похожими на надпись въ неизвѣстныхъ буквахъ. Замѣтивъ нечаянно, что изъ-подъ бока шлема выказывался кончикъ какого-то желѣзнаго издѣлія, я вытащилъ его съ трудомъ посредствомъ клещей и досталъ изъ-подъ каски желѣзную ермолку, совершенной фигуры человѣческаго черепа, съ выемками для ушей. Она вся была покрыта тѣми же золотыми украшеніями съ предполагаемыми надписями, сохранившимися еще въ большой чистотѣ и свѣжести,—какъ будто бы работа только что вышла изъ рукъ ремесленника. Между ермолкою и шишакомъ найденъ еще колпакъ, нѣсколько остроконечнаго вида, изъ краснаго атласа, сохранившаго даже глянецъ и подшитый ваткою; ремешки съ пряжками, служившіе для застегиванія каски подъ подбородкомъ, были тиснены золотомъ; забрала не имѣлось; но замѣтно было, что спереди чего-то недоставало; на прочихъ оружіяхъ также оказались украшенія, хуже сохранившіяся. Турки никогда бы не отдали этихъ вещей, еслибъ увидѣли на нихъ блескъ золота, коему бы они неминуемо придали высокую денежную цѣнность, тогда какъ цѣнность ихъ состояла единственно въ древности и случайномъ сбереженіи ихъ.

Оставалось сдѣлать заключеніе, къ какимъ временамъ и кому именно принадлежалъ замѣчательный шишакъ. Ряды шлемовъ, украшавшихъ карнизы церкви св. Ирины, можно отнести къ двумъ эпохамъ: Греческой имперіи и Турецкаго владычества.

Оружіе могло быть сложено въ церкви Греками, какъ трофеи побѣдъ ихъ надъ Мусульманами и Латинянами, и потому тутъ находились Азіятскіе доспѣхи, перемѣшанные съ рыцарскими. Послѣдніе напоминаютъ ратоборство рыцаря Жофруа Виллъгардуина, Герцога Аѳинскаго и Ахайскаго, племянника Маршала Шампанскаго, съ войсками Гре-

ческаго Императора Михаила Комнена, происходившее въ самомъ началѣ 13-го столѣтія. Другое событіе, случившееся во время владычества въ Царѣградѣ французскихъ рыцарей, въ семъ отношеніи еще болѣе обращаетъ на себя вниманія. Балдвинъ II, сынъ Константинопольскаго Императора Петра де Куртене (de Courtenai), наслѣдовавшій престолъ по братѣ своемъ Робертѣ, въ 1228-мъ и коронованный въ 1239-мъ году, намѣревался покорить подъ державу свою всю Восточную Имперію. Войско его находилось при осадѣ города Дафниви въ 1261-мъ году, когда онъ изгнанъ изъ Царяграда Михаиломъ Палеологомъ. Греческій полководецъ, Алексѣй Цесарь, прозванный Стратигопуло, проникъ посредствомъ измѣны въ Константинополь ночью, подъ городскою стѣною, чрезъ водопроводъ. Балдвинъ, застигнутый въ расплохъ, лишился престола, послѣ 58-ми лѣтняго владычества Латинянъ въ Византіи и бѣжалъ въ Италію. Если видѣнныя мною оружія отнести къ этой эпохѣ, то должно думать, что Турки послѣ завоеванія Царяграда, обративши церковь св. Ирины въ арсеналъ, по свойственной имъ безпечности, полѣнились достать эти трофеи, которые остались неприкосновенными до моего посѣщенія.

Принявъ вторую эпоху — Турецкаго владычества — можно полагать, что Султаны унизали карнизы арсенала своего шлемами, отбитыми у Грековъ и собранными при пораженіи французскихъ рыцарей. Послѣднее обстоятельство переноситъ насъ къ знаменитой битвѣ, случившейся въ 1396-мъ году, въ царствованіе Эммануила Палеолога и въ послѣдніе годы существованія Греческой имперіи.

Султанъ Баязидъ, утвердившій престолъ свой въ Адріанополѣ, выступилъ съ войскомъ противъ короля Венгерскаго Сугизмунда, грозясь разгромить всю Европу. Пылъ крестовыхъ походовъ въ то время еще несовершенно угасъ. При первомъ извѣстіи о угрозахъ Баязида, ополчилось болѣе тысячи французскихъ рыцарей, которые, въ сопровожденіи пяти

*

тысячъ оруженосцевъ своихъ, поспѣшили на помощь Сигизмунду. Въ числѣ ихъ находились: сынъ Бургондскаго Герцога Графъ Неверъ (Nevers), прозванный Іоаннъ Безстрашный (Jean Sans-peur), Коннетабль д'Артуа, Адмиралъ де-Віеннъ и Маршалъ Бусико (Boucicault). Ополченіе гордилось подвигами своими болѣе, чѣмъ количествомъ и хвалилось, что поддержитъ на копьяхъ самое небо, еслибъ оно обрушилось. Рати сразились на равнинѣ, прилегающей къ Никополю на правомъ берегу Дуная. Витязи быстро атаковали янычаръ, которые тогда въ первый разъ подались предъ Христіанами; но завлекшись пылкостію, они дали себя обойти крылу Турецкой арміи, составленному изъ спаговъ, сбившихъ уже Венгровъ. Рыцарей окружили въ то самое время, какъ они полагали себя побѣдителями *). Турки обезоружили ихъ, и потомъ безъ пощады всѣхъ перерѣзали, исключая не многихъ. Они пощадили въ томъ числѣ маршала Бусико и графа Невера, за коихъ надѣялись взять богатый выкупъ, который и получили. Храбрый де-Віеннъ, видя кровожадность враговъ, умерщвлявшихъ беззащитныхъ товарищей его, закрылся плащемъ и умирая, воскликнулъ: «Богу предаю душу, отечеству—месть!»

Полагаютъ, что тѣло Коннетабля д'Артуа перевезено въ Константинополь и похоронено въ католической церкви, чтó въ предмѣстіи Галата. Въ 1636-мъ году нашли въ этой церкви надгробный камень изъ зеленаго мрамора. По надписи видно было, что памятникъ этотъ положенъ въ честь Коннетабля д'Артуа, убитаго въ сраженіи подъ Нишъ, въ 1384 году. Въ лѣтосчисленіи, вѣроятно, ошибка.

Лилія—принадлежность французскихъ гербовъ. Вызолоченный шлемъ непремѣнно принадлежалъ французскому рыцарю.

---

*) Свѣдѣніе о битвѣ подъ Никополемъ почерпнуто изъ военнаго обозрѣнія Турецкой Имперіи Божура и дополнено изъ иныхъ источниковъ; по другимъ извѣстіямъ Турки застигли рыцарей врасплохъ.

Какой бы антикварій воздержался отъ украшенія имъ головы одного изъ названныхъ героевъ!

По возвращеніи въ Россію, я снялъ вѣрный списокъ съ изображеній, признаваемыхъ мною за надписи, и послалъ ихъ въ Вѣну къ извѣстному оріенталисту Гаммеру, прося его объясненія. Онъ отозвался, что это не надписи, а просто украшенія вкуса среднихъ вѣковъ, какихъ много видно на стѣнахъ рыцарскихъ зaмковъ въ Австріи. Не менѣе того, я остаюсь при своемъ мнѣніи, что это могутъ быть шифрованныя надписи, ибо въ то время было обыкновеніе изобрѣтать и употреблять ихъ. Разнородныхъ знаковъ замѣчено мною на шишакѣ всего семь; они поставлены по одному, по два и кое-гдѣ по три одного рода вмѣстѣ; разночисленнымъ соединеніемъ однихъ и тѣхъ же знаковъ можно было составить всѣ буквы азбуки. И такъ дѣло это, по мнѣ, еще не рѣшено и ожидаетъ другаго изслѣдователя.

Нашъ турецкій бригадиръ, Неджибъ-паша, коего качества и достоинства выше описаны, всегда сопровождалъ меня въ этихъ поѣздкахъ. Онъ былъ покорный слуга нашъ; замѣтивъ во мнѣ охоту къ древностямъ, прилагалъ стараніе, чтобы отыскать, какъ говорилъ, антики, и никогда не заикался въ опредѣленіи времени, къ коему они принадлежали; при чемъ у него всегда была готова и сказочка для объясненія соотвѣтственныхъ эпохѣ обстоятельствъ. Взглянувъ на огромный рыцарскій мечъ, онъ безъ запинанія опредѣлилъ, что оружіе это принадлежало царю Шахдаму, жившему до потопа, и что оно должно быть найдено въ Дунаѣ. Никто бы не разувѣрилъ его въ этомъ мнѣніи. Впрочемъ Неджибъ-паша былъ мнѣ временемъ полезенъ. Когда Турки заминались, чтобъ открыть мнѣ какую-либо дверь, и Неджибъ-паша самъ не рѣшался вдругъ ввести меня въ запрещенное мѣсто, то я бралъ его подъ руку. Увлеченный привѣтствіемъ своего начальника, онъ становился добрѣе. Приневоленному представителю главнаго турецкаго начальства, для введе-

нія Христіанъ въ святилище Мусульманъ, не смѣли отказывать, и я за нимъ входилъ.

Англичане, узнавши о сдѣланномъ мною поискѣ въ султанскомъ арсеналѣ, захотѣли также навѣстить это любопытное мѣсто. Слышно было, что послѣ отплытія нашего, посолъ ихъ, по долгомъ настояніи, получилъ отъ Султана на то позволеніе и воспользовался имъ; но было ли имъ что-либо взято оттуда — мнѣ неизвѣстно; я же не имѣлъ болѣе случая тамъ быть, и предположенія мои на новыя пріобрѣтенія древностей остались безъ исполненія.

Продолжая изслѣдованія, мы пошли въ преждебывшій соборъ св. Софіи — нынѣ мечеть, называемую Аіа-Софія. Въ нее позволяютъ входить по особымъ разрѣшеніямъ Султана; но насъ впустили просто, по требованію провожавшаго. Многіе путешественники видѣли это огромное зданіе, коего наружный и внутренній виды описаны съ подробностію. Посему не буду распространяться въ повтореніяхъ уже извѣстнаго, а только опишу тѣ частности, которыя мною были замѣчены.

Мы вошли съ площади въ небольшія сѣни, чрезъ маленькую дверь, отъ стороны алтаря, находившагося въ правой рукѣ. У Мусульманъ не позволяется топтать обувью плетенокъ, коими устилается полъ въ мечетяхъ; хотя никто намъ не препятствовалъ войти въ средину зданія обутыми, но, не желая оскорбить добродушныхъ Турокъ, привѣтливо исполнявшихъ все требованное нами, мы разулись и, входя въ церковь, понесли сапоги въ рукахъ. Подъ огромнымъ куполомъ, въ обширномъ пространствѣ, сидѣло кое-гдѣ на колѣняхъ человѣкъ десять Мусульманъ, углубившихся въ молитву; они едва удостоили насъ взглядомъ, когда мы мимо проходили. Невыразимы чувства, ощущаемыя при входѣ въ этотъ величественный храмъ, гдѣ торжествовало прежде христіанство. Совершенное молчаніе, коимъ я былъ объятъ, позволяло мыслямъ свободно переноситься во времена величія этого святилища. Присутствіе разрушителей храма, не по-

пирая сего чувства, напротивъ того еще болѣе вселяло участія къ порабощенному престолу знаменитаго собора. Впечатлѣніе, при входѣ въ сіе мѣсто, невольнымъ образомъ призываетъ каждаго Христіанина къ ознаменованію себя крестомъ.

При первомъ взглядѣ, замѣтно только мѣсто, гдѣ былъ алтарь; украшеній нѣтъ никакихъ; подъ куполомъ повѣшаны Турками, въ видѣ люстры, страусовыя яйца. Мозаическія изображенія, коими украшалась внутренность свода, замазаны известкою, исключая шестикрылатыхъ колоссальныхъ херувимовъ, оставленныхъ по четыремъ угламъ, потому что Мусульмане признаютъ существованіе ангеловъ; по известкѣ же написаны большими буквами, по-арабски, воззванія къ Богу Вседержителю.

Перейдя изъ сѣней діагональю чрезъ церковь, мы вышли въ другой уголъ и очутились въ концѣ широкаго и свѣтлаго корридора, находящагося подъ хорами, которые обращены къ алтарю и соединяютъ, на подобіе хоровъ церкви св. Ирины, двѣ боковыя галлереи. Взявши въ провожатые одного изъ мулловъ мечети, мы вошли черезъ маленькую дверь въ пристроенную четырехъ-угольную башню (такого вида, по крайней мѣрѣ, показалось строеніе это снутри). Мы стали подниматься по покатой плоскости, ведущей въ серединѣ сей башни угловатою улиткою на хоры. Хоры и лѣвая галлерея содержались въ самомъ большомъ безпорядкѣ и нечистотѣ; кое-гдѣ валялись изорванные клочки ковровъ и полостей. Въ самомъ концѣ лѣвой галлереи небольшая комната, въ которую, какъ говорили, приходитъ Султанъ на молитву. Правая галлерея казалась нѣсколько опрятнѣе, потому что она по постройкѣ своей не столь удобна къ принятію нечистоты. Полъ въ ней устланъ бѣлымъ мраморомъ; въ концѣ ея поставлена глухая перегородка изъ четырехъ бѣлыхъ мраморныхъ, цѣльныхъ, толстыхъ полотень дверей съ рѣзьбою, на коихъ сохранились изображенія кре-

стовъ и разныхъ церковныхъ украшеній. Болѣе всего заслуживали вниманіе ряды колоннъ зеленаго гранита, поддерживающіе, кругомъ хоровъ и галлерей, огромный куполъ церкви.

Турки имѣли невольное уваженіе къ этому зданію, не потому только, что въ немъ нынѣ была мечеть, но и по преданіямъ древняго величія его. Провожавшій мулла указалъ мнѣ въ задней части правой галлереи — неугасаемый свѣтъ, который, вѣроятно, въ древности выдавался духовенствомъ за святыню. Въ самомъ дѣлѣ, издали казалось, что въ глубинѣ галлереи подлѣ стѣны ярко горитъ свѣча, и еслибы не повѣрить этого оптическаго обмана, то можно бы дѣйствительно утверждать, что въ храмѣ св. Софіи до сихъ поръ горитъ неугасаемый свѣтъ. Подошедъ къ самому мѣсту явленія, я увидѣлъ, что въ стѣну вставленъ бѣлый мраморный камень, à jour, въ коемъ просверлена нѣсколько косвенная дыра коническаго вида. Меньшее отверстіе, величиною съ горошину, обращено внаружу къ сторонѣ солнца, коего яркій свѣтъ, проходя чрезъ малое отверстіе въ полусумрачномъ мѣстѣ, принимаетъ видъ огня, а лучи, проходящіе сквозь постепенно увеличивающуюся толстоту нѣсколько прозрачнаго мрамора, образуютъ вокругъ кажущагося пламени круглый свѣтъ, на подобіе сіянія. Все это было очень просто и ясно; но мулла затѣмъ не показывалъ менѣе уваженія къ этому явленію.

Мы спустились съ хоровъ по той же наклоненной плоскости въ вышесказанный корридоръ, который занималъ, повидимому, мѣсто трапезы, и остановились противъ арки, находившейся въ срединѣ его. Арка эта, насупротивъ самаго алтаря, служитъ сообщеніемъ между трапезою и церковью; надъ сводомъ ея поставленъ, со стороны корридора, большой желѣзный гробъ съ изображеніемъ на немъ двуглаваго императорскаго орла; гробъ стоитъ на небольшомъ подмостѣ, придѣланномъ къ стѣнѣ, отъ которой онъ выдается внутрь корридора. Противъ гроба — слѣдственно арки и алтаря —

въ глухой наружной стѣнѣ корридора сдѣлана ложа съ балдахиномъ. Неджибъ-паша, замѣтивъ, что мы терялись въ догадкахъ, немедленно объяснилъ намъ все дѣло. «Въ гробѣ», повѣствовалъ онъ, «нѣкогда лежало тѣло умершей дѣвы, дочери одного изъ Константинопольскихъ царей. Предопредѣленіемъ назначено было змію пожрать останки умершей. Отецъ, желая спасти отъ посѣщенія лютаго змія прахъ дочери своей, положилъ его въ желѣзную скрыню и, не предавая землѣ, поставилъ подъ защиту святыни. Змій отыскалъ добычу свою и сталъ ходить къ тѣлу; почему царь-отецъ приказалъ выстроить напротивъ гроба видѣнную нами ложу, въ которой поставилъ пушку и велѣлъ стрѣлять по змію всякій разъ, какъ только онъ покажется. Но жребій драгоцѣннаго праха долженъ былъ свершиться. Большой змій, несмотря на пушечную пальбу, производившуюся на разстояніи 4-хъ или 5-ти саженъ, не переставалъ приходить и пожралъ трупъ вконецъ». Сказки о царственныхъ дѣвахъ и зміяхъ очень обыкновенны у Турокъ, и они приспособляютъ ихъ ко всякой развалинѣ, или башнѣ, коихъ начала имъ неизвѣстны. Греческіе священники говорили мнѣ послѣ, что въ видѣнномъ нами гробѣ точно было схоронено тѣло одной изъ дѣвъ царскаго племени. Что мудренаго было бы найдти останки ея въ самомъ гробѣ, если до сихъ поръ Турки не позаботились снять его, невзирая на самый гербъ, украшающій гробъ. — Высоко имъ было лазить!

Турки нынѣ уже такъ привыкли къ посѣщеніямъ пріѣзжими Христіанами храма св. Софіи, что муллы свободно продаютъ при выходѣ оттуда разноцвѣтные и вызолоченные камешки, изъ коихъ были сдѣланы мозаичные образа внутри свода. Камни эти, величиною съ большую горошину, имѣютъ видъ кубическій и особеннаго состава, похожаго на стекло; нынѣ они замазаны, подъ куполомъ и на стѣнахъ, известкою. Для добыванія ихъ, мулла бросаетъ камень въ стѣну, или сводъ, отбиваетъ кусокъ штукатурки

съ мозаичными камешками и, выколупавъ ихъ, продаетъ за ничтожную цѣну. Изъ подобнаго же состава сдѣланы въ Кіевѣ мозаичныя изображенія на стѣнахъ Софійскаго собора, коего все строеніе слабо и въ маломъ масштабѣ уподобляется Византійскому храму.

Мы вышли на улицу другимъ концомъ корридора, и насъ повели въ зданіе, занятое складомъ турецкихъ палатокъ. Между ними находились богатые шатры и множество войсковыхъ простыхъ палатокъ; но все въ большомъ безпорядкѣ. Распоряженіе лагеремъ зависитъ у Турокъ отъ особеннаго управленія. Странно, отъ чего присоединили къ этому вѣдомству и султанскую мебель, сдѣланную въ европейскомъ вкусѣ. Шатры, по прежнему непостоянному роду жизни Турокъ, составляли у нихъ одну изъ главныхъ потребностей жизни и считались у нихъ необходимою домашнею утварью; къ нимъ присоединялись служившіе убранствомъ палатокъ ковры, на которыхъ они сидѣли. Нынѣ, при перемѣнѣ рода жизни, въ болѣе образованномъ кругу показывается въ покояхъ мебель, подходящая къ нашимъ образцамъ. Но Турки видно смѣшиваютъ еще въ понятіяхъ своихъ сіи два отличительные рода домашней утвари. Мнѣ дали въ особенности замѣтить диванъ Султана, обитый богатою матеріей и вышитый золотомъ со вкусомъ. Впрочемъ занимательнаго тутъ ничего не было, кромѣ самого зданія, по воспоминанію о сожженной въ немъ толпѣ янычаръ, во время послѣдняго возстанія ихъ. Встрѣтившій меня на дворѣ караулъ былъ, какъ казалось, нарочно выставленъ Сераскиромъ по случаю моего пріѣзда. Меня проводили съ отданіемъ чести.

Послѣ того отправились мы смотрѣть бывшія водохранилища. Царьградъ не имѣетъ своей воды. Въ древнія времена сохранялись подъ городомъ для всего народонаселенія, на случай осады или засухи, огромные запасы воды, проведенной подземными каналами, а чрезъ овраги возвышенными

на аркахъ водопроводами. И нынѣ тоже вода проведена въ Константинополь изъ окрестностей Бѣлграда, что̀ верстахъ въ 15-ти дальше Беюгъ-дэре, всего же на разстояніи 30-ти верстъ отъ города. Величественные водопроводы эти, пересѣкающіе на аркахъ глубокіе и широкіе овраги, до сихъ поръ украшаютъ окрестности города. Они находятся въ хорошемъ состояніи, потому что Турецкое правительство, при всей безпечности своей, нашлось въ необходимости ихъ поддерживать, чтобы не лишить жителей воды. Водопроводъ, пересѣкающій вершину Беюгъ-дэрской долины, до сихъ поръ еще сохранилъ имя перваго строителя своего и называется Юстиніановымъ. Но водоемы, составляющіе почти второй городъ подъ настоящимъ, пришли въ запустѣніе и отчасти въ разрушеніе. Мы спустились въ одинъ изъ нихъ небольшимъ отверстіемъ, которое едва можно было найдти между развалинами, и то былъ не настоящій ходъ, потому что мы сошли по приставленной худой деревянной лѣстницѣ. Своды подземелья сложены изъ плитоваго камня и поддерживаются цѣлыми рядами колоннъ. Мы не могли видѣть, за темнотою, конца подземелья, которое, какъ говорили, простирается очень далеко. Нѣтъ сомнѣнія, что въ прежнія времена можно было разъѣзжать на лодкахъ въ этихъ подземныхъ озерахъ. Нынѣ видѣнный нами уголъ, освѣщенный отверстіемъ, черезъ которое мы спустились, занятъ бѣднымъ семействомъ ремесленниковъ, промышляющихъ мотаніемъ шелка. Остатки наружныхъ водопроводовъ въ самомъ городѣ показывали намъ съ вершины башни Сераскира. Они представляли только продолговатыя громады камней, болѣе похожія на разваленныя стѣны.

Окончивъ поѣздку, я заѣхалъ еще къ Сераскиру и отъ него возвратился въ лагерь.

ГЛАВА IX.

Отступленіе Египтянъ.

Около половины мая мѣсяца получены были оффиціальныя извѣстія объ отступленіи Ибрагимъ-паши. По этому случаю, графъ Орловъ послалъ находившагося при немъ генеральнаго штаба капитана барона Ливена, а Турки, по предложенію Орлова, одного полковника, для слѣдованія за египетскою арміею до Таврскихъ тѣснинъ. Это было сдѣлано съ цѣлью лично удостовѣриться въ томъ, что Египтяне точно перешли за тѣснины Тавра. Мѣра сія была не столько нужна для самаго удостовѣренія нашего, сколько для показанія, что египетское войко какъ бы выпроваживалось подъ наблюденіемъ русскаго офицера, чего не сдѣлали ни Французы, ни Англичане. Возвратившійся ко мнѣ 26-го мая лазутчикъ встрѣтилъ Ливена подъ Кютаіэ, Ибрагимъ-пашу же видѣлъ съ войсками уже близъ Коніи. Египетскій вождь отступалъ съ досадою и разглашалъ по городамъ, что онъ скоро возвратится.

Миръ былъ заключенъ; но Султанъ, въ объявленіяхъ своихъ, назвалъ это не миромъ, а прощеніемъ, дарованнымъ возставшему. Онъ наградилъ еще Мегмедъ-Али за мнимую покорность—Сиріею, а Ибрагимъ-пашу—Аданою, прежде чего повинившіеся и не хотѣли отступить. По полученіи требо-

ваннаго, Ибрагимъ удостоилъ Султана благодарнымъ письмомъ, которое было тщательно разглашено послѣднимъ.

Такимъ образомъ свершились сказанныя Государемъ слова, при отправленіи десантнаго отряда, что: «эскадра и войска, посланныя на помощь Султану, по его настоятельной просьбѣ, останутся въ Босфорѣ до тѣхъ поръ, пока Ибрагимъ не очиститъ Малой Азіи, не перейдетъ за Тавръ, и пока Египетскій паша не удовлетворитъ всѣмъ требованіямъ Порты». Конечно, желанія Султана не свершились вполнѣ; но онъ воспользовался участіемъ нашимъ, по крайней мѣрѣ, для достиженія главной цѣли своей въ тогдашнее время—сохраненія престола и отступленія непріятеля.

Нельзя не похвалить благоразумія, оказаннаго при семъ случаѣ Махмудомъ, объявившимъ общее прощеніе всѣмъ жителямъ Малой Азіи. Примѣры такой умѣренности рѣдки; безъ нея вражды усиливаются и продолжаются въ безконечность. Вскорѣ, Галиль-паша былъ отозванъ въ Константинополь, а по областямъ, очищеннымъ отъ непріятеля, послѣдовали новыя назначенія.

Не взирая на заключеніе мира, я считалъ обязанностію не прекращать дѣлаемыхъ мною доселѣ распоряженій для продовольствія войскъ средствами, въ краю представляющимися. Мы уже обладали значительными запасами. Десятидневный провіантъ было въ совершенной полнотѣ и готовности; привозимый изъ Россіи хлѣбъ оставался неприкосновеннымъ, и его было на два мѣсяца. Войска же кормились турецкимъ хлѣбомъ. Скрывая запасы свои, я представилъ еще Турецкому правительству о необходимости имѣть при лагерѣ магазейнъ, въ коемъ собралось отъ нихъ хлѣба еще на одинъ мѣсяцъ. У меня было наличнаго продовольствія въ готовности на сто дней.

Привозимый изъ Россіи хлѣбъ я оставлялъ на транспортныхъ и зафрахтованныхъ судахъ. На берегу не было удоб-

наго складочнаго мѣста; кромѣ того, я имѣлъ въ виду, на случай движенія, снабжать войска продовольствіемъ съ судовъ, которые могли плыть около берега. Средство это было необходимо въ подобныхъ обстоятельствахъ, и независимость нужна была для успѣха военныхъ дѣйствій. По этой причинѣ я удерживалъ при себѣ военныя суда, вопреки того, что морское начальство часто требовало ихъ обратно, грозясь нанимать на счетъ сухопутнаго вѣдомства вольныя суда для обыкновенной перевозки своихъ матеріаловъ изъ одного порта Чернаго моря въ другой и для доставленія флоту морской провизіи изъ Севастополя. Лазаревъ не хотѣлъ или не умѣлъ заняться пріобрѣтеніемъ продовольствія на мѣстѣ въ Царѣградѣ, отъ чего иногда нуждался имъ, такъ что флоту однажды выдано было съ берега пособіе хлѣбомъ. Мало-по-малу составилась у меня противъ праваго фланга лагеря, на отдѣльномъ рейдѣ, особенная эскадра изъ военныхъ судовъ: фрегата Штандарта, транспортовъ: Редутъ-Кале, Ланжерона, Александра и парохода Невы, кромѣ зафрахтованныхъ купеческихъ судовъ. Къ нимъ присоединилъ я турецкій мореходный палубный катеръ, отличной постройки, который былъ присланъ за какимъ-то дѣломъ и оставленъ мною на все время пребыванія для разъѣздовъ.

Вышеписанныя средства для перевозки запасовъ нѣсколько уже обезпечивали меня, но они были недостаточны на случай движенія во внутренность края. Мнѣ нужны были сухопутные воловьи транспотры, что̀ довольно трудно устроить въ Турціи. Еще въ половинѣ апрѣля мѣсяца составилъ я по этому предмету проектъ, который тогда же послалъ къ Сераскиру при письмѣ, прося его содѣйствія къ учрежденію транспортовъ для движенія:

Зарядовъ вторыхъ ящиковъ артиллеріи.

Подвижнаго госпиталя.

Артиллерійскаго парка.

Инженернаго парка.

Шестидневнаго продовольствія, и

Подвижнаго магазейна,

безъ чего никакъ нельзя было считать отряда нашего способнымъ къ дѣйствію. Для госпиталя предполагалось построить въ Царьградскомъ арсеналѣ фуры, по образцу, мною данному. Для хлѣбныхъ запасовъ нужны были повозки, по образцу обывательскихъ арбъ южныхъ краевъ Россіи, употребляющихся также въ Турціи. Повозокъ этихъ требовалъ я нужное по разчисленію количество для подъятія продовольствія всего отряда на восемьдесятъ дней, ибо съ такимъ только разсчетомъ можно было надѣяться получить отъ Турокъ средства для подвоза сорокадневнаго продовольствія; при томъ же бо́льшое число подводъ никогда не лишнее въ краю, лишенномъ способовъ къ снабженію всякаго рода.

Сераскира, повидимому, испугало большое число скота, которое нужно было изготовить; онъ тогда медлилъ нѣсколько дней отвѣтомъ; наконецъ, извиняясь отсутствіемъ переводчика, просилъ прислать образцы фуръ въ арсеналъ съ офицеромъ, подъ наблюденіемъ коего можно бы приступить къ работамъ, и обѣщался не замедлить исполненіемъ моихъ требованій. Онъ однакоже не распространялся въ подробностяхъ, и по обороту письма его видно было, что эти новыя требованія ему не нравились. Между тѣмъ онъ не упускалъ своего изъ вида, и тогда же просилъ меня прислать къ нему рожечника для обученія турецкихъ войскъ егерскимъ сигналамъ. Я безотговорочно послалъ къ нему рожечника съ подполковникомъ Мендомъ, коему поручилъ побудить Хозревъ-пашу къ скорѣйшему учрежденію транспортовъ; дѣло однако же не подвигалось. По пріѣздѣ графа Орлова я говорилъ ему объ этомъ. Орловъ нашелъ, что перевозочныя сухопутныя средства излишни, по случаю заключенія мира, не велѣлъ болѣе настаивать о семъ предметѣ, и даже приказалъ съ 1-го числа іюня мѣсяца не требовать болѣе продовольствія отъ Турецкаго правительства, а расхо-

довать съ того времени свой хлѣбъ. Симъ прекратилось дѣло, коего успѣхъ былъ очень сомнителенъ. Важный предметъ продовольствія слишкомъ мало занималъ графа Орлова. Легко было прервать устроенный уже порядокъ снабженія отъ Турецкаго правительства; но трудно было бы возстановить его, и казалось, не должно бы прекращать заведеннаго образа продовольствія до совершеннаго окончанія дѣлъ, т. е. до отплытія нашего обратно. Коварный и причудливый паша Египетскій могъ снова начать войну, и мы бы тогда остались безъ главныхъ средствъ къ походу — безъ хлѣба. Въ семъ случаѣ однако же обстоятельства соотвѣтствовали приказанію, отданному Орловымъ, ибо мы скоро отплыли и въ хлѣбѣ не нуждались.

Волею Государя приказано было по миновaніи надобности въ войскахъ на Босфорѣ отвести ихъ въ Ѳеодосію для выдержанія тамъ карантинной обсерваціи, а больныхъ отправить въ Одессу. Если бы мнѣ исключительно было предоставлено возвращеніе съ войскомъ въ Россію, я бы избралъ совершенно иные пути къ тому. Мое желаніе было пройти черезъ всю Малую Азію и возвратиться чрезъ Грузію и Кавказъ. Не стѣсняясь опредѣленнымъ маршрутомъ и продовольствуясь не отъ посторонняго вѣдомства, равнодушнаго къ благосостоянію войскъ, а отъ земли и Турецкаго правительства, мы бы не имѣли много больныхъ. Напротивъ того, молодое войско, ежедневно и съ постепенностью втягиваясь въ труды, подъ глазами начальника, обдержалось бы и возвратилось въ границы Россіи зрѣлымъ. Россія пріобрѣла бы новую славу этимъ походомъ. Очертивъ войскомъ главную часть Турецкой имперіи и мало извѣстную Анадолію, мы бы проложили новые пути для будущихъ походовъ, наложили бы печать вліянія нашего по всей странѣ, а Французамъ и Англичанамъ показали бы то, чтò мы сдѣлать могли и чего они не были въ силахъ предпринять. Мысль эта давно скрывалась во мнѣ, и для приведенія ея

съ разрѣшенія правительства въ исполненіе, я разсчитывалъ на мои большіе хлѣбные запасы, на учрежденіе сухопутныхъ транспортовъ и на третью пару сапогъ для нижнихъ чиновъ, которую я заблаговременно испрашивалъ отъ военнаго министерства, въ видѣ пособія войскамъ, во уваженіе гористыхъ и каменистыхъ мѣстъ, гдѣ мы находились. Въ послѣднемъ ходатайствѣ моемъ было однакоже отказано; министръ отозвался, что онъ не находитъ въ томъ надобности, потому что войско пришло въ Турцію моремъ и слѣдственно не могло терпѣть нужды въ обуви. Я передалъ графу Орлову мысли мои о сухопутномъ походѣ, но не нашелъ его согласнымъ съ моимъ мнѣніемъ.

Соединеніе дѣйствій цареградскаго отряда съ распоряженіями командира кавказскаго корпуса, не ускользнуло однакоже изъ видовъ правительства. 21-го мая явился къ намъ бывшаго моего эриванскаго карабинернаго полка маіоръ Войниковъ, родомъ Черногорецъ, проѣхавшій изъ Грузіи черезъ Одессу, въ 15 дней. Бывшій тогда командиръ кавказскаго корпуса баронъ Розенъ, увѣдомлялъ съ Войниковымъ графа Орлова, о полученномъ имъ чрезъ графа Нессельроде приказаніи Государя, находиться въ сношеніяхъ съ нами. Розену поручалось на случай, еслибы возстаніе жителей Малой Азіи распространилось до Эрзрума, Трапезунда и ближе къ Грузіи, оградить границы своего управленія наступательнымъ дѣйствіемъ съ 10 т. корпусомъ, которымъ онъ долженъ былъ занять, именемъ Султана, въ турецкихъ владѣніяхъ крѣпости Карсъ и Ардаганъ.

Розенъ, сообщая свѣдѣнія о дурномъ состояніи дѣлъ Турокъ и о безпокойномъ духѣ народа, передавалъ еще слѣдующія извѣстія. Одинъ изъ вождей Лазовъ, по имени Душчи-Оглу намѣревался было овладѣть Трапезунтомъ: нападеніе его было остановлено только признаніемъ со стороны Турецкаго правительства власти мятежника въ округѣ его. Въ Эрзрумѣ взбунтовались противъ тамошняго Сераскира регу-

лярныя войска отъ того, что не получали жалованья; по усмиреніи ихъ—они разбѣжались. Въ Карсѣ жители, вышедши изъ терпѣнія отъ безпорядковъ, чинимыхъ войсками, изгнали ихъ изъ крѣпости *). Войска Трапезунтскаго Сераскира, выступившія въ походъ противъ Египтянъ зимою, также почти всѣ разбѣжались. Жители Сиваса ожидали только приближенія передовыхъ войскъ Ибрагима, чтобы взбунтоваться. Османъ-паша, предводительствовавшій отдѣльнымъ корпусомъ, на который Хозревъ-паша полагалъ лучшія надежды свои, оставался лично въ Токатѣ для наблюденія за дѣйствіями непріятеля. Паши Карса, Вана, Муша и Баязида были въ ссорѣ съ Сераскиромъ Эрзрумскимъ и недовѣряли Портѣ. Кромѣ того, что поводомъ къ этимъ безпорядкамъ служило слабое правленіе Порты, но къ сему еще много способствовали, посланные по всѣмъ городамъ Мегмедъ-Али-пашею, разгласители. Они распространяли по всей странѣ молву, будто военныя дѣйствія его противъ Султана были мнимыя и служили только личиною для сокрытія настоящаго намѣренія его — соединенными съ Султаномъ силами воевать противъ насъ, чтобы загладить стыдъ, понесенный Турціею въ послѣднюю войну противъ насъ и при заключеніи Адріанопольскаго мира. Баронъ Розенъ просилъ о поспѣшнѣйшемъ возвращеніи Войникова сухимъ путемъ, если это было возможно, чтобы онъ могъ доставить ему новыя свѣдѣнія о происходившемъ въ Малой Азіи.

Новыя сношенія наши съ Грузіею не имѣли однакоже дальнѣйшихъ послѣдствій, и кавказскія войска съ мѣста не двигались. Графъ Орловъ сказывалъ мнѣ, что движеніе 1-й бригады 26-й пѣхотной дивизіи, находившейся въ сборѣ около Одессы, также остановлено. По словамъ его, Государь

---

*) Одинъ изъ начальниковъ взбунтовавшихся тогда противъ правительства, преслѣдуемый по окончаніи войны съ Египтянами, сколько мнѣ извѣстно, явился со своею шайкою на нашу границу Грузіи въ Гумры, прося покровительства; но былъ выданъ турецкому начальству и казненъ.

вторично приказалъ было отправить бригаду эту на усиленіе высаднаго войска, по одному изъ предшествовавшихъ донесеній моихъ объ отказѣ, сдѣланномъ сначала Султаномъ въ уступкѣ Ибрагимъ-пашѣ Аданы. Бумагъ объ этомъ предположеніи я никакихъ не видѣлъ, передано же мнѣ оно Орловымъ изустно, съ нѣкоторымъ видомъ укоризны, какъ бы за допущеніе уступки Ибрагиму Аданы до его прибытія. Онъ впрочемъ зналъ, что намъ запрещено было вмѣшиваться въ разграниченіе между Султаномъ и Мегмедъ-Али.

Эскадрѣ нашей Балтійскаго флота, находившейся въ Греческихъ водахъ, приказано было возвратиться, но не въ Балтику, а въ Черноморскіе порты, гдѣ суда должны были поступить въ составъ Черноморскаго флота, а прислуга обратиться въ Кронштатъ сухимъ путемъ. Предстояло затрудненіе, какъ ввести эскадру чрезъ Геллеспонтъ въ виду Англичанъ и Французовъ, у коихъ могло отъ того возродиться желаніе воспользоваться тѣмъ же правомъ, чтобы посѣтить военными силами Царьградъ. Турки все намъ позволяли и не препятствовали этому движенію; во избѣжаніе же зависти иностранцевъ, приказано было Балтійской эскадрѣ проходить чрезъ Дарданеллы по одиночкѣ, оставляя нѣсколько дней разстоянія отъ одного судна до другаго, чтобы общая цѣль не была замѣтна. Такъ и случилось: суда проходили по одиночкѣ и, присоединившись къ нашему Черноморскому флоту, способствовали къ поднятію сухопутныхъ войскъ при обратномъ слѣдованіи нашемъ въ Россію.

20-го числа, Султанъ, по предварительному соглашенію съ графомъ Орловымъ, пріѣзжалъ смотрѣть нашъ флотъ. Онъ былъ на пароходѣ съ капитанъ-пашею и другими важнѣйшими сановниками. При входѣ въ Беюгъ-дэрскій заливъ, прежде всѣхъ салютовали ему французскій фрегатъ и англійскій корветъ, стоявшіе противъ дворцовъ своихъ миссій. Орловъ съ Лазаревымъ встрѣтили Махмуда на лодкѣ и взошли на пароходъ. Султанъ навѣстилъ нашъ адмиральскій

корабль, гдѣ пробылъ около двухъ часовъ. Весь флотъ нашъ салютовалъ ему при входѣ на корабль и когда онъ сходилъ съ него обратно на пароходъ. Сухопутныя войска были выстроены въ одну линію по высотамъ, лежащимъ вдоль берега, лицемъ къ проливу. На лѣвомъ флангѣ былъ турецкій баталіонъ, примыкавшій къ мысу Сельви-Бурну; правый же флангъ кончался недалеко отъ вершины горы Великановъ; линія пѣхоты прерывалась въ нѣсколькихъ мѣстахъ артиллерійскими баттареями. Мы три раза открывали пальбу изо всѣхъ огнестрѣльныхъ оружій, сперва залпами, а потомъ бѣглымъ огнемъ: первый разъ, при встрѣчѣ Султана съ Орловымъ, а второй и третій вмѣстѣ съ флотомъ. Во весь день погода была холодная, сильный сѣверный вѣтеръ и шелъ проливной дождь, отъ чего войска, заблаговременно выведенныя, совершенно вымокли. Когда Султанъ плылъ обратно мимо нашего мыса, онъ прислалъ ко мнѣ обоихъ Ахмедъ-пашей съ изъявленіемъ признательности своей и съ приказаніемъ спросить: не потерпѣли ли люди отъ дурной погоды. Я отвѣчалъ, что люди наши къ этому привыкли, но что въ подобныхъ случаяхъ здоровье ихъ сберегается чаркою водки. Муширъ, услышавъ это, тутъ же съ мѣста послалъ одного изъ своихъ чиновниковъ въ Царьградъ съ приказаніемъ, отъ имени Султана, доставить намъ немедленно 500 ведеръ водки. Махмудъ и приближенные его, кажется, сами прозябли, ибо Муширъ, отъѣзжая сказалъ мнѣ, что Султанъ заѣдетъ обогрѣться въ какой-то сосѣдственный загородный домъ, и взялъ у меня двѣ бутылки шампанскаго вина, чтобъ поподчивать своего Государя. Видѣвшіе съ европейской стороны и съ судовъ троекратную пальбу нашу, увѣряли, что, не взирая на дурную погоду, зрѣлище, представлявшееся съ нашего берега, было прекрасно.

24-го мая, графъ Орловъ пріѣхалъ къ вечерней зарѣ въ лагерь. Всѣ музыканты и пѣсенники были собраны на буг-

рѣ Сельви-Бурну. Солдатскія пляски и игры продолжались весь вечеръ. Послѣ заревой пушки былъ сожженъ фейерверкъ, а при отплытіи Орлова, всѣ пристани, возвышенныя мѣста и улица отрядной квартиры моей, были освѣщены плошками, коихъ огни, отражавшіеся въ морѣ, увеличивали блескъ освѣщенія. Орловъ находилъ душевное удовольствіе въ солдатскихъ забавахъ, любилъ видѣть игрища ихъ и признавалъ, что они полезны для поддержанія духа въ людяхъ. Военному человѣку, проведшему жизнь среди лагерей, увеселенія солдатъ въ присутствіи начальниковъ кажутся естественными; такого рода сближеніе начальника съ подчиненными согласно съ цѣлію службы; но понятія эти чужды для большей части столичныхъ властей нашихъ, опасающихся чрезъ то разрушить дисциплину, почему въ графѣ Орловѣ, проведшемъ вѣкъ свой при дворѣ, подобный образъ мыслей могъ назваться истинно достоинствомъ; ибо симъ доказывалось, что онъ не заразился предубѣжденіями столичныхъ сослуживцевъ своихъ.

Не взирая на добрыя намѣренія графа Орлова, я часто бывалъ стѣсненъ въ распоряженіяхъ моихъ отъ предпринимаемыхъ имъ мѣръ. Въ числѣ ихъ, весьма непріятно было настояніе его объ отправленіи больныхъ въ Одессу на возвращавшихся транспортныхъ и другихъ судахъ. Чуждый зрѣлища недуговъ и нуждъ людей военнаго сословія, коихъ онъ привыкъ видѣть только въ блистательномъ состояніи красиваго строя, онъ чувствовалъ отвращеніе къ госпиталямъ, объ устройствѣ коихъ не имѣлъ яснаго понятія. Посѣтивъ однажды мой Беюгъ-дэрскій госпиталь, онъ со скоростію пробѣжалъ нѣсколько палатъ и замѣтилъ только, что въ комнатахъ не было образовъ. Послѣ того, онъ не переставалъ требовать, чтобы больныхъ перевели съ европейскаго берега, гдѣ онъ жилъ, нетерпѣливо жалуясь на медленное изготовленіе Турками корабля, на который больные впослѣдствіи переведены. Предполагаемое имъ отправленіе

больныхъ въ Одессу ни съ чѣмъ не было сообразно, ибо кромѣ того, что люди пострадали бы отъ пути, мы въ самое короткое время обезсилили бы полки, наполнивъ Одессу людьми, лишенными пріюта и попеченія прямаго ихъ начальства. Выздоравливающіе къ намъ болѣе бы не возвратились, а число вновь заболѣвающихъ не уменьшилось бы. Всѣ представленія мои остались тщетными. Видя однако же необходимость непремѣнно склонить его къ отмѣненію такого приказанія, я самъ опросилъ больныхъ, которые изъявили желаніе не только остаться, но даже убѣдительно просили меня не отправлять ихъ въ Одессу. Когда Орловъ узналъ о томъ, онъ, по человѣколюбію, отчасти уступилъ мнѣ, ибо не могъ болѣе опровергать доводовъ, прежде имъ оспариваемыхъ. Мы согласились отправить только людей, одержимыхъ хроническими болѣзнями, и такимъ образомъ ихъ было отослано разновременно 130 человѣкъ.

Инженеръ-капитанъ Типольдъ занемогъ у насъ вдругъ сильною горячкой. Все инженерное вѣдомство помѣщалось, какъ я выше сказалъ, въ мѣстечкѣ Анадоли-Кавакъ, верстахъ въ пяти отъ лагеря, съ коимъ не имѣлось другаго сообщенія какъ верхомъ, потому что дороги еще не были совсѣмъ отдѣланы. Подполковникъ Бюрно, желая скорѣе подать помощь занемогшему сослуживцу, посадилъ его въ лодку, перевезъ на европейскій берегъ и сдалъ его въ квартиру и на руки Дюгамеля, жившаго во дворцѣ нашей миссіи. Тамъ были лѣкаря, которые могли подать больному скорую помощь.

Типольдъ остался больной въ Беюгъ-дэре, и по обратномъ отплытіи нашемъ вскорѣ умеръ. Онъ былъ достойный офицеръ и, по душевнымъ качествамъ своимъ, всѣми уважаемъ.

26-го числа мая, пріѣзжалъ ко мнѣ Сераскиръ-паша съ возвратившимся изъ Египта Галиль-пашею, котораго онъ мнѣ представилъ, выхваляя преданность его къ своему государю и прося моего расположенія къ нему. До того я еще никогда не видалъ Галиль-паши. Выше описано, съ какою

тщательностію онъ избѣгалъ свиданія со мною въ Александріи. Сераскиръ полагалъ, что я имъ недоволенъ, и хотѣлъ этимъ посѣщеніемъ изгладить мое неудовольствіе. Галиль-паша пріятной наружности, въ разговорахъ довольно ловокъ для Турка; но замѣтно въ немъ двуличіе. Онъ провелъ почти четыре мѣсяца въ Египтѣ по-пустому, говорятъ, былъ задаренъ Мегмедъ-Али-пашею и наконецъ совершенно обольщенъ имъ. Галиль-паша сталъ разсыпаться въ сожалѣніяхъ и извиненіяхъ, что не видался со мною въ Египтѣ, говоря, что я выѣхалъ изъ Александріи въ тотъ же день, какъ онъ туда пріѣхалъ.

«Въ ожиданіи васъ», отвѣчалъ я, «изготовленъ былъ офицеръ, который долженъ былъ заѣхать къ вамъ въ то самое время, какъ корветъ вашъ сталъ бы входить въ портъ; но корветъ взошелъ въ торговую пристань. Я оставался еще въ Александріи почти три дня и полагалъ, что вы захотите со мною видѣться и пришлете ко мнѣ кого-либо изъ окружавшихъ васъ; напротивъ того узналъ, что вы обратились съ письмами, данными вамъ въ Константинополѣ, къ французскому консулу, и заключилъ изъ этого, что вы избѣгали свиданія со мною. Я тогда отплылъ, потому что Мегмедъ-Али уже исполнилъ одно изъ требованій Государя моего, остановивъ военныя дѣйствія, а другое требованіе — помириться съ Султаномъ—обѣщался исполнить, къ чему предстояла ему возможность, по случаю пріѣзда вашего».

Галиль-паша нѣсколько замѣшался:

— «Мегмедъ-Али,—сказалъ онъ,—говорилъ мнѣ, какъ вы «не довольствовались всѣми даваемыми имъ обѣщаніями пре«кратить военныя дѣйствія, пока онъ не написалъ, въ при«сутствіи вашемъ, повелѣнія сыну своему остановиться, и «онъ въ семъ случаѣ сдержалъ свое слово».

— «Хотя онъ и остановилъ тогда наступательныя движе«нія войскъ своихъ, возразилъ я, но онъ послѣ того на«дѣлалъ тревоги въ Смирнѣ».

— «Мегмеда-Али нельзя въ этомъ винить», прервалъ Сераскиръ, какъ бы заступаясь за прощеннаго и вновь признаннаго властителя Египта,—«ибо народъ въ Анадоліи, по «легковѣрію своему, послѣ пораженія верховнаго Визиря подъ «Коніею, посылалъ къ Ибрагимъ-пашѣ, со всѣхъ сторонъ, «людей съ повинными.»

— «Мегмедъ-Али былъ очень доволенъ вашимъ обхожде«ніемъ», продолжалъ съ лестію Галиль-паша.

— «Мегмедъ-Али-пашѣ», отвѣчалъ я,—«какъ умному чело«вѣку, ничего не оставалось болѣе, какъ отзываться такимъ «образомъ; ибо онъ выслушалъ много истинъ, хладнокровное «изложеніе коихъ должно было изумить его болѣе вспыльчи«выхъ объясненій.»

— «Онъ былъ доволенъ лично вами; но весьма недово«ленъ порученіемъ вашимъ, ибо вы ему представили послѣд«ствія упорства его и неудовольствіе Государя вашего».

— «Прибытіе ваше въ Египетъ нѣсколько измѣнило рас«положеніе Мегмеда-Али», отвѣчалъ я.

Галиль-Паша неохотно продолжалъ этотъ разговоръ, а Сераскиру трудно было сознаться въ сдѣланной имъ ошибкѣ отправленіемъ послѣ меня Галиль-паши въ Египетъ. Они не оспаривали сказаннаго мною, перемѣнили рѣчь и, посидѣвъ нѣсколько, отправились къ графу Орлову. Сераскиръ просилъ меня съ нимъ ѣхать, но я отказался. Когда Сераскиръ садился въ лодку, то Галиль-паша отсталъ нѣсколько и, остановивъ меня, увѣрялъ въ преданности своей Государю нашему, говоря, что онъ болѣе преданъ Ему, нежели самому Султану, чѣмъ явно обнаружилъ легковѣрныя и лживыя правила свои. Мнѣ сказывали на другой день, что онъ, во все время пребыванія своего въ Египтѣ, былъ въ большой связи съ Французами, что дѣйствія его согласовались съ направленіемъ, ими даннымъ, — послѣдствія скрытныхъ наущеній Сераскира. Султанъ, по возвращеніи Галиль-паши, принялъ его довольно сухо.

27-го числа, по приглашенію Сераскира, я вторично ѣздилъ въ Царьградъ, чтобы видѣть любопытные предметы города. Со мною было много офицеровъ. Для насъ приготовлены верховыя лошади у Яли-Кіоска, и мы поѣхали черезъ садъ Сераля, гдѣ остановились на нѣсколько времени передъ прекрасною колонною, воздвигнутою на пьедесталѣ изъ цѣльнаго камня. Столпъ этотъ стоитъ совершенно отдѣльно и сохранился въ цѣлости, исключая виднѣвшейся на пьедесталѣ латинской надписи, коей большая половина изгладилась отъ времени. Такихъ отдѣльныхъ памятниковъ встрѣчается нѣсколько по улицамъ Царяграда. Они всѣ обломаны, основанія ихъ закрыты развалинами, или пристроенными лачужками, а стволы закопчены дымомъ отъ пожаровъ. Памятники эти, разбросанные по городу, извѣстны изслѣдователямъ древностей; видѣнную же мною сохранившуюся колонну считалъ я новымъ открытіемъ, потому что рѣдко кого изъ Христіанъ впускали въ садъ, скрывающій ее. Мнѣ однако же говорили послѣ, что Гаммеръ, въ описаніи своемъ Царяграда, упоминаетъ и объ этой колоннѣ.—Нужно бы повѣрить.

Оттуда поѣхали мы смотрѣть монетный дворъ. Бывшій тамъ начальникъ принялъ насъ (вопреки даннаго приказанія оказывать намъ привѣтливость) съ нѣкоторымъ видомъ гордости, свойственной еще предкамъ нынѣшнихъ Турокъ; почему и я обошелся съ нимъ невнимательно. Мы ходили по всему заведенію; намъ показывали всю выдѣлку монеты, начиная отъ раскаленнаго металла до послѣдней отдѣлки чеканомъ. Все выдѣлывается силою человѣческихъ рукъ. Устройство монетнаго двора не могло занимать насъ, и мы болѣе удивлялись богатырскому сложенію и виду крѣпости, изображавшемуся на жилистыхъ и напряженныхъ членахъ почти голыхъ работниковъ. Каждый изъ нихъ могъ служить образцомъ для изваянія подобія Геркулеса. Заводъ этотъ

состоитъ въ вѣдѣніи турецкаго чиновника, котораго называютъ министромъ монетнаго двора *).

Монетный дворъ отдается на откупъ Армянамъ, которые отъ него много наживаются; но они обыкновенно дурно кончаютъ поприще въ семъ мѣстѣ: часто были примѣры, и въ недавнемъ времени еще случилось, что одинъ откупщикъ монетнаго двора былъ повѣшенъ, и все его огромное состояніе взято въ казну. Симъ насильственнымъ средствомъ Султанъ выручаетъ часть того, что у него пропадаетъ чрезъ плутовство и невѣжество повѣренныхъ. Турецкая монета имѣетъ весьма мало существенной цѣны отъ примѣси мѣди, которая допускается правительствомъ, и отъ значительнаго прибавленія этого металла еще откупщикомъ, получающимъ право нѣсколько часовъ въ сутки работать въ свою пользу. Всѣ мастера и просто рабочіе на заводѣ—изъ Армянъ; между ними замѣтенъ только одинъ турецкій чиновникъ низшаго разряда, который если и видитъ плутовство, то вѣроятно имѣетъ въ немъ свою долю.

Изъ монетнаго двора отправились мы смотрѣть старый дворецъ султана (le Vieux Sérail); насъ провели только въ пріемныя комнаты, не представляющія ничего примѣчательнаго. Рѣшетчатыя украшенія бесѣдокъ, стѣнъ и дверей, покрыты поблекшею и почернѣвшею позолотою. Мѣста эти нѣсколько занимательны, только по воспоминаніямъ прежнихъ пріемовъ, дѣланныхъ въ нихъ посламъ. При сихъ случаяхъ, Султанъ сидѣлъ сокрытый въ небольшой ложѣ, болѣе похожей на клѣтку, придѣланную вверху къ стѣнѣ. Знакомъ

*) Званіе министра въ Турціи болѣе обыкновенно, чѣмъ у насъ, и титла сіи даютъ многимъ начальникамъ отдѣльныхъ частей, какъ напр. въ числѣ чиновниковъ Сераскира видѣлъ я одного, котораго называли военнымъ министромъ. Не будучи довольно знакомъ съ учрежденіями правленія Турціи, я не могу опредѣлить въ точности, съ какимъ званіемъ въ европейскихъ правительствахъ можно сравнить турецкихъ министровъ, ибо министромъ считается у нихъ также Рейсъ-эффенди, котораго полагаютъ наравнѣ съ нашимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

присутствія его служилъ только рукавъ кафтана его, выпущенный изъ ложи и вывѣшенный въ залу. Верховный Визирь, съ другими сановниками государства, принималъ пословъ внизу въ залѣ, съ гордостію нынѣ болѣе неумѣстною. Всего любопытнѣе были для насъ черные и бѣлые эвнухи, коихъ странныя, безобразныя и нечеловѣческія лица, выражали злость и вмѣстѣ женоподобіе. Они, какъ чудовищныя созданія незнакомаго міра, вездѣ ходили и съ такимъ же любопытствомъ смотрѣли на насъ, какъ мы на нихъ. Видъ ихъ, напоминая объ искаженномъ человѣчествѣ, приводитъ въ содроганіе. Подъ воротами прохаживалось тоже до 15-ти вооруженныхъ людей — обитателей таинственнаго замка — немолодые люди, искушенные въ преданности государю своему, тайные свидѣтели ужаснѣйшихъ происшествій и, вѣроятно, сами палачи, составляющіе внутреннюю стражу дворца. Они одѣты въ желтыхъ платьяхъ какого-то страннаго покроя; наружность ихъ можно бы скорѣе назвать смѣшною, еслибъ они не приводили на память неистовства, ознаменовавшія отвратительное жилище ихъ. Мы просились въ гаремъ, полагая, что онъ такъ же пустъ, какъ и дворецъ; но провожавшіе извинились, потому что Султанъ перевелъ туда недавно нѣсколько больныхъ женъ своихъ. Зданіе Стараго Сераля обращено нынѣ въ женскій госпиталь, для старѣющихъ и неспособныхъ женъ.

Недалеко отъ сераля видѣлъ я извѣстный по описаніямъ величиною своею яворъ, въ дуплѣ коего вмѣщается цѣлая лавочка. Товары разложены на полкахъ, сдѣланныхъ внутри дерева; торговецъ нисколько не стѣсненъ и при выходѣ запираетъ лавку свою дверью, придѣланною къ краю дупла.

Бригадиръ нашъ, Неджибъ-паша, отъ души желая угодить мнѣ, предложилъ показать антику, какъ онъ говорилъ, такую, какую мнѣ еще на роду не удавалось видѣть; онъ уже нѣсколько дней таилъ отъ меня благое намѣреніе свое. «Я покажу вамъ», говорилъ онъ, «чудовище съ женскою

головою, руками и рыбьимъ хвостомъ.» Бригадиръ повелъ меня черезъ какой-то старый садъ, въ старый сарай, отдѣльно стоящій, гдѣ жилъ старый Турокъ. Когда ему сказали, зачѣмъ мы пришли, то онъ пошелъ на чердакъ и, съ помощію работника, вытащилъ оттуда деревянный гробъ, который поставилъ передо мною. Сняли крышу, и мы увидѣли египетскую мумію, довольно дурно сохранившуюся. Была голова, было и туловище; но оно кончалось не ногами, а остріемъ, нѣсколько похожимъ на рыбій хвостъ. Съ одной стороны лежалъ какой-то членъ, приставленный къ верху туловища и занимающій мѣсто руки, также остроконечный. Мы всматривались нѣкоторое время въ совершенно почернѣвшіе останки предполагаемаго чудовища, и, желая объяснить себѣ видѣнное, приподняли голову, которая точно была человѣческая. Голова отдѣлилась, и мы, тогда разсмотрѣвши мумію вблизи, увидѣли, что остроконечное туловище было не что иное какъ такая же мумія, но не человѣка, а крокодила, обращеннаго головою внизъ, отъ чего все туловище имѣло остроконечный видъ. Хвостъ былъ отломанъ, и къ мѣсту перелома приставлена человѣческая голова, а отломаная часть хвоста приложена съ боку на мѣсто руки. Мы не могли воздержаться отъ смѣха, и говоря между собою по-русски, называли мнимое чудовище муміей. Мумъ значитъ на турецкомъ языкѣ воскъ, и Турки, не понимавшіе сужденій нашихъ, утверждали, что фигура эта истинно не восковая, а настоящаго животнаго, привезеннаго, какъ они говорили, когда-то изъ Египта.

Мы продолжали путь чрезъ другой садъ сераля, содержанный въ большой нечистотѣ, и прошли къ оконечности сераля, выдающейся болѣе прочихъ частей въ море. Мѣсто это высыпано землею и уровнено вышиною съ основаніемъ зубцовъ крѣпостной стѣны, окружающей городъ. На одномъ краю этой площади выстроена небольшая бесѣдка, называемая Гюль-Ханэ, или хранилище розъ.

Провожавшіе меня Турки были не привычны къ движенію и дѣятельности. Они устали отъ небольшой прогулки нашей и настоятельно просили меня зайдти отдохнуть и пообѣдать къ Неджибъ-пашѣ, коего собственный домъ находился въ городѣ. Неджибъ-пашѣ очень хотѣлось угостить меня, и хотя чрезъ эту проволочку терялось время, но нельзя было отказать ему. Мы къ нему заѣхали и отобѣдали у него въ домѣ, построенномъ на берегу Марморнаго моря. Нѣкоторые изъ нашихъ провожатыхъ Турокъ не упустили случая повеселиться, и какъ хозяинъ нашъ самъ крѣпко любилъ напитки, то они напились до пьяна и, по окончаніи пира, въ такомъ видѣ повели насъ смотрѣть мечети.

Такъ какъ многіе изъ спутниковъ моихъ не видали храма св. Софіи, то они просили меня дать имъ случай побывать въ немъ, и я вторично посѣтилъ это зданіе. Оттуда пошелъ я смотрѣть мечеть, называемую Султанъ-Ахмедъ, по имени строителя ея. Провожатые наши уже не заминались входить въ мечети, а мы еще менѣе. Зданіе обширное, но уступаетъ въ величинѣ и красотѣ своей храму св. Софіи. Въ мечети сей замѣчательны четыре огромные столба, поддерживающіе куполъ, и необыкновенной величины камни, изъ коихъ сложены эти столпы. Когда мы уже были въ серединѣ мечети, мулла, не предупрежденный о нашемъ прибытіи, вбѣжалъ впопыхахъ и съ дерзостію спросилъ провожавшихъ насъ, что мы за люди, и что намъ было нужно. Келимъ-эффенди, нашъ лагерный провіантмейстеръ, еще наполненный парами обѣденнаго пира, съ тѣмъ же видомъ отвѣчалъ муллѣ, что онъ можетъ о томъ спросить сопровождающихъ насъ кавасовъ или прислужниковъ Сераскиръ-паши. Мулла почтительно отошелъ, сталъ въ сторону и самъ показывалъ мнѣ все, чего я хотѣлъ. Я пожелалъ видѣть гробницу самого Султанъ-Ахмеда, и онъ безпрепятственно проводилъ меня въ другое небольшое зданіе, находившееся на томъ же дворѣ. Внутренность зданія убрана

безъ всякой пышности, не имѣетъ ни вкуса, ни величія. Ряды большихъ и малыхъ гробницъ, или лучше сказать, каменныхъ надгробныхъ памятниковъ, сложенныхъ на подобіе гробовъ, подъ коими погребены Султанъ-Ахмедъ и члены семейства его, отдѣланы довольно грубо. Они занимаютъ почти всю внутренность зданія, на памятникахъ поставлены чалмы съ простыми обвивками; при изголовьѣ гробницы самого султана стоятъ два обыкновенныхъ налоя, въ коихъ хранятся кораны, оправленные серебромъ. Мулла не дѣлалъ мнѣ никакого препятствія открывать и разсматривать эти книги; напротивъ того, самъ усердно прислуживалъ мнѣ, подавалъ книги и говорилъ: «смотрите, чтò тутъ дурнаго въ томъ, что вы ихъ видите? Вѣдь мы по предсказаніямъ знаемъ, что вы нѣкогда будете владѣть этими мѣстами и сдѣлаетесь здѣсь хозяевами.»

Оттуда проѣхали мы длинною нитью, гуськомъ, подъ сводами большаго и многолюднаго базара, хорошо устроеннаго и содержащагося въ чистотѣ. Въ лавкахъ однако же не было замѣтно богатыхъ товаровъ. Зданіе казалось новымъ. Мнѣ хотѣлось видѣть мѣсто торжища невольниками; но оно тогда уже было заперто.

Когда я получилъ приглашеніе Сераскира на эту поѣздку, то онъ просилъ меня, по окончаніи ея, заѣхать къ нему. Прошла уже бòльшая часть дня; опасаясь опоздать возвращеніемъ въ лагерь, я прекратилъ прогулку и поѣхалъ къ Сераскиру. На дворѣ у него встрѣтилъ человѣка, поставленнаго нарочно съ приказаніемъ сказать мнѣ, что ему надобно было отлучиться въ Государственный Совѣтъ, куда и просилъ меня пріѣхать къ нему. Слѣдуя въ точности приглашенію, я поѣхалъ въ зданіе Порты и пошелъ безъ доклада въ Диванъ. Слуги въ передней засуетились; но я самъ поднялъ занавѣсъ, отдѣлявшій меня отъ залы собранія, и, вошедъ въ нее, очутился среди всѣхъ государственныхъ сановниковъ. Они сидѣли на софахъ, устроенныхъ

кругомъ трехъ стѣнъ залы, вооруженные трубками, и разсуждали о дѣлахъ. Шедшіе за мною офицеры остановились въ аванъ-залѣ. Въ засѣданіи были: Верховный Визирь, Сераскиръ, Ахмедъ-паша, Галиль-паша, Тагиръ-паша и многіе другіе. Не останавливаясь, я прошелъ прямо къ Сераскиру и сѣлъ подлѣ него. Внезапное вторженіе мое всѣхъ изумило. Я поздоровался съ нѣкоторыми; послѣ того всѣ замолкли и стали смотрѣть другъ на друга, какъ бы ожидая развязки. Вскорѣ Сераскиръ все дѣло рѣшилъ; онъ всталъ и, пригласивъ меня въ другую смежную комнату, просилъ всѣхъ офицеровъ туда придти и приказалъ всѣмъ подать трубокъ; по обыкновенію своему, онъ много шутилъ, наконецъ велѣлъ себѣ принести сапоги, обулся и вызвался проводить меня къ султанскимъ каюкамъ или лодкамъ, которыя, говорилъ онъ, давно хотѣлъ мнѣ показать, какъ вещь любопытную. «Я очень радъ», продолжалъ онъ, «что вы пріѣхали меня навѣстить въ совѣтѣ, ибо желаю всѣмъ показать, сколько люблю и уважаю Русскихъ». Ахмедъ-паша-муширъ, услыхавши, что мы куда-то собирались ѣхать, присоединился къ намъ. «Я такъ радъ случаю отдѣлаться отъ нихъ», говорилъ онъ: «ну, не лучше ли верхомъ прогуляться на чистомъ воздухѣ, чѣмъ сидѣть да толковать съ ними въ совѣтѣ, Богъ знаетъ о чемъ?»

О внезапномъ посѣщеніи моемъ Государственнаго Совѣта была напечатана статья въ Смирнскихъ газетахъ, издаваемыхъ по французски, вѣроятно, по приказанію правительства, желавшаго дать другой толкъ происшествію. Писали, что начальникъ Русскихъ войскъ былъ приглашенъ въ Государственный Совѣтъ, гдѣ приняли его со всѣми возможными почестями, въ знакъ особенной довѣренности, оказываемой ему правительствомъ.

Я ѣхалъ въ сопровожденіи Сераскира и Ахмедъ-паши. Они провели меня опять черезъ край двора Стараго Сераля, и, пріѣхавши къ берегу, показали старые каюки султановъ и

новый каюкъ Махмуда II. Хотя они и покрыты разными украшеніями съ позолотами, но содержатся, особенно старые, въ большой небрежности.

Къ вечеру я возвратился въ лагерь.

28-го мая я принималъ въ лагерѣ назвавшихся ко мнѣ въ гости, Ахмедъ-пашу и Сераскира. Первый пріѣхалъ къ обѣду, заставивъ себя, по обыкновенію, долго ждать. Другой пріѣхалъ къ вечеру со многими чиновниками своими. Пѣсенники, музыка, солдатскія пляски, игры и фейерверкъ занимали его поперемѣнно въ теченіи всего вечера. Старикъ отъ души забавлялся. Весь бугоръ нашъ кипѣлъ народомъ и веселящимися. Къ тому времени случайно пріѣхали изъ Беюгъ-дэре дамы, отъ чего еще болѣе оживился праздникъ. Танцовали, пили здоровье Сераскира, и онъ, любезничая съ женщинами, нѣсколько подпилъ. Солдаты, ухитряясь въ забавахъ, нашли между собою шута, которому подвязали сѣдую бороду, надѣли феску и кафтанъ, подобный тому, какой носилъ Сераскиръ. Уродливое изображеніе знаменитаго гостя нашего кривлялось въ глазахъ самого подлинника. Я опасался, чтобъ Хозревъ-паша не разсердился; но онъ былъ уменъ, принялъ это въ шутку, и самъ помиралъ со смѣху, видя свое подобіе. Зрѣлище это довершилось, какъ обыкновенно водится въ лагерныхъ гуляньяхъ, качаньемъ старшаго гостя. По данному знаку, солдаты окружили Сераскира и при громогласныхъ крикахъ ура, стали вскидывать его на воздухъ. Такой пріемъ нѣсколько перепугалъ Турокъ; они не имѣли понятія о подобномъ привѣтствіи и не ожидали его. Первое движеніе ихъ было сблизиться къ толпѣ, въ коей утопъ хромой вождь ихъ; но успокоились, когда увидѣли маленькую и круглую фигуру его, являвшуюся мгновенно надъ головами союзниковъ. Старика увѣрили, что у Русскихъ такое обыкновеніе выражаетъ самое дружеское и привѣтливое расположеніе къ гостямъ; а чтобы болѣе его убѣдить въ томъ, выкачали и Ахмедъ-пашу. Оба остались

очень довольными. По окончаніи пира ихъ проводили съ музыкою.

29-го числа, по приглашенію графа Орлова, собравшагося также смотрѣть рѣдкости Царяграда, ѣздили мы съ нимъ и главными флотскими начальниками въ Султанскій дворецъ, недавно выстроенный на азійскомъ берегу Босфора. Дворецъ довольно обширенъ и убранъ внутри въ странномъ, но хорошемъ вкусѣ — смѣсь европейскаго съ азіятскимъ. Все строеніе деревянное, очень легкое, какъ будто сколоченное изъ досокъ и не имѣетъ вида прочности; къ одной сторонѣ его и сзади примыкаетъ небольшой садикъ, расположенный на покатости горы. При украшеніи загородныхъ садовъ, Турки всего болѣе обращаютъ вниманіе на уборку дорожекъ и площадокъ небольшими разноцвѣтными камнями, которые ровно и плотно вбиваютъ въ землю, выводя ими разные узоры. Они предпочитаютъ это зелени и тѣни. Мнѣ же всего болѣе понравилась въ этомъ саду изваянная изъ бѣлаго мрамора борзая собака, настоящей величины, въ лежачемъ положеніи, отличной работы. Художественная вещь эта была брошена въ углу подъ кустомъ и сохранилась въ совершенной цѣлости. Я послѣ старался чрезъ Ахмедъ-пашу пріобрѣсти ее, но не имѣлъ успѣха.

Въ концѣ мая мѣсяца пришелъ въ Царьградъ неаполитанскій пароходъ съ большимъ обществомъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Левантъ изъ любопытства. Въ числѣ ихъ находился наслѣдный принцъ Баварскій (братъ Греческаго короля Оттона) извѣстный писатель Ламартинъ, и много другихъ занимательныхъ лицъ съ разныхъ концевъ Европы. 31-го мая пріѣзжалъ въ лагерь съ женою своею секретарь Баварскаго принца. Я приказалъ офицеру проводить гостей по лагерю. Вечеръ провели они у меня съ прочими дамами, собравшимися къ зарѣ въ палаткѣ на бугрѣ Сельви-Бурну. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, пріѣзжалъ также ко мнѣ въ лагерь Ламартинъ съ женою. Къ сожалѣнію

моему, я съ нимъ разъѣхался, ибо въ то самое время, какъ онъ былъ у насъ, я ѣздилъ въ Европу. Мнѣ тѣмъ болѣе хотѣлось съ нимъ познакомиться, что всѣ вообще выхваляли добродѣтели и пріятное обхожденіе, коимъ онъ умѣлъ въ нѣсколько дней пріобрѣсти себѣ доброе имя въ Константинополѣ. Ламартинъ впослѣдствіи издалъ путешествіе свое на Востокъ.

1-го числа іюня, я получилъ своеручно письмо отъ французскаго посла Руссена, коимъ онъ приглашалъ меня съ офицерами посѣщать его въ воскресные дни по вечерамъ, назначеннымъ имъ и женою его для пріема чиновниковъ миссіи нашей и военныхъ. Руссенъ видѣлъ необходимость сблизиться съ нами послѣ потерпѣнныхъ имъ неудачь. Я однако же ни одного раза не былъ у него на вечерахъ, потому что мнѣ въ томъ препятствовали занятія. Нѣкоторые чиновники миссіи навѣстили его раза два въ назначенные дни, чѣмъ все и кончилось. Говорили, что у него, кромѣ воды для прохлажденія, ничего не подавали. Я не миновалъ однако же обѣда у лорда Понсонби, отъ котораго не могъ отказаться, потому что былъ приглашенъ туда графомъ Орловымъ. Сѣли за столъ въ половинѣ 9-го часа вечера и долго сидѣли. Лордъ Понсонби уже въ лѣтахъ, говоритъ мало и не имѣетъ ничего привлекательнаго въ обхожденіи. Жена его также не молода и дурна собою. Пріемы и обращеніе ея не обнаруживаютъ большаго воспитанія. Не взирая на лѣта, она наряжается какъ молодая женщина, и къ тому еще очень неловко.

1-го же числа іюня, я ѣздилъ съ офицерами въ табунъ отряда, пасшійся при рѣкѣ Ривѣ, верстахъ въ 20-ти отъ лагеря. Поѣздка эта дала мнѣ случай видѣть мѣстоположеніе, впереди насъ находившееся; я проѣхалъ горами, въ коихъ видѣлъ обывательскіе караулы, выставленные жителями по требованію моему, для переимки нашихъ бѣглыхъ солдатъ, что они исполняли съ большою точностію, вступая

даже иногда въ драку съ бѣглыми. Мы проѣхали чрезъ два большія богатыя болгарскія селенія и, достигнувъ красивыхъ береговъ Ривы, спустились по нимъ къ морю. Переправившись черезъ рѣку на правую сторону, я осмотрѣлъ въ подробности крѣпостцу Риву, лежащую на берегу Чернаго моря — послѣднее звѣно цѣпи крѣпостей и баттарей, устроенныхъ на азійскомъ берегу Босфора и при морѣ, для защиты пролива отъ вторженія нашего и обороны береговъ отъ высадки. Тогда въ Ривѣ было не болѣе 10-ти солдатъ турецкаго гарнизона. Я давно уже сбирался осмотрѣть ее, какъ и положеніе берега отъ Фанараки до этой крѣпостцы, моремъ на лодкахъ, располагая потомъ подняться отъ Ривы, сколько возможно будетъ, далѣе вверхъ по рѣкѣ. Поискъ этотъ былъ необходимъ; но я встрѣтилъ тогда препятствіе со стороны графа Орлова, который находилъ, что поѣздки сіи сопряжены съ опасностію. Онъ даже говорилъ, что рекогносцировки, на которыя я посылалъ офицеровъ во внутренность страны, могли возродить у Турокъ мысль о намѣреніяхъ нашихъ распространить свою власть, и потому возбранялъ ихъ. Несмотря на запрещеніе, я продолжалъ поиски, иногда урывками, иногда съ разрѣшенія, которое спрашивалъ у Орлова. Мнѣ сначала предстояло бороться съ мнительностію Турокъ, а послѣ съ препонами, поставляемыми непосредственнымъ начальствомъ моимъ, для достиженія цѣли, неразлучной съ моею обязанностію. Такимъ только образомъ приведены въ извѣстность оборонительныя средства Турокъ въ Босфорѣ, и нѣкоторая часть страны, находившейся впереди лагеря. Нынѣшній разъ рѣшился я сдѣлать обзоръ этой части морскаго берега на обратномъ пути своемъ. Кругъ былъ небольшой, и я симъ не нарушалъ запрещенія графа Орлова, съ позволенія коего ѣздилъ въ табунъ.

Выстрѣлы изъ крѣпостцы Ривы обороняютъ мѣсто, на коемъ бы можно сдѣлать съ нѣкоторымъ удобствомъ высадку. Будучи почти совсѣмъ открыто, оно не представляетъ

никакой защиты для судовъ отъ бури и даже сильнаго волненія; но лучшаго пристанища нигдѣ не имѣется вдоль всего берега до самаго верховья пролива. Подобное сему пристанищу есть еще другое: небольшая полуоткрытая бухта въ $1^1/_2$ верстѣ, не доѣзжая верховья, или крѣпостцы Фанараки. Бухта эта называется Якорною, потому, говорятъ, что въ ней былъ найденъ нѣкогда каменный якорь. Сказанія, едва ли основательныя, гласятъ, что въ семъ мѣстѣ приставалъ со своими Аргонавтами Язонъ, когда онъ плылъ на открытіе Колхиды. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы осмотрѣть также въ подробности крѣпостцу Фанараки, въ которой нашелъ большія развалины зданій, предшествовавшихъ, какъ мнѣ казалось, завоеванію Турокъ, и возвратился въ лагерь черезъ гору Великановъ, проѣхавъ въ сей день болѣе 50-ти верстъ трудными мѣстами.

4-го числа, графъ Орловъ пріѣзжалъ въ лагерь съ Баварскимъ наслѣднымъ принцомъ и путешественниками, прибывшими съ нимъ въ Царьградъ. Принцу было лѣтъ 18-ть. Онъ принялъ оказанныя ему почести и проѣхалъ по всѣмъ линіямъ палатокъ. Графъ Орловъ представилъ ему ординарцевъ. Молодой человѣкъ мало обращалъ вниманія на войско и никого не поблагодарилъ, такъ что обхожденіе его можно бы отнести къ пренебреженію, если бы въ немъ не былъ замѣтенъ недостатокъ опытности. День былъ очень жаркій. Совѣстно было держать солдатъ нашихъ на солнцѣ во все время, какъ Баварскій наслѣдникъ разъѣзжалъ по лагерю; притомъ же посѣщенія эти были для насъ накладны; никто не заботился о снабженіи толпы пріѣзжихъ лошадьми; мы сами нуждались въ хорошихъ и всѣмъ незванымъ гостямъ должны были давать своихъ. Принцъ показалъ только нѣсколько любопытства на горѣ Великановъ, когда ему разсказали объ огромномъ надгробномъ камнѣ, подъ коимъ погребенъ мусульманскій пророкъ Яюшэ; онъ захотѣлъ видѣть

памятникъ и прошелъ въ ограду со своимъ дядькою, военнымъ штабъ-офицеромъ, уже лѣтъ сорока.

Въ тотъ же день я былъ званъ на обѣдъ къ Австрійскому посланнику, барону Штюрмеру, у коего наслѣдный принцъ Баварскій квартировалъ. Во время обѣда, на отдѣльномъ столѣ, поднялся шумъ. При множествѣ гостей не видно было, что̀ происходило; но говорили мнѣ, что изъ-за стола вывели одного изъ пріѣхавшихъ съ Ахмедъ-пашею чиновниковъ, служившаго при немъ берейторомъ. Человѣкъ этотъ, дерзкій правомъ, былъ родомъ изъ Австріи, гдѣ прежде служилъ въ войскахъ и бѣжалъ оттуда. Главное знаніе его состояло въ манежной ѣздѣ и въ фехтованіи, коимъ онъ обучалъ нѣсколько молодыхъ Черкесовъ, находившихся при Ахмедъ-пашѣ. Его узнали въ Австрійской миссіи. Имя, принятое имъ въ Турціи, было Сеидъ-ага. Однакожь урокъ, полученный Ахмедъ-пашею у барона Штюрмера, не послужилъ ему въ пользу. Во время посольства своего въ Россію, Муширъ привезъ съ собою въ Петербургъ Сеидъ-агу, гдѣ онъ представлялся вмѣстѣ съ господиномъ своимъ Государю и былъ внезапно высланъ изъ столицы на перекладныхъ въ Одессу, для отправленія въ Царьградъ.

Ввечеру былъ у Австрійскаго посланника балъ, на которомъ я не остался, потому что не пригласили никого изъ моихъ сухопутныхъ офицеровъ. Была еще и другая причина: я узналъ, что, по оффиціальнымъ спошеніямъ Австрійскаго посланника, напечатали въ Вѣнской газетѣ, будто египетская армія остановлена въ Кютаіэ, вслѣдствіе представленій, сдѣланныхъ Мегмедъ-Али-пашѣ черезъ консула Ачерби. Понятно, что суетливые и непріязненные къ намъ Французы хотѣли себѣ приписать славу сего событія; но не приличествовало Австрійцамъ, казавшимся всегда искренними къ намъ, поступать такимъ образомъ. Они не имѣли довольно вліянія въ дѣлахъ Турціи и Египта, чтобы произвести какой-либо значительный переворотъ; и хотя никто

не обратилъ вниманія на газетное разглашеніе Австрійскаго посланника, хотя представителемъ двора нашего былъ уже графъ Орловъ, однако мнѣ неприятно было видѣть двуличный поступокъ сей въ отношеніи къ намъ.—Всѣмъ нужно было по листку вѣнца, пріобрѣтеннаго Россіей въ семъ дѣлѣ.

5-го числа ввечеру навѣстилъ меня посланникъ Бутеневъ, съ однимъ изъ прибывшихъ на неаполитанскомъ пароходѣ путешественниковъ, Курляндцемъ, барономъ Ганомъ, и его женою, любопытствовавшими видѣть лагерь.

6-го іюня, мы приступили вообще съ Лазаревымъ къ нагрузкѣ нѣкоторыхъ тяжестей, безъ коихъ можно бы обойтись въ войскахъ, въ случаѣ неожиданнаго и кратковременнаго движенія, какъ-то: патронныхъ ящиковъ, запасныхъ зарядовъ и т. п. Росписаніе же войскъ по судамъ было нами утверждено съ обѣихъ сторонъ еще въ маѣ мѣсяцѣ, по приказанію графа Орлова, — дѣло довольно сложное, ибо тутъ сталкивались распоряженія сухопутнаго вѣдомства съ морскимъ, всего менѣе заботившимся объ общей пользѣ и имѣвшемъ въ виду только свою собственную. Желая въ семъ случаѣ согласовать выгоды обѣихъ сторонъ, я просилъ Лазарева назначить въ мое вѣдѣніе одного штабъ-офицера; присланъ былъ капитанъ-лейтенантъ Романовъ, который принялъ порученія мои для нагрузки, по устроеннымъ нами пристанямъ. Отъ Турецкаго правительства вытребовалъ я чиновниковъ для пріема обратно разныхъ предметовъ, взятыхъ нами отъ Турокъ, какъ равно и для показанія имъ предпринятыхъ нами работъ къ устройству дорогъ и водохранилищъ. Русскихъ артиллерійскихъ лошадей и донскихъ, коихъ имѣлось болѣе 80-ти, назначено было графомъ Орловымъ передать Туркамъ безденежно, въ видѣ вознагражденія за сдѣланныя ими ссуды лошадьми, коихъ возвратили имъ также въ исправности. Казакамъ заплатили отъ нашего правительства по 100 рублей за каждую лошадь. Насъ бы затруднило помѣщеніе этихъ лошадей на судахъ, а Туркамъ

такой подарокъ долженъ былъ казаться драгоцѣннымъ, ибо у нихъ не имѣется хорошо выѣзжанныхъ артиллерійскихъ лошадей; но они приняли его довольно равнодушно. Сераскиръ исполнялъ всѣ требованія и дѣятельно помогалъ мнѣ въ очищеніи лагеря отъ тяжестей, намъ не принадлежавшихъ. Я былъ съ нимъ въ ежедневной перепискѣ. Въ концѣ этой книги приложена подъ буквою C. C. копія съ одного изъ писемъ, полученныхъ отъ него по сему случаю, какъ памятникъ довѣренности, пріобрѣтенной нами между Турками. Употребленныя въ письмѣ выраженія отзываются огнемъ, воспламенявшимъ еще умнаго старца въ преклонныхъ лѣтахъ его, или ловкостью, съ коею онъ изливалъ показываемыя чувства. Тутъ же приложено и другое письмо его подъ литтерою D. D. полученное уже передъ самымъ отплытіемъ нашимъ; изъ онаго видно также расположеніе къ намъ Турецкаго правительства и замѣтно, что оно не ожидало получить обратно до самой бездѣлицы разныхъ предметовъ, которыми насъ снабжало. . . . .

Въ числѣ мѣръ, предпринятыхъ къ отъѣзду, я съ прискорбіемъ приступилъ къ одной, необходимой въ тогдашнихъ обстоятельствахъ. Когда распоряженія къ отплытію сдѣлались извѣстными, то бродяги, поступившіе, какъ я выше упоминалъ, изъ резервовъ, стали бѣгать, увлекая за собою молодыхъ и неопытныхъ солдатъ. Хотя жители и ловили ихъ, но побѣги не прекращались, почему я нашелся вынужденнымъ отобрать въ войскахъ до 300 человѣкъ порочныхъ людей, которыхъ помѣстилъ подъ надзоромъ строгихъ офицеровъ въ трюмѣ турецкаго корабля, на коемъ находился госпиталь. Къ нимъ былъ приставленъ караулъ, и они имѣли только право выходить небольшими отдѣленіями на палубу, чтобы пользоваться свѣжимъ воздухомъ. Большая чистота, содержащаяся между ними, и хорошая пища совершенно предохранили ихъ отъ болѣзней, коимъ они подверглись бы въ семъ мѣстѣ. Узники не прежде присоединились къ своимъ

полкамъ, какъ по посаженіи уже войскъ на суда. Потеря конечно была бы небольшая, еслибы всѣ они и ушли; напротивъ улучшилась бы отъ того нравственность въ полкахъ; но сею мѣрою избѣгли мы стыда—оставить въ Турціи большое число бѣжавшихъ.

Мы не остались безъ памятника отъ почтеннаго Патріарха. Вновь сформированные во время Польской войны полки бывшей 26-й пѣхотной дивизіи не имѣли еще престоловъ. По просьбѣ моей, патріархъ Констанцій прислалъ къ намъ четыре старинныхъ образа, изъ коихъ одинъ, изображавшій Іоанна Крестителя, я не рѣшился отдать въ полки, потому что благословляющій Предтеча имѣлъ пальцы сложенными не совершенно по обряду нашей церкви, опасаясь чрезъ то склонить солдатъ къ расколу. Образъ этотъ я оставилъ у себя и отослалъ его къ брату въ Тобольскъ. Икона сія имѣла около $1^1/_2$ аршина длины и была написана на какомъ-то тяжеломъ деревѣ; на ней была греческая надпись, по коей Тобольскій преосвященный призналъ ее весьма древнею. Между тѣмъ я просилъ Патріарха о замѣнѣ сего образа другимъ, что̀ онъ и исполнилъ. Иконы были приняты на пристани съ почестію и препровождены въ полки съ приличною церемоніей. По возвращеніи въ Россію были присланы образа въ полки сіи, изъ разформированной конно-егерской дивизіи, и царьградскія иконы не поступили въ престольные до 1837 года, когда, по ходатайству моему, Высочайше утверждено было наименовать престолы 4-хъ полковъ, бывшихъ въ Турціи, по ликамъ образовъ, присланныхъ Патріархомъ. Копія съ своеручнаго письма Констанція, при коемъ они были ко мнѣ доставлены, приложена въ концѣ сей книги подъ буквою Е. Е. *)

Такъ какъ уже приближалось время отплытія нашего, то

---

*) По возвращеніи въ Россію, явилась на оборотѣ одного изъ этихъ образовъ слѣдующая надпись, сочиненная въ полку:

Воины! молитесь этому образу. Потомство подслушаетъ васъ и скажетъ, зачѣмъ Русскіе были въ Царѣградѣ!

я спѣшилъ довершить поѣздки свои въ Царѣградѣ и окрестностяхъ: 7-го числа отправился я, прежде всего, на толкучій рынокъ, любопытный по остаткамъ народности, сохранившейся еще въ этомъ мѣстѣ. Рынокъ сей, называющійся Безестанъ, накрытъ, какъ и базаръ, сводами; въ немъ много лавокъ, и всегда толпится народъ. Тутъ можно найти смѣсь всѣхъ возможныхъ старыхъ товаровъ, между коими попадаются иногда и любопытныя вещи; но я, по краткости времени, нашелъ только подержанныя турецкія книги, которыя цѣнились слишкомъ дорого продавцами, по невѣжеству ихъ.

Недалеко отъ толкучаго рынка находится мѣсто торжища невольниками. Большое зданіе, построенное въ родѣ караванъ-серая, и, сколько я могъ замѣтить, съ однѣми только воротами отъ угла; дворъ обширенъ, въ окружающихъ его стѣнахъ подѣланы въ два яруса каморки, въ коихъ содержатся невольники и невольницы. Нынѣ торгъ этотъ значительно уменьшился какъ отъ непріязненныхъ сношеній съ Мегмедъ-Али-пашею, такъ и отъ завоеваній нашихъ на Кавказѣ: ибо невольники прежде сего доставлялись изъ внутренности Африки, а невольницы изъ Абхазіи. Продавцы, въ ожиданіи покупщиковъ, сидѣли подъ галлереею, впереди каморокъ. Тутъ видно было нѣсколько старыхъ женщинъ, которыя промышляли выхваленіемъ тайныхъ прелестей скрытыхъ невольницъ, для возвышенія цѣны ихъ въ глазахъ покупателей. Отъ времени до времени продавецъ вставалъ, и сопровождаемый пятью или шестью невольниками или невольницами худшаго разбора, т. е. больными, старыми и слабыми, уже утратившими силы свои на прежнихъ службахъ,—обходилъ съ ними весь дворъ кругомъ и громко возглашалъ первую цѣну ихъ. Покупатели, равнодушно сидя съ трубками у стѣнъ, перебивали другъ у друга дешевый товаръ этотъ, набавляя цѣну по мѣрѣ, какъ имъ кто изъ невольниковъ приглядывался, а продавецъ продолжалъ шествіе свое, разглашая послѣднюю даваемую цѣну. Если никто болѣе не

прибавилъ; то и торгъ свершался. Невольники, содержанные въ узничествѣ, сами казались равнодушными къ обхожденію съ ними. Всего прискорбнѣе видѣть нищету и безпомощность, въ которыхъ находятся эти несчастные. Они едва имѣютъ рубище на тѣлѣ и получаютъ самую скудную пищу, въ поддержаніе только жизни, сдѣлавшейся уже почти безполезною для чьей-либо службы. Въ числѣ ихъ былъ молодой Эѳіопъ, лѣтъ двѣнадцати отъ роду, совершенно голый и весь покрытый отъ головы до ногъ коростою, едва двигающій истощенные отъ болѣзни члены.

Лучше обходятся съ молодыми невольницами, коихъ красота можетъ доставить болѣе прибыли продавцу. Онѣ сидятъ въ темныхъ, едва освѣщенныхъ каморкахъ, по одной и по двѣ вмѣстѣ. Въ заточеніи ихъ нѣтъ другой утвари, кромѣ стараго оборваннаго ковра, и онѣ получаютъ нѣсколько годной пищи. Къ нимъ неохотно впускаютъ, пока продавецъ не удостовѣрится, что покупатель точно желаетъ пріобрѣсти невольницу. Христіанамъ не продаютъ невольниковъ и ихъ не пускаютъ на это торжище; однако мнѣ непремѣнно хотѣлось проникнуть въ потаенныя комнаты невольницъ, и сему никто не смѣлъ противиться. Взошедъ, безъ спроса у кого-либо, въ одну изъ каморокъ, я нашелъ двухъ молодыхъ Эѳіопокъ, сидящихъ въ углу; одна изъ нихъ была очень не дурна собою; онѣ съ жеманствомъ просили знаками меня и окружающихъ купить ихъ.

Не надобно полагать, чтобы сословіе это видѣло свое бѣдствіе съ той точки, какъ бы мы разумѣли, еслибъ на нашу долю досталась такая участь. Пригожей невольницѣ, отвыкнувшей уже нѣсколько лѣтъ отъ родины, происходящее около нея кажется обыкновеннымъ. Она смотритъ на посѣщенія покупателей какъ на случай, могущій доставить ей пріобрѣтеніе знаменитаго жениха, а часто вмѣстѣ съ тѣмъ обладаніе цѣлымъ домомъ, и наконецъ цѣлою областью изъ глубины

сераля своего обожателя.—На балахъ нашихъ также ищутъ жениховъ, только съ большими причудами.

Отъ рынка невольниковъ я проѣхалъ къ Сераскиру, и проведши съ нимъ короткое время, отправился смотрѣть домъ сумасшедшихъ. Ужасное зрѣлище! Въ мѣстѣ семъ человѣкъ страждетъ безъ всякаго участія и пощады со стороны ему подобныхъ. Заведеніе это устроено въ Турціи совсѣмъ на иной ногѣ, чѣмъ въ Европѣ, потому что понятія Турокъ о сумасшедшихъ различны съ нашими. Азіатцы предполагаютъ въ нихъ пребываніе духа. Пока сумасшедшій переведенъ, онъ слыветъ за вдохновеннаго и пользуется даже нѣкоторымъ уваженіемъ въ народѣ; коль же скоро начинаетъ бѣсноваться, то думаютъ, что въ него вселился нечистый духъ, отъ чего съ страдальцемъ обращаются, какъ бы съ самимъ дьяволомъ, еслибъ онъ явился на землѣ. Сумасшедшіе помѣщаются въ старинномъ замкѣ, который былъ, кажется, нѣкогда тюрьмою. Онъ отнюдь не принадлежитъ ко временамъ владычества Турокъ; зданіе построено изъ большихъ тесаныхъ камней съ высокими сводами и довольно обширными темными затворами, коихъ желѣзныя рѣшетчатыя окна обращены внутрь двора; въ мрачныхъ коридорахъ его видны замкнутыя желѣзныя двери, за коими тлѣютъ, можетъ-быть, останки, или томятся еще живыя жертвы честолюбія, алчности, злобы и ревности. Все это придаетъ замку сему какой-то таинственный видъ.

Мнѣ показали только сумасшедшихъ, содержащихся въ палатахъ, коихъ рѣшетчатыя окна обращены на внутренній дворъ. Ихъ было человѣкъ 15, и каждый изъ нихъ занималъ особую каморку; бо́льшая часть ихъ была прикована толстыми цѣпями, вмѣстѣ за шею и ногу, къ каменной стѣнѣ или къ окошку, наглухо; на иныхъ были рубища, иные же были совершенно голы. Къ прикованнымъ можно было входить, ибо не было дверей; все жилище это безъ стеколъ, печей, и зимою ничѣмъ не охраняется отъ мороза. По коцо-

ти, покрывающей стѣны, можно только полагать, что въ стужу раскладываютъ огонь въ палатахъ; но, знавши небреженіе Турокъ и своекорыстіе приставниковъ, нельзя полагать, чтобы сіе скудное средство обогрѣванія нагихъ узниковъ, обезпечивало ихъ въ холодное время. Копоть эта напоминала болѣе о множествѣ жертвъ, томившихся среди сей юдоли плача въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій. Нѣкоторые изъ узниковъ лежали на самыхъ окнахъ, другихъ надобно было отыскивать глазомъ въ темнотѣ подъ сводами. Затворники не пользовались другою постилкою, какъ малымъ клочкомъ измятой соломы, недостаточнымъ для успокоенія собаки, — иные же ничего не имѣли. Нельзя было не вспомнить извѣстной гравированной картины Шильонскаго узника, изображающей прикованнаго и страждущаго въ темницѣ невольника. Непонятно, какъ люди могутъ жить въ такомъ положеніи по нѣскольку лѣтъ. Прикованные смирны и едва обращаютъ вниманіе на приходящихъ; но съ трепетомъ видятъ надзирателя, смиряющаго ихъ большою палкою, какъ животныхъ. Поселяемый въ нихъ страхъ относятъ въ похвалу надзирателя, ибо Турки, какъ выше сказано, совершенно увѣрены, что бѣснующіе не принадлежатъ къ разряду подлунныхъ обитателей, и охотно забавляются странностями ихъ, пока не раздразнятъ до такой степени, что принуждены унимать ихъ побоями.

Нѣкоторые изъ сумасшедшихъ были довольно забавны; одинъ изъ нихъ, проведши вѣкъ свой въ званіи перевозчика изъ Царяграда въ Скутари, начиналъ грести и присвистывать при всякомъ посѣщеніи посторонняго; послѣ чего онъ высовывалъ за рѣшетку бумажку, прося платы за перевозъ, и бранился, если ему отказывали. Въ другой каморкѣ увидѣли мы человѣка лѣтъ сорока, здороваго и сильнаго, съ длинными распущенными волосами; онъ все улыбался; лице его выражало нѣчто болѣе обыкновеннаго; смотритель зáмка сказывалъ, что человѣкъ этотъ нѣкогда былъ высокаго зва-

нія; какимъ же образомъ онъ попался въ домъ сумасшодшихъ—по ненависти непріятелей своихъ, или по болѣзни—никто того не зналъ. Въ третьемъ затворѣ сидѣлъ прикованный страдалецъ, уже почти издыхающій отъ слабости: онъ тяжело дышалъ, и грудь его высоко поднималась. Пристращенный къ куренію и лишенный способовъ добыть табаку, онъ свивалъ изъ бумаги небольшія трубочки, въ родѣ сигарокъ, курилъ ихъ, и съ жадностію втягивалъ ядовитый дымъ гари; онъ съ большимъ удовольствіемъ принялъ сигарки, которыя мы ему дали. Нельзя было ближе вникнуть въ нужды несчастныхъ, потому что едва кто-либо изъ нихъ разговорится, какъ смотритель поднимаетъ палку, и онъ отползываетъ въ свой уголъ. Никакое денежное пособіе не можетъ имъ служить въ пользу, ибо все отдаваемое поступаетъ въ руки смотрителя. Впечатлѣніе отъ этого ужаснаго зрѣлища долго оставалось въ моей памяти.

Изъ дома сумасшедшихъ повели насъ смотрѣть ружейный заводъ. Изготовляющагося на немъ ежегодно числа ружей недостаточно для спабженія арміи, и потому правительство покупаетъ оружіе въ Англіи, снабжающей Турокъ своимъ бракомъ. Въ 1832 году выписали 18 т. ружей изъ Англіи. Султанъ просилъ у нашего правительства позволенія покупать ружья въ Тулѣ; но ему было отказано. Заводъ устроенъ очень дурно, и выдѣлываемыя на немъ ружья мало къ чему способны. Я замѣтилъ недостатки эти главному смотрителю, и показалъ ему прочную отдѣлку нашихъ ружей, коихъ довольное количество, изъ числа отбитыхъ у насъ въ послѣднюю войну, было свалено въ одномъ углу; но гордый Турокъ не согласился съ моимъ мнѣніемъ и находилъ ружья своего издѣлія лучше нашихъ. Я сообщилъ послѣ свои замѣчанія Ахмедъ-пашѣ, котораго это, казалось, занимало. Онъ просилъ меня приказать исправить ему два ружья на образецъ. Желаніе его было исполнено; но при томъ все дѣло осталось.

Потомъ я навѣстилъ адмиралтейство и провелъ нѣсколько времени у Капитанъ-паши Тагиръ-паши, который лично проводилъ меня къ пильной паровой машинѣ, недавно привезенной изъ Англіи, въ доками, и показалъ все любопытное въ адмиралтействѣ. Тутъ было болѣе дѣятельности, чѣмъ въ другихъ заведеніяхъ, потому что Тагиръ-паша тщился улучшить все касающееся его вѣдомства и разумѣлъ свою должность лучше другихъ. Работы были обширныя, вездѣ замѣтенъ былъ порядокъ и устройство, сколько я могъ судить по малому знанію морскаго дѣла. Обхожденіе Тагиръ-паши со мною не могло быть иначе какъ вѣжливое; но въ пріемахъ его и при отданіи приказаній замѣтны суровыя и строптивыя свойства.

Отъ него заѣхалъ я къ Галиль-пашѣ, который былъ уже назначенъ начальникомъ всей артиллеріи. Квартира его находилась въ Перѣ, близъ Топъ-Хане, или пушечнаго двора. Онъ былъ предупрежденъ о моемъ посѣщеніи, принялъ меня съ утонченною привѣтливостію, и потомъ самъ повелъ на литейный дворъ. Тутъ было множество старыхъ орудій, самыхъ странныхъ формъ и всѣхъ возможныхъ калибровъ. Ядра, также всѣхъ калибровъ вмѣстѣ смѣшанныхъ, отчасти сложены въ пирамиды, большею же частію свалены въ огромныя кучи. Было также нѣкоторое число вновь довольно чисто отлитыхъ орудій. У Турокъ недостаетъ терпѣнія къ довершенію всякаго дѣла: орудія эти, какъ бы забытыя, стояли безъ прицѣловъ и безъ діоптровъ; деревянныя и желѣзныя работы лафетовъ и колесъ грубы и неправильны. Всѣ заведенія Турокъ вселяютъ не столько мысль о дѣтствѣ искусства, какъ понятіе о безпечности народа сего, способнаго болѣе къ разрушенію, чѣмъ къ сооруженію чего-либо.

Довольно было для того дня. Я возвратился въ лагерь и поспѣшилъ записать все видѣнное мною въ дневникѣ.

10-го числа іюня получены изъ Коніи извѣстія, что Ибрагимъ-паша быстро отступаетъ за Таврскія горы.

11-го, я поѣхалъ во внутренность страны, для осмотра мѣстоположенія, и былъ на вершинѣ горы Алемъ-дагъ, на коей видны остатки древнихъ строеній и разбросанныя капители отъ колоннъ. Вѣроятно, что возвышавшійся тутъ нѣкогда храмъ обращенъ былъ въ церковь; ибо я нашелъ между развалинами мраморный камень, величиною въ квадратный аршинъ, съ изваяннымъ на немъ изображеніемъ креста на Адамовой головѣ; надъ крестомъ сдѣлано было сердце, а по сторонамъ полумѣсяцъ и звѣзда. Съ горы Алемъ-дагъ открывается одинъ изъ обширнѣйшихъ видовъ: къ сѣверу—Черное море, къ югу—Марморное, къ востоку обширная и обработанная равнина, а вдали виднѣется мѣстечко Гебизэ, неподалеку отъ коего показываютъ гробницу Аннибала. Аннибалъ провелъ послѣдніе дни жизни въ Бруссѣ; по какимъ же преданіямъ бугоръ близъ Гебизэ называютъ его могилою—не знаю. Проѣхавъ въ этотъ день около 50 верстъ, я къ вечеру возвратился домой.

13-го получено извѣстіе, что къ острову Тенедосъ прибыло три англійскихъ линейныхъ корабля. Мы замѣтили, что англійскій военный пароходъ нѣсколько разъ приходилъ въ Босфоръ и останавливался противъ дома лорда Понсонби. Говорили, что англійскій адмиралъ настоятельно требовалъ позволенія войдти въ Босфоръ съ эскадрою, и что онъ намѣревался даже сдѣлать вторженіе это безъ всякаго разрѣшенія; но былъ удержанъ въ своемъ намѣреніи единственно убѣжденіями лорда Понсонби. Въ противномъ случаѣ легко могла бы возгорѣться всеобщая война въ Европѣ.

14-го іюня предпринялъ я четвертую большую поѣздку, цѣлію которой было посѣщеніе Принцевыхъ острововъ. Я наканунѣ предупредилъ о томъ Ахмедъ-пашу, съ тѣмъ, чтобы онъ приготовилъ мнѣ средства къ возвращенію въ лагерь сухимъ путемъ, по азійскому берегу Босфора. Онъ прислалъ ко мнѣ съ отвѣтомъ одного изъ бригадныхъ командировъ гвардіи, Намикъ-пашу, человѣка образованнаго и зна-

ющаго хорошо по-французски. Намикъ-паша тогд только-что возвратился чрезъ Петербургъ изъ Англіи, гдѣ онъ былъ въ посольствѣ; онъ сказалъ, что на острова посланъ чиновникъ для встрѣчи меня, и просилъ отъ имени Мушира на обратномъ пути осмотрѣть Скутарскія казармы.

Къ поѣздкѣ этой не могъ я уже иначе приступить, какъ предупредивъ о томъ графа Орлова, согласившагося допустить меня къ ней съ нѣкоторыми затрудненіями.

Принцевы острова находятся въ Марморномъ морѣ, къ юго-востоку отъ Скутари. Они населены исключительно Греками, пользующимися тамъ, съ позволенія Султана, всѣми льготами. На островахъ находится много монастырей, и позволяется въ церквахъ колокольный звонъ. Благорастворенному весеннему воздуху Принцевыхъ острововъ приписываютъ цѣлебныя свойства, и потому въ это время года переѣзжаетъ туда изъ Царяграда много греческихъ семействъ на жительство. Въ лѣтнее время, жары тамъ несносны; пріѣзжіе возвращаются; но на главномъ островѣ всегда много еще остается жителей. Грековъ всего болѣе заманиваетъ въ эти мѣста совершенная независимость, коею на нихъ пользуются. Турки, если не изъ разсчета, то по привычкѣ оставляютъ ихъ тамъ въ покоѣ. Тутъ конечно можно видѣть независимость гражданъ въ большей степени, чѣмъ въ образованныхъ республикахъ Европы. Ни властей, ни повинностей, ни карауловъ, ни страховъ, и обитатели этихъ острововъ гораздо веселѣе и бодрѣе столичныхъ Грековъ.

Ко мнѣ присоединились изъ свиты графа Орлова флигель-адъютанты, Моллеръ, Крузенштернъ и графъ Кочубей, служившій въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Такъ какъ мнѣ доводилось ночевать внѣ дома, то я поручилъ, на время отсутствія моего, начальство въ лагерѣ генералу Отрощенкѣ. Мы отправились на моемъ турецкомъ катерѣ, который былъ легокъ на ходу. Онъ былъ построенъ американскимъ мастеромъ, имѣлъ палубу и небольшую опрятную ка-

юту. Черезъ три часа плаванія, мы пристали къ первому острову, называющемуся Протей. На немъ было только нѣсколько рыбачьихъ хижинъ и одинъ монастырь, который мы осмотрѣли, и потомъ поплыли ко второму острову — Антигона, гдѣ также находится монастырь. Монастыри эти невелики и, какъ замѣтно, въ недавнемъ времени возобновлены. Они наполнены множествомъ очень старинныхъ образовъ, которые монахи продаютъ желающимъ за сущую бездѣлицу. По сказаніямъ, Антигона наполнена была въ древности статуями, которыя обращены нынѣ Турками въ известку. Тщетно искалъ я памятниковъ древности—все исчезло, и я нашелъ только часть надгробнаго мраморнаго камня, принесеннаго изъ развалинъ стариннаго монастыря, коего остатки видны еще на одномъ изъ возвышеній Антигоны. Камень былъ положенъ вмѣсто ступени при входѣ въ церковь; на немъ видна была сохранившаяся латинская надпись, означавшая какого-то Агриппу, жившаго 22 года. Оба острова не велики и мало обработаны. Я побывалъ также въ греческой деревнѣ, находящейся въ восточной части Антигоны. Она выстроена очень чисто и порядочно; мѣстоположеніе пріятное. Мы были приняты въ домѣ коммерціи совѣтника Захарова, женою его. Захаровъ богатый Грекъ, русскій чиновникъ, занимающійся порученіями нашей миссіи по разнымъ закупкамъ. Онъ, по сношеніямъ своимъ, былъ близокъ и съ патріархомъ Констанціемъ.

Мы пріѣхали на третій островъ, называющійся Халка. На немъ три монастыря. Въ одномъ изъ нихъ содержались въ послѣднюю турецкую войну наши плѣнные офицеры, коимъ покровительствовалъ тогда датскій посланникъ Гюбшъ. На стѣнахъ въ комнатахъ видны еще русскія надписи. Нынѣ въ монастырѣ учреждено греческое училище, гдѣ обучаются до 60-ти молодыхъ людей. Надзиратели и учители изъ Французовъ и Итальянцевъ, такъ что воспитанники съ возрастомъ непремѣнно получаютъ правила, совершенно про-

тивныя тѣмъ, которыя въ теперешнихъ обстоятельствахъ нужны для насъ и для Султана. Сіе тѣмъ вреднѣе, что молодые Греки, получившіе нѣкоторое образованіе, поступаютъ въ званіе драгомановъ при Портѣ и сановникахъ государства, и по пріобрѣтаемому ими вліянію на начальниковъ своихъ, направляютъ умы и дѣйствія ихъ по своему произволу. Турецкое правительство ничего не видитъ и не заботится о томъ, но кажется, что съ нашей стороны слѣдовало бы обратить вниманіе на этотъ важный предметъ. Училище должно бы преобразовать въ кадетскій корпусъ для воспитанія молодыхъ Турокъ и Грековъ подъ наблюденіемъ назначенныхъ отъ насъ военныхъ наставниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что во время нашего пребыванія въ Царѣградѣ, Султанъ принялъ бы съ удовольствіемъ такую мысль. Мы сохранили бы симъ средствомъ вліяніе свое въ Турецкомъ правительствѣ и войскахъ. Графъ Орловъ не только не входилъ въ дѣла такого рода, но отчасти поддавался даже самъ вліянію жителей Перы, коихъ личные виды никогда не соотвѣтствовали пользамъ Россіи. Я тогда же вознамѣрился по возвращеніи въ Петербургъ изыскать случай лично доложить Государю о семъ предметѣ, постоянно занимавшемъ мысли мои.

На островѣ Халкѣ мало воды. Жители, обитающіе въ монастырѣ, пользуются дождевою, собирающеюся въ большомъ подземномъ водохранилищѣ, устроенномъ въ вершинѣ горы, гдѣ стоитъ зданіе. По причинѣ этого недостатка не содержатъ на островахъ ни лошадей, ни скота, а потому путешествіе свое совершилъ я пѣшкомъ.

Отъ училища я перешелъ къ другому монастырю, лежащему также на возвышеніи. Онъ обширнѣе прочихъ. На многочисленныхъ образàхъ его видны слѣды неистовства Турокъ при гоненіи Грековъ во время послѣдняго возстанія Мореи. Угнетатели нарушили тогда долговременное спокойствіе острововъ, ворвались въ церковь и стрѣляли въ цѣль по̀ образамъ. Простреленные лики святыхъ мучениковъ сви-

дѣтельствуютъ о послѣднемъ гоненіи Христіанъ, какъ самыя иконы изображаютъ страданія основателей вѣры. Тутъ прибѣжали ко мнѣ присланные отъ Ахмедъ-паши, для принятія меня, турецкіе чиновники. Они не полагали, чтобы я сталъ ходить по всѣмъ островамъ, а думали, по свойственной имъ лѣни, что я пріѣду только въ греческое селеніе воспользоваться гостепріимствомъ жителей, и отъ того опоздали. Пріѣздъ мой сдѣлался уже гласнымъ, и меня сопровождалъ народъ, въ присутствіи коего нельзя было съ должнымъ вниманіемъ разсматривать любопытные предметы; впрочемъ, Греки были очень разсудительны и вѣжливы, а попавшіеся между ними Турки не имѣли въ семъ мѣстѣ никакого голоса, ни власти.

Спустившись съ горы, я вошелъ въ греческое селеніе— многолюдное, богатое; ни одного домика не было похожаго на развалины, коими обыкновенно наполнены турецкіе города. Не видно было ни одного человѣка съ недовольнымъ лицемъ, бѣднаго или дурно одѣтаго. Меня ввели въ домъ недавно прибывшаго изъ Болгаріи греческаго архимандрита, у котораго я былъ принятъ матерью драгомана Ахмедъ-паши, Николаки, Логоѳета цареградской патріархіи, служившаго подъ вліяніемъ нашего золота. Много оказывали почести, но не соблюли главнаго, т. е. дать гостю покой; ибо день былъ очень жаркій, и я усталъ отъ пѣшихъ прогулокъ по горамъ. Не отвели особенной комнаты, гдѣ бы я могъ освѣжить себя водою безъ свидѣтелей. Я былъ среди множества мужчинъ и женщинъ, которыя остались въ гостинной и расположились около меня. Сестры Логоѳета, пожилыя дѣвы, считали свѣтскимъ приличіемъ занимать меня разговорами на испорченномъ французскомъ языкѣ; пустыя рѣчи ихъ прерывались только иногда докучливыми спросами присутствующихъ. Все это было слѣдствіемъ того, что, принимая меня, хозяйки имѣли въ виду болѣе почтить себя посѣщеніемъ знатнаго гостя, чѣмъ доставить мнѣ удо-

вольствіе. Я попался не къ кореннымъ жителямъ островъ, а къ пріѣзжимъ Грекамъ, зараженнымъ столичнымъ тщеславіемъ Царяграда.

Султанъ Махмудъ, вводя преобразованіе въ государствѣ своемъ и желая сблизиться съ народомъ, не считалъ недостойнымъ своего царскаго званія провести, нѣсколько времени тому назадъ, одно лѣто на Халкѣ, гдѣ онъ влюбился въ Гречанку, взялъ ее въ наложницы и прижилъ съ нею сына. Онъ построилъ даже тамъ довольно обширный дворецъ, который теперь пустъ. Турецкій чиновникъ проводилъ меня въ это зданіе. Бывшій при мнѣ Грекъ, осторожно уклонившись отъ взоровъ Турка, показалъ мнѣ небольшую комнату, въ коей видны были слѣды христіанскаго алтаря; тутъ нѣкогда молилась жертва царской любви—Грекъ украдкою перекрестился. Снисхожденіе, оказанное въ семъ случаѣ Султаномъ, совершенно противно закону исламизма, повелѣвающему обращать въ вѣру Магомета женъ и наложницъ.

Съ дворцовой пристани мы сѣли въ свой катеръ и поплыли къ самому большому изъ островъ, называемому Принкипосъ, на которомъ три монастыря. Жители и пріѣзжіе были предувѣдомлены о моемъ прибытіи, и по мѣрѣ того, какъ катеръ приближался къ пристани, они въ нарядныхъ платьяхъ провожали насъ вдоль берега. Сошествіе наше на берегъ походило на торжество: на площади небольшаго и чистенькаго городка окружило насъ множество народа и щегольски убранныхъ Гречанокъ. Среди толпы раздавались нестройные звуки одной скрипки, одного кларнета, цымбаловъ и еще нѣсколькихъ небольшихъ, глухихъ и писклывыхъ инструментовъ. Лошадей не было, идти же пѣшкомъ до монастырей казалось далеко А потому собрали всѣ средства, имѣющіяся на островѣ для переѣздовъ, т. е. для меня привели маленькаго лошака, а для офицеровъ, со мною пріѣхавшихъ, ословъ. Мы кое-какъ усѣлись и, волоча по

землѣ ноги, отправились во внутренность острова въ сопровожденіи многихъ Грековъ, шедшихъ пѣшкомъ.

Дорога къ ближайшему монастырю поднимается на гору среди небольшой сосновой рощи. Виды съ вершины во всѣ стороны были прелестные.

Въ первомъ монастырѣ, монахи повели меня подъ руки въ церковь и служили заздравный молебенъ, провозглашая на ектеніи мое имя, Николай Николаевичъ, которое они развѣдали, и вмѣстѣ имя мусульманскаго государя, Султана Махмуда. Впрочемъ точно также, какъ въ Россіи, молятся въ мечетяхъ за государя. Изъ церкви навѣстилъ я одного патріарха Константинопольскаго, смѣщеннаго правительствомъ съ должности, по неудовольствію на него греческаго народа: старецъ былъ въ ссылкѣ и жилъ уединенно въ келліи своей; разговоръ его умный и очень осторожный.

Второй монастырь, который я посѣтилъ, построенъ во имя св. Георгія. По давнему обычаю запираютъ въ немъ умалишенныхъ, въ надеждѣ, что святость мѣста изцѣлитъ ихъ. Спускаясь по каменной лѣстницѣ въ одну изъ церквей монастыря, я встрѣтилъ на ступеняхъ одного сумасшедшаго молодаго Грека, прикованнаго къ стѣнѣ цѣпью за шею. Есть съ чего съ ума свести и здороваго, заперевъ его одного на замокъ прикованнымъ въ сыромъ и темномъ подземельѣ. Греки на счетъ сумасшедшихъ имѣютъ тѣ же предубѣжденія, какъ и Турки. Узникъ былъ пріятной наружности. Увидя провожавшаго меня турецкаго чиновника, онъ сталъ поносить Турокъ и самого Султана самыми бранными словами. Разсудокъ его былъ помраченъ, вѣроятно, какою либо тяжкою обидою, нанесенною ему гонителями христіанства. Провожатый мой забавлялся изступленіемъ страдальца. Турки сами вѣрятъ цѣлебному свойству сего мѣста и отправляютъ туда Христіанъ, лишившихся ума.

Третій монастырь въ долинѣ. Во всѣхъ трехъ, видѣнныхъ мною монастыряхъ, я былъ встрѣченъ духовенствомъ

съ колокольнымъ звономъ; на лицахъ всѣхъ изображалась радость, съ которою они принимали единовѣрнаго начальника войскъ; ибо Греки долго не могли свыкнуться съ мыслію видѣть въ насъ поборниковъ султанской власти, вмѣсто избавителей своихъ, какъ они издавна считали Русскихъ.

Я возвратился къ городку восточнымъ берегомъ острова. Въ правой рукѣ видны были хорошо сохранившіяся стѣны древняго цирка, или бани, какъ иные говорили. Зданіе было круглое, безъ купола и могло имѣть саженъ сорокъ въ поперечникѣ. Въ городкѣ встрѣтила меня та же толпа народа.

Пятый островъ въ недальнемъ разстояніи отъ четвертаго; онъ очень малъ и населенъ одними кроликами, во множествѣ тамъ водящимися. Я туда не ѣздилъ. Мы сѣли въ лодку и отправились изъ Принкипоса обратно на Халку, гдѣ былъ приготовленъ ужинъ.

Между тѣмъ Греки, желая оказать мнѣ болѣе почести, перевезли на Халку писклявую музыку, съ коею торжественно встрѣтили меня на берегу, и въ подражаніе нашихъ церемоніальныхъ маршей, открыли шествіе тихимъ мѣрнымъ шагомъ, располагая проводить меня такимъ образомъ до квартиры; но я не вытерпѣлъ. Прорвавшись сквозь толпу и опередивъ музыку, я поспѣшилъ въ прежнюю квартиру, гдѣ, не взирая на усталость мою, снова обсѣли меня и закидали пустыми вопросами. За мной ввалилась въ комнаты часть толпы, меня провожавшей. Ужинъ былъ продолжительный, очень утомителенъ, и состоялъ бо́льшею частію изъ устрицъ, поданныхъ въ разныхъ видахъ, изъ всякихъ морскихъ раковинъ, отвратительныхъ для непривыкшихъ къ этой пищѣ, до коей Греки большіе охотники. Къ тому присоединилось опять нескладное пищаніе всюду преслѣдовавшей меня музыки. Никакого терпѣнія не достало бы для перенесенія подобныхъ испытаній, еслибъ не принять во вниманіе, что въ нихъ выражалось доброжелательство и гостепріимство всего населенія острова, или, по крайней

мѣрѣ, старшинъ, старавшихся угодить мнѣ, какъ умѣли. Между собесѣдниками находился одинъ занимательный Грекъ, Ангелопуло, отставной драгоманъ Порты, жившій долгое время въ Парижѣ.

Въ числѣ замѣчательныхъ предметовъ, видѣнныхъ мною на Халкѣ, упомяну о морскомъ животномъ, выкинутомъ на берегъ. Мы всѣ ходили смотрѣть его. Оно лежало на спинѣ. Вся исподняя часть тѣла, сплюснутаго въ ширину, но не ребромъ какъ у рыбъ, была покрыта тонкою кожею, совершенно бѣлаго цвѣта, безъ чешуи. Диковинное изверженіе моря было длиною не болѣе какъ въ аршинъ, или еще нѣсколько короче, голова и нижняя челюсть сходствовали съ головою крокодила. Къ нижней части тѣла примыкали двѣ ноги, покрытыя такою же кожею, какъ и все брюхо, очень похожія на человѣческія ноги, съ колѣнами, пятками и пальцами; между ногами мужскія дѣтородныя части, какъ у человѣка, но то же бѣлыя. Надобно полагать, что животное это извѣстно жителямъ, ибо они на него не обращали вниманія; оно лежало на берегу съ выброшенными изъ моря раковинами.

Переночевавъ, я пошелъ въ примыкающій къ селенію монастырь, въ коемъ не успѣлъ быть наканунѣ, и во избѣжаніе дальнѣйшихъ угощеній, внезапно сѣвъ на свой катеръ, переѣхалъ на южный берегъ твердой земли, въ деревню Малтепэ, гдѣ были высланы мои лошади. Отдохнувъ нѣсколько въ отведенной квартирѣ, мы поѣхали въ Скутари, отстоящій верстахъ въ 10 оттуда. Дорогою встрѣчалось намъ много обывательскихъ подводъ о четырехъ безобразныхъ колесахъ и съ кузовомъ въ родѣ каретнаго. Онѣ были выкрашены разными яркими цвѣтами и частію накрыты краснымъ сукномъ; запряжены же четырьмя волами, убранными также всякими побрякушками; въ странныхъ экипажахъ этихъ сидѣли турецкія женщины; около нихъ

проскакивалъ иногда стражъ на борзомъ конѣ. Сказывали, что то было загородное гулянье турецкихъ дамъ.

Въ окрестности Скутари, какъ и въ Перѣ, есть кипарисовая роща, которая служитъ кладбищемъ Мусульманамъ, въ особенности сохраняющимъ еще строго обряды своей вѣры. Видъ рощи былъ украшенъ отрядомъ регулярной кавалеріи, собравшимся подъ самою опушкою лѣса по случаю пріѣзда моего.

Нѣсколько не доѣзжая Скутари, меня встрѣтилъ высланный отъ Ахмедъ-паши-мушира, Сеидъ-Ага съ воспитанниками своими, шестью Черкесами, одѣтыми по образцу турецкой регулярной конницы. Онъ привелъ меня въ большую Скутарскую казарму—обширное двухъ-ярусное зданіе съ башнями, могущее вмѣстить болѣе 4-хъ тысячъ человѣкъ пѣхоты.

Въ казармѣ встрѣтили меня Ахмедъ-паша-ферикъ съ гвардейскими бригадными командирами Намикъ-пашею и Дилаверъ-пашею, которые, по приказанію Султана, водили меня по всѣмъ мѣстамъ и показывали свои заведенія, съ соревнованіемъ выставляя одинъ передъ другимъ устройство своихъ частей. И въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ отдѣленіяхъ казармы соблюдалась чистота, несвойственная турецкимъ обычаямъ. Дилаверъ-паша до такой степени хотѣлъ пощеголять, что украсилъ верхнюю галлерею своей казармы горшками цвѣтовъ, и даже накурилъ духами въ иныхъ комнатахъ. Водили меня въ канцелярію, въ цейхгаузы, въ швальню, на кухню, показывали арестантовъ. Я зашелъ и въ казенныя квартиры бригадныхъ генераловъ, въ томъ же зданіи находившіяся. Не поручусь, чтобъ они тутъ постоянно жили; Намикъ-паша представилъ мнѣ однако же маленькаго сына своего, 4-хъ лѣтняго ребенка, какъ всегдашняго жильца этого мѣста.

Нигдѣ не было замѣтно движенія, вездѣ тишина, и нижніе чины казались прикованными въ своихъ палатахъ, гдѣ

они неподвижно сидѣли вокругъ стѣнъ, одѣтые въ мундирахъ, но босые. Когда я заглядывалъ къ нимъ, то по данному знаку, всѣ вдругъ вскакивали—порядокъ еще совершенно новый для меня. Я припомнилъ однако же, что для удержанія толпы Азіятцевъ на мѣстѣ, нѣтъ лучшаго средства, какъ привести людей въ любимое положеніе ихъ, т. е. посадить, и они тогда готовы сидѣть, сколько угодно, ни о чемъ не заботясь *. Разуваніе солдатъ въ казармахъ также кажется довольно страннымъ. Обыкновеніе ли это у Турокъ, или только изобрѣтеніе къ ожидаемому смотру — не знаю; но я не нахожу, чтобы мѣра была безполезна. Вопервыхъ солдату должно умѣть ходить босыми ногами; вовторыхъ, онъ ихъ тогда сохраняетъ гораздо въ большей чистотѣ. Предметъ весьма важный въ глазахъ начальника, знающаго цѣну сего важнѣйшаго орудія пѣхотнаго солдата— ноги. Видно однако же было, что всѣ показанныя мнѣ устройства клонились къ одному наружному блеску, и слѣдственно къ сокрытію истины, которая мнѣ тогда уже была довольно извѣстна.

Муширъ, всегда и вездѣ опаздывавшій, опоздалъ и въ семъ случаѣ. Онъ пріѣхалъ, когда я уже обошелъ всѣ мѣста, и извинялся занятіями, причинившими это замедленіе. Вскорѣ, по пріѣздѣ его, приказали барабанщику ударить сборъ и пройти по галлереямъ. Бой немедленно былъ принятъ всѣми барабанщиками въ казармѣ; люди мгновенно высыпали изъ своихъ палатъ обутые, роились въ галлереяхъ и на лѣстницахъ, съ ружьями въ рукахъ, надѣвали на походѣ ранцы и спѣшили безъ шума и суеты къ назначенному мѣсту. Не прошло болѣе пяти минутъ, какъ на смежномъ дворѣ противъ султанскаго кіоска, тамъ находившагося, было выстроено, въ полной парадной и походной амму-

*)Средство это испыталъ я въ Персидскую войну послѣ взятія крѣпости Аббасъ-Абада, гдѣ я не могъ иначе достичь переклички и поименной переписи плѣнныхъ Сарбазовъ (регулярныхъ солдатъ), какъ приказавъ имъ сѣсть.

ниціи, шесть баталіоновъ пѣхоты, одинъ примкнувшійся къ нимъ съ поля кавалерійскій полкъ и до 20-ти орудій гвардейскихъ войскъ. Какъ бы обманчиво ни было все видѣнное мною, но поспѣшность, съ которою войска эти выстроились на сборномъ мѣстѣ, заслуживала похвалы—если не по устройству войскъ, то, по крайней мѣрѣ, по распорядительности начальниковъ, для удачи представляемой ими комедіи. И я нашелъ справедливымъ одобрить ихъ лестными словами.

Сдѣлали перемѣну дирекціи налѣво и пошли церемоніальнымъ маршемъ, по-взводно, на дистанцію. Нѣтъ сомнѣнія, что все это было исполнено безъ правильности, отличающей наши войска; кромѣ того, люди были одѣты дурно, да и начальники нетвердо знали свое дѣло; но во фронтѣ было довольно тихо. Дивизіонный Ахмедъ-паша и бригадные генералы пропарадировали мимо меня. Изъ нихъ Намикъ-паша проѣхалъ и отсалютовалъ съ ловкостію, рѣдко встрѣчающеюся между начальниками нашихъ войскъ. Онъ былъ хорошо одѣтъ; твердо подклеенная красная феска его имѣла видъ лейбъ-казачьяго кивера; подъ нашею былъ богатоубранный красивый сѣрый конь, какихъ я во всей Турціи, и подъ самимъ даже Султаномъ, не видалъ. Намикъ-паша былъ воспитанникъ Европы, и болѣе похожъ на Француза въ турецкомъ мундирѣ, чѣмъ на Турку. Муширъ оставался во все время при мнѣ; мы оба были верхомъ.

Послѣ смотра вошли мы въ султанскій кіоскъ, гдѣ изготовленъ былъ пышный обѣдъ. Пиръ такъ былъ продолжителенъ, что я всталъ не дождавшись конца. Въ подражаніе нашимъ лагернымъ увеселеніямъ, Муширъ собралъ пятьдесятъ арнаутскихъ солдатъ изъ баталіона сей націи, бывшаго въ строю, и приказалъ имъ пѣть и плясать по ихъ обряду, сохранившемуся еще въ народѣ. Кажется, что эта пляска та же самая, которую называютъ ромейкою: всѣ держатся за руки, и цѣпь изгибается по направленію, данному пе-

реднимъ, однимъ почти пляшущимъ. Веселія на лицахъ солдатъ не было замѣтно; всѣ были связаны, угрюмы и объяты страхомъ.

Намѣреніе мое было возвратиться изъ Скутари въ лагерь, верхомъ, по берегу, чтобы видѣть дорогу; но, попавшись однажды къ Туркамъ въ руки, нельзя болѣе располагать своимъ временемъ, и что-либо сдѣлать порядкомъ. Въ угожденіе хозяевамъ я остался въ Скутари долѣе, чѣмъ мнѣ было нужно. Становилось поздно, и мы отправились на лодкахъ домой, куда я прибылъ еще до вечерней зари. Подъѣзжая къ берегу, я, къ величайшему удовольствію, увидѣлъ, что памятникъ, который предположилъ поставить на бугрѣ мыса Сельви-Бурну, былъ уже привезенъ къ лагерной пристани.

Теперь о памятникѣ. Я давно располагалъ, и нужно было, оставить какой-либо знакъ пребыванія нашего на Босфорѣ, по коему поздніе потомки могли бы вспомнить о знаменитомъ походѣ нашемъ. Вычерчены были сперва проекты красивыхъ, небольшихъ монументовъ. Не рѣшаясь приступить къ сооруженію его безъ разрѣшенія графа Орлова, я просилъ на то позволенія его. Онъ находилъ, что это могло служить непріятнымъ воспоминаніемъ Туркамъ и возбудить кичливость и неудовольствіе иностранцевъ, и по этимъ причинамъ, или подъ этими предлогами, отказалъ мнѣ. Не оставляя намѣренія своего, я представилъ ему, что такъ какъ передъ отплытіемъ надобно будетъ отслужить молебенъ при собраніи всѣхъ войскъ, то находилъ приличнымъ поставить, по крайней мѣрѣ, необдѣланный камень на мѣстѣ служенія. Необдѣланный камень онъ позволилъ мнѣ поставить, и какъ размѣръ камня не былъ опредѣленъ, то во мнѣ возродилась мысль избрать его такой величины, какой только силы наши позволяли, имѣя въ виду если не искусствомъ, то хотя размѣрами памятника свидѣтельствовать потомству о намѣреніи поставившихъ его. Болѣе я не гово-

рилъ никому о томъ въ Беюгъ-дэре, и втайнѣ принялся за работу, не испрашивая на то никакого посторонняго пособія. Пущенною по лагерю подпискою собрано было болѣе 800 рублей, добровольно пожертвованныхъ на это сооруженіе. Сперва исполненіе дѣла было поручено инженеръ-подполковнику Бюрно; но онъ требовалъ много средствъ, всякаго рода мастеровыхъ, устроенія машинъ, а всего болѣе времени. Видя затрудненія эти, оберъ-квартирмейстеръ нашъ, подполковникъ Мендъ, вызвался на мѣсто Бюрно. Онъ объѣздилъ окрестности и, не найдя на нашемъ берегу камня твердаго свойства, отправился на европейскій, гдѣ отыскалъ около селенія Балта-Лиманъ, почти на половинѣ разстоянія между Беюгъ-дэре и Царемградомъ, скалу желаемыхъ свойствъ. Надобно было отдѣлить отъ нея камень. Отправили туда до 400 человѣкъ рабочихъ солдатъ, трудившихся безпрестанно нѣсколько сутокъ попеременно, кирками и желѣзными клиньями, съ помощію пороховыхъ взрывовъ. Люди эти тамъ и ночевали. Громада отвалилась. Ее протащили еще саженъ 70 до берега, но тутъ предстояли новыя затрудненія: какъ перевезти ее на нашъ берегъ? Просить баркасовъ у Лазарева было бы безуспѣшно, и этимъ можно было обнаружить производившіяся работы. Я обратился заблаговременно къ Капитанъ-пашѣ, отъ коего получилъ два большихъ гребныхъ судна; мы сплотили ихъ вмѣстѣ и настлали палубу. Камень взвалили на нихъ, и по долгомъ плаваніи, прибуксировали противъ теченія къ пристани, гдѣ я его засталъ.

На другой день работы продолжались. Пристань обвалилась подъ тяжестію, и мы, послѣ многихъ усилій, съ опасеніемъ затопить дорогое произведеніе трудовъ своихъ, вытащили наконецъ на берега Азіи отломокъ скалы, отсѣченной въ Европѣ. Сего не было еще достаточно,—надобно было встащить громаду на бугоръ Сельви-Бурну. Сдѣланъ вызовъ желающимъ участвовать въ предстоящемъ дѣлѣ. Я

самъ явился къ работѣ для примѣра; вскорѣ собралось болѣе 1,000 человѣкъ, и съ ними многіе изъ старшихъ и младшихъ начальниковъ войскъ. Между нижними чинами пришло много и турецкихъ солдатъ, коихъ офицеры также усердствовали къ исполненію моего желанія. Тутъ же явился и старый пріятель мой дервишъ, громкимъ голосомъ своимъ подвизая Мусульманъ къ работѣ. Всѣ машины наши состояли изъ канатовъ и большихъ блоковъ, которые привязывали къ деревьямъ. Разработали обводную дорогу на бугоръ, и камень двигался въ гору на небольшихъ каткахъ, вершка по два и по три въ каждый толчекъ, даваемый ему силою тысячи рукъ. Сперва былъ поставленъ на него барабанщикъ для поданія знака, когда надобно было всѣмъ разомъ тащить; рабочіе сначала забавлялись имъ, потому что онъ при толчкахъ не могъ держаться на ногахъ; по мѣрѣ же того, какъ камень приближался къ назначенному мѣсту, сила и охота у всѣхъ увеличилась.

Когда встащили громаду на гору, то выложили въ самомъ возвышенномъ мѣстѣ бугра, на фундаментѣ, чистую каменную площадку, на которую поставили памятникъ безъ всякой обработки, въ томъ видѣ, какъ онъ отдѣлился, направивъ его ребромъ и легкою наклонностію къ юго-западу. Одинъ только низъ камня былъ тщательно выровненъ, чтобы онъ могъ твердо стоять на основаніи. Этотъ отломокъ скалы имѣетъ почти видъ нѣсколько наклоненнаго параллелипипеда, вышиною въ 1½ сажени, шириною въ 2 аршина, а толщиною въ 1½ аршина. По сдѣланному исчисленію тяжести его, въ сравненіи съ вывѣшеннымъ отломкомъ скалы того же свойства, оказалось, что онъ долженъ имѣть 1,500 пудовъ вѣсу. У подножія камня поставили старинную мраморную капитель, которая лежала на улицѣ подлѣ квартиры моей, и до того служила вмѣсто колоды для поенія лошадей, въ углубленіи высѣченномъ съ одного

конца ея. Намъ же служила эта капитель сидѣніемъ, для отдыха подъ тѣнью памятника.

Я успокоился, когда все было кончено. Опасенія или недоброжелательства не могли простираться до такой степени, чтобы разрушили памятникъ, о появленіи коего узнали въ Европѣ уже по сооруженіи его. Оставалось легчайшее— украсить его надписью. Мысль моя была высѣчь на камнѣ: Въ память Олега, полки Николая. Я сообщилъ ее графу Орлову, когда онъ уже зналъ о поставленіи камня; онъ находилъ это неудобнымъ, говоря, что такая надпись можетъ возбудить недовѣріе къ намъ Турокъ; казалось однако же, что она не имѣла ничего оскорбительнаго для нихъ, ибо напоминала только объ историческомъ событіи, случившемся еще во времена греческихъ императоровъ. Обратились къ стихотворцамъ отряда: генеральнаго штаба капитану Вронченкѣ, недавно прибывшему отъ Киселева, и поручику Болдыреву, и мы получили слѣдующіе стихи:

«Гдѣ щитъ Олега пронесла
Славянъ дружина боевая,
Тамъ днесь десница Николая
Знамена дружбы развила».

И другіе:

«Залогомъ дружбы Николая,
На страхъ Махмудовымъ врагамъ,
Дружина Русскихъ боевая
Примкнула здѣсь къ его полкамъ».

Перваго четырехъ-стишія графъ Орловъ также не захотѣлъ, а второе не нравилось мнѣ отъ того, что при могущей случиться перемѣнѣ въ политическихъ обстоятельствахъ, надпись осталась бы неумѣстною; а потому рѣшился я сдѣлать простую въ прозѣ: Воздвигнутъ русскими полками іюня 25 дня 1833 года. Когда же стали разсчитывать время, нужное для чистой вырѣзки всѣхъ буквъ, то оказалось, что надпись не успѣли бы кончить до нашего отплытія, а потому, сокративъ ее, ограничились высѣчкою числа

рожденія Государя, около котораго времени камень былъ поставленъ: іюня 25 дня 1833 года. Надпись высѣчена выпуклыми буквами на небольшомъ четырехъ-угольномъ пространствѣ, ровно углубленномъ на одномъ изъ боковъ камня.

По возвращеніи нашемъ въ Петербургъ, полковникъ Мендъ хотѣлъ издать литографированную картину бугра Сельви-Бурну съ изображеніемъ памятника и присутствія главныхъ лицъ. Едва онъ успѣлъ оттиснуть нѣсколько экземпляровъ этой картины, какъ запретили изданіе ее подъ предлогомъ, что Французы и Англичане могли принять въ дурную сторону такое гласное обнаруженіе дѣйствій нашихъ въ Турціи,—какъ будто мы боялись сдѣланнаго нами, какъ будто иностранцы могли забыть одержанную надъ ними въ семъ случаѣ побѣду и какъ будто самъ памятникъ, стоящій передъ дворцами миссій ихъ на Босфорѣ, не напоминалъ имъ ежедневно объ участіи нашемъ въ дѣлахъ Турціи! Запрещеніе сіе можно отнести или къ ограниченнымъ видамъ столичныхъ властей, обращающихъ вниманіе только на происходящее подъ глазами ихъ, или къ зависти нѣкоторыхъ лицъ, опасавшихся этою картиной дать слишкомъ гласную извѣстность моимъ дѣйствіямъ. Запрещеніе печатать картину снято, года три только спустя послѣ того.

По отплытіи нашемъ изъ Босфора, Турки высѣкли на смежной съ нашею надписью сторонѣ камня свою надпись, коей и буквы позолотили. Вотъ она:

> «Сей отломокъ скалы воздвигнутъ въ память пребыванія русскихъ войскъ гостьми въ этой долинѣ. Да уподобится дружба между обѣими державами твердости и постоянности камня сего, и да будетъ она долго воспѣваема устами друзей».

Около того времени чума вновь показалась въ Царѣградѣ. Съ моей стороны были усилены мѣры осторожности. Въ приказаніяхъ поименованы лица, которыхъ нельзя было не

впускать въ лагерь. Простой народъ, обязанный работами, и торговцы, допущенные къ содержанію лавокъ, окуривались въ устроенныхъ для того будкахъ. Имъ пришивался къ платью жестяной значокъ, безъ котораго всякаго высылали за цѣпь, что̀ сначала показалось стѣснительнымъ для жителей, но впослѣдствіи они съ этимъ свыклись и сами просили о нашивкѣ жестяной бляшки, которую принимали какъ знакъ отличія. Съ турецкихъ военно-служащихъ строго взыскивалось за отлучку въ деревню; отлучка нашего офицера безъ позволенія въ Беюгъ-дэре наказывалась 14-ти дневнымъ выдерживаніемъ въ карантинѣ, т. е. въ маленькой обсерваціонной комнатѣ, что́ стоило болѣе строгаго ареста, такъ, что одинъ примѣръ подобнаго заточенія прекратилъ навсегда нарушеніе изданныхъ правилъ. Одинъ шкиперъ зафрахтованныхъ судовъ, Италіянецъ, житель Одессы или Перы, отлучившійся безъ позволенія въ Царьградъ, по возвращеніи своемъ, былъ насильно посаженъ въ будку, изъ которой онъ могъ высунуть только голову въ небольшое окно, чтобъ не задохнуться, и окуриваемъ хлориной безъ пощады, не взирая на его крики; мѣра эта остановила прочихъ. Французы и Италіянцы съ нахальствомъ приплывали къ пристанямъ и требовали впуска; но такъ какъ они не соглашались пройти чрезъ окуриваніе, то не пускались на берегъ турецкими и нашими часовыми, и возвращались. Англичане, строгіе блюстители закона и порядка, вели себя лучше другихъ. Гардемарины и мичманы корвета Актеона, на коемъ пріѣхалъ лордъ Понсонби, ежедневно съѣзжали на берегъ въ султанскую долину за нашу цѣпь, гдѣ безвозбранно занимались разными играми, какъ-то: въ мячь и проч. Мы собирались иногда смотрѣть на нихъ, и они продолжали игры свои, не обращая на насъ никакого вниманія. Англійскіе офицеры просили у меня позволенія побывать въ лагерѣ; видя скромное поведеніе ихъ, я имъ выдалъ пропускной билетъ съ позволеніемъ пріѣзжать, когда они хотѣли, минуя куритель-

ную будку. Командиромъ Актеона былъ молодой лордъ Грей, сынъ министра. Всѣ они пріѣзжали въ лагерь, иногда въ сопровожденіи другихъ соотечественниковъ своихъ, путешественниковъ, въ числѣ коихъ бывали и военные. Дамамъ также позволено было пріѣзжать на наше вечернее сходбище при Сельви-Бурну, безъ окурки.

Изъ числа посѣтителей потерпѣлъ отъ сихъ строгихъ мѣръ голландскій повѣренный въ дѣлахъ, кавалеръ Теста, человѣкъ немолодой, хорошій и намъ преданный. Сидя однажды за обѣдомъ, я вдругъ услышалъ крики отчаянія. Подбѣжавъ къ окну, я увидѣлъ Тесту, плывущаго въ лодкѣ около берега. Онъ махалъ шляпою и силился голосомъ и движеніями своими обратить чье-либо вниманіе на себя, какъ утопающій, ищущій спасенія. Въ самомъ дѣлѣ, турецкіе часовые, не понявшіе хорошо отданнаго приказанія—направлять пристающихъ къ Комендантской пристани, оттолкнули лодку его, и по мѣрѣ того какъ Теста хотѣлъ приставать, они равнялись съ лодкою вдоль берега, и кидали въ воду камнями, чтобы забрызгать несчастнаго гостя. Я выслалъ къ нему коменданта; какъ Теста былъ человѣкъ сговорчивый, то онъ и не сердился за незнаніе часовыхъ, а только совѣтовалъ мнѣ имѣть на пристаняхъ переводчиковъ; я же совѣтовалъ ему привозить ихъ съ собою, и мы съ нимъ разстались дружески.

Строгое соблюденіе осторожностей было необходимо въ тогдашнее время; хотя я былъ первый блюститель ихъ, но не избѣжалъ непріятнаго запрещенія продолжать поѣздки свои по Царюграду. Поводомъ къ тому служилъ слѣдующій случай: однажды дивизіонный генералъ ѣздилъ въ Перу съ моего позволенія и остался тамъ ночевать въ трактирѣ со своимъ адъютантомъ. Трактиръ былъ полонъ морскихъ офицеровъ, которые шумѣли; это было передано графу Орлову и отнесено на счетъ сухопутныхъ, чтò онъ мнѣ и замѣтилъ. Я ему объяснилъ обстоятельство; но тщетно. Онъ за-

претилъ ѣздить въ Перу и Царьградъ, иначе какъ въ случаѣ самыхъ необходимыхъ надобностей.

Моряки при глазахъ графа Орлова не оставляли прежнихъ безпорядковъ своихъ, отъ чего они легко могли зачумиться и принести къ намъ язву. Въ дни смотровъ и общихъ сборовъ въ лагерѣ, всякая предосторожность также прекращалась, и всѣ свободно сообщались; я долженъ даже былъ, однажды, по настоянію нашей миссіи, допустить въ лагерь прусскихъ подданныхъ комедіянтовъ, выпросившихъ себѣ черезъ барона Мертенса позволеніе показывать искусство свое на лошадяхъ, между войсками.

Сличеніе сихъ обстоятельствъ съ запрещеніемъ, даннымъ мнѣ самому, ѣздить въ Царьградъ, неудовольствіе графа Орлова за мои поѣздки, упорство, съ которымъ онъ твердилъ, что онѣ сопряжены съ опасностями—невольно давали поводъ къ заключенію, что онъ былъ руководимъ не столько общими мѣрами предосторожности противъ чумы, какъ личностію ко мнѣ. Турки охотнѣе ѣздили въ лагерь, чѣмъ въ Беюгъ-дэре, потому что онъ гнушался ихъ, находилъ докучливыми, отталкивалъ отъ себя и не выслушивалъ, когда не могъ избѣжать свиданія съ ними. Ему не нравилось, можетъ быть, сближеніе ихъ со мною, непріятны были почести, которыя мнѣ отдавали, и вліяніе, которымъ я пользовался въ турецкихъ войскахъ, тогда какъ онъ могъ, еслибъ хотѣлъ, обратить къ лицу своему всеобщее вниманіе и доброжелательство Турокъ. Но я остановлюсь и не буду положительно обвинять человѣка, показавшагося въ другихъ случаяхъ съ наилучшей стороны.

Такъ прекратились поѣздки мои по Царюграду, и не довершились всѣ предположенія мои. Я надѣялся побывать въ Семибашенномъ замкѣ, что на юго-востокъ отъ Царяграда близъ берега Мраморнаго моря, оттуда объѣхать старинныя городскія стѣны до вершины пристани, посмотрѣть остатки дворца Велисарія, военное училище, отыскать хранящуюся,

какъ говорятъ, у Турокъ древнюю греческую библіотеку, проникнуть въ подземельный ходъ подъ старымъ дворцемъ, въ которомъ находится, по словамъ нѣкоторыхъ, султанская казна, мечъ Магомета, тронъ императоровъ и цѣлый складъ царскихъ доспѣховъ. Въ справедливости послѣдняго сказанія можно было удостовѣриться только изслѣдованіемъ на мѣстѣ. Я не видалъ еще Бѣлграда, откуда истекаютъ воды, напояющія Царьградъ, и вообще былъ мало знакомъ съ европейскимъ берегомъ Босфора; мнѣ предстояло сдѣлать еще смотръ турецкимъ армейскимъ войскамъ, для сего приготовленнымъ въ Европѣ;—но все сіе осталось безъ исполненія, и едва ли достанется когда опять дослѣдовать.

Графъ Орловъ еще ни разу не принималъ Султана въ лагерѣ. Ему этого хотѣлось, тѣмъ болѣе, что смотръ, сдѣланный Султаномъ сухопутнымъ войскамъ, случился еще до его пріѣзда. Предложить вторичный смотръ войску было бы неумѣстно, а потому Орловъ пригласилъ Султана присутствовать на ученьи двухъ баталіоновъ съ двумя орудіями. Мнѣ поручено было приготовить ученье и выбрать для того лучшую часть войскъ. По сему выведено было въ строй восемь гренадерскихъ ротъ, коихъ первые взводы, соединенные вмѣстѣ, составляли первые полубаталіоны, а стрѣлковые взводы, такимъ же образомъ, вторые полубаталіоны. Султанъ прибылъ въ условленный день 17-го числа, съ большою свитою. Графъ Орловъ съ дипломатическимъ корпусомъ, адмиралами и иностранными послами, принялъ его на пристани Хункяръ-Скелеси. Султанъ проѣхалъ по войскамъ, поставленнымъ на той же долинѣ, гдѣ былъ первый смотръ; линія обращена была въ противную сторону, чтобъ онъ удобнѣе могъ видѣть движенія изъ палатки, разбитой для него на мѣстѣ, избранномъ въ первый смотръ его Сераскиромъ. Всего болѣе понравилось Туркамъ изобрѣтенное Отрощенкомъ отступленіе застрѣльщиковъ не за фланги баталіоновъ, а на самый фронтъ, нагибаясь и про-

ползывая между ногами людей, когда открывалась пальба рядами. Впрочемъ Султанъ обращалъ мало вниманія на построенія, и какъ бы скучалъ. Смотръ этотъ далеко не имѣлъ того вида торжественности, какъ первый, и стеченіе народа было несравненно менѣе.

По окончаніи ученья, Султанъ зашелъ для отдыха въ свой кіоскъ, что при бумажной фабрикѣ; графъ Орловъ провелъ у него нѣсколько времени съ Бутеневымъ, но меня не пригласилъ. По выходѣ Султана, онъ представлялъ ему ординарцевъ отъ всѣхъ полковъ, громко наименовывая названія и нумера полковъ, которыя я ему подсказывалъ. Я держался въ сторонѣ и былъ въ числѣ послѣднихъ, когда проводили Султана до лодки, гдѣ графъ Орловъ съ нимъ прощался. Султанъ однакожъ не забылъ меня, и не видя среди толпы, сталъ громко кликать: «Дженералъ Муравьевъ, дженералъ Муравьевъ!» Я подошелъ къ самой лодкѣ, въ коей онъ уже сидѣлъ, дожидаясь меня. Онъ замѣтилъ, что во время ученья у одного орудія трубка давала вспышку; но при томъ много благодарилъ меня за устройство войскъ; я также благодарилъ его за снисхожденіе и отвѣчалъ Персидскимъ стихомъ изъ Гюлистана, Шеиха Саади:

هرعیب که سلطان بپسندد هنرست

«И грѣхъ, угодливый Султану, становится доблестью.»

Ему такъ понравился этотъ стихъ, что онъ заставилъ меня три раза пересказать его и, отваливъ отъ берега, повторялъ его нѣсколько разъ въ полголоса, какъ бы затверживая льстивое кажденіе знаменитаго стихотворца.

20-го, графъ Орловъ былъ у меня на разводѣ.

ГЛАВА X.

Возвращеніе.

Египтяне отступали за Тавръ. Французы и Англичане пребывали покойными. Оставалось намъ, послѣ достигнутаго успѣха, возвратиться въ отечество, для совершеннаго успокоенія тревоги, которая возмутила Востокъ и распространилась было до Сѣвера и Запада Европы.

Главнѣйшія приготовленія къ нагрузкѣ войскъ уже были кончены; намъ надобно было отпраздновать въ обѣихъ частяхъ свѣта память пребыванія нашего на Босфорѣ. Мой праздникъ въ Азіи долженъ былъ уступить тому, который готовился графомъ Орловымъ въ Европѣ, потому что у меня не было другихъ средствъ, кромѣ собственныхъ. Въ лагерѣ не могло быть пышности; но было болѣе жизни и радушія. Все должно было происходить около камня, величаво ставшаго на высотѣ Сельви-Бурну, въ виду всѣхъ плавающихъ по Босфору.

23-го числа я созвалъ къ вечеру гостей: графа Орлова, адмираловъ, всѣхъ капитановъ судовъ, многихъ другихъ морскихъ офицеровъ и посланника Бутенева съ чиновниками миссіи. Съ нашей стороны всѣ генералы, штабъ и оберъ-офицеры сухопутнаго отряда, присутствовали въ видѣ хозяевъ, и къ каждому превосходительному посѣтителю былъ особенно приставленъ штабъ-офицеръ, въ званіи угостителя.

Вечеръ начался, какъ обыкновенно, съ зари, игранной въ сей день 400 музыкантами. Когда совершенно смерклось, бугоръ былъ внезапно освѣщенъ сіяніемъ канфарнаго состава, который былъ зажженъ въ котлѣ, поставленномъ на верху камня. Разлившійся по всѣмъ окрестностямъ, на большое разстояніе, свѣтъ былъ необыкновенной яркости и, безъ сомнѣнія, не уступалъ свѣту дня. Неожиданное преобразованіе ночи въ день продолжалось, посредствомъ часто перемѣняющихся изъ-за камня котловъ, до восхожденія луны, тихо озарившей тогда наше собраніе, въ коемъ было до двухъ сотъ гостей, кромѣ своихъ. Въ 10-ть часовъ былъ сожженъ фейерверкъ. Ужинъ былъ накрытъ въ большихъ наметахъ, соединенныхъ вмѣстѣ и поставленныхъ подлѣ бугра на лугу, къ коему спускались по сдѣланнымъ въ землѣ ступенямъ, чтобы избѣжать крутаго схода. Графъ Орловъ уѣхалъ, коль скоро сѣли за столъ; прочіе же всѣ остались. Во время ужина пили за здоровье присутствующихъ, отсутствующихъ, всѣхъ и каждаго, и когда пиръ кончился, то старшіе гости были отнесены на рукахъ угостителей и офицеровъ, съ качаніемъ, обратно къ камню, какъ жертва на закланіе, передъ воздвигнутый памятникъ. Веселились еще долго; все было дружественно, и гости сѣли въ лодки свои во 2-мъ часу ночи; ихъ провожали съ музыкою, не только до берега, но и во все время плаванія по Босфору, гдѣ поперекъ всего пролива были разставлены баркасы съ музыкантами. Стройные звуки, какъ бы очарованіемъ изъ глубины моря рождавшіеся, раздавались по водѣ, въ тихую лунную ночь; одни возобновлялись по мѣрѣ того, какъ другіе погасали—и за симъ всѣ успокоились.

25-го іюня, въ день рожденія Государя, графъ Орловъ приказалъ роздать, на счетъ суммъ миссіи, нижнимъ чинамъ по рублю и по фунту говядины на человѣка. Поутру всѣ генералы и многіе штабъ и оберъ-офицеры отряда собрались къ обѣдни въ домъ посольства; послѣ чего былъ завтракъ

у графа Орлова, а ввечеру балъ. Собраніе было необыкновенно многолюдное: кромѣ всѣхъ иностранныхъ посланниковъ и чиновниковъ ихъ, были также и турецкіе чиновники, а на улицѣ по берегу кипѣло народомъ; несмѣтное множество лодокъ со зрителями приплыло къ тому времени изъ Царяграда; весь правый берегъ противъ Беюгъ-дэре былъ покрытъ ими, и среди ихъ явился пароходъ, на коемъ пріѣхалъ самъ Султанъ смотрѣть на фейерверкъ, пущенный съ моря и сопровождаемый пальбою со всѣхъ судовъ. Султанъ не сходилъ на берегъ, и графъ Орловъ навѣстилъ его на пароходѣ. Фейерверкъ былъ отличный, какъ по разнообразности штукъ, такъ и по множеству ихъ; онъ давно приготовлялся въ саду миссіи полковникомъ морской артиллеріи, съ помощію многихъ мастеровъ и рабочихъ. Щитъ, поставленный на водѣ, несоразмѣрно съ разстояніемъ отъ зрителей, представился въ маломъ и неявственномъ видѣ; вензеля Государя и Султана, которые должны были подняться во время пальбы, также не удались; едва они показались, какъ покосились на бокъ, и нельзя было ихъ болѣе поставить.

Желая также участвовать въ семъ торжествѣ, я заблаговременно взялъ у Сераскира запасы, нужные для сдѣланія пяти тысячь ракетъ и, поставивъ ихъ на гору Великановъ, велѣлъ, съ согласія графа Орлова, зажечь въ самое время пальбы. Неожиданный видъ огнедышущей горы за проливомъ, отвлекъ на нѣкоторое время вниманіе всѣхъ отъ фейерверка, коего изящность уступила величественной картинѣ, вдругъ явившейся.

Ужинъ былъ накрытъ въ комнатахъ и въ аллеяхъ сада; подъ конецъ приличіе было нарушено на отдаленныхъ столахъ морскими офицерами, которые пресытились въ товариществѣ съ Англичанами и подняли неумѣстные крики съ заздравными восклицаніями, такъ что посылали нѣсколько разъ унимать ихъ.

По моему мнѣнію, торжества въ такихъ случаяхъ не должны ограничиваться обыкновеннымъ—баломъ, ужиномъ, фейерверкомъ; а должно изобрѣсти что-нибудь новое, разительное, соотвѣтственное случаю, и которое осталось бы на долго въ памяти присутствующихъ. Такъ напримѣръ, въ этотъ разъ, можно бы разставить всѣ суда поперекъ Босфора и, устроивъ по нимъ веревочный мостъ изъ Азіи въ Европу, перевесть чрезъ него сухопутныя войска на противолежащій берегъ. Было бы передано позднимъ потомкамъ, что Русскіе переходили черезъ Босфоръ по морю, аки по суху.

Мы возвратились въ лагерь 26-го числа въ 4 часа утра.

Какъ одинъ изъ самыхъ трудныхъ предметовъ къ отправленію былъ госпиталь, то въ этотъ день переведены съ турецкаго корабля и изъ лагеря всѣ больные на зафрахтованныя купеческія суда, устроенныя по возможности въ видѣ небольшихъ отдѣленій. На каждомъ находилось по лѣкарю, запасы, часть аптеки и чиновникъ или писарь для веденія отчетности. Главное управленіе сей флотиліи поручено было, по части надзора за отправленіемъ службы при больныхъ, маіору Мордвинову, который помѣщался съ конторою, главнымъ докторомъ и священникомъ на военномъ пароходѣ Нева; съ того дня, вновь заболѣвающіе люди поступали уже на суда, въ коихъ оставлено было нѣсколько порожнихъ мѣстъ. Капитанъ-лейтенанту Петрову поручено было управлять плаваніемъ всей флотиліи до Одессы, гдѣ должно было сдать больныхъ *). На каждомъ изъ этихъ судовъ везлись еще обратно доставленные изъ Россіи значительные запасы продовольствія, коихъ мы не расходовали.

---

*) Для памяти прилагаю здѣсь названія зафрахтованныхъ судовъ:

№ 1-й Паскевичь-Эриванскій.	№ 5-й Стефанъ.
№ 2-й Антеноръ.	№ 6-й Добрый Гражданинъ.
№ 3-й Аристодемъ.	№ 7-й Александръ.
№ 4-й Демосѳенъ.	№ 8-й Панагія.

Графъ Воронцовъ имѣлъ ихъ въ виду и писалъ мнѣ о томъ. Они не оказались излишними, ибо въ 1833-мъ году былъ сильный голодъ во всемъ южномъ краю Россіи; кромѣ того на четырехъ купеческихъ судахъ везлось продовольствіе для расходованія войскамъ во время карантинной обсерваціи. Особая флотилія сія была также поручена морскому офицеру ластовыхъ экипажей, и по изготовленіи сдана для слѣдованія съ флотомъ вице-адмиралу Лазареву *).

20-го числа, графъ Орловъ ѣздилъ съ Бутеневымъ, всѣми генералами и адмиралами на прощальную аудіенцію къ Султану, который былъ ко всѣмъ очень привѣтливъ. Онъ не долго задержалъ насъ, и приказавъ, въ присутствіи своемъ, Ахмедъ-пашѣ-муширу возложить на всѣхъ жалованныя имъ, въ память пребыванія войскъ и флота на Босфорѣ, золотыя медали, богато украшенныя брилліантами, отпустилъ насъ. На другой день присланы были ко мнѣ ящики съ золотыми медалями для всѣхъ офицеровъ и серебряными для всѣхъ нижнихъ чиновъ. Объ этихъ медаляхъ давно уже сдѣланы были предположенія, и мысль о нихъ дана была Туркамъ нами. Онѣ были на красныхъ лентахъ; на одной сторонѣ изображался вензель Султана съ мусульманскимъ лѣтосчисленіемъ, а на другой полумѣсяцъ со звѣздою и съ христіанскою эрою, чего еще никогда не бывало у Турокъ. Разрѣшеніе роздать и носить медали было получено уже въ Россіи. Въ то же самое время какъ для насъ чеканились эти знаки, изготовлялись въ Петербургѣ также брилліантовыя, золотыя и серебряныя медали съ изображеніемъ вензеля Государя для турецкихъ войскъ, состоявшихъ подъ моимъ начальствомъ. Онѣ были получены и розданы въ Царѣградѣ по представленнымъ мною спискамъ, уже по отплытіи нашемъ.

---

*) Въ ней были суда:

1-й Посидоній 1-й.
2-й Св. Николай.
3-й Четыре Сестры.
4-й Посидоній 2-й.

26-го же числа въ вечеру были сдѣланы мною послѣднія распоряженія для посаженія войскъ на суда, а 27-го въ 4 часа утра началась нагрузка. Кромѣ росписанія по судамъ, войска были также росписаны по пристанямъ, куда онѣ должны были приходить по двѣ роты въ одинъ разъ, и гдѣ, для соблюденія порядка, назначены на каждую пристань съ сухопутной стороны по одному штабъ-офицеру и по одному отъ флота для присмотра за гребными судами. По нагруженіи мелкихъ судовъ войскомъ, ихъ буксировали пароходами на корабли. Вездѣ царствовала совершенная тишина. Въ этотъ день не было отдаваемо почти никакихъ новыхъ приказаній, и главные начальники наблюдали только за точнымъ исполненіемъ прежде сдѣланныхъ распоряженій. Я большую часть дня провелъ въ комнатѣ, занимаясь послѣдними бумагами и наблюдая изъ окошка за пристанями, на которыя я приходилъ только въ видѣ прогулки. Казачья цѣпь, заблаговременно обставленная кругомъ всего лагеря, съ приказаніемъ наблюдать, чтобы ни одинъ человѣкъ не остался, по мѣрѣ того, какъ войска стягивались къ берегу, сближалась также къ пристанямъ, гдѣ казаки, сдавъ лошадей своихъ Туркамъ, также сѣли на суда.

Величественно было зрѣлище войскъ, съ барабаннымъ боемъ, спускающихся съ горъ по разнымъ направленіямъ. Въ тотъ же день отпущенъ былъ и турецкій отрядъ; ему приказано было собраться на разводной площади, гдѣ черезъ переводчика громко прочитанъ на турецкомъ языкѣ приказъ мой, приложенный въ концѣ книги подъ буквами F.F. Я послѣ узналъ, что Турки, увидѣвши движеніе во всемъ лагерѣ и услышавъ, что ихъ требуютъ къ квартирѣ моей, подозрѣвали въ насъ намѣреніе посадить ихъ на суда и увезти съ собою въ Россію, въ чемъ они скоро разувѣрились.

Къ частностямъ этого дня принадлежатъ еще два случая, о коихъ не хочу умолчать, для довершенія подробнаго описанія всего встрѣтившагося въ то время. Никто не замѣ-

чалъ приготовительныхъ мѣръ нашихъ. Старый дервишъ мой, свыкшійся съ нами, какъ будто намъ вѣкъ вѣковать вмѣстѣ, увидя, что войска начинаютъ грузиться, прибѣжалъ ко мнѣ, много сожалѣлъ объ отплытіи нашемъ, и, замѣтивъ, что въ квартирѣ моей оставалось нѣсколько ненужныхъ вещей, съ позволенія моего сталъ собирать ихъ,— и откуда явилась вдругъ въ старикѣ семъ быстрота: онъ побѣжалъ по всѣмъ квартирамъ и собиралъ ящички, порожнія бутылки и все, что попадало въ руки, потомъ бросился къ нашей купальнѣ, гдѣ разогналъ турецкихъ армейскихъ солдатъ стоявшаго у пристани караула, разобравшихъ уже доски ея, сталъ самъ работать по уши въ водѣ, и, вытащивъ ихъ на берегъ, прибралъ къ себѣ. Старикъ отправлялъ меня въ путь съ предсказаніемъ мнѣ визирства и великихъ почестей, просилъ не забывать его и прислать ему изъ Россіи чухонскаго масла, которое, какъ онъ слышалъ, было у насъ дешево. Зная, что у меня была дочь, онъ принесъ мнѣ въ даръ для нея небольшой розанчикъ, сдѣланный изъ мишуры, для головнаго убора. Дервишъ былъ порученъ при отъѣздѣ попеченію Бутенева, который не забылъ его и надѣлялъ иногда чаемъ и маленькими подарками. Старикъ какъ бы сочетался съ нашимъ камнемъ, близь коего было его жилище, являлся къ путешественникамъ, любопытствовавшимъ видѣть нашъ памятникъ и мѣсто лагеря, и разсказывалъ имъ подробности нашего пребыванія. Онъ умеръ въ недавнемъ только времени — въ 1837-мъ году.

Другой случай свидѣтельствуетъ о равнодушіи Турокъ ко всему окружающему ихъ. День былъ очень жаркій. Я пошелъ купаться одинъ, и раздѣвшись въ балаганѣ, построенномъ на берегу, вошелъ въ море такъ, что не былъ замѣченъ нѣсколькими турецкими солдатами прибрежнаго караула, тутъ же купавшимися. Подошедъ въ водѣ къ одному изъ нихъ, я спросилъ: сожалѣетъ ли онъ объ отплытіи Рус-

скихъ? «Что тутъ есть такого, о чемъ бы сожалѣть?» отвѣчалъ онъ съ небрежностію. Одинъ изъ товарищей его, замѣтивъ, что я долженъ быть изъ русскихъ офицеровъ, шепнулъ ему о томъ; отвѣтившій подошелъ ко мнѣ и сказалъ съ притворною улыбкою: «какъ не сожалѣть, вы друзья наши». Тогда третій, узнавъ меня въ лице, опять шепнулъ ему на ухо, и солдатъ, котораго я спрашивалъ, повернувшись ко мнѣ, сказалъ съ умильнымъ, но притворнымъ взглядомъ и вздохомъ: «душа наша стѣснилась, когда мы узнали, что вы отъѣзжаете», и всѣ отошли. Вотъ степень расположенія къ намъ простыхъ служивыхъ! Лучшей повѣрки не могло быть. Вотъ и равнодушіе, въ которое вовержены они отъ введенія регулярной службы.

Въ самый день нагрузки доставлены отъ военнаго министра уставы разныхъ родовъ службы, о коихъ Сераскиръ давно и нѣсколько разъ просилъ меня. По изъявленному имъ также желанію имѣть при себѣ одного русскаго офицера, горниста и двухъ рядовыхъ, для обученія войскъ послѣ нашего отбытія, препровождены къ нему, съ разрѣшенія графа Орлова, прапорщикъ Ковалевъ съ требованными нижними чинами. Офицеръ этотъ и люди оставались около года въ Царѣградѣ и отпущены съ честію. Ковалевъ получилъ за то турецкій знакъ отличія съ бриллiантами; онъ имѣлъ хорошее содержаніе и былъ уважаемъ, не взирая на молодость свою. Присутствіе его не принесло турецкимъ войскамъ существенной пользы, ибо онъ могъ только заниматься введеніемъ бездѣлицъ, не имѣющихъ вліянія на главное устройство. Я слышалъ однако же, что нашъ уставъ разсыпнаго строя былъ переведенъ, по приказанію Сераскира, на французскій языкъ, и что Турки старались ввести его у себя.

27-го же числа, графъ Орловъ отдалъ по войскамъ приказъ, съ коего копію прилагаю въ концѣ этой части подъ

буквами G. G. Приказомъ симъ благодарилъ онъ войска за усердіе и доброе ихъ обхожденіе.

Нагрузка, начавшаяся 27-го іюня въ 4 часа утра, совершенно окончилась въ 10 часовъ вечера. Она продолжалась 18-ть часовъ. Я послѣ всѣхъ переѣхалъ на фрегатъ Штандартъ, и за тѣмъ болѣе ни одного Русскаго не осталось на азійскомъ берегу. Мы въ тотъ вечеръ въ послѣдній разъ услышали, съ моего фрегата, раздающуюся въ Сельви-Бурну русскую зорю, которая для насъ неожиданно пробита береговымъ турецкимъ карауломъ, какъ послѣднее привѣтствіе и почесть, отдаваемыя отъѣзжающимъ гостямъ. Внезапный отъѣздъ нашъ былъ причиною, что знакомые мои не успѣли пріѣхать изъ Царяграда проститься съ нами; меня проводили на фрегатъ только тѣ изъ старшихъ турецкихъ чиновниковъ, которые находились у меня въ командѣ. Вытребовавъ отъ миссіи нѣсколько подарковъ изъ присылаемыхъ отъ императорскаго двора на такіе случаи, я роздалъ часть изъ нихъ присутствующимъ, а другую поручилъ доставить тѣмъ изъ отсутствующихъ чиновниковъ, которые намъ болѣе оказали услугъ. Главнѣйшіе изъ нихъ были въ послѣдствіи времени награждены богатыми подарками изъ Петербурга, по сдѣланному мною представленію, чрезъ графа Орлова. Всѣ проводившіе меня на фрегатъ, были въ уныніи; у иныхъ навернулись слезы на прощаньи. Начальникъ турецкаго отряда, полковникъ Авни-Бей былъ неутѣшенъ; онъ бросился на орудіе и горько залился слезами *).

Здѣсь упомяну о постороннемъ обстоятельствѣ, случившемся въ тотъ же день. Когда я вошелъ въ каюту, то засталъ на столѣ подброшенное распечатанное письмо, писанное на польскомъ языкѣ какимъ-то Полякомъ, занимающимся въ Царѣградѣ портняженьемъ, къ одному изъ офицеровъ

*) Авни-Бей вскорѣ по отъѣздѣ нашемъ былъ выключенъ изъ службы за какую-то шалость.

отряда, штабсъ-капитану Липинскому, родомъ изъ западныхъ губерній. Онъ увѣдомлялъ, въ началѣ письма, о скоромъ пріѣздѣ въ лагерь Сераскира для смотра войскъ, и предупреждалъ, что въ свитѣ его будетъ находиться нѣсколько, изгнанныхъ изъ отечества послѣ мятежа, Поляковъ, которые желаютъ принять участіе въ положеніи своихъ соотечественниковъ, служившихъ въ нашемъ войскѣ и готовы содѣйствовать имъ для сверженія русскаго ига. Въ концѣ же письма упоминалось о какой-то платѣ за сшитый сюртукъ. По возвращеніи въ Россію, дѣло было изслѣдовано, и оказалось, что Липинскій, одинъ изъ лучшихъ офицеровъ полка своего, заказывалъ въ Царѣградѣ портному, Поляку, сюртукъ, который ему испортили, почему онъ задержалъ уплату денегъ за работу, а соотечественникъ его написалъ письмо это изъ мести, чтобы навлечь на него подозрѣніе— одинъ изъ многихъ примѣровъ коварства и низости народа, тщетно выхваляющаго любовь свою къ отечеству, коего настоящее значеніе далеко отъ его понятій. Подбросившаго письмо не могли открыть.

Къ необыкновенному счастію нашему, съ самаго утра 27-го числа подулъ свѣжій вѣтеръ съ юга, очень рѣдко случающійся на Босфорѣ. Такъ какъ около полуночи на 28-е число все совершенно было кончено, то, одѣвшись, я поѣхалъ ночью же къ графу Орлову и доложилъ ему о готовности нашей къ отплытію. Не зная сдѣланныхъ мною распоряженій къ нагрузкѣ, онъ все опасался замедленія и чрезвычайно удивился, когда получилъ эту пріятную вѣсть.

28-го числа поутру, нагруженный войсками флотъ, снялся съ якоря и при благопріятномъ вѣтрѣ вышелъ изъ Босфора съ салютаціонною пальбою. По неосторожности капитановъ, противъ самаго Беюгъ-дэре, пароходъ Нева столкнулся съ фрегатомъ Архипелагъ и лишился бугшприта. Всѣ больные могли отъ того потерпѣть, ибо на пароходѣ помѣщалось, какъ выше сказано, госпитальное управленіе, обя-

занное сдать ихъ въ Одессѣ. Мордвиновъ дождался фрегата моего и, стоя на палубѣ, въ отчаяніи вопилъ о приказаніяхъ. Обломанный носъ парохода свидѣтельствовалъ о затрудненіи, въ коемъ онъ находился. Помочь я былъ не въ силахъ, и потому велѣлъ прокричать ему въ рупоръ, чтобы онъ самъ нашелъ средство исправиться и поспѣть вовремя. Онъ повернулъ къ миссіи и явился къ графу Орлову, угрозами коего капитанъ парохода нобужденъ былъ къ починкѣ судна, и на другой день Нева вышла въ море.

Вскорѣ по отплытіи пріѣхали къ мѣсту нашего лагеря прощаться со мною: Сераскиръ, Ахмедъ-паша и прочіе; но какъ они удивились, когда не застали уже ни флота, ни лагеря! Все изчезло, какъ волшебствомъ. Иностранцы не менѣе ихъ удивлялись, и меня увѣряли, что французскій посолъ посылалъ даже офицера на азійскій берегъ лично убѣдиться, что мы точно оставили Босфоръ и не скрывались въ смежныхъ долинахъ. Оставались однѣ выбитыя мѣста лагерныхъ линій, которыя еще на другой годъ свидѣтельствовали о нашемъ пребываніи.

Графъ Орловъ оставался еще въ Беюгъ-дэре два дня и былъ на частной аудіенціи у Султана, отъ коего получилъ письмо къ Государю, и послѣ того отправился въ Одессу на отдѣленномъ отъ флота нарочно кораблѣ. Онъ избралъ для себя корабль Чесму, названный симъ именемъ въ воспоминаніе побѣды, одержанной дядей его надъ Турками.

Такъ кончилась памятная экспедиція наша на Босфоръ. Послѣдствіемъ ея былъ оборонительный союзъ между Россіею и Турціею, заключенный графомъ Орловымъ съ Сераскиромъ. Онъ состоялъ въ шести статьяхъ, изъ коихъ: въ первой заключились взаимныя обѣщанія Государя и Султана согласоваться во всѣхъ предметахъ, касающихся спокойствія обѣихъ имперій, и въ случаѣ нужды взаимно помогать другъ другу; во второй утверждались вполнѣ Адріанопольскій миръ и договоръ, заключенный въ Константинополѣ

относительно Греціи; третьемъ. Государь обязывался, въ случаѣ надобности, снабдить Султана сухопутными и морскими силами; четвертою возлагалось только одно продовольствіе вспомогательнаго войска на отвѣтственность державы, которая бы призвала его; пятою статьею, договоръ сей утверждался на восемь лѣтъ со дня подписанія; шестою назначали размѣнъ ратификацій не позже, а если можно, то и прежде двухъ мѣсяцевъ.

Къ сему прибавлена была еще отдѣльная секретная статья, заключающая, что Государь, желая избавить Порту отъ затрудненій, которыя бы произошли черезъ поданіе существеннаго пособія, не станетъ просить сей помощи въ случаѣ надобности; но вмѣсто того Порта, по взаимности утвержденнаго трактата, обязывалась воспретить входъ въ Дарданеллы всякому иностранному военному судну, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ.

Списокъ съ сего условія приложенъ въ концѣ этой книги подъ буквами Н.Н. Иностранцы называютъ договоръ этотъ по названію Султанской долины, близъ коей стоялъ лагерь: Traité d'Unkiar-Scelessi, какъ бы въ упрекъ того, что договоръ написанъ подъ вліяніемъ нашего оружія, и до сихъ поръ не могутъ забыть его. Главною причиною безпокойствія ихъ, конечно, не первыя шесть статей, ибо по нимъ ни которая изъ договаривающихся державъ не обязывалась испрашивать условленнаго пособія. Изъ опыта же было извѣстно уже, сколько Порта старалась отклонить появленіе войскъ нашихъ, почему мы болѣе и не угрожали Турціи вооруженнымъ союзомъ; но иностранцевъ всего болѣе оскорбляла секретная дополнительная статья, по коей воспрещалось военнымъ судамъ ихъ входить въ Дарданеллы. Англичанамъ, въ особенности, статья сія была такъ непріятна, что они вскорѣ послѣ заключенія договора требовали отъ насъ къ запретительному условію дополненія, по коему бы равно и нашимъ военнымъ судамъ былъ воспрещенъ выходъ

черезъ Геллеспонтъ въ Средиземное море, на что̀, какъ далѣе будетъ видно, мы и согласились.

По возвращеніи въ Россію, мнѣ нѣсколько разъ случалось говорить о семъ трактатѣ съ графомъ Орловымъ, который старался увѣрить меня, что имъ упроченъ оборонительный союзъ нашъ съ Турціею и обезпечено Черное море отъ вторженія иностранцевъ. Мысль сія, повидимому, внушена была и Государю; но она ошибочна, ибо:

1. Турецкое правительство никогда не будетъ въ состояніи знать заблаговременно объ угрожающей ему опасности, и потому нельзя даже будетъ обвинять Порту въ лживости расположенія ея къ намъ, если она не позоветъ насъ во-время на помощь.

2. Турецкій флотъ, по бездѣятельности и слабости своей, не только не будетъ въ состояніи противиться вторженію въ Дарданеллы; но даже будетъ взятъ и присоединенъ къ непріятельскимъ силамъ для дѣйствія противъ насъ.

3. Когда непріятельскія эскадры, стоящія обыкновенно близъ Смирны, захотятъ вторгнуться въ Черное море, то онѣ будутъ бомбардировать Одессу прежде, чѣмъ узнаютъ въ Петербургѣ о вторженіи ихъ, и войска наши не только не поспѣютъ въ Дарданеллы для обороны входа, но и не увидятъ Босфора прежде изгнанія непріятеля изъ Чернаго моря.

Мысль сію излагалъ я въ Петербургѣ, и что мнѣ отвѣчали столичные архистратиги? Они соглашались съ возможностію вторгнуться непріятелю въ Черное море, «но тутъ-то», говорили они, «и ожидаемъ мы ихъ; тогда двѣ пятидесятитысячныя арміи отправятся къ берегамъ Босфора черезъ Грузію и Молдавію, и занявъ береговыя баттареи, воспретятъ флоту обратный путь!»

Весь договоръ былъ написанъ безъ видимой обдуманности. Мелькали правдоподобіе и возможность другой экспедиціи; спѣшили кончить настоящую, опасаясь всеобщей войны въ Европѣ, и думали положить основаніе будущаго посѣщенія

нами Царяграда, трактатомъ, сдѣланнымъ безъ всякаго поручительства со стороны Турокъ; ибо они, до послѣдняго дня паденія своего, могли еще признавать себя въ силахъ держаться безъ нашей помощи.

Съ своей стороны, Сераскиръ, заключая условіе секретной статьи, зналъ, что Дарданелльскіе за̀мки не въ состояніи помѣшать вторженію непріятельскаго флота; но давая высокую цѣну мнимымъ силамъ знаменитаго пролива, уже давно пришедшимъ въ ослабленіе, онъ дѣлалъ намъ угодное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣлъ съ виду скорѣйшее удаленіе наше. При томъ же, Порта всегда могла оправдаться въ случаѣ вторженія, нѣсколькими выстрѣлами, пущенными съ Дарданелльскихъ баттарей по непріятельскимъ судамъ.

Вліяніе наше сильно тяготѣло надъ политикою Турціи, когда писали этотъ договоръ; Оттоманская имперія была въ состояніи одеревенѣлости, и царство Султана, направляемое тогда въ дѣйствіяхъ своихъ внушеніями двора нашего, имѣло только признаки независимой самостоятельности. Такое положеніе было драгоцѣнно; иностранныя державы нѐ моглй обвинять насъ въ завоеваніи новаго царства; намъ не нужно было отдѣлять особенныхъ силъ для удержанія Дарданеллъ, а управлять силами самой земли, черезъ посредство законныхъ властей ея. Рука наша была уже въ военномъ управленіи; Туркамъ льстили нововведенія европейскихъ войскъ. Надобно было поддержать расположеніе ихъ къ принятію того образованія, которое намъ нужно было имъ дать. Хотя Турки съ удовольствіемъ видѣли отплытіе наше, но они также съ удовольствіемъ приняли бы тогда къ себѣ, для обученія войскъ, русскаго генерала съ офицерами.

Правительство наше, при назначеніи ко двору Султана сего новаго лица, должно бы снабдить его достаточнымъ числомъ опытныхъ и освоенныхъ съ краемъ помощниковъ, которые бы могли, подъ распоряженіемъ его, проникнуть во всѣ отрасли военнаго управленія и способствовать ему къ

достиженію главной цѣли—нечувствительно взять въ руки бразды правленія сего, безъ всякаго сотрясенія овладѣть войсками, какъ главною пружиною, коею еще держалась распадающаяся имперія, возбудить дѣятельность Турокъ въ Дарданелльскихъ замкахъ, стать бдительнымъ стражемъ сего важнаго пункта, и тѣмъ сохранить до нужнаго случая вліяніе, коего основаніе уже было такъ сильно положено.

Вышло иначе. У насъ до сихъ поръ остаются въ увѣренности, что въ Турецкомъ правительствѣ не изчезло еще впечатлѣніе зависимости, произведенное пребываніемъ нашимъ на Босфорѣ; а, напротивъ того, коль скоро изчезъ призракъ, то и умы взяли другое направленіе подъ вліяніемъ англійской и французской политики, дѣйствующей, въ особенности первая, не быстрыми порывами, но съ большею основательностію. Мы хвалимся и Турки хвалятся строгимъ исполнѣніемъ даннаго обѣщанія, не впускать черезъ Дарданеллы военныхъ иностранныхъ судовъ; но еще не было покушенія со стороны ихъ, не было и случая Туркамъ показать свою доблесть въ соблюденіи договоровъ, а между тѣмъ нѣкоторыя иностранныя военныя суда, по одиначкѣ, уже проходили черезъ Геллеспонтъ.

Сужденія сіи о нынѣшнемъ направленіи Турецкаго правительства, безъ сомнѣнія, не основаны на полномъ знаніи дѣла, ибо ходъ политическихъ произшествій теперь мнѣ несовершенно извѣстенъ; но исполненіе основанной на опытѣ мысли о водвореніи въ правленіе Султана русскаго военачальника было бы неотъемлемо сопряжено съ большею пользою. Съ мнѣніемъ же о ничтожности трактата и всегдашней возможности соединеннымъ флотамъ Англіи и Франціи вторгнуться безпрепятственно въ Черное море, въ Петербургѣ уже давно знакомы, такъ, что тамъ болѣе помышляютъ объ оборонѣ собственныхъ береговъ нашихъ, чѣмъ о занятіи проливовъ войсками.

Теперь обратимся къ окончанію нашей экспедиціи, и упомянемъ о возвращеніи нащемъ въ предѣлы Россіи. *

29 и 30 чисъ, плаваніе продолжалось при томъ же южномъ вѣтрѣ. 1-го іюля, мы открыли берега Крыма, а 2-го числа по утру, первыя суда, въ томъ числѣ адмиральскій корабль и мой фрегатъ, бросили якорь въ Ѳеодосійскомъ рейдѣ. Вскорѣ явилась около борта моего карантинная лодка съ инспекторомъ, коллежскимъ совѣтникомъ Штакельбергомъ, и съ нимъ роковыя щипцы, для принятія отъ насъ видовъ.

Съѣхавъ на берегъ, чтобъ осмотрѣть лагерное мѣсто, я нашелъ, что оно было выбрано очень дурно, на покатости совершенно голой горы и безъ главнѣйшихъ удобствъ для войскъ. Нигдѣ не было кустика для защиты насъ отъ солнечныхъ лучей, грунтъ каменистый и, что̀ главное, безъ воды, такъ, что никоимъ образомъ нельзя было приступить къ высадкѣ войскъ. Мнѣ указали старый, бывшій турецкій фонтанъ, назначенный для снабженія насъ водою; изъ него вытекала тонкая струйка, толщиною въ перо. Сдѣлавъ опытъ, я нашелъ, что симъ способомъ могли мы получить въ сутки не болѣе десяти ведеръ воды. Дѣло не терпѣло промедленія. Инспекторъ, опасаясь дурныхъ послѣдствій, рѣшился показать мнѣ имѣвшуюся у него, частнымъ образомъ, копію съ прошенія, поданнаго губернатору однимъ Евреемъ, предлагавшимъ доставлять ежедневно въ лагерь по пяти тысячъ ведеръ воды безденежно, какъ онъ выражался, изъ одной любви къ своему отечеству; но съ тѣмъ однако же, что какъ онъ чрезъ это потерпитъ до 40 т. рублей убытка, то требовалъ вознагражденій всякаго рода, какъ-то: позволенія косить траву въ мѣстахъ, принадлежащихъ Ѳеодосійскимъ мѣщанамъ, и тому подобное; при чемъ также сказали мнѣ, что этотъ Еврей, покровительствуемый губернаторомъ (который носилъ также званіе Ѳеодосійскаго градоначальника), имѣлъ въ виду получить за сію услугу въ арендное содержаніе казенное имѣніе, доставлявшее большія выгоды. Обнаруживалось болѣе плутовства, чѣмъ доброжелательства. Инспекторъ былъ человѣкъ слабый, совершенно

зависѣлъ отъ губернатора, находившагося тогда въ отсутствіи, и не смѣлъ коснуться поставщика; но чиновникъ канцеляріи градоначальника, узнавши о дѣлаемыхъ мною на берегу розысканіяхъ, поспѣшилъ ко мнѣ и обѣщался понудить подрядчика къ доставкѣ воды.

2-го и 3-го іюля воды еще не было, и какъ уже почти третья часть войскъ находилась на берегу, то, опасаясь подвергнуть ихъ совершенному бѣдствію, я прекратилъ высадку и просилъ Лазарева снабдить съѣхавшихъ уже на берегъ и томившихся отъ зноя людей водою, привезенною изъ Турціи. 4-го, я послалъ нарочнаго къ графу Воронцову съ донесеніемъ о терпимомъ нами недостаткѣ, а между тѣмъ, потребовавъ рабочихъ съ лопатами, собирался ѣхать въ другое мѣсто для рытья колодцевъ, какъ пріѣхалъ самъ губернаторъ. Онъ казался очень недовольнымъ мѣрами, которыя я располагалъ принять; но я объявилъ ему, что если воды не будетъ, то оцѣплю весь городъ и буду пользоваться водою вмѣстѣ съ жителями; къ вечеру было доставлено нѣсколько воды. Въ тотъ же день переѣхалъ я на берегъ, а 5-го числа приказалъ продолжать выгрузку. Тутъ предстояло другое затрудненіе: отведенное для лагеря мѣсто было обнесено небольшою оградою; намъ грозились строгостью законовъ за малѣйшее нарушеніе грани, наблюдаемой двумя небольшими караулами Арнаутъ, а мѣста было такъ мало, что физически невозможно было втѣснить въ него прибывшія войска, тогда какъ самыя карантинныя правила требовали просторнаго размѣщенія. Казалось бы впрочемъ, зачѣмъ и тѣсниться — степь была голая, никѣмъ не обработана и даже неспособная къ воздѣланію. Заблаговременныя требованія мои объ отводѣ большаго мѣста не были уважены, пока я не вступилъ въ переписку, и не увидѣли настойчивости моей; тогда отнесли, передъ самою уже высадкою, одинъ край ограды нѣсколько подалѣе и сдѣлали ее длиннѣе. Войска кое-какъ размѣстились въ колоннахъ, но

такъ тѣсно, что отходныя мѣста примыкали вплоть къ кухнямъ, находившимся недалеко отъ палатокъ. Губернаторъ оправдывался тѣмъ, что мѣсто это будто избрано генеральнаго штаба полковникомъ Бетевымъ, и потому должно быть удобно и достаточно; но Бетевъ, находившійся тогда въ Симферополѣ, для размежеванія и съемокъ, услышавъ случайнымъ образомъ объ отзывѣ губернатора, поспѣшилъ увѣдомить меня письмомъ, что избраніе лагернаго мѣста при карантинѣ никогда не лежало на его обязанности, что онъ никогда не отводилъ этого лагеря, и что отзывъ губернатора несправедливъ, а что, пріѣхавъ лѣтомъ въ Ѳеодосію, онъ только однажды изъ любопытства съѣздилъ съ губернаторомъ на предполагаемое для насъ лагерное мѣсто. Отъ стороннихъ же людей узнано, что затрудненія, дѣлаемыя губернаторомъ для расширенія мѣста, происходили отъ того, что хотѣли избѣжать расходовъ, сопряженныхъ съ небольшимъ увеличеніемъ плохой изгороди, сдѣланной изъ жердей и кольевъ, тогда какъ на карантинные расходы было отпущено губернатору, по случаю ожиданія насъ, 5-т. рублей.

Для генераловъ и штабовъ отведены были карантинныя строенія: три или четыре двухъ-этажныя каменныя дома съ двориками, болѣе похожіе на арестантскія палаты, въ коихъ не было ни одной кровати, ни скамейки, ни стола, ни даже соломы; кухней и слѣдовъ не имѣлось; по входѣ въ строенія мы были осыпаны блохами. Нужда заставила насъ остаться въ сихъ помѣщеніяхъ; мы устроили кое-какъ изъ кирпичей полевыя кухни на дворикахъ, вымыли, очистили квартиры свои, а мебелью снабдилъ насъ директоръ таможни, П. В. Гаевскій, человѣкъ извѣстный во всемъ краю по связямъ своимъ и гостепріимству.

Войска томились на жару и въ пыли, засыпавшей имъ глаза, во все время пребыванія въ карантинѣ. Я просилъ у губернатора присылки на обывательскихъ подводахъ хвороста, чтобъ накрыть палатки, и тѣмъ доставить людямъ

сколько-нибудь прохлады; но на то не было положенія, и полученъ отказъ. Мы тѣмъ болѣе нуждались въ семъ пособіи, что нѣкоторыя части войскъ, не имѣвшія своихъ палатокъ, какъ-то: казаки, инвалиды, артиллерійскій гарнизонъ, военно-рабочіе, пользовавшіеся на Босфорѣ турецкими палатками, нынѣ оставались безъ всякаго крова, или должны были стѣснять другихъ. Для постилки въ палаткахъ не было дано ни сѣна, ни соломы. Обо всѣхъ этихъ недостаткахъ писалъ я графу Воронцову; но все осталось втунѣ.

Воды (которой начали доставлять уже около половины назначеннаго въ сутки количества) часть привозилась на гору и переливалась въ поставленные близъ ограды обрѣзы; она была мутна и часто перемѣшана съ большимъ количествомъ извести или мѣлу, отъ чего получала молочный цвѣтъ; другая часть привозилась буксиромъ въ плывучихъ по морю раскупоренныхъ бочкахъ и выливалась въ такіе же обрѣзы, поставленные на берегу моря подъ горою, куда люди за нею ходили. Тѣ, которымъ не нравилась нагорная вода, могли получать воду другаго свойства подъ горою, гдѣ она была перемѣшана съ морскою и часто отвратительнаго соленаго вкуса; но и этихъ искусственныхъ водъ весьма часто не доставало людямъ на вариво. Больныхъ стало прибывать, а удобнаго помѣщенія для лазаретовъ не было. Бѣдствіе сіе терпѣли мы близъ 30-ти дней; оно сократилось бы нѣсколькими днями, еслибъ корабль Чесма, на коемъ графъ Орловъ пріѣхалъ изъ Царяграда въ Одессу, не прибылъ къ намъ позже другихъ, отъ чего, по недостатку мѣста, привезенныя на немъ войска должны были сообщиться съ высаженными уже на берегъ, и тѣмъ продлить срокъ нашего узничества. Чтобъ не отстать отъ тѣлесныхъ упражненій, у насъ иногда занимались играми. какъ то въ Турціи дѣлалось, и заведена была, для развлеченія, стрѣльба въ цѣль; но мѣстоположеніе мало способствовало симъ занятіямъ, и

лучшій отдыхъ нашъ въ знойные дни іюля мѣсяца было купанье въ морѣ, коимъ поддерживались силы людей. Такого негостепріимнаго обхожденія не могли мы ожидать въ предѣлахъ Россіи, ибо намъ неизвѣстенъ еще былъ недоброжелательный къ войскамъ духъ правителей южнаго края, гдѣ покровительствомъ ихъ исключительно пользуются иностранцы, и потому сношенія наши съ мѣстнымъ начальствомъ не могли быть пріятными.

Нижніе чины много терпѣли; но за всѣмъ тѣмъ, къ удивленію моему, предпочитали скудный бытъ въ отечествѣ избыткамъ, коими они пользовались за границею. Такъ сильна привязанность Русскаго къ природнымъ обычаямъ. Мнѣ случилось удостовѣриться въ томъ по выходѣ изъ карантина, будучи въ банѣ, гдѣ я, разговорившись съ парильщикомъ изъ солдатъ, выхвалялъ раздолье наше въ Турціи. «Правда», отвѣчалъ онъ, «тамъ всего довольно было, только хлѣбъ прѣсный, а у насъ кислый». Солдаты пускались между собою въ сужденія о бывшемъ походѣ, и по привычкѣ ихъ, давать свои прозвища лицамъ, они назвали Ибрагимъ-пашу, Бѣлымъ Арапомъ. Солдату нельзя было лучше соединить въ одно наименованіе понятія о Египетскомъ вождѣ, ибо Ибрагимъ-паша по отцѣ былъ Турокъ, а войско его состояло изъ Арабовъ и Африканцевъ *). У

*) Въ первый разъ узналъ я о семъ прозвищѣ случайно въ Москвѣ, встрѣтивъ на улицѣ крестьянина, получившаго письмо отъ сына, который ходилъ, какъ онъ мнѣ объяснялъ, въ походъ подъ Бѣлаго Арапа. Вотъ копія съ этого письма, замѣчательнаго по простотѣ разсказа:

«Когда я получилъ письмо ваше, въ ту пору случился намъ походъ въ туретчину на помощь турецкому Султану, т. е., подъ Бѣлаго Арапа, и такъ выступили мы въ турецкіе предѣлы, находились близъ Царяграда не подалеку (за семь верстъ), и въ оной землѣ простояли мы мѣсяцевъ 6, но мы не полагали, чтобъ намъ возвратиться оттуда: вѣрно дошла ваша родительская молитва до Всевышняго Создателя, которая еще держитъ меня нещастнаго на семъ свѣтѣ».

«Къ счастію нашему, когда услышалъ Бѣлый Арапъ, что пришло Россійское войско на помощь турецкому Султану, не сталъ онъ съ нимъ никакого дѣйствія производить, сдѣлалъ замиреніе. По заключеніи съ Арапомъ мира, турецкій Султанъ отправилъ насъ въ Россію черезъ Чер-

насъ были между солдатами и стихотворцы, соревновавшіе украсить воздвигнутый на Босфорѣ памятникъ, надписью съ изображеніемъ подвиговъ высаднаго войска *).

9 іюня прекращено было всякое сообщеніе съ флотомъ. Всѣ малозначущія неудовольствія, возникшія было между мною и Лазаревымъ на Босфорѣ, не оставили по себѣ никакихъ слѣдовъ, и мы разстались добрыми пріятелями; сему примѣру послѣдовали и всѣ начальники сухопутнаго и морскаго вѣдомствъ. 11-го, флотъ отправился въ море, и, снявшись съ якоря, салютовалъ намъ; я также выдвинулъ нѣсколько орудій на берегъ и отдалъ салютъ. Флотъ долженъ былъ выдержать подъ парусами 42 дня обсерваціоннаго карантиннаго срока, и потомъ возвратиться въ Севастополь для очищенія.

15-го прибылъ изъ Одессы нарочный съ письмомъ отъ графа Орлова, съ увѣдомленіемъ о назначеніи меня 1-го іюля генералъ-лейтенантомъ; Лазареву дано тоже награжде-

ное море, проходили мы ровно 18 сутокъ; но турецкій Султанъ за усердіе и стараніе наше наградилъ насъ своими серебряными медалями, которую я теперь при себѣ имѣю».

Мнѣ послѣ того нѣсколько разъ случалось слышать отъ солдатъ, бывшихъ въ десантномъ отрядѣ, названіе Бѣлаго Арапа, коимъ они чествили Ибрагимъ-пашу.

*) Прилагаю здѣсь опытъ сочиненія одного изъ простыхъ воиновъ нашихъ:

Сей памятникъ достоинъ всѣхъ прохожихъ взгляда,
Онъ русскому воинству отлична награда.
Орловъ шестью полками Султана защитилъ
И закоснѣлыхъ враговъ надменность укротилъ.
Вотъ Русскихъ въ чужой землѣ благіе союзы:
Сокрушили древнихъ Турковъ варварскіе узы;
И уже всякій твердо сію правду знаетъ,
Что крѣпостью законовъ Царь повелѣваетъ;
Что было начертано при Екатеринѣ,
То Богъ далъ усовершить Николаю нынѣ.
Пусть Европа завидуетъ, что наши егаря
Жертвовались защитить Оттоманскаго Царя.
Какая въ государствѣ гремитъ весела вѣсть,
И какъ видъ Муравьева возбуждаетъ прелесть.
Царь украсилъ звѣздами рыцарскія груди,

ніе. Въ послѣдствіи времени, всѣ сослуживцы мои получили награжденія, къ коимъ я ихъ удостоилъ. Орловъ прислалъ ко мнѣ при письмѣ своемъ полученный имъ отъ Султана, по отъѣздѣ нашемъ, портретъ его, осыпанный брилліянтами, такіе же портреты получили: графъ Орловъ, Бутеневъ и Лазаревъ. Государь разрѣшилъ намъ надѣвать ихъ только въ присутствіи самого Султана.

29-го числа кончился карантинный терминъ; насъ очистили по правиламъ карантиннымъ, и осмотрѣли по правиламъ таможеннымъ; первое было соблюдено со всѣми строгостями, за чѣмъ я самъ смотрѣлъ, въ таможенномъ же осмотрѣ было оказано снисхожденіе, по полученному предписанію отъ министра финансовъ. Впрочемъ мы не были богаты заграничными товарами, ибо я не позволялъ офицерамъ расходоваться въ Царѣградѣ. Войска вышли изъ заточенія по даннымъ имъ направленіямъ, съ довольнымъ числомъ слабыхъ и больныхъ, происшедшимъ отъ нуждъ, претерпѣнныхъ во время обсерваціи. Онѣ немедленно заняли тяжкіе караулы въ Севастополѣ, гдѣ зародышъ болѣзни, пріобрѣтенной въ Өеодосіи, развился съ силою и причинилъ большія опустошенія въ войскахъ.

Въ послѣдній день отплытія нашего изъ Босфора, получено было изъ Петербурга росписаніе войскъ по квартирамъ въ Крыму; но ничего не было сказано, какъ поступить съ чиновниками разныхъ вѣдомствъ и запасами, госпитальными, инженерными и артиллерійскими, у насъ находившимися, что̀ затрудняло меня. Я изъ карантина спрашивалъ па то разрѣшенія военнаго министра, но долго не получалъ отвѣта; дѣлалъ о томъ представленія графу Воронцову, но также пе получилъ отъ него ничего опредѣлительнаго. По-

---

А честность души его выхваляютъ люди;
Онъ умѣлъ уговорить дикія аравы
И кротостью усмирилъ сраженья кровавы,
Съ нимъ вмѣстѣ Отрощенко и другіе смѣлы
Съ хвалою возвратились въ отчизны предѣлы.

чему послѣ выхода войскъ изъ карантина, упразднивъ всѣ управленія моего штаба, я остался еще нѣсколько времени въ Өеодосіи, чтобы довершить послѣднія распоряженія свои по отряду и расквартировалъ команды, не получившія назначенія, въ окрестностяхъ Өеодосіи. Между тѣмъ по нѣкоторымъ изъ прочихъ предметовъ были присланы распоряженія; исполнивъ ихъ, я отправилъ чиновниковъ и запасы, о коихъ молчали, въ Одессу на отъѣзжавшемъ транспортѣ и донесъ обо всемъ графу Воронцову. Такая небрежность со стороны военнаго министерства, для сохраненія казеннаго имущества, собраннаго съ большими издержками, и въ коемъ могла случиться опять надобность—непонятна. Подобное должно бы, кажется, случаться только въ турецкомъ правленіи, гдѣ мы тому видѣли много примѣровъ. Надобно полагать, что большая часть этихъ складовъ, хорошо сбереженныхъ за границею, пришла въ негодность отъ безпечности начальства, ибо никто не хотѣлъ знать о нихъ.

Во время пребыванія въ карантинѣ, я занялся составленіемъ общей отчетности о людяхъ и суммахъ, состоявшихъ въ моемъ вѣденіи. Обращаю вниманіе читателя на отчетъ сей, съ коего списокъ приложенъ въ концѣ этой книги подъ буквами J.J.. Изъ него видно, что во время экспедиціи настоящія экстраординарныя издержки деньгами простирались въ отрядѣ до 1,128 червонцевъ. Продовольствіе ничего не стоило казнѣ, исключая отправленія запасовъ изъ Одессы, на что употребленные расходы мнѣ неизвѣстны. Самое большое количество больныхъ, собственно изъ отряда поступившихъ въ госпиталь, простиралось до 450 человѣкъ, изъ числа коихъ въ Одессу отправлено 313. Умершихъ было во все время 82 человѣка. Бѣжало, безъ возвращенія, порочныхъ людей, поступившихъ большею частію изъ резервовъ, 45 человѣкъ. Въ послѣдней вѣдомости показаны, произведенныя офицерами генеральнаго штаба и инженерами, работы, которыя были представлены въ военное министерство,

Подробные, по всѣмъ управленіямъ десантнаго отряда отчеты были отправлены къ графу Чернышеву, по распоряженію коего остальныя суммы переданы графу Воронцову. Графу Орлову также была доставлена записка о сихъ предметахъ. Этимъ отчетомъ опровергается существующее вездѣ предубѣжденіе, что значительныя убыли въ людяхъ неизбѣжны въ южныхъ краяхъ; мнѣніе это по несчастію такъ вкоренилось, что оно вообще служитъ оправданіемъ тѣмъ начальникамъ, которые не хотятъ заботиться о сбереженіи своихъ подчиненныхъ.

Я воспользовался временемъ, которое у меня оставалось по выходѣ изъ карантина, чтобы видѣть сколько-нибудь окрестности, и побывалъ на восточной части южнаго берега, въ долинахъ Козъ и Судакъ; съѣздилъ также въ Керчь, куда меня завлекли недавно сдѣланныя открытія древностей въ насыпныхъ гробницахъ, окружающихъ городъ. 11-го августа получилъ я повелѣніе военнаго министра, сообщившаго мнѣ волю Государя, чтобы прибыть въ Петербургъ, по окончаніи всѣхъ занятій, предстоявшихъ мнѣ еще въ Ѳеодосіи. Окончивъ ихъ, я сбирался выѣхать, и лошади были уже впряжены, когда получилъ съ нарочнымъ письмо отъ графа Воронцова, убѣждавшаго меня побывать на южномъ берегу и въ домѣ его въ Алупкѣ, гдѣ графиня должна была меня принять. Онъ самъ хотѣлъ пріѣхать черезъ нѣсколько дней въ Ѳеодосію на пароходѣ. Я дождался графа Воронцова, который провелъ въ городѣ болѣе сутокъ, по неисправности своего судна, требовавшаго починки. Онъ былъ очень привѣтливъ и много говорилъ мнѣ о красотахъ своего лѣтняго мѣстопребыванія. По отъѣздѣ графа въ Керчь и Таганрогъ, я поѣхалъ на южный берегъ, гдѣ былъ принятъ съ предупредительностію графинею, которая показывала мнѣ заведенія, устроенныя ими въ сей очаровательной части Крыма; переночевавъ въ Алупкѣ, я продолжалъ путь свой черезъ селеніе Кокосъ и Бахчисарай въ Симферополь, откуда

отправился 11-го сентября въ Петербургъ. Тамъ уже давно находился графъ Орловъ, проведшій только три дня въ Одессѣ, гдѣ онъ видѣлся съ выѣхавшимъ къ нему изъ княжествъ генералъ-адъютантомъ Киселевымъ.

Графъ Орловъ былъ произведенъ за сію экспедицію въ генералы отъ кавалеріи и съ восторгомъ принятъ Государемъ въ Красномъ Селѣ, при собраніи гвардейскихъ войскъ въ лагерѣ, гдѣ тогда случилось Государю находиться. Орловъ написалъ ко мнѣ письмо, коимъ просилъ продолженія дружбы, изъявлялъ желаніе впредь вмѣстѣ служить и предупреждалъ меня, что я буду принятъ весьма хорошо Государемъ, въ чемъ бы мнѣ впрочемъ и трудно было сомнѣваться. Выраженіе это было не совсѣмъ умѣстно и служило поводомъ къ размышленіямъ всякаго рода, хотя послѣдовавшее поведеніе графа Орлова и не подало мнѣ причины быть имъ недовольнымъ.

Въ числѣ лицъ высшаго сословія, прикосновенныхъ къ миновавшимъ событіямъ, и состязавшихъ награжденіе, былъ еще графъ Чернышевъ, который пошелъ другими путями для достиженія своей цѣли. Объ немъ никто не могъ представить, за него никто не могъ ходатайствовать. Разговаривая однажды со мною о высадномъ отрядѣ, онъ со вниманіемъ выслушалъ, какъ я по справедливости выхвалялъ распоряженія министерства, помѣщенныя въ повелѣніи ко мнѣ 14 февраля, по коимъ отрядъ былъ вполнѣ снабженъ всѣми потребностями. Черезъ нѣсколько дней довелось мнѣ доложить о семъ лично Государю, и вскорѣ послѣ того министръ наединѣ спросилъ у меня: «Не правда ли, что вы были очень довольны моими распоряженіями для снабженія васъ? я и говорю, что у васъ было всего достаточно».— «Правда», отвѣчалъ я, ссылаясь на то же повелѣніе, «мы ни въ чемъ не терпѣли нужды, и я даже имѣлъ счастіе докладывать о томъ Его Императорскому Величеству». Тотъ же вопросъ былъ сдѣланъ мнѣ правителемъ канцеляріи ми-

нистра, который разсказывалъ, какъ они собирали нужныя свѣдѣнія изъ всѣхъ департаментовъ, какъ графъ Александръ Ивановичъ скоро распорядился, и въ какіе еще суетливые дни это случилось, когда Государь былъ въ Гатчинѣ. Какъ за симъ министру удалось — того не знаю; не сомнѣваюсь въ томъ, что онъ опирался на мое засвидѣтельствованіе. только прошло не много времени, какъ онъ былъ награжденъ Андреевскимъ орденомъ съ бриллiантами. Въ рескриптѣ заслуга его названа: отличною распорядительностію, коею онъ способствовалъ къ скорому и исправному отправленію въ Турцію десантныхъ войскъ.

Въ проѣздъ мой черезъ Кіевъ я остановился тамъ на нѣсколько дней и былъ дружески принятъ старымъ фельдмаршаломъ Сакеномъ, который умѣлъ польстить обхожденіемъ своимъ, когда хотѣлъ того. Прозорливый старецъ понималъ дѣло съ самой тонкой стороны, и называя меня примирителемъ древней вражды нашей съ Турціею, показалъ, что онъ вполнѣ постигалъ, въ чемъ состоялъ главнѣйшій успѣхъ моихъ дѣйствій. Левашевъ, который тогда былъ военнымъ губернаторомъ въ Кіевѣ, принялъ меня съ особеннымъ уваженіемъ. Меня окружала толпа любопытныхъ, съ вопросами всякаго рода, безъ связи, клонившимися только къ вовлеченію меня въ разсказъ чего бы то ни было. Когда же узнали о султанскомъ портретѣ, то любопытство возрасло до такой степени, что я принужденъ былъ посылать его съ визитами по домамъ съ адъютантомъ моимъ. Участи сей подвергались я и портретъ еще долгое время по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ.

26-го сентября я пріѣхалъ въ Петербургъ. Государь находился въ Царскомъ Селѣ.

27-го я былъ у графа Орлова. Я поздравилъ его съ производствомъ; онъ спросилъ, что о томъ говорилъ Левашевъ, и на отвѣтъ, что я того не знаю, онъ продолжалъ: «Да какое дѣло! Его въ графы удостоили; чего же ему бо-

лѣе? вольно ему обижаться. Государь нашелъ нужнымъ произвести меня, чтобы болѣе дать цѣны этой экспедиціи, въ глазахъ всей Европы».—Безъ сомнѣнія», сказалъ я, «какое дѣло, если есть недовольные; я думаю, что и мнѣ многіе не могутъ простить быстраго производства въ генералъ-лейтенанты; что же касается до большой части, и до всѣхъ бывшихъ подчиненныхъ вашихъ, то вы можете быть увѣрены, что повышеніе ваше порадовало ихъ.»—«Вѣрю», отвѣчалъ Орловъ, «ибо я честный человѣкъ и не принадлежу ни къ какой партіи; есть партія Меншикова, есть партія Бенкендорфа, и я бы могъ имѣть свою партію; но иду прямою дорогою, движимый усердіемъ къ своимъ обязанностямъ». По совѣту Орлова, я написалъ письмо къ военному министру, уѣхавшему въ Царское Село, чтобы спросить приказаніе, когда представиться Государю.

30 сентября, по полученному увѣдомленію, я отправился въ Царское Село и 1-го октября былъ у военнаго министра, который сказалъ мнѣ, не знаю съ какими намѣреніями, что Государь имѣлъ особенные виды на меня и располагалъ назначить на какое-то весьма важное мѣсто. Въ 10-ть часовъ утра я поѣхалъ являться къ Государю; но вышедшій отъ Его Величества, графъ Чернышевъ объявилъ мнѣ, что Государь желаетъ видѣть меня въ 2 часа по-полудни, а что до того времени мнѣ должно быть у обѣдни и на разводѣ, что̀ я исполнилъ. Когда Государь поѣхалъ на смотръ, я зашелъ къ Великому Князю Наслѣднику. Его Высочество сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ на счетъ моего пребыванія въ Турціи, и маленькаго ружья, посланнаго Имъ въ подарокъ султанскому сыну, говоря, что и другой сынъ Султана проситъ себѣ такого же ружья.

Государь возвратился со смотра и принялъ меня въ 3-мъ часу на единѣ въ своемъ кабинетѣ. Онъ обнялъ меня, и, какъ бы предупреждая объясненія, сказалъ, что благодаритъ особенно за экспедицію въ Египетъ и особенно за экспеди-

цію въ Турцію, распрашивалъ съ нѣкоторою подробностію о пребываніи нашемъ на Босфорѣ,. о состояніи войскъ нашихъ и пожелалъ знать, не осталось ли еще слѣдовъ польскаго духа между офицерами 26-й дивизіи, составленной изъ полковъ бывшаго Литовскаго корпуса. Я отвѣчалъ, что войска 26-й дивизіи еще молоды и слабы, и что хотя они одушевлены пылкимъ рвеніемъ къ службѣ и военнымъ дѣйствіямъ, но еще не способны къ перенесенію большихъ трудовъ. Касательно же польскаго духа, я объяснилъ, что ничего не подавало повода къ подозрѣнію его, разсказалъ происшествіе о подброшенномъ ко мнѣ на фрегатѣ письмѣ, и доложилъ о замѣченномъ мною усердіи и примѣрномъ поведеніи Поляковъ, опредѣленныхъ въ инвалидную роту. «Эти отзывы о Полякахъ», отвѣчалъ Государь, «я отъ всѣхъ слышу; ихъ нѣсколько тысячь въ Балтійскомъ флотѣ, и начальники не могутъ нахвалиться ими, такъ, что я даже боюсь, чтобы къ нимъ не было особеннаго пристрастія».

Въ разговорѣ о дѣлахъ, я изложилъ Государю въ кратцѣ дѣйствія мои въ Египтѣ и объяснилъ, какъ войска Мехмедъ-Али были остановлены вліяніемъ словъ Его Величества, и Царьградъ спасенъ. Государь отвѣчалъ, что онъ, въ послѣднюю поѣздку свою въ Германію, видѣлся съ Австрійскимъ подполковникомъ Прокешомъ, пріѣхавшимъ въ Александрію вслѣдъ послѣ моего выѣзда оттуда. По словамъ Прокеша, такъ какъ и по самымъ дѣйствіямъ, онъ оставался увѣреннымъ, что умѣлъ я говорить съ Египетскимъ пашею и велъ себя точно такъ, какъ онъ того желалъ. Прокеша же Государь назвалъ словоохотливымъ.

Государь говорилъ, что Австрія дѣйствовала совершенно въ его видахъ, и что онъ очень доволенъ поступками сего двора; о Пруссіи ничего не упоминалъ, чему, можетъ быть, причиною поведеніе Прусскаго посланника при Оттоманской Портѣ, барона Мертенса, близкаго къ Прусскому министру иностранныхъ дѣлъ, Ансильону, который не пользовался рас-

положеніемъ Его Величества. Государь продолжалъ: «Странно, что общее мнѣніе приписываетъ мнѣ желаніе овладѣть Константинополемъ и Турецкою Имперіею; я уже два раза могъ сдѣлать это, еслибъ хотѣлъ: въ первый разъ, послѣ перехода черезъ Балканъ, а во вторый нынѣ; но я отъ того весьма далекъ. Мнѣніе это осталось еще со временъ императрицы Екатерины, и такъ сильно вкоренилось, что самые умные политики въ Европѣ не могутъ въ томъ разувѣриться. Какія мнѣ выгоды отъ завоеванія Турціи? Держать тамъ войска? Да допустила ли бы еще меня къ этому Австрія! Какія выгоды произошли бы отъ того для нашей матушки-то Россіи, т. е. для губерній: Ярославской, Московской, Владимірской и прочихъ? Мнѣ и Польши довольно. Такъ, мнѣ выгодно держать Турцію въ томъ слабомъ состояніи, въ которомъ она нынѣ находится; это и надобно поддержать, и вотъ настоящія сношенія, въ коихъ я долженъ оставаться съ Султаномъ». Я отвѣчалъ, что безъ сомнѣнія лучшая польза, которой можно ожидать отъ Турціи, была бы защита Дарданеллъ; но по слабому состоянію, въ которомъ держава сія нынѣ находится, нельзя ожидать со стороны ея исполненія обязательствъ, принятыхъ ею на себя. «А я готовъ буду поддержать обязательства эти войсками», прервалъ Государь.

Его Величество распрашивалъ подробно о всѣхъ сановникахъ Султанскаго двора: о Сераскирѣ, Тагиръ-пашѣ, Ахмедъ-пашѣ и о прочихъ, какъ бы повѣряя дошедшія до него объ нихъ свѣдѣнія. Я объяснилъ, что зналъ объ нихъ. «Я отъ всѣхъ то же самое слышу», сказалъ Государь, «и по всему кажется, что изъ нихъ одинъ только Сераскиръ и есть способный; но можно ли на него положиться?» — Онъ слишкомъ старъ, отвѣчалъ я, для предпринятія чего-либо могущаго помрачить его доброе имя; впрочемъ человѣка этого можно всегда привязать, польстивъ его самолюбію». Тагиръ-пашу я изобразилъ какъ человѣка съ природными дарованіями, но

безнравственнаго и корыстолюбиваго, а Ахмедъ-пашу, какъ особу близкую и преданную Султану; но съ ограниченными способностями.

Когда кончился главный разговоръ, то Государь спросилъ меня, доволенъ ли я тѣмъ, что Онъ причислилъ меня въ число своихъ, назначеніемъ въ генералъ-адъютанты. Я благодарилъ Его, и продолжая рѣчь, сказалъ, что по данному мнѣ порученію Его Величествомъ, при отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга, дознать—будетъ ли Султанъ склоненъ къ принятію христіанской вѣры, я старался развѣдать о томъ, не обнаруживая сей мысли; но ничего не могъ узнать основательнаго, исключая переданнаго мнѣ подпоручикомъ Рельи отголоска молвы, носившейся въ турецкомъ войскѣ послѣ пораженія его подъ Гомсомъ, что Султанъ хочетъ уйти къ невѣрнымъ, принять вѣру ихъ и возвратиться въ Царьградъ съ русскою арміею. «Мнѣніе сіе», продолжалъ я, «показываетъ, что хотя такая мысль и противна всѣмъ, но не чужда и вѣроятно имѣетъ начало свое въ какихъ-либо разговорахъ или сужденіяхъ о семъ предметѣ».—«Я говорилъ о томъ съ Орловымъ», отвѣчалъ Государь «онъ мнѣ сказывалъ, что о семъ теперь и думать нельзя, и что это могло бы разрушить всю связь нашу съ Султаномъ; хотя обязанность каждаго изъ насъ стараться просвѣтить страну сію Христіанствомъ, но на время должно отложить эту мысль». О Рельи Государь сказывалъ, что онъ принятъ въ службу. Этимъ кончился разговоръ нашъ, и я вышелъ.

Я былъ приглашенъ къ столу; до обѣда же представлялся еще Императрицѣ, Которая разговаривала со мною о Турціи; но болѣе разспрашивала о восточныхъ языкахъ, стараясь, повидимому, занять меня знакомыми предметами. Въ вечеру я былъ приглашенъ на балъ. Императрица была очень привѣтлива; Государь нѣсколько разъ обращался ко мнѣ съ разговоромъ, и предложилъ мнѣ осмотрѣть разныя заведенія въ Петербургѣ.

Званіе генералъ-адъютанта возлагало на меня обязанность быть у многихъ лицъ и съ нѣкоторыми знакомиться. Въ семъ новомъ для меня кругу, я ожидалъ найти большое образованіе и глубокомысленныя сужденія о послѣднихъ происшествіяхъ, едва не потрясшихъ всю Европу; но къ удивленію моему встрѣтилъ бо́льшею частію людей, движимыхъ только ребяческимъ любопытствомъ и забросавшихъ меня вопросами, которые слѣдовали одинъ за другимъ, по одной формулѣ во всѣхъ устахъ: «Вы были въ Турціи? ну, что? какъ? Скажите, Султанъ каковъ? что онъ говорилъ? какъ онъ васъ принялъ? А этотъ плутъ Галиль? какъ бишь его. Галиль? Али? Египетскій Паша-то!»—Трудно было найтись отвѣтами, и я замѣтилъ, что еще до сихъ поръ у иныхъ несовершенно рѣшенъ въ полной ясности вопросъ: Мегмедъ-Али, Паша Египетскій, бунтовавшій противъ Султана, не тотъ ли самый Галиль, котораго они видѣли посланникомъ въ Петербургѣ? Все случившееся кружилось въ понятіяхъ ихъ какъ въ туманѣ. Въ досадѣ сказалъ бы, что они смѣшиваютъ эти два лица съ самимъ Султаномъ, съ Алипашею Янинскимъ, съ Персидскимъ Шахомъ, съ самимъ Хивинскимъ Ханомъ и наконецъ со всѣми царями и вельможами Востока, не брѣющими бороды. Одного генералъ-адъютанта Ч—на не столько занимала политика, какъ производство графа Орлова, обошедшаго его въ старшинствѣ, и онъ послѣ нѣкоторыхъ вопросовъ по извѣстной формулѣ, выразился съ невиннымъ лукавствомъ, сказавъ, что полагалъ графа Орлова весьма довольнымъ мною, ибо и онъ самъ въ такомъ случаѣ былъ бы мною доволенъ. Я отвѣчалъ, что нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что Орловъ былъ мною доволенъ, и онъ меня оставилъ въ покоѣ.

2-го числа я ѣздилъ въ Павловское, чтобы представиться Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Женщина эта, извѣстная умомъ своимъ, ловкостію и образованіемъ, удивила меня. Самые вопросы Ея были занимательны; Она вникала въ

отвлеченные предметы моей экспедиціи, судила о важнѣйшихъ обстоятельствахъ и напослѣдокъ, разговаривая объ образованіи турецкихъ войскъ, называла мнѣ даже по имени, Французовъ и Италіянцевъ, носившихъ въ турецкихъ войскахъ званіе инструкторовъ, коихъ Она знала даже отчасти прежнюю службу. Михаилу Павловичу представлялся я еще до выѣзда въ Царское Село. Разговоръ Его былъ иной: принявъ меня въ кабинетѣ, Онъ взялъ ружье, продѣлалъ всѣ пріемы подъ турецкія командныя слова, которыя Онъ самъ повторялъ—и больше ничего. Мнѣ еще тогда не было извѣстно, что Великій Князь скрываетъ подъ такою личиною важнѣйшія достоинства и обдуманныя сужденія.

Князь Меншиковъ, совершенно отличный отъ прочихъ по уму и знаніямъ своимъ, не обременялъ меня такими спросами, какъ другіе; узнавъ о желаніи Государя, чтобъ я видѣлъ Кронштадтъ, онъ самъ отвезъ меня туда на пароходѣ и показалъ всѣ заведенія морскаго вѣдомства.

Я нѣсколько разъ дежурилъ при Государѣ, ѣзжалъ ко Двору, въ Царское Село, и былъ приглашаемъ къ Его Величеству на семейные обѣды и вечера. Расположеніе Царской Фамиліи ко мнѣ всегда было одинаково. Государь часто разговаривалъ со мною о разныхъ предметахъ и нерѣдко касался послѣдней экспедиціи; но болѣе обращался къ образованію египетскихъ и турецкихъ войскъ, слушая съ удовольствіемъ разсказы о неустройствѣ и неловкости ихъ. Онъ видѣлъ всѣ подлинныя письма мои къ графу Орлову и однажды. вспомнивъ, что я описывалъ, какъ показывалъ Сераскиру и Ахмедъ-пашѣ учебный шагъ, приказалъ повторить разсказъ о томъ, что́ Его забавляло. Я воспользовался случаемъ, чтобы изложить мнѣніе мое о видѣнномъ, въ Греческомъ училищѣ, на Принцевыхъ Островахъ. и предположеніе мое обратить оное въ Кадетскій корпусъ подъ нашимъ наблюденіемъ. Государя, казалось, занимало сіе.

«Однако же», сказалъ Онъ, «хорошо знать это и не мѣшаетъ сказать Ахмедъ-пашѣ, когда онъ сюда будетъ». Послѣ того, Государь продолжалъ разспрашивать о турецкихъ генералахъ съ большою подробностію и о смотрѣ, который я дѣлалъ турецкой гвардіи; когда же я сказалъ, что на этомъ смотру въ каждомъ батальонѣ не было болѣе 350 человѣкъ во фронтѣ, то Онъ прервалъ меня, возразивъ: «А вѣрно содержаніе отпускалось на тысячу?»

— «Злоупотребленій у нихъ множество.»

— «Это вѣрно такъ; и у насъ также было при Екатеринѣ: войскамъ отпускалось содержаніе на полный комплектъ, а начальники, пользуясь этимъ, имѣли очень мало людей подъ ружьемъ; да не далѣе, какъ въ твое время, (обратившись къ князю Д. В. Голицыну, который тутъ случился) ты, кажется, тогда былъ капитаномъ?... или это былъ другой Голицынъ?»

Разговоръ еще продолжался о другихъ предметахъ, изрѣдка обращаясь на счетъ Турокъ.

Въ другой разъ за обѣдомъ спросилъ у меня Государь, читалъ ли я письмо, писанное ко мнѣ Тосканскимъ консуломъ Россетти изъ Александріи, говоря, что оно было очень занимательно. Письмо это было доложено Его Величеству графомъ Нессельроде, получившимъ его отъ Орлова, которому оно было отдано мною, по прочтеніи. Оно заключало нѣсколько свѣдѣній о политическихъ дѣлахъ Мегмедъ-Али, о прибытіи къ нему для обученія войскъ польскаго генерала Дембинскаго съ шестью офицерами, о разграбленіи Арабами монастырей въ Виѳлеемѣ и объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ въ Бейланѣ Англійскому консулу. Послѣ разговора о сихъ предметахъ, я спросилъ у Государя, продолжать ли мнѣ переписку съ Россетти, для полученія новыхъ свѣдѣній. Онъ приказалъ продолжать и замѣтилъ, какъ преувеличены извѣстія о силахъ Египетскаго паши. Предметъ этотъ подалъ поводъ къ разговору объ устройствахъ, дѣлаемыхъ Пашею въ Египетской арміи.

За симъ Государь говорилъ о сношеніяхъ Своихъ съ Европейскими державами. Онъ былъ недоволенъ Франціею и не скрывалъ тогда неудовольствія Своего на Прусскій дворъ. Къ испанскимъ дѣламъ отзывался равнодушнымъ. Потомъ, заведши рѣчь объ ожидаемомъ въ Петербургъ турецкомъ послѣ, Ахмедъ-пашѣ, сказалъ: «Вообразите себѣ, для него изготовляютъ по 170 лошадей на каждой станціи, тогда какъ для нашего брата, въ нынѣшнее бѣдственное время голода, мы не рѣшаемся такъ тревожить жителей южныхъ губерній».

Однажды за обѣдомъ, Государь говорилъ мнѣ о поставленномъ мною памятникѣ на Босфорѣ, о турецкой надписи, на немъ высѣченной, и спрашивалъ: «видѣлъ ли я рисунки живописца Шифлярда, посланнаго на Босфоръ, для срисованія нашего лагеря и разныхъ видовъ». Его Величество посылалъ за картинами, чтобы мнѣ показать; но ихъ, не знаю почему, не принесли.

22-го ноября прибылъ въ Петербургъ Ахмедъ-паша, съ изъявленіемъ Государю благодарности, за оказанную Султану помощь. Онъ, кромѣ того, имѣлъ порученіе испросить нѣкоторой уступки контрибуціи, наложенной на Султана послѣ Адріанопольскаго мира, въ чемъ онъ и успѣлъ. Кажется, что ему также предоставлено было рѣшить дѣло о разграниченіи съ нами въ Грузіи.

Ахмедъ-паша былъ принятъ дружелюбно, много издержали на пріемъ его; но какъ онъ не обладалъ особенными дарованіями, то скоро надоѣлъ, и хотя ему постоянно изъявляли всѣ возможныя наружныя почести по званію его, но онъ не пользовался уваженіемъ, и въ частномъ обхожденіи былъ нѣкоторымъ образомъ заброшенъ. Не менѣе того, ему давали при Дворѣ мѣсто выше Французскаго посла, маршала Мезона. Государь однажды говорилъ мнѣ, что въ семъ случаѣ соблюдались только строго обычаи дипломатики, по коимъ прежде пріѣхавшіе послы всегда имѣли шагъ передъ

другими, а потому Австрійскій былъ старшій, за нимъ слѣдовалъ Турецкій, а послѣ него уже Французскій. Ахмедъ-паша велъ дѣла свои законнымъ порядкомъ черезъ министра иностранныхъ дѣлъ; но, сколько я могъ замѣтить, онѣ рѣшались предварительно съ графомъ Орловымъ. Посолъ скучалъ въ Петербургѣ, часто навѣщалъ меня по вечерамъ и долго просиживалъ, разговаривая о прошедшихъ временахъ. Онъ набралъ множество подарковъ и съ восторгомъ возвратился въ Царьградъ *).

Англичане нѣсколько разъ грозились заключить союзъ съ Египетскимъ Пашею, если мы не уничтожимъ договора, сдѣланнаго съ Турціею; но на угрозу отвѣчали угрозою, и дѣло на время затихло. Орловъ сказывалъ мнѣ, что Государь намѣревался даже отправить меня въ Константинополь для образованія турецкихъ войскъ. Когда же пришло извѣстіе, что соединенные французскій и англійскій флоты удалились изъ Смирны въ Мальту, то Государь, однажды на вечерѣ сказавъ о семъ, обратился ко мнѣ: «Слышалъ ли Муравьевъ? намотай себѣ это на усъ; это они сдѣлали по нотѣ, которую имъ написалъ турецкій министръ, въ слѣдствіе внушеній нашихъ и требованій. Хорошо, что Турки пасъ слушаются; а что дѣлаетъ твой Ахмедъ-паша? Ахъ, какъ онъ глупъ! Неужели совсѣмъ нѣтъ въ Турціи умныхъ людей?»

*) Мысль о союзѣ съ Турціею не была знакома простому народу, привыкшему слышать только о завоеваніяхъ нашихъ въ Мусульманской Имперіи, и въ семъ классѣ никакъ не могли себѣ вообразить, чтобы изъ Царяграда пріѣхалъ посолъ съ чѣмъ инымъ, какъ съ изъявленіями вражды или угрозъ. Между гвардейскими солдатами носился слухъ, что Ахмедъ-паша, при представленіи Государю, высыпалъ къ ногамъ его горсть песку, въ подобіе большаго количества войскъ Султана, коихъ число было также неисчислимо, какъ разсыпанныя песчинки; на что Государь будто отвѣчалъ, бросивъ въ ноги послу горсть зерноваго перцу, который онъ вынулъ изъ кармана, говоря, что хотя Русское войско не такъ многочисленно, какъ Турецкое, но за то каждый солдатъ могущественнѣе и сильнѣе мелкой толпы, подобно зернамъ перца въ сравненіи съ песчаною пылью.

—«Есть», отвѣчалъ я, «у нихъ Сераскиръ человѣкъ очень ловкій».

—«Да что за дѣло; меня бы слушались, а эти хорошо слушаются».

—«Слушаются, Государь; но между тѣмъ ничего не дѣлаютъ: они такъ вялы, что не заботятся о приведеніи въ порядокъ Дарданеллъ, гдѣ артиллерія и укрѣпленія въ самомъ бѣдственномъ положеніи; предметы сіи заслуживаютъ вниманіе».

—«Я знаю, лѣнь во всемъ препятствуетъ имъ; но если они не исполнятъ должнаго, то я все-таки останусь въ полномъ увѣреніи, что причиною тому не будетъ ихъ недоброжелательство къ намъ и уклоненіе отъ исполненія данныхъ обѣщаній, а собственно безпечность и слабость ихъ».

Мало-по-малу утихалъ въ столицѣ шумъ, произведенный памятными событіями нашей экспедиціи. Въ обществѣ, какъ обыкновенно водится, переставали говорить о сихъ происшествіяхъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ и правительство, повидимому, стало менѣе обращать вниманія на новыя политическія сношенія, появившіяся на югѣ. По крайней мѣрѣ, не приступали ни къ какимъ приготовленіямъ для новыхъ дѣйствій, могущихъ внезапно случиться въ той странѣ, къ чему намъ слѣдовало быть всегда готовыми—и все на время было забыто.

Въ 1835-мъ году, находясь опять въ Петербургѣ по дѣламъ службы, я былъ назначенъ командиромъ 5-го пѣхотнаго корпуса, расположеннаго въ княжествахъ *), Бессарабіи и Крыму. Зная, въ какой бездѣйственности находилось военное министерство, относительно приготовленій сего корпуса къ внезапному походу за границу и за море, я объяснилъ сіе графу Орлову, который, кажется, докладывалъ о томъ Государю. При отправленіи меня къ корпусу,

*) Молдавіи и Валлахіи.

Его Величество лично приказывалъ мнѣ держать войска въ такой готовности, чтобы по присылкѣ фельдъегеря съ приказаніемъ выступить, они могли немедленно сѣсть на суда и плыть въ Дарданеллы. «Войска собрать недолго», отвѣ-«чалъ я; «но къ сему нужно имѣть изготовленное заблаго-«временно продовольствіе».

—«Войска найдутъ на судахъ морскіе запасы».

—«Ихъ не будетъ достаточно на мѣстѣ».

—«При войсвахъ всегда имѣется хлѣба на 5 и на 6 «дней, а тамъ надобно довольствоваться мѣстными способами. «Намъ бы только захватить Дарданеллы, если Англичане, «которые со своею системою затѣваютъ все вздоръ, захотятъ «завладѣть симъ мѣстомъ. Лишь бы намъ высадить туда «Русскіе штыки; ими все возьмешь, а тамъ пайдешь чѣмъ «продовольствоваться. Впрочемъ это все надобно изготовлять «исподоволь и втихомолку».

—«Въ такомъ случаѣ нужны будутъ артиллерійскій паркъ, инженерный паркъ»....

—«Это все будетъ».

—«Гарнизонная артиллерія, госпитали и много подобныхъ вещей».

—«Это все тебѣ дадутъ».

Англичане, оскорбленные заключеннымъ нами съ Турціею договоромъ, по коему иностраннымъ военнымъ судамъ возбранялся входъ въ Дарданеллы, требовали на оборотъ, чтобъ и нашимъ военнымъ судамъ воспретили выходъ чрезъ Геллеспонтъ. Его Величество, объяснивъ мнѣ обстоятельства сіи, сказывалъ, что заключитъ съ Англіею чрезъ ожидаемаго лорда Дургама договоръ, по коему запретитъ судамъ нашимъ ходить въ Архипелагъ, съ тѣмъ, чтобы и Англичане не переходили Дарданеллъ, и объявилъ мнѣ, что Онъ для того назначилъ меня въ этотъ корпусъ, чтобы я былъ у Него въ готовности, на всякій случай, въ той странѣ.

При свиданіи моемъ съ военнымъ министромъ, онъ гов-

рилъ, что всѣ приготовленія къ отправленію войскъ за море у нихъ сдѣланы; по обыкновенію своему, самъ говорилъ и ничего не выслушивалъ; почему, основываясь на приказаніяхъ Государя—быть во всегдашней готовности—я счелъ обязанностію предупредить министра, что по прибытіи къ корпусу, немедленно займусь составленіемъ подробной записки о приготовительныхъ распоряженіяхъ, нужныхъ для внезапнаго отправленія войскъ въ походъ.

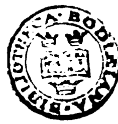
Пріѣхавъ въ корпусъ, я немедленно занялся составленіемъ подробнаго проекта экспедиціи моремъ и отправилъ его къ министру, а въ слѣдующемъ 1836-мъ году послалъ къ нему такой же проектъ сухопутной экспедиціи въ Царьградъ чрезъ княжества, доставивъ копіи съ того и другаго къ графу Орлову, котораго я также предупредилъ о томъ еще въ Петербургѣ.

Въ началѣ 1837 года, я опять былъ въ столицѣ по надобностямъ службы. Тогда шли сильныя пренія о захваченномъ нами у береговъ Абхазіи англійскомъ купеческомъ суднѣ Виксенѣ, на которомъ везлось оружіе для горцевъ. Предвидѣлся разрывъ съ Англіею. Государь говорилъ мнѣ: «Не полагаю Англичанъ столь глупыми, чтобъ начать войну изъ этого дѣла; но если бы они ее затѣяли, то тебя я перваго пошлю съ войсками въ проливы; почему надобно держаться въ такой готовности, чтобы можно было выступить въ 24 часа. Все зависитъ отъ быстроты. Ты пойдешь моремъ, а между тѣмъ часть твоего корпуса двинется сухимъ путемъ, и мы эту часть усилимъ твоими резервами и запасными баталіонами. Если же бы Англичане вздумали сюда показаться, то ручаюсь, что ни одинъ изъ вышедшихъ на берегъ не сядетъ обратно на суда. Вотъ вамъ будетъ случай заслужить георгіевскихъ крестовъ, и нижнимъ чинамъ и офицерамъ. Тебѣ надобно будетъ дѣйствовать вмѣстѣ съ Лазаревымъ, душа въ душу».

Въ ожиданіи изъ Англіи отвѣта на посланную изъ министерства ноту, меня задержали, по волѣ Государя, нѣсколько времени въ Петербургѣ и поручили составить новые проекты морской и сухопутной экспедиціи; почему военный министръ препроводилъ ко мнѣ соображенія, представленныя мною въ прошедшихъ годахъ о семъ предметѣ. Онѣ были нѣсколько измѣнены въ министерствѣ, перестановленіемъ нѣкоторыхъ статей и неважными поправками. Въ такомъ видѣ первое изъ нихъ о десантномъ отрядѣ было послано еще въ 1835-мъ году за границу, гдѣ тогда находился Государь. Это можно было видѣть по собственноручнымъ отмѣткамъ Его Величества, сдѣланнымъ на поляхъ, сколько мнѣ помнится, въ Прагѣ, что̀ въ Богеміи. Замѣчанія сіи касались только незначительныхъ измѣненій въ назначеніи войскъ. Копіи съ письма ко мнѣ военнаго министра, отвѣта моего и представленной при немъ записки, прилагаются въ концѣ книги подъ буквами К. К. Составивъ требованные проекты, я представилъ ихъ министру и показалъ князю Меншикову, который тогда вынулъ изъ стола составленную имъ о томъ же предметѣ записку; предположенія его почти совершенно сходствовали съ моими.

Въ бытность мою въ 1837-мъ году въ Вознесенскѣ, графъ Орловъ, возвратившійся передъ тѣмъ изъ Англіи, говорилъ мнѣ, что онъ на долгое время не предвидитъ болѣе военныхъ дѣйствій. При свиданіи же моемъ съ Его Величествомъ, когда рѣчь шла о войнѣ, Государь, крестясь и въ шуткахъ отплевываясь, сказалъ: «Не дай Богъ войны».

КОНЕЦЪ.

ПОЗДНѢЙШЕЕ ПРИБАВЛЕНІЕ.

Записки сіи уже приходили къ концу, когда я получилъ описаніе войны Мегмеда-Али противъ Порты, сочиненное Кадальвеномъ на французскомъ языкѣ въ 1837 году. Въ первой половинѣ этой книги заключается описаніе военныхъ дѣйствій, изложенныхъ съ ясностію и довольною подробностію. Свѣдѣнія почерпнуты имъ частію изъ газеты «Le Moniteur Ottoman», издаваемой въ Царѣградѣ, а болѣе изъ реляцій, писанныхъ и печатанныхъ въ Египтѣ. Планы сраженій составлены съ отчетливостію, употребляемою только въ европейскихъ войнахъ, гдѣ они часто свидѣтельствуютъ болѣе объ изобрѣтательности сочинителя, чѣмъ о предварительныхъ распоряженіяхъ главнокомандующаго. Не менѣе того, главный обзоръ сраженій въ этихъ чертежахъ изображенъ справедливо, чему служатъ повѣркою мои чертежи сихъ сраженій, хотя не столь полные, но основанные на однѣхъ турецкихъ свѣдѣніяхъ и словесныхъ показаніяхъ нѣкоторыхъ лицъ, участвовавшихъ въ нихъ; одни съ другими схожи. Въ описаніяхъ военныхъ дѣйствій встрѣчается также много сходства; но, какъ выше сказано, въ иныхъ случаяхъ болѣе подробности у Кадальвена. Я оставилъ однако же сочиненіе мое неприкосновеннымъ, не измѣнилъ и не пополнилъ вновь найденными свѣдѣніями то, что̀ уже было мною написано, потому что сличеніе двухъ описаній объ одномъ и томъ же предметѣ, почерпнутыхъ изъ раз-

ныхъ источниковъ, болѣе послужитъ къ открытію истины, часто заглушаемой пристрастными разсказами обѣихъ сторонъ.

Не такъ вторая половина книги Кадальвена. Онъ коснулся политическихъ сношеній державъ, не имѣя, какъ замѣтно, въ руководство ничего инаго, какъ нѣсколько письменныхъ актовъ и разсказовъ французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Константинополѣ барона Варенна, человѣка пристрастнаго, и въ послѣдствіи частію устраненнаго отъ политическихъ дѣлъ, коихъ главный ходъ нами всегда былъ тщательно отъ него скрываемъ. Извѣстія о дипломатическихъ особахъ неосновательны, о сношеніяхъ же ихъ между собою и дѣйствіяхъ Дворовъ еще менѣе. Вездѣ господствуетъ легковѣріе и пристрастіе, неразлучныя со всѣми почти описаніями Французовъ;—и это понятно; но что̀ непростительно въ книгѣ Кадальвена, это измѣненіе самыхъ фактовъ. Не предпринимая критическаго обзора его сочиненія, я назову здѣсь, для примѣра, только одинъ изъ многихъ подобныхъ случаевъ, наполняющихъ книгу его, отъ коихъ искажается и вся истина повѣствованія: напримѣръ, онъ говоритъ на стр. 357-й, что Галиль-паша отказался принять меня на своемъ суднѣ въ Александріи, тогда какъ съ моей стороны не было никакихъ покушеній для посѣщенія его, и тому подобное. Совершенное незнаніе тогдашнихъ дѣлъ такого частнаго и неизвѣстнаго лица, каковъ былъ Кадальвенъ до изданія его книги, служитъ вѣрнымъ поручительствомъ неосновательности, съ которою онъ изложилъ современныя ему событія.

Въ общихъ сужденіяхъ, онъ всю заслугу примиренія относитъ къ дѣйствіямъ Французовъ. Запутанность, съ коею списанъ весь ходъ дѣйствій, показываетъ, что сочинитель писалъ болѣе по догадкамъ, чѣмъ по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ. Замѣтно, что онъ трудился не для обнаруженія истины; но единственно съ пылкимъ желаніемъ передать въ по-

томство выгодное мнѣніе о поступкахъ своего правительства и своихъ соотчичей, и съ желаніемъ опорочить намѣренія державъ, съ коими сношенія Франціи были тогда дружелюбны по одной только наружности.

Если я, при составленіи сихъ Записокъ, былъ также движимъ чувствами любви къ отечеству, могущими иногда вовлечь въ пристрастныя сужденія, то въ пользу моей книги остается вѣрное изложеніе самыхъ фактовъ, которые могутъ служить къ основательнымъ заключеніямъ о состояніи дѣлъ, ходѣ сношеній, дѣйствіяхъ причастныхъ лицъ и видахъ участвовавшихъ Дворовъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

А (къ стр. 16).

S-t Pétersbourg. Le 1-er Novembre 1832.

Monsieur le Général!

Les événemens que l'insurrection d'Egypte fait naître attire depuis longtems les regards de l'Empereur et deviennent aujourd'hui l'objet de Ses méditations les plus sérieuses. Une seule campagne a suffi pour consommer le triomphe de Mehmed-Ali, et pour attester à la face de l'Orient l'impuissance de la Porte. St. Jean d'Acre est tombé, Damas et les provinces voisines se sont soumises, une seule journée a détruit l'armée turque. Vainqueur à Homs, Ibrahim-Pacha a franchi rapidement la Syrie et marché jusqu'au pied du mont Taurus.—Une distance peu considérable le sépare encore de la capitale de l'Empire Ottoman.

Si le mouvement de l'armée d'Egypte s'est arrêté, si les difficultés inséparables de toute expédition lointaine, ne lui ont point permis de poursuivre ses avantages, il n'en est point moins certain que la présence d'Ibrahim-Pacha au coeur de l'Asie Mineure menace le pouvoir du Sultan Mahmoud d'un danger, de jour en jour plus imminent. Les peuplades d'Asie, personne ne l'ignore, supportent avec impatience les réformes et les impôts nouveaux. Leur obéissance, mal assurée jusqu'ici, devient douteuse depuis les revers, que la Porte vient d'éprouver. Aussi n'ont elles pas entièrement répondu à l'appel du Grand Seigneur. De plus la défection s'est mise dans les rangs de l'armée de Hussein-Pacha. Cet exemple, si les hostilités allaient se renouveler, pourrait devenir fatal à la Porte.

Le Sultan, malgré les efforts qu'il fait pour réparer les pertes de la campagne dernière, paraît donc lutter aujourd'hui avec des avantages contre les chances de la guerre. A mesure qu'elle se prolongera, et

qu'elle s'étendra sur les provinces voisines de la Capitale, elle excitera un mécontentement général, ranimera les espérances des Janissaires, et préparera une catastrophe, funeste à l'Empire Ottoman.

Quelles que soient les conséquences que cet événement amènerait à sa suite, elles ne resteraient point étrangères à la Russie. Car par une conséquence inévitable de cette même catastrophe, les avantages directs, que la Russie doit au traité d'Adrianople, pourraient se trouver exposés à être remis en question. Il en résulterait de toute nécessité que l'Empereur, appelé à faire respecter Ses propres droits, se verrait obligé de nouveau à reprendre, malgré Lui, une attitude menaçante envers la Turquie. Mais il y a plus. Lors même, que le trône du Grand Seigneur, ébranlé par la révolte viendrait à crouler sans secousse, et que Mehmed-Ali réussirait à accomplir sans obstacle les desseins que son ambition a trahis, les résultats qu'entraînerait un pareil ordre de choses n'en seraient pas moins nuisibles et hostiles à la Russie. D'abord l'influence française qui a pris racine en Egypte, et qui s'est accrue avec la puissance du Vice-Roi, suivrait sa fortune en Europe. Bientôt Constantinople deviendrait le foyer où iraient se réfugier tous les hommes sans principes et sans patrie, qui conspirent contre la Russie. Enfin, pour résumer toutes les conséquences, que ce nouvel ordre de choses nous présage, il suffira de dire qu'avec Mehmed-Ali, la Russie verrait succéder un voisin fort et victorieux, à un voisin faible et vaincu.

Toutes ces considérations réunies ont porté Notre Auguste Maître à penser qu'il est de l'intérêt bien entendu de Son empire de contribuer, s'il se peut, à prévenir la chûte du Sultan Mahmoud et de maintenir ainsi la Turquie dans l'état stationnaire où elle se trouve, combinaison qui se concilie le mieux avec le système de politique permanent, ainsi qu'avec les considérations de prudence qu'on ne saurait perdre de vue au milieu de l'incertitude qui pèse sur les affaires de l'Occident.

Pénétré de l'importance de cette vérité, L'Empereur a résolu de Se prononcer hautement contre l'insurrection du Vice-Roi d'Egypte, et d'user de toute Son influence morale pour en arrêter le progrès. Sa Majesté ayant pris cette détermination, Vous a choisi, Monsieur le Général, pour être l'organe de Ses volontés. Vous allez les faire connaître sans retard. Il appartient à la grandeur de la Russie de se prononcer la première en Europe, toutes les fois qu'il s'agit des destinées de l'Orient.

Déjà un premier acte de Notre Auguste Maître a annoncé la résolution dont Il a frappé la révolte de l'Egypte. Un ordre formel de Sa Majesté a rappelé notre Consulat d'Alexandrie. Le $\frac{20 \text{ Août}}{1 \text{ Sept.}}$ l'agent chargé provisoirement de sa gestion, a quitté son poste, suivi de tous les sujets Russes, résidants à Alexandrie.

L'impression que cette circonstance a produite est digne de remarque.

D'une part elle a servi à ranimer le courage de la Porte, et de l'autre, elle a pour résultat de préoccuper fortement le Vice-Roi, en lui faisant envisager sous un aspect plus grave les conséquences de l'entreprise, qu'il a tentée. Votre Excellence en trouvera la preuve, en prenant lecture du rapport par lequel le Consul Lavison rend compte de deux entretiens qu'il a eus avec Mehmed-Ali, la veille de son départ d'Alexandrie.

Les informations que ce rapport contient, sont d'une importance réelle à nos yeux, parce qu'elles nous révêlent les idées, que le Vice-Roi a nourries, en apprenant, que l'Empereur, pour lui témoigner Son mécontentement, venait de rappeler Son Consulat. «Voilà une mesure», a dit Mehmed-Ali, «qui part d'un cabinet, fidèle à ses traités et in-«variable dans ses principes. Cette disposition est de nature à me «faire craindre que la Russie n'ait l'intention d'assister le Sultan. «Elle dérangerait par là tous mes calculs. Il faudrait m'arrêter».

Plus tard il a ajouté: «je suis persuadé que la cour Impériale de «S-t Pétersbourg n'aurait point rappelé son Consul, si Elle avait connu «les succès progressifs de l'armée Egyptienne en Syrie».

L'Empereur a entendu ces paroles. Votre mission, Monsieur le Général, y sert de réponse.

Elle est faite pour prouver au Vice-Roi que ses succès, quels qu'ils soient, ne sauraient influer sur la politique de Notre Auguste Maître, ni altérer Ses déterminations.

C'est dans cette vue que Sa Majesté adresse au Sultan la lettre du Cabinet ci-jointe en original et en copie, que Votre Excellence est chargée de lui remettre.

Veuillez vous pénétrer des sentimens, qu'elle énonce et peser les paroles qui les expriment. Vous y trouverez, Monsieur le Général, la pensée de l'Empereur dans toute sa vérité. Vous y reconnaîtrez le caractère que doit porter la mission, dont Vous êtes chargé.

Elle Vous impose un double devoir:

Le premier consiste à faire apprécier et acueillir par le Grand Seigneur, la démarche qui Vous est confiée

Le second a pour objet d'agir sur l'esprit du Vice-Roi, afin de le disposer à la paix.

Les directions contenues dans la présente, Vous fourniront les moyens de remplir ce double objet d'une manière conforme aux volontés de l'Empereur.

A votre arrivée à Constantinople Vous voudrez bien, Monsieur le Général, remettre au représentant de Sa Majesté la dépêche ci-jointe en original et en copie. Elle sert à instruire Monsieur de Bouténeff du but de Votre mission et l'invite à Vous offrir sa coopération pour Vous seconder dans l'exécution des ordres de l'Empereur. Sa Majesté daigne honorer M-r de Bouténeff de toute Sa confiance. Elle se plaît donc à croire que Vous trouverez en lui l'assistance la plus utile pour guider vos démarches. Leur premier objet sera de bien préciser, d'abord auprès du Ministère Ottoman et ensuite auprès du Sultan lui-même, la nature et le but de Votre envoi. Autrement, nons nous exposerions à faire naître dans l'esprit du Gouvernement Turc, des impressions contraires à celles que nous cherchons à produire. Deux préventions peuvent s'élever contre le but de Votre mission. Il importe de les détruire. Je vais les indiquer clairement.

Une première appréhension qu'il est facile de concevoir et d'excuser, fera craindre au Gouvernement Ottoman que la Russie, sous le prétexte de s'intéresser à la pacification de l'Egypte, cherche à s'ingérer dans cette question, uniquement pour accroître son influence et servir ses vues particulières à l'égard des affaires du Levant.

Une autre idée, qui peut se présenter également à l'esprit du Ministre Turc, est celle de croire que la Russie, jalouse de la demande de secours, faite par la Porte auprès de l'Angleterre, s'empresse de prévenir cette puissance et de se placer en première ligne, en offrant spontanément son assistance matérielle au Grand Seigneur.

Il Vous sera facile, Monsieur le Général, de détruire cette double supposition, en établissant d'une manière claire et précise la tendance de Votre mission. Elle ne doit être, selon la volonté de l'Empereur, ni une offre d'intervention, ni une offre de secours directs. Elle est simplement une manifestation solemnelle des intentions de Notre Auguste Maître, Qui se croit en devoir, avant comme après les succès obtenus par le Pacha d'Egypte, de condamner hautement l'oeuvre de la révolte et de persister dans Ses dispositions amicales envers le Sultan.

C'est dans ce sens que Vous aurez à Vous expliquer envers le Grand Seigneur et ses Ministres. Inspirez leur la conviction que l'Empereur, Qui ne tolère point que d'autres puissances s'ingèrent dans les intérêts

directs de la Russie, ne cherche pas non plus à étendre son influence sur des questions qui lui sont étrangères. Faites leur bien sentir la vérité des paroles que renferme la lettre de Sa Majesté au Sultan. Elle annonce que l'Empereur, quelque soit le cours des événemens, restera toujours l'ennemi de la révolte, l'ami fidèle de S. H.

Le Vice Roi, au départ de notre Consul, a paru douter de cette vérité. Vous êtes chargé de la répéter en sa présence avec une nouvelle force, au nom de Notre Auguste Maître. Voilà en peu de mots le but de Votre mission.

En précisant de cette manière les ordres dont Vous êtes muni, et les intentions dont Vous êtes l'interprête, Vous parviendrez, nous n'en doutons point, à faire apprécier comme elles méritent de l'être, les dispositions bienveillantes, dans lesquelles Notre Auguste Maître Vous charge de parler et d'agir en Son nom.

Mais, pour que Ses volontés s'accomplissent il faut que l'action en soit prompte.

Le succès de Votre mission exige impérieusement, Monsieur le Général, que Votre séjour à Constantinople s'abrège autant que possible. Conservez donc soigneusement le caractère spécial que la volonté de l'Empereur imprime aux paroles que Vous allez porter. Plus elles parviendront au but, plus elles seront fortes et imposantes. Car, ce n'est point une négociation diplomatique qu'il Vous est confié de conduire à son terme; c'est un mot de l'Empereur qui doit, par Votre organe, aller frapper droit au coeur du Vice-Roi, pour lui inspirer des déterminations salutaires.

C'est à la modération, autant qu'à la fermeté de Votre langage, qu'il appartient, Monsieur le Général, de faire naître ces déterminations dans l'esprit de Mehmed-Ali et de les fortifier par de sages conseils. Les vérités que Vous Vous attacherez à lui faire entendre sont simples. Vous lui direz que l'Empereur, ami et gardien de la paix de l'Orient, ne saurait demeurer étranger aux causes qui tendent à la compromettre; que sa Majesté réprouve donc hautement l'insurrection qui porte le trouble au sein de l'Empire Ottoman; enfin qu'une cessation immédiate des hostilités sur terre et sur mer, et un prompt retour au bon ordre peuvent seuls faire disparaître le mécontentement dont Sa Majesté Impériale frappe la conduite du Pacha d'Egypte.

Si Mehmed-Ali se montre accessible à Vos paroles, et les acueille avec l'intention manifeste de Vous rendre l'intermédiaire entre lui et la Porte, pour établir les conditions de cette réconciliation, Vous éviterez, Monsieur le Général, de vous charger de ce rôle et Vous déter-

minerez le Pacha à donner un premier gage de la sincérité de ses dispositions, en adressant directement ses voeux à la Porte. Car il n'est point de l'intention de l'Empereur ni de Sa dignité de prendre sur Lui la tâche de médiateur entre le Sultan et le Pacha d'Egypte. Le but de Votre mission est donc rempli, si Vous parvenez à inspirer à ce dernier la volonté de faire cesser les hostilités et d'entrer en pourparlers avec le Gouvernement Turc. Le pas le plus important sera fait. Le progrès de la révolte aura été arrêté. Le tems fera le reste. Mais si le Vice-Roi oppose à Votre langage une résistance formelle ou des excuses vaines, Vous êtes autorisé à lui déclarer: que quelque puisse être le succès de sa criminelle entreprise, les résolutions de l'Empereur qui la condamnent aujourd'hui ne changeraient jamais; que lors même que le trône du Sultan serait renversé par l'oeuvre de la révolte, le nouvel ordre de choses qu'elle établirait en Turquie, n'obtiendrait point la sanction de Notre Auguste Maître. Enfin Vous ferez entendre à Mehmed-Ali, en termes clairs et précis, que si une pareille catastrophe venait à bouleverser l'Empire Ottoman, la Russie, fermement décidée à maintenir les droits que lui assurent les traités qu'elle a conclus avec la Porte, saurait les faire respecter par la force des armes, à quiconque entreprendrait de les enfreindre. Si telle est la déclaration que Vous êtes dans la nécessité de faire, Votre langage, sans avoir le ton de la menace, aura néanmoins toute l'énergie et toute la force, qu'il conviendra de déployer pour faire connaître positivement les résolutions de l'Empereur et commander le respect qu'elles réclament.

Dans l'une et l'autre des deux suppositions que je viens d'indiquer, Votre Excellence voudra bien hâter son retour à Constantinople, afin d'instruire notre Ministre de l'issue de Votre mission.

Quels que soient les résultats, qu'il nous est permis d'en attendre, L'Empereur, en Vous la confiant, se plaît à penser que la manière dont Vous la remplirez, attestera aux yeux de tous la loyauté de Sa politique et prouvera en même tems que les destinées de l'Orient ne se décident point sans la Russie.

Recevez, Monsieur le Général, l'assurance de ma considération très-distinguée.

(signé) Nesselrode.

B (къ стр. 6)

Visite faite à Mehmed-Ali le $^{6}/_{18}$ Août 1832, par le Conseiller honoraire soussigné, à l'occasion de son rappel, et celle du $^{19}/_{31}$ du dit mois, veille de son départ.

1-re Visite.

Un avis en date du 28 Juillet n. s. partant par le Moniteur Ottoman du our suivant et envoyé, voie de Smyrne, par S. E. l'Internonce d'Autriche au Consul M-r Acerbi, avait précédé de deux jours la réception à Alexandrie du triplicata de la dépêche de la légation de Sa Majesté, en date du $^{18}/_{30}$ même mois sub N 485 parvenu au soussigné par la voie de Syra. M-r Acerbi avait immédiatement communiqué cet avis à M-r Boghos-Iousouff.

Le $^{6}/_{18}$ Août, jour de la réception de la dépêche précitée, il ne fut possible de voir Mehmed-Ali, que dans la soirée, parcequ'il n'avait pas tenu Divan le matin, s'étant fait saigner la veille au soir. M-rs les Consuls d'Anastasy (Suède) et de Rossetti (Toscane) sortaient de la salle d'audience, lorsque le soussigné s'y est présenté: ils avaient été témoins de la mauvaise humeur du Pacha, auquel M-r Boghos avait déjà donné à comprendre que le rappel du soussigné serait incessamment suivi de celui de M-r Acerbi; Mehmed-Ali avait dit à cette occasion: «Qu' importe que tous les Consuls s'en aillent, pourvu qu'il reste ici «des négocians avec des capiteaux pour acheter mes récoltes». Les interlocuteurs avaient fait observer alors au Pacha que la plupart des négocians ne resteraient pas sans Consuls en Egypte; ce qui fit répondre à celui-ci «que l'appas du gain tiendrait toujours les gros faiseurs «auprès de lui».

En se présentant à Mehmed-Ali, le soussigné ne pouvant lui causer aucune surprise, lui trouva son humeur accoutumée, un air ouvert et riant, mais aussitôt que la conversation fut engagée, le Pacha ne put dissimuler qu'avec peine son désappointement.

Voici l'analyse de cette conversation, telle qu'elle a été notée par le soussigné au sortir de l'audience. Mehmed-Ali, après avoir manifesté son étonnement sur ce que celui-ci était le seul rappelé, tandis que les Consuls Européens et notamment ceux de France et d'Angleterre continuaient d'être à leurs postes, l'à propos vint de faire sentir au Pacha que les circonstances actuelles dans lesquelles se trouvait l'Egypte, avaient provoqué l'ordre qui rappelait le soussigné.

Mehmed-Ali, après quelques instants de réflexion, en témoigna d'abord tout son déplaisir. «J'avois demandé confidentiellement,» dit-il au soussigné «l'opinion politique de la cour Impériale de Russie (à la «considération de laquelle j'attache un prix infini) peu de tems après «Votre arrivée, sans avoir été jusqu'ici honoré d'une réponse, et je pen«se que les succès de mon fils Ibrahim en Syrie, tandis que l'expédi«tion avoit pour but patent de mettre Abdallah Pacha à la raison, de«vaient inévitablement donner à mes vues une interprétation défavorable».

Le Pacha fit ensuite part du doute dans lequel il était que le Cabinet de S-t Pétersbourg n'ait voulu en rappelant l'agent qu'il avait en Egypte, donner un exemple, qu'il espérait voir suivre par les autres puissances, qu'il pensait bien que l'Autriche et même la Prusse feraient partir leurs Consuls, mais qu'il ne pouvait pas croire que les cours de Londres et de Paris en fissent autant.

Le soussigné ayant annoncé qu'il avait ordre de partir immédiatement, Mehmed-Ali lui en exprima ses regrets, en l'assurant, qu'après son départ, les sujets et navigateurs Russes seraient protégés dans leurs intérêts comme par le passé: même sans être recommandés à d'autres Consulats et que le soussigné pouvait continuer à séjourner en Egypte comme simple particulier.

Le soussigné répondit à cette prévenance que dès le matin, le peu de sujets, qui restaient en Egypte avoient déjà pris leurs passeports visés et leur Teskéré (Permis) de départ, que les navigateurs étaient aussi munis de leurs expéditions et Tamkin (billet de sortie de la douane) et que dès l'aube du jour suivant, les armes du Consulat seraient descendues.

Cette réponse qui était l'expression véridique des faits, déconcerta un instant Mehmed-Ali, il se remit et demanda alors confidentiellement si S. E. Mr l'Envoyé de Russie à Constantinople aurait pu entrer pour quelque chose dans le rappel du soussigné, et pourquoi celui-ci agissait avec tant de promptitude: il lui répliqua nettement que les ordres reçus, quoique transmis par S. E., venaient directement du Ministère Impérial, et au nom de Sa Majesté. Alors le Pacha ne put se défendre d'un moment de dépit: «Voilà, dit-il, une mesure qui part d'un Cabi«net, fidèle à ses traités et invariable dans ses principes, cette me«sure est de nature à me faire craindre que la Russie n'ait l'intention «d'aider la Porte Ottomane: oui, la Russie est la mieux placée pour cela; «en assistant le Sultan Mahmoud, elle dérangerait tous mes calculs, et «il faudrait m'arrêter. Au surplus, j'attends le résultat des affaires sur

«mer, pour me porter de ma personne en Syrie, y consolider ma po«sition militaire et y établir une administration intérieure.»

Il était facile de reconnaître dans ce moment, que Mehmed-Ali était tout aussi contrarié du rappel du soussigné, que de l'inaction de sa flotte. Il termina en disant: «à quand le départ?» Le soussigné lui répondit qu'il arrêterait son passage le lendemain, et le Pacha le pressa de venir le revoir la veille de l'embarquement.

2-e Visite.

Il fut d'abord question des nouvelles de Syrie et de l'espérance d'une prochaine affaire sur mer. Le pyroscaphe Français le Sphynx n'avait pas rencontré la flotte égyptienne, dans sa seconde tournée de complaisance, ce qui prouvait qu'elle s'était élevée en mer, au dessus de l'escadre Ottomane, et était à même de l'empêcher de retourner aux Dardanelles et attendre le moment favorable de la battre.

Cette fois-ci c'est Mehmed-Ali, qui s'est emparé de la conversation et il a dit en substance au soussigné ce qui suit:

«Je suis persuadé que la Cour Impériale de S-t Pétersbourg ne vous «aurait pas rappelé, si Elle avait connu les succès progressifs de l'ar«mée Egyptienne en Syrie. Elle croyoit que d'un côté, Hussein Pacha «anéantiroit Ibrahim et que de l'autre, l'escadre Ottomane détruirait la «mienne. Je suis faché qu'elle ne vous ait tenu jusqu'ici que comme «simple agent commercial, et qu' elle me prive de Votre présence; «j'ai toujours fait cas de Votre franchise; vous avez toute ma confian«ce, et Vous pourrez présenter ma position actuelle et même les res«sources dont je dispose sous leur véritable jour. J'avais des griefs con«tre Abdallah Pacha, j'ai demandé même la Syrie à la Porte, en lu «offrant des indemnités que personne ne pouvait lui fournir pour l'aider «à s'acquitter envers la Russie: une demi-promesse non suivie d'effet, «m'a mis dans la nécessité de pousser mes opérations et d'obtenir la «possession de ce qui me convenait. Quoique je n'en veuille pas à la «dynastie régnante à Constantinople, les peuplades du Diarbékir, du «pachalik de Bagdad, les provinces méridionales de l'Asie Mineure et «même quelques unes de la Turquie d'Europe s'intéressent à mon a«grandissement. Plusieurs d'entre elles le demandent; mais je ne convoite «pas le trône du Sultan. Je sais tont ce qui se fait à Constantinople et «tout ce qu'on peut y faire. Une bataille navale en ma faveur renver«serait bien le Grand-Seigneur; mais je respecterai les droits de ses en«fants qui sont les successeurs du Prophète. Sur terre, je ne crains au«cunément les forces de la Porte. Mon fils Ibrahim à Adana pesera sur «les destinées plus que la diplomatie ne peut le croire. Nous vivons

«dans une époque où la politique donne beaucoup au hasard, et ne «fait agir ses ressorts qu'après l'événement. C'est au Grand-Seigneur à «refléchir sur les suites d'une lutte qu'il ne saurait soutenir par ses «propres moyens; il me traite de rebelle à la face du monde entier et «il oublie que j'ai conquis l'Egypte par le sabre et que c'est le sabre «qui me l'arrachera. Les Arabes sont tous pour moi et ils valent «mieux que les Turcs. Je suis vassal du Sultan, quoique le droit de con«quête m'ait donné l'Egypte; en occupant la Syrie, j'aurais encore «été son sujet et le soutien de son Empire; malheureusement Sa Hau«tesse, au lieu de me considérer comme son auxiliaire, me traite de «rebelle, lance des anathêmes contre moi et mon fils Ibrahim, bloque «les ports de l'Egypte, sans en avoir les moyens, tandis que je puis «pousser mes forces navales jusque sur l'Hellespont et y trouver des «amis, comme j'en ai trouvé ailleurs. On dit que mes ressources fi«nancières sont au dessous des forces, dont je dispose; que ceux à qui «je dois se nomment, à qui ai-je emprunté? malgré que la solde de «mes soldats et marins soit arriérée, n'ai-je pas toujours une réserve «de 25 m. bourses pour faire face à un besoin pressant? J'ai calculé «plus que l'on ne pense dans les Cabinets de l'Europe, avant et «après la prise de S-t Jean d'Acre, sur ce que je pouvais faire, et «l'événement a prouvé que je ne me suis pas trompé dans mes calculs. «La Russie seule peut aider promptement et efficacement la Porte «Ottomane. Je ne crois pas qu'il lui convienne de le faire; le Sultan «Mahmoud n'aura jamais les moyens de s'acquitter envers elle, par«ceque ce monarque ne peut rien par lui-même pour soutenir l'isla«misme, tandis que l'impéritie de ses Ministres laissera tomber son Em«pire en lambeaux. Au surplus je m'attends à tout et je suis prêt à tout».

Lors de la seconde visite durant la prière du soir au Palais du Pacha, le nom du Sultan était prononcé comme à l'ordinaire. Les ulemas des villes saintes et conquises n'avaient pas encore rendu un fetva en opposition à celui lancé à Constantinople. Cette pièce, élaborée de longue main, mais non encore signée, manquait sans doute, ainsi que le gain d'une bataille navale, pour donner cours à la publication dont il est question dans le rapport.

Il faut encore dire ici, que je n'ai point parlé des Grecs protégés de Russie à Mehmed-Ali, parceque tant les sujets, que les navigateurs, avaient la faculté de s'adresser aux Consulats de France et d'Angleterre: signification leur avait été faite de mon rappel dès le matin du $^{6}/_{18}$ Août, en leur restituant leurs passeports et expéditions.

Beiouk-déré, le $^{11}/_{23}$ Septembre, 1832.

(signé) Lavison.

C (къ стр. 13)

Copie d'une lettre de cabinet
au Sultan Mahmoud.

Très-Illustre et très-puissant Souverain et Padischah des Ottomans.

J'ai vivement à coeur de prouver à V. H. que les assurances d'amitié dont j'ai chargé le C-te Orloff d'être l'interprête, et que Halil Pacha lui aura réitérées en mon nom, ne sont pas des paroles vaines, mais l'expression d'un sentiment vrai et durable. V. H. en reconnâitra la sincérité par l'intérêt que je prends aux dangers, dont l'Empire Ottoman se voit menacé par l'insurrection d'Egypte. Dès qu' elle m'a été connue, je n'ai point hésité à frapper hautement de réprobation cette oeuvre de trahison et de révolte, en rappelant aussitôt mon Consulat d'Alexandrie. Depuis, les progrès de l'armée d'Egypte ont été rapides, et les circonstances ont paru s'aggraver de jour en jour. Il m'importe donc, plus que jamais, de prouver en ce moment à la face de l'Europe, que le succès, quel qu'il soit, ne saurait ébranler ma politique, ni altérer mon amitié. Dans cette vue, j'ai résolu de faire une démarche directe auprès de Mehmed-Ali, afin de lui faire connaître ma manière d'envisager sa criminelle entreprise, ainsi que les conséquences auxquelles il s'exposerait en y persistant. J'ai chargé de cette mission le Lieutenant Général Mouravieff. Il se rendra à Alexandrie, et fera entendre à Mehmed-Ali que, quelle que puisse être la marche des événements, il trouvera toujours en moi l'ennemi de la révolte, l'ami fidèle de V. H.—Ma confiance est en Dieu. J'espère qu' Il donnera de la puissance à mes paroles, et daignera bénir les voeux que je forme pour le rétablissement de la paix de l'Orient.

C'est dans cette conviction que je charge le Lieut-t Général Mouravieff de remettre la présente entre les mains de V. H. Je La prie d'honorer cet Officier G-l d'un accueil favorable, d'accorder une foi entière à tout ce qu'il aura l'honneur de Lui exposer en mon nom, et de croire surtout aux assurances qu'il offrira à V. H. de ma sincère et constante amitié.

Sur ce, je prie Dieu qu'il accorde de longues années de gloire et de prospérité à V. H. et qu'Il l'ait en Sa sainte et digne garde.

(signé) Nicolas.

S-t Pétersbourg,
le 1-er Novembre 1832.

D (къ стр. 13)

Copie d'une dépêche à M-r de Bouténeff.

S-t Pétersbourg le 1-er Novembre, 1832.

Vos dépêches du mois de Septembre, en rendant compte des progrès rapides de l'insurrection d'Egypte, ont pénétré L'Empereur de la nécessité d'y mettre promptement un terme afin d'empêcher, s'il se peut, que l'Orient ne devienne de nouveau le théâtre des complications les plus graves.

Dans cette intention notre Auguste Maître a résolu d'user de Son influence morale et de faire une démarche directe en Egypte, pour y amener, s'il est possible, le rétablissement de la paix.

Sa Majesté a daigné charger de cette démarche le Lieutenant Général Mouravieff, qui Vous mettra en possession de la présente dépêche.

Par l'instruction ci-jointe en copie, vous apprendrez à connaître le but et le caractère de la mission, que cet Officier Général a reçu l'ordre de remplir.

L'Empereur se plaît, Mr, à Vous confier spécialement le soin de le seconder dans ses démarches et de lui prêter tout l'appui de Votre expérience et de Votre zèle éprouvé.

Immédiatement après l'arrivée du Général Mouravieff, Vous voudrez bien l'annoncer à la Porte, l'accompagner en conférence chez le Reis-Effendi, exposer, de concert avec lui, le véritable but de son envoi, remettre à cet effet la copie de la lettre de Cabinet, dont il est porteur, enfin de solliciter pour lui une audience privée auprès du Grand Seigneur, afin de le mettre à même de s'acquitter sans délai, auprès de ce Souverain, des ordres de Notre Auguste Maître.

Vous ne jugerez pas inutile, peut-être, indépendamment de cette démarche officielle, de faire parvenir en même tems au Sultan un avis plus confidentiel et plus direct sur la véritable tendance de l'envoi du Général Mouravieff, en vous servant à cet effet des voies secrètes dont Vous disposez si utilement. Une communication de ce genre me paraît d'autant plus avantageuse, qu'il nous importe d'écarter les préventions avec lesquelles le Sultan et ses conseils pourraient juger la présente mission. Vous y parviendrez aisément, en précisant le caractère de cette mission, ainsi que nous l'avons fait dans les instructions jointes à cette dépêche.

De cette manière nous croyons pouvoir être assurés que la démar-

che, qu'il s'agit de faire, sera appréciée et acueillie à Constantinople, comme elle mérite de l'être. L'Empereur, en se décidant à la faire, a cru préférable de la notifier positivement à la Porte, comme une résolution prise spontanément par Sa Majesté, et de ne point avoir l'air, de faire dépendre cette mission du consentement préalable du Grand Seigneur.

Cette marche nous a paru la plus simple et la plus prompte, parcequ'elle écarte les lenteurs, que la Porte a coutume d'appeler à son secours, toutes les fois qu'elle se trouve mise en présence d'une combinaison neuve et imprévue. Nous avons donc cru bien faire de couper court à tout pourparler inutile, en Vous invitant d'annoncer l'envoi du Lieutenant Général Mouravieff en Egypte, comme un plan arrêté définitivement. C'est aussi dans ce sens que se trouve conçue la lettre de l'Empereur au Sultan, ci-jointe en copie.

Néanmoins, comme il ne se concilerait point avec les dispositions bienveillantes de notre Auguste Maître de se porter à une démarche directe auprès du Vice-Roi, malgré le désir du Sultan, Sa Majesté se plaît à Vous réserver le soin de constater à cet égard les voeux personnels du Grand Seigneur. Si, de son propre mouvement, il vous fesait connaître positivement le désir, que le départ de M-r de Mouravieff n'ait pas lieu, cet Officier Général est éventuellement autorisé par l'Empereur à considérer alors sa mission comme terminée à Constantinople, et à retourner immédiatement à S-t Pétersbourg.

En ce cas, notre Auguste Maître Vous charge, Mr. de faire parvenir au Pacha d'Egypte une lettre officielle de Votre part, pour lui faire connaître les intentions de Sa Majesté. Car, il importe à l'Empereur que Mehmed-Ali sache positivement que, s'il réussissait même à renverser le Sultan, il s'attirerait infailliblement l'inimitié de la Russie.

Les termes de la lettre que Vous auriez à adresser au Vice-Roi, dans le cas prévu ci-dessus, tous sont indiqués par la teneur des instructions du Général Mouravieff, et particulièrement par le texte de la déclaration dont il est muni. Vous en trouverez copie ci-jointe. D'ailleurs, Vous vous concerterez avec le Général sur la rédaction de cette lettre.

L'hypothèse que nous venons d'établir, en admettant que le Sultau manifestât le désir de ne point donner suite à la mission projetée, ne nous parait du reste guère probable. Mais lors même que cette supposition viendrait à se réaliser, notre Auguste Maître se féliciterait encore d'avoir donné au Sultan une preuve manifeste de Son amitié. Elle ne serait pas sans influence sur nos relations dans l'Orient, et

servirait d'ailleurs à avertir l'Europe, que, dans tout état de cause, la Russie entend ne pas demeurer étrangère aux événements qui touchent directement à ses intérêts du côté de l'Asie.

Après vous avoir fait connaître succinctement les intentions, dans lesquelles l'Empereur a projeté la combinaison, indiquée dans la présente, il me reste à ajouter, Mr, que Sa Majesté aime à compter particulièrement sur Votre coopération, pour préparer à Constantinople le succès des démarches dont le Général Mouravieff est chargé.

Recevez etc.

E (къ стр. 14)

S-t Pétersbourg le 1-er Novembre 1832.

Monsieur le Général,

Comme la mission qui Vous est confiée, ne Vous permettra point, vu la grandeur des distances, de recourir chaque cas spécial à la décision de l'Empereur, il importe doublement de Vous faire connaître ses intentions, de la manière la plus précise, à l'égard des différentes chances qui peuvent se présenter, dans l'exécution des ordres de Sa Majesté.

Il nous est possible de prévoir principalement deux alternatives qui demandent d'avance une solution positive.

Je m'acquitte du devoir de Vous faire connaître à cet égard les volontés de l'Empereur par cette dépêche réservée, destinée à servir de complément à Vos instructions.

La première alternative qui se présente, serait celle où le Sultan se méprenant sur le but de Votre mission, témoignât le désir de ne point y donner suite. En ce cas Sa Majesté Vous autorise à regarder votre mission comme terminée à Constantinople et à retourner aussitôt à S-t Pétersbourg. Mr Bouténeff reçoit l'ordre d'écrire alors au Pacha d'Egypte, pour lui faire connaître les intentions de l'Empereur. Car il importe à Sa Majesté que Mehmed-Ali sache positivement que s'il réussissait même à renverser le Sultan, il s'attirerait infailliblement l'inimitié de la Russie. Sa Majesté m'a donné ordre de tracer à cet égard des directions éventuelles à notre Ministre à Constantinople. Je les ai développées dans la dépêche à Mr de Bouténeff que Votre Excellence trouvera jointe à ses instructions.

La seconde alternative, qui se présente est celle où le Sultan, pénétré des avantages que Votre mission lui offre, voulut, de son propre mou-

vement concourir à en assurer le succès, en Vous invitant à porter, en son nom, au Pacha d'Egypte des conditions de paix et de réconciliation. En ce cas l'Empereur préférerait encore que ces conditions fussent annoncées directement à Mehmed-Ali par un fonctionnaire du Sultan, qui se rendrait, conjointement avec Vous, à Alexandrie et que Vous pourriez appuyer alors par Votre langage.

En rapprochant cette autorisation spéciale du contenu de Vos instructions générales, Vous voudrez bien porter Votre attention, mon général, sur une distinction qu'il importe de bien saisir.

L'Empereur Vous donne la faculté d'appuyer des conditions qui auront obtenu la sanction du Grand Seigneur: mais sa Majesté ne veut point que Vous soyez l'intermédiaire des offres qui viendraient de la part du Pacha d'Egypte. Car votre envoi auprès de ce dernier n'a d'autre but que le déterminer à faire cesser les hostilités et à lui inspirer la volonté de rentrer dans l'obéissance. Mais ainsi que Vos instructions le portent, il ne saurait entrer dans les vues de l'Empereur de donner à Votre mission le caractère, ni même l'apparence d'une médiation quelconque. En conséquence je crois devoir le répéter ici, Vous voudrez bien, mon Général, refuser Votre entremise à toute proposition qui serait faite de la part du Pacha d'Egypte, et Vous lui abandonnerez de faire directement auprès de la Porte les démarches qui auraient pour objet de le réconcilier avec elle.

Recevez, Monsieur le Général, l'assurance de ma considération très-distinguée.

(signé) Nesselrode.

F (къ стр. 14)

S-t Pétersbourg le 1-er Novembre, 1832.

Monsieur le Général,

Votre Excellence après avoir pris lecture des instructions, dont l'Empereur a daigné la munir, a bien voulu me faire part de deux observations, auxquelles je m'empresse de répondre.

1°) Vous m'avez exprimé le désir, mon Général, que le caractère, dont Votre mission est revêtue, soit notifié au Pacha d'Egypte d'une manière formelle.—Notre Ministre à Constantinople est invité de s'acquitter de ce soin par une lettre officielle qu'il adressera au Vice-Roi.

2°) Vous avez prévu la possibilité, que Mehmed-Ali, averti d'avance du but de Votre mission, ne voulût point Vous offrir le moyen de la remplir, et refusât d'entrer en pourparlers avec Votre Excellence, sous le prétexte que le rappel de notre Consulat d'Alexandrie a interrompu nos rapports avec l'Egypte. Si cette supposition venait à se réaliser. Vous êtes autorisé, mon Général, à faire parvenir au Vice-Roi la déclaration ci-jointe en projet.

Recevez, Monsieur le Général, l'assurance de ma considération très distinguée.

(signé) Nesselrode.

à S. Ex. Mr le Lieut-t Général Mouravieff.

G (къ стр. 14)

Projet de Déclaration.

Le soussigné, Lieutenant-Général de Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies, envoyé en mission spéciale auprès de S. H. le Sultan, se fait un devoir de s'acquitter des ordres de Son Auguste Maître, en adressant à Mehmed-Ali-Pacha la déclaration, contenue dans la présente.

L'insurrection d'Egypte a fait éprouver à L'Empereur de Russie un sentiment profond de mécontentement et de peine. Animée du désir sincère de conserver intacte la paix de l'Orient, Sa Majesté ne saurait en effet considérer avec indifférence un événement qui menace, de plus en plus, de porter le trouble au sein de l'Empire Ottoman.

Ami du Sultan, l'Empereur n'a donc point hésité à frapper de réprobation les desseins de Mehmed-Ali-Pacha, dès le moment où il a levé l'étendard de la révolte. Le jugement que Sa Majesté a prononcé sur cette fatale entreprise, a été manifesté aussitôt par le rappel du Consul de Russie du poste d'Alexandrie.

Les événemens qui depuis lors ont signalé les progrès de l'armée d'Egypte, et étendu sur la Syrie les désastres de la guerre, n'ont apporté aucun changement aux déterminations de l'Empereur. Avant, comme après le succès, elles sont restées les mêmes.

Le Vice-Roi en trouvera la preuve dans la mission, dont le soussigné a reçu l'ordre de s'acquitter tant à Constantinople qu'à Alexandrie. Elle a pour but de constater d'une part, l'intérêt et l'amitié que l'Empereur porte invariablement au Sultan, de l'autre la désapprobation formelle que Sa Majesté fait peser sur la révolte d'Egypte.

Un avertissement salutaire est offert aujourd'hui à Mehmed-Ali-Pacha, par le fait de cette mission.

S'il y puise la résolution d'arrêter l'effusion du sang et de revenir envers la Porte à des sentimens de réconciliation et de paix, il répondra à tous les voeux que Sa Majesté Impériale aime à former.— Mais, s'il persiste, au contraire, dans des desseins hostiles à l'autorité du Sultan, il attirera sur lui toute la résponsabilité des événemens graves, qu'une paréille détermination pourrait faire naître.

Sa Majesté lui abandonne d'en peser mûrement les conséquences.

Le soussigné, en plaçant ces considérations sous les yeux de Mehmed-Ali Pacha, le prie d'agréer l'assurance de sa haute considération.

H (къ стр. 14)

Cópie d'une dépêche à M-r de Bouténeff, en date de St. Pétersbourg, le 1 Novembre, 1832.

L'arrivée à Alexandrie de la frégate, à bord de la quelle le Lieutenant-Général Mouravieff se rend à sa déstination, suffira sans doute pour prouver au Pacha d'Egypte le caractère officiel de la mission, dont cet Officier-Général se trouve chargé.—Néanmoins, pour venir au devant de toutes les difficultés que Mehmed-Ali pourrait élever, au sujet de l'absence d'une notification d'usage, Vôus voudrez bien, M-r, adresser au Vice-Roi une lettre officielle, par laquelle Vous lui annoncerez que le Général Mouravieff se rend auprès de lui, par l'ordre exprès de S. M. chargé d'une mission, dont il s'acquittera de vive-voix.

La même frégate qui conduira le G-l à Alexandrie, vous fournira le moyen d'éxpédier cette lettre qui n'a d'autre but que celui d'assurer à M-r de Mouravieff la récéption due à son rang, comme au caractère dont il est révêtu par la volonté de l'Empereur. Recevez etc.

I (къ стр. 22)

Copie d'une dépêche à M-r de Bouténeff en date de S-t Pétersbourg, le 24 Novembre, 1832.

Vos dépêches du 22 et 27 Octobre qui nous sont parvenues presqu'en même tems, nous donnent des informations de plus en plus alar-

mantes sur les progrès des opérations du Pacha d'Egypte. Elles nous annoncent d'une part, que la flotte Turque a été obligée de se retirer sous le canon des Dardanelles, et de l'autre, qu' Ibrahim Pacha, après avoir franchi le mont Taurus, s'est porté avec rapidité sur Koniah qui n'est plus qu'à une distance de 108 heures de la capitale de l'Empire Ottoman.

Ces nouvelles sont assurément faites pour nous inspirer les appréhensions les plus sérieuses pour la conservation de la Porte. Mais à mesure que sa situation s'aggrave et que les dangers qui l'environnent paraissent s'acroître, elle acquiert aussi de nouveaux droits à l'intérêt et à l'appui de notre Auguste Maître.

Sa Majesté se plait aujourd'hui à en offrir au Sultan une preuve décisive. S'est dans cette intention qu'Elle a transmis à l'Amiral Greigh l'ordre d'armer la flotte de la mer Noire, afin d'être prête à faire voile pour Constantinople, en cas de besoin.

L'Empereur vous charge, M-r, de faire connâitre à S. H. les ordres qu'il a donnés à cet égard.

Cette disposition servira, nous n'en doutons point, à attester avec une nouvelle force la sincérité des intentions dont le G-l Mouravieff a été rendu l'interprête. Mais elle ne change en rien le caractère qui, dès l'origine, a été imprimé à sa mission.

L'Empereur, vous le savez, n'a point voulu prendre sur Lui, dès le principe, d'offrir des secours au G-d Seigneur, sans qu'ils eussent été demandés. Sa Majesté ne les offre point non plus en ce moment. Elle se borne à faire connaître par votre organe que la Russie, avertie des dangers qui semblent menacer la Porte, vient de se mettre en mesure d'aller au secours du gouvernement Ottoman, dès que S. H. reconnaîtra que les besoins de sa sécurité l'exigent.

Si tel est le cas, et si le Grand Seigneur vous exprime formellement la nécessité où il se trouve d'en appeler à l'assistance de 'Empereur, vous aurez soin, M-r, sans le moindre délai d'avertir l'Amiral Greigh que le cas prévu par les ordres éventuels de S. M. est arrivé, et que le Sultan vient de recourir à l'appui de N. A. M. Sur cet avis le Commandant de la flotte de la mer Noire, conformément aux instructions, dont il est muni, se rendra aussitôt à l'appel du Sultan. Une escadre composée de cinq vaisseaux de ligne et de 4 frégates fera alors voile pour Constantinople, où elle prendra une position qui lui permette d'arrêter les progrès ultérieurs d'Ibrahim-Pacha et de défendre la capitale de l'Empire Ottoman contre toute attaque de la part de l'armée Egyptienne.

Telles sont les volontés de l'Empereur. Vous êtes invité à les porter à la connaissance du G-d Seigneur par une communication confidentielle dont vous puiserez les termes dans la présente dépêche. Je croirais superflu d'y ajouter de plus amples dévéloppemens. Les faits parlent. Leur témoignage attestera aux yeux du Sultan Mahmoud une vérité salutaire: c'est que l'amitié de l'Empereur est un appui solide pour tous ceux qui savent s'y livrer avec confiance.

K (къ стр. 59)

S-t Pétersbourg, le 24 Novembre, 1832.

Monsieur le Général,

Votre Excellence trouvera ci-joint en copie la dépêche, par laquelle je viens d'annoncer à M-r de Bouténeff l'ordre de l'Empereur, que des instructions éventuelles sont données à l'Amiral Greigh à l'éffet de tenir sa flotte prête à faire voile pour Constantinople, dès que le Sultan aura reconnu le besoin de recourir à l'assistance de Notre Auguste Maître.

Je me fais un devoir empressé, mon Général, de vous communiquer cette disposition, parcequ'elle sert à renforcer le langage que Vous êtes appelé à tenir vis à vis le Pacha d'Egypte. Il n'est assurément pas de l'intention de l'Empereur que Vous commenciez par faire connaître cette mesure au Vice-Roi avec le ton de la menace. Ce serait altérer le caractère de Votre mission. Vous chercherez au contraire à employer, avant tout, les moyens de persuasion en votre pouvoir, afin d'inspirer à Mehmed-Ali des dispositions pacifiques et conciliantes. Mais si vos soins demeuraient sans succès, et si vous étiez obligé de lui faire entrevoir la responsabilité des événemens que sa résistance pourrait attirer sur lui, Vous seriez en devoir de ne pas lui laisser ignorer, que les ordres sont donnés pour mettre la flotte Impériale à la disposition du Sultan, dans le cas où le besoin de sa sûreté pourrait l'exiger. Cet avertissement, s'il est donné avec calme, produira, peut-être, sur le Vice-Roi une impression que le ton de la menace n'aurait point fait naître.

A. S. E. M-r le L-t G-l Mouravieff etc.

Je n'ai pas voulu perdre un seul instant pour vous fournir ce puissant argument, qui pourra devenir entre vos mains un moyen essentiel de succès. C'est dans cet espoir que j'expédie à Constantinople le courrier porteur de la présente. J'ai lieu de croire qu'il vous rejoindra avant votre départ pour Alexandrie. Dans cette supposition je

mantes sur les progrès des opérations du Pacha d'Egypte. Elles nous annoncent d'une part, que la flotte Turque a été obligée de se retirer sous le canon des Dardanelles, et de l'autre, qu' Ibrahim Pacha, après avoir franchi le mont Taurus, s'est porté avec rapidité sur Koniah qui n'est plus qu'à une distance de 108 heures de la capitale de l'Empire Ottoman.

Ces nouvelles sont assurément faites pour nous inspirer les appréhensions les plus sérieuses pour la conservation de la Porte. Mais à mesure que sa situation s'aggrave et que les dangers qui l'environnent paraissent s'acroître, elle acquiert aussi de nouveaux droits à l'intérêt et à l'appui de notre Auguste Maître.

Sa Majesté se plait aujourd'hui à en offrir au Sultan une preuve décisive. S'est dans cette intention qu'Elle a transmis à l'Amiral Greigh l'ordre d'armer la flotte de la mer Noire, afin d'être prête à faire voile pour Constantinople, en cas de besoin.

L'Empereur vous charge, M-r, de faire connâitre à S. H. les ordres qu'il a donnés à cet égard.

Cette disposition servira, nous n'en doutons point, à attester avec une nouvelle force la sincérité des intentions dont le G-l Mouravieff a été rendu l'interprête. Mais elle ne change en rien le caractère qui, dès l'origine, a été imprimé à sa mission.

L'Empereur, vous le savez, n'a point voulu prendre sur Lui, dès le principe, d'offrir des secours au G-d Seigneur, sans qu'ils eussent été demandés. Sa Majesté ne les offre point non plus en ce moment. Elle se borne à faire connaître par votre organe que la Russie, avertie des dangers qui semblent menacer la Porte, vient de se mettre en mesure d'aller au secours du gouvernement Ottoman, dès que S. H. reconnaîtra que les besoins de sa sécurité l'exigent.

Si tel est le cas, et si le Grand Seigneur vous exprime formellement la nécessité où il se trouve d'en appeler à l'assistance de 'Empereur, vous aurez soin, M-r, sans le moindre délai d'avertir l'Amiral Greigh que le cas prévu par les ordres éventuels de S. M. est arrivé, et que le Sultan vient de recourir à l'appui de N. A. M. Sur cet avis le Commandant de la flotte de la mer Noire, conformément aux instructions, dont il est muni, se rendra aussitôt à l'appel du Sultan. Une escadre composée de cinq vaisseaux de ligne et de 4 frégates fera alors voile pour Constantinople, où elle prendra une position qui lui permette d'arrêter les progrès ultérieurs d'Ibrahim-Pacha et de défendre la capitale de l'Empire Ottoman contre toute attaque de la part de l'armée Egyptienne.

Telles sont les volontés de l'Empereur. Vous êtes invité à les porter à la connaissance du G-d Seigneur par une communication confidentielle dont vous puiserez les termes dans la présente dépêche. Je croirais superflu d'y ajouter de plus amples dévéloppemens. Les faits parlent. Leur témoignage attestera aux yeux du Sultan Mahmoud une vérité salutaire: c'est que l'amitié de l'Empereur est un appui solide pour tous ceux qui savent s'y livrer avec confiance.

K (къ стр. 59)

S-t Pétersbourg, le 24 Novembre, 1832.

Monsieur le Général,

Votre Excellence trouvera ci-joint en copie la dépêche, par laquelle je viens d'annoncer à M-r de Bouténeff l'ordre de l'Empereur, que des instructions éventuelles sont données à l'Amiral Greigh à l'éffet de tenir sa flotte prête à faire voile pour Constantinople, dès que le Sultan aura reconnu le besoin de recourir à l'assistance de Notre Auguste Maître.

Je me fais un devoir empressé, mon Général, de vous communiquer cette disposition, parcequ'elle sert à renforcer le langage que Vous êtes appelé à tenir vis à vis le Pacha d'Egypte. Il n'est assurément pas de l'intention de l'Empereur que Vous commenciez par faire connaître cette mesure au Vice-Roi avec le ton de la menace. Ce serait altérer le caractère de Votre mission. Vous chercherez au contraire à employer, avant tout, les moyens de persuasion en votre pouvoir, afin d'inspirer à Mehmed-Ali des dispositions pacifiques et conciliantes. Mais si vos soins demeuraient sans succès, et si vous étiez obligé de lui faire entrevoir la responsabilité des événemens que sa résistance pourrait attirer sur lui, Vous seriez en devoir de ne pas lui laisser ignorer, que les ordres sont donnés pour mettre la flotte Impériale à la disposition du Sultan, dans le cas où le besoin de sa sûreté pourrait l'exiger. Cet avertissement, s'il est donné avec calme, produira, peut-être, sur le Vice-Roi une impression que le ton de la menace n'aurait point fait naître.

A. S. E. M-r le L-t G-l Mouravieff etc.

Je n'ai pas voulu perdre un seul instant pour vous fournir ce puissant argument, qui pourra devenir entre vos mains un moyen essentiel de succès. C'est dans cet espoir que j'expédie à Constantinople le courrier porteur de la présente. J'ai lieu de croire qu'il vous rejoindra avant votre départ pour Alexandrie. Dans cette supposition je

crois pouvoir vous communiquer encore une idée, qui nous a été suggereé par la lecture des dernières dépêches de M-r Bouténeff. Elles nous annonçent qu' Ibrahim Pacha a repris son mouvement offensif, franchi le Taurus et qu'il s'est porté avec rapidité sur Koniah, qui n'est plus qu'à une distance de 108 heures de la capitale. Il ne seroit donc point impossible que tandis que vous vous rendriez à Alexandrie pour vous acquitter de votre mission auprès du Vice-Roi, l'armée d'Egypte, sous les ordres d'Ibrahim Pacha, profitât de ses avantages pour porter un coup décisif an pouvoir du Sultan en marchant droit sur sa capitale.

Il nous semblerait donc d'unc importance réelle de parvenir à jeter de l'hésitation dans l'esprit d'Ibrahim Pacha et à ralentir sa marche. Dans cette vue,—l'Empereur jugerait utile que Votre Excellence prescrivit au colonel Duhamel d'aller par terre la réjoindre à Alexandrie. Cette course fournirait à cet officier l'occasion de passer par le camp de l'armée d'Egypte, de se présenter en simple voyageur au fils du Vice-Roi, et de lui rendre sommairement compte du but de votre mission à Alexandrie.

Votre Excellence trouvera ci-joint le canevas d'une instruction dont ce colonel Duhamel devra être muni, pour lui indiquer le langage qu'il aura à tenir. Je vous réserve, mon Général, d'y ajouter les directions spéciales que vous jugerez utiles pour mettre cet officier à même d'atteindre avec fruit le but de son envoi. Veuillez de plus, vous entendre avec M-r de Bouténeff sur les moyens les plus convenables de faire accueillir cette idée par la Porte. Car il est bien entendu, que l'expédition du colonel Duhamel, qui se fait dans l'intérêt du Gouvernement Ottoman et dont l'éxecution a d'ailleurs besoin de son assistance, ne peut se faire dans aucun cas, sans avoir obtenu son assentiment préalable. Il sera donc très essentiel de bien préciser l'intention dans laquelle cet Officier est expedié par voie de terre afin de ne point inspirer d'injustes appréhensions à un gouvernement, qui n'est que trop porté à considérer avec méfiance tout voyageur étranger qui traverse les provinces de l'Empire Ottoman. La nécéssité d'éloigner tout soupçon devra aussi rendre le colonel Duhamel fort circonspect dans la conduite qu'il aura à tenir en voyage, à l'égard des renseignemens qu'il pourra recueillir sous le rapport topographique et militaire. Vous jugerez sans doute nécéssaire de recommander cet objet spécialement à l'attention de M-r Duhamel, persuadé comme vous l'êtes, mon Général, que le moyen le plus sûr de faire réussir votre mission auprès du Gouvernement Ottoman, est de lui inspirer une con-

fiance absolue dans la loyauté des intentions dont l'Empereur a daigné vous rendre l'intepréte.

Recevez, M-r le Général, l'assurance de ma considération très distinguée. (signé) Nesselrode.

L (къ стр. 59)

Canevas d'une instruction à adresser au colonel Duhamel.

Le colonel Duhamel reçoit l'ordre d'aller par terre rejoindre le Lieutenant Général Mouravieff à Alexandrie.

Il profitera de cette course pour se rendre en voyageur au camp de l'armée d'Egypte. Il se présentera à Ibrahim Pacha, l'instruira du but de son voyage et prendra occasion de ce récit, pour le mettre au fait de la mission du Général Mouravieff.

Il annoncera au fils du Vice-Roi que le Général est parti en droiture de S-t Pétersbourg, qu'après un court séjour à Constantinople, il s'est rendu à Alexandrie à bord d'une frégate de la marine Impériale qu'il a l'ordre de faire connaître hautement à Mehmed-Ali-Pacha la réprobation dont l'Empereur frappe la révolte d'Egypte, qu'il invitera le Vice-Roi, au nom de S. M-té à faire cesser immédiatement les hostilités par terre et sur mer, et l'engagera à adresser directement ses voeux à la Porte pour amener une réconciliation prompte et complette.

M-r Duhamel ajoutera que si Mehmed-Ali écoute les avis que le Général Mouravieff est chargé de lui adresser, sa conduite méritera l'approbation de l'Empereur; que s'il persiste dans son entreprise, il attirera sur lui la responsabilité des déterminations que sa résistance fera naître; enfin que le Général a l'ordre de ne pas laisser ignorer au Vice-Roi que la flotte Russe dans la mer Noire est déjà en ce moment prête à prendre la mer, au premier avis qui lui en sera donné directement de Constantinople.

Le colonel Duhamel donnera cet avertissement à Ibrahim Pacha sans la moindre affectation, sans emphase et sur le ton d'un simple récit. Il finira par dire qu'il n'a pas voulu se rendre à sa déstination, sans demander en passant si le fils du Vice-Roi désirait le charger de quelque message pour Alexandrie, et qu'il s'est fait un devoir de saisir en même tems cette occasion pour le prévenir du jugement que l'Empereur porte sur les affaires d'Egypte, ainsi que des préparatifs que S. M. a faits par amitié et par intérêt pour le Sultan.

M-r Duhamel ne s'arrêtera au camp Egyptien que peu d'heures, annonçant qu'il a hâte d'aller rejoindre le Général Mouravieff, parti avant lui de Constantinople, et auquel il a des dépêches á remettre.

M (къ стр. 153)

Dardanelles à bord de la frégate
l'Etendard.

A Son Excellence M-r le Vice-Chancelier.

J'ai l'honneur de Vous présenter ci-joint un précis de mes démarches à Alexandrie. J'ai tâché d'émettre avec exactitude tous les détails nécéssaires, afin de fournir à Votre Excellence le moyen de juger de la conduite et des ménées de l' astucieux Pacha d'Egypte. e crois en même tems devoir soumettre à Votre Excellence mon opinion à l'égard des événemens, qui se passent. La première impression que firent sur Mehmed-Ali les paroles de Sa Majesté. dont j'étais porteur, fut si vive, qu'il ne put pas dissimuler sa confusion. Calculant les désavantages qu'il aurait à poursuivre sa criminelle entreprise, il se décida à l'abandonner en prenant pour cet effet les engagemens les plus solennels, dont il mit aussitôt le premier à exécution par la cessation des hostilités, qu'il a ordonné sur le champ, malgré ses constants succès en Anatolie et malgré son idée favorite de renverser le trône du Sultan, au quel il a voué une haine implacable et un mépris, qu'il ne dissimule guère... Il s'aveugle entièrement sur la haine qu'il inspire lui-même à ses administrés par des véxations exorbitantes.

Son amour-propre excessif et constamment flatté n'a pu courber à l'idée de faire les premières avances d'une réconciliation avec son maître, d'une manière ouverte. Mais cédant à la nécessité il voulut y employer le Vizir comme terme moyen. On m'assura même, qu'il avait eu l'intention de l'envoyer à Constantinople pour y faire des ouvertures. Il avait cherché plusieurs fois à mettre un prix à sa soumission-en demandant, pour gage, la protection de Sa Majesié l'Empereur; mais cela lui ayant été positivement refusé en termes précis, il s'y conforma. Il prit et réitera plusieurs fois avec serment des engagemens envers Sa Majesté de faire sa soumission à son maitre, en se chargeant de toute la résponsabilité qu'entrainaient une infraction ou une reprise d'hostilités, et ses engagemens ne sauraient être enfreints qu'en fournissant à la face de l'univers la preuve la plus patente de sa mauvaise foi, ce qui ternirait même aux yeux de ses admirateurs sa réputation usurpée de loyauté, à laquelle il semble tenir. L'arrivée inattendue de Halil-Pacha le fit un peu changer de ton;

son amour-propre en fut flatté au suprème dégré, il conçut l'idée de tirer parti des circonstances pour obtenir un arrangement plus avantageux pour lui. Il ne retracta cependant jamais les engagemens, qu'il avait pris envers Sa Majesté, mais il voulut se donner un certain mérite de l'arrangement qu'il allait conclure. Pour arriver avec plus de sûreté à ses fins, il continua ses armemens, mais je n'ai presqu'aucun doute que le rétablissement de la paix va suivre immédiatement.— Cependant si cela n'arrivait pas, il y aurait eu toujours gain de tems; la parole de Mehmed-Ali aurait été compromise et il ne pourrait pousser ses opérations militaires et ses menées qu'avec une indécision, qui en paralyserait en quelque sorte la vigueur — circonstance, qui aurait favorisé tout autre gouvernement que celui du Sultan, plongé sous le rapport des ses intérêts dans une apathie inexplicable et dont on ne peut espérer la conservation, qu'en la fondant sur l'impression, dont la démarche de Sa Majesté à frappé l'esprit du Pacha revolté.

Les choses ayant été conduites à ce point, j'ai cru ne devoir plus prolonger mon séjour à Alexandrie, que je quittai le $^{11}/_{23}$ Janvier et j'arrivai le $\frac{21 \text{ Ianvier}}{2 \text{ Fevrier}}$ aux Dardanelles, où le vent contraire m'obligea de jeter l'ancre. Je vis hier notre Vice-Consul Timoni, qui m'apprit que les fuyards du corps battu à Koniah à la défaite du Grand-Vizir rentraient en grand nombre, et que le gouvernement Turc les engageait à rester aux Dardanelles et donnait des vivres et des moyens de transport à ceux qui voulaient passer à la côte de l'Europe, pour rentrer dans leurs foyers.

Le colonel Duhamel, qui avait été envoyé chez Ibrahim-Pacha, est de retour à Constantinople, mais je ne connais pas le résultat de ses démarches.

Conformément aux instructions de Votre Excellence j'expédie sous cachet-volant la présente dépêche, avec le précis y annexé, à M-r Bouténeff à Constantinople, afin qu'il en prenne connaissance.

Veuillez agréer, Monsieur le Comte, les nouvelles assurances de ma haute considération. Etc., etc.

N (къ стр. 179)

Communiqué par M-r Bouténeff le $^{7}/_{19}$ Février, 1833.

Traduction d'un memorandum de la Porte Ottomane, remis le $^{5}/_{17}$ Fevrier, 1833.

Pour ce qui concerne l'offre d'un secours maritime que S. M. l'Em-

pereur de Russie a bien voulu faire au Sultan: offre qui a été vivement agréée par S. H., on s'était concerté dernièrement avec S. Ex. M-r de Bouténeff sur le moyen de l'effectuer avec promptitude parceque le cas semblait être pressant, et on avait adopté même les mesures qui avaient été jugés nécéssaires à cet effet.

Considérant néanmoins l'état actuel des choses, c. à. d. le retour de l'Egypte de S. Ex. M-r le Lieutenant-Général Mouravieff, où il s'etait rendu avec la mission dont l'avait chargé S. M. l'Empereur, les communications qui lui ont été faites par Mehmed-Ali-Pacha, ainsi que les nouvelles recues de la part d'Ibrahim-Pacha, lequel annonce à la S. Porte, qu'il s'arrêtera là où il se trouve et qu'il n'avancera pas; et reconnaissant que c'est l'influence des intentions salutaires manifestées par S. M. l'Empereur qui a amené ce résultat, nous nous croyons en devoir d'offrir nos plus vifs remercimens et de témoigner la profonde gratitude dont nous sommes pénétrés.

Cependant une considération nouvelle vient se présenter maintenant au sujet du secours demandé. Certes, il ne faut pas acquérir de sitôt une sécurité parfaite sur les actes de la partie adverse, mais comme il pourrait se faire aussi que la mise à exécution, absolument et à la hâte, de la mesure de prudence ci-dessus, reveillât des dispositions malveillantes et causât la reprise des hostitités, il a été jugé, comme étant de la saine politique, de ne pas abandonner tout à fait la mesure dont il s'agit, mais d'adopter secrétement les moyens de la mettre à exécution en cas de nécéssité.

Ces moyens sont: que la flotte, dont on a déjà demandé la mise en mouvement, se tienne toujours prête à appareiller sans toutefois lever l'ancre; qu'elle attende les avis ultérieurs, et que si on était dans le cas de la requérir, qu'alors elle eût à partir aussitôt et arriver avec promptitude; qu'un paquebot se tienne toujours prêt à Bouioukdéré devant le palais de Russie, afin qu'il puisse au besoin faire tenir à cette flotte l'avis nécessaire.

L'exécution de ces mesures appartient à S. Ex. M-r l'Envoyé de Russie. Et vû la bonté des dispositions qui ont été manifestées par S. M. l'Empereur, on croit qu'il serait nécéssaire, pour rendre la chose plus complète, que quant au secours de terre qui a été demandé, il faudrait adopter à son égard un plan semblable à celui de la flotte, afin qu'en cas de besoin, ce secours soit disponible en effet, et pour qu'il ne reste pas non plus en arrière du secours maritime sous le rapport de l'influence et de l'utilité.

Que cette armée se mette donc en mouvement dès à présent; qu'elle

avance le long du Danube; qu'elle s'y tienne prête en y attendant les avis que lui transmettra dans peu, selon les circonstances, notre ami M-r l'Envoyé auquel on fera savoir ce qu'il en est; et qu'enfin M-r l'Envoyé veuille bien se mettre pour cet effet en relation avec M-r le Général Kisséleff.

Tel est l'objet du présent mémorandum que l'on remet à S. Ex. M-r l'Envoyé de Russie.

О (къ стр. 211) О ДЕСАНТНОМЪ ОТРЯДѢ.

Десантный отрядъ состоитъ изъ слѣдующихъ войскъ: 2-й и 3-й бригады 26-й пѣхотной дивизіи, съ ихъ артиллерійскими ротами, одной саперной роты и казачьей команды.

Пѣхотнымъ полкамъ назначено быть въ полномъ комплектѣ; въ числѣ обоза они будутъ имѣть одни патронные ящики и ящики для письменныхъ дѣлъ безъ лошадей, но съ упряжью на оныхъ, по числу назначеннаго къ отправленію обоза. Вмѣсто аптечныхъ ящиковъ назначены аптечные вьюки, съ полнымъ 4-хъ мѣсячнымъ запасомъ лѣкарствъ противъ болѣзней, господствующихъ на Востокѣ.

Артиллерійскимъ ротамъ въ 12-ти орудійномъ составѣ съ однимъ на каждое орудіе зарядныкъ ящикомъ, походными кузницами и ящиками для письменныхъ дѣлъ, а также съ упряжью по числу лошадей подъ ружья, ящики и обозъ.

Ротѣ сапернаго баталіона съ однимъ патроннымъ ящикомъ.

Казачью команду, 100 человѣкъ съ 2 офицерами, предназначено отправить съ лошадьми; если же сіе окажется невозможнымъ, то предположено перевезти съ людьми одни только сѣдла и конскую сбрую. Лошади же подобно тѣмъ, которыя потребны будутъ для артиллеріи и полковаго обоза, должны быть искуплены на мѣстѣ десанта.

Сверхъ сихъ командъ, имѣютъ быть съ отрядомъ отправлены:

1) Заряды отъ вторыхъ ящиковъ артиллерійскихъ ротъ, а равно и опредѣленный къ экспедиціи второй комплектъ зарядовъ и патроновъ, а также необходимѣйшія для артиллерійскихъ ротъ запасныя вещи. Вещи сіи, какъ равно и огнестрѣльные припасы, будутъ доставлены на мѣсто десанта уложенными въ прочныхъ деревянныхъ ящикахъ, удобныхъ къ носкѣ двумъ человѣкамъ.

Для завѣдыванія сими снарядами командируется къ отряду особая артиллерійская команда, изъ 1-го оберъ-офицера и 39-ти нижнихъ чиновъ.

2) Сверхъ носимаго по положенію людьми саперной роты шанцоваго

инструмента, еще часть запаснаго, а также минный и 10,000 земленосныхъ мѣшковъ.—О количествѣ инструмента минnаго и шанцоваго прилагается особая вѣдомость.

Для завѣдыванія сими вещами командируется съ отрядомъ 2 унтеръ-офицера и 15 рядовыхъ военно-рабочей роты инженернаго вѣдомства.

3) Палатки, по числу войскъ всего отряда, безъ палаточныхъ ящиковъ.

4) Мягкія и металлическія госпитальныя вещи на 1000 человѣкъ больныхъ, а перевязочныя на 1500 раненыхъ. По сему числу больныхъ назначено къ отрядному госпиталю 17 медиковъ, изъ коихъ одинъ будетъ состоять въ званіи главнаго доктора отряда и завѣдывать всею медицинскою при ономъ частію, пользуясь правами дивизіоннаго доктора,—и 35 аптекарскихъ помощниковъ и фельдшеровъ, а также лазаретной прислуги $1^{1}/_{2}$ инвалидныя роты. Медикаментами, нужными для восточныхъ странъ, отрядный госпиталь, по вышеозначенному числу больныхъ, будетъ снабженъ въ 2-хъ годовой пропорціи,—а обыкновенными въ годовой. Аптекарскія вещества, по коммиссаріатскому каталогу, будутъ равнымъ образомъ заготовлены въ полуторогодовой пропорціи, но изъ нихъ съ отрядомъ будетъ отправлена на первый случай только $^{1}/_{3}$ часть; остальныя же $^{2}/_{3}$ будутъ содержаться въ готовности въ Одессѣ, для доставленія къ отряду въ послѣдствіи. Сверхъ сего медицинскіе чины отряда будутъ снабжены всѣми необходимыми для нихъ хирургическими инструментами.

5) Большіе палаточные наметы для помѣщенія 1000 человѣкъ больныхъ, въ случаѣ недостатка удобныхъ къ тому строеній, коихъ впрочемъ, хотя бы они и были, по мнѣнію лейбъ-медика Вилліе, по возможности избѣгать должно.

6) Трехъ инженеровъ и именно: подполковника Бюрно, штабсъ-капитановъ Типольди и Геннериха; нѣсколько офицеровъ генеральнаго штаба и въ числѣ ихъ оберъ-квартирмейстеръ 6-го пѣхотнаго корпуса подполковника Менда, а также нѣсколько изъ ученыхъ восточнымъ языкамъ переводчиковъ и потребныхъ для отряда провіантскихъ и коммисаріатскихъ чиновниковъ.

7) Трехъ-мѣсячное продовольствіе, полагая въ число онаго:

7500 четвертей муки, перепеченной въ сухари.

710 четвертей крупъ.

1500 пудовъ соли для выдачи нижнимъ чинамъ, соразмѣрно надобности.

500 ведръ вина въ спиртѣ, для порцій нижнимъ чинамъ отряда, согласно съ существующими о томъ постановленіями, на основаніи

коихъ чины сіи должны быть довольствуемы и мясомъ, заготовленіе коего предполагается на мѣстѣ десанта, распоряженіемъ начальника онаго.

До 60 пудъ чернаго перцу, котораго, по примѣру Турецкой войны, должно быть отпускаемо по $^1/_4$ золотника въ сутки на каждаго человѣка;

и 300 четвертей овса, для продовольствія, на мѣстѣ десанта, лошадей отряда.

Всѣ распоряженія по заготовленію сего продовольствія и отправленію онаго, какъ равно и всѣхъ вышеозначенныхъ тяжестей съ отрядомъ къ мѣсту десанта, предоставлено сдѣлать Новороссійскому генералъ-губернатору.

Графу Воронцову Высочайше повелѣно отпустить въ вѣдѣніе отправляющагося съ отрядомъ начальника 26-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанта Отрощенки достаточную сумму для употребленія оной по распоряженію начальника одряда на нижеслѣдующіе предметы:

1) Полугодовое жалованье не въ зачетъ для генераловъ, штабъ-и оберъ-офицеровъ отряда, полагая серебромъ тѣмъ, кои обязаны имѣть лошадей, а прочимъ ассигнаціями. Деньги сіи Высочайше повелѣно выдать симъ чиновникамъ, предъ посаженіемъ ихъ на суда.

2) Третное жалованье и раціоны чинамъ отряда для выдачи въ свое время, полагая за время ихъ плаванія въ Черномъ Морѣ — по Грузинскому окладу, а по высадкѣ на берегъ — по заграничному, серебромъ. Изъ числа сей суммы предоставлено графу Воронцову отпустить морскому вѣдомству, въ счетъ жалованья генераловъ, штабъ-и оберъ-офицеровъ, сколько причтется на столъ сихъ чиновниковъ по морскому положенію въ каютъ-компаніяхъ за все то время, которое они на военныхъ судахъ находиться будутъ.

и 3) Особую экстраординарную сумму, полагая въ числѣ оной потребную для покупки на мѣстѣ десанта нужныхъ отряду 206 артиллерійскихъ, 133 подъемныхъ и 100 казачьихъ лошадей. Цѣна сихъ лошадей предполагается: артиллерійскихъ по 250 руб., подъемныхъ и казачьихъ по 100 руб.; впрочемъ, ближайшее опредѣленіе сихъ цѣнъ будетъ зависѣть отъ начальника отряда и тѣхъ способовъ, какіе на мѣстѣ десанта къ пріобрѣтенію оныхъ окажутся.

О составѣ и числительной силѣ всего десантнаго отряда и матеріалахъ, съ онымъ отправляемыхъ, подробная вѣдомость при семъ прилагается.

mantes sur les progrès des opérations du Pacha d'Egypte. Elles nous annoncent d'une part, que la flotte Turque a été obligée de se retirer sous le canon des Dardanelles, et de l'autre, qu' Ibrahim Pacha, après avoir franchi le mont Taurus, s'est porté avec rapidité sur Koniah qui n'est plus qu'à une distance de 108 heures de la capitale de l'Empire Ottoman.

Ces nouvelles sont assurément faites pour nous inspirer les appréhensions les plus sérieuses pour la conservation de la Porte. Mais à mesure que sa situation s'aggrave et que les dangers qui l'environnent paraissent s'acroître, elle acquiert aussi de nouveaux droits à l'intérêt et à l'appui de notre Auguste Maître.

Sa Majesté se plait aujourd'hui à en offrir au Sultan une preuve décisive. S'est dans cette intention qu'Elle a transmis à l'Amiral Greigh l'ordre d'armer la flotte de la mer Noire, afin d'être prête à faire voile pour Constantinople, en cas de besoin.

L'Empereur vous charge, M-r, de faire connâitre à S. H. les ordres qu'il a donnés à cet égard.

Cette disposition servira, nous n'en doutons point, à attester avec une nouvelle force la sincérité des intentions dont le G-l Mouravieff a été rendu l'interprête. Mais elle ne change en rien le caractère qui, dès l'origine, a été imprimé à sa mission.

L'Empereur, vous le savez, n'a point voulu prendre sur Lui, dès le principe, d'offrir des secours au G-d Seigneur, sans qu'ils eussent été demandés. Sa Majesté ne les offre point non plus en ce moment. Elle se borne à faire connaître par votre organe que la Russie, avertie des dangers qui semblent menacer la Porte, vient de se mettre en mesure d'aller au secours du gouvernement Ottoman, dès que S. H. reconnaîtra que les besoins de sa sécurité l'exigent.

Si tel est le cas, et si le Grand Seigneur vous exprime formellement la nécessité où il se trouve d'en appeler à l'assistance de 'Empereur, vous aurez soin, M-r, sans le moindre délai d'avertir l'Amiral Greigh que le cas prévu par les ordres éventuels de S. M. est arrivé, et que le Sultan vient de recourir à l'appui de N. A. M. Sur cet avis le Commandant de la flotte de la mer Noire, conformément aux instructions, dont il est muni, se rendra aussitôt à l'appel du Sultan. Une escadre composée de cinq vaisseaux de ligne et de 4 frégates fera alors voile pour Constantinople, où elle prendra une position qui lui permette d'arrêter les progrès ultérieurs d'Ibrahim-Pacha et de défendre la capitale de l'Empire Ottoman contre toute attaque de la part de l'armée Egyptienne.

Telles sont les volontés de l'Empereur. Vous êtes invité à les porter à la connaissance du G-d Seigneur par une communication confidentielle dont vous puiserez les termes dans la présente dépêche. Je croirais superflu d'y ajouter de plus amples développemens. Les faits parlent. Leur témoignage attestera aux yeux du Sultan Mahmoud une vérité salutaire: c'est que l'amitié de l'Empereur est un appui solide pour tous ceux qui savent s'y livrer avec confiance.

K (къ стр. 59)

S-t Pétersbourg, le 24 Novembre, 1832.

Monsieur le Général,

Votre Excellence trouvera ci-joint en copie la dépêche, par laquelle je viens d'annoncer à M-r de Bouténeff l'ordre de l'Empereur, que des instructions éventuelles sont données à l'Amiral Greigh à l'éffet de tenir sa flotte prête à faire voile pour Constantinople, dès que le Sultan aura reconnu le besoin de recourir à l'assistance de Notre Auguste Maître.

Je me fais un devoir empressé, mon Général, de vous communiquer cette disposition, parcequ'elle sert à renforcer le langage que Vous êtes appelé à tenir vis à vis le Pacha d'Egypte. Il n'est assurément pas de l'intention de l'Empereur que Vous commenciez par faire connaître cette mesure au Vice-Roi avec le ton de la menace. Ce serait altérer le caractère de Votre mission. Vous chercherez au contraire à employer, avant tout, les moyens de persuasion en votre pouvoir, afin d'inspirer à Mehmed-Ali des dispositions pacifiques et conciliantes. Mais si vos soins demeuraient sans succès, et si vous étiez obligé de lui faire entrevoir la responsabilité des événemens que sa résistance pourrait attirer sur lui, Vous seriez en devoir de ne pas lui laisser ignorer, que les ordres sont donnés pour mettre la flotte Impériale à la disposition du Sultan, dans le cas où le besoin de sa sûreté pourrait l'exiger. Cet avertissement, s'il est donné avec calme, produira, peut-être, sur le Vice-Roi une impression que le ton de la menace n'aurait point fait naître.

A. S. E. M-r le L-t G-l Mouravieff etc.

Je n'ai pas voulu perdre un seul instant pour vous fournir ce puissant argument, qui pourra devenir entre vos mains un moyen essentiel de succès. C'est dans cet espoir que j'expédie à Constantinople le courrier porteur de la présente. J'ai lieu de croire qu'il vous rejoindra avant votre départ pour Alexandrie. Dans cette supposition je

crois pouvoir vous communiquer encore une idée, qui nous a été suggereé par la lecture des dernières dépêches de M-r Bouténeff. Elles nous annonçent qu' Ibrahim Pacha a repris son mouvement offensif, franchi le Taurus et qu'il s'est porté avec rapidité sur Koniah, qui n'est plus qu'à une distance de 108 heures de la capitale. Il ne seroit donc point impossible que tandis que vous vous rendriez à Alexandrie pour vous acquitter de votre mission auprès du Vice-Roi, l'armée d'Egypte, sous les ordres d'Ibrahim Pacha, profitât de ses avantages pour porter un coup décisif au pouvoir du Sultan en marchant droit sur sa capitale.

Il nous semblerait donc d'une importance réelle de parvenir à jeter de l'hésitation dans l'esprit d'Ibrahim Pacha et à ralentir sa marche. Dans cette vue,—l'Empereur jugerait utile que Votre Excellence prescrivit au colonel Duhamel d'aller par terre la réjoindre à Alexandrie. Cette course fournirait à cet officier l'occasion de passer par le camp de l'armée d'Egypte, de se présenter en simple voyageur au fils du Vice-Roi, et de lui rendre sommairement compte du but de votre mission à Alexandrie.

Votre Excellence trouvera ci-joint le canevas d'une instruction dont ce colonel Duhamel devra être muni, pour lui indiquer le langage qu'il aura à tenir. Je vous réserve, mon Général, d'y ajouter les directions spéciales que vous jugerez utiles pour mettre cet officier à même d'atteindre avec fruit le but de son envoi. Veuillez de plus, vous entendre avec M-r de Bouténeff sur les moyens les plus convenables de faire accueillir cette idée par la Porte. Car il est bien entendu, que l'expédition du colonel Duhamel, qui se fait dans l'intérêt du Gouvernement Ottoman et dont l'éxecution a d'ailleurs besoin de son assistance, ne peut se faire dans aucun cas, sans avoir obtenu son assentiment préalable. Il sera donc très essentiel de bien préciser l'intention dans laquelle cet Officier est expedié par voie de terre afin de ne point inspirer d'injustes appréhensions à un gouvernement, qui n'est que trop porté à considérer avec méfiance tout voyageur étranger qui traverse les provinces de l'Empire Ottoman. La nécéssité d'éloigner tout soupçon devra aussi rendre le colonel Duhamel fort circonspect dans la conduite qu'il aura à tenir en voyage, à l'égard des renseignemens qu'il pourra recueillir sous le rapport topographique et militaire. Vous jugerez sans doute nécéssaire de recommander cet objet spécialement à l'attention de M-r Duhamel, persuadé comme vous l'êtes, mon Général, que le moyen le plus sûr de faire réussir votre mission auprès du Gouvernement Ottoman, est de lui inspirer une con-

fiance absolue dans la loyauté des intentions dont l'Empereur a daigné vous rendre l'inteprête.

Recevez, M-r le Général, l'assurance de ma considération très distinguée. (signé) Nesselrode.

L (къ стр. 59)

Canevas d'une instruction à adresser au colonel Duhamel.

Le colonel Duhamel reçoit l'ordre d'aller par terre rejoindre le Lieutenant Général Mouravieff à Alexandrie.

Il profitera de cette course pour se rendre en voyageur au camp de l'armée d'Egypte. Il se présentera à Ibrahim Pacha, l'instruira du but de son voyage et prendra occasion de ce récit, pour le mettre au fait de la mission du Général Mouravieff.

Il annoncera au fils du Vice-Roi que le Général est parti en droiture de S-t Pétersbourg, qu'après un court séjour à Constantinople, il s'est rendu à Alexandrie à bord d'une frégate de la marine Impériale qu'il a l'ordre de faire connaître hautement à Mehmed-Ali-Pacha la réprobation dont l'Empereur frappe la révolte d'Egypte, qu'il invitera le Vice-Roi, au nom de S. M-té à faire cesser immédiatement les hostilités par terre et sur mer, et l'engagera à adresser directement ses voeux à la Porte pour amener une réconciliation prompte et complette.

M-r Duhamel ajoutera que si Mehmed-Ali écoute les avis que le Général Mouravieff est chargé de lui adresser, sa conduite méritera l'approbation de l'Empereur; que s'il persiste dans son entreprise, il attirera sur lui la responsabilité des déterminations que sa résistance fera naître; enfin que le Général a l'ordre de ne pas laisser ignorer au Vice-Roi que la flotte Russe dans la mer Noire est déjà en ce moment prête à prendre la mer, au premier avis qui lui en sera donné directement de Constantinople.

Le colonel Duhamel donnera cet avertissement à Ibrahim Pacha sans la moindre affectation, sans emphase et sur le ton d'un simple récit. Il finira par dire qu'il n'a pas voulu se rendre à sa déstination, sans demander en passant si le fils du Vice-Roi désirait le charger de quelque message pour Alexandrie, et qu'il s'est fait un devoir de saisir en même tems cette occasion pour le prévenir du jugement que l'Empereur porte sur les affaires d'Egypte, ainsi que des préparatifs que S. M. a faits par amitié et par intérêt pour le Sultan.

M-r Duhamel ne s'arrêtera au camp Egyptien que peu d'heures, annonçant qu'il a hâte d'aller rejoindre le Général Mouravieff, parti avant lui de Constantinople, et auquel il a des dépêches á remettre.

M (къ стр. 153)

Dardanelles à bord de la frégate
l'Etendard.

A Son Excellence M-r le Vice-Chancelier.

J'ai l'honneur de Vous présenter ci-joint un précis de mes démarches à Alexandrie. J'ai tâché d'émettre avec exactitude tous les détails nécéssaires, afin de fournir à Votre Excellence le moyen de juger de la conduite et des ménées de l' astucieux Pacha d'Egypte. e crois en même tems devoir soumettre à Votre Excellence mon opinion à l'égard des événemens, qui se passent. La première impression que firent sur Mehmed-Ali les paroles de Sa Majesté. dont j'étais porteur, fut si vive, qu'il ne put pas dissimuler sa confusion. Calculant les désavantages qu'il aurait à poursuivre sa criminelle entreprise, il se décida à l'abandonner en prenant pour cet effet les engagemens les plus solennels, dont il mit aussitôt le premier à exécution par la cessation des hostilités, qu'il a ordonné sur le champ, malgré ses constants succès en Anatolie et malgré son idée favorite de renverser le trône du Sultan, au quel il a voué une haine implacable et un mépris, qu'il ne dissimule guère... Il s'aveugle entièrement sur la haine qu'il inspire lui-même à ses administrés par des véxations exorbitantes.

Son amour-propre excessif et constamment flatté n'a pu courber à l'idée de faire les premières avances d'une réconciliation avec son maître, d'une manière ouverte. Mais cédant à la nécessité il voulut y employer le Vizir comme terme moyen. On m'assura même, qu'il avait eu l'intention de l'envoyer à Constantinople pour y faire des ouvertures. Il avait cherché plusieurs fois à mettre un prix à sa soumission- en demandant, pour gage, la protection de Sa Majesié l'Empereur; mais cela lui ayant été positivement refusé en termes précis, il s'y conforma. Il prit et réitera plusieurs fois avec serment des engagemens envers Sa Majesté de faire sa soumission à son maitre, en se chargeant de toute la résponsabilité qu'entrainaient une infraction ou une reprise d'hostilités, et ses engagemens ne sauraient être enfreints qu'en fournissant à la face de l'univers la preuve la plus patente de sa mauvaise foi, ce qui ternirait même aux yeux de ses admirateurs sa réputation usurpée de loyauté, à laquelle il semble tenir. L'arrivée inattendue de Halil-Pacha le fit un peu changer de ton;

son amour-propre en fut flatté au suprême dégré, il conçut l'idée de tirer parti des circonstances pour obtenir un arrangement plus avantageux pour lui. Il ne retracta cependant jamais les engagemens, qu'il avait pris envers Sa Majesté, mais il voulut se donner un certain mérite de l'arrangement qu'il allait conclure. Pour arriver avec plus de sûreté à ses fins, il continua ses armemens, mais je n'ai presqu' aucun doute que le rétablissement de la paix va suivre immédiatement.— Cependant si cela n'arrivait pas, il y aurait eu toujours gain de tems; la parole de Mehmed-Ali aurait été compromise et il ne pourrait pousser ses opérations militaires et ses menées qu'avec une indécision, qui en paralyserait en quelque sorte la vigueur — circonstance, qui aurait favorisé tout autre gouvernement que celui du Sultan, plongé sous le rapport des ses intérêts dans une apathie inexplicable et dont on ne peut espérer la conservation, qu'en la fondant sur l'impression, dont la démarche de Sa Majesté à frappé l'esprit du Pacha revolté.

Les choses ayant été conduites à ce point, j'ai cru ne devoir plus prolonger mon séjour à Alexandrie, que je quittai le $^{11}/_{23}$ Janvier et j'arrivai le $\frac{21 \text{ Ianvier}}{2 \text{ Fevrier}}$ aux Dardanelles, où le vent contraire m'obligea de jeter l'ancre. Je vis hier notre Vice-Consul Timoni, qui m'apprit que les fuyards du corps battu à Koniah à la défaite du Grand-Vizir rentraient en grand nombre, et que le gouvernement Turc les engageait à rester aux Dardanelles et donnait des vivres et des moyens de transport à ceux qui voulaient passer à la côte de l'Europe, pour rentrer dans leurs foyers.

Le colonel Duhamel, qui avait été envoyé chez Ibrahim-Pacha, est de retour à Constantinople, mais je ne connais pas le résultat de ses démarches.

Conformément aux instructions de Votre Excellence j'expédie sous cachet-volant la présente dépêche, avec le précis y annexé, à M-r Bouténeff à Constantinople, afin qu'il en prenne connaissance.

Veuillez agréer, Monsieur le Comte, les nouvelles assurances de ma haute considération. Etc., etc.

N (къ стр. 179)

Communiqué par M-r Bouténeff le $^{7}/_{19}$ Février, 1833.

Traduction d'un memorandum de la Porte Ottomane, remis le $^{5}/_{17}$ Fevrier, 1833.

Pour ce qui concerne l'offre d'un secours maritime que S. M. l'Em-

Т (къ стр 287).

Письма съ Анадольскаго берега Босфора.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

4-го апрѣля
1833 года.

Лагерь на Босфорѣ, при
Султанской пристани.

Вотъ и переплыли мы морскую пучину; съ 17-го по 24-е марта суда наши боролись съ противными вѣтрами и безвѣтріемъ; волнистая синева водъ облегала насъ широкою пеленою; нѣсколько разъ пелена сія обрисовывалась на краю обзора темною полосою береговъ древней Мизіи и Ѳракіи; но они бѣжали отъ насъ, и скоро груды горъ, коими обставлено начало Константинопольскаго пролива, зачернѣлись предъ нами, попутный вѣтеръ сталъ свѣжѣть, боевыя вѣтрила наполнились, волна запѣнилась и заревѣла подъ носомъ корабля; и эскадра наша, какъ дружная стая лебедей, скоро влетѣла въ завѣтный проливъ; еще нѣсколько минутъ, якорь брошенъ, паруса подобраны,—и зыбь свѣтлаго Босфора заколыхала уже неподвижный корабль нашъ противъ селенія *Бекюгъ-дерэ*, въ виду дома Россійскаго посланника при Оттоманской Портѣ.

Сколько добрыхъ соотечественниковъ думаютъ теперь о насъ, желаютъ узнать, гдѣ и какъ мы поживаемъ!—Такъ позвольте же, любезные земляки, побесѣдовать съ вами о нашемъ житьѣ-бытьѣ въ Азіи; русскому сердцу пріятно слышать добрую вѣсточку о своихъ, особенно о нашемъ христолюбивомъ воинствѣ, съ радостію стремящемся по пути, указуемому вождями по манію Царя-Надежды. Близко ли, далеко ли, мы не спрашиваемъ о трудахъ и опасностяхъ!

Жаль, что вы, друзья, не могли побывать у насъ въ гостяхъ на Святую недѣлю, мы васъ угостили бы на новосельи нашемъ совершенно по-русски: красныхъ яицъ, пасхи и куличей было вволю; мы здоровы, сыты и веселы; чего же болѣе! Теперь перенесу я васъ къ намъ, на Азіатскій берегъ Босфора Ѳракійскаго; здѣсь, противъ деревни *Терапіи*, находящейся въ Европѣ, лежитъ широкая долина, при устьи коей, близь селенія *Ялы-Кёй*, есть мѣсто, изстари называемое *Хункяръ-Скелеси* или Султанская пристань, которая со временъ Султана Амурата IV часто назначалась мѣстомъ загородныхъ прогулокъ. Слово *Хункяръ* взято съ персидскаго языка, на коемъ называютъ онымъ собственно Султана. Перейдемъ съ этой зеленой бархатной долины на хребты прибрежныхъ высотъ, чело коихъ, еще не тронутое плугомъ, за недѣлю предъ симъ, почти не зналося съ стопою человѣка; едва проходимыя тропинки, извиваяся по скатамъ горъ, прокрадывались между густымъ кустарникомъ миртовъ и лавровъ; лишь пастухи со стадами изрѣдка бродили по онымъ; теперь тысячи русскихъ военныхъ шатровъ стройными полосами бѣлѣютъ на хребтахъ сихъ горъ, и перемѣшавшись, какъ бы въ знакъ союза, съ зелеными турецкими палатками, обстилаютъ будто пестрымъ ковромъ длинные скаты. Сплошной кустарникъ исчезъ подъ лагеремъ; мирты пригодились на подстилку подъ турецкія рогожки солдатскихъ постелей, а для защиты отъ вѣтровъ палатки обставлены лаврами,—покоиться на оныхъ, авось, будутъ наши солдаты послѣ. Саперы наши проложили вокругъ лагеря удобныя дороги съ мостами, русскія орудія взлетѣли по онымъ на вершины горъ и грозно смотрятъ въ глубину Малой Азіи. Съ сѣвера тянутся къ нашей позиціи длинные отроги горъ, развивающихся вѣтвями къ проливу; придетъ къ намъ второй отрядъ, и лѣвое наше крыло потянется къ *Яюшэ-дагъ*, или *Горъ Великановъ*, возносящейся главою надъ сими высотами. Проходя по лагерю, на главномъ хребтѣ раскинутому, невольно остановишь жаждущіе взоры на дивной картинѣ роскошной природы, насъ окружающей: громады горъ, осѣненныя садами и кипарисами, сдвинулись надъ излучистымъ, быстрымъ Босфоромъ, извивающимся у подножія высотъ Европы и Азіи, какъ широкая лента, не-

брежно брошенная по яркимъ цвѣтамъ пестрой ткани кашемира; разноцвѣтныя строенія предмѣстій Стамбула: хижины, красивые дома, сады, баттареи, кіоски и дворцы тянутся непрерывною нитью по обоимъ берегамъ надъ водою. Вдали на Европейскомъ берегу бѣлѣется *Румели-Гиссаръ*, зубчатый *замокъ Европы*, воздвигнутый грознымъ Магометомъ II-мъ, прежде покоренія древней Византіи, въ память его имени *). Полагаютъ, что на семъ мѣстѣ былъ поставленъ тронъ Дарія, съ котораго сей владыка Персіи любовался своимъ многочисленнымъ полчищемъ, при переправѣ чрезъ Босфоръ для вторженія въ земли Скиѳовъ. Но что намъ до темныхъ преданій? На сей классической полосѣ земли наши егеря стоятъ нынѣ лагеремъ, а обратимся направо въ Беюгъдерэ, и лѣсъ корабельныхъ мачтъ предстанетъ очамъ нашимъ, развѣвая военные флаги Россіи.

На другой и третій день по высадкѣ нашей на берегъ, сдѣлалось вдругъ ненастье, даже и снѣгъ принимался нѣсколько разъ порошить землю: ночевать было холодно въ лагерѣ; но, слава Богу, всѣ были успокоены и пригрѣты по возможности; сытная вкусная каша, приправленная отличною зеленью, лишняя чарка водки, дровъ, доставленныхъ Турецкимъ правительствомъ, вволю,—и все ненастье какъ *трынъ-трава* нашимъ солдатикамъ; разложились бивачные огни, и пошли вокругъ нихъ прибаутки про сѣрые деньки на родинѣ, про походы, да про *Азію*.

Вниманіе Турецкаго правительства къ нашимъ войскамъ отлично: лишь только прибылъ нашъ отрядъ, Султанъ пріѣхалъ нарочно во дворецъ свой близь Терапіи и пожелалъ, чтобы были представлены ему наши адмиралы, генералы и полковые командиры. Ни дурная погода, ни самое нездоровье, не удержали тогда Султана; его султанское величество, съ веселымъ и радостнымъ видомъ, принялъ нашихъ воиновъ, между прочимъ говорилъ, что, считая приходъ ихъ залогомъ дружбы Россійскаго Государя,—выражаемой не словами, но и самымъ дѣломъ,—болѣе своихъ любитъ войска Русскія; тутъ же объявлено, что всѣмъ чинамъ нашего отряда, долженству-

---

*) Говорятъ, что очеркъ направленія стѣнъ и башень сего замка въ планѣ уподобляется письменному изображенію имени Магомета.

ющимъ имѣть верховыхъ лошадей, Султанъ даритъ по коню, и на третій день Свѣтлаго праздника, его султанское величество изволилъ прислать въ нашъ отрядъ нижнимъ чинамъ 25 тысячъ яицъ, вина и разныхъ съѣстныхъ припасовъ, офицерамъ разныхъ лакомствъ, различныхъ винъ и въ томъ числѣ нѣсколько ящиковъ шампанскаго; при чемъ приказалъ объявить генералъ-летейнанту Муравьеву, что все это дѣлаетъ онъ изъ собственной личной пріязни его къ Русскимъ воинамъ;—какое вниманіе! Соразмѣрно съ такою привѣтливостію Султана, изъявляютъ то же и чиновники его. Самый народъ и боевая чернь Турціи, дни два смотрѣли на насъ очень смѣло, но потомъ недовѣрчивость, врожденная Азіятцамъ, начала ослабѣвать, и они распознали, что *Московъ*, страшный врагъ на полѣ брани,—самый лучшій другъ въ дни мира, во дни союза съ Портою, утвержденнаго волею нашего Государя. Турки и наши солдаты сходятся уже въ кружокъ, курятъ попеременно изъ одного чубука: только и слышно между ними: *Сардашъ-Русъ*, *Сардашъ-Османлы!* *) Турецкій караулъ на гауптвахтѣ у пристани, состоящій въ распоряженіи нашего коменданта отрядной квартиры, уже свыкается съ нашими военными.

Теперь стали лагеремъ съ нами нѣсколько баталіоновъ пѣхоты и эскадроновъ кавалеріи турецкихъ войскъ, долженствующихъ, по волѣ Султана, поступить въ отрядъ въ полное распоряженіе нашего генерала; теперь они совершенно привыкнутъ видѣть въ нашихъ войскахъ своихъ товарищей и сослуживцевъ: тогда, если судьбѣ угодно будетъ, мы вмѣстѣ грудь съ грудью пойдемъ въ бой,—и пылкая отвага Османовъ сольется воедино съ испытанною храбростію Русской пѣхоты; свѣтъ видѣлъ насъ; мы не помрачимъ славы Русской.

Пасху встрѣтили мы въ Беюгъ-дерэ, молились Богу въ Русской церкви, находящейся при нашемъ посольствѣ, а потомъ разговлялись по Русскому обычаю за обѣдомъ у нашего посланника. Въ лагерѣ нашемъ, всякій день передъ зарею играютъ музыки, заливаются Русскіе пѣсенники, и Святая у насъ идетъ какъ водится на святой Руси. Надъ

*) Русскій братъ, Турокъ братъ.

мысомъ *Сельви Бурну*, на самомъ берегу Босфора, возлѣ дома, занимаемаго нашимъ генераломъ, возвышается отдѣльная чистая горка, осѣненная тремя высокими кипарисами, на которой разбита турецкая палатка для генерала; тутъ и музыка, и заревая пушка и русскія качели для Святой недѣли. Какое праздничное сборище народа бываетъ тутъ всякій вечеръ! Родные приволжскіе напѣвы, веселый видъ солдатъ, радушіе туземцевъ, воинственная краса боеваго стана и полное довольство; все лелѣющее душу ратника найдешь здѣсь, на этомъ дикомъ берегу Азіи, оживленномъ дружиною храбрыхъ воиновъ, готовыхъ для славы, для пользы отечества, по единому мановенію любимаго Государя, пронести побѣдныя знамена сквозь огнь и воду.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

21 апрѣля
1833-го года.

Лагерь на Босфорѣ,
при Султанской пристани.

Весна, друзья мои; поздравляю васъ съ веселою порою на родинѣ; теперь наши ясноокія красавицы играютъ хороводы, поютъ и пляшутъ подъ веселый ладъ на святой Руси; а у насъ хоть и нѣтъ здѣсь такого разгулья, какъ бываетъ вешнею порою на родной сторонѣ, но и мы послѣ *красной горки*, во вторникъ на *Ѳоминой*, могли бы запѣть родимую хороводную пѣсенку: «*а нашего полку прибыло*,» когда на водахъ Босфора раздались новые Русскіе громы съ прибытіемъ эскадры съ вторымъ десантныхъ отрядомъ. Мы были здоровы, сыты и веселы до сихъ поръ; но теперь, друзья, сверхъ того, мы еще и сильны; лишь далъ бы Богъ намъ добрый часъ, а то постоимъ за себя!

Съ приходомъ нашихъ прибавилось военныхъ шатровъ, и боевая наша полоса пролегла далеко въ горы, увѣнчавъ дикія вершины бѣлыми ставками. Нашъ станъ, раскинутый на горахъ, картина прелестная; но недавно мы видѣли зрѣлище болѣе восхитительное, величественное: Російское воинство вмѣстѣ съ Турецкимъ, выстроившись въ линію, предстало на смотръ Султану Махмуду II-му.

15-го апрѣля, къ 9 часамъ утра, войска собрались на долинѣ при Султанской пристани, лежащей у передовой по-

дошвы горъ, занимаемыхъ нашимъ лагеремъ. Въ первой линіи выстроилась пѣхота: правое крыло, примкнувшее къ пристани, составляли наши саперы и гвардейцы его султанскаго величества; а лѣвое крыло терялось въ отдаленіи, примыкая къ извивамъ лощинъ, сбѣгающихъ изъ-за горъ въ одну главную широкую долину. Артиллерія вмѣстѣ съ Турецкою стала за срединою пѣхоты; а влѣво отъ орудій за небольшою рѣчкою, которая прокрадывается по долинѣ, развѣвились зеленые и пунцовые значки Турецкихъ легконосцевъ и тянулись строемъ пики нашихъ Донцевъ. До перваго часа мы ожидали прибытія Султана; время было нежаркое, но ясное; торжественное сборище войскъ сдѣлало день сей настоящимъ праздникомъ, и мунуты ожиданія были занимательны; толпы любопытныхъ въ разнонародныхъ нарядахъ Европы и Азіи сбирались на прибрежныхъ высотахъ и скатахъ, испестривъ собою окрайки картины единственной, на главномъ полѣ коей тянулось войско, а въ углубленіи съ одной стороны высились горы прикрытыя шатрами, а съ другой растилался синій Босфоръ, съ отдаленнымъ берегомъ Европы. Генералъ нашъ съ большимъ штабомъ сухопутныхъ и морскихъ войскъ, ожидалъ прибытія Султана на берегу у самой пристани, куда прибыли Сераскиръ Хозревъ-Мегметъ паша и Капуданъ Тагиръ-паша также съ многочисленною свитою, состоявшею изъ значительныхъ военноначальниковъ и придворныхъ блистательной Порты, въ расшитыхъ золотомъ мундирахъ, къ чему надобно присовокупить обыкновенную на Востокѣ примѣсь чиновъ весьма немного значащихъ, начиная отъ *чаушей*, водящихъ коней, и краснопестрыхъ *кавасовъ* съ булавами привратниковъ, до *чубукчибаши*, единственно занимающихся ловкимъ размахиваніемъ трубокъ на длинныхъ чубукахъ господъ своихъ.

Между тѣмъ прибыли на берегъ музыканты Султанской гвардіи, голубые залитые золотомъ и *отъ-огланы* (конюшіе) съ двумя верховыми конями Султана; любопытство влекло насъ Европейцевъ поразсмотрѣть такую диковинку: полюбоваться можно было не конями, а убранствомъ оныхъ. Мундштутки и вся сбруя, обвѣшенные золотыми кистями, вышитые и перевитые золотомъ, унизанные жемчугомъ и алмазами, сѣдла венгерскія съ золотыми стременами, одно

изъ нихъ было покрыто фіолетовымъ, а другое голубымъ вальтрапами, богато расшитыми кругомъ золотомъ и тоже унизанными жемчугомъ и дорогими каменьями, съ изображеніями по угламъ воинскихъ доспѣховъ. Скоро подлетѣлъ нашъ пароходъ, на коемъ прибылъ посланникъ Россійскаго двора при Портѣ, со свитою дипломатовъ и съ цѣлымъ обществомъ дамъ лучшаго круга Беюгъ-дерэ,—залетныхъ птичекъ на Босфорѣ, слетѣвшихся сюда изъ разныхъ станъ Европы, и посѣтившихъ въ этотъ разъ Азіятскій берегъ изъ любопытнаго желанія взглянуть на Русскихъ воиновъ. Еще нѣсколько быстролетныхъ *каиковъ* и зеленыхъ Русскихъ катеровъ причалили къ берегу съдамами,—и наша воинственная молодежь отхлынула отъ коней и придворныхъ Турціи къ сему новому, болѣе привлекательному зрѣлищу. Услужливые, полузнакомые кавалеры провожали дамъ мимо войскъ на приготовленное для нихъ мѣсто подъ разбитый въ тѣни кипарисовъ наметъ, обставленный стульями; любезныя представительницы Европы, составивши кружокъ, пошли гулять по долинѣ въ ожиданіи народа, а напротивъ ихъ, на краю селенія Ялы-кей столпились въ кучку и восточныя красавицы-невидимки; обвитыя бѣлыми покровами, онѣ явились тутъ какъ бы нарочно для рѣзкой противоположности: недоступная Азія, при проходѣ пришельца, смутно озираяся, косилась издалека, но все-таки поглядывала на смѣльчака невѣрнаго, дерзающаго встрѣчать привѣтливо ея пламенные взоры, нечаянно ли, нарочно ли, но вырывавшіеся изъ-подъ таинственныхъ покрововъ

Торжественная канонада съ баттарей Босфора возвѣстила проѣздъ Пади-Шаха отъ Стамбула въ Терапію, откуда пріѣхалъ передовымъ Ахмедъ-паша *Муширъ Хасса* *) и *Сыръ-Кыатибъ* **) Султана съ объявленіемъ о скоромъ прибытіи Его султанскаго величества. Въ 12 часовъ съ половиною на нашемъ фрегатѣ *Штандартъ* матросы взлетѣли на реи, раздались пушечные выстрѣлы, по войскамъ пронеслось: *смирно*! и раззолоченный султанскій каикъ подлетѣлъ къ

---

*) Муширъ-Хасса, начальникъ гвардіи.

**) Сыръ Кыатибъ, тайный секретарь или, слово въ слово, глухой писецъ.

пристани. Султанъ ступилъ на берегъ, наши полевыя орудія привѣтствовали его двадцатью однимъ выстрѣломъ. Повелитель Востока сѣлъ на коня при звукахъ Турецкой музыки, подъѣхалъ къ строю войскъ, тогда нашъ генералъ на конѣ встрѣтилъ его султанское величество на правомъ крылѣ пѣхоты. Султанъ былъ въ фіолетовомъ гусарскомъ ментикѣ съ золотымъ шитьемъ и выложенномъ шнурами, опоясанъ гусарскимъ зеленымъ (перевитымъ золотомъ) кушакомъ, въ серебрянныхъ шпорахъ и въ красномъ *фессѣ* съ шелковою кистью; мечъ его былъ осыпанъ каменьями. Привѣтствовавъ генерала чрезвычайно ласково, Султанъ взлянулъ на ратный строй и поѣхалъ по фронту, сказавъ войскамъ по-Русски: *здорово*; въ ту же минуту громкое ура раздалось на правомъ крылѣ, и блестящая многочисленная Султанская свита, вмѣстѣ съ нашимъ штабомъ, потянулась длиннымъ поѣздомъ; неумолкающее ура передавалось отъ баталіона къ баталіону, звуки музыки и грохотъ барабановъ сливались съ воинственными кликами; пушечная пальба еще продолжалась, оторопѣлые кони прядали подъ нами, казалось, земля дрогнула подъ нашимъ строемъ, и Русское всесильное ура, вторимое эхомъ горъ, слилось въ одинъ торжественный гулъ, раздавшійся въ горахъ Азіи, какъ вѣстникъ появленія Русскихъ силъ предъ лицемъ потомка Оттомановъ, опоясаннаго мечемъ Магометовымъ.

Султанъ объѣхалъ линію войскъ и остановился со всею свитою на назначенномъ мѣстѣ. Тогда стѣна штыковъ взволновалась, баталіоны свились и, стройно сдвинувшись въ одну общую колонну, потянулись церемоніяльнымъ маршемъ передъ Султаномъ, за пѣхотою артиллерія, а потомъ конница. При проходѣ во второй разъ въ колоннахъ церемоніяльнымъ маршемъ, наша и Турецкая артиллерія пролетѣли повзводно рысью, за оною шла на рысяхъ Турецкая конница, а Донцы пріостановились, *гикнули* съ мѣста, — и хлынули во весь опоръ передъ Султаномъ, чтò весьма понравилось Туркамъ, давнишнимъ любителямъ наѣздничества.

Когда колонны остановились, то его султанскому величеству угодно было, въ знакъ благодарности войскамъ, еще разъ объѣхать пѣхоту, артиллерію и кавалерію; окруженный блестящею толпою свиты, онъ подъѣзжалъ къ каждому ба-

таліону, и каждая дружина возглашала ура при его появленіи. Въ это время Султанъ, между прочими привѣтствіями, сказалъ нашему генералу: «что ему хотѣлось бы сказать что нибудь каждому баталіону особенно, чего онъ не можетъ сдѣлать среди такихъ восклицаній;» но узнавъ отъ генерала, что клики сіи—самое торжественное изліяніе усердія и радости нашихъ воиновъ, производимые по собственному ихъ желанію, могутъ тотчасъ же умолкнуть, если прикажутъ, Султанъ прибавилъ, что, конечно, чувства дружбы къ нему нашего Государя должны переливаться и въ души подданныхъ, почему онъ и пріемлетъ съ особеннымъ удовольствіемъ такой единодушный восторгъ Русскаго воинства.

Объѣхавъ войска, Султанъ сошелъ съ коня въ своемъ кіоскѣ, находящемся тутъ же на долинѣ при бумажной фабрикѣ, основанной Селимомъ III, но послѣ уничтоженной; между тѣмъ войска зашли правымъ плечомъ и, сдѣлавъ перемѣну дирекціи вправо, построились передъ кіоскомъ: пѣхота фронтомъ къ оному, въ баталіонныхъ колоннахъ; къ правому крылу оной примкнула подъ прямымъ угломъ артиллерія побатарейно въ двѣ линіи, а къ лѣвому крылу пѣхоты пристроилась конница, по-эскадронно, лицемъ къ артиллеріи; въ это время представлены были Султану въ кіоскѣ почетный караулъ, ординарцы и вѣстовые отъ всѣхъ частей войскъ, которымъ онъ сказалъ очень внятно, чисто по-русски: *спасибо, ребята; хорошо*. Свита Султана и нашъ штабъ толпились на дворѣ кіоска, куда еще заранѣе прибыло множество придворныхъ чиновниковъ, особенная музыка и нѣсколько пажей Султана *(ичь-огланов̌ъ)*. Любопытство влекло даже и дамъ къ воротамъ кіоска, гдѣ и скопилась наконецъ пестрая толпа зрителей.

Чрезъ нѣсколько минутъ, Султанъ вышелъ, сѣлъ на коня и поѣхалъ къ пристани, откуда при звукахъ музыки и пушечныхъ выстрѣлахъ отплылъ въ своемъ каикѣ по Босфору. Войска тронулись съ мѣста смотра, и сія картина была превосходна; нѣсколькими колоннами двинулась наша рать въ разныхъ направленіяхъ къ лагернымъ мѣстамъ своимъ; долина стала пустѣть; блестящими струями штыковъ обвились хребты горъ отъ самой рѣчки до гребня высотъ, величаво красующихся предъ грудою горъ Европейскихъ, которыя

сдвинулись на противоположномъ берегу, какъ бы для того, чтобъ подивиться Россійскому Орлу, пріосѣнившему могущимъ крыломъ своимъ дикія горы Анадоліи.

Послѣ сего, бросивъ еще взглядъ на движущіеся полки и проводивъ взорами лодки посѣтителей нашего лагеря, разбѣгавшіяся по широкому проливу, мы поѣхали по походнымъ домамъ своимъ.

Вотъ событіе, великое воспоминаніями, достойными перейти къ потомкамъ нашимъ, ко всѣмъ сынамъ Россіи, всасывающимъ съ млекомъ матери священную любовь къ престолу и славѣ отечества. По манію Великаго Монарха, силы Русскія перенеслись за море, и здѣсь, на рубежѣ Азіи, тысячи нашихъ воиновъ сомкнулись въ одинъ боевой строй съ войсками Оттоманской Порты, и въ единой союзной дружинѣ предстали предъ Султаномъ, готовые, по волѣ Россійскаго Государя, идти на пораженіе черныхъ мятежниковъ Африки, поднявшихъ оружіе противъ своего владыки Пади-шаха; — нашъ могущій и прославленный Орелъ дружелюбно простеръ широкое крыло свое къ лунѣ Востока, и грозный полетъ его да будетъ стезею побѣдъ нашихъ! Нашъ силенъ Богъ! Друзья и земляки, простите порывы восторга солдату; сильно бьется пылкое сердце въ груди Русской, какъ подумаешь о славѣ и силѣ Россіи, благословляемой Богомъ, возвеличенной и прославленной Монархомъ.

ПИСЬМО ТРЕТІЕ.

16 іюня 1833 года. — Лагерь на Босфорѣ, при Султанской пристани.

Далеко отъ родины, какъ пылки мечтанія обо всемъ, что̀ дорого сердцу, съ чѣмъ сжилась, сроднилась душа наша! Да, друзья, за-моремъ, подъ чуждымъ небомъ Азіи, гдѣ много хорошаго, но все не наше родимое, здѣсь таинственная нить, обвивающая существо неразрывною цѣпью съ отечественнымъ, кажется, сильнѣетъ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ полетомъ думъ въ страну обѣтованія. Послѣ этого, вамъ понятно будетъ желаніе походнаго солдата побалясничать про житье-бытье заморское.

Скитаясь по дикимъ горамъ и роскошнымъ долинамъ Анадоліи, какъ часто призадумаешься: что еслибъ да *коверъ-*

самолетъ, слеталъ бы мигомъ я на родину, перенесъ бы сюда милыхъ мнѣ, чтобъ вмѣстѣ погулять на плѣнительномъ берегу, куда забросила насъ славная доля воина. Но теперь перенесу я васъ на коврѣ воображенія къ сему славному Босфору Ѳракійскому; взгляните на горы, убѣленныя шатрами, на дороги, разбѣгающіяся отъ Султанской долины къ высотамъ хребтовъ и съ оныхъ къ проливу, прислушайтесь къ голосистымъ напѣвамъ, сложеннымъ въ Русской сторонѣ, и вы узнаете тутъ боевой станъ земляковъ вашихъ, вы не будете спѣшить къ Стамбулу, не осмотрѣвъ нашего лагеря.

Много писателей знакомило Европу съ полосою Босфора, обильною красотами природы, но право есть изъ нихъ такіе восторженные, что почти надъ каждымъ кустикомъ поютъ элегіи, — отъ меня не ожидайте этого; по мнѣ и Русскія развѣсистыя липы не хуже яворовъ, а наша береза—красавица и передъ тополемъ. Солдатъ вамъ намекнетъ о томъ и о другомъ, а все-таки чаще будетъ сбиваться на то, что̀ ближе къ нему и болѣе радуетъ его ретивое. Какъ не заговориться о своемъ быту, утѣшаясь мыслію, что теперь иро нашйхъ солдатиковъ,—которымъ съ благоговѣніемъ дивятся на Востокѣ,—съ радостію желаютъ что нибудь узнать и на святой Руси.

Вотъ Султанская долина, пролегающая между горъ, которыя обвились вокругъ оной и, заслоняя верховье игривыми отрогами, раздвинулись при устьѣ, какъ бы для того, чтобъ зеленая полоса сія скатилась широкою пеленою къ проливу. Тутъ на правомъ берегу бѣлѣется Султанскій кіоскъ *Кіатханы*, на противномъ берегу видна часть селенія *Ялы-Кёй* съ кипарисовыми рощами надъ мусульманскими кладбищами, съ садами и виноградниками вокругъ домиковъ; нѣсколько мраморныхъ фонтановъ, два-три мостика и столбъ водопровода, укрытые густою зеленью развѣсистыхъ яворовъ, пестрятъ широкій лугъ, гдѣ на праздничныхъ гуляньяхъ бываетъ много пестроты, много красавицъ полуденнаго края; зрѣлище прелестное, но оно обставлено и другими картинами. — На краю луга, близь кіоска стоитъ общій караулъ союзныхъ войскъ отряда и тянется цѣпь часовыхъ, стоящихъ попарно — нашъ съ турецкимъ; вотъ какъ войска

Султанской гвардіи несутъ службу вмѣстѣ съ нами! Одна смѣна, одинъ отзывъ *). Русскій и Турокъ во всемъ товарищи, все за одно на службѣ; ночные разъѣзды вокругъ лагеря составляются изъ казаковъ и турецкой конницы вмѣстѣ, одинъ разъѣздъ ведетъ нашъ урядникъ, а другой турецкій чаушъ (унтеръ-офицеръ); къ разводу ли, на смотръ ли, все вмѣстѣ, все въ свою очередь. Намъ это приглядѣлось, а какъ взглянешь да подумаешь, такъ право дѣло великое. Не привела насъ судьба, вмѣстѣ съ Османами, покрасоваться на чистомъ полѣ, въ бою съ непріятелемъ и подѣлиться побѣдными лаврами; но мы пріучили Турокъ раздѣлять съ нами нашу службу, какой у нихъ и не слыхано; турецкія войска уже убѣдились, что мы и они составляемъ одно, одну дружину, которая по мановенію вождя бросится за одно въ огонь, и не пожалѣетъ ни штыка, ни груди.

Теперь поведу я васъ вдоль подошвы прибрежныхъ высотъ пролива въ среду нашего стана, гдѣ близь мыса *Сельви-Бурну* квартира нашего генерала и сосредоточена вся управа отряда. Весь этотъ берегъ, до прихода нашего, представлялъ уединенную пустую полосу огородовъ, оброслую кустарникомъ и обставленную деревьями, въ густой зелени коихъ раздавались лишь напѣвы соловья, изрѣдка прерываемые глухимъ однозвучнымъ бряцаніемъ звонковъ на лошакахъ, медленно тянувшихся къ Султанской мельницѣ или къ кожевенному заводу, тутъ находящимся; нынѣ тропинка сія сдѣлалась большою торною дорогою,—Европейцы и Азіятцы, пѣшіе и конные движутся по оной съ утра до вечера, и весь этотъ берегъ, оживленный какъ очарованіемъ, превратился въ особенный городокъ, посреди коего, словно изъ земли выросъ базаръ, гдѣ кипитъ народъ между рядами лавокъ-скороспѣлокъ, изобилующихъ всѣмъ, что̀ нужно для продовольствія и даже для прихоти солдатской. Тутъ найдешь и важнаго Турка-продавца съ старозавѣтною чалмою, который лѣниво сидитъ въ лавочкѣ, зазывая Русскихъ покупщиковъ обычнымъ привѣтствіемъ—*знакомъ;* тутъ Армя-

---

*) По сему случаю для отзывовъ и выбираются слова, вкравшіяся въ нашъ языкъ со временъ татарскаго нашествія, какъ напримѣръ: кушакъ, тазъ, кавунъ, алтынъ, базаръ, башмакъ и проч.

нинъ, Болгаръ, и Грекъ и Перотъ раскинули свои временные балаганы; толпа роится между столиками и лавками, порой и *сахарно-морожено* разноситъ тутъ Кишеневскій мѣщанинъ въ пестрой рубахѣ съ красными ластовками: живая картина дѣятельной промышленности, но вмѣстѣ и разительный образецъ порядка, тишины и довольства.

За базаромъ, близь генеральской квартиры и военной пристани, отдѣлилась отъ большихъ хребтовъ горъ высота, выдающаяся холмомъ въ колѣно пролива и образующая мысъ *Сельви-Бурну* (мысъ кипарисовъ), который можетъ быть со временемъ будетъ извѣстенъ подъ названіемъ *Московъ-Бурну*. И нарочно нельзя бы было устроить лучшаго и болѣе виднаго возвышенія для генеральской палатки, осѣняемой троицей высокихъ кипарисовъ; вокругъ оной каждый вечеръ передъ зарею строятся музыканты, пѣсенники и трубачи турецкаго эскадрона. Тутъ-то бываетъ веселое сборище военныхъ; подъ звуки музыки и пѣсенъ, здѣсь является и свайка и другія лагерныя игры воиновъ; Турецкіе солдаты съ нашими играютъ по-русски, ловятъ шапку, обгоняются и заводятъ различныя потѣхи, на коихъ непримѣтно свыкаются болѣе и болѣе. Весело взглянуть на сію гору, усѣянную народомъ передъ зарею, — восхитительная семейная картина военнаго быта Русскихъ и Турокъ, празднующихъ дни союза въ общемъ лагерѣ.

Чтобъ вы имѣли понятіе о нашей лагерной жизни, я разскажу объ одномъ изъ достопримѣчательнѣйшихъ праздниковъ, бывшемъ на этой горкѣ, въ воскресенье 28 мая. Сераскиръ-паша и Ахмедъ-Муширъ-паша пріѣхали подъ вечеръ въ гости къ генералу Муравьеву. На Султанской долинѣ собралось гулянье, въ маломъ видѣ подобіе Петербургскихъ гуляній, съ тою разницею, что вмѣсто богатыхъ экипажей, тутъ медленно передвигались испещренныя съ позолотою арбы, запряженныя парами бѣлыхъ воловъ или буйволовъ; подъ цвѣтными балдахинами этихъ повозокъ были насажены Турчанки, и тутъ же, вмѣсто маленькихъ шляпокъ и маленькихъ ножекъ, расхаживали толпами среди разряженныхъ Гречанокъ, Турчанки и Армянки, закутанныя въ длинныхъ *фередже* и обвитыя бѣлыми *яшмаками*,—т. е. покрывалами, или скрывающими красоту, или заставляющими подо-

зрѣвать прелестное въ весьма обыкновенномъ; какіе-то проѣзжіе *штукари* занимали *публику* представленіемъ прыганья на лошадяхъ, какъ водится въ балаганахъ; потомъ все военное перешло на заревую гору, которая въ этотъ разъ была украшена и любезными представительницами Европы. Нашъ генералъ съ своими гостями, въ обществѣ дамъ, сѣлъ въ кружокъ возлѣ палатки: музыки смѣнялись пѣснями, пѣсни Турецкими трубами, и какихъ забавъ тутъ не было! Молодежь вздумала на Азіятскомъ берегу порѣзвиться поевропейски, и тотчасъ, подъ открытымъ небомъ, Французская кадриль смѣнилась вихремъ вальса. У нашихъ военныхъ и ротные праздники не обходятся безъ *лодки*, сего сценическаго представленія, собственно солдатами усвоеннаго, такъ сильно отзывающагося давнишнимъ бытомъ нашихъ приволжскихъ старожиловъ, летавшихъ въ разгульныхъ ладьяхъ своихъ на дальныя добычи; а потому и у насъ на Сераскирскомъ праздникѣ построилась лодка со всѣми поэтическими приговорками и экспромптами солдатиковъ, *которые порѣчистѣе*. Почтенный старецъ, посѣдѣлый при трехъ Султанахъ Сераскиръ-пашею Турціи, смотрѣлъ съ любопытствомъ на потѣхи солдатскія, для него совершенно новыя; правду сказать, и самъ Сераскиръ былъ предметомъ созерцанія для нашихъ солдатиковъ; они толковали промежъ себя: «смотри-ка, братъ, старичекъ-то онъ малинькой, сѣдинькой, только-что плотенъ да дороденъ изъ себя, а ужь пожилъ на своемъ вѣку, да вишь и послужилъ своему Государю, за то и генералъ-то большой, знать голова!» Когда дошло дѣло до обычнаго качанья, то нашъ генералъ взялся за Сераскиръ-пашу, мы подхватили, — и троекратное ура раздалось въ ладъ съ качаньемъ, какъ водится при Русской лодкѣ; потомъ приподняли Ахмедъ-пашу, а въ третій разъ ура раздалось громче прежняго, — гостямъ честь, а *отцу-командиру* особенно, ужь такъ искони бѣ, и мы подняли нашего генерала въ заключеніе лодки. А потомъ наши пѣсенники поднимали на руки по очереди всѣхъ чиновныхъ Турокъ, что̀ для нихъ было и ново и очень по душѣ. За шампанскимъ дамы пили здоровье Сераскиръ-паши и Ахмедъ-Муширъ-паши, которые, разумѣется, не остались въ долгу у дамъ и привѣтствовали ихъ тоже по обычаю Европы.

Лишь только потемнѣло, полетѣли ракеты, завертѣлись огневыя колеса передъ горою и потѣшные огни (самодѣльщина) заняли дамъ и позабавили Турокъ; а между тѣмъ отрядная квартира освѣтилась, и полоса берега, загорѣвшаяся плошками, вокругъ походной церкви, базара и вдоль дороги раставленными, представила картину болѣе великолѣпную, совершенно праздничную.

Вотъ какого рода угощенія бываютъ у насъ въ лагерѣ для гостей-союзниковъ; за то и Сераскиръ-паша не пропускаетъ случая оказывать всевозможное уваженіе къ нашимъ генераламъ, достойное торжественной дружбы, связующей нынѣ двѣ Имперіи. Когда генералъ Муравьевъ былъ въ Константинополѣ съ частію своего штаба, то Сераскиръ-паша, желая занять его обозрѣніемъ замѣчательныхъ предметовъ столицы, состарѣвшейся на классической полосѣ земли, приказалъ, чтобъ все въ Царѣградѣ, укрытое отъ любопытныхъ взоровъ другихъ чужестранцевъ, было показано Русскимъ воинамъ; мы были съ генераломъ на третьемъ дворѣ Сераля, проникнули даже до *Сарай-Бурну*; мы были также и внутри храма святой Софіи, величавые своды коего,—дряхлѣющіе свидѣтели прешедшаго величія Восточной Римской Имперіи, — впервыя узрѣли подъ собою Русскихъ воиновъ, съ благоговѣніемъ дивящихся первобытному великолѣпію оныхъ, отъ коего остался нынѣ лишь остовъ изящнаго, во всѣхъ вѣкахъ поражающаго красотою, возносящею душу къ невольному восторгу.

Но я не буду описывать ни знаменитаго храма, ни всего видѣннаго нами въ древней Византіи: это завлекло бы меня далеко; скажу только, что мы были даже и во внутренности древняго Императорскаго собора Греческаго св. Ирины, лежащаго на первомъ дворѣ, гдѣ нынѣ арсеналъ *(джеббехане)*, въ которомъ, сверхъ хранящихся запасовъ обыкновеннаго оружія, утаено отъ всѣхъ любопытныхъ чужестранцевъ собраніе множества древнихъ оружій и доспѣховъ давнихъ вѣковъ и народовъ, покрывшихся самою священною для археолога ржавчиною. Въ этомъ таинственномъ складѣ оружій, куда рѣшительно не проникалъ еще ни одинъ Европеецъ, кромѣ Русскихъ, Турки вынимали изъ ноженъ передъ нами знаменитые мечи Эюба, Омира, Абу-

бекера и многихъ другихъ прославленныхъ поборниковъ исламизма.

Вотъ одинъ изъ случаевъ, рѣзкою чертою обозначающихъ высокую степень уваженія и дружественнаго расположенія Турецкаго правительства къ Россіи; вотъ доказательства, какъ глубоко укоренилось съ сановникахъ Турціи дружелюбіе къ Русскому воинству. Разсмотрѣвъ таковыя обстоятельства, кто не постигнетъ какъ сильно вліяніе Россіи на Востокѣ, и съ каковымъ благоговѣніемъ пріемлется Турціею мудрое великодушіе нашего Государя Императора; какимъ искреннимъ расположеніемъ исполненъ Пади-Шахъ къ своему могущему сосѣду и союзнику?

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

23 іюня
1833 года.

Лагерь на Босфорѣ, при
Султанской пристани.

Султану угодно было посмотрѣть ученье нашей пѣхоты, и по сему случаю еще разъ былъ праздникъ у насъ въ лагерѣ; 17 іюня два баталіона, пѣхотный и егерьскій, и два легкія орудія артиллеріи были выведены на Султанскую долину. Толпа военныхъ Русскихъ и Турецкихъ собралась заранѣе къ Султанской пристани, куда прибыли и пышные вельможи Порты съ блестящимъ поѣздомъ, и посланники различныхъ Европейскихъ державъ со свитою дипломатовъ. Во второмъ часу пополудни его султанское величество, при обычной канонадѣ съ баттарей Босфора и съ трехъ фрегатовъ—Россійскаго, Англійскаго и Французскаго—подъѣхалъ на пароходѣ къ Султанской пристани. Графъ Орловъ, въ сопровожденіи блестящаго многочисленнаго штаба союзныхъ войскъ и чужестранныхъ посѣтителей, встрѣтилъ Пади-Шаха при выходѣ на берегъ, откуда Султанъ со всею свитою подъѣхалъ на конѣ ко фронту войскъ. Торжественное ура пронеслось по строю, и горное эхо не успѣло повторить оное, какъ новый отголосокъ воинственныхъ кликовъ разнесся по ближнимъ склонамъ горъ, которыя были обставлены солдатами нашего отряда, вышедшими изъ лагерей въ числѣ любопытныхъ зрителей, и между тѣмъ представлявшими собою отличную картину, раскинутую какъ бы въ противоположность съ пестрыми толпами народа, болѣе Азіятскаго, раз-

*

бросанными на другомъ краю луга и на высотахъ, прилегающихъ къ селенію Ялы-Кёй.

Объѣхавъ войска, Пади-Шахъ поднялся на небольшую высоту, прибрежную долинѣ, къ лагерю Турецкаго эскадрона, гдѣ подъ особою палаткою, нарочно для сего разбитою, его султанское величество изволилъ оставаться во все время ученья, которое представило зрѣлище, весьма замѣчательное на Босфорѣ и, разумѣется, любопытное для самого Султана, еще не видавшаго стройныхъ движеній Русскаго войска съ пальбою, и во всемъ на подобіе боеваго дѣла.

Баталіоны двинулись стѣною впередъ; свились, прикрыли одинъ другой, и передовой изъ оныхъ, выславъ застрѣльщиковъ, началъ наступать вдоль по долинѣ; перестрѣлка завязалась; потомъ баталіонъ сей остановился, осадилъ цѣпь стрѣлковъ и, окрылившись двумя орудіями, отступилъ съ пальбою на сближеніе къ заднему баталіону; тутъ на мѣстѣ, въ ожиданіи подкрѣпленія, посыпался батальный огонь, и пошла перепалка орудій; потомъ началось дружное наступленіе баталіоновъ; то усиливалась, то свивалась цѣпь застрѣльщиковъ, строились въ каре, перестраивались изъ оныхъ въ колонны къ атакѣ; и такимъ образомъ, среди различныхъ построеній, блеснувъ стройностію и точностію движеній предъ Европейцами и Азіятцами, колонны начали торжественное движеніе впередъ, ведущее всегда къ рѣшительной развязкѣ,—бросились на штыки и съ послѣднимъ ура остановились передъ Султаномъ, который уже сѣлъ на коня и спускался съ горы, чтобъ еще разъ подъѣхать къ войскамъ нашимъ. Когда Султанъ остановился на долинѣ, то войска прошли церемоніяльнымъ маршемъ, въ продолженіе чего его султанское величество относился къ графу Орлову въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ на счетъ блестящаго вида и отличнаго совершенства, въ какомъ предстали предъ него войска наши.

Нельзя было не замѣтить удовольствія Пади-Шаха, доставленнаго ему симъ воинственнымъ зрѣлищемъ, и не одни паши турецкіе дивились строю нашему, тутъ было много и глазъ Европы, которые не могли не восхищаться стройною дружиною Русскихъ: имъ, кажется, не вѣрилось, чтобъ это была пѣхота дивизіи, еще недавно составленной.

Вотъ воинское празднество, которое будетъ памятно уже и потому, что, вѣроятно, это было послѣднее посѣщеніе Султана передъ нашимъ выступленіемъ отсюда. Скоро войска Русскія оставятъ Анадольскій берегъ; зеленый лугъ прикроетъ слѣды нашего стана; хребты горъ, оживленные нашимъ пребываніемъ, снова сдѣлаются одичалыми, и безмолвное уединеніе воцарится на оныхъ по прежнему; но воспоминаніе о чрезвычайныхъ гостяхъ, знаменитыми событіями привлеченныхъ изъ среды великой сѣверной державы на берега Малой Азіи и здѣсь дружелюбно водрузившихъ знамена Россіи, привыкшія къ побѣдамъ, — сіе великое воспоминаніе не изгладится годами; вѣроятно, нѣсколько поколѣній будутъ считать свои лѣта со времени пребыванія Русскихъ на Босфорѣ. Цѣлые вѣка и перевороты не сотрутъ слѣда нашего на полосѣ земли, гдѣ столько древнихъ слѣдовъ величія, побѣдъ и славы.

Походъ нашъ совершенъ, благая цѣль великодушныхъ намѣреній Монарха достигнута, и хотя не сбылося битвъ на поляхъ, пріосѣненныхъ нынѣ орлами нашими, но много славы для Россіи заложено на знаменитомъ рубежѣ Европы и Азіи. Судьба предназначала дружинѣ нашей развить побѣдоносную хоругвь Россіи предъ Стамбуломъ, и нашъ приходъ къ твердынямъ онаго—непреложный залогъ дружбы Великаго Царя Бѣлаго—пребудетъ незабвеннымъ для Султана. Долго будетъ съ благоговѣніемъ воспоминать о насъ вся страна Востока; и намъ ли не гордиться славною долею, выпавшею на нашъ жребій? Намъ ли не радоваться теперь, когда мы уже готовы снова переплыть море и ступить на родной берегъ, гдѣ ожидаетъ насъ святая Русь, какъ дѣтей любезныхъ сердцу матери?

Друзья, корабли готовы скрыться, мы ждемъ лишь мановенія вождя, и синяя волна запѣнится подъ нами; боевыя вѣтрила понесутъ насъ къ возлюбленной Россіи; мы увидимъ скоро берегъ, священный для насъ, берегъ родины; мы ступимъ на него и радостно воскликнемъ: слава Богу, опять мы на Святой Руси!—Простите, до свиданья!

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

24 іюня 1833 года.

Лагерь на Босфорѣ, при Султанской притани.

Близко уже возвращеніе наше въ Россію, корабли готовы переплыть съ нами еще разъ Черное море, и скоро отъ береговъ Босфора Ѳракійскаго мы перенесемся въ окрестности Босфора Киммерійскаго: такъ разгульна боевая жизнь воина! Мы идемъ на родину, туда стремятся мечты наши, но вмѣстѣ съ тѣмъ, пылкія думы воиновъ вьются и надъ завѣтнымъ берегомъ Босфора, неразлучнымъ съ воспоминаніемъ о походѣ нашемъ. Люди привыкли къ мысли, что и для самаго незабвеннаго происшествія нужно оставить что нибудь, могущее въ одну минуту броситься въ глаза пришельцу и пробудить воспоминаніе событій, единая дума о коихъ разовьетъ предъ воображеніемъ цѣлую хартію, на которой врѣзаны судьбою великія дѣла, проявляющія славу народовъ. Мысль сія болѣе или менѣе овладѣваетъ каждымъ сердцемъ; и нашъ отрядъ, благоговѣя предъ славою Россіи, осуществилъ сіи мечтанія, положивъ камень надъ мысомъ Сельви-Бурну на нашей заревой горѣ, въ память Русскаго стана.

Но вы, друзья, изъ-за моря внимающіе моимъ разсказамъ, не думайте, чтобъ мы сооружали величавый обелискъ въ Анадоліи; слѣдъ Русскихъ воиновъ всюду пролегъ стезею славы, единый полетъ орла Россіи не изгладится изъ памяти вѣками; вѣковая слава ему сопутствуетъ: подвигамъ дружины бранной Николая не нужно мавзолеевъ, слѣпляемыхъ людьми на краткія столѣтія человѣковъ! У насъ взваленъ на гору просто дикій, необтесанный камень, подобный крѣпостію твердо-каменной груди Русской, всегда готовой постоять за Русь православную и за Государя-Батюшку; но вы, конечно, подстрекаемы любопытствомъ: вамъ распиши, какъ это сооруженіе началось, по какому предположенію производились работы, какой *механизмъ* былъ для этого,— и Богъ знаетъ что, чего солдату и не высказать; такъ вотъ вамъ описаніе всѣхъ многосложныхъ машинъ и работъ нашихъ при семъ случаѣ. Генералъ Муравьевъ вздумалъ отмѣтить чѣмъ нибудь и самыя горы Анадоліи, надъ коими развѣ-

вались знамена Россіи, и мысль начальника стала общимъ желаніемъ воиновъ; тогда поручено было генеральнаго штаба подполковнику Менду распорядиться, и въ горахъ, верстахъ въ шести отъ лагеря, отбить отъ скалы камень тысячи въ двѣ пудовъ и перевезенъ водою къ берегу; солдатики зацѣпили оный поперегъ канатами, собрались надъ нимъ въ кучку вмѣстѣ съ турецкими солдатами, охотно раздѣляющими съ нами всѣ наши работы; флота лейтенантъ Храповицкій крикнулъ: *ванту вдругъ!* *) раздалось нѣсколько разъ ура, и камешекъ взлетѣлъ на вершину прибрежнаго холма, гдѣ во всей своей дикой красотѣ взваленъ на подстилку изъ каменныхъ плитъ, вровень съ землею на твердомъ основаніи положенныхъ. Я не скажу вамъ ничего ни о видѣ камня, ни о Русской надписи будущей на ономъ; пусть какой нибудь путешественникъ Европы походитъ вокругъ замѣтки нашей, положенной на мѣстѣ Русскаго стана на Анадольскомъ берегу Босфора Ѳракійскаго; пусть онъ съ точностію археолога измѣритъ длину, высоту и толстоту памятника, пусть срисуетъ видъ онаго, сниметъ непонятную для него надпись, и приводя толкованіе содержанію оной, подивится, что тутъ обошлось безъ священныхъ для антикварія буквъ латинскихъ. Со временемъ зеленый плющъ обовьетъ широкими плетеницами уродливыя ребра сего дѣтища дикой природы, густая трава обстелетъ подножіе онаго, едва замѣтная тропинка проляжетъ заповѣднымъ кругомъ вокругъ камня, и, можетъ быть, взобравшись по оной на гору, посѣдѣлый Мусульманинъ усядется въ тѣни кипарисовъ и будетъ разсказывать молодому поколѣнію, какъ тутъ былъ *Московъ*, дотолѣ страшный для сыновъ Османовъ, и потомъ ставшій незабвеннымъ другомъ и надежнымъ союзникомъ Пади-Шаха **). 25-го Іюня, торжественный для Россіи день рожденія

*) То-есть вольное переложеніе какихъ-то заморскихъ словъ: *уан-ту-три*, обрусѣлое въ устахъ матросовъ нашихъ.

**) Вскорѣ послѣ сооруженія памятника, Султану угодно было приказать, чтобы была вырѣзана на ономъ и Турецкая надпись, въ томъ смыслѣ, что камень сей остается въ память пребыванія въ сихъ мѣстахъ Русскихъ войскъ добрыми гостями, къ чему присовокуплено: *да будетъ дружество между двумя державами столь же твердо и постоянно, какъ сей камень и да не умолкаютъ уста друзей воспѣвать оное.* О таковомъ желаніи его султанскаго величества Сераскиръ-паша сообщилъ письмомъ генералу Муравьеву.

Государя Императора, будетъ для насъ днемъ незабвеннымъ: мы, помолившись Богу отъ чистаго солдатскаго сердца за Царя-Надежду, увидимъ уже совершенно оконченнымъ сей камень, воздвигнутый въ память побѣдоносныхъ знаменъ Россіи, по мановенію Императора дружелюбно развившихся предъ вратами *Исламбола* *), гдѣ нѣкогда боевая дружина Славянъ пронесла бранный щитъ Олега грозою величавой Византіи, древности, тогда уже видѣвшей троекратную смѣну владычествующихъ надъ собою народовъ, придавшихъ къ названіямъ оной еще проименованіе града Константинова. Съ шумомъ протекли вѣка, перемѣстились царства, новыя битвы омыли свѣжею кровію поля, упитанныя кровавыми потоками славныхъ побоищъ древности, и молва о недавнихъ браняхъ слилась въ одинъ отголосокъ съ повѣствованіемъ сѣдой старины; но днесь скрижаль лѣтописей Востока просіяетъ новымъ сказаніемъ о силѣ могущественной державы Сѣвера, прославившейся великодушіемъ своего Владыки, водворяющаго благодѣтельный миръ и въ сосѣдственной странѣ, гдѣ разсвирѣпѣлыя смуты готовы были расторгнуть оплотъ, на коемъ зиждется благоденствіе народовъ. — 23-го Іюня вечеромъ, когда камень уже сталъ на своемъ мѣстѣ и былъ готовъ, кромѣ надписи, на нашей заревой горѣ было̀ такое пированіе, которое по всему будетъ надолго памятно для насъ, какъ праздникъ чисто-русскій, совершенно на военный ладъ походнаго кочевья нашего. Графъ Орловъ, вице-адмиралъ Лазаревъ, посланникъ нашего двора при Портѣ и большое сборище флотскихъ офицеровъ и дипломатовъ, къ которымъ присоединилась и наша семейка сухопутныхъ— собрались въ гости къ генералу Муравьеву; и тутъ вокругъ камня столпилось многолюдное общество земляковъ, представителей морскихъ и сухопутныхъ силъ Россіи, составив-

*) Кстати или некстати замѣтимъ здѣсь, что *Стамбулъ* есть искаженное просторѣчіемъ мусульманское названіе Константинополя, который гордые завоеватели, въ упоеніи славы, проименовали *Исламъ-болъ*, что̀ означаетъ слово въ слово правовѣріемъ обильный; а менѣе восторженные изъ послѣдователей Магомета стали называть столицу *Истанъ-болъ*, что̀, кажется, равносильно пространному или обширному; ибо слово *Истанъ* по-турецки страна, какъ и говорится напримѣръ *Истанъ-Маджаръ*, Венгрія.

шихъ веселый праздникъ, небывалый на азіятскомъ берегу Босфора. Музыки и пѣсенники со всѣхъ полковъ обставили вершину горы, и воинственные музыкальные *аккорды*, сливаясь съ италіянскою *мелодіею*, перемежались голосовыми напѣвами нашей родины. Послѣ сумрака стало темно, но черезъ нѣсколько минутъ, на верху камня вспыхнуло бѣлое пламя необычайнаго огня, и вся гора облилась яркимъ свѣтомъ *); сіе мгновенное освѣщеніе, безпрестанно возобновлявшееся, придавало всей картинѣ красоту очаровательную; между тѣмъ загорѣлись полосы плошекъ, взлетѣло нѣсколько ракетъ и другихъ потѣшныхъ огней, а на европейскомъ берегу Босфора, какъ бы въ соотвѣтственность съ нашимъ праздникомъ, запылали огненные костры въ разныхъ мѣстахъ близъ селеній Беюгъ-дерэ и Терапіи: звуки деревенской музыки и припѣвы ромейки доносились къ намъ слабыми отголосками; картина огней за проливомъ и особенно зарево въ заливѣ близъ Терапіи, на яркой полосѣ коего такъ прелестно прокрадывались купеческія суда и мелькали толпы гуляющихъ, представляло видъ живописный, — это заставило насъ догадаться, что Греки праздновали вечеръ передъ Ивановымъ днемъ, въ который они роями гуляютъ съ плясками вокругъ огней и заставляютъ молодежь, по старинному повѣрью, скакать черезъ огни, нарочно раскладываемые. Мы вспомнили, что и Славяне, во времена язычества, пировали въ этотъ день во славу *Дида и Лада*. Но мечтанія длились минуту; настоящее празднество наше отвлекло насъ отъ раздумья о временахъ баснословнаго вѣка. Черезъ нѣсколько времени, всѣ спустились съ горы на площадку приморской долины, гдѣ подъ большимъ палаточнымъ наметомъ общій ужинъ занялъ гостей; бокалы пѣнились шампанскимъ, музыкальные переливы *Соловья*, съ коими неразлучно воспоминаніе о *Зонтагъ*, уступали быстролетнымъ тушамъ, — и ужинъ пролетѣлъ какъ мигъ. Потомъ всѣ пирующіе перешли опять на гору, и тутъ торжественное единодушное ура возвѣстило заздравный кубокъ на многолѣтіе Царю Русскому. Сгорѣли

---

*) Для освѣщенія на камнѣ зажигали составъ *фальшфейеровъ*, употребляемыхъ во флотѣ на морѣ, для ночныхъ сигналовъ.

огневыя колеса, разлетѣлся широкій снопъ ракетъ, погасъ пламень на камнѣ, и мы съ послѣднею музыкою проводили дорогихъ гостей нашего генерала; праздникъ кончился; полная луна уже далеко прокатилась по небу, готовясь скоро поблѣднѣть при встрѣчѣ съ раннею румяною зарею. Вотъ празднество военныхъ, конечно, послѣднее на Анадольскомъ берегу Босфора, а 25-го празднество Россіи, мы вѣрно будемъ пировать на Европейскомъ берегу въ домѣ нашего посольства, гдѣ будутъ и танцы и потѣшные огни; но этотъ торжественный пиръ вамъ, вѣрно, опишутъ изъ *Беюкъ-дерэ.*

Y. (къ стр. 293).

Приказъ по войскамъ десантнаго отряда.

№ XIV.

12 апрѣля 1833. Лагерь при Хункаръ-Скелеси.

Осмотрѣвъ въ теченіи сихъ дней турецкаго гвардейскаго 1-го полка 4-й батальонъ, гвардейской конницы 1-го полка 1-й эскадронъ и взводъ артиллеріи, и замѣтивъ какъ въ гг. штабъ-и оберъ-офицерахъ. такъ и въ нижнихъ чинахъ особенное усердіе; а вообще во все время пребыванія въ лагерѣ, въ войскахъ его султанскаго величества похвальное поведеніе, тишину, порядокъ и примѣрную исполнительность къ отдаваемымъ приказаніямъ, я вмѣняю себѣ въ пріятную обязанность свидѣтельствовать онымъ мою совершенную благодарность, въ особенности же командиру всего отряда сего и собственно эскадрона, подполковнику Авни-Бею, командиру Гассанъ-Ага и командиру артиллерійскаго взвода Али-Ага: при чемъ объявляю по войскамъ симъ, что не упущу довести до свѣдѣнія его султанскаго величества о рѣдкомъ усердіи, оказываемомъ оными.

Z. (къ стр. 313).

Constantinople. 10 Mai 1833.

Nous avons annoncé dans notre feuille précédente que par suite de la bonne harmonie et du parfait accord qui existent entre la sublime

Porte et l'empire de Russie, et notamment en preuve éclatante de l'amitié loyale qui unit S. H. le Sultan et S. M. l'Empereur de toutes les Russies, Sa Majesté avait ordonné que plusieurs divisions de sa flotte de la mer Noire et un nombre fixé de troupes de débarquement se rendissent à Constantinople pour y demeurer à la disposition du Sultan Nous avons fait connâitre l'arrivée successive de deux divisions navales sous les ordres des contre-amiraux Lazareff et Coumani; elles ont été suivies d'une nouvelle division commandée par le contre-amiral Hersaffski (*), dont les instructions, conformes à celles de ses collègues, lui prescrivent de se rendre dans les parages qui lui seraient désignés par Sa Hautesse, et de ne quitter Constantinople que lorsque les affaires de l'Egypte seraient arrangées conformément aux desirs du Sultan, qui aurait à donner lui-meme l'autorisation de retourner en Russie. La nouvelle division a mouillé, comme les précédentes, à Bujuk-déré.

Un sécond corps de troupes de débarquement, placé comme le premier sous le commandement de S. Exc. le Lieutenant - Général Mouravieff, est également arrivé en dernier lieu et a formé son camp à Unkiar Iskélessi.

Les ordres les plus précis pour l'approvisionnement général des troupes de S. M. l'Empereur ont été donnés aux autorités chargées de ce service. Mais Sa Hautesse a desiré s'assurer par ses propres yeux du soin avec lequel on fournissait à tous leurs besoins, et en même temps honorer d'un temoignage particulier d'estime et d'affection les officiers - généraux et superieurs de ces troupes. En conséquence le 7 de Zilhidjé (27 Avril) le Sultan est parti à dix heures du matin de son palais de Tchéraghan, et s'est rendu en bateau à son kiosque de Therapia. Son passage a été salué par la frégate française mouillée à quelque distance du palais de France. Après quelques momens de repos à Thérapia, vers une heure après - midi, Sa Hautesse s'est embarquée de nouveau et s'est dirigée vers Unkiar-Iskélessi, où elle a mis pied à terre En traversant le Bosphore, elle a éte saluée de nouveau par la frégate française, par une frégate russe mouillée dans les mêmes eaux, et par les vaisseaux des contre-amiraux, mouillés à Bujuk - déré.

S. A. le Séraskier-pacha, L. L. E. E. le Capitaine-pacha, Akhmet-

(*) По ошибкѣ вмѣсто Stojewsky.

Ferzi-pacha, général divisionnaire de la garde, l'intendant du trésor particulier de S. H., Dilaver - pacha, général de brigade de la cavalerie de la ligne, Nedgib-pacha, général de brigade de l'infanterie de ligne. Hafiz-bey, Chériff-bey, Reschid-bey, colonels de la cavalerie de la garde, et un certain nombre d'autres officiers supérieurs de l'infanterie, s'étaient rendus à l'échelle et y reçurent le Sultan. LL. EEx. le lieutenant-général Mouravieff, l'ambassadeur de Russie, M. de Bouteneff. M. M les contre-amiraux et les officiers supérieurs de terre et de mer présentèrent également leurs hommages à Sa Hautesse au moment où elle débarqua. S. E. le général Mouravieff, en remettant à S. H. un rapport écrit sur l'effectif de la force présente sous les armes, prononça en langue turque la phrase suivante: «Sire, il y a ici sous les yeux «de Votre Majesté onze bataillons d'infanterie, huit escadrons de cavalerie «et trente six pièces d'artillerie.»

Un bataillon d'infanterie musulmane et un régiment de cavalerie de la garde font partie du camp où ils sont chargés d'un service spécial. Ce bataillon était rangé à droite de l'échelle, et les onze bataillons d'infanterie russe avec les troupes de marine formaient à gauche une ligne prolongée. Sa Hautesse, accompagnée de toutes les autorités que nous avons nommées, monta à cheval et se dirigea vers la ligne. A mesure, qu'elle avançait, la musique de chaque régiment se faisait entendre tour à tour. Le Sultan passa lentement sur le front de bataille, qu'il parcourut dans toute sa longueur, examina les troupes avec attention et leur témoigna à plusieurs reprises sa satisfaction de l'air le plus affectueux. Les troupes saluèrent le Souverain par des acclamations unanimes. Sa Hautesse revint ensuite se placer au milieu de la ligne, qui fut rompue en colonnes, défila d'abord par pelotons, puis deux fois par division, et une quatrième fois par division serrée.

Après la revue, le Sultan adressa la parole, à Ll. EEx. le lieutenant-général, l'ambassadeur et les officiers - généraux; le Prince leur exprima. combien il avait été satisfait de la belle tenue des troupes, de l'ordre, de la précision des mouvemens, de l'attention de tous les officiers pour l'éxécution des commandemens; il renouvela l'assurance du plaisir que lui faisaient éprouver les dispositions que S. M. l'Empereur venait de lui témoigner avec une sincérité si affectueuse.

Sa Hautesse se rendit ensuite à son kiosque, situé dans la fabrique de papier qu'elle a fait établir, et là plusieurs officiers et soldats russes lui ont été présentés par S. Ex. le général Mouravieff.

Le Sultan, escorté comme à son arrivée, est retourné à l'échelle et

au milieu du bruit des salves d'artillerie tirées des batteries de terre et de mer, il s'est rendu dans son bateau au palais de sa résidence habituelle.

Z. (къ стр. 325.)

A. S. A. Hosrew-Mehmed-Seraskier-pacha.

Au camp de Hunkiar-Iskelessi.

Je m'empresse de soumettre à Votre Altesse les renseignemens que je viens de recevoir du colonel Duhamel sur l'état de défense du détroit de Dardanelles dans lesquels il expose ce qui suit:

Quoique chaque batterie soit confiée au commandement d'un Jouzbachi sous les ordres de Saleh-pacha, cependant il a lieu de croire que ces employés subalternes dans un cas urgent voudront agir chacun indépendemment. Pour éviter cet inconvénient il lui semble que la défense du détroit des Dardanelles devrait être confiée à deux chefs différents, ainsi que la position même de ces fortifications l'indique, ne formant que deux parties separées sans aucun rapport entre elles.

Les batteries situées sur les deux côtes au sud-ouest des châteaux de Tschanak-Kalé et de Kelid-Behar devraient avoir un chef à part; celles qui sont placées à la sortie du détroit aux environs de Koum-Kalé et de Sédil Behar devraient être sous le commandement d'un autre et les deux sections sous la direction générale de Saleh-pacha.

Ces deux préposés ayant leur résidence à Koum-Kalé et à Tschanak-Kalé pourraient avoir des relations fréquentes avec les batteries sous leur dépendance et leur communiquer leurs ordres par le moyen d'un Telegraphe, ainsi que cela se pratique sur une escadre, où le vaisseau amiral par les signaux transmet les ordres du chef aux autres bâtimens de guerre.

Le colonel Duhamel n'a pas jugé à propos de présenter cette idée à Saleh-pacha, pensant qu'un ordre qui émanerait à ce sujet de Votre part remplirait mieux ce but.

Dépuis son arrivée à Tschanak-Kalé les travaux, dit-il, de Mehmed-bey avancent rapidement et Saleh-pacha vient souvent en personne les visiter; malgré cela Tschanak-Kalé ne peut être encore mis en état de défense que dans deux mois d'ici.

J'ai l'honneur de soumettre à Votre Altesse un tracé du projet de fortifications fait par Mehmed-bey, auquel le colonel Duhamel joint ce qui suit.

Les trois bastions indiqués sur le plan par les lettres A, B, C, sont liés entre eux par une courtine et sont les seules fortifications commencées jusqu'à ce jour. Mehmed-bey se proposait de construire sur la rive gauche de la rivière un retranchement D. E., mais le lieutenant-colonel Burnod est d'avis qu'il serait plus avantageux d'y bâtir une redoute en forme de tête-de-pont, aussi de n'avoir qu'une redoute au lieu des deux marquées sur le plan par les lettres F. et G. sur l'aile gauche, défendue par les marais. Les fortifications H. et K. n'ont pas été commencées; on se propose de les construire sur une hauteur, dont l'occupation est très essentielle pour la défense de Tschanak-Kalé du coté de la terre ferme. L'emplacement pour cet objet a été choisi par Mehmed-bey avec beaucoup d'habileté.

Les nouvelles fortifications s'étendant sur le terrain occupé par les jardins et les vignes occasionnent des pertes à leurs propriétaires; le colonel Duhamel croit qu'il serait bon de leur en accorder l'indémnisation, ce qui éviterait le mécontentement des habitants.

Veuillez bien agréer l'éxpression des sentimens de la considération la plus distinguée et du dévouement parfait avec lesquels j'ai l'honneur d'être

de V. A.

le très zelé serviteur.

Signé: N. Mouravieff.

A. A. (къ стр. 335).

Excellence!

Le second bataillon du régiment de Lublin, commandé par le major Mordvinoff, a mérité les éloges des officiers généraux et supérieurs dont j'étois accompagné. Son Altesse le Grand-Visir a trouvé parfaits la régularité générale des mouvemens, la précision particulière qu'attachent les officiers et sous-officiers dans la transmission et l'éxécution des commandemens. Je joins mes prières aux siennes pour vous inviter à vouloir bien complimenter de notre part le commandant de ce bataillon, les officiers et soldats, et leur dire en leur exprimant notre vive satisfaction, que sous la direction d'un brave général, tel que vous, Excellence! ils seront toujours les dignes conservateurs de la gloire et de la dignité de l'Illustre Souverain qu'ils ont l'honneur de servir.

Vous trouverez ci-jointe la note des mouvemens que le dit bataillon a éxécuté ce même jour et que je me suis empressé de prendre moi

même par écrit, autant que je pus m'en rapeller; je vous prie de vouloir bien l'examiner s'il y manque quelques mouvemens.

Recevez, Excellence! la nouvelle expression de la considération la plus distinguée avec la quelle j'ai l'honneur d'être,

de Votre Excellence

le très affectionné ami,

ce ³/₁₅ Mai. 1833. Eski-Séray. Seraskier-Hosrew-Mehmed-pacha.

A son Excellence le Lieutenant-Général M. Mouravieff.

B. B. (къ стр. 340).

(Послѣ подробныхъ, уже извѣстныхъ свѣдѣній о состояніи Египетской арміи, при выступленіи ея въ походъ).

......Хотя въ продолженіе войны и поступали рекруты на укомплектованіе войскъ, но отъ болѣзней и урона въ сраженіяхъ сила полковъ уменьшилась за половину, такъ что въ передовыхъ войскахъ, ближайшихъ къ театру войны, считалось по большей мѣрѣ:

	Пѣхоты.	Кавалеріи.	Артиллеріи.
Въ Кютаіэ до. . . .	7,000	1,600	42 орудія.
» Эски-Шегерѣ до . .	1,400	400	
» Кара-Гиссарѣ до. .	1,200	800	
» Акъ-Шегерѣ до . .	1,300	400	
Итого регуляр. войскъ .	10,900	3,200	42
Сверхъ того:			
Нерегулярной конницы, состоящей изъ Арабовъ, до. . . .		2,000	
Нерегулярной конницы, собранной въ Малой Азіи, до. . . .		3,000	
Всего же во всѣхъ войскахъ, съ находившимися въ тылу арміи, до.	18,000	3,600	84 орудія.
И сверхъ того нерегулярной конницы.		5,000	

Войска имѣли выступить изъ Кютаіэ полками, черезъ день одинъ послѣ другаго. По прибытіи въ Адану, пѣхотные полки дѣлали 5-ти дневный отдыхъ; послѣ чего должны были идти на новыя квартиры, по нижеслѣдующему

расписанію; кавалерія же должна была ожидать въ Аданѣ прибытія Ибрагимъ-паши, коего выступленіе со штабомъ изъ Кютаіэ назначено было 11 числа Мая.

Квартирное расписаніе пѣхоты Египетской арміи.

Въ Египтѣ гвардейскій полкъ			1
» Іерусалимѣ пѣхотный полкъ			1
» Гамѣ	»	»	1
» Гомсѣ	»	»	1
» Дамаскѣ	»	»	2
» Галебѣ	»	»	2
» Антіохіи	»	»	1
» Шогрѣ	»	»	1

Расписаніе кавалеріи не было еще извѣстно, исключая двухъ полковъ, которые должны были оставаться въ Тарсусѣ.

Въ войскахъ оказывалось напослѣдяхъ много побѣговъ, противъ которыхъ были взяты строгія мѣры.

C. C. (къ стр. 391).

Excellence!

J'ai reçu les cinq lettres que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire les 5—17 Juin et 6—18 Juin. Je m'empresse d'y répondre.

Les deux tracés, l'un du château des Dardanelles et des nouveaux travaux qui s'éxécutent sur ce terrein, l'autre du fort d'Anadolie-Kavak, sont précieux pour moi; l'éxcellent dessein de ces deux ouvrages justifie la réputation dont jouissent à si juste titre les officiers d'état-major des armées de Sa Majesté l'Empereur.

Je donnerai les ordres nécessaires pour que la seconde maison qui avait été mise à votre disposition et transformée en hopital provisoire, soit remise à son propriétaire, et je vous félicite bien sincérement, Excellence, de la diminution sensible que vous éprouvez dans le nombre de vos malades; j'espére que les troupes de Sa Majesté conserveront un souvenir agréable du climat de Constantinople, et de l'accueil que nous avons cherché à rendre, par nos actes, aussi franchement amical qu'il l'était en réalité.

Je préviendrai Halil-pacha, directeur général de l'artillerie, relativement aux cinq fourgons attelés dont vous m'annoncez n'avoir plus besoin. Il assignera un officier qui sera chargé de recevoir tout ce que vous lui remettrez, et rien de mieux que votre commissaire de guerre consigne à Kérim-effendi les 2,000 sacs vides.

J'enverrai également à votre camp, Excellence, un officier qui sera chargé de reconnaître les travaux de construction des puits et bassins commencés par les troupes sous vos ordres. Je tiens beaucoup à les conserver, non seulement comme un monument de l'excellente direction qui maintient toujours en haleine les soldats de Sa Majesté, en les occupant à des travaux utiles, mais encore comme un témoignage du séjour parmi nous de cette armée auxiliaire, dont nous admirons la discipline, l'instruction, et dont le secours désinteressé est devenu un lien si fort entre les deux Empires.

Je vous suis bien reconnaissant, Excellence, pour les ordres donnés par vous au sujet des quatre tambours dont je vous ai demandé l'incorporation momentanée parmi nos troupes.

Vous m'annoncez, Excellence, vos préparatifs de départ. Je regrette que les troupes de Sa Majesté l'Empereur et celles de Sa Hautesse n'aient pas eu l'occasion de fraterniser ensemble sur le champ de bataille et d'y obtenir les succés que promettait cette alliance. Mais elle assure au moins l'amitié de l'avenir, et qui sait si les circonstances ne rameneront pas le moment où nos soldats et les votres pourront cueillir les mêmes lauriers! Je suis presque tenté de le désirer, Excellence, ne fut-ce que pour prouver à Sa Majesté l'Empereur, Votre Auguste Souverain, la sincérité de notre reconnaissance pour l'appui généreux qu'il a prêté si noblement au gouvernement de Sa Hautesse.

La connaissance que j'ai eu l'honneur de faire avec vous, vous assure, mou Général, des droits à mes sentimens personnels dont je vous offre l'éxpression, ainsi que l'assurance de mon éstime distinguée et de ma sincère amitié.

Eski-Serai, le $^{7}/_{19}$ Juin.

Signé: Hosrew-Mehmed-pacha, Seraskier.

D. D. (къ стр. 391).

Excellence!

En réponse à la lettre que vous m'avez fait l'honneur de m'écrire le 23 Juin—5 Juillet, j'ai à vous adresser des éloges, et en même tems, permettez-moi de vous le dire, un reproche. Les premiers sont dûs à cet ordre parfait qui ne néglige aucun des objets composants le matériel d'une armée, et sait soumettre les moindres détails à une admirablé regularité. Quant au reproche, je ne puis m'en abstenir en voyant que vous attachez de l'importance à quelques objets qui doivent nécéssairement être gâtés ou consommés. Comment le gouvernement de Sa

Hautesse pourrait-il calculer de si menues bagatelles, lorsqu'il a sans cesse devant les yeux le service inappréciable rendu à notre auguste Souverain par les troupes de Sa Majesté Impériale! je me plais à vous répéter, Excellence, que nous avons trop peu fait pour elles, et que nous ne sauroins acquitter ce qu'elles ont fait pour nous, qu'avec un vif et durable sentiment de reconnaissance.

Veuillez, Excellence, en recevoir l'éxpession et croire à celle de ma plus sincère estime.

24 Juin 1833. Signé: Le Seraskier-pacha Hosrew-Mehmed.

A son Ex. Mons. Mouravieff, Lieutenant-Général des armées de S. M. l'Empereur et chevalier de plusieurs ordres.

E. E. (къ стр. 392).

Ваше Превосходительство,

Милостивый Государь,

Николай Николаевичъ!

Съ отмѣннымъ удовольствіемъ спѣшу я удовлетворить благочестивому желанію Вашему, посылаю Вамъ четыре старыя святыя иконы для церкви ввѣренныхъ командѣ Вашей отъ Его Императорскаго Величества, Всероссійскаго Монарха пѣхотныхъ полковъ, отправленныхъ въ Константинополь на помощь Султану, и именно: 1-я Страсти Спасителя и Воскресеніе, 2-я Св. Спиридона, 3-я Великомученика Георгія и 4-я Св. Чудотворнаго Николая. Лестно мнѣ очень, что святыя эти иконы останутся навсегда незабвеннымъ памятникомъ знаменитой эпохи пріѣзда Россійскихъ войскъ въ Царьградъ, и притомъ знакомъ моей искренней приверженности къ Россіи.

Впрочемъ, съ моимъ высокопочитаніемъ остаюсь навсегда,

Вашего Превосходительства

усерднѣйшій богомолецъ,

Патріархъ Константинопольскій Константій.

1833 года Мая 29 дня.

Фанаръ.

F. F. (къ стр. 426).

Приказъ.

Іюня 27 дня. Лагерь при Султанской пристани.

Отплывая со ввѣреннымъ мнѣ десантнымъ отрядомъ изъ предѣловъ Турціи, я считаю себя обязаннымъ свидѣтельствовать всѣмъ воинскимъ чинамъ гвардейскаго отряда его султанскаго величества, находившагося въ командѣ моей, сколько я доволенъ усердіемъ ихъ въ службѣ и добрымъ поведеніемъ. Командиръ отряда сего, полковникъ Авни-Бей, въ особенности заслуживаетъ одобреніе начальства; ему же содѣйствовали въ исполненіи своихъ обязанностей: баталіонный командиръ Гассанъ-Ага и командиръ артиллеріи Али-Ага, какъ равно всѣ офицеры отряда сего.

Во все время пребыванія нашего здѣсь, доброе согласіе существовало между войсками нашими и турецкими, ни одинъ непріятный случай не нарушилъ обоюднаго спокойствія. Воздавая должную за сіе похвалу, я съ особеннымъ удовольствіемъ объявляю войскамъ турецкаго отряда, что кромѣ заслугъ ихъ предъ Государемъ своимъ, каждый изъ нихъ оказался привѣтливымъ и предупредительнымъ къ призваннымъ въ предѣлы Турціи соотечественникамъ нашимъ. Всѣ достоинства сіи, относящіяся къ добродѣтелямъ военнаго человѣка, подаютъ мнѣ поводъ къ заключенію, что воины сіи и на полѣ брани покажутъ доблести, ожидаемыя отъ покровителя ихъ и государя султана Махмуда II-го.

Разставаясь нынѣ, я остаюсь въ надеждѣ, что и наше пребываніе въ предѣлахъ ихъ отечества оставитъ въ памяти ихъ пріятныя воспоминанія о дружбѣ, взаимно сопровождавшей всѣ труды наши.

G. G. (къ стр. 429).

Приказъ графа Орлова.

Достигнута благотворная цѣль, для которой угодно было Государю Императору прислать васъ на берега Цареградскаго пролива. Настало время вашему и моему возврату въ лю-

безное отечество. Разставаясь съ вами, мнѣ утѣшительно воздать справедливую похвалу примѣрному поведенію, коимъ вы отличались во все время вашего здѣсь пребыванія. Оставляя Россію, вы были готовы, по волѣ Царя, пролить кровь за славу Россійскаго оружія. При помощи Божіей, вы не имѣли случая испытать сродное вамъ мужество — мирно развѣвались Русскія знамена въ виду Константинополя. За то присутствіе ваше здѣсь ознаменовано ревностнымъ исполненіемъ возлагаемыхъ обязанностей, строгимъ соблюденіемъ воинскаго порядка, миролюбивымъ и кроткимъ обхожденіемъ съ войсками и подданными союзника Августѣйшему Нашему Монарху, Султана. Мусульманинъ, недавно почитавшій васъ грозными врагами, видитъ въ васъ нынѣ искреннихъ доброжелателей и защитниковъ. Вы заслужили похвалу отъ друзей и недруговъ; вы доказали вновь, что Русскіе воины во брани и въ мирѣ, вблизи и вдалекѣ отъ очей Царскихъ, равно умѣютъ исполнять долгъ свой. Государь будетъ вами доволенъ. Я благодарю васъ, и всегда буду гордиться тѣмъ, что Его Величество удостоилъ меня быть вашимъ главнымъ начальникомъ. Свидѣтельствую особенную мою признательность начальнику отряда, господину генералъ-лейтенанту Муравьеву и всѣмъ гг. генераламъ, штабъ-и оберъ-офицерамъ, за неутомимое ихъ рвеніе и дѣятельную заботливость о точномъ исправленіи службы Его Императорскаго Величества. Возвратясь въ С. Петербургъ, я почту для себя долгомъ и счастіемъ отдать о всѣхъ вѣрный отчетъ Государю Императору.

H. H. (къ стр. 432).

TRAITÉ D'UNKIAR-SKELESSI

S. M. I. le très haut et très puissant Empereur et Autocrate de toutes les Russies, et S. H. le très haut et très puissant Empereur des Ottomans, également animées du sincère desir de maintenir le système de paix et d'harmonie heureusement établi entre les deux Empereurs, ont résolu d'étendre de fortifier la parfaite amitié et la confiance qui régnent eutre elles par la conclusion d'un traité d'alliance défensive.

En conséquence, LL. MM. ont choisi et nommé pours leur plénipo-

tentiaires, savoir: S. M. l'Empereur de toutes les Russies, les excellens et très honorables: le sieur Alexis comte Orloff, son ambassadeur éxtraordinaire près la Sublime-Porte Ottomane, etc. etc.

Et le sieur Apollinaire Boutenef, son envoyé éxtraordinaire près la Sublime Porte Ottomane, etc. etc.

Et S. H. le Sultan des Ottomans, le très illustre et très excellent, le plus ancien de ses vizirs, Khosrew-Mehmed-pacha, Séraskier, commandant en chef des troupes régulières, et général de Constantinople, etc. etc.; les très excellents et très honorables Ferzi-Akhmet-pacha-Mouchir et commandant de la garde de S. H., etc., etc; et Hadji-Mehmed-Akif-effendi, Reis-effendi actuel, etc. etc.

Lesquels après avoir échangé leurs pleins-pouvoirs, trouvés en bonne et due forme, sont convenus des articles suivans.

Article I.

Il y aura à jamais paix, amitié et alliance entre S. M. l'Empereur de toutes les Russies et S. M. l'Empereur des Ottomans, leurs empires et leurs sujets, tant sur terre que sur mer. Cette alliance ayant uniquement pour objet la défense commune de leurs états contre tout empiètement, LL. MM. promettent de s'entendre sans réserve sur tous les objets qui concernent leurs tranquillité et sûreté respectives, et de se prêter, à cet effet, mutuellement des secours matériels et une assistance efficace.

Article II.

Le traité de paix conclu à Adrianople, le 2 Septembre 1829, ainsi que les autres traités qui y sont compris, de même aussi la convention signée à Saint-Pétersbourg, le 14 Avrll 1830, et l'arrangement conclu à Constantinople, le 9 (21) Juillet 1833, relatif à la Grèce, sont confirmés dans toute leur teneur par le present traité d'alliance défensive, comme si les dites transactions y avaient été inserées mot pour mot.

Article III.

En conséquence du principe de conservation et de défense mutuelles qui sert de base au présent traité d'alliance, et par suite du plus sincère désir d'assurer la durée, le maintien et entière indépendance de la Porte Sublime, S. M. l'Empereur de toutes les Russies, dans le cas où les circonstances qui pourraient déterminer de nouveau la Sublime

Porte à réclamer l'assistance morale et militaire de la Russie viendraient à se présenter, quoique ce cas ne soit nullement à prévoir, s'il plait à Dieu, promet de fournir, par terre et par mer, autant de troupes et de forces que les deux parties contractantes le jugeraient nécéssaire. D'après cela, il est convenu qu'en ce cas les troupes de terre et de mer, dont la Sublime Porte réclamerait le secours, seront tenues à sa disposition.

Article IV.

Selon ce qui a été dit plus haut, dans le cas où l'une des deux puissances aura réclamé l'assistance de l'autre, les frais seuls d'approvisionnement pour les forces de terre et de mer qui seraient fournies, tomberont à la charge de la puissance qui aura demandé le secours.

Article V.

Quoique les deux hautes puissances contractantes soient sincèrement intentionnées de maintenir cet engagement jusqu'au tems le plus éloigné, comme il se pourrait, que dans la suite, les circonstances éxigeassent qu'il fut apporté quelques changemens à ce traité, on est convenu de fixer sa durée à huit ans, à dater du jour de l'échange des ratifications impériales. Les deux parties, avant l'expiration de ce tems, se concerteront, suivant l'état où seront les choses à cette époque, sur le renouvellement du même traité.

Article VI.

Le présent traité d'alliance définitive sera ratifié par les deux hautes parties contractantes, et les ratifications en seront échangées à Constantinople, dans le terme de deux mois, ou plus tôt, si faire se peut.

Le présent instrument, contenant six articles, et auquel il sera mis la dernière main par l'échange des ratifications respectives, ayant été arrêté entre nous, nous l'avons signé et scellé de nos sceaux, en vertu de nos pleins-pouvoirs, et delivré, en échange contre un autre pareil, entre les mains des plénipotentiaires de la Sublime Porte Ottomane.

Fait à Constantinople, le 26 Juin, l'an 1833 (le 20 de la lune de Sefer, l'an 1249 de l'Hégire).

Signé: Comte Alexis Orloff. (L. S.)
Signé: A. Bouteneff (L. S.)

Article separé et secret du précédent traité d'alliance.

En vertu d'une des clauses de l'article 1-er du traité patent d'alliance définitive entre la Sublime Porte et la cour impériale de Russie, les deux parties contractantes sont tenues de se prêter mutuellement des secours matériels et l'assistance la plus efficace pour la sûreté de leurs états respectifs. Néanmoins, comme S. M. l'Empereur de toutes les Russies, voulant épargner à la Sublime Porte Ottomane les charges et les embarras qui résulteraient pour elle de la prestation d'un secours matériel, ne demandera pas ce secours, si les circonstances mettaient la Sublime Porte dans l'obligation de le fournir; la Sublime Porte Ottomane, à la place du secours qu'elle doit prêter au besoin, d'après le principe de réciprocité du traité patent, devra borner son action, en faveur de la cour imperiale de Russie, à fermer le détroit des Dardanelles, c'est à dire à ne permettre à aucun batiment de guerre étranger d'y entrer, sous un prétexte quelconque.

Le présent article, separé et secret, aura les mêmes force et valeur que s'il était inséré dans le traité d'alliance definitive de ce jour. Fait à Constantinople le 26 Juin, l'an 1833 (le 20 de la lune de Sefer, l'an 1249 de l'Hégire).

Signé: Comte Alexis Orloff (L. S.).
Signe: A. Bouteneff (L. S.).

J. J. (къ стр. 443).

Записка о десантномъ отрядѣ.

СУММЫ.

Кромѣ суммъ коммиссаріатскаго вѣдомства, отправленнымъ изъ Одессы съ отрядомъ для расходованія на полугодовое и третное жалованье и столовыя деньги, принято изъ Константинопольской Императорской миссіи 220 т. турецкихъ піастровъ, въ счетъ кредита (80 т. рублей), ассигнованныхъ на покупку лошадей и прочіе предметы; а такъ какъ лошадей не было покупаемо, то и сумма сія, за расходомъ, состоитъ почти вся на лицо, какъ видно изъ представленной коммисіонеромъ 8-го класса Ермолаевымъ о всѣхъ суммахъ вѣдомости, повѣренной наряженною коммиссіею и у сего въ копіи прилагаемой за № 1-мъ. Въ мѣстности сей приходъ и расходъ показывается нѣсколько болѣе, по причинѣ пе-

revoda суммъ изъ одного артикула въ другой, какъ напр. артикулы 2-й, 3-й, 4-й и 5-й всѣ записаны въ расходъ, но въ самомъ дѣлѣ онымъ суммамъ только перемѣнена монета, что̂ сдѣлано по недостатку ассигнацій въ жалованной суммѣ.

Издержано изъ сихъ артикуловъ по 1-е Іюня изъ суммы на мясную порцію, на сбитень нижнимъ чинамъ..............	1,302 р. асс.
Изъ суммъ на содержаніе госпиталя...	2,200 » »
Изъ суммъ на разсылку курьеровъ....	Вся осталась на лицо.
Изъ суммъ на непредвидимыя издержки, употреблено на артиллерійское и инженерное вѣдомство, на содержаніе переводчиковъ и на экстраординарныя надобности.	1,346 » »
Всего...	4,848 р. асс.

Сверхъ сего, изъ принятыхъ отъ Константинопольской миссіи при отправленіи моемъ въ Александрію 2,000 червонцевъ, издержано во время поѣздки въ Египетъ, по возвращеніи изъ онаго, до прибытія десантнаго отряда и во все время пребыванія онаго въ Турціи, на съемкахъ, для подарковъ и на экстра-ординарныя надобности, о коихъ 11 Мая былъ уже представленъ вашему сіятельству отчетъ при рапортѣ за № 323-мъ....	899 голл. черв.
Во время экспедиціи въ Дарданеллахъ генеральнаго штаба полковникомъ Дюгамелемъ израсходовано изъ принятой на сей предметъ суммы отъ Константинопольской миссіи............................	229 голл. черв.

Экстраординарныя вещи.

При отплытіи изъ Босфора подарено, съ позволенія вашего сіятельства, турецкимъ чиновникамъ, усердствовавшимъ къ службѣ во время пребыванія отряда, вещей, полученныхъ отъ Константинопольской миссіи на 17,000 ассиг., въ каковыхъ отчетъ, съ означеніемъ награжденныхъ лицъ, доставленъ обратно въ миссію.

Продовольствіе.

Отрядъ былъ снабженъ, по распоряженію генералъ-адъютанта графа Воронцова продовольствіемъ на три мѣсяца, каковое, за исключеніемъ спирта, соли и перца, начато расходовать только съ 1-го числа Іюня, а потому изъ остальнаго, часть взята на четырехъ зафрахтованныхъ судахъ, для содержанія войскъ во время пребыванія въ карантинѣ, въ Ѳеодосію, а остатокъ отправленъ на восьми госпитальныхъ, зафрахтованныхъ судахъ, для сдачи въ Одессѣ.

Мясная порція во все время получалась отъ Турецкаго правительства, а потому изъ назначенной, по распоряженію графа Воронцова суммы, на сей предметъ показанной въ вѣдомости № 1-й, ничего не расходовалось.

За тѣмъ все продовольствіе людей, привезенныхъ изъ Россіи, и турецкихъ лошадей, со времени прибытія десантнаго отряда, по самый день отплытія, производилась натурою (съ прибавленіемъ противъ положенія уксуса) отъ Турецкаго правительства; сколько же онаго принято и израсходовано, значится въ прилагаемой у сего вѣдомости № 2-й, за каковое денегъ не было плачено, а выданы квитанціи.

Разные предметы, принятые отъ Турецкаго правительства.

Отъ Турецкаго правительства были принимаемы разновременно: палатки, провіянтскіе мѣшки, разная госпитальная посуда, порохъ, доски, хворостъ, кирпичь, сѣчка, на подстилку рогожи и прочія вещи, изъ коихъ въ сданныхъ обратно получены квитанціи, а объ израсходованныхъ на построеніе бань, госпитальныя кровати и другія подѣлки на смотрахъ и ученьяхъ, при устроеніи мостовъ, бассейновъ дорогъ, и прочія надобности, за кои также денегъ не было плачено, представляется вѣдомость за № 3-мъ.

Для артиллеріи, полковъ и казаковъ принято было отъ Турецкаго правительства всего лошадей 390, лошаковъ 96 съ нѣкоторою упряжью, о чемъ было донесено его сіятельству военному министру, графу Чернышеву и вашему сіятельству отъ 10-го Мая за № 313-мъ; продовольствіе оныхъ, какъ выше сказано, принималось отъ Турецкаго правительства и значится въ вѣдомости № 2-й; всѣ сіи лошади и лошаки сданы Турецкому правительству, за исключеніемъ

павшихъ 4-хъ лошадей и утерянныхъ 4-хъ лошаковъ, и въ сдачѣ оныхъ получены квитанціи; сверхъ того сдано, по распоряженію вашего сіятельства, Турецкому правительству приведенныхъ изъ Россіи артиллерійскихъ лошадей 42 и донскихъ казачьихъ 46, въ сдачѣ коихъ получены квитанціи, а казакамъ, по приказанію вашему, выдано изъ экстраординарной суммы по 100 руб. ассиг. за каждую лошадь.

Больные.

Самое большое число больныхъ было въ Маѣ мѣсяцѣ и доходило въ одно время въ госпиталѣ и полковыхъ лазаретахъ до 680 человѣкъ изъ числа 10,000, составлявшихъ отрядъ, но въ числѣ сихъ больныхъ находилось до 150 человѣкъ, одержимыхъ: водяною, чахоткою, любострастною, глазною, чесоткою, застарѣлыми ранами и другими разными хроническими болѣзнями, съ коими люди сіи прибыли изъ Россіи; изъ нихъ 130 было отправлено, до отплытія отряда, на транспортныхъ судахъ обратно въ Одессу, а потому самое большое число больныхъ, заболѣвшихъ собственно во время пребыванія отряда въ Турціи, простиралось только до 450 человѣкъ, въ томъ числѣ и всѣ слабые, коихъ въ околодкѣ, при полкахъ и ротахъ не оставляли; при отправленіи же госпиталя въ Одессу на 8-ми зафрахтованныхъ судахъ, въ одно время съ отплытіемъ отряда въ Ѳеодосію, по выпискѣ людей, имѣвшихъ легкіе наружные недуги, состояло въ госпиталѣ больныхъ 313 человѣкъ.

Госпиталь.

Госпиталь сначала помѣщался въ двухъ строеніяхъ, отведенныхъ Турецкимъ правительствомъ въ с. Беюгъ-дерэ, а въ послѣдствіи времени переведенъ на турецкій корабль, коимъ снабдило Турецкое правительство и въ коемъ больные примѣтно стали поправляться. Госпиталь содержался предметами продовольствія, по требованіямъ госпитальной конторы, отъ Турецкаго правительства, за исключеніемъ незначительныхъ расходовъ, показанныхъ въ вѣдомости № 1-й.

Принятымъ со времени учрежденія госпиталя, по 20-е число Іюня, на содержаніе больныхъ отъ Турецкаго прави-

тельства продовольственнымъ припасамъ, за кои не плочено денегъ и не выдано квитанцій, при семъ представляется вѣдомость за № 4-мъ.

8 купеческихъ судовъ, на коихъ отправился госпиталь въ полномъ составѣ своемъ, въ Одессу, зафрахтованы Константинопольскою миссіею.

Убыль людей.

Во все время пребыванія отряда въ Турціи, убыло умершими 82, бѣжавшими 45 человѣкъ, какъ значится въ прилагаемой у сего вѣдомости за № 5-мъ.

Съемка.

Въ поѣздку генеральнаго штаба полковника Дюгамеля и инженеръ-подполковника Бюрно, сняты ими проливъ Дарданелльскій, крѣпости и береговыя баттареи, каковыя съемки и чертежи, значущіеся въ прилагаемой у сего вѣдомости № 6-й, представлены мною вашему сіятельству при рапортѣ отъ 25-го іюня за № 552-мъ. Сверхъ сего произведены исправляющимъ должность оберъ-квартирмейстера подполковникомъ Мендомъ, съ офицерами генеральнаго штаба и инженерными, съемки Константинопольскаго пролива, крѣпостей азійскаго берега и внутренностей края, сколько время и обстоятельства позволили, каковыя нынѣ соединяются въ одно цѣлое.

Занятіе войскъ по фронтовой части.

Въ продолженіе всего пребыванія десантнаго отряда въ Турціи, разводы производились съ церемоніею, исключая праздничныхъ и ненастныхъ дней. Полки занимались ученьями: одиночными, шереговыми, батальонными, застрѣльщичьими и стрѣльбою въ цѣль; кромѣ того, производились 8-ми рядныя ученья для дворянъ, состоящихъ въ полкахъ. Артиллерійскія роты также занимались тесачными пріемами и маршировкой; піонерная и военно-рабочая роты занимались устроеніемъ дорогъ, очищеніемъ колодцевъ и исправленіемъ фонтановъ, равно и прочія команды, каждая по роду своей службы, имѣли занятія.

№ 1-а.

ВѢД

о денежныхъ суммахъ, состоящихъ въ вѣденіи
ко по какому артикулу состояло оныхъ въ приход
Іюня по 1-е число, а за тѣмъ при счетѣ книгъ сколь

Званіе сумъ и артикуловъ.	Состояло въ при			
	Ассигнац.		Серебр	
	Руб.	Коп.	Руб.	[illegible]
ПО КНИГАМЪ:				
Артикула 1-го На удовлетвореніе полугодовымъ и третнымъ жалованьемъ. . . .	93,706	77³/₄	78,679	[illegible]
2-го На порціи.	9000	—	2,222	[illegible]
3-го На содержаніе госпиталей . . .	10,000	—	2,166	[illegible]
4-го На разсылку курьеровъ	5000	—	1,388	[illegible]
5-го На непредвидимыя издержки . .	4,500	—	1,002	[illegible]
6-го На канцелярскіе расходы. . . .	500	—	—	—
7-го На удовлетвореніе шестикопѣечными раціонами и за фуражъ. .	—	—	—	—
Итого всѣхъ сумъ .	122,706	77³/₄	85,458	[illegible]

МОСТЬ

иссіонера 8-го класса Ермолаева, съ показаніемъ сколь- ъ того числа сколько употреблено въ расходъ сего казалось въ остаткѣ и какою монетою значится ниже сего.

Золотомъ турец-кихъ піастровъ.	Употреблено въ расходъ.					За тѣмъ на лицо.				
	Ассигнац.		Серебр.		Золотомъ турецкихъ піастровъ.	Ассигнац.		Серебр.		Золотомъ турецкихъ піастровъ.
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	
—	93,619	—	46,161	11	—	87	42	32,518	$49^{3}/_{4}$	—
—	9000	—	84	$21^{3}/_{4}$	—	—	—	2,138	$^{1}/_{4}$	—
—	10,000	—	—	—	—	—	—	2,166	67	—
—	5000	—	—	—	—	—	—	1,388	80	—
4000	4,497	50	126	$92^{2}/_{4}$	—	2	50	875	$20^{1}/_{4}$	4000
—	500	—	—	—	—	—	—	—	—	—
180,000	—	—	—	—	48,018	—	—	—	—	131,982
220,000	122,616	8	46,371	$25^{3}/_{4}$	48,018	89	92	39,78	35	171,982

№ 2.

ВѢДОМОСТЬ

Сколько и какихъ припасовъ принято отъ Турецкаго правительства для продовольствія войскъ десантнаго отряда по ихъ требованіямъ, Апрѣля съ 1-го по 27-е число Іюня.

Іюля 5 дня 1833 года.

Званіе припасовъ.	Четверти.	Четверики.	Гарнцы.	Пуды.	Фунты.	Ведры.	Чарки.	Сажени.	Аршины.	Вершки.
Муки . . .	3633	5	$13\frac{1/2}{20}$	—	—	—	—	—	—	—
Сухарей . .	534	4	$2\frac{25^1/2}{30}$	—	—	—	—	—	—	—
Чечевицы . .	209	—	$3\frac{19^1/2}{30}$	—	—	—	—	—	—	—
Пшена сарочинскаго .	12	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Мяса . . .	—	—	—	4254	20¼	—	—	—	—	—
Уксуса . .	—	—	—	—	—	1882	78	—	—	—
Ячменя . .	862	3	$7\frac{6^1/2}{30}$	—	—	—	—	—	—	—
Сѣчки . . .	—	—	—	8618	34	—	—	—	—	—
Дровъ . . .	—	—	—	—	—	—	—	623	2	1½

№ 3.

ПРИМѢРНАЯ ВѢДОМОСТЬ

Матеріаламъ, принятымъ отъ турецкаго правительства, безъ письменныхъ требованій, внѣ обыкновенныхъ отпусковъ для войскъ.

Званіе матеріаловъ.		Число оныхъ.
Брусьевъ	Толстыхъ	10.
	Немного тонѣ.	93.
	Тонкихъ	648.
Досокъ	Длинныхъ	10.
	Малыхъ	1093.
	Латвъ	318.
	Сосновыхъ шелевокъ. . .	259.
Рогожъ		4820.
Саману.		2348 пуд. 36 фунт.
Гвоздей.		60.
Хвороста		10 воз. и 30 вьюк.
Кирпича.		20, 540.
Дровъ		103 саж. 1 ар. 11 вер.

къ № 3-му. ВѢДОМОСТЬ Принятымъ снарядамъ и припасамъ для артиллеріи.	Число оныхъ.
Пороха { Мушкетнаго	101 пуд. 30 фун.
Пороха { Пушечнаго.	87 пуд. 34 фун.
Армяку для боевыхъ снарядовъ. . . .	449 арш.
Стекледи.	15 пуд.
Для лабораторіи:	
Селитры	7 пуд. 26 фун.
Сѣры	4 пуд.

№ 4. ВѢДОМОСТЬ принятымъ отъ Турецкаго правительства и издержаннымъ для госпиталя матеріаламъ.	число оныхъ.
Соломы	861 пуд. 10 фун.
Угольевъ	142 четв.
Дровъ	13½ саж.
Частію тонкихъ дровъ	12 саж.
Въ 6½ саженъ досокъ	1250 штукъ.
Кирпичей	600 шт.
Плитъ	100 шт.
Песку	3 воза.
Камня	¼ саж.
Коновокъ деревянныхъ	14 шт.
Поплавковъ съ свѣтильней	40 шт.
Бурьяну	100 пуд.
Чашекъ деревянныхъ	2.
Ложекъ деревянныхъ	400.
Метелокъ для комнатъ	18.
Гвоздей	50 окъ.

Къ № 4. **ВѢДОМОСТЬ** съѣстнымъ припасамъ, принятымъ отъ Турецкаго правительства для Беюгъ-дерскаго военно-временнаго госпиталя, съ учрежденія онаго по 20-е число іюня 1833 г.	число оныхъ.
Хлѣба ржанаго	500 п. 12 фунт.
Булокъ пшеничныхъ.	309 » 16 »
Говядины	534 » 9 »
Куръ	2 » 26½»
Крупъ овсяныхъ	86 п. 5 ф. 72 з.
Крупъ гречневыхъ	128 » 28 »
Соли.	36 » 16 » 51 »
Зелени	127 » 8 »
Вмѣсто квасу, вина краснаго, полагая одну бутылку на три кружки воды. . .	203 » 11½.
Луку.	58 » 3¾.
Уксусу на заквашиваніе борщу или зелени.	118 вед. 2½ круж.
Масла конопляннаго.	21 пуд.
Мыла.	9 »
Свѣчь сальныхъ	10 »

№ 5. **ВѢДОМОСТЬ** убыли людей бѣжавшими и умершими во время пребыванія десантнаго отряда въ предѣлахъ Турціи.	Унтеръ-офицер.	Музыкантовъ.	Рядовыхъ.	Нестроевыхъ.	Деньщиковъ.	Итого.
УМЕРЛО:						
Въ Люблинскомъ полку. . .	6	—	19	—	—	25
— Замосцьскомъ — . .	1	—	6	—	—	7
—51-мъ Егерскомъ — . .	2	—	5	1	1	9
—52-мъ Егерскомъ — . .	3	—	33	—	—	36
— Артиллерійской № 2-го ротѣ	—	—	1	—	—	1
— Сводной гарнизонной артиллеріи.	—	—	1	—	—	1
— 2-й піонерной ротѣ . . .	—	—	3	—	—	3
Итого.	12	—	68	1	1	82
БѢЖАЛО:						
Изъ Люблинскаго	—	—	11	—	—	11
— Замосцьскаго	—	—	8	—	1	9
— 51-го Егерскаго	1	—	7	—	—	8
— 52-го Егерскаго	—	—	10	—	1	11
— Артиллерійской № 2-го роты	—	—	2	—	—	2
— Легкой Артиллерійской № 3-го роты . . .	—	—	1	—	—	1
—2-й Піонерной роты. . .	—	—	3	—	—	3
Итого.	1	—	42	—	2	45

№ 6.

ВѢДОМОСТЬ

планамъ укрѣпленій Дарданельскаго пролива.

	листы:
1. Генеральный планъ окрестностей Дарданелльскихъ зàмковъ и близь лежащихъ укрѣпленій	1
2. Генеральный планъ окрестностей зàмковъ устроенныхъ при входѣ въ Дарданельскій проливъ. . .	1
3. Подробный планъ и профили зàмка Кале-Султаніэ .	2
4. Подробный планъ и профили зàмка Келидъ-Бегаръ и баттарей Намазіэ.	2
5. Подробный планъ и профили зàмка Кумъ-Кале. . .	2
6. Подробный планъ и профили зàмка Седиль-Бегаръ .	2
7. Подробный планъ и профили баттарей Нагара-Бурну.	2
8. Подробный планъ и профиль баттареи Кёссе-Бурну .	1
9. Подробный планъ и профиль баттареи Кепесъ-Бурну.	1
10. Подробный планъ и профиль баттареи Буалы	1
11. Подробный планъ и профиль баттареи Чамлы-Бурну.	1
12. Подробный планъ и профиль баттареи Ески-Сарлыкъ.	1
13. Подробный планъ и профиль баттареи Дейрлинъ-Бурну	1
14. Подробный планъ и профиль баттареи Шагинъ-Табіэ и укрѣпленія Акъ-Табіэ.	1

К. К. (къ стр. 459).

Копія съ секретнаго письма военнаго министра.

Милостивый государь,

Николай Николаевичъ!

По извѣстнымъ вашему превосходительству политическимъ обстоятельствамъ, можетъ встрѣтиться надобность въ движеніи войскъ ввѣреннаго вамъ корпуса за границу. Государь Императоръ, желая воспользоваться пребываніемъ вашимъ здѣсь, дабы благовременно опредѣлить въ подробности распоряженія, которыя въ семъ случаѣ будутъ необходимы, Высочайше поручить мнѣ соизволилъ препроводить къ вашему превосходительству предположенія, въ 1835 году въ подобныхъ же обстоятельствахъ составленныя, съ тѣмъ, чтобы вы, м. г., разсмотрѣвъ оныя, сообщили мнѣ мысли ваши: о мѣрахъ къ приведенію войскъ 5-го пѣхотнаго корпуса, по роду предназначаемыхъ ему предпріятій, въ полную готовность къ движенію, о способахъ снабженія его всѣми потребностями за границею и о прочихъ подробностяхъ сего важнаго дѣла.

Въ исполненіи сей Высочайшей воли, препровождая при семъ къ вашему превосходительству соображенія, представленныя мною въ 1835 году Государю Императору о снаряженіи десантнаго отряда и сухопутнаго вспомогательнаго корпуса для предполагавшихся дѣйствій на берегахъ Дарданельскаго пролива и Босфора, я считаю неизлишнимъ приложить у сего и собственныя ваши по предметамъ симъ соображенія, доставленныя ко мнѣ въ минувшемъ году.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

№ 71.
12 Февраля, 1837 г.
С.-Петербургъ.

Копія съ секретнаго письма военному министру.

Ваше сіятельство,

Милостивый государь.

Ваше сіятельство изволили препроводить ко мнѣ предположенія, составленныя въ 1835 году, по случаю могущаго встрѣтиться движенія войскъ ввѣреннаго мнѣ корпуса за границу, поручивъ мнѣ, по разсмотрѣніи оныхъ, представить вамъ мнѣніе мое: о мѣрахъ къ приведенію сего въ исполненіе, по роду предназначаемыхъ предпріятій, о способахъ снабженія войскъ всѣми потребностями за границею и о прочихъ подробностяхъ сего дѣла.

Исполняя волю вашу и руководствуясь устными наставленіями, данными мнѣ вашимъ сіятельствомъ, я имѣю честь представить вамъ требуемое мнѣніе и доложить, что по неимѣнію при себѣ полныхъ письменныхъ свѣдѣній о состояніи ввѣреннаго мнѣ корпуса и вѣрныхъ свѣдѣній о перевозочныхъ средствахъ, находящихся въ портахъ Чернаго моря, мнѣ невозможно было войти съ желаемою точностію въ опредѣленіе всѣхъ подробностей сего начертанія.

Продовольственные способы, зависящіе, сколько мнѣ извѣстно, частію отъ распоряженій начальства поселенныхъ войскъ южнаго края, также мною не могутъ быть опредѣлены, а о тѣхъ средствахъ, которыя бы предстояли въ Княжествахъ, нынѣ по упраздненіи кр. Силистріи, не рѣшаюсь изложить мнѣнія, которое могло бы оказаться неосновательнымъ.

Не менѣе того, въ изложеніи сего начертанія, я руководствовался тѣми свѣдѣніями, которыя могу имѣть по частнымъ извѣстіямъ, а для опредѣленія самыхъ дѣйствій войскъ, принялъ за данныя случаи, поставленные мнѣ на видъ вашимъ сіятельствомъ.

При снабженіи всѣми нужными потребностями выступающихъ войскъ, я полагалъ бы взять за основаніе предположенія, изложенныя въ соображеніи, препровожденномъ ко мнѣ вашимъ сіятельствомъ, измѣнивъ ихъ, согласно новому составу войскъ, и повелѣніе ваше отъ 14-го Февраля 1833 года, въ коемъ всѣ надобности десантныхъ войскъ были

предвидѣны и коихъ удовлетворительность оправдалась самымъ опытомъ.

Изъ представляемой записки ваше сіятельство усмотрѣть изволите, что я старался избѣгать сухопутнаго движенія вспомогательнаго корпуса, и сильнымъ запятіемъ береговъ Босфора располагалъ обезпечить направленіе сихъ войскъ моремъ, находя средство сіе выгоднѣе перваго; но если бы мѣра сія признавалась неудобною, и ей бы предпочтено было отправленіе двухъ пѣхотныхъ и одной кавалерійской дивизій сухимъ путемъ, тогда казалось бы выгоднѣе направить войска сіи по береговой дорогѣ, дабы имѣть средства къ снабженію ихъ продовольствіемъ съ моря. Сухопутные транспорты, безъ коихъ въ такомъ случаѣ также нельзя обойтись, полагалъ бы я пріобрѣсти вольнымъ наймомъ въ пограничныхъ губерніяхъ; ибо опытомъ дознано, что формированіе казенныхъ транспортовъ, вводя правительство въ большія издержки, не соотвѣтствуетъ потребностямъ, предстоящимъ въ военное время.

При семъ имѣю честь приложить доставленныя ко мнѣ при письмѣ вашего сіятельства секретныя бумаги, коихъ содержаніе будетъ служить достаточнымъ руководствомъ для снаряженія войскъ къ выступленію.

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и проч.

№ 4.
16-го Февраля, 1837 года.
С.-Петербургъ.

Копія съ записки о предполагаемомъ движеніи 5-го пѣхотнаго корпуса за границу.

Предполагаемое движеніе 5-го пѣхотнаго корпуса должно разсматриваться въ трояномъ видѣ:

1. Въ случаѣ, если бы Англичане заняли одни Дарданеллы, угрожая только Царюграду, и Султанъ остался вѣрнымъ союзу съ Россіею.

2. Въ случаѣ, если бы Турецкое правительство по слабости своей допустило Англичанъ къ овладѣнію Босфоромъ.

3. Въ случаѣ, если бы Турція вступила въ союзъ съ Англіею и соединенные флоты сихъ державъ вторгнулись въ Черное море.

I.

Въ первомъ, можно отправить немедленно, сколь можно болѣе войскъ моремъ для занятія Босфора, и 15-я пѣхотная дивизія, постоянно расположенная въ Крыму, прежде другихъ послѣдовала бы къ сему назначенію. Судя по переѣзду водою, сдѣланному въ прошедшемъ лѣтѣ 15-ю баталіонами 13-й пѣхотной дивизіи изъ Севастополя въ Одессу, въ два рейса, на семи военныхъ судахъ, въ числѣ коихъ было не болѣе четырехъ кораблей (а прочіе фрегаты) надобно полагать, что всѣ суда Черноморскаго флота въ состояніи будутъ принять 16 баталіоновъ и отвезти ихъ въ одинъ рейсъ. Во избѣжаніе тѣсноты, которая могла бы произойти на судахъ отъ артиллеріи и тяжестей, необходимыхъ для высаднаго войска, можно обратиться къ средству, употребленному въ 1833 году — зафрахтованію купеческихъ судовъ, коихъ бываетъ всегда достаточное количество въ портахъ Чернаго моря.

Какъ отъ перевезенія въ одинъ рейсъ значительнаго числа войскъ зависитъ успѣхъ всего дѣла, то предметъ сей, по важности своей, требуетъ особеннаго вниманія, и первоначальныя усилія должны быть обращены къ достиженію сего необходимаго условія, что̀ можно заблаговременно узнать по свѣдѣніямъ о числѣ и готовности военныхъ судовъ, также и о количествѣ купеческихъ, находящихся въ разныя времена года въ портахъ Чернаго моря, не пренебрегая и тѣми, которыя приходятъ или зимуютъ въ Ѳеодосіи, Керчѣ и Таганрогѣ.

Въ составъ сей экспедиціи должно непремѣнно поступить особое отдѣленіе судовъ съ подвижнымъ магазейномъ, которое бы находилось въ непосредственномъ завѣдываніи начальника сухопутнаго отряда, которое могло бы, въ случаѣ надобности, переходить при движеніи войскъ съ одного мѣста на другое и, по мѣрѣ опорожненія судовъ, употребляться для перевезенія продовольствія изъ Россіи: ибо хотя въ 1833 году и получалось продовольствіе отъ Турецкаго правительства, но въ вѣрности сего средства на будущее время, въ смутныхъ обстоятельствахъ, нѣтъ никакого поручительства.

Подвижной магазейнъ сей долженъ бы получить особенное образованіе и не отвлекаться болѣе ни на какія другія надобности, кромѣ отвезенія, при обратныхъ рейсахъ въ Россію, раненыхъ или больныхъ продолжительными болѣзнями; количество же судовъ, потребное на сей предметъ, опредѣлилось бы мѣрою трехмѣсячнаго продовольствія для 16-ти баталіоновъ.

При сей первой экспедиціи должно непремѣнно имѣть одинъ или два парохода, безъ коихъ никогда нельзя будетъ имѣть вѣрныхъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ непріятеля, ибо всякое извѣстіе, доставленное изъ Дарданеллъ съ парусным судномъ, можетъ придти вмѣстѣ съ внезапнымъ появленіемъ непріятельскихъ силъ.

Для помѣщенія заболѣвающихъ, желательно было бы имѣть особый корабль, для сего устроенный; но по затрудненіямъ, представляющимся къ сему, необходимо будетъ прибѣгнуть къ тѣмъ же средствамъ, которыя употреблялись въ 1833 году въ десантѣ, гдѣ больные помѣщены были сперва въ отведенныхъ домахъ, а послѣ того на Турецкомъ кораблѣ, къ сему приспособленномъ, но безъ средствъ къ движенію, и въ наметахъ, на берегу поставленныхъ.

Снабженіе сего отряда всѣми потребностями достаточно опредѣлено примѣромъ 1833 года, но изготовленіе его къ походу требуетъ заблаговременныхъ распоряженій, исключительно нужныхъ для 15-й пѣхотной дивизіи, предназначающейся для основанія всего дѣла; а потому надобно имѣть въ Севастополѣ въ готовности склады сухарей и нужныхъ для сего запасовъ по всѣмъ вѣдомствамъ, а въ Крыму усилить число войскъ, дабы безъ остановки занять оными караулы, нынѣ содержимые войсками 15-й пѣхотной дивизіи, безъ чего едва ли будетъ сія экспедиція при первомъ востребованіи въ состояніи отправиться съ желаемою быстротою. Въ числѣ пріуготовительныхъ мѣръ, полагалъ бы я также сдѣлать нѣсколько опытовъ посаженія войскъ на суда, нагрузки ихъ и выгрузки, отправивъ ихъ въ такомъ видѣ на короткое время въ море, черезъ что и всѣ чины сухопутныхъ войскъ примѣнились бы къ обязанностямъ для нихъ теперь совершенно новаго рода.

Отправленіе сухопутнаго отряда, имѣющаго состоять изъ 13-й и 15-й пѣхотныхъ и 5-й легкой кавалерійской дивизій, въ прошедшихъ годахъ, когда мы владѣли Силистріею, представляло болѣе удобствъ, чѣмъ нынѣ; но и тогда предвидѣлись большія затрудненія для слѣдованія за Дунай. Мнѣ неизвѣстно, въ какой степени можно было полагаться на сухопутныя транспортныя средства продовольствія, пріобрѣтаемыя въ Княжествахъ. Хотя и видно изъ составленнаго соображенія, что тогда надѣялись на содѣйствіе Турецкаго правительства, которое обязывалось распорядить поставку на этапы всѣхъ, отряду потребныхъ, припасовъ; но мнѣ съ достовѣрностію извѣстно, что и въ то время Турція не была въ состояніи сего сдѣлать; а потому къ сему движенію можно приступить только въ крайней необходимости, ибо недостатокъ продовольствія могъ бы остановить всякій успѣхъ и имѣть самыя дурныя послѣдствія для войскъ.

Сему средству усиленія нашихъ военныхъ способовъ въ Турціи, предпочитается отправленіе 13-й и 15-й дивизій тоже моремъ, направивъ симъ путемъ тяжести и даже самую кавалерію, ограничивъ число оной однимъ полкомъ, а лошадей на одинъ дивизіонъ, и замѣнивъ недостатокъ сего оружія турецкою кавалеріею, на образованіе и приготовленіе коей должно обратить вниманіе. Сколь ни затруднительно было бы сіе средство, но оно будетъ несравненно вѣрнѣе сухопутнаго движенія и потребуетъ менѣе издержекъ. Впрочемъ, казачьи полки, коихъ потребности умѣреннѣе регулярныхъ, могли бы слѣдовать сухимъ путемъ.

Войска, высаженныя такимъ образомъ на Босфоръ, двигались бы сухимъ путемъ около береговъ, а потому, и имѣя тяжести на судахъ, могли бы обойтись безъ значительной части обозовъ. На обязанности же главнаго начальника лежало бы: озаботиться снабженіемъ ихъ необходимыми средствами къ движенію на небольшое разстояніе внутрь земли, нарядомъ, покупкою или наймомъ обывательскихъ подводъ.

Дальнѣйшія дѣйствія сихъ войскъ, по мѣрѣ прибытія ихъ, или въ совокупности, опредѣлились бы распоряженіями соотвѣтственно обстоятельствамъ, которыя могли бы представиться, и надобностямъ.

II.

Въ случаѣ, если бы Турецкое правительство, по слабости своей, допустило Англичанъ къ овладѣнію Босфоромъ, трудно было бы вторгнуться въ него, и войска должны бы выйти на берегъ сколь можно ближе къ верховьямъ пролива, дабы оттуда атаковать укрѣпленія съ тыла. Въ такомъ случаѣ, избраніе мѣста для высадки зависитъ отъ взаимныхъ соображеній сухопутнаго и морскаго начальствъ, и первое дѣйствіе неизбѣжно должно совершиться одною дивизіею. 16-ти баталіоновъ на сей предметъ достаточно, но и въ семъ случаѣ не признается удобнымъ отправлять прочія войска сухимъ путемъ, а предполагается выгоднѣе, по занятіи береговыхъ укрѣпленій пролива, судамъ отправиться обратно за остальными войсками. По исполненіи перваго дѣйствія — овладѣнія берегами пролива — случай сей уподобляется вышеизложенному.

III.

Въ случаѣ, если бы Турція вступила въ союзъ съ Англіею и соединенные флоты сихъ державъ вторгнулись въ Черное море, обстоятельства совершенно перемѣняются. Первыя дѣйствія должны происходить на морѣ и зависятъ единственно отъ соображеній морскаго начальства; но война при сѣверныхъ берегахъ моря можетъ на нѣкоторое время принять видъ оборонительный, и для того нужно сдѣлать заблаговременныя распоряженія къ общей оборонѣ береговъ по всему протяженію отъ Редутъ-Кале до устья Дуная, возведя въ иныхъ мѣстахъ укрѣпленія, занявъ другія постоянно войсками и назначивъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ береговъ, при соединеніи дорогъ, сборные пункты для главныхъ силъ, дабы онѣ могли, въ случаѣ надобности, съ быстротою двинуться къ угрожаемому мѣсту. Начальники сихъ войскъ должны быть заблаговременно снабжены подробными наставленіями, не стѣсняющими однакожъ тѣхъ распоряженій, въ коихъ могла бы предстать неожиданная надобность.

Въ такомъ случаѣ, движеніе значительнаго числа войскъ сухимъ путемъ чрезъ Болгарію было бы необходимо; соображенія сего общаго движенія не принадлежатъ къ нынѣшнему

краткому обозрѣнію, касающемуся одного корпуса. Оборонительный образъ береговой войны могъ бы измѣниться только побѣдою, одержанною флотомъ, или успѣхами съ сухаго пути.

Общія мѣры.

Такъ какъ въ первыхъ двухъ случаяхъ сего предположенія, движеніе сухопутнаго отряда къ Царюграду или Дарданелламъ, не признается полезнымъ, то ежегодное отправленіе 13-й пѣхотной дивизіи въ Севастополь не стѣсняетъ нисколько предначертанныхъ дѣйствій и, напротивъ того, способствуетъ къ скорѣйшему исполненію ихъ, ибо въ лѣтнее время 13-я пѣхотная дивизія можетъ безотлагательно занять въ Крыму мѣста 15-й, при отправленіи ея въ десантъ, и до посаженія второй экспедиціи на суда можно всегда присоединить къ ней ту часть тяжестей, которая остается на зимнихъ квартирахъ въ Подольской губерніи.

Во всякомъ же случаѣ признается необходимымъ предупредить войска 15-й пѣхотной дивизіи о могущемъ встрѣтиться внезапномъ движеніи, дабы частные начальники успѣли заблаговременно распорядиться во многихъ предметахъ, необходимыхъ для сбереженія войскъ за границею.

Наконецъ, къ числу приготовительныхъ мѣръ, признаваемыхъ нужными для сей экспедиціи, можно еще отнести постоянное содержаніе одного парохода въ Архипелагѣ для наблюденія за дѣйствіями непріятельскихъ силъ: ибо мнѣ довольно извѣстно, что въ Царѣградѣ не имѣется своевременныхъ свѣдѣній о происходящемъ въ Архипелагѣ; извѣстія, доставляемыя такимъ образомъ парусными судами изъ Дарданеллъ, всегда придутъ слишкомъ поздно и вмѣстѣ съ ними можно ожидать появленія непріятельскаго флота къ Царюграду, тѣмъ болѣе, что Турецкое правительство, по слабости своей и нерѣшительности, всегда пропуститъ время предупредить насъ о происходящемъ въ Дарданеллахъ.

КОНЕЦЪ ПРИЛОЖЕНІЙ.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Собственныхъ Именъ

КЪ КНИГѢ «РУССКІЕ НА БОСФОРѢ» (ЗАПИСКИ ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА Н. Н. МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО).

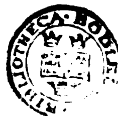
Содержаніе.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*строка*:	*напечатано*:	*читай*:
43	3 сверху	чтобы	что̀ бы
65	7 снизу	обнаружалось	обнаружилось,
105	6 —	все да	всегда
108	10 —	превралъ	прервалъ
120	3 —	п овинившагося	провинившагося
124	15 сверху	былъ	было
160	17 снизу	ув жительными	уважительными
166	11, 12 сверху	прежде	прежде,
172	9 снизу	встрѣчаемомъ	встрѣченномъ
207	10 —	дѣйствіями	дѣйствія
211	7 —	отр довъ	отрядовъ,
217	2 —	Но	Не
227	1 сверху	15-ти султанскихъ	15-ти тысячъ султанскихъ
269	4 —	драгомона	драгомана
300	11 —	комъ	конимъ
315	1 —	полагали,	полагали
322	11 —	главпыя	главныя
456	4 снизу	внезапному	внезапному
460	5 и 6 сверху	подробностюі	подробностію

На стр. 441 и 447 говорится о производствѣ Н. Н. Муравьева въ генералъ-лейтенанты; слѣдуетъ читать: въ генералъ-адъютанты.

Duhamel - p 2.

Tsar's hostility to Mehemet Ali - 10-11. cf 04

[illegible] 26-7

Pera [illegible] - 27-8.

Franchini. 31.

Lazareff, 210 + 270

T[illegible] of [illegible] 230

Alliance with P[illegible] first mention 233.

[illegible], 224 - cf 391

Said Pasha 334.

Russian [illegible] 310 ff.

[illegible] 3[illegible]

Criticism of [illegible], ~~435~~ 423

Losses 443 + 574-5

Nicolas on Constantinople - 449.

